

★
БОЛЬШАЯ
СОВЕТСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ИСТОРИЯ
ДО
КАМЕИФОРМ

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. КУЙБЫШЕВА ✧ В. П. ЗАТОНСКОГО ✧
Ф. А. РОТШТЕЙНА ✧ Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА ✧ Л. Н.
КРИЦМАНА ✧ Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО ✧ П. И.
ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО ✧ Н. М. ЛУКИНА ✧
В. П. МИЛЮТИНА ✧ Н. ОСИНСКОГО ✧ А. Б. ХАЛА-
ТОВА ✧ О. Ю. ШМИДТА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. Ю. ШМИДТ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛ. РЕДАКТОРА

Г. И. КРУМИН, Ф. Н. ПЕТРОВ

ТОМ ТРИДЦАТЫЙ

ИСТОРИЯ—КАМБИФОРМ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
«СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Том сдан в производство 2 июля 1936 г.
Подписан к печати 15 февраля 1937 г.

Работа над картами закончена в июне 1936 г.

Набор, верстка, печать текста и брошировочно-переплетные работы выполнялись в 16-й типографии треста «Полиграфнига» под общим наблюдением директора 16-й тип. Дьячкова А. Н., технического директора Моргунова Н. В., зав. производством Татиева Д. П., сменных техноруков Давыдова А. А., Ельчанинова Ф. М. и Зудина В. П. Набор и верстка произведены под руководством Колобашкина И. Г. и Самойлова И. К. Верстали Виноградов П. А. и Горшков М. С. Печатью руководил Майоров С. Г. Брошировочно-переплетные работы выполнялись под общим наблюдением Баранова В. В., Вельева А. И. и Курчева Н. Н. коллективом брошировщиков под руководством Костюшина П. И. и Комарова И. М. Тиснением руководил Безикович А. А. Клише для тиснения на переплете гравировано Законовым Г. А. Клише выполнялись 1-й Образцовой типографией ГИЗ. Бумага бумажной фабрики Вишкимаа. Дерматин Кунцевской фабрики им. В. П. Ногина. Картон Миропольской фабрики и Балахнинского комбината.

Адрес Института: Москва, Орликов пер., 3, Дом книги.

16-я типография треста «Полиграфнига», Москва, Трехпрудный пер., 9.
Уполномоченный Главлита Б 33931. ГИЗ 5. Э-70 г. Тираж 51 000.
Заказ № 936. Бумага 72×110₁₆. 15⁹/₁₆ бум. л., 25 печ. л. текста×
99.500 знаков=61,4 авт. л.; 6¹/₈ л. вклеек = 6,6 авт. л. Всего в
томе 68 у. а. л.

СПИСОК СОТРУДНИКОВ РЕДАКЦИИ Б. С. Э.

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ И ПОДОТДЕЛОВ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

	Редактор—акад. Н. П. Горбунов
	Соредактор— Р. Я. Штейнман
Математика	{ проф. А. Н. Колмогоров проф. Э. Кольман
Физика	{ акад. С. И. Вавилов акад. А. Ф. Иоффе
Химия	{ акад. А. Н. Бах И. П. Роцен
Геология	{ проф. Г. Ф. Мирчинк проф. Н. М. Федоровский акад. Б. А. Келлер
Ботаника	{ проф. М. И. Голенкин проф. П. И. Валескали
Биология	{ акад. С. А. Зернов акад. А. А. Борисяк
Научные Редакторы	{ Г. Ф. Рыбкин (математика) Н. А. Добротин (физика) К. С. Никонов (химия) Н. М. Страхов (геология) Н. А. Комарницкий (ботаника) И. Н. Хибарин (биология)

МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Редактор—**Г. Н. Каминский**
Зам. Редактора—**А. А. Земец**
Научный Редактор—**Б. М. Миловидов**

ТЕХНИКА

Редакторы	{ акад. Г. М. Кржижановский проф. М. Я. Лапиров-Скобло
	Зам. Редактора— Л. И. Горюнов
	Научный Редактор— И. И. Воронков
Металлургия	—акад. М. А. Павлов
Горное дело	—акад. И. М. Губкин
Электротехника	—акад. А. А. Чернышев
Радиотехника	—проф. М. А. Бонч-Бруевич

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Редакторы	{ Г. И. Крумин Е. Л. Хмельницкая
	Зам. Редактора— Н. Н. Сазонов
Научные Редакторы	{ С. Д. Заводник В. А. Булыгина

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Редактор—**А. И. Гайстер**
Зам. Редактора—**Д. Т. Шенилов**
Научный Редактор—**В. П. Балиев**

ГЕОГРАФИЯ

	Редактор— Н. Н. Баранский
	Зам. Редактора— П. Г. Журид
Физическая география	—проф. Б. Ф. Добрынин
Научные Редакторы	{ М. А. Первухин (физическая география), Э. М. Давидов и С. Т. Попова (география СССР), В. И. Позин (география капиталистических стран)

ИСТОРИЯ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

	Редактор—акад. Н. М. Лукин
Соредакторы	{ акад. В. П. Волгин Ф. А. Ротштейн
Средние века	— Е. А. Косминский
Научные Редакторы	{ Н. А. Кун (древняя история), М. О. Косвен (этнография и археология), Б. Ф. Поршнев (Средние века), В. Г. Вебер и М. Б. Гольденберг (новая и новейшая история)

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СССР

Редактор—**П. О. Горин**
Зам. Редактора—**И. А. Меницкий**
Научный Редактор—**О. Н. Чадаева**

ИСТОРИЯ ВКП(б)

	Зам. Редактора— И. В. Крылов
Научные Редакторы	{ А. Ф. Алексеева В. И. Яковлева

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Редактор—**А. Лозовский**
Научный Редактор—**М. Б. Войткевич**

ПРАВО

Редакторы	{ А. И. Денисов Н. И. Челябинов
-----------	--

ФИЛОСОФИЯ

	Редактор—акад. В. В. Адоратский
	Соредактор— Б. Ю. Сливвер
Научные Редакторы	{ В. К. Серезников В. А. Фомина

ПСИХОЛОГИЯ

Редактор—проф. **В. Н. Колбановский**
Научный Редактор—**К. К. Ансон**

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЙ ОТДЕЛ

Редактор—**Ем. Ярославский**

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

Редактор—**П. И. Лебедев-Полянский**
Соредактор—**И. М. Беспалов**

Соредактор по искусству—**И. Л. Маца**
Иностранная литература—**Ф. П. Шиллер**
Лит. народов СССР—**П. И. Лебедев-Полянский**
ИЗО—**В. Н. Лазарев**
Музыка—**Н. И. Челябинов**
Языковедение—**Р. О. Шор**

Научные
Редакторы

{ **Д. Я. Гершензон**, **Л. Ф. Денисова**, **Д. А. Старцева** (инолит.), **В. А. Гебель** (литература народов СССР), **М. Л. Ауэр-Унковская** (музыка), **Н. С. Чемоданов** (языковедение)

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Редактор—**Б. М. Волин**
Соредакторы { **А. П. Пипкевич**
В. П. Затонский

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Редакторы { **Маршал Советского Союза**
К. Е. Ворошилов
Маршал Советского Союза
М. Н. Тухачевский

Зам. Редактора—**С. Р. Будкевич**

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ

Ученый секретарь Главной Редакции—**А. В. Щеглов**. Научные Редакторы: **С. А. Гольденберг**, **Я. Д. Прейман**, **А. И. Стрикис**, **М. Ф. Якобсон**, **Р. В. Райхман**, **И. Г. Викторов**. Редактор-консультант—**Н. М. Лукина-Бухарина**. Консультант по иллюстрациям—**Н. С. Изнар**. Заведующая Картографическим сектором—**И. В. Кочмержевская**. Заведующая Литературно-Технической редакцией—**Е. В. Литвин-Молотова**.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Заведующий Производственным отделом—**В. А. Маркус**. Заведующая Технической редакцией при типографии—**Э. М. Кранц**. Технический редактор—**И. М. Хазак**. Заведующая корректорской—**Е. М. Красовская**.

Контролер № 10

СПИСОК КРУПНЫХ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В XXX ТОМЕ

	Столб.		Столб.
История и историография	13— 88	Казахская советская социалисти-	
«История гражданской войны в СССР»	88— 90	ческая республика	561—599
«История фабрик и заводов»	90— 91	Казахская литература	599—601
Источники света	92— 95	Казахская музыка	601—602
Источниковедение	96—102	Казахское искусство—Б. Веймарн .	604—605
Италия	112—277	Казачество	605—645
Итальянская литература—С. Мо-		Каир	656—659
кульский	277—297	Кайнозойская эра—Е. Миланов-	
Итальянская музыка—А. Альш-		ский и Л. Кречетович	662—666
ванг	297—303	Какао—Н. Комарницкий, Ф. Це-	
Итальянский театр—А. Дживелегов	303—306	ревитин	670—672
Итальянский язык—М. Сергиев-		Калединщина—Е. Герман	685—688
ский	306—309	Календарь—Н. Идельсон	691—693
Итальянское искусство—В. Лазар-		Калибры—И. Городецкий	694—698
ев, Б. Терновец	309—360	Калий—А. Белопольский, А. Благо-	
Ихтиология—В. Солдатов	369—372	говещенский, Д. Дружинин,	
Июльские дни 1917—О. Чаадаева	379—385	Г. Конради, В. Николаев	699—703
Июньская демонстрация 1917	385—388	Калийное производство—А. Бело-	
Июньское восстание 1848	388—391	польский, Л. Берлинраут, В. Ци-	
Кабанис Ж. П. Ж.—Б. Чернышев	399—401	фринович	703—709
Кабардино-Балкарская автономная		Калийный международный кар-	
советская социалистическая рес-		тель—Л. Берлинраут	711—713
публика—Г. Мержанов и Ред.,		Калинин М. И.—В. Мягкий	716—725
М. Б., Л. Добрускин	401—418	Калининская область—А. Вер-	
Кабардино-Балкарская литература	418—419	шинский, И. Дьяконов, Л. Нев-	
Кабардинский язык—А. Генко	419—420	ский, М. Савинова, А. Соколов,	
Кабе Э.—Н. Мещеряков	421—424	Л. Цельмс	726—736
Кабели—С. Брагин	424—428	Калифорния—Н. Баранский, Н. Кон-	
Кабели связи—С. Брагин и Ф. Бо-		стантинов	738—742
гомолов	428—430	Калмыцкая автономная советская	
Кабельная телеграфия	431—434	социалистическая республика—	
Кавказ—Б. Добрынин, А. Гераси-		И. Иванов, И. Кудрявцев и Э. Да-	
мов, Н. Страхов, Н. Буш	451—481	выдов, М. Зевакин	748—761
Кавказские войны	483—505	Калмыцкая литература	761—762
Кавказские минеральные воды—		Калмыцкий язык	763
Л. Гольдфайль	506—508	Кальвинизм—Л. Брандт	772—777
Кавур К.—С. Сказкин	511—512	Кальдерон—В. Узин	777—778
Каганович Л. М.	514—518	Калькутта	780—782
Кадры—А. Шеглов	528—539	Кальций—А. Раковский, Г. Кон-	
Казанское ханство—С. Бахрушин	545—550	ради и В. Николаев, А. Благо-	
Казань—И. Победоносцев и		говещенский, В. Зильберминц и	
П. Дульский, М. Фирсов и А. Та-		А. Буш	786—790
расов	551—557	Кама—В. Семенов-Тян-Шанский,	
		Я. Евстигнеев	791—795

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В XXX ТОМЕ

	Столб.		Столб.
КАРТЫ			
Италия. Физическая карта (цветная)	111—112	1. Завод «Фиат» в Генуе. 2. Дорога для испытания автомобилей на крыше завода «Фиат»	131—132
1. Изотермы июля. 2. Изотермы января. 3. Растительные зоны. 4. Плотность населения Италии (на обороте физической карты) . . .	111—112	Итальянское искусство 1. Перенесение тела св. Марка. Мозаика. 2. А. Лоренцетти. Группа граждан из аллегории «Доброе правление»	319—320
Обзорная эконом. карта (цветная)	127—128	1. Мазаччо. Апостол Петр раздает милостыню бедным. 2. Андреа дель Кастаньо. Портрет Фарината дельи Уберти	319—320
1. Распространение главных плодовых культур. 2. Орошаемые земли по провинциям. 3. Сбор винограда. 4. Продукция оливкового масла. 5. Северная Италия. Размещение основных отраслей пром-сти и электрификация (на обороте экономической карты)	127—128	1. Фра Филиппо Липпи. Мадонна. 2. Доменико Венециано. Женский портрет	319—320
Лангобардо-Византийская эпоха (603 г.) (черная карта)	145—146	1. Мантенья. Деталь росписи потолка. 2. Гирландайо. Рождение Иоанна Крестителя	319—320
Италия во 2-й половине 10 в. (черная карта)	151—152	Рафаэль. Мадонна среди зелени .	335—336
Италия 1300 г. (цветная карта) .	159—160	Леонардо да Винчи. Мона Лиза Джоконда	335—336
Италия 1454 г. и 1748 г. (черная карта)	167—168	Микеланджело. Сотворение Адама	339—340
Италия 1815—1924 гг. (цветная карта)	191—192	1. Тициан. Кающаяся Магдалина. 2. Себастьяно дель Тиомбо. Св. Христофор со святыми	343—344
Итальянский язык (черная карта) .	307	1. Аннибале Карраччи. Деталь росписи потолка во дворце Фарнези. 2. Тинторетто. Чудо св. Марка .	343—344
Кабардино-Балкарская АССР (черная карта)	405—406	1. Микеланджело да Караваджо. Христос в Эммаусе. 2. Бонци. Кушающий бобы крестьянин	343—344
Кавказ. Физическая карта (цветная)	451—452	1. Креспи Д. М. Портрет семьи художника. 2. Гисланди. Мужской портрет	343—344
1. Политико-административное деление. 2. Полезные ископаемые (на обороте физической карты)	451—452	Тьеполо. Пегас и Слава	347—348
Геологическая карта (цветная)	463—464	1. Синьорини Телемако. Ткачихи. 2. Казорати. Портрет	351—352
Геоботаническая карта (цветная)	475—476	Кавказ. Эльбрус со стороны Терского ледника	455—456
1. Карта распределения средних годовых сумм атмосферных осадков. 2. Карта средних температур января. 3. Карта средних температур июля (на обороте геоботанич. карты)	475—476	1. Панорама Главного Кавказского хребта. 2. Ужба. 3. Казбек . .	455—456
Завоевание Кавказа 1722—1864 гг. (цветная карта)	487—488	1. Тебердинское горное озеро. 2. Вид по Военно-Грузинской дороге. 3. Клухорский водопад . .	455—456
Казанское ханство (цветная карта)	547—548	1. Домбайская поляна. Вид на Алибек. 2. Кубань. 3. Пейзаж в Мингрелии. 4. Цагвери. Ущелье р. Цханис-Цхали	459—460
Казахская ССР. Экономическая карта (цветная)	571—572	1. Озеро Севан. 2. Боржоми . . .	459—460
1. Карта физ.-геогр. районов Казахской ССР. 2. Количество осадков и изотермы января. 3. Количество осадков и изотермы июля (на обороте эконом. карты) . . .	571—572	1. Новый Афон. Оливковая роща. 2. Сухуми. Бамбуковая роща. 3. Сухуми. Всесоюзный институт растениеводства	471—472
Каир. План города Каира (черная карта)	657—658	Казахское искусство. 1. Хлудов. Кочевье богатого бая. 2. Кошма	603—604
Калининская область. Экономическая карта (цветная)	731—732	Кактусы	675—676
Калифорния (черная карта)	739—740	Калло. Охота	743—744
Калмыцкая АССР (черная карта) . . .	749—750		
Калькутта (черная карта)	780		
ТАБЛИЦЫ			
Италия. 1. Озеро Комо. Менаджио. 2. Оз. Гарда. Рива и гора Бальдо	115—116	ПОРТРЕТЫ	
1. Вершина массива Гран-Сассо в Центр. Апеннингах. 2. Вулканич. островок Низида близ Неаполя . .	119—120	Кабаков И. Д.	396
1. Юж. берег Соррентского п-ова Амальфи. 2. Везувий и Неаполь	119—120	Кабе Э.	422
1. Электростанция в Альпах. 2. Сталелитейный завод концерна Ансальдо в Генуе	131—132	Каблуков И. А.	438
		Кавальеро Ларго Ф.	446
		Каганович Л. М.	515—516
		Каганович М. М.	518
		Калинин М. И.	719—720
		Калмыков Б. Э.	747
		Кальдерон П.	777
		Каманин Н. П.	796

И

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ. Содержание

и и е:

I. История как наука	13
II. Историография в античном мире	29
III. Историография в Средние века	38
IV. Историческая наука в новое время	48

I. История как наука.

История (от греч. *historia*—рассказ)—наука, исследующая конкретный ход общественного развития на основе изучения последовательной смены общественно-экономич. формаций, развития материального производства и (в классовом обществе) классовой борьбы. От исторического материализма история как наука отличается тем, что истмат изучает общие закономерности общественного процесса, законы развития и смены общественно-экономических формаций, отвлекаясь от несущественных явлений, затемняющих эти общие тенденции и закономерности; история же изучает общественный процесс во всей его конкретности, обращая особенное внимание на специфику, на отличительные черты его проявления в каждой отдельной изучаемой стране и эпохе. Но исторический материализм и история не могут быть оторваны друг от друга: истмат исходит из всей совокупности конкретного материала человеческой истории, на основе которого он и вскрывает общие законы общественного развития; историческая же наука—в марксистско-ленинском понимании ее—ставит своей задачей при изучении конкретного хода исторического процесса открыть в его индивидуальных особенностях, обусловленных определенной социально-исторической обстановкой, проявление общих законов движения человеческого общества и особенных закономерностей данной общественно-экономической формации. Являясь наукой об основных законах исторического развития общества, истмат является, вместе с тем, методом для истории и остальных общественных наук.

История, изучающая объективные закономерности и объективный ход общественного развития, основанный в классовых формациях на классовой борьбе, является объективной наукой и в то же время классовой, партийной, политической наукой, представляет собою одно из важнейших теоретических орудий в руках своего класса. Партийность исторической науки рабочего класса не только не может быть противопоставлена ее объективности (что, в частности, делали М. Н. Покровский и его «школа»), но, наоборот, является необходимым условием научной объективности; истории. Цели и за-

дачи пролетариата полностью совпадают с тенденциями исторического развития, и пролетариат проводит в своем историческом исследовании наиболее точное и глубокое отображение как современного состояния общества, так и его исторического прошлого, правильно освещая опыт предшествующей борьбы трудящихся за свое освобождение и намечая на его основе пути своей дальнейшей борьбы. Буржуазная историческая наука в тот период, когда буржуазия еще была прогрессивным классом, была способна в той или иной мере отражать объективную историю человечества, хотя вследствие своей классовой ограниченности далеко не так глубоко и последовательно, как пролетариат. В настоящее же время буржуазная партийность означает стремление буржуазных идеологов извратить объективную действительность, отразить в кривом зеркале прошлое и настоящее человеческой истории.

Материалистическое понимание истории. Марксизм-ленинизм рассматривает «весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. . . . в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии» (Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 23—24). В широком смысле слова история—это наука, изучающая объективную историю не только человека, но и природы. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Рассматривая историю с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; поскольку существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» (там же, том IV, стр. 8, см. подстрочн. примеч.). Но отмечая единство и связь между законами развития природы и общества, Маркс и Энгельс подчеркивают и глубокое различие между ними, специфику общественной истории, заключающуюся в том, что люди сами делают свою историю. «Именно люди делают историю. Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в тот момент, когда это поколение народилось» (Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, М., 1933, стр. 4). При этом материальная производственная деятельность людей, лежащая в основе общественной истории, но-

сит закономерный характер, имеет свою внутреннюю логику, независимо от того, творят ли люди свою историю сознательно, планомерно (как при социализме) или же являются рабами слепой стихийной необходимости (как во всей предшествующей истории).

«История развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы. Именно: в природе... действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются лишь путем взаимодействия таких сил... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые умыслом или страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без осознанного намерения, без желанной цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования...—оно нимало не изменяет того факта, что ход истории определяется внутренними общими законами... кажется, что в общем случайность одинаково господствует и в исторической области. Но где на поверхности господствует случайность, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело в том, чтобы открыть эти законы» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 667). Таким образом, марксизм-ленинизм признает господство в обществе, как и в природе, объективной закономерности и исторической необходимости. Маркс называл общественно-экономические формации «социальными организмами», Ленин характеризовал историю общества как «естественно-исторический» процесс. Основоположники марксизма-ленинизма всегда боролись против исторического идеализма, проводившего абсолютную грань между законами природы и общества, отрицавшего существование объективных законов общественного развития и сводившего всю человеческую историю к слепой игре стремлений и случайностей или же к осуществлению некоей свыше поставленной цели. Но в то же время они решительно выступали против механистических эволюционистских теорий, отождествлявших законы природы и общества, отрицавших значение субъективного фактора в И. и стиравших качественное различие между отдельными формациями, изображая закономерности капитализма как «вечные», «естественные» и господствующие на всех этапах общественной истории.—Задачей исторической науки и является научное исследование конкретной истории человеческого общества как «единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 13).

Историческая наука сложилась еще в 6 в. до хр. эры в Греции, в условиях рабовладельческого общества, но стала на подлинно научную основу лишь со времени открытия Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории. «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот скрытый до последнего времени под идеологическими наслоениями простой факт, что люди раньше всего другого должны есть, пить, иметь жилище и одеваться,—прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и вместе с тем каждая данная ступень экономического развития на-

рода или эпохи образует основу, из которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой поэтому они должны быть объясняемы,—а не наоборот, как это делалось до сих пор» ([Речь Энгельса на могиле Маркса], в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 652).

Историческая наука до Маркса в целом стояла на идеалистических позициях. Идеалистической точки зрения на историю придерживался и домарковский материализм. Энгельс указывает, что «в исторической области старый материализм изменял себе, считая действующие там идеальные побудительные силы последними причинами событий, вместо того, чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 668). Если в Средние века основным источником исторических концепций являлась Библия, то в период буржуазных революций в 17 и 18 вв. основным историческим критерием было выдвинуто соответствие общественного строя требованиям «разума». Вся прежняя история человечества, феодальные общественные и государственные формы были признаны неразумными и подлежащими осуждению и уничтожению. Утверждавшееся буржуазное общество объявлялось подлинным царством разума, буржуазные общественные отношения—«естественными» и вечными. Главной движущей силой общественной истории признавались прогресс просвещения, разум, гениальная личность. Отсутствовал исторический подход к общественным явлениям. Внутренняя связь, единство и закономерность истории общества не были вскрыты предшествовавшей Марксу исторической наукой. Лишь у некоторых историков и философов этого периода имеют место элементы материализма (Гельвеций, Барнав, см.) и попытки раскрыть историческую закономерность (Вико, Кондорсе, в начале 19 в.—Сен-Симон, см.).

Первые концепции, пытающиеся понять историю человечества как закономерный процесс, были созданы на идеалистической основе в т. н. философии истории, получившей наивысшее развитие в немецком идеализме, особенно у Гегеля. Если домарковская историческая наука, как отметил Энгельс, придерживалась прагматического взгляда на историю и судила об исторических событиях сообразно побуждениям деятелей, то философия истории пыталась найти более глубокие причины, порождающие побуждения и стремления людей. По словам Энгельса, Гегель первый пытался открыть в истории человечества внутреннюю связь и закономерное развитие. Ленин указывает, что в отдельных местах Гегель даже приближается к историческому материализму, отмечая роль орудий труда в истории общества (см. подробнее гл. — Историография в новое время). Но Гегель и другие представители философии истории [Гердер, Шеллинг (см.) и др.], благодаря своему идеализму, не могли дать научного объяснения истории. Вся история человечества превращалась у них в процесс развития сознания. У них «место действительной связи явления, обнаруживаемой самими явлениями, занимала связь, измышленная философами... на историю... смотрели как на постепенное осуществление идей, разумеется, любимых идей каждого данного философа» (Энгельс, там же,

стр. 666). Подобно натурфилософии философия истории «заменяла еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеальной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении» (Энгельс, там же). Поэтому Ленин, отмечая заслуги Гегеля в разработке идеи развития, указывал, что «в общем, философия истории дает очень и очень мало» (Ленин, Философские тетради, М., 1936, стр. 251).

До материалистического понимания истории не смог подняться и Фейербах (см.), оставшийся материалистом «внизу» (т. е. в учении о природе) и идеалистом «вверху» (т. е. в учении об обществе). Таким образом, домарксистская историческая мысль в силу буржуазной классовой ограниченности своих представителей, с одной стороны, и недостаточно высокого уровня развития науки в целом, — с другой, не могла подняться до подлинно научного объяснения человеческой истории. Лишь благодаря открытию Марксом и Энгельсом материалистического понимания истории «хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 350).

Создание материалистического понимания истории было подготовлено как общим развитием науки, особенно победой в первой половине 19 в. исторического взгляда на мир в философии и естествознании, так и — главное — новой социально-экономической обстановкой — развитием капитализма и обострением классовой борьбы пролетариата. Еще французские историки времен Реставрации (*Тьерри, Гизо, Мишле, Тьер*, см.) вынуждены были признать классовую борьбу между буржуазией и феодализмом ключом к пониманию истории Англии и Франции. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге», что в 30-х и 40-х гг. 19 в. произошли события, обусловившие решительный поворот в понимании истории, — лионские восстания рабочих, чартистское движение и т. п. «Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала занимать первое место в истории более развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — новоприобретенное политическое господство буржуазии... Но старое, идеалистическое, еще не отвергнутое воззрение на историю не знало никакой классовой борьбы, основанной на материальных интересах, как вообще оно не признавало этих интересов. Производство, как и все экономические отношения, являлось в нем, между прочим, в качестве второстепенного элемента „истории культуры“. Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что в ся она, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся общественные классы являются в каждый данный момент результатом отношений в производстве и на транспорте, — словом, э к о н о м и ч е с к и х отношений своего времени. Экономический строй общества каждой данной эпохи представляет собою ту реальную почву, свойствами которой объясняется в последнем счете

вся надстройка, образуемая совокупностью правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и прочих воззрений каждого данного исторического периода. Гегель освободил от метафизики понимание истории: он сделал его диалектическим, — но его собственный взгляд на нее был идеалистичен по существу. Теперь идеализм был изгнан из его последнего убежища, из области истории, теперь понимание истории стало материалистическим, теперь найден был путь для объяснения человеческого самосознания условиями человеческого существования вместо прежнего объяснения этих условий человеческим самосознанием» (Энгельс, Анти-Дюринг, в книге: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 25 и 26).

Выясняя значение переворота во взглядах на историю, произведенного Марксом, Энгельс указывает, что социализм стал из утопии — наукой, благодаря двум великим открытиям Маркса — «материалистическому пониманию истории и разоблачению тайны капиталистического производства посредством понятия о прибавочной стоимости». Эти открытия являются, по словам Энгельса, не случайным открытием «гениального ума, а неизбежным следствием борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии» (там же).

Материалистическое понимание истории неоднократно извращалось буржуазными и ревизионистскими социологами, которые пытались подменить его т. н. экономическим материализмом и приписывать марксизму отрицание роли личности в истории, активности надстроек, политической борьбы и т. п. Такое же толкование марксизма лежало в основе исторических работ М. Н. Покровского и его «школь». Решительное опровержение подобных взглядов на материалистическое понимание истории было дано еще Энгельсом. В письме к И. Блоху в 1890 Энгельс писал: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в к о н е ч н о м с ч е т е является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является е д и н с т в е н н ы м определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно ф о р м у ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы и т. д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором в конце-концов экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей» (Маркс и Энгельс, Письма, перевод, редакция и примечания Адоратского, М. — Л., 1932, стр. 374—375). Ленин, решительно борющийся с субъективной народнической социологией, считавшей «критически мыслящие личности» главной движущей силой исторического процесса, в то же вре-

мя дал уничтожающую критику теориям стихийности и самотека и экономическому фатализму, проповедывавшимся экономистами и меньшевиками. Он подчеркивал, что «марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюций с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 32).

Проблема исторической закономерности. В восходящий период развития буржуазии буржуазная историческая наука, несмотря на все свои органические пороки и классовую ограниченность, все же стремилась к более или менее правильному отображению объективного исторического процесса, накопила огромный фактический материал и содействовала значительно более глубокому познанию общественного развития, чем предшествовавшая ей историография Средних веков. Но с момента выступления на историческую арену пролетариата все развитие буржуазной исторической науки в основе своей направляется против марксизма, против материалистического понимания истории. Конкретное историческое исследование и дальнейшее накопление фактического материала (не обобщенного, однако, на основе подлинно научных социологических теорий) еще продолжается; в иных отраслях буржуазные историки дают очень ценные конкретные исследования (см. гл.—Историография в новое время). Широко разрастаются подсобные исторические науки—*археология*, архивоведение, *источниковедение*, *дипломатика*, *нумизматика*, *эпиграфика* (см.) и пр. Совершенствуется техника исторических исследований; в научный оборот вовлекаются новые виды исторических источников, систематически используются архивные и археологические материалы. Количество исторической литературы вырастает до такой степени, что возникает целая наука—историография, изучающая развитие исторической науки, ее направления, школы и литературу.—Но в целом историческая наука буржуазии вступает в период упадка и загнивания. В ней прочно укореняются исторический идеализм и телеология. Современная буржуазная наука всячески пытается замаскировать классовую борьбу и решительно отрицает ее значение как движущей силы исторического развития. Громадный конкретный материал, собранный к этому времени, требовал своей методологической разработки, и вопросы методологии истории (проблема закономерности и причинности, роль личности в истории и т. п.) становятся в центре внимания историков. Одной из главных причин столь усиленного внимания к методологическим вопросам являлась также борьба буржуазных историков против методологии марксизма—против исторического материализма.—Глубочайший кризис буржуазной исторической науки начинал со второй половины 19 в. находит свое наиболее яркое выражение в неспособности ее решить ни одной из этих проблем, в конечном счете—в сознательном отказе от возможности познания объективной закономерности общественного развития и в сведении истории до уровня только описательной науки, характер-

ных для большей части направлений в буржуазной исторической науке. Этот кризис, являющийся отражением общего кризиса и загнивания капитализма, сказывается все сильнее и достигает особой остроты в эпоху империализма в конце 19 и особенно в 20 веке. Для фашистской историографии характерны: полный отказ от научного исследования, отрицание объективности истории, проповедь грубой силы и шовинизма, мистицизма и мракобесия (см. *Фашизм*).

Одним из основных методологических вопросов, на к-ром сосредоточена деятельность почти всех б. или м. известных современных историков и к-рый они оказываются бессильными разрешить, является вопрос о повторяемости исторических явлений, о соотношении общего, особенного и единичного в человеческой истории. Этот вопрос является, по существу, ключом к пониманию общей закономерности исторического процесса. Одной из специфических особенностей общественной истории является то, что индивидуальное своеобразие исторических явлений в обществе выражено несравненно сильнее, чем в природе. В обществе нет такой правильной и строгой повторяемости явлений, как в природе. Ленин подчеркнул и одобрил слова Гегеля: «Каждой эпохе свойственны столь своеобразные обстоятельства, она представляет собой столь индивидуальное состояние, что только исходя из него самого, основываясь на нем, должно и единственно возможно судить о ней!». «История учит, „что народы и правительства народа ничему не учились из истории: каждое время для этого с л и ш к о м и н д и в и д у а л ь н о“» (Ленин, Философские тетради, М., 1936, стр. 245). Все исторические процессы протекают в различной конкретной обстановке, и их своеобразие обычно настолько велико, что создается внешнее впечатление об отсутствии в обществе вообще какой-либо повторяемости и закономерности.

На точке зрения отрицания исторической закономерности стоит большинство современных буржуазных историков. Особенно ярко эта линия выражена у неокантианцев [Виндельбанд, Риккерт (см.) и др.]. Они резко разграничивают науки о природе и науки об обществе. Задача естествознания—найти общие признаки и законы. Идеалом естествознания, по мнению неокантианцев, является механическое понимание природы, сводящее все законы ее к механике. «Естествознание антиисторично, история—беззаконна» (Р и к к е р т). Один из фашистских «теоретиков» О. Шпан заявляет в своей «Философии общества» (1928): «Где закончено, повторяющееся, природное господствует—там нет истории. Падение, согласно закону тяготения, не имеет истории. Из этого следует, что естественно-научное историческое познание внутренне противоречиво и немислимо». История же, по мнению риккертанцев, имеет своим предметом не общее, а только индивидуальное и единичное, так как история делается людьми, обладающими свободной волей. Задача истории—описывать индивидуальные явления в их неповторяющемся своеобразии. Поэтому никаких общих законов общественного развития установить нельзя. Общественное развитие определяется теми целями, к-рые люди ставят перед собой.

Для неокантианства характерен разрыв между каузальностью (причинностью) и телеологией. В природе господствует механическая

причинность, в истории—телеология. С точки зрения неокантианцев одним из основных пороков марксизма является то, что он, якобы, сводит всю историю к каузальности, к-рую выводит, будто бы, исключительно из экономики, «из вульгарных интересов желудка» (Риккерт). По мнению неокантианцев, свобода и необходимость несовместимы. Детерминизм, проповедуемый марксизмом, не оставляет, по их словам, места для активной борьбы за осуществление намеченной цели, приводя тем самым к фатализму. Некоторые из них (Штаммлер и др.) пытаются отыскать в марксизме противоречия между его теорией, к-рая, якобы, фаталистически признает неизбежность наступления социализма, и практикой, требующей борьбы за социализм. Отсюда неокантианцы делают вывод, что сознательная деятельность людей не поддается причинному объяснению. «Социальная история есть история целей» (Виндельбанд). Под целями, к к-рым стремятся люди, они понимают не те или иные конкретные цели, но тот идеал, по к-рому развивается человеческая история — категорический императив *Канта* (см.).

Неокантианцы из 2-го Интернационала (Бернштейн, Форлендер, М. Адлер и др.) в своем учении об этическом социализме рассматривают социализм как такую идеальную цель, как воплощение категорического императива в виде кантовского идеального правового государства (т. е. либеральной буржуазной республики, с которой они фактически отождествляют социализм). Таким образом, неокантианцы отрицают, что победа социализма подготавливается объективными законами общественного развития. Стремясь к недостижимому социалистическому идеалу, пролетариат в своей борьбе, однако, добивается практических «пяточковых» достижений. На этом основывалась пресловутая формула Бернштейна: «конечная цель—ничто, движение—все». У других неокантианцев (М. Адлер и пр.) телеология приобретает явно мистический характер, сочетаясь с открытым признанием бога.

Из бесчисленного количества событий истории, по мнению риккертянцев, должен отобрать наиболее важные, с точки зрения своей «культурной ценности», факты, по к-рым оцениваются и остальные события. Тем самым обосновывается полный произвол буржуазных историков в «критической обработке» и фальсификации исторического процесса, и история из науки, изучающей объективное развитие общества, превращается в субъективную конструкцию, создаваемую историками-идеалистами. Взгляды Виндельбанда и Риккерта на историю, как на описательную науку, получили широкое распространение в реакционной буржуазной историографии; в период общего кризиса капитализма они широко использовались и используются префашистской и фашистской историографией [*Шпенглер, Шпан* (см.) и др.].

В начале 20 в. среди более передовых историков-идеалистов, однако, также ожесточенно боровшихся с марксизмом (Макс Вебер, Зомбарт, см.), возникли попытки восполнить голый эмпиризм исторического описания системой идеальных сконструированных понятий, «идеальных типов» общества. Однако, эти «идеальные типы» объясняли ход исторического процесса не из внутренних сил, его рождающих, а на основании извне привнесенных философских категорий. Таким образом, отрыв общего от единичного, закона от явления, природы от

общества, а в итоге—отказ от научного познания истории и прямая фальсификация ее в классовых интересах буржуазии составляют характерную черту всего современного исторического идеализма.

Внешне-противоположная позиция в решении вопроса о соотношении общего, особенного и единичного в общественной истории свойственна механистически-натуралистическим течениям в буржуазной социологии [в 19 веке органическая школа во главе со *Спенсером* (см.)—школа социального дарвинизма, в наст. время—Каутский, Кунов и др.]. Они признают общие законы общественного развития, но понимают их механистически, как универсальные закономерности, одинаковые для всех этапов человеческой истории и по существу тождественные с законами природы. Так, Каутский в «Размножении и развитии в природе и обществе» писал, что общественное развитие и эволюция организма «в общем совершаются совершенно одинаковым путем—путем приспособления к внешним условиям жизни». При этом буржуазные социологи и историки—механисты—под «естественными», «вечными» законами общества понимают законы капитализма. Исторический процесс изображается с вульгарно-эволюционной точки зрения. Таким образом, особенное у них растворяется в общем, уничтожается специфика как общественной истории вообще, так и отдельных общественно-экономических формаций. Игнорируется индивидуальность и своеобразие исторических событий, конкретная история подменяется абстрактной социологической схемой. На этой основе возникает (характерная для всей современной буржуазной историографии) модернизация исторического процесса; объяснение античной, средневековой и прочей истории по аналогии с историей капиталистического общества [напр., истории Рима у *Моммзена* и *Ферреро* (см.), средневековой истории у *Дотши* (см.), у русского риккертянца *Петрушевского* (см.) и т. д.]. По словам Ленина, «нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы» (Ленин, Сочинения, т. I, стр. 73).

Учение Маркса об общественно-экономических формациях, развитое Лениным в борьбе против субъективной социологии народников, дает ясное и исчерпывающее решение проблемы соотношения общего, особенного и единичного в истории. Учение о формациях, как о прогрессивных этапах развития человеческого общества, доказывает господство объективной закономерности в общественной истории, объясняет соотношение общих и особенных законов общества и связь их с индивидуальными и конкретными историческими явлениями. Ленин в «Что такое „друзья народа“...?» подчеркивает, что повторяемость явлений имеет место не только в природе, но и в обществе. «До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это—корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив „производительные отношения“, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отно-

шениями..., они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала... анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие „общественной формации“. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, „что“ отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, „что“ общее всем им» (Ленин, Сочинения, т. I, стр. 61).— Ленин отмечает в этой работе в качестве основных задач научного исследования общественной истории анализ и обобщение в историческом процессе. Он подчеркивает диалектическое единство особых законов развития отдельных общественно-экономических формаций с общими законами человеческой истории. Общие законы диалектики производительных сил и производственных отношений, базиса и надстроек, общественного бытия и общественного сознания, переход от одной классовой формации к другой через революцию, вызванную ростом производительных сил и противоречием их с производственными отношениями, действуют во всех общественно-экономических формациях. Но в каждой из них они принимают особую, специфическую форму, свойственную только данной формации. Сталин блестяще показал это в своем анализе отличий и особенностей буржуазной и социалистической революции, анализе характерных черт, роли, значения и результатов революций рабов, крепостных и пролетариев.

Все страны мира проходят в основном одни и те же этапы, одни и те же общественно-экономические формации, за небольшими исключениями (напр., германские и славянские народы не проходили через стадию рабовладельческой формации; отсталые колониальные страны с господством патриархальных или феодальных отношений, при победе социалистической революции в передовых странах мира, могут прямо перейти к социализму). Но в каждой из стран каждая формация обладает своеобразными чертами; так же своеобразно протекает конкретно-историческое развитие ее. Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали, напр., существенные особенности восточного и русского феодализма, особенности развития капитализма в Зап. Европе, в США, России, восточных странах и т. д. Программа Коммунистического Интернационала отмечает различные конкретные пути пролетарской революции и перехода к социализму для стран, находящихся на различных ступенях развития.

То же относится и к отдельным историческим явлениям. Конечно, каждое из них носит индивидуальный, единственный характер и прямого повторения его не может быть, так как в каждом, хотя бы и сходном, явлении действуют иные люди, и оно происходит в иной конкретно-исторической обстановке. Но все же известная повторяемость и закономерность имеют место и по отношению к отдельным сущест в е н н ы м историческим явлениям. Так, во всех странах, проходящих определенную формацию, как бы они ни были разделены и в пространстве и во времени, неизбежно возникают сходные и одно-

родные по своему существу факты—производительной деятельности, классовой борьбы и т. п. (напр., крестьянские восстания и войны в эпоху феодализма, пролетарские революции на определенной ступени капитализма и др.).

Общие законы исторического процесса проявляются через отдельные исторические факты и познаются только через них. С другой стороны, всякий подлинно исторический, сущест в е н н ы й факт при всей своей индивидуальности является выражением и проявлением как общих законов исторического развития, так и особенных законов данной формации. От познания единичного факта к познанию его особенности и от особенности к всеобщности—таков путь исторического познания.

Точно так же опровергает исторический материализм и попытки телеологического объяснения истории. Марксизм подчеркивает, что вся деятельность людей безусловно направлена на достижение определенных целей. Борьба рабочего класса под руководством компартии есть борьба за осознанную цель. Но целесообразный характер общественной истории отнюдь не устраняет ее закономерности. Сами цели людей в конечном счете обуславливаются экономической необходимостью. Во всех существовавших формациях господствовали стихийные закономерности, стоявшие над волей людей. Энгельс пишет: «пока самая важная историческая деятельность человека...—общественное производство, предоставлено слепой игре непредвиденных воздействий неконтролируемых сил..., поставленная себе заранее цель осуществляется лишь в виде исключения, гораздо же чаще осуществляется противоположные ей результаты» (Энгельс, Диалектика природы, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 488). В условиях организованного социалистического общества разрыв между намеченными целями и результатами деятельности людей уничтожается, но свободная целесообразная деятельность людей попрежнему определяется общественной необходимостью, ибо свобода, с точки зрения марксизма, есть осознанная необходимость.

Задачи исторической науки в СССР. Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин и Сталин всегда уделяли исключительное внимание развитию исторической науки. Историки из лагеря 2-го Интернационала (Бернштейн, Каутский, Куннов и др.), особенно в своих послевоенных работах, полностью отказались от исторического материализма, а в значительной мере и от материализма вообще, перейдя на позиции исторического идеализма. Ленин в борьбе с идеализмом буржуазной историографии риккертянского толка, субъективизмом народников и махистов, объективизмом Струве и др. «легальных» марксистов, экономистов и меньшевиков не только восстановил исторические взгляды Маркса и Энгельса, но развил и углубил их. Работы Ленина—«Развитие капитализма в России», «Что такое „друзья народа“...?», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» и др.—представляют замечательные исторические исследования, сыгравшие огромнейшую роль в выработке стратегических и тактических планов борьбы рабочего класса. В лекции «О государстве» (1919) Ленин подчеркнул значение истории. Он писал: «Для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государ-

ство возникло и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навыки и подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,—самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это—не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Ленин, Сочинения, том XXIV, стр. 364). Исторический подход ко всякому явлению—характерная особенность марксизма ленинизма. Ленин выразил это следующими словами: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенных исторических рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 431—432). Особое значение для исторической науки имело развитие Лениным учения Маркса об общественно-экономических формациях, подводящего под человеческую историю научное обоснование, позволяющего понять исторический процесс во всей его конкретности и своеобразии.

Дальнейшее развитие марксистско-ленинской исторической науки дается в работах Сталина. Сталин, подобно Марксу, Энгельсу, Ленину, видит в истории могучее средство борьбы за социализм. Сталин и ЦК ВКП(б) неоднократно подчеркивали громадное значение преподавания как гражданской истории, так и в особенности истории ВКП(б) для воспитания народных масс Союза, особенно—подростающей молодежи. Л. М. Каганович подчеркнул, что «нет лучшего орудия воспитания нашей молодежи в духе марксизма-ленинизма, чем история нашей партии... эта история не есть, как это думают многие историки-схематики, история безвозвратно прошедшего прошлого, канувшего в неизвестность вчерашнего дня. Вся наша история есть программа, стратегия и тактика, организация героической борьбы лучших, передовых элементов нашего класса за победу диктатуры пролетариата, за уничтожение классов, за коммунизм» (Каганович, За большевистское изучение истории партии, М., 1931, стр. 14 и 15). Народные массы СССР должны знать доподлинную историю человечества, историю порабощения и освобождения трудящихся, ибо знание этого обосновывает убеждение рабочих и колхозников в неминуемой победе социализма и дает им знание условий этой победы.

Под руководством Сталина и ЦК ВКП(б) были разгромлены все попытки извращения марксизма-ленинизма на историческом фронте. Партии пришлось провести упорную борьбу с антиленинскими теориями и концепциями (иногда принадлежавшими и советским историкам), с контрбандой контрреволюционных троцкистских идей и других, враждебных марксизму, теорий. Важнейшее значение для разоблачения антипартийных вылазок и контрреволюционных троцкистских идей имело письмо Сталина «О некоторых вопросах истории

большевизма». Разоблачив троцкистскую контрбанду, письмо Сталина вскрыло серьезные ошибки и извращения и у некоторых большевистских историков партии (Ем. Ярославский и др.).

Под руководством и при непосредственном участии Сталина была развернута глубочайшая критика состояния исторического фронта в СССР и распространенных в ней «антимарксистских, антиленинских, по сути дела, ликвидаторских, антинаучных взглядов на историческую науку...», связанных в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, собственных так называемой „исторической школе Покровского“» [газ. «Правда» от 27/1 1936, № 26 (6632), см. ст.: «В Совнаркомоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)». Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) подчеркнули, что преодоление этих вредных традиций «школы Покровского» является необходимой предпосылкой для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР.

М. Н. Покровский (см.) имеет громадные заслуги в деле изучения истории революционного движения в России, в деле разоблачения дворянской, буржуазной и меньшевистской, ревизионистской историографии (Соловьева, Ключевского, Б. Н. Чичерина, П. Струве, Милокова, Троцкого, также Плеханова и т. п.). Покровский сумел дать уничтожающую критику врагов марксизма на историческом фронте. Но не усвоив коренных основ марксизма—диалектического и исторического материализма,—Покровский подпал под влияние экономического материализма и махизма в его богдановской разновидности, к-рые он отождествлял с марксизмом. В результате, под влиянием этой эклектической философской смеси, Покровский допустил глубочайшие ошибки и создал свою собственную концепцию исторической науки и исторического процесса, в корне отличающуюся от марксизма и враждебную ему. Покровский развил свою теорию торгового капитализма, к-рый он трактовал как надклассовую универсальную категорию. Политика у Покровского изображалась послушно следующей за экономикой, а экономические отношения сводились к отношениям обмена. Экономический материализм с его недооценкой и прямым отрицанием значения субъективного фактора в истории толкал Покровского к теории самотека и стихийности в общественном развитии, что неизбежно вело к недооценке роли классовой борьбы. Эта схема Покровского обусловила извращение им подлинного исторического процесса развития России. Самодержавие, по Покровскому, оказалось организацией не крепостников-помещиков, а торгового капитала.

Махистский субъективизм сказался в отказе Покровского от истории как объективной науки, в замене ее субъективистским принципом—«История есть политика, опрокинутая в прошлое». Борясь с буржуазным объективизмом, прикрывающим буржуазную партийность, Покровский правильно подчеркивал классовый, партийный характер исторической науки. Но партийность ее он противопоставлял ее объективности, как два, якобы, взаимоисключающие момента, фактически стирая в этом вопросе различие между марксистской и буржуазной исторической наукой. Рассматривая всякую идеологию, в том числе и марксизм, как «кривое зеркало», он тем самым отрицал объективность

исторического исследования, выдвигая махистский критерий научности — целесообразность. Покровский фактически ставит знак равенства между пролетарской партийностью, к-рая является основой подлинно объективного познания мира, и партийностью современной буржуазной историографии, к-рая действительно отражает и прошлое и настоящее человечества в кривом зеркале. — Эти антимарксистские, антиленинские концепции школы Покровского и его ликвидаторские взгляды на историческую науку привели к глубокому отставанию исторического фронта в СССР, что было вскрыто в решениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах и о составлении учебников по истории (постановления от 16/V 1934, 26/I 1936 и 3/III 1936) и в замечаниях тт. Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспектов учебников по истории СССР и по новой истории. Преподавание конкретной истории в школах и конкретная научно-исследовательская работа по истории зачастую выхолащивались и подменялись голым схематизированием и абстрактным, оторванным от исторических фактов, изучением общественно-экономических формаций. В своем постановлении от 16/V 1934 Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) констатировали, что «преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей, учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами.

Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории» [газ. «Правда» от 16/V 1934, № 133 (6019)]. СНК и ЦК ВКП(б) создали специальные группы для составления новых, образцовых учебников по истории. Тт. Сталин, Жданов и Киров лично просматривали конспекты учебников, дали развернутую и суровую критику их, особенно конспекта учебника по истории народов СССР, и конкретные указания, в каком направлении они должны быть переработаны. Однако, в своем постановлении от 26/I 1936 СНК и ЦК ВКП(б) вынуждены были констатировать, что представленные на рассмотрение учебники по истории продолжали страдать теми же недостатками (особенно неудовлетворителен был опять-таки учебник по истории народов СССР). СНК и ЦК ВКП(б) указали, что эти ошибочные взгляды связаны, в первую очередь, с распространением среди некоторых советских историков, особенно историков народов СССР, давно осужденных партий исторических схем Покровского.

Решение ЦК и СНК от 26/I 1936 и замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова по своему значению далеко выходят за пределы вопроса об учебниках: они дают принципиальные указания по целому ряду важнейших исторических проблем, подымая марксистско-ленинскую историческую науку на новую громадную высоту. В этих замечаниях дается четкая периодизация всемирной истории и истории народов СССР, кладущая конец той путанице, к-рая царит в этом вопросе и у нек-рых советских историков, не говоря уже о всех извращениях периодизации истории в буржуазной историографии. В основу периодизации истории положено учение об общественно-экономических формациях, как основных этапах всемирной истории гражданского общества: древняя история (до 5 в.), Средние века (до 18 в.) и новое время (с 1789). Великая Октябрьская пролетарская революция открывает новую эру в истории человечества. Вся эпоха от буржуазной революции 1789 до пролетарской революции 1917 делится на ряд периодов, каждый из к-рых открывается и завершается революцией и в то же время характеризует определенные экономические этапы в развитии капитализма: 1789—1870; 1871—1917; от 1918 до наших дней. Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова выясняют разницу между буржуазной и буржуазно-демократической революциями, между революцией и стихийным восстанием, коренное различие между революцией буржуазной и социалистической, между феодализмом и дофеодальным периодом, показывают подлинную сущность прогрессивной роли буржуазии в восходящий период ее развития, вскрывают влияние западно-европейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазно-революционного и социалистического движения в России и т. п. Товарищ Сталин требует изучения гражданской истории не только великих, но и малых народов, угнетенных царизмом и современным империализмом.

Образцы исторических исследований и ценнейшие методологические указания для историков-марксистов т. Сталин дает во всех своих работах. Конкретный анализ условий победы Великой Октябрьской пролетарской революции, учение о законе неравномерности экономического развития капитализма в эпоху империализма, связанное с обоснованием возможности победы социализма в одной стране, его характеристика социалистического движения в эпоху 2-го Интернационала, глубокая оценка роли революций рабов в свержении рабовладельческого строя и крепостных в свержении феодального строя, наконец, его указания по истории гражданской войны в СССР, созданием которой Сталин непосредственно руководит, — имеют неопределимое значение для марксистско-ленинской исторической науки.

Особо важное значение для историков имеет борьба Сталина за теоретическую четкость исторического познания, за уточнение основной суммы понятий, к-рыми оперирует историк в своем исследовании (феодализм и дофеодальное общество, феодальное и самодержавное государство, «старый порядок», контрреволюция и реакция, революция и стихийное восстание, революция буржуазная и буржуазно-демократическая и пр.). В борьбе с мертвым социологизмом, отрицающим конкретно-историческое диалектическое содержание учения об общественно-экономических формациях, в борьбе

с голым эмпиризмом, подменяющим историю, как науку о закономерностях общественного развития, простым описанием прошлого, Сталин указал историкам-марксистам и тем самым всей исторической науке пути преодоления того кризиса исторической мысли, к-рый в капиталистических странах привел к фашистскому отрицанию истории как объективной науки.

Советская историческая наука опирается на марксистско-ленинскую методологию, на открытое Марксом и Энгельсом и развитое Лениным и Сталиным материалистическое понимание истории, следование к-рому делает невозможным возникновение в ней кризиса, подобного переживаемому буржуазной историей. Историческая наука в Союзе ССР, несмотря на свою молодость, имеет уже крупные достижения, особенно в деле критики и разоблачения современной идеалистической буржуазной и старой русской буржуазно-дворянской историографии.

Коммунистическая партия во главе со Сталиным и советское правительство уделяют громадное внимание историческому фронту, подготовке и выращиванию исторических кадров. Ни в одной стране мира историческая наука не имеет таких условий для своего развития, как в СССР. Реализуя указания тт. Сталина, Кирова, Жданова, развертывая критику своих ошибок и недостатков, преодолевая традиции школы Покровского, историки Советского Союза должны поднять историческую науку на высшую ступень.

А. Щеглов.

II. Историография в античном мире.

Говорить об историческом исследовании в древней Греции можно только начиная с середины 6 в. до хр. эры. Социальный строй, существовавший в древней Греции до 6 в., не мог служить базой для развития исторической науки, т. к. правящая родовая аристократия с ее царями-басилевсами (см. *Греция*, Исторический очерк) была заинтересована не в создании истории, а в создании родословных правящих родов, возводя происхождение этих родов к предкам-богам с целью придать особый ореол и авторитет их власти. Записи победителей на Олимпийских играх, списки архонтов-эпонимов в Афинах, жрецов Посейдона в Галикарнасе, Лаконская хроника и т. д. обычно начинаются именем бога или какого-нибудь героя—сына бога. Ни легенды о предках, ни местные хроники, создававшиеся в древних государствах-городах Греции, ни всякого рода списки должностных лиц не могут быть названы историей. Все это лишь материал, к-рым пользовалась история, когда она начала создаваться.

Историческая наука впервые возникает в Ионии, в городах, лежавших по берегам Малой Азии. Первые греческие историки происходят именно из этих городов. Возникновение национального рынка и укрепление торговых связей явились предпосылкой для исторического исследования общности происхождения и общности культуры этих городов. В конце 7 и в начале 6 вв. до хр. эры Иония с такими городами, как Милет, Эфес, Смирна, Элея и др., была экономическим и культурным центром всей Греции; Милет—важнейший торговый центр Греции, в нем сходятся торговые пути, ведущие на Восток. В связи с развитием торговли и ремесла власть из рук родовой аристократии переходит к классу рабовладельцев, поддерживаемому на первых порах городской демократией (см. *Гре-*

ция, Исторический очерк); в таких социальных условиях создается историческая наука.

Первые историки, подобные полумифическому *Кадму из Милета* (см.), интересуются в первую очередь мифами и подробно их излагают, переходя лишь в конце своих произведений к историческим событиям, но во всяком случае это уже не простое изложение мифов. Так, Гекатей Милетский живший в конце 6 в. и в первой половине 5 в. до хр. эры, по его словам, пишет лишь о том, что считает верным, действительно происходившим; он критикует дошедшие до него сведения и говорит, что у эллинов имеется много рассказов, к-рые кажутся ему смешными, и следовать им он не может; он самые мифы старается очистить от всего чудесного и старается объяснить это чудесное аллегорически. Если до Гекатея давалась история лишь определенных местностей Греции, то Гекатей расширяет свой труд и говорит об истории всей Греции и даже касается истории соседних с ней народов. То же можно сказать и о Гелланике Митиленском, жившем в 5 в. до хр. эры. Даже в своей истории Атики он много говорит о временах мифических, а о времени Греко-персидских войн говорит как бы вскользь. Всех этих писателей, называемых обыкновенно логографами, признать историками можно лишь с известной долей натяжки.

Первым настоящим историком древней Греции обыкновенно называют *Геродота* (см.) (род. ок. 484, ум. ок. 435 до хр. э.), родом из М. Азии из г. Галикарнаса, в его время одного из важных торгово-промышленных центров Греции; но вся деятельность Геродота как историка связана с Афинами, ставшими в это время важнейшим торгово-промышленным и культурным центром и оплотом рабовладельческой демократии всей Греции. Геродот в своем труде, посвященном истории Греко-персидских войн, ясно выразил свои симпатии к рабовладельческой афинской демократии и к ее представителям—Фемистоклу, Периклу и др. В труде Геродота мы видим известный продуманный план. Главная задача его—дать историю Греко-персидских войн, но ему необходимо выявить причины, вызвавшие эти войны, и с этой целью он пишет обширное введение, в котором останавливается на истории народов, к-рые так или иначе вовлечены были в участие в этих войнах. Геродот трактует исторический процесс идеалистически—в духе религиозных представлений его времени. Для него причина, вызвавшая столкновение греков с персами, а затем и поражение персов,—это воля божества, к-рое завистливо и не терпит того, чтобы кто-либо слишком возвысился. Боги наказывают чрезмерно высокомерие, за это наказаны были и Ксеркс, и Дарий, и Крез, и многие другие. Всем в жизни людей ведает неумолимый рок—Немезида, вельний его никто не может избежать. Этот рок Геродот склонен отождествлять с божеством, хотя и сами боги тоже подчинены велениям неумолимого рока. Конечно, о научности подобного понимания и объяснения исторического процесса говорить не приходится. Но все же нельзя не признать, что труд Геродота составлял большой шаг вперед в направлении к настоящей исторической науке. Он критически относится к сообщениям современников; он пишет: «Я должен передавать то, что говорят, но верить всему я не должен, и это заявление относится ко всему моему изложению». Он часто склонен высказывать известную долю скептического от-

ношения к общепризнанным фактам прошлого. Наконец, Геродот пользуется не одними сообщениями современников, он привлекает и документальные данные.

Громадный шаг вперед в области исторической науки был сделан одним из величайших историков древности, афинянином *Фукидидом* (см.) (род. между 460 и 455, ум. ок. 396 до хр. эры), написавшим историю Пелопоннесской войны. Говоря о причинах, вызвавших Пелопоннесскую войну, Фукидид отмечает экономические отношения, сложившиеся к этому времени в древней Греции. Он не верит, подобно Геродоту, во вмешательство богов, он отмечает значение для истории государства его географического положения, говорит о постепенности развития культуры Греции, являющейся результатом ряда общих условий, наконец, указывает на то, что греки прошли в древнейшие времена через те же стадии развития, на к-рых стоят современные Фукидиду варвары. Фукидид строго различает причину от повода, указывает социальные и экономические причины столкновения Афин со Спартой. Если Фукидид и признает роль личности в истории, то он не склонен, подобно многим историкам древности, придавать личности решающее значение в истории. Фукидид не склонен все принимать на веру и проверяет самым строгим образом сведения, сообщаемые ему современниками. Фукидид не окончил своего труда, доведя его лишь до 411 до хр. э. Он был сторонником Перикла и его политики. Он сочувствует правлению граждан, обладающих средним достатком, и с презрением говорит о толпе, о корабельной черни; правление этих «низов афинского населения» Фукидид называет «общепризнанным безумием». В труде Фукидида отразилась обостренная классовая борьба, которая шла в его время в Афинах.

У Фукидида нашлись продолжатели, однако, ни один из них не поднялся до той высоты, на к-рой стоял Фукидид. Одним из таких продолжателей был Ксенофонт (430—355 до хр. э.). Это—историк-реакционер, к-рый вульгаризирует историю, не дает глубокого анализа событий, не видит причинной связи явлений. Все симпатии Ксенофонта на стороне спартанцев; царь Спарты Агесилай—его герой, к-рого он всюду выдвигает на первое место, к афинской демократии Ксенофонт относится враждебно и проявляет это на каждом шагу. Личность для Ксенофонта играет решающую роль в ходе исторических событий, и если он встречается в истории таких деятелей, к-рые во всем превосходят его героя—Агесилая, то он о них просто умалчивает (Пелопид и Эпаминонд). Ксенофонт умалчивает и о событиях, раз они идут вразрез с его симпатиями к Спарте, напр., он старается умолчать даже о 2-м афинском морском союзе. На вопрос: «Почему спартанцы победили афинян?», Ксенофонт отвечает: «Потому, что боги помогли спартанцам». А на вопрос: «Почему фиванцы победили спартанцев?», он отвечает: «Потому, что боги наказали спартанцев». Греческая история Ксенофонта стоит много ниже трудов не только Фукидида, но и Геродота.

Классовая борьба 5 в. до хр. э. очень ярко сказалась также в псевдоксенофонтной «Афинской политике». В этом труде ясно выражена идеология олигарха-реакционера, сторонника правления рабовладельческой аристократии. Эта «Полития» может служить примером памфлета, вышедшего из политического общества афинских

олигархов.—До нас дошла и другая «Афинская политика», имеющая как источник неизмеримо большее значение,—это «Афинская политика» Аристотеля. Она распадается на две части: первая, дающая обзор развития государственного строя Афин с древнейших времен, и вторая, описывающая тот государственный строй, который существовал в Афинах во время Аристотеля. Аристотелевская «Афинская политика» написана или самим Аристотелем или его учениками под его руководством, с целью показать, как создаются и как должны управляться государства. Для Аристотеля лучшая форма правления из существующих—это правление граждан не ниже среднего достатка. Он холодно относится к современной ему афинской демократии и ее представителям—Фемистоклу, Клисфену, Периклу и др., на первый план выдвигает богача Никия и умеренного олигарха-реакционера Ферамена. Аристотель выступает как сторонник и идеолог рабовладельческого об-ва. «Афинская политика» имеет громадное значение, дает нам картину развития форм правления в Афинах. Аристотель использовал огромный материал, начиная с документов и кончая лирикой Солона и сколиями, т. е. застольными песнями. Он останавливается на причинной связи фактов истории (указывает, например, на связь между развитием флота Афин и возникновением демократического образа правления в Афинах), совершенно отбрасывает все анекдотичное и чудесное, не признает никакого вмешательства богов в дела людей. Правда, Аристотель в «Афинской политике» склонен иногда переоценивать роль личности в истории. У него встречаются также и противоречия в изложении, а иногда и неверные сообщения, но все это не умаляет значения «Афинской политики», и она бесспорно является одним из крупнейших произведений в истории древней Греции.

В конце 5 в. и в начале 4 в. до хр. э. в Греции пышно развивается красноречие, играющее большую роль и в народном собрании, и в совете, и в судах. Риторы и учителя риторики оказывают сильное влияние на всю литературу древней Греции. Не остается в стороне от этого влияния и история. Особенно сильно было влияние на историков *Исократ* (см.), к-рого можно назвать первым из вообще известных нам публицистов. Историки начинают стремиться к красоте стиля, к блестяще построенным речам, к-рые в действительности никогда не произносились, точный анализ фактов и общее понимание исторического процесса отодвигаются у них на второй план. К историкам-риторам можно причислить Эфора и Феопомпа (4 в. до хр. эры), к сожалению, дошедших до нас в отрывках и в извлечениях из них других, более поздних историков. Эфор, написавший всеобщую историю Греции, использовал в ней труды своих предшественников и свидетельства очевидцев, эти свидетельства он считает лучшим источником для историка. Он совершенно отвергает мифы, а если и пользуется ими, то дает им рационалистическое толкование. Судя по дошедшим до нас отрывкам, Эфор не всегда правильно излагает события, а причинная связь между событиями для него часто остается неясной; он охотно прибегает к объяснению событий мелочными, чисто личными, интересами исторических деятелей.

Среди историков древней Греции 2 в. до хр. эры особенно выделяется *Поллибий* (см.), пи-

савший во время утраты Грецией ее самостоятельности под ударом Рима. Полибий стремится показать, почему римляне могли подчинить своей власти государство, к-рым они владели к 146 до хр. эры. Таким образом, Полибий пишет не только историю Греции, но и историю всех стран, завоеванных Римом, и прежде всего, конечно, историю самого Рима. Полибий, излагая историю целого ряда народов, указывает на закономерность исторических событий, на то, что исторический процесс не может быть изменен по произволу отдельной личности, т. к. существуют раз навсегда установленный круговорот судеб всего человечества. Все перемены, к-рые совершаются, происходят неизбежно по естественным причинам, согласно законам природы. По мнению Полибия, если уяснить себе естественные законы исторического процесса, то можно предсказывать будущее. Смотри так на исторический процесс, Полибий все же придает большое значение личности в истории. Говоря об исторических факторах, он отмечает влияние географических условий и особенно климата на развитие народа. Для Полибия «история—самая верная и единственная наставница в жизни». Но, преподавая урок читателю, историк, по Полибию, должен стремиться к истине. Полибий в своей истории делает попытку дать своего рода «философию истории». Следует отметить его рассуждения о лучшей форме правления. Давая оценку государственного строя современного ему Рима, Полибий называет его близким к идеальному строю, так как он является как бы гармоничным соединением монархии, аристократии и демократии. Полибий не замечал классовых противоречий в римском обществе, которые сказывались уже во время Полибия. «История» Полибия, которую можно назвать «Всеобщей историей», является крупным явлением в историографии древней Греции и Рима. Классовая позиция Полибия совершенно ясна: он выражает свои симпатии к правлению рабовладельческой аристократии и резко порицает демократию как Афин, так и Фив.

Первым историком древнего Рима обыкновенно называют Фабию Пиктора, жившего в 3 в. до хр. эры; он писал по-гречески, что уже указывает на греческое влияние, под к-рым находилась история Рима. Фабий Пиктор написал историю первой и второй Пунических войн, предпослав им обзор истории Рима, начиная с года его основания. Труд Фабия Пиктора до нас не дошел, но мы знаем, что им широко пользовался Полибий. Фабий Пиктор, повидимому, мало отличался от римских анналистов, записывавших год за годом все события прежних времен, а затем и события, свидетелями к-рых они были. Излагая предания древнейших времен Рима, анналисты часто не останавливались и перед переработкой этих преданий, а иногда и измышляли предания в угоду интересам того или иного класса или политической группировки. Такими вымыслами особенно прославились Валерий Анциат и Квинт Клавдий Квадригарий, писавшие во времена Суллы (начало 1 века до хр. эры). Попытку изложить древнейшую римскую историю (вернее, римские древности), очистив ее от вымыслов, сделал Теренций Варрон, живший в 116—27 до хр. эры. Все древнейшие историки Рима, насколько мы можем составить себе о них представление, находились всецело под влиянием греческой историографии и подражали либо Полибию, либо продолжателю его истории, философу-стоику По-

сидонию, написавшему историю Рима, доведенную до времени Суллы.

Только в 1 в. до хр. эры мы имеем в Риме двух историков, к-рые пишут по-латыни и не следуют рабски греческим образцам. Это—*Юлий Цезарь* и *Саллюстий Крисп* (см.). Цезарь (102—44) написал как бы отчет римскому народу о том, как была завоевана им Галлия, знаменитые «Комментарии о Галльской войне», к-рые могут служить и в наше время образцом краткого, точного и вместе с тем яркого описания событий, происходивших в Галлии в 50-х гг. 1 в. до хр. эры. Цель Цезаря—показать римскому народу свои заслуги и заслуги легионов, к-рыми он командовал в Галлии. Цезарь не замалчивает и заслуг своих противников. Он дает блестящую характеристику предводителю галлов Верцингеториксу. Причину поражения галлов Цезарь видит в том, что они в своем культурном развитии далеко уступали римлянам и не были объединены, как римляне, в одно государство. Несколько уступает по силе изложения «Комментариям о Галльской войне» другой труд Цезаря «Гражданская война», в к-ром Цезарь стремится всю вину в этой войне перенести на партию сената и на Помпея.

Из трудов Саллюстия (86—34 до хр. эры) сохранились «Заговор Катилины» и «Югуртинская война»; не дошла до нас его «История», охватывавшая период с 78 по 67 до хр. эры; от нее сохранились речи и многочисленные отрывки, дающие представление об этом произведении, пользовавшемся в древнем Риме заслуженной славой. В своей «Истории» Саллюстий подымается до той высоты, на которой стоят такие историки, как Фукидид и Полибий. Для Саллюстия образцом в значительной степени служил именно Фукидид, хотя сильное влияние оказал на него и Посидоний. «Заговор Катилины» он пишет как сторонник римских популяров и Цезаря; особенно ярко это выражено в речах, вкладываемых Саллюстием в уста действующих лиц, причем всем им он дает блестящие характеристики. То же можно сказать и о «Югуртинской войне». Саллюстий в своих первых трудах не вдается в исследования, в хронологию у него большая путаница. Он не прочь прочесть мораль читателю и находится под сильным влиянием риторики. Но все действующие лица поставлены в их исторические условия, Саллюстий не плохо разбирается в причинах, поведших и к заговору Катилины и к Югуртинской войне. Саллюстий оказал большое влияние на последующих историков Рима, в том числе и на Тацита.

Если Саллюстий часто впадает в риторику, то историки императорского Рима все, за небольшим исключением,—в значительной степени риторы. Прежде всего это можно сказать о таком крупном историке, как *Тит Ливий* (см.) (59 до хр. эры—17 хр. эры). Он пишет историю Рима с древнейших времен и по 9 г. до хр. эры. У Ливия ни о каком исследовании и критике источников, пользовании документами и памятниками древней римской письменности нет и речи. Ливий обыкновенно в основу своего изложения кладет одного какого-нибудь автора, иногда отмечая, чем этот автор и его изложение отличаются от других авторов. Ливий не указывает, что же правильно из сообщений ряда историков. В этом отношении Ливий стоит гораздо ниже и Полибия и Саллюстия. Ливий не избегает ни мифов, ни анекдотов, принимает и их за действительные события.

Ливий сам республиканец по убеждению, он преклоняется перед республиканским Римом, но, где нужно, он оказывается верным сторонником Августа. Ливий верит в чудеса, во вмешательство богов в дела людей, он приписывает неудачу римлянам тому, что их наказывают за нечестие боги. Вся мощь Рима, по мнению Ливия, основывается на строгом благочестии и строгих нравах, к-рые существовали в былые времена в республиканском Риме и которые забываются в Риме, современном Ливию.

Современник Ливия *Дионисий Галикарнасский* (см.) (вторая половина 1 в. до хр. эры и начало 1 в. хр. эры) стоит как историк ниже Ливия. Дионисий пишет историю как ритор по преимуству. Его цель—показать, как следует ее писать, чтобы прочесть мораль гражданам. К этому же времени относится и труд *Диодора* (см.) Сицилийского «Историческая библиотека», заключающий в себе историю древнего Востока, Греции и Рима от мифических времен и до времени Юлия Цезаря. Диодор—ученик философ-стоиков—стремится показать в своей истории, что все люди близки друг другу как родственники, хотя их и разделяют пространство и время, все они в конечном счете входят в одно общечеловеческое государство, к-рым управляет божественный промысел. Диодор смотрит на историю как на учительницу доблести, провозвестницу истины. Но в действительности он далек от того, чтобы критиковать источники, его история—сборник выдержек из разных историков, на критику к-рых у Диодора нехватало ни таланта, ни знаний, ни опыта. Цитируя, например, из римских анналистов то, что они говорят о древнейшем Риме, Диодор относит иногда эти выдержки к своему времени, и получаются бьющие в глаза анахронизмы; часто он об одном и том же событии рассказывает дважды различно, так как это не его рассказ, а цитаты из двух различных авторов.

Во времена Диодора написана и первая латинская всеобщая история Трога Помпея, известная нам по краткому изложению, написанному во 2 в. хр. эры Юстином. Трог Помпей также не был историком-исследователем, он использовал труды греческих историков. Такова же и всеобщая история Веллея Патеркула. В ней нет строгого плана. Патеркул часто останавливается на второстепенных событиях, забывал о важнейших. Он крайне субъективен в оценке деятелей истории, расточает лесть перед Тиберием. Все эти историки характерны для 1-й половины 1 в. хр. эры, времени укрепляющейся империи, как характерен для нее и Курций Руф, который пишет историю Александра Македонского, причем стремится дать не историю, а лишь занимательное чтение. У Курция Руфа нет историч. исследования, основывающегося на критике источников.—Выше всех историков 1 в. хр. эры и начала 2 в. хр. эры стоит Корнелий Тацит (см.) (55—117 хр. эры). Первой работой Тацита была биография Кая Юлия Агриколы. Следующий труд Тацита «Германия» до сих пор остается вместе с «Комментариями о Галльской войне» Цезаря основным источником для знакомства с бытом древних германцев. Но слава Тацита как историка основывается на его «Истории Рима» (от 69 по 96 хр. эры) и «Анналах» (история, охватывавшая время от смерти Августа по смерть Нерона). В своих трудах Тацит описывает события необыкновенно ярко и образно, стремясь дать пра-

вдвную историю прошлого. Пользуясь тем или иным источником, Тацит относится к нему критически. Он на все смотрит с точки зрения римского гражданина и его интересов; если он и хвалит предводителя германцев Арминия, то весьма умеренно и лишь потому, что личность, подобная Арминию, не могла не произвести сильного впечатления на современников. У Тацита, происходившего из сословия всадников, убежденного сторонника римской аристократии, живы еще симпатии к республике. Он охотно отмечает все пороки и недостатки императоров. Невысокого мнения Тацит и о сенате и называет его собранием лгивых сенаторов-рабов. Тацит иногда готов, подобно многим историкам его времени, прочесть мораль читателю, он верит в богов, в то, что все зависит от судьбы, но он часто говорит и о более реальных причинах, вызывавших те или иные события, указывая, напр., на географические условия, «упадок нравов», хотя и не может объяснить причин этого упадка, и т. д. Тацит—тонкий психолог, он необычайно метко и ярко изображает отдельные характеры, причем придерживается взгляда, что психика людей влияет на ход исторических событий.

В 1 в. и начале 2 в. писал Плутарх (45—120 хр. эры); из его трудов большое значение для истории имеют сравнительные «Жизнеописания», в к-рых он сопоставляет знаменитых греческих исторических деятелей с римскими, помещая в конце биографий иногда и особые «сравнения». Но Плутарх—не ученый-исследователь, он не обладает талантом критика; Плутарх—прежде всего философ-моралист. Он интересуется своими героями не как деятелями истории, а как личностями с определенными достоинствами и недостатками. Плутарх сам в биографии Александра Македонского говорит, что пишет не историю, а биографию. В своем труде Плутарх использовал многих историков, в том числе и не дошедших до нас в оригинале. И в этом значении Плутарха для исторической науки.

В конце 1 в. хр. эры при императоре Элие Адриане писал свои биографии и *Светоний* (см.) Транквил (75—150 хр. эры). Его характеристика исторических деятелей далеко уступает характеристикам Тацита. У Светония мы на каждом шагу встречаемся с анекдотами, в хронологии у него путаница, выведенные деятели не поставлены в их исторические условия. Светоний угодил вкусам своего времени, вкусам тех придворных кругов, которые окружали императоров. Выразив интересы этой придворной, рабовладельческой аристократии и императорской бюрократии, Светоний стал образцом и для последующих историков-биографов императоров. Светонию подражали и составители сборника, известного под названием «Scriptores historiae Augustae» («Писатели истории Августов»); в нем находились биографии императоров от Элия Адриана до Нумериана (117—284 хр. эры). Составители этих биографий не останавливались не только перед тем, чтобы давать ложные сведения, но даже перед подделкой документов. До нас этот сборник дошел в обработке, к-рой он подвергся в 4 в. хр. эры. Во 2 в. хр. эры мы не имеем крупных римских историков; среди историков того времени, писавших по-гречески, необходимо упомянуть Арриана (95—175), к-рый подражал Ксенофону и даже называл себя новым Ксенофонтом. Он, подобно Ксенофону, написал «Анабасис»; в нем Арриан гово-

рит о походах Александра Македонского. Арриан—прямая противоположность Курцию; он не дает анекдотов, не описывает чудесных приключений Александра; для написания истории походов Александра Арриан использует труды своих предшественников, а главное—труды участников походов Александра, причем ко всем использованным им трудам Арриан относится критически. Но критика его часто основана не на изучении документальных данных, а на его собственных умозаключениях. В виду того, что такие труды по истории Александра Македонского, как труды его современников Птолемея Лага и Аристула, не дошли до нас, а Аррианом они использованы, Арриан является для нас ценнейшим источником для истории времени Александра.

Современником Арриана был грек Аппиан родом из Александрии. Он написал «Римскую историю», в которой поставил себе целью показать, как были покорены римлянами народы, входившие в состав Римской империи. Весь труд Аппиана распадается на ряд книг, каждая посвящена отдельному народу. Но этот план Аппиан не всегда выдерживает. Ему пришлось от него отказаться тогда, когда он приступал к изложению событий гражданских войн в Риме; поэтому изложение гражданских войн и составляет как бы отдельную монографию в истории Римской империи Аппиана. Мы не можем точно сказать, какие источники положены Аппианом в основу его труда, но во всяком случае он пользовался не одним, а целым рядом источников, умея критически подходить к ним, брать из них наиболее ценное. Аппиан—незаменимый источник для периода римской истории от времени Тиберия Гракха (130 до христианской эры) и до 35 христианской эры. Он является ярким выразителем интересов рабовладельческой аристократии, на которую опирались императоры. Аппиан—монархист по своим убеждениям и не раз подчеркивает это в своем труде. Но «из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и выразительно, из-за чего она велась: из-за земельных владения» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 673). Этим объясняется и то, что Маркс «по вечерам отдыха ради увлекался „Гражданскими войнами в Риме“ Аппиана в греческом оригинале» (Маркс, Письмо к Энгельсу от 27 февраля 1861, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., том XXIII, стр. 15).

Из историков конца 2 в. и первой половины 3 в. хр. эры необходимо упомянуть Кассия Диона Кокцеяна (150—235), крупного чиновника из Никеи времени Септимия Севера и Александра Севера. Он написал историю Рима на греческом языке.

Наиболее крупным историком 4 в. хр. эры был Аммиан Марцеллин (330—400), написавший на латинском языке историю Рима от времени Нерона и до смерти Валента (378 хр. эры). До нас дошли книги 14—31, излагающие события с 353 по 378. Аммиан—ревностный приверженец императора Юлиана и язычник. Критическое отношение Аммиана к источникам делает труд его ценным, несмотря на увлечение риторикой и на вставленные экскурсы из области географии, свидетельствующие о недостаточной осведомленности Аммиана.

После Аммиана Марцеллина нет скольконбудь крупных историков. Такие «историки»,

как Евнапий, писавший в начале 5 в., Олимпиодор, писавший в середине 5 в., Прокл — 6 в., как правило, только компилируют произведения своих предшественников, часто делая из них обширные, дословные выписки. Все упомянутые историки—греки. Из историков-римлян, писавших по-латыни, можно упомянуть Аврелия Виктора, написавшего биографии Цезарей от Августа до Константина, и Евтропия, написавшего очерк римской истории. С упадком Римской империи приходят в упадок и исторические науки древних Греции и Рима.

Н. Кун.

III. Исторические науки в Средние века.

5—15 вв. Историю средневековой Западной Европы освещали в самом ее начале наблюдатели со стороны—писатели из греческого и римского мира. Но уже с 5 в., когда Империя была занята варварами, историки стали выходить из самих варварских обществ: римляне по происхождению, но на службе у варваров, секретари государей (Кассиодор), епископы церквей (Иордан), монахи из монастырей, расположенных в гуще варварской оседлости. Будучи уже в известной мере представителями новой исторической эпохи—феодальной,—они начинают с того, что стараются подвести итоги всей предшествовавшей истории. Они начинают со «всемирной хроники» (напр. Хроника Евсевия-Иеронима 4 в.), излагая события от «сотворения мира» (условно принятого александрийскими компутистами, т. е. составителями пасхальных таблиц и основателями исторической хронологии, за 5493 до хр. эры и византийскими—за 5509 до хр. эры), претендуя охватить «все народы», во всяком случае—государства средиземноморского круга: вавилонское, македонское, карфагенское, римское. Для хронологии 1—4 вв. опору дали консульские «фасты», папские каталоги, пасхальные таблицы. Крушение античного рабовладельческого мира и возникновение на его развалинах мира феодального в ходе революции рабов и варварских завоеваний создавало у первых средневековых историков представление о полной противоположности между прошлой историей и настоящим. Основной носитель феодальной идеологии—католическая церковь выразила это по-своему, введя в историческую хронику искусственную богословскую тенденцию: «История человечества служила подготовкой к явлению мессии. Далее осуществляется победа церкви над миром».

Эта мысль высказана у «блаженного» *Августина* (см.), епископа гиппонского: «О граде (или государстве) божем» («De civitate dei») в 417. Перед картиной разрушения Рима Аларихом, уверенный в крушении «земного государства» и смене его «городом божьим» (христианской церковью), Августин звал к тому, чтобы «принуждать войти» в него несогласных. Его схема «четырёх монархий» и особенно «шести периодов», по аналогии с шестью днями творения (последним «субботним» днем должна быть эпоха «покоя и блаженства»), нашла разнообразные отражения в схемах средневековых аналитиков и визионеров. Но уже в 5 в., на смену пессимизму Августина и «предопределению», в лице монаха Пелагия и др. выдвинуты были более оптимистические оценки истории, в которых отразилось зарождение новых обществ. отношений. Из тех же настроений вытекало терпимое, а потом и положительное отношение

церковных и светских историков к тому варварскому миру, через слияние с к-рым римское общество превратилось в феодальное. Кассиодор, секретарь остготского короля Теодориха, «человек компромисса», мечтал о «защите римской культуры силой готского меча и о смягчении готского варварства римской культурой». Звучащие в составленных им письмах Теодориха («*Variae*»), эти мысли проникли в его «*Historia Gothica*», дошедшую до нас через сочинения другого готского историка, Иорнанда (Иорданиса),—«*De Origine actibusque Getarum*». В то время как хроникер испанских вестготов, Павел Орозий, следуя за Августинном, в «*Historiarum adversus paganos libri VII*» видел еще в нашествиях варваров предвестие конца и «заслуженную кару за грехи», историк 7 в. Исидор, епископ Севильский, составивший (кроме энциклопедии знания—«*Originum sive Etymologiarum libri XX*») опыт всемирной хроники с делением на «шесть периодов»—«*Chronica maiora*»—и специальный очерк истории вестготов—«*Historia*», бросил замечательное признание: «римляне под готской державой любят ее власть, предпочитая жить в бедности с готами, чем быть сильными под римлянами, неся тяжелый гнет налогов и повинностей». Так осознавалось постепенно становление нового общества и вместе с тем появлялся интерес к истории не только дофеодального, но и самого этого нового общества.

После ряда хроникеров (Проспер Аквитанский, Марий Аваншский), рассказавших о движениях и судьбах гуннов и вандалов, выступил историк франков—Григорий Флорентий, член овернской сенаторской семьи, епископ Тура. Он вырос уже в недрах раннефеодального общества и выражал его мировоззрение. Григорий построил свою «Историю франков» («*Historia Francorum*», в 10 кн.) на основе иеронимовой хроники, «фастов», Проспера и Идация, саг народных и церковных и более всего на воспоминаниях родных и друзей, а начиная с главы 4-й (с 80-х гг. 6 в.)—на собственных наблюдениях, цитируя подлинные сцены и диалоги, письма и документы. Так воссоздал он, с редкой живописной силой, картину общества в эпоху становления феодализма, дикий разгул поднимающейся к власти аристократии, но жизнь трудовых низов, постепенно закрепощаемых, осталась только бледным фоном. Впрочем отдельные бытовые черты жизни масс, подчас конкретные и ценные, получили отражение в его многочисленных агиографических сочинениях.

С распадом власти меровингских королей последователи Григория Турского дают только тусклые и нечеткие отражения фактов, преимущественно внешних; они делятся на историков Нейстрии, Бургундии и Австразии; в Париже писал автор «*Gesta regum Francorum*», в Бургундии т. н. Псевдо-Фредегарий и его «продолжатели». То были уже историки династии Каролингов и последние в эти века представители исторической «хроники». На смену ей на фоне хронологической реформы выступил новый род сочинений—«анналы». До 6 в. хартии датировались годами правления королей, а хроники—«от сотворения». В середине 6 в. монах Дионисий Малый, установив дату «воплощения» (рождества Христова) на 753 от основания Рима, предложил ее как основу летосчисления и расчислил по ней «пас-

хальные таблицы». Реформу приняли Италия и Англия (первая хартия датирована «604 годом»). Но на континенте лишь в 742 впервые по новому летосчислению датирована грамота Карломана.

С возвышением Каролингской монархии возникла мысль о составлении королевских («больших») анналов, т. е. пространных погодных повествований, ведущихся в официальном центре—королевской капелле, под редакцией и ответственностью архикапеллана. Точно осведомленная об актах и намерениях власти, капелла отразила в анналах основную политическую и экономическую тенденцию века—стремление крепнущего феодального помещичьего класса к освоению новых территорий и рабочих рук. Наряду с прославлением победоносного шествия Каролингской империи в анналах встречаются лишь редкие, случайные признания о восстаниях, в которых прорывался протест закрепощаемых масс. Через 8—10 века тянется цепь анналов. Во главе их стояли крупнейшие церковно-политические деятели: Гильдуин, Эйнгард, Гинкмар. С распадом Империи анналы разбились на струю западную (французскую—Сен-Бертинские анналы) и восточную (германскую—анналы Мецские, Фульдские, Регина, Примские, в последний раз ожившие в эпоху Оттонов). Анналы отражали мировоззрение высших групп феодального класса, возглавлявших формирующиеся европейские монархии. Историография в их руках, чуждая в точном смысле научных задач, служила преимущественно целям восхваления государей и в особенности прославления католической церкви. Поэтому они далеко не достоверны и перемешивают действительные факты с измышлениями и преувеличениями. Феодальное общество каролингской эпохи, полное сознания своих успехов и славы, культивировало и другие виды исторических сочинений: биографию, как, напр., «*Vita Caroli Magni*» Эйнгарда и биографии его сына Людовика (Тегана и Эрмольда Черного), историческую поэзию и жития, которые служили тем же целям, что и анналы, но носили менее официальный характер и были рассчитаны на более широкие круги. До народных масс, однако, не достигали и эти сочинения. В то же время на периферии каролингского мира в Англии выдвинулся историк (а также энциклопедист) Беда Почтенный, а в Италии—историк лангобардов Павел, сын Варнефрида, успевший воспринять традицию истории и саги погибшего при нем лангобардского государства; он обратил особое внимание на предания родного своего города Фриуля.—С феодальным дроблением, с уничтожением государственного и литературного центра анналистика замирает, вновь уступая место хроникам, ведущимся в монастырях, и всевозможным «деланиям» аббатов и епископов, ведущимся соборными канониками. Последним иногда свойственна широкая осведомленность и литературное искусство. Такова «История Реймской церкви» Флодоарда. Но этого нельзя сказать о ее продолжении—«*Historiae*» монаха Рихера, современника капетингского переворота. В общем «дух колокольни» господствует в монастырских хрониках 10—11 веков. Широкие перспективы, еще характерные для Оттоновских анналов, закрыты для этих местных хроник, впадающих в неисправимую путаницу, едва лишь перешагнув границы своей области. Картины жестоких войн с сарацинами, венгра-

ми, норманнами; война между соседними сеньериями; земля, обрастающая укреплениями-замками; преследуемые евреи и первые мученики из «еретиков-манихеев»; голодовки, доходящие до того, что люди поедали человеческое мясо; почти против воли отраженные в хрониках глухие удары народных восстаний — таково содержание «местных» хроник: Адемара Шабанского, Радульфа Глабра, Гильома Жюмезского, Ордерика Виталья. Но это реальное содержание часто глубоко скрыто под оболочкой религиозной тенденциозности и искажено в результате то неосведомленности, то вымысла. Германские хроники, со времен героической повести Видукинда о борьбе саксов с каролингскими ополчениями, большей частью сосредоточиваются на жизни и быте саксонских земель. Таков Титмар Мерзебургский, таков Адам Бременский, рассказавший, правда, с чужих слов, много из истории далекого севера. Для всех этих историков, как и для позднейших, остается характерным представление об истории, как о полупоэтическом творчестве, где примешивание к действительности вымысла и легенды вполне возможно и необходимо.

В конце 11 в. в жизни феодальной Европы появились новые моменты: колонизация «внутренняя», с лесными расчистками и основанием деревень и городов, и «внешняя», т. е. паломничества и походы «за море». В это время в И. возникла яркая новая разновидность исторических сочинений: «крестоносная хроника». Описывая подчас изо дня в день необычайные впечатления пути на суше и на морях, столкновения с новыми народами, крестоносная хроника нередко содержала, вопреки религиозно-фанатическому настроению авторов, черты свободных суждений, критической оценки социальной действительности. Таковы знаменитые «Gesta Francorum» итальянского анонима. Несколько иной тон, отразившийся в заглавии, имеют «Gesta dei per Francos», т. е. «Подвиги божии, совершенные через франков» Гиберта Новигенского. В И. 11—14 вв. этот род сочинений заполнил основное русло, дав (особенно для 1-го Крестового похода) сотни произведений в тысячах списков в прозе и в стихах (изд. в «Recueil des historiens des Croisades», 13 тт.), завершившись для 1-го похода уже довольно поздней широкой хроникой Гильома, епископа Тирского. Далее хроника становится все более деловой, описывая, в духе интереса к восточному миру и «примирения» с ним, колонизаторскую и «плантаторскую» деятельность западных баронов, жизнь сирийских колоний. Отметим хронике повествователя 2-го Крестового похода и историка Гогенштауфенов, Оттона Фрейзингенского, с ее широким «имперским» фоном, множество хроник (французских, английских, германских) 3-го похода, повесть о 4-м походе (Вилльярдуэна), полную духа жадного авантюризма и картин разграбляемого баронами Константинополя, наконец, историю 7-го и 8-го походов, вышедшую из-под пера друга короля Людовика IX — Жана Жуанвила, который, описывая Крестовые походы, пришел в конце-концов к благоразумному выводу: «я останусь дома, чтобы устраивать собственный народ. Он разоряется, пока мы странствуем».

С 12 в. наступает период сильных городских движений. Они, разумеется, отразились в исторических сочинениях, но опять-таки искаженно и неполно: перо историка все еще держали

преимущественно клирики, городские движения описаны их врагами в разнообразных «действиях» прелатов. Только в «De vita sua» Гиберта, вопреки его словам: «ненавистное имя коммуны», можно найти яркое, почти правдивое изображение драматической борьбы городов Лана и Амьена. С 13 веком, периодом начавшейся централизации монархии, создается вновь традиция полуофициальных сводов-хроник типа биографии царствующей династии в Англии (в аббатстве Сент-Альбанском) и во Франции (в аббатстве Сен-Дени, «усыпальнице королей»). В 13 веке доминиканская схоластика культивирует еще и всеобъемлющие религиозно-аллегорические «Зеркала истории», как «Speculum historiale» Винченция из Бове. Здесь история целиком подчинена богословской догматике и наполнена самыми неправдоподобными вымыслами. Но в это же время на других исторических сочинениях уже начинают отражаться намечающиеся социально-экономические сдвиги в средневековой Европе. Уже нередко, подчиняясь светскому духу века и новым традициям университетов, выступают авторы, отчасти отбрасывающие религиозно-поучительные цели, полные интереса к реальной жизни эпохи, к строительству городов, росту торговли, быту буржуазии. Таковы парижские историки Ригор, Гильом Бретонский, веселый итальянский монах Салимбене и еще больше англичанин Матвей Парижский с его оппозиционным настроением в отношении папства и стремлением к исторической реальности. Эти черты выступают еще ярче у историков бурной жизни итальянских городов, как, напр., в 13—14 вв. у Дино Кампаньи, в 14—у Джованни Виллани, «Геродота итальянского Средневековья». Назвать всех этих историков зрелыми выразителями нового буржуазного мировоззрения было бы неправильно. Они в большинстве принадлежат еще к феодально-дворянской историографии, но в сильной степени затронуты новыми буржуазными веяниями. 14 в., век глубоких социальных кризисов, Столетней войны и Черной смерти, век массовых крестьянских восстаний, выдвинул историков, к-рые, чувствуя страдания массы, полны негодующего и сатирического отношения к знатым. Таков во Франции кармелитский приор и крестьянский сын Жан Венет, сочувствующий восставшим «Жакам». Таким образом, под влиянием усложнения самого феодального общества, роста экономических противоречий и углубления классовой борьбы само перо историков становится живее. Даже Жан Фруассар, слава французской «рыцарской» хроники 14—15 веков (он охватил в своей хронике ряд стран: «Chroniques de France, d'Angleterre, d'Espagne, d'Ecosse»), воспевающий «подвиги» разлагающегося рыцарства, уже не мог обойти молчанием все то, что волновало современников: движение доллардов, восстание Уота Тайлера, борьбу фламандских коммун и итальянских городов, не говоря о движении Этьена Марселя в Париже и Жакерии. Буржуазия, значенная к-рой в роли чиновников монархии в управлении и в дипломатии постепенно возрастает, начинает в 15 в. выдвигать теоретиков дипломатического искусства и авторов соответствующих исторических построений, охватывающих Европу как целое. Таков ряд предшественников Маккиавелли. Одновременно историография все более становилась публицистически заостренной в связи с активным участием

горожан в политической жизни. Борьба партий в итальянских городах, война Алой и Белой розы в Англии, соперничество армянских и бургинонов во Франции, дипломатические комбинации и союзы—все это отражалось в построении и тоне исторических произведений 15 в. (напр., «Chroniques» клирика-буржуа Enguerrand de Monstrelet), иногда еще именуемых себя «хрониками», но по существу сбивающихся на мемуары, даже дневники по своей страстности и непосредственности переживаний (*Journal d'un bourgeois de Paris*, *Journal de Nicolas de Baye*). Яркие мемуары историка Людовика XI, Philippe Comynes, типичны и по своему мемуарному содержанию, и по настроению, к-рое в известной мере можно уже назвать буржуазным. Германская историография после Оттона Фрейзингенского давала мало оригинальных произведений, ограничиваясь переложениями и компендиями «Каталогов» и «Хроник Империи и папства». Наиболее полная из них Маргина из Троппау (собственно Опавы, чеха родом). Живее—местные истории на немецком языке (изд. особо в *Monumenta Germaniae, Deutsche Chroniken*). С появлением печатного станка в герм. странах развернулась работа по восстановлению и изданию памятников средневековой историч. литературы. *О. Добиаи-Рождественская.*

16—17 вв. Буржуазная историография зародилась в Италии, в городах к-рой уже в 14—15 вв. появились «первые зачатки капиталистического производства» (Маркс) и началась эпоха *Возрождения* (см.), выдвинувшая в лице гуманистов ряд блестящих представителей новой светской, индивидуалистической идеологии, выражавшей буржуазные тенденции развития. Под влиянием гуманизма развилось в Италии и новое направление в историографии. Исходя из социально-политических условий наиболее развитых торгово-промышленных городов (особенно Флоренции) и усвоив достижения античной историографии, это направление порвало с религиозно-церковной трактовкой исторического развития и придало истории светский, политический и научнообразный характер. Первые шаги в новом направлении сделала гуманистическая анналистика, наиболее видным представителем которой был Леонардо Бруни. Параллельно провозглашению опытного знания единственным основанием естественных наук, молодое буржуазное мировоззрение требовало и историю поставить на почву изучения реальных фактов. Постепенное внедрение этого принципа, выдвинутого итал. гуманистами в 15 в., составляет основное содержание развития исторической науки в 16—17 вв. Прежде всего требовалось произвести очистку истории от накопленных в прошлые века вымыслов и легенд, т. е. выработать приемы т. н. исторической критики и создать ряд вспомогательных исторических дисциплин для изучения разных видов первоисточников. В 15 в. было положено начало и филологической критике (Лоренцо Валла) и изучению археологии (Флавио Биондо). По мере выполнения этой первой задачи к началу 16 в. отчетливо обнаружилась и вторая: историк мало установить и собрать факты, он должен их также объяснить и поставить в связь между собой. Подлинное разрешение этой задачи не было под силу буржуазной историографии и в последующие эпохи, но уже в 16—17 вв. появились первые попытки найти общие исторические законо-

мерности так же, как выработать приемы объяснения тех или иных исторических событий и фактов, хотя бы из ближайших, непосредственно им предшествующих причин. Этот метод, обычно называемый прагматизмом, неспособный привести к действительно научному объяснению, представлял все же огромный шаг вперед по сравнению с простой отсылкой в каждом случае к промыслу божию, как это делали историки в прежние века.

Флоренция первой трети 16 в. выдвинула таких крупных историков-прагматиков, как Николо Маккиавелли (см.) и Франческо Гвиччардини (см.). Не случайно, что самые выдающиеся представители гуманистической историографии вышли из Флоренции, главного центра гуманистического движения, из города, история к-рого в 13—15 вв. представляла наиболее развитые формы классово-партийной борьбы. Большое влияние на развитие гуманистической историографии в первой половине 16 века оказали «посольские донесения» (*legazione*), мастерами составляя к-рые были особенно флорентийцы и венецианцы. Развитие дипломатического искусства с трезвым и реальным учетом обстоятельств, тонким знанием психологии правителей и сложными политическими расчетами стало для государственных деятелей небольших итал. государств жизненной необходимостью, в особенности в тот момент, когда Италия с 1494 стала объектом и ареной борьбы между Францией, Испанией, Германией. Маккиавелли и Гвиччардини, при всем различии их общественно-политических и исторических взглядов, были активными государственными деятелями и искусными дипломатами, они открыто выступали как «партийные» историки и интересовались преимущественно политическими вопросами. Самым известным историком среди гуманистов был Н. Маккиавелли, автор «Флорентийской истории» («*Delle storie fiorentine*», 8 книг, написаны в 1520—25, изданы в 1532) и политических сочинений—«Князь» («*Il principe*», написано в 1513, издано в 1532) и «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» («*Discorsi sopra la prima decade di Tito Livio*», написаны в 1518—22). Исходя из представления о закономерности исторического развития и повторяемости исторических явлений, Маккиавелли считал возможным предвидеть будущее и научно обосновать политику на твердой базе исторического опыта. «Чтобы знать, что должно случиться,—писал он,—достаточно проследить, что было». Но повторяемость в истории он психологически объяснял наличием «одинаковой природы» у людей, имеющих одни и те же страсти и одинаково реагирующих при аналогичных условиях. Человек не может идти против обстоятельств, но от его сознания и энергии зависит использовать или упустить «случай». Действиями людей движет материальный «интерес». Лучшей частью «Флорентийской истории» является живое изображение гражданских несогласий, борьбы между имущими и неимущими. Но при наличии отдельных элементов, характеризующих классово-партийную борьбу, преобладающей у Маккиавелли остается прагматическая история, в которой политика и война—основные предметы исторического изображения, а сознательная воля основателей государства и законодателей—основная движущая сила. Политические действия он оценивал с точки зрения целесообраз-

ности их результатов. Формы правления— республика или монархия—важны были для него не сами по себе, а в зависимости от их реального классового содержания. Маккиавелли—враг папства, препятствовавшего воссоединению Италии; он—противник христианской морали, проповедующей смирение и терпение. Он—сторонник неограниченной диктаторской власти одного человека, не останавливающегося ни перед какими мерами для достижения поставленной цели. Маккиавелли выдвигал образцом такого государя известного авантюриста Цезаря *Борджиа* (см.). Маккиавелли посвящает ему свою книгу «Князь». Маккиавелли писал, обращаясь к своему «князю»: «Вы должны знать, что бороться можно двояко: один род борьбы—это закон, другой—сила; первый свойственен человеку, второй—зверю. Так как, однако, первого очень часто недостаточно, приходится обращаться ко второму. Князю необходимо владеть природой как зверя, так и человека». К известиям античных историков (Тита Ливия) он относился некритически, а при использовании итал. хронистов (Биондо, Виллани, Симонетты) клал обыкновенно хронике одного из них в основу с добавлениями из других. Рядом с Маккиавелли выделялся его младший современник и другой крупный флорентийский историк Фр. Гвиччардини, автор неопубликованных при его жизни «Флорентийской истории» («Storia fiorentina», написана в 1509, изд. 1559) и «Истории Италии» («Storia d'Italia», 1492—1534, изд. 1561). Но в отличие от Маккиавелли, Гвиччардини был равнодушен к исторической теории и остался эмпириком, исходящим только из нужд практической политики и защищавшим интересы флорентийских оптиматов, к которым принадлежал и сам. Беспринципный циник, Гвиччардини понимал только грубо материальные мотивы действий и сам из личных корыстных соображений служил римской курии, к-рую считал «образцом всех пороков и всякой скверны на свете». Естественно, что он предпочитал аристократическое правление народному, к народу относился как к «черни» и «бешеному животному», не поднимался выше интересов рантьеерской верхушки флорентийской буржуазии и был совершенно равнодушен к вопросу воссоединения Италии, хотя вместе с Маккиавелли стоял за изгнание из нее «варваров». Гвиччардини считал борьбу патрициев и плебеев в Риме гибельным фактом и полагал, что «хвалить социальную борьбу то же, что хвалить болезнь у больного из-за хороших качеств лекарства, данного ему». Гвиччардини не поднимался выше прагматической истории, считая интриги и расчет исходным пунктом политических событий и ограничиваясь изображением войн, политики и эгоистических мотивов. Композиция его работ определялась связью между событиями, язык у него точный и стиль свободен от риторики. Значительное сходство по характеру анализа существует между «Историей Италии» Гвиччардини и произведением его современника и сторонника Медичи, флорентийца Фр. Веттори, написавшего «Обзор истории Италии от 1511 до 1527» («Sommario della storia d'Italia dal 1511 al 1527», изд. 1548). Под влиянием Маккиавелли находились флорентийские историки первой половины 16 в. Нерли, Сеньи, Нарди, Варки, значительно уступавшие своему учителю в глубине, таланте, блеске, причем первые два слу-

жили вернувшись с 1530 во Флоренцию Медичи. Позднейшие итал. историки второй половины 16 и 17 веков, флорентиец Адриани и венецианцы Парута и Давила, находились больше под влиянием Гвиччардини и интересовались, гл. обр., вопросами международной политики 16 в. Из итальянских историков, продававших свое перо мелким тиранам, самым талантливым и бесстыдным был П. Джовио, написавший «45 книг по истории своего времени» («Historiarum sui temporis libri XLV», 1492—1547, изд. 1550—52) и ряд биографий на латинском яз.

Таким образом, дело, начатое Маккиавелли,—выработка исторического метода и установление исторических закономерностей для объяснения исторических фактов—не нашло продолжения и развития даже у него на родине. Кроме *Вико* (см.) никто вплоть до 18 в. не дал глубоких исторических обобщений. Но умение собирать и описывать исторические факты делало все более быстрые успехи. Открытие и завоевание Америки, а также и захваты европейцев в Индии и Африке способствовали пробуждению интереса к новым, раньше неизвестным народностям, к их жизни и нравам и повлияли на усиление этнографических элементов в исторических произведениях. Основателем этнографического направления в историографии был итал. гуманист, миланец Петер Мартир, который в духе просвещенного гуманизма, хотя и по заказу испан. правительства, дал описание страны, флоры, фауны и быта жителей Вест-Индии. С точки зрения конквистадоров писал об испан. завоеваниях в Америке губернатор испан. колоний в Вест-Индии Овьедо, бывший естествоиспытателем и этнографом. Классический труд об испан. завоеваниях в Америке написал Гомара, находившийся на службе у фамилии Кортеца и выступавший апологетом последнего при описании завоевания Мексики. Много внимания этнографическим элементам уделил в своей мало критической работе о государстве инков в Перу Гарсиласса де ля Вега. Под влиянием этнографического направления, вышедшего за рамки чисто политической истории, позднейшие историки стали уделять в своих сочинениях больше внимания географическим и этнографическим моментам.

В 16—17 веках во Франции, Англии, Германии и Голландии стала развиваться национальная историография, находившаяся под сильным влиянием итал. гуманизма по своим историческим приемам, по форме изложения и стилю. Но в каждой стране она принимала особый национальный и политический характер. Историки употребляли обыкновенно национальный язык, а конкретное содержание и проводимые в их сочинениях политические взгляды зависели от местных политических условий и классовой принадлежности автора. Выработанный буржуазным мировоззрением эмпирический, светский и наукообразный характер историч. сочинений нередко сочетался при этом с феодально-дворянской идеологией. Незавершенность выдвинутого молодой буржуазной историографией научного метода привела к тому, что ее достижения оказались на службе у мировоззрений, чуждых буржуазии и подчас открыто реакционных. Во Франции ряд историков-мемуаристов отразил в своих сочинениях историю франц. абсолютизма, начиная со второй половины 15 в. Большое влияние на

развитие мемуарной политической литературы здесь оказал Филипп де Коммин. Обладая острой наблюдательностью и широкой политической осведомленностью, он написал интересные «мемуары» о царствованиях Людовика XI и Карла VIII («Chronique et mémoires», 1464—93, изд. 1524—28), в к-рых дал живые и меткие характеристики. Полагаясь на свою память, он допустил ряд грубых хронологич. ошибок. Историю фронды в форме автобиографии с использованием других источников написал активный деятель фронды кардинал Ретц («Vie du cardinal de Retz», 1613—55, изд. 1717). Политические события он оценивал с точки зрения фрондировавшей против абсолютизма знати. Вся политика сводилась для него к борьбе дворянских кланов между собой и с короной, а идеалом его был заговорщик с сильной волей, хитрый интриган, умеющий подчинить себе массы, в к-рых Ретц видел могучую, но слепую силу. Придворные нравы при Людовике XIV и регенте Орлеанском изображены детально и живо, со злыми и меткими характеристиками, в многотомных «Мемуарах» герцога Сен-Симона, который писал с точки зрения аристократической оппозиции и был ярким противником «царства подлой буржуазии».

Английская историография 16—17 вв. развивалась под большим влиянием итал. историков-гуманистов. В духе флорентийской политической историографии писал о царствовании Генриха VII Тюдора (1622) известный философ и политический деятель Фр. Бэкон. С середины 17 в. под влиянием Английской революции история партийной борьбы становится преобладающей в английской историографии. Основателем этого направления был мемуарист-историк граф Кларендон (Эдуард Гайд), вождь роялистской партии в Долгом парламенте, потом эмигрант и министр при реставрации Стюартов. В своей «Истории восстания и гражданских войн в Англии» («History of the rebellion and civil wars in England», 1646—71) Кларендон дал живое изображение партийной борьбы в Английской революции, но в роялистском освещении, не затрагивая социально-экономических изменений, происшедших в Англии перед и во время революции. Историю Нидерландской революции написал на латинском яз. (изд. 1657) с точки зрения сторонника аристократии и абсолютизма голландский юрист Гуго Гроций, бывший в то же время основоположником буржуазной философии права как автор книги «О праве войны и мира» (1625). В Германии теоретик международного права Пуфендорф писал на латинском яз. биографии шведских королей и курфюрстов Бранденбурга, у которых он служил; его сочинения носят официозный, апологетический характер и не имеют научного значения. Под влиянием гуманизма немецкий филолог Х. Целларий впервые применил для периодизации истории (в 1688), в противоположность старой христианской периодизации по смене четырех монархий, термины древняя, средняя и новая история, в к-рые он вкладывал, однако, не историческое, а узко филологическое содержание: развитие латыни от классической через варварскую (до 15 в.) к возрожденно-классической.

Гуманистическое влияние сказалось и на работах по истории Реформации, принадлежавших светским протестантским историкам (И. Турмайр-Авентин в Баварии и Слейдан в Гер-

мании). Напротив, церковные историки как протестантские (магдебургские центуриаторы, Нокс в Шотландии, Г. Буллингер в Швейцарии), так и католические (Ц. Бароний) преследовали только конфессиональные цели, но и они были вынуждены в полемических интересах обратиться к изучению источников. Выше стояли работы по истории церкви, написанные с политической точки зрения (напр., венецианца Сарпи, автора «Истории Тридентского собора», 1619). Исторические работы иезуитов (итальянцев Орландини и Страда и испанцев Рибаданейры и Марианы) заимствовали у гуманистов формы изложения и нередко давали разнообразный материал, но по своему содержанию и трактовке исторических явлений стояли очень низко и остались бесплодными для развития исторической науки. Издание иезуитом Болландом и его сотрудниками «житий святых» («Acta sanctorum», с 1643) ставило, разумеется, задачи церковно-апологетического характера, но все же было одним из толчков к собиранию и критической обработке источников. Несравненно большее значение для изучения Средневековья и для развития вспомогательных исторических дисциплин имело появление монументального Словаря средневековой варварской латыни (Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, 1678) французского эрудита Дю-Канжа, автора аналогичного и греческого словаря. Анахронизмом была книга «Рассуждение о всемирной истории» («Discours sur l'histoire universelle», 1681), написанная епископом и теоретиком абсолютизма Боссюэтом, к-рый развивал средневековую христианскую точку зрения на историю.

Все наиболее значительные и передовые исторические работы 16—17 вв. созданы были под влиянием гуманистической историографии, к-рая порвала с религиозно-церковной трактовкой истории, освободилась от ее риторики и условных форм, использовала достижения античной историографии, углубила тематику прагматической истории, включив в нее изучение партийно-классовой борьбы, способствовала созданию национальной историографии в ряде стран, дала первую попытку светской периодизации всемирной истории и положила начало исторической критике источников. Однако, гуманистическая историография оставалась еще во многом ненаучной. Она необычайно переоценивала роль личности в истории, почти не уделяла внимания действиям масс и ограничивалась почти исключительно вопросами политической истории. К. Добролюбский.

IV. Историческая наука в новое время.

Историческая наука в 18 в. «Просветители». С конца 17 в. наметился известный сдвиг в области собирания и критики исторических источников [Мабильон (1632—1707) и Тиллемон (1637—98) во Франции и др.] и в развитии вспомогательных исторических дисциплин (*дипломатика*, см.). Л. Бофор критически отнесся к римской исторической традиции (Тит Ливий и др.) о первых пяти веках римской истории («Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siècles de l'histoire romaine», Utrecht, 1738). Это представляло собой чрезвычайно смелый для своего времени шаг вперед от традиции гуманистов. Однако, до «просветителей» в исторических трудах не выдвигалось крупных, принципиально новых проблем. История все еще сводилась, гл. обр., к собиранию

поучительных рассказов или анекдотов. Примером в этом отношении может служить книга Болинброка «*Letters on the study and use of history*», 1738. Действительно, новую постановку проблемы история получила у франц. «просветителей», а до них — лишь у итальянца Вико (см.). В своем замечательном труде «*Принципы новой науки*» («*Principi di una scienza nuova*», 1726) Вико (1668—1744), стремясь превратить историю в точную науку, построил теорию общественного движения, исключительную для своего времени по широте обобщения. Это была первая попытка охватить всю историю человечества как процесс, определяемый строгой закономерностью.

Историки-«просветители» изучали и излагали историю с точки зрения третьего сословия — стремившейся к власти буржуазии. Они относились резко отрицательно к устаревшим феодальным учреждениям. В качестве представителей буржуазии историки-«просветители», в отличие от большинства более ранних историков, интересовались не только непосредственно политическими явлениями, но придавали самостоятельное значение истории торговли, промышленности и культуры. Первая историческая работа основоположника французского «Просвещения» Вольтера (1694—1778) — «История Карла XII» — еще мало оригинальна. Но его основное историческое произведение — «Век Людовика XIV» («*Le siècle de Louis XIV*», 1735—39, переработанное изд. 1752) — является работой совершенно нового типа и представляет собой поворот от внешнего, прагматического понимания истории к анализу отдельных сторон социальной жизни. Исходя в своей критике и в своих оценках из своего политического идеала — такого «просвещенного абсолютизма», к-рый выполнял бы основные требования буржуазных верхов, — Вольтер дает широкую картину государственного управления, внутренней и внешней политики, финансов, торговли, промышленности, церкви, искусства Франции при Людовике XIV. В «Опыте о нравах и духе наций» («*Essai sur les mœurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII*») Вольтер сделал первую попытку написать историю культуры, охватывавшую народы не только Европы, но и Азии. При резко отрицательном отношении к феодальному Средневековью и при преклонении перед античностью для Вольтера — как и вообще для всех «просветителей» 18 в. — характерно ощущение пропасти между античностью и Средними веками. Средневековье в изображении Вольтера — эпоха сплошного варварства, жестокости, бессмысленного суеверия. Рационалистическая критика Вольтера, враждебная церковным авторитетам, совершенно устранявшая из исторического объяснения моменты теологического порядка, отбрасывавшая все мифологическое и легендарное, смело разрушавшая издавна укоренившиеся предрассудки, представляла значительный шаг вперед. Но Вольтер полностью остался на позициях исторического идеализма, слишком преувеличивая роль государственных деятелей в общественной жизни, аристократически относясь к массам.

Другой крупный представитель «Просвещения», «конституционалист» (Энгельс) *Монтескье* (см.) (1689—1755), в своем знаменитом сочинении «*Дух законов*» («*Esprit des lois*», 1748), устраняя, подобно Вольтеру, теологические взгляды, стал на путь сравнительного изуче-

ния учреждений и законов, расширил исторический кругозор далеко за пределы Европы и дал на основании разнообразного, хотя и недостаточного, материала ряд социологических обобщений. Признавая всеильное влияние политических форм на экономический и гражданский строй и культурных народов, Монтескье придает очень большое значение влиянию на общественную жизнь географической среды. Энергичных и сильных северян он противопоставлял впечатлительным, ленивым и слабым южанам; наличие на Востоке деспотии, «гражданского рабства» и затворничества женщин Монтескье объяснял жарким климатом юга; образование крупных государств в Азии ставил в зависимость от наличия там обширных равнин, а развитие государств сравнительно небольших размеров в Зап. Европе — от пересеченного и гористого характера местности. Хотя взаимоотношение человека и среды Монтескье и рассматривал статически, тем не менее его крупнейшей заслугой являлось подчеркивание закономерности исторического развития. Отношение Монтескье к источникам было мало критическим: его «*Рассуждение о величии и упадке римлян*» («*Considérations sur la grandeur et la décadence des Romains*», 1734) основано на рассказах Тита Ливия, приводимых без критики.

Наряду с Вольтером и Монтескье огромное воздействие на историческую проблематику 18 в. оказали идеи социальной философии *Руссо* (см.; 1712—78). Руссо не был историком, но стремился исторически обосновать свой социальный идеал. Используя широко распространенную в то время теорию «естественного состояния» и развив на ее основе учение об «общественном договоре», Руссо дал чисто рационалистическую концепцию исторического развития человечества. Характерной особенностью этой концепции была резко отрицательная оценка современных Руссо общественных условий, выступающая в форме критики «цивилизации» вообще, прежде всего сословного и имущественного неравенства и построенного на этой основе государства. В том значении, какое Руссо придавал собственности и имущественным отношениям, нельзя не видеть выраженного в наивной форме предвосхищения некоторых элементов материалистического взгляда на историю. Для исторических взглядов Руссо наиболее характерны его «*Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*» (1754). На фоне господствовавшего в 18 в. метафизического способа мышления Энгельс называет эту работу «высоким образцом диалектики». Наибольшим влиянием (в частности во время французской буржуазной революции) пользовалась книга Руссо «*Общественный договор*» («*Contrat social*», 1762).

Влияние Монтескье и Руссо испытал *Маблю* (см.; 1709—85), в свою очередь сильно повлиявший на политическую идеологию революции и оставивший ряд произведений, очень характерных для исторических воззрений кануна революции. В своих «*Observations sur l'histoire de France*» (1765) он попытался дать историю Франции в духе общих исторических идей Руссо, изображая ее как процесс узурпации аристократией и абсолютизмом исконных прав народа, принадлежавших ему в эпоху первобытного равенства на коммунистической основе. Маблю критиковал исторические произведения Вольтера и ввел за Монтескье

придавал большое значение естественным условиям. Несмотря на материалистич. тенденции своих построений, Мабли был—совершенно в духе 18 в.—больше моралистом, чем историком.—Огромным успехом пользовалась вышедшая в 1770 книга *Рейналя* (см.; 1713—96) «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes» — произведение мало оригинальное и несколько бессвязное, но с исключительной полнотой отразившее взгляды передовой буржуазной интеллигенции 18 в. и представлявшее собой горячий протест против невольничества.—Следующий этап в смысле усиления материалистических элементов при подходе к явлениям истории не только по сравнению с Руссо и Мабли, но даже и по сравнению с философом-материалистом *Гельвецием* (см.), представляла собой работа *А. Барнава* (см.; 1761—1793) «Introduction à la Révolution française», вышедшая уже во время революции. Исходя из своего деления истории человечества на периоды охотничий, пастушеский, земледельческий и торгово-промышленный, Барнав устанавливал соответствовавшие им формы собственности и власти, соединяя, т. о., элементы материализма в подходе к общественным явлениям с редким для своего времени историзмом.

Тогда же во время революции идеолог жироидистской буржуазии *Кондорсе* (см.; 1743—94) разрабатывал теорию безостановочного и безграничного прогресса, как результата достижений человеческого ума и науки («Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain»). В соответствии с увлечением античностью в революционный период он считал, что исключительную роль в прогрессивном развитии человечества сыграли два народа: древние греки и французы. На Средние века Кондорсе смотрит как на эпоху глубочайшего падения, резко отрицательно относясь к христианству. Христианская религия, по Кондорсе, несет большую долю ответственности за падение культуры; варварские завоевания лишь завершили тот процесс, к-рый был обусловлен христианством. На протяжении Средних веков фанатичное, жадное, развращенное духовенство при поддержке грубой силы давит все, что стремится к самостоятельности. Историю человечества Кондорсе делит на 10 периодов, различающихся достижениями человеческого ума. Новую эпоху Кондорсе начинает с книгопечатания. Под очевидным влиянием революционных событий Кондорсе признавал, гораздо большее, чем его предшественники, значение народных масс. «Все говорит нам о том,—писал Кондорсе,—что мы живем в эпоху великих революций человеческого рода. Кто может нас просветить лучше относительно того, чего мы должны ожидать, кто может нам предложить более верного путеводителя, который мог бы нас вести среди революционных движений, чем картина революций, которые предшествовали настоящей и ее подготовили».

Большое влияние Вольтер, Монтескье и Руссо оказали на развитие науки и за пределами Франции. Влияние Вольтера в Англии испытали отчасти *Юм* (см.; 1711—76) и особенно *Робертсон* (1721—93) и *Гиббон* (см.; 1737—94), сочинение к-рого «История упадка и падения Римской империи» («The history of the decline and fall of the Roman empire», 1776—1788) пользовалось исключительной славой. Работа Гиббона представляет собой первую по-

пытку научной постановки проблемы происхождения христианства, к к-рому Гиббон относится также отрицательно. В смысле глубины и смелости постановки исторических проблем английские историки—ученики французских «просветителей»—значительно уступали своим учителям—идейным предшественникам назревающей во Франции революции.

В то время как франц. «просветители» (в меньшей степени также и английские) были прежде всего литераторами и публицистами возвышавшейся прогрессивной буржуазии, немецкие историки, находившиеся под влиянием Вольтера и Монтескье, обычно были профессорами, «учеными филистерами». Их книги писались не столько для широких кругов образованных—буржуазных и мелкобуржуазных—читателей, сколько для нужд университетского преподавания. В результате, довольно многочисленные эклектические труды немецких историков, отвечавшие академическим требованиям того времени, представляют значительно меньшую ценность, чем работы французских и английских историков.—Многочисленные работы по всеобщей и русской истории и по истории Востока оставил Август *Шлецер* (см.; 1735—1809). Будучи одним из крупнейших немецких историков—последователей Вольтера,—он в то же время придерживался отсталых политических взглядов. Дворянско-крепостническая схема русской истории, выработанная Шлецером в результате его пребывания в России при Екатерине II, оказала впоследствии большое влияние на *Карамзина*, *Н. Полевого* (см.) и отчасти *С. Соловьева* (см.).

Одним из наиболее выдающихся немецких историков того времени был Геерен (Heeren, 1760—1842). В своих политических взглядах он сильно зависел от Монтескье. Но еще характернее для Геерена сильное влияние английской классической политической экономии в лице Адама Смита. Его главный труд («Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt», 1793) представляет собой конкретную историю международной торговли и политических форм в древнем мире, причем автор склонен объяснить исторические явления изменениями в области торговли и техники.

Влияние «просветителей» и успехов естествознания сказалось и на работе *Гердера* (см.; 1744—1803) «Идеи к философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 4 Bde, 1784—94), в которой в теологическо-идеалистическом духе развивалась теория прогресса, как торжества идеи гуманности, а вся история человечества рассматривалась, как «естественная история человеческих способностей, деяний и влечений, подчиняющихся влиянию условий места и времени». Сильные элементы телеологизма, составляющие особенность Гердера, сочетались у него с тем, что Гердер, подобно большинству мыслителей 18 в., непосредственно включал историю в цепь природных явлений, обнаруживая свое непонимание специфических особенностей социальной закономерности.—Наконец, *Винкельман* (см.) — один из наиболее ярких представителей увлечения античностью—своим классическим трудом «История искусства древности» («Geschichte der Kunst des Altertums», 1764) положил основание истории искусства, как научной дисциплине.

Во второй половине 18 века особое место среди историков занимает *Мезер* (см.; 1720—94). Будучи последовательным консерваторм и защитником господствовавших в Германии политической раздробленности и партикуляризма, Мезер составлял оппозицию революционным течениям 18 в. Возражая против преувеличения Вольтером роли правителей в творчестве политических форм, Мезер в своей «*Osnabrückische Geschichte*» (1768) указывал на связь политической организации с хозяйственными условиями и выставлял своим социальным идеалом крепкое, патриархальное крестьянство и связанное цеховым устройством бюргерство. По словам Маркса, Мезер «восхищался тем, что у германцев никогда не существовало „свободы“» (Маркс, Письмо к Энгельсу от 25/III 1868, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., том XXIV, стр. 34), и в числе других доказывал, что германцы испокон веков хозяйничали на хуторах наподобие вестфальских юнкеров.

В области истории 18 век означал огромный сдвиг. Связанное с французской буржуазной революцией 18 в. «Просвещение» необыкновенно обогатило историческую проблематику и расширило содержание и рамки всемирной истории. Были сделаны «первые попытки дать историографии материалистическую основу», были заложены первые основы «истории гражданского общества, торговли и промышленности» (Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 18). Однако, «мыслители 18 века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые ставила им тогдашняя эпоха» (Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 18). В основном они ограничивались «наивно-революционным, простым отрицанием всей протекшей истории» вместо того, чтобы, исходя из истории как процесса развития человечества, стремиться к «открытию законов движения этого процесса» (Энгельс, там же, стр. 25). Свойственное течениям 18 века отсутствие исторического взгляда на вещи приводило к тому, что «все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам. Было решено, что до настоящего момента мир руководился одними предрассудками и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения» (Энгельс, там же, страница 17). «Ослепляла борьба с остатками средневекового быта в общественных отношениях. На Средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на великие шаги вперед, сделанные в течение Средних веков» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Сочинения, том XIV, стр. 648—649).

Буржуазия 18 в., переживавшая восходящую линию своего развития, гордо и уверенно смотревшая в будущее, твердо верила в буржуазный прогресс, причем это принимало характер предрассудка, будто «должен же был иметь место постоянный прогресс к лучшему со времени темного Средневековья» (Энгельс, Письмо к Марксу от 15 декабря 1882, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 599). Противоречивый характер действительного прогресса в условиях буржуазного развития был ей неясен. Однако, каковы бы ни были недостатки исторической методологии 18 века,

для своего времени это был крупный шаг вперед. Проблемы истории впервые были поставлены на почву науки, и первые смелые и революционные, хотя и буржуазно-ограниченные, попытки их разрешения были сильнейшим стимулом к дальнейшему развитию науки.

Историческая наука в первой половине 19 в. В период, непосредственно последовавший за французской революцией, Гегель и *Сен-Симон* (см.), самые всеобъемлющие умы своего времени (Энгельс), открыли перед историей (каждый в своей области) исключительно широкие перспективы. Как указывалось, основным недостатком исторических концепций 18 в. было отсутствие последовательно проведенного историзма. «Величайшая заслуга философии Гегеля заключалась в том, что она впервые представила весь естественный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. исследовала его в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии и пыталась раскрыть взаимную внутреннюю связь этого движения и развития. Людям, стоящим на этой точке зрения, история человечества перестала казаться нелепой путаницей бессмысленных насильий, которые в равной мере все осуждаются перед судейским креслом теперь лишь созревшего философского разума и которые лучше всего возможно скорее забыть. История людей явилась процессом развития самого человечества, и задача научной мысли свелась к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей» (Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 23—24).

Глубокий историзм Гегеля позволял ему, конечно, в идеалистическом свете, видеть специфический характер отдельных этапов человеческой истории. Ленин указывает, что в отдельных высказываниях Гегеля иногда содержатся элементы материалистического истолкования исторических явлений, но при этом Ленин подчеркивает, что именно в своей «Философии истории» Гегель «наиболее устарел и антикварен». «Именно в этой области в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед» (Ленин, Философские тетради, Москва, 1936, стр. 251). Главная заслуга Гегеля не в его исторических построениях, надуманных, зачастую реакционных, а в историческом методе.

Возникшие в итоге буржуазной революции 18 в. политические и общественные учреждения буржуазии «оказались самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов 18 века» (Энгельс, Анти-Дюринг, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 260). Критика результатов революции была дана Сен-Симоном (1760—1825) и *Фурье* (см.) (1782—1837). Фурье «так же мастерски владел диалектикой, как и его современник Гегель», и с той же самой диалектической точки зрения утверждал, «вопреки господствовавшей тогда теории о бесконечной способности человека к совершенствованию, что не только каждый исторический фазис имеет свой период роста и упадка, но что и все человечество, в конце-концов, обречено на исчезновение. Эта идея Фурье заняла в исторической науке такое же место, какое заняла в естествознании идея Канта о конечном разрушении земного шара» (Энгельс, там же,

стр. 264). Фурье делает попытку установить закономерность исторического процесса. Всю человеческую историю он делит на четыре ступени развития: дикое состояние, варварство, патриархат и цивилизация. Капиталистическое общество — «строй цивилизации» — Фурье подверг жесточайшей критике. «Он беспощадно вскрывает материальную и моральную нищету буржуазного мира» (Энгельс). Фурье доказывал необходимость перехода к социалистическому обществу, хотя и не связывал этот переход с классовой борьбой пролетариата.

О Сен-Симоне Энгельс писал: «Гениальная широта взглядов Сен-Симона позволила ему уловить зародыши почти всех позднейших социалистических идей, не относящихся к области чистой экономии» (там же, стр. 263), и прежде всего — идею классовой борьбы. Сен-Симон, к-рого «можно назвать сыном Великой французской революции», вывел из наблюдений над ней заключение о «противоположности между третьим сословием и привилегированными сословиями», причем это приняло у него форму «противоположности между „рабочими“ и „праздными“» (Энгельс, там же, стр. 261 и 262). В эпоху, «когда во Франции крупная промышленность, а вместе с ней противоположность между буржуазией и пролетариатом, только начала развиваться» (Энгельс, там же, стр. 262), такой взгляд представлял собой огромный шаг вперед. Но Сен-Симон на этом не остановился и особенно подчеркивал, что «всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба „самого многочисленного и самого бедного класса“». У него, — отмечает Энгельс, — «буржуазные стремления уживались еще отчасти с защитой интересов пролетариата» (там же, стр. 18 и 19). История человечества, по Сен-Симону, — смена систем мировоззрений: теологического, метафизического и позитивного. Преимущественно более слабые, частично откровенно-мистические стороны системы Сен-Симона впоследствии заимствовал Огюст Конт (см. ниже). Но для развития исторической науки важен не Сен-Симон идеалист, а Сен-Симон, выставивший ряд отмеченных материалистических взглядов.

Капиталистическое — экономическое и политическое — развитие Европы в послереволюционный период происходило необыкновенно интенсивно. То, что в конце 18 в. представляло собой в тогдашней Франции «зародыши гениальных идей», к концу Наполеоновских войн становилось в Англии самоочевидной истиной. «Со времени введения крупной промышленности, т. е., стало быть, по крайней мере, со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уж не было тайной, что центром тяжести всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции со времени восстановления Бурбонов проникло в сознание то же самое явление. Историки того времени, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная с Средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Общественные отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкнове-

ниях их интересов заключается пружина всей новейшей истории, по крайней мере, в двух самых передовых странах» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 669—670). Французы и англичане, крайне односторонне понимая тот факт, что «люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии „делать историю“» — «в особенности, поскольку они находились в плену политической идеологии, — все же сделали первые попытки дать историографии материалистическую основу, впервые написав истории гражданского общества, торговли и промышленности». Применительно к первой половине 19 в. Маркс и Энгельс, отмечая отсталость и идеализм немецкой исторической науки, подчеркивали, что «немцы, как известно, никогда этого не делали, и поэтому у них... никогда не было ни одного историка» (Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Сочинения, т. IV, стр. 18).

Кроме общих экономических условий, на формирование французских историков периода реставрации, несомненно, повлиял и тот опыт политической борьбы, к-рый французская буржуазия приобрела в период революции, империи и реставрации. Идеи крупнейшего из них — Огюстена Тьерри (1797—1856), «отца классовой борьбы» во французской исторической науке (Маркс), сложились под непосредственным воздействием Сен-Симона и романтиков (*Шатобриана*, Вальтера Скотта, см.). Наряду с Тьерри, крупнейшим из историков, выдвинувшихся при реставрации, был поклонник английских политических порядков «либерал-доктринер» Гизо (1787—1874), ставший после революции 1830 одним из столпов Июльской монархии. Находясь в оппозиции к политическому господству аристократии при реставрации и оправдывая дело французской революции конца 18 в., буржуазные историки Франции изучали историческое развитие классовой борьбы, понимая ее как борьбу единого «третьего сословия» против аристократии. Политический строй они объясняли «гражданским бытом», а последний ставили в связь с имущественными отношениями. Основные работы Тьерри, считавшего, что особенностью мышления 19 в. будет «историзм» в противоположность «рационализму» 18 в., посвящены борьбе буржуазии против аристократии во франц. средневековых коммунах («Histoire véritable de Jacques Bonhomme», 1820; «Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands», 1825; «Lettres sur l'histoire de France», 1827; «Dix ans d'études historiques», 1835; «Récits des temps mérovingiens» 1840; «Considérations sur l'histoire de France», 1840; «Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers-état», 1853). Той же задаче — историческому обоснованию прихода к власти буржуазии — посвящены и работы Гизо, не случайно бросившего в свое время пресловутый лозунг: «Обогащайтесь, и вы станете избирателями» («Histoire générale de la civilisation en Europe», 1828; «Histoire de la civilisation en France», 1829—32; «Histoire de la Révolution d'Angleterre», 1827—28). Непосредственно о франц. революции писали Тьер (см.: 1797—1877), впоследствии палач Коммуны («Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'au 18 brumaire», 1823—27) и Минье (см.: 1796—1884) («Histoire de la Révolution française», 1824). «Жаки» и буржуа — вот герои средневековой истории Франции у О. Тьерри, вслед за Сен-Сим-

моном противопоставлявшего «праздным» (дворянству) «трудящимся» (третье сословие). Либерально-буржуазные историки Франции, отводя видное место классовой борьбе, не могли, однако, материалистически объяснить происхождение классов, сводили его к завоеванию и классовую борьбу отождествляли с национальной и расовой борьбой (Гизо, Тьерри). Всю историю средневековой Франции Тьерри в яркой, романтической форме изображал как борьбу между завоевателями—франками (рыцарями) и покоренными галлами («жаками»). История ведет, по мнению Тьерри и Гизо, к победе лучшее (т. е., в их представлении, буржуазного) порядка над реакционным, феодальным. Позднее либеральные историки во Франции, удовлетворившись результатами Июльской революции 1830 и боясь самостоятельных выступлений рабочего класса, стали отходить от классовой точки зрения на исторический процесс. Это особенно сказалось после революции 1848. Подробно оценивая в письме к Энгельсу вышедшую в 1853 последнюю работу Тьерри («История образования и развития третьего сословия») и указывая, что она «очень заинтересовала» его, Маркс подчеркивает: «Удивительно, как это господин, le règne „классовой борьбы“ во французской историографии, гневается в предисловии на „новых“, которые, с своей стороны, видят антагонизм между буржуазией и пролетариатом и полагают, что следы этого противоречия можно открыть уже в истории tiers-état до 1789 года. Он старается доказать, что tiers-état включает в себя все сословия, кроме noblesse и clergé, и что буржуазия играет свою роль в качестве представительницы всех этих остальных элементов» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 48). Значительно более резким был отход от научных позиций Гизо, наглядно показавшего, что после 1848 «даже самые умные люди ancien régime'a, даже те люди, которым ни в коем случае нельзя отказать в своего рода историческом таланте, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что они лишились всякого исторического разумения» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 275 и 280).

После 1830 и 1848 дальнейшие шаги вперед в изучении французской революции 1789—99 сделали уже преимущественно мелкобуржуазные историки в лице народнического настроенного романтика и своеобразного гегельянца, ученика Тьерри—Мишле (см.; 1798—1874), выдвигавшего «народ» в качестве главного героя в революции, но отрицательно относившегося к якобинцам («Histoire de la Révolution française», 7 vls, 1847—53), и социалиста-реформиста Луи Блана (см.; 1811—82), выступившего («Histoire de la Révolution française», 12 vls, 1847—62) с оправданием политики якобинцев, но по-мелкобуржуазному приписывавшего ей социалистический оттенок.

Английские историки первой половины 19 в. значительно уступали французским. Перечисляя в письме к Вейдемейеру произведения буржуазной литературы, изучение к-рых необходимо для того, чтобы «выяснить себе прошлую „историю классов“», Маркс называет, наряду с Тьерри и Гизо, лишь одного англичанина — Джона Уэда (1788—1875), автора «Истории буржуазии и рабочего класса» («History of the middle and working classes») (см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 145), давая ему в то же время в «Капитале» весьма критическую

оценку (т. I, 8 изд., 1935, стр. 172, см. подстрочн. примеч.). В кругах историков тон задавали виги, и характерной особенностью работ либеральных историков был их откровенно-апологетический характер. Одним из первых представителей этого направления был Галлам (см.), автор «Конституционной истории Англии» («Constitutional history of England»), где в полном соответствии с партийной традицией вигов осуждается английская революция середины 17 в. и возвеличивается т. н. «славная» революция 1688. Еще более типичен «шотландский сикофант и краснобаи» (Маркс) Маколей (см.; 1800—59), в своей «History of England from the accession of James II» (первые 2 тома вышли в 1848) «подделавший английскую историю в интересах вигов и буржуазии» (Маркс, Капитал, т. I, 8 изд., 1935, стр. 198, см. подстрочн. примеч.) Самый крупный английский мелкобуржуазный историком, выдвинувшимся в первую половину 19 века, был не профессиональный ученый, а банкир Джордж Грот (см.; 1794—1871), радикал с республиканскими идеалами, близкий к Бенджамину Рижардо, Джемсу Миллю (см.). Написанная в результате тридцатилетнего труда (1823—56) «History of Greece» (12 vls, 1846—56) Грота представляет собой выдающееся для своего времени явление. Работа проникнута восторженным отношением к афинской демократии и направлена против господствовавшей в Англии консервативно-аристократической традиции изображения истории Эллады. Она не совсем устарела и теперь, несмотря на свойственные ей элементы модернизации. Гротом—предпочтительно перед другими историками—пользовался Маркс; Энгельс считал его «авторитетным и, несмотря на все, вполне заслуживающим доверия свидетелем» (Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934, стр. 94), хотя как-раз в вопросе о происхождении и характере рода и родовой организации Грот, наряду с Нибуром (см. ниже), Моммзеном (см. ниже) и всеми другими историками классической древности, потерпел неудачу (см.; там же, стр. 93).—Несколько особое положение занимал Томас Карлейль (см.; 1795—1881), которого «настоящее приводит... в отчаяние, а будущее страшит» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 281) и к-рый, выступая в литературе против буржуазии, ищет утешения в героических эпохах прошлого, выдвигая на первый план «героев» («On heroes, heroworship and the heroic in history», 1841). Сводя на-нет действия масс в истории и отвергая демократию, Т. Карлейль взывал к господству «благородных и мудрых» и фактически оказался, как показал Маркс, апологетом правящих классов.

Развитие исторической науки начала 19 в. не может быть понято вне очень разнообразного по своим классовым корням и мотивам движения, к-рое носило название *романтизма* (см.) и выражало различные оттенки недовольства революцией, разочарования в революции, в ее лозунгах, в ее результатах. В первые десятилетия 19 в. волна романтизма была так сильна, что в той или иной мере она окрашивала большинство умственных течений того времени, большинство исторических школ. В области идеологии (и прежде всего истории) феодально-аристократическая реакция конца 18 в. — начала 19 в. выступила под знаменем романтизма против идей революционной бур-

жуазии, против Просвещения—«духа 18 века». Идеям идеологов возвышающейся буржуазии о бесконечном прогрессе человечества как результате достижений человеческого ума, механизму и атомизму 18 в. была противопоставлена теория органического развития, провозглашавшая необходимость подчинения индивида исторически сложившимся семейным, патриархальным, сословным, государственным связям. Культурно разуму противопоставлялся мистический «дух народа», творящий историю. Вместо преклонения перед античной культурой—апофеоз Средневековья. «Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна, — писал Маркс, — все получало средневековую окраску, все представлялось в романтическом виде» (Маркс, Письмо к Энгельсу от 25/III 1868, в книге: Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 34).

Романтики, борясь в своих реакционных интересах с просветительством, все же оставили известный след в науке. Они опровергли некоторые «нелюбимые», понятные у людей 18 века; гл. обр. это шло по линии их значительно большего историзма сравнительно с антиисторичным (в общем) 18 в. Однако, было бы грубейшей ошибкой преувеличивать элементы подлинного историзма у реакционеров-романтиков начала 19 в. Такова политическая тенденция консервативного историка конца 19 в. — начала 20 в., ярого врага марксизма, Г. Белова (см.). Выше указывалось, какую уничтожающую оценку Маркс и Энгельс давали немецким историкам, сравнительно с их французскими и английскими коллегами, за игнорирование ими «материалистической основы» истории. В своем письме к Мерингу от 28/IX 1892 Энгельс высмеял попытку реакционеров-романтиков присвоить себе первенство в деле изучения экономической истории. Несмотря на бесконечное подчеркивание своей преданности историзму, романтики-реакционеры, подобно Карлелю и даже многим романтически настроенным революционерам позднейшего времени, предавались «удивительно неисторическому апофеозу Средневековья» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 281). Историзм многих романтиков практически сводился к тому, что развитие человечества изображалось ими как история сплошного грехопадения, на фоне которого Средневековье выступает чуть не единственным исключением. Вот почему не случайно, что наиболее реакционные направления современных историков (в частности — фашистские «историки») возвращаются к идеям романтиков.

Своего рода основоположником реакционной романтики был Эдмунд Борк (см.), этот, по характеристике Маркса, «литературный лаяк», к-рый, «находясь на содержании английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к французской революции, а в начале осложнений в Америке, состоя на содержании северо-американских колоний, с таким же успехом выступал в роли либерала против английской олигархии; в действительности же... был самым ординарным буржуа и «всегда продавал себя на самом выгодном рынке» (Маркс, Капитал, т. I, 8 изд., 1935, стр. 610 и 611, см. подстрочн. примеч.). В контрреволюционных памфлетах Борка (1728—97), без конца повторявших призыв к крестовому походу против французской революции 18 в. («Reflections on

the Revolution in France», 1790, и пр.), уже содержатся основные мысли, развитые впоследствии реакционным романтизмом.

В 1796 вышло первое произведение французского эмигранта-аристократа Жозефа Де-Местра (см.; 1754—1821) («*Considérations sur la France*»), приписывавшего революции «сатанинский» характер, отстаивавшего непогрешимость пап (за полвека до принятия этого догмата католической церковью), прославлявшего палача, инквизицию и крайние формы белого террора и декларировавшего—подобно современным фашистам,—что война божественна. Теократия — таков идеал Де-Местра. — В 1797 вышла первая работа Шатобриана (см.; 1768—1848) «*Опыт о революциях*» («*Essai historique, politique et moral sur les révolutions anciennes et modernes*»), а в 1802—его основная книга «*Гений христианства*» («*Le génie du christianisme*»). Произведения Шатобриана, такого же мракобеса, как и Де-Местр,—апофеоз чувства, веры, христианства в его католической, средневековой форме. Основному критерию просветителей—разуму—Шатобриан противопоставляет преимущественно эстетические оценки. Шатобриан — наиболее яркий представитель исходившего из кругов феодальной реакции поворота от классицизма к Средним векам. Характерное со времен гуманистов резко отрицательное отношение ко всей средневековой культуре, чрезвычайно ярко выраженное в словах одного из них: «да будет проклят тот, кто изобрел гнусную готическую архитектуру», нашло в Шатобриане непримиримого врага. — Таким же ультрамонтаном (см.), как и Шатобриан, был Бональд (см.; 1763—1840), которому одинаково ненавистны были все прогрессивные общественные движения буржуазии: протестантизм, рационализм, либерализм. Бональд боролся против теорий общественного договора, противопоставляя им принцип авторитета и целую систему религиозно окрашенной политической метафизики, получившей название «традиционализма». — Одним из наиболее признанных идеологов в официальных кругах европейской реакции был близкий по своим настроениям к Бональду Галлер (см.; 1768—1854), автор шеститомной «*Restauration der Staatswissenschaft*» (1816—25). — Галлер превозносит патриархальный строй Средневековья, противопоставляя его «искусственным» конституционно-демократическим порядкам. Галлер питал непримиримую ненависть к книгопечатанию, этому, по Кондорсе, началу новой эры. Свою задачу он видел в том, чтобы вслед за реставрацией легитимных монархий реставрировать старые государственные теории. В качестве сторонника «теории естественного неравенства людей» Галлер выступал непримиримым противником идей Руссо и энциклопедистов, в особенности за их учение об общественном договоре. Яркий защитник сословных привилегий, Галлер требовал, чтобы монарх во всех вопросах мог поступать, как помещик в своем имении.

В Германии, к-рая разделяла «с новыми народами реставрации, не разделяла их революций» (Маркс, К критике гегелевской философии права, Введение, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 400), наиболее сильное влияние романтизма испытала историческая школа права—«школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных

против кнута, если только этот кнут—старый и прирожденный исторический кнут» (Маркс, там же, стр. 401). Основоположником исторической школы был Гуго (1764—1844), ее наиболее выдающимися представителями — Савиньи (1779—1861) и Эйхгорн (см.; 1781—1854). В основе их исторических построений лежала мистическая концепция творящего историю «народного духа» и представление о социальном развитии, как «органическом», произвольном процессе, не допускающем активного, сознательного вмешательства. Программным документом школы была брошюра Савиньи «Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft» (1814), написанная с целью воспрепятствовать требованиям введения единого общегерманского гражданского кодекса. Исторические работы Савиньи, как и остальных представителей школы, характерны в том отношении, что в них не столько идет речь о развитии как смене форм, сколько подчеркивается «умеренная постепенность» развития, его «преемственность» (Continuität). Также характерно, что основной труд Савиньи «Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter» (1815—31) — не столько история самого римского права в Средние века, сколько история его источников и литературы. «Историческая школа сделала изучение источников своим лозунгом, свою любовь к источникам она довела до крайности, она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику», — образно выражается Маркс (Маркс, Философский манифест исторической школы права, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 209), имея в виду, что изучение и критика исторических источников превращались у сторонников исторической школы в своего рода самоцель, вытесняя изучение самой истории.

Эйхгорн впервые подверг изучению историю германского права и отчасти хозяйства в своей «Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte» (4 тт., 1808—23). В полном соответствии со своей политической тенденцией он, как и Савиньи, подчеркивал большое значение племенной знати уже в эпоху Тацита. Эйхгорн — один из первых германистов, т. е. сторонников того направления в исторической науке, к-рое склонно свести весь строй средневекового феодализма к привнесенным германцами «началам», к специфически «германскому народному духу» (Germanentum), как носителю новой стихии — стихии свежего варварства, пришедшей на смену Риму периода упадка и возродившей европейское человечество.

Эйхгорн, естественно, толковал эти «германские начала» в консервативном духе, в духе социальной реакции, в то время как романтики другой категории связывали их с неопределенными либеральными идеалами. Выказанная еще Монтескье мысль, что «свобода» принесена «из лесов Германии», была популярна в оппозиционных кругах Германии всей первой половины 19 в. и даже проникала в консервативную немецкую историческую науку. Так, уже в 1820 в своей книге «Ueber das Gerichtswesen der Germanen» Рогге доказывал, что свобода древнего германца не была ограничена ничьей властью. «Добродушные энтузиасты, германофилы по крови и свободомыслящие по рефлексии, ищут нашу историю свободы по ту сторону нашей истории, в тевтонских первобытных лесах» (Маркс, К критике гегелевской философии права, Введение, в кн.: Маркс и

Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 401), — иронизировал Маркс, подчеркивая реакционно-утопический характер также и этих националистически окрашенных либеральных тенденций.

Историческая школа права многие из своих критических приемов заимствовала из филологии, в конце 18 и в начале 19 веков сделавшей большие успехи. В 1794 Вольф (1759—1824) своим знаменитым «Введением к Гомеру» («Prolegomena ad Homerum») и последовавшими за этой книгой работами произвел целый переворот в филологии. Вольф не только применил новые критические методы, но и выставил утверждение, что «Илиада» и «Одиссея» — продукт коллективного народного творчества, а не индивидуальное произведение одного поэта. Принципиальное значение этого вывода, совершенно нового на фоне исторических подходов Просвещения, далеко выходило за пределы филологии и распространялось на всю историю вообще. Ученик Вольфа Бёк (Böckh, 1785—1867), подчеркивая, что филология — не самоцель, а средство для изучения общей истории, впервые приступил к критическому изучению почти не изученных до него надписей («Corpus inscriptionum graecarum», с 1825), внес много нового в понимание государственного хозяйства и политических условий Афин («Die Staatshaushaltung der Athener», 3 Bde, с 1817) и оставил после себя целую школу в лице крупнейшего и наиболее интересного своего ученика К. О. Мюллера (см.; 1797—1840), Курциуса и др. Большое значение имели филологические работы Вильгельма Гумбольдта (см.), писавшего также и по общим вопросам истории.

Наиболее близкие в идейном отношении к исторической школе права братья Гримм (см.) — Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859) — представляют собой пример обратного влияния разработанного этой школой исторического метода на филологию. Гриммы, в противовес филологам-классикам, сосредоточились на изучении германских языков, мифологии, фольклора, права и пр. Их заслуги в привлечении внимания к проблемам истории народного творчества, в собирании, научной публикации, обработке и изучении памятников этого творчества, а также в целом ряде смежных научных областей (научная грамматика, история языка, сравнительное языковедение, лексикография, история средневековой литературы и пр.) очень велики. Основные недостатки Гриммов — общие с исторической школой, но ее реакционная тенденция приобретает у Гриммов народнический оттенок, выражающийся в идеализации всякой патриархальщины и прежде всего крепкого крестьянства. Все их работы проникнуты яркой националистической тенденцией, а «дух народа» расширяется до пределов племени и даже всей «арийской» или «индо-германской» расы. Эта фантастическая сторона научных построений Гриммов являлась и является с тех пор основным источником большинства шовинистических псевдонаучных конструкций вплоть до «расовой теории» фашизма.

Влияние романтизма испытал на себе и один из крупнейших историков Рима — Нибуэр (см.; 1776—1831). Нибуэр был одним из первых и наиболее блестящих представителей критического метода разработки источников и оказал в этом отношении огромное влияние на всю последующую историческую науку. В своей «Römische Geschichte» (тт. I и II, 1812, т. III,

посм., 1832), доведенной им лишь до *Пунтичских войн* (см.), Нибур блестяще доказал достоверность литературной традиции о царском Риме и о раннем периоде республики. Много ценного содержится у Нибура и по вопросам не только политической, но и экономической, в частности аграрной истории Рима. «Первым историком,—указывает Энгельс,—который имел хотя бы приблизительное представление о сущности рода, был Нибур, и этим—но также и своими почерпнутыми отсюда ошибками—он обязан своему знакомству с дитмаршенскими родовыми общинами» (Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 147, см. подстрочн. примеч.) (см. *Дитмаршен*). Гораздо слабее общая конструктивная часть его работы, что объясняется тем, что при всем совершенно незаурядном критическом таланте Нибура и на нем сказалось характерное для того времени увлечение «народным духом». В политическом отношении Нибур—один из провозвестников прусско-малогерманской тенденции в немецкой исторической литературе.

В 1824 вышла первая работа—«*Geschichte der romanischen und germanischen Völker*»—наиболее прославленного из официальных немецких историков Леопольда Ранке (см.; 1795—1886). Ранке до сих пор считается нем. историографами основоположником и главой т. н. немецкой исторической школы, т. е. господствующего направления преимущественно прусской исторической науки, воспринявшего реакционные политические традиции историков-романтиков и приспособлявшего их к изменившимся в течение 19—20 вв. общественно-политическим условиям. Политическая позиция Ранке лучше всего характеризуется его отношением к прусскому государству: «Я считаю счастьем принадлежать к государству, с направлением которого я вполне согласен». Ранке—очень плодовитый историк; многочисленные и тщательно подготовленные его работы посвящены гл. обр. политической истории основных стран Западной Европы в 16—18 вв. Для Ранке, выросшего на почве классической немецкой философии и романтизма, характерно, что он противопоставляет свое, якобы специфически историческое, мышление философскому конструктивизму Гегеля. Он считает, что определяющим для каждой эпохи, «духом истории» данной эпохи, является господство тех или иных идей (напр. религиозных—16 в.). В противовес наиболее типичным историкам-романтикам, для Ранке далее характерно, что у него ослабевает интерес к общим процессам. Ранке считал, что историк должен лишь «рассказывать, как было дело», в чем, несомненно, сказывался уже наметившийся к этому времени упадок исторической мысли в Германии. Изучение психологии «исторических деятелей», их мотивов и намерений—главная задача, которую ставил перед собой Ранке. История снова стала у него главным образом дипломатической и политической историей. Внешняя политика определяет, по его мнению, всю внутреннюю жизнь государства. Ослабление интереса к общим закономерностям исторического развития приводило с логической неизбежностью к субъективизму. Чисто научные задачи истории практически ограничивались критикой источников, чему придавалось почти самостоятельное значение. Давая в письме к Энгельсу злую характеристику Ранке, Маркс отмечает,

что «делом „духа“ этот «камердинер истории» считал «собрание анекдотов и сведение всех великих событий к мелочам и пустякам», причём все это оставалось под строгим запретом для его учеников, к-рые должны были «придерживаться „объективного“ и область духа предоставить своему наставнику» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 201). Положительная сторона влияния Ранке (что сигнализировало начавшееся идейное оскудение официальной немецкой науки) заключается в том, что он и его школа (Вайц, Гизебрехт, Ваттенбах и др.), идя по стопам Нибура и др., подняли на небывалую до того высоту дело систематического собирания, критического изучения и научной публикации исторических источников. Главным результатом этого характерного для германской исторической науки культа источников является издававшееся с 1826 многотомное образцовое для своего времени собрание «*Monumenta Germaniae historica*». По своим масштабам и по технике это издание не знало равных себе публикаций; в принципиальном же отношении не меньшее значение имели опубликованные французом Гераром, начиная с 1844, описи (т. н. политихи) земельных владений французских монастырей [*Polyptique de l'abbé Irminon*] (см. *Ирминона аббата политихи*) и др.]. Большое значение имел также изданный Дальманом (1785—1860) справочник «*Quellenkunde der deutschen Geschichte*» (1830), переработывавшийся Вайцем и др. и с тех пор многократно переиздававшийся (с дополнениями).

Очень большой популярностью в течение первой половины 19 в. пользовался Шлоссер (см.; 1776—1861), чрезвычайно продуктивный историк, стоявший значительно левее Ранке и его учеников. Многочисленные и большие по объему труды Шлоссера (наибольшей известностью пользовались его «Всемирная история», 1846—57, и «История 18 столетия», выходящая начиная с 1823) представляют собой огромное собрание, частично довольно сырого, недостаточно критически проработанного материала. Заслугой Шлоссера является то, что в обстановке господствовавшей в Германии реакции он, в отличие от большинства других историков, не только проповедывал свой умеренно-либеральный идеал, но даже высказывал симпатии французской революции 18 в. Свойственный большинству немецких историков идеализм их подхода к истории выражен у Шлоссера особенно ярко (ср. Маркс, Письмо к Энгельсу от 27/II 1861, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15).—Исключение из немецких идеалистических исторических произведений этого времени представляла написанная «весьма реалистически», как отмечал Энгельс, работа Циммермана (1807—78) «*Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges*» (1841—44), послужившая Энгельсу основным материалом при написании им «Крестьянской войны в Германии». Подчеркивая «революционный инстинкт» Циммермана, «который заставил его в этой книге выступить сторонником угнетенных классов», Энгельс указывает, что классовых корней движения Циммерман все же не понял (Энгельс, Крестьянская война в Германии, 3 изд., М.—Л., 1931, см. Предисловие, стр. 3). Работа Циммермана представляла собой максимум того, что дало в области истории наиболее радикальное направление мелкобуржуазной демократии.

Тридцатые и сороковые годы были, в частности, в условиях Германии, временем господства реакции, интенсивного капиталистического развития и постепенной исторической подготовки революции 1848. Вместе с тем это было время «торжественного шествия гегелевской системы. Метод Гегеля распространялся на различные отрасли истории. Один из крупнейших писателей по вопросам военной истории *Клаузевиц* (см.) (1780—1831), «идеи которого были оплодотворены Гегелем» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 249), в своем капитальном труде «*Vom Kriege*» (1832—37) и в ряде других работ применял к истории войн диалектику. *Ф. Х. Баур* (см.) (1792—1860), успешно пользовался методом Гегеля при изучении истории раннего христианства и его догматики; его ученик *Целлер* (1814—1908) в том же разрезе дал (1844—52) историю греческой философии. В 1835 первым в ряду младогегельянцев с критикой христианства выступил *Штраус* (см.) (1808—74), выпустивший книгу «*Das Leben Jesu*» (2 Bde, 1835—36). С большой для своего времени смелостью Штраус доказывал, что евангельские рассказы — продукт бессознательного мифотворчества ранних христианских общин. Против Штрауса выступил *Б. Баур* (см.), упрекавший Штрауса в недостаточном научном радикализме, неокончательном преодолении мистического отношения к творящей мифы общине и утверждавший, что ряд евангельских рассказов сочинены самими авторами евангелий. В 1841 появилась «Сущность христианства» *Фейербаха* (см.). — Фейербахом заканчивается то, чего достигла наука до Маркса и Энгельса. Как бы ни были велики его заслуги на пути от Гегеля к Марксу — именно история являлась его слабым местом. «Поскольку Фейербах материалист, он не занимается историей, поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист. Материализм и история у него совершенно не связаны друг с другом» (Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 35).

Задача соединения истории с материализмом была выполнена лишь Марксом и Энгельсом. Германия 40-х годов 19 века «была чревата... буржуазной революцией... центр революционного движения перемещался в Германию. Едва ли можно сомневаться в том, что это именно обстоятельство... послужило вероятной причиной того, что именно Германия явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 6—7). В идейном отношении «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений 19 века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 8). Марксизм вырос «из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 287); переработав критически «все то, что было создано человеческим обществом», «ни одного пункта не оставив без внимания», Маркс «сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли» (Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 387).

Преодолев Фейербаха, Маркс и Энгельс распространили — в отличие от него — свой последовательный материализм также и на область социальной жизни и, применяя диалектику как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, выработали свою теорию классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата. Разработанная Марксом и Энгельсом теория исторического материализма устранила «два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как-раз действительной массы населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская „социология“ и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных „гравитирующих“ идей или в толковании их, вскрывая корни и без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил... Маркс... указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 13), и тем самым «произвел переворот во взгляде на всемирную историю» (Энгельс). Марксизм — это «единственно научное понимание истории, это «величайшее завоевание научной мысли» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 350) — впервые поставил историю «на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» (Ленин, Соч., т. I, стр. 62—63) (см. *Маркс*).

Ведя непримиримую борьбу со всякого рода упрощенным схематизмом и верхоглядством при подходе к истории, Энгельс, в полном соответствии с Марксом, со всей категоричностью заявлял, что «всю историю надо начать изучать сывнова. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» (Энгельс, Письмо к Шмидту, в книге: Маркс и Энгельс, Письма, пер., ред. и примеч. Адоратского, 4 издание, стр. 372). Маркс и Энгельс постоянно указывали, что необходимо учитывать то положительное, что было сделано в этом отношении буржуазными историками. В то же время они подчеркивали, что ограничиваться буржуазной

исторической литературой нельзя. «Безобразно,—писал Энгельс в 1869,—что не всегда можно пользоваться источниками в оригинале, из них можно почерпнуть гораздо больше, чем из обработок, которые делают туманным и запутанным все, что там ясно и просто» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 263).

Маркс и Энгельс не могли бы выработать свою, проникнутую революционным историзмом теорию, не будучи сами первоклассными историками. «В ряде исторических сочинений», указывал Ленин, Маркс «дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 15), беспрестанно проверяя свои выводы на практике рабочего движения.

Охват исторической тематики Маркса и Энгельса поразителен, как и то колоссальное количество материала и источников, которое при этом привлекалось. Ни одна из основных проблем всемирной истории не осталась в той или иной степени вне поля их внимания. Наиболее грандиозным памятником их совместной работы является «Капитал»—крупнейшее историческое произведение, где рассматривается капитализм во его возникновении, развитии и неизбежном уничтожении—не только в разрезе прошлого, но и в разрезе тенденций будущего—и в то же время дается огромный материал также и по истории предшествовавших капитализму формаций. Из историч. работ, в узком смысле слова, Энгельс считал «в особенности великолепным образцом» применения теории—«„18 брюмера Луи Бонапарта“» (Энгельс, Письма к Блоху, в книге: Маркс и Энгельс, Письма, стр. 376). «Тот прекрасный образец, который Маркс дал в „18 брюмера“,—писал Энгельс Штаркенбергу,—должен вам дать довольно полный ответ на ваши вопросы как раз потому, что это—практический пример» (там же, стр. 409). Кроме того, Маркс и Энгельс специально и углубленно занимались историей докапиталистических формаций—доклассовым обществом, античностью, феодализмом, в частности—историей Германии в Средние века и в период Реформации, историей Востока (Индия, Китай), французской революции, социальным движением и утопическим социализмом во Франции, рабочим движением в Англии, международной политикой 19 в., историей России, в частности—ее аграрного движения, историей военного дела, историей техники, языка, науки, религии и т. д. За всеми этими областями Маркс и Энгельс внимательнейшим образом следили, отмечая каждый раз и используя в своих работах все то лучшее, что давали их современники (Циммерман, Маурер, Морган).—Так, исходя из истории и все снова возвращаясь к ней, Маркс и Энгельс строили теорию, отличающуюся одновременно последовательнейшим монизмом и величайшей конкретностью, объективизмом и своим активным, действительным характером. Характернейшей основной особенностью исторического подхода Маркса было то, что он ставил все вопросы «на... историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безобязанного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 26).

Историческая наука во второй половине 19 в. «Несомненно,—писал Ленин о Франции после 1789 и о Германии после 1848,—буржуазия после обеих этих революций становилась

контрреволюционной» (Ленин, Сочинения, том XIV, стр. 63). Но Ленин указывал, что это не значит, что после 1789 во Франции и после 1848 в Германии уже совершенно закончилась прогрессивная роль буржуазии. «Общей чертой» периода с 1848 до Парижской Коммуны, составляющего часть эпохи, начавшейся в 1789 и в основном завершившейся лишь к 1871, все еще оставалась известная степень «прогрессивности буржуазии, то-есть нерешенности, незаконченности ее борьбы с феодализмом» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 109). Переход к реакционному монополистическому капиталу обозначился лишь с 70-х гг. Это обусловило основные линии развития науки вообще, истории—в частности в период 1848—71. Именно в этот период «идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 11). Но, приняв идею эволюции, «холоульский, подлый, грязный и зверский либерализм», к-рый «расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 465), не мог принять диалектики—этой «алгебры революции». Он принял эволюцию, как медленную и постепенную, и свел ее к односторонней и бедной содержанием форме, «уродующей и калечащей действительный ход развития» (Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 10). Идея эволюции без скачков и катастроф была использована для обоснования реформизма во всех его разновидностях, для «опровержения» целесообразности революционной тактики, для доказательства того, что «революции не нужны и вредны рабочим, которые не должны „переть“ к революции, а должны, как пай-мальчики, скромненько работать над реформами» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 211). Огромную роль в смысле внедрения идеи эволюции в социальную науку сыграли те успехи, к-рые были достигнуты к этому времени в области естественных наук.

Самой яркой попыткой построить на основе методов точных наук позитивную философию, социологию (см. *Позитивизм, Социология*) и «научную политику» являлась система Огюста Конта (см.) (1798—1857), оказавшая во второй половине 19 в. значительное влияние на ряд историков, но представлявшая собой «нечто жалкое» по сравнению с Гегелем (Маркс) [первый том основного труда Конта «Cours de philosophie positive» (т. I, 1830, т. VI, 1842) вышел в год смерти Гегеля]. Человеческую историю Конт вслед за Сен-Симоном делит на три «фазиса» по принципу интеллектуального развития: 1) теологическая стадия (господство воображения, антропоморфизма, авторитета, порядка, военных и жрецов); 2) метафизическая стадия (преобладает отвлеченное, формальное, метафизическое мышление; с этим связаны: критика, сомнения, революция, конституционализм; руководство делами переходит к законникам и адвокатам; в духовной жизни господствуют отвлеченные мыслители, потом—публицисты); 3) позитивная стадия (это высшая ступень—ступень научной политики, отвергающей и реставрацию, и революцию; во главе общества должны стоять «промышленники» и ученые). В начале своей деятельности Конт, олицетворявший тогда прогрессивные тенденции буржуазии, был учеником Сен-Симона, оказавшего на него большое влияние. Работами своего первого периода Конт сыграл известную роль, пропагандируя «естественную»

закономерность социального развития. Провозгласив одним из своих основных девизов «порядок и прогресс», Конт отразил в своем дальнейшем развитии политическую эволюцию все более правевшей франц. буржуазии. Свой «объективный» метод Конт (по существу—агностик) дополнил «субъективным» методом и в вышедшем после 1848 труде «*Système de politique positive*» (4 vls, 1851—54) провозгласил необходимость «позитивной» религии человечества со сложным культом, с первосвященником (сам Конт), со своеобразной мистикой и с педантично разработанной системой обрядов, заимствованных из католичества. Позитивизм Конта, примиривший науку с религией, имел значительное количество последователей, пытавшихся вступить—по идее учителя—в союз с иезуитами для ведения совместной борьбы «дисциплинированных» против «недисциплинированных». Другой попыткой применить методы точного исследования к социальным явлениям для установления господствующих в социальной жизни закономерностей были работы основоположника современной статистики *Кетле* (см.) (1796—1874). Хотя основная работа Кетле в этой области вышла еще в 1835 («*Sur l'homme et le développement de ses facultés, un essai de physique sociale*»), его влияние на историков сказалось, главным образом, во второй половине 19 века.

Вплоть до Дарвина (1809—82) (см. *Дарвин и дарвинизм*) идея эволюции даже в области естественных наук играла еще очень незначительную роль. Поэтому до выхода в свет «Происхождения видов» (1859) влияние естественных наук на историю лишь в очень слабой степени способствовало внедрению идеи развития. Наибольшую роль в этом отношении еще и в додарвиновский период играли всякого рода аналогии между обществом и живым организмом и соответственно—между историей и ростом и развитием организма. Такого рода преимущественно образный «органицизм» был свойственен ряду историков и, в частности, имел существенное значение в построениях романтиков, Сен-Симона, Конта и др. Лишь естественное, построенное на основе дарвинизма и проникнутое эволюционизмом, дало значительный толчок проникновению эволюционизма также и в историю, причем в области исторических наук эволюционизм обычно характеризовался вульгаризацией, прямым извращением дарвинизма и использованием его для апологии капитализма, обоснования вечности капиталистического общества и т. п.—Наиболее характерным представителем этой тенденции был английский философ-позитивист и социолог *Спенсер* (см.) (1820—1903), детально разработавший эволюционную натуралистически-органическую теорию общества, вышедший не только в самом обществе, но и в отдельных его составных частях «организмы», изображавший их развитие по прямой аналогии с биологическим развитием и, под влиянием дарвинизма, придававший вообще большое значение биологическим моментам. Последователи Спенсера, усугубляя реакционные стороны его философии и перенося биологические закономерности на социальную жизнь, пытались в дальнейшем свести классовое деление современного общества к закону естественного подбора.—Англичанин *Бокль* (см.; 1821—1862) в книге «История цивилизации в Англии» («*History of civilization in England*») пытался подой-

ти к истории как к точной науке. Опираясь на Монтескье, Конта и др. и широко используя статистику, Бокль исходит из характерного для него глубочайшего убеждения в том, что в обществе господствует такая же закономерность, как и в природе. По его мнению, природа—климат, почва, пища и ландшафт—непосредственно влияет на историю. Отрицая влияние расы, Бокль утверждает, что именно этими природными факторами объясняется различие между внеевропейскими обществами и европейской цивилизацией. Концепция Бокля, с ее верой в разум, в науку, в прогресс, со свойственным Боклю увлечением естественными науками (и с сопутствующим этому идеализмом), с ее лево-либеральными тенденциями и враждебным отношением к правительственному вмешательству в общественную жизнь, к милитаризму, рабству, была глубоко типична для наиболее прогрессивных слоев радикальной английской буржуазии середины 19 века. Бокль пользовался огромной популярностью и в радикальных кругах русской интеллигенции 60-х и 70-х гг. Примерно в том же духе, как книга Бокля, написаны исторические работы (важнейшая из них—«*Intellectual development of Europe*», 2 vls, 1864) крупного американского естествознателя и историка культуры *Дренера* (см.) (1811—82).

Исторический эволюционизм, добившийся крупных успехов, прежде всего в Англии, на почве влияния на историю бурно развивавшихся естественных наук, распространялся и помимо этого влияния. Чрезвычайно характерна в этом отношении книга *Токвиля* (см.) (1805—59) «Старый порядок и революция», вышедшая в 1856. Происходя из подвергавшейся преследованиям во время революции аристократической семьи, стоявшей во время реставрации на позициях *легитимизма* (см.), Токвиль выступал в ряде работ критиком демократии с позиций либерализма, проникнутого известными аристократическими тенденциями. В этом политическом плане был построен и его «Старый порядок». Центр тяжести этой работы лежал в доказательстве бесплодности революции. Основное достижение революции—равенство в форме бессловесного строя—легко и просто могло бы, по мнению Токвиля, установиться без всякой революции. Между дореволюционным и послереволюционным развитием никакого разрыва нет, а есть, наоборот, глубокая преемственность. Таким образом, основной реакционный тезис Токвиля—отрицание революционного скачка, осуждение революционного пути. Небольшая книжка Токвиля была написана на основе большого архивного материала. Она оказала громадное влияние на большинство его преемников—историков революции—в первую очередь своим глубоким соответствием реакционным настроениям буржуазии Франции, где эпоха буржуазных революций была уже в сущности закончена и где «в дверь стучалась уже прямая схватка пролетариата с буржуазией» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 277).

Тридцатилетие, протекшее после революции 1848, было эпохой разрешения сверху одной из основных задач буржуазно-демократической революции в Германии. «Национальная проблема буржуазного развития Германии»—проблема ее воссоединения, решавшаяся в борьбе двух путей: революционного пути через великогерманскую республику и контрреволюцион-

ного пути через прусскую монархию, — была решена в пользу второго. Затянув своими «„реформами“» «петлю на шею трудящихся масс», Бисмарк сумел «удовлетворить на время аппетиты крупной буржуазии» (Ленин, Соч., т. XII, стр. 108). «Основанные на ручном труде ремесла и мануфактура уступили место настоящей крупной промышленности. Германия снова появилась на всемирном рынке» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 677). Дорожа этими успехами, трусливо отворачиваясь от революции, нараставшей в Германии в 60-х гг., буржуазия, пресмыкаясь перед Бисмарком и позволяя себе лишь торговаться с правительством, «увлеклась победами немецкой армии и вполне помирилась на всеобщем избирательном праве при полном сохранении власти за дворянско-чиновничьим правительством» (Ленин, Соч., т. IX, стр. 263).

Эта основная тенденция политического развития германской буржуазии определила во второй половине 19 века общую линию развития официальной немецкой науки. Из области «исторических наук, до философии включительно...», вместе с классической философией, совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли бессмысленный эклектизм, заботы о доходных местечках, об успехах по службе и даже самое низкое лакейство. Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, в то время как и та, и другое вступили в открытую борьбу с рабочим классом» (Энгельс, Людвиг Фейербах, в кн.: Маркс и Энгельс, Сочинения, том XIV, стр. 677). Историки малогерманского (прусского) направления, ученики и последователи Ранке, пропагандировали культ государства вообще, Пруссии — в частности и ставили во главу угла прежде всего проблемы чисто политической, а не гражданской истории. Более широкое проникновение буржуазных влияний в официальную германскую историческую науку после 1848 сопровождалось в данном случае, наряду с большим прогрессом в области техники исторического исследования, ее общим теоретическим оскудением. В этом отношении политические и научные биографии Дройзена, Зибеля (см.) и др., превратившихся из критиков раздробленности, феодализма и пр. в типичнейших «придворных лакеев» (Маркс) прусского государства, очень показательны.

Дройзен (1808—84) — один из наиболее выдающихся и крупных представителей этого направления — написал «Историю прусской политики» («Geschichte der preussischen Politik», 1855—86) и «Историю эллинизма» («Geschichte des Hellenismus», 2 Teile, 1836—43, 2 Aufl., 1877—78), где мелким греческим республикам противопоставлялся «прообраз Пруссии» — македонская монархия, объединившая греков. Самой типичной фигурой прусской национал-либеральной школы был ученик Ранке — Зибель (1816—95), плодовитый историк и политический деятель, открыто отрицавший «объективность» истории, о которой говорил Ранке, и написавший по предложению Бисмарка «Основание германской империи Вильгельмом I» («Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I», 7 Bde, 1890—94). В националистическом духе и с точки зрения буржуазии, напуганной выступлением рабочих в револю-

ции 1848, написана Зибелем и дипломатическая история эпохи французской революции («Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1800», 5 Bde, 1853—74). Крайним выразителем идеи малогерманского направления был саксонец Трейчке (1834—96), который стал пылким прусским шовинистом, развивал расовую теорию, подчеркивал племенные особенности в историческом развитии Германии и признается теперь немецкими фашистскими «историками» их предшественником. По политическому содержанию своих работ и по методам исследования все названные историки примыкали в той или иной степени к школе Ранке. Они подняли на значительную высоту критические приемы обработки и использования исторических источников, но в общетеоретическом отношении и в смысле широты своих концепций они очень уступали своему учителю, все же воспринявшему ряд элементов философской культуры Германии начала 19 в.

Те же тенденции нашли отражение и в трудах крупнейшего историка Рима и едва ли не продуктивнейшего историка вообще — Теодора Моммзена (1817—1903), написавшего до 1.500 работ. Ярче всего сказались они в его «Римской истории» («Römische Geschichte», Bde I—III, 1854—55, т. V, 1886, т. IV не был написан; есть русский перевод, нов. изд., т. I, М., 1936). Явно имея в виду аналогию с ролью Пруссии в процессе воссоединения Германии, Моммзен сравнивает развитие Греции и Рима и подчеркивает, что только Риму удалось достичь национального объединения (так трактует Моммзен завоевание Римом различных племен и городов Апеннинского полуострова). Моммзена (как и Дройзена) отличает от его предшественников очень определенно выраженный «великодержавный» подход. Моммзен является одним из ярких представителей тенденции «модернизации» античной истории — тенденции, крайне характерной для многих историков второй половины 19 в. Большинство политических деятелей Рима он сравнивает с деятелями нового времени. В том же духе оцениваются римские социальные группировки. Моммзен негодует по поводу своеобразия «римских юнкеров» (патриции, сенаторы), возмущается римской «чернью» («плебеи», «пролетарии»). В обстановке цезаристского «бисмаркизма» было не случайно, что идеалом Моммзена являлся Цезарь — крупнейший, в его изображении, герой не только античной, но и всей мировой истории. В той же степени, как политике, Моммзен модернизирует и экономику.

«Римская история» Моммзена, несмотря на все свои недостатки, до сих пор является одной из крупнейших научных работ по истории Римской республики. Отвергая, вслед за Нибуром, достоверность сведений о царском периоде и о ранней республике, Моммзен тем не менее сделал попытку дать последовательное, систематическое изложение римской истории с древнейших времен, уделяя внимание, наряду с политической историей, также истории учреждений и истории социальной, экономической и культурной. Крупнейшей работой Моммзена, кроме «Римской истории», является его «Римское государственное право» («Römisches Staatsrecht», 3 Bde, 1871—88). Под его редакцией было начато издание латинских надписей — «Corpus inscriptionum latinarum» (с 1863), очень слабо изученных до Моммзена. Научная деятельность Моммзена — максимум

того, на что способна была официальная, общепризнанная немецкая буржуазно-юнкерская историческая наука со второй половины 19 в.— От историков-малогерманцев мало чем принципиально отличались ориентировавшиеся на Австрию великогерманцы (Ф. Фишер, К. Франц).

Наиболее крупным и прогрессивным явлением, характерным именно для этого периода развития европейской историч. науки, был сдвиг в изучении древнейших этапов человеческой истории, связанный прежде всего с именами *Маурера* и *Моргана* (см.). «В 1847 г.,—писал Энгельс в примечании к нем. изд. 1890 «Манифеста Коммунистической партии»,—почти совсем еще не был известен доисторический период общества, общественная организация, предшествовавшая всякой писаной истории. После этого Гакстаузен открыл общинное землевладение в России, Маурер доказал, что оно являлось общественной основой, из которой в историческом развитии исходили все германские племена, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением земель была первобытной формой общества от Индии до Ирландии. Наконец, *Морган* завершил дело своим открытием истинной сущности рода и его положения в племени, вскрыв этим внутреннюю организацию этого первобытного коммунистического общества в его типичной форме» (Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1936, стр. 15—16).

Гакстаузен (см.) (1792—1866), консерватор и крепостник, заинтересовавшись аграрным строем славян, предпринял в 1843—44 с благословения и при денежной поддержке правительства Николая I свое знаменитое путешествие по России. Результатом этого путешествия был выпущенный им в 1847—52 труд «*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*» (3 Bde). Значение этой книги заключается в том, что автор, тенденциозно прикрашивая русскую аграрную действительность, в то же время дал фактически первое обстоятельное описание земельной общины. Сам Гакстаузен считал общину чисто славянским началом, не свойственным основам германской народной жизни. Однако, к этому времени накопилось уже достаточное количество данных относительно общинных порядков также и у ряда других народов.

Честь открытия действительного значения земельной общины в истории Зап. Европы и, в частности, Германии принадлежит *Л. Г. Мауреру* (1790—1872). В 1854 вышел первый его труд—«*Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf- und Stadtverfassung und der öffentlichen Gewalt*» (остальные его работы по этим вопросам: «*Geschichte der Markenverfassung*», 1856; «*Geschichte der Frohnhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung*», 4 Bde, 1862; «*Geschichte der Dorfverfassung*», 2 Bde, 1865—66; «*Geschichte der Städteverfassung*», 4 Bde, 1869—71). Маурер, подчеркивал Маркс, доказал, что частная собственность на землю существовала вовсе не всегда, что она вовсе не соответствует исконным и естественным порядкам, как утверждало большинство экономистов-историков, а возникла лишь позже, являясь, таким образом, результатом, а не исходным пунктом исторического развития. «Идиотский вестфальский юнкерский взгляд (Мезер и т. д.), что немцы поселялись каждый в отдельности и лишь впоследствии образовывали села, волости, опровер-

гается совершенно... Мое предположение, что азиатские или индийские формы собственности сначала существовали везде в Европе, снова тут (хотя *М[аурер]* ничего об этом не знает) подтверждается» (Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 28). «Не только первобытная эпоха, но и все позднейшее развитие свободных имперских городов, пользующегося иммунитетом помещичьего землевладения, государственной власти, борьбы между свободным крестьянством и крепостничеством—все это получает совершенно новое освещение» (Маркс, Письмо к Энгельсу от 25/III 1868, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 33).

Работы Маурера означали целый «переворот во взглядах на историю и развитие „германской“ собственности» (там же, стр. 29). Оказалось, что древнейший земельный строй германцев, «от которого в наши дни сохранились только жалкие остатки... на протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного строя и глубоко проник во всю общественную жизнь не только Германии, но и Северной Франции, Англии и Скандинавии» (Энгельс, Маркс, в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 629). В отличие от позднейших историков-медиевистов Маурер с достаточной рельефностью подчеркивал, что внедрение феодальной собственности было глубоко социальным переворотом. Придавая огромное значение работам Маурера, Маркс и Энгельс критиковали, однако, свойственные ему недостатки и встречавшиеся у него противоречия (см. *Маурер*). Одновременно с Маурером с близкими к нему выводами в 1851 выступил *Ландау* (см.).

Широкое развитие и размах социальных движений и значение, к-рое в эпоху буржуазных революций получил аграрный вопрос, способствовали тому, что наиболее передовые буржуазные историки этого периода стали под влиянием Маурера уделять значительное внимание историческим судьбам общины. Влияние дарвинизма частично объясняет постановку и попытки разрешения этой проблемы на базе последовательного эволюционизма. Связанное с успехами капитализма и с развитием мировых связей и сношений расширение кругозора европейских ученых приводило к тому, что в сферу изучения втягивались все новые и новые народы. Значительные успехи сравнительного языкознания подсказывали метод сравнительно-исторического изучения истории вообще и истории отдельных социальных институтов у различных народов в частности. В результате изучения отсталих в культурном отношении народов этнографический материал широко используется при изучении мало известных периодов истории. Наряду с другими учеными на этой почве выдвинулся английский исследователь древнего права, один из наиболее ранних сторонников сравнительно-исторического метода,—*Мэн* (1822—88). В своих трудах, публиковавшихся еще с 60-х гг. (особенно «*Village communities in the East and West*», 1871; «*Lectures on the early history of institutions*», 1875; «*Early law and custom*», 1883, и пр.), Мэн на основании изучения истории английского, греческого, римского, германского, ирландского, славянского и пр. права доказывал широкое распространение общины у всех «арийских» народов.—Наиболее видным представителем сравнительно-исторического метода в России был *М. Ковалевский* (см.) (1851—1916).

Работы представителей сравнительно-историч. школы внесли много нового в изучение ранних этапов человеческой истории. Однако, до *Моргана* (см.) (1818—81) внутренняя организация примитивной формы человеческого общества оставалась неясной. «Первый, кто попытался... вести определенный порядок в предисторию человечества, был Морган» (Энгельс, Происхождение семьи..., М., 1934, стр. 31), выпустивший в 1877 свой основной труд «Древнее общество или исследование линии человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» («Ancient society or researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization»), но еще с 50-х гг. публиковавший предварительные работы по этим же проблемам. Своего рода предшественником Моргана был *Бахофен* (см.) (1815—87), до выхода в свет книги к-рого «Das Mutterrecht» (1861) «говорить об истории семьи,—писал Энгельс,—не приходится. В этой области историческая наука находилась еще всецело под влиянием моисеева Пятикнижия. Изображенная в нем подробнее, чем где-либо, патриархальная форма семьи не только безоговорочно принималась за древнейшую форму, но и отождествлялась—за исключением многоженства—с современной буржуазной семьей, так что, в сущности говоря, семья как бы вообще не прodelала никакого исторического развития» (там же, стр. 21—22). На основании анализа древнеклассической литературы Бахофен пришел к заключению, что моногамия (единобрачие) предшествовал период беспорядочных половых сношений, сменившийся матриархатом, из к-рого лишь впоследствии развилось отцовское право. Несмотря на его своеобразный, чисто идеалистический подход к разрешению поставленной проблемы, выступление Бахофена—«гениального мистика», по выражению Энгельса,—«означало в 1861 г. настоящую революцию» (там же, стр. 24).—Исходный пункт построения Моргана, примкнувшего к выводам Бахофена,—«раскрытие первобытного материнско-правового рода, как стадии, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет,—подчеркивал Энгельс,—для первобытной истории такое же значение, как дарвиновская теория развития для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии». Это «дало Моргану возможность впервые начертать историю семьи, в которой, по крайней мере предварительно, установлены в общих чертах классические ступени развития». Тем самым началась «новая эпоха в разработке первобытной истории. Материнско-правовой род стал той точкой опоры, вокруг которой вращается вся эта наука» (там же, стр. 29). Морган, установивший, что моногамная семья обязана своим происхождением собственности, подвергший «цивилизацию... критике, напоминающей критику Фурье», и говоривший «о будущем переустройстве... общества словами, которые мог бы сказать Карл Маркс» (Энгельс, там же, стр. 30), «во второй раз», по словам Энгельса, «самостоятельно открыл» «в границах своего предмета» «Марксово материалистическое понимание истории» [Энгельс, Письмо к Каутскому от 16 февр. 1884, в книге: Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 247].

Историческая наука в период 1872—1904. Предшествующий Коммуне период был в целом

периодом победы и утверждения капитализма в передовых странах. С 70-х гг. началась «эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода от прогрессивной буржуазии к реакционному и реакционнейшему финансовому капиталу» (Ленин и н. Соч., т. XVIII, стр. 108). Процесс все более углублявшегося упадка капитализма, процесс, развивавшийся крайне неравномерно и противоречиво, не исключал—особенно в начале—прогрессивных проявлений и тенденций нек-рых слоев буржуазного лагеря. Господство реакционных настроений было симптомом того, что восходящая линия развития буржуазии достигла своего переломного пункта. Буржуазия подходила к пределу тех прогрессивных возможностей, к-рые были свойственны ей в период борьбы с феодализмом.росло рабочее движение, создавались и укреплялись массовые организации рабочего класса. Главной заботой буржуазии как класса становилась охрана занятых ею позиций и сопротивление всеми силами и средствами великому историч. движению, угрожавшему самым основам ее существования.—Во Франции, отмечал Энгельс, «историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца». «За три года, 1848—1851,—добавлял к этому Ленин,—Франция в быстрой, резкой, концентрированной форме показала те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру» (Ленин и н. Соч., т. XXI, стр. 390 и 391) и к-рые в остальных странах лишь впоследствии достигли полной наглядности. В частности, так было и в области исторической науки, где уже после 48-го года ярким и очень ранним представителем новых тенденций политической эволюции буржуазии стал—и это не случайно—аристократ граф Токвиль (см. выше).

Если уже книга Токвиля представляла косвенный отголосок июньских дней 48-го года, то, несомненно, гораздо более непосредственной и крайней формой реакции на «первый удар по капитализму»—на Парижскую Коммуну—было знаменитое сочинение *Тэна* (см.) (1828—1893) «Происхождение современной Франции» («Les origines de la France contemporaine», 3 ч., 1876—93). Очень разносторонний по своим интересам, Тэн, несомненно, был одним из наиболее ярких буржуазных идеологов второй половины 19 века. Довольно поверхностно и эклектично соединив в своем, в основном натуралистически-позитивистском, мировоззрении такие элементы, как естественно-научный эволюционизм, немецкую философию, романтизм и английский эмпиризм, Тэн добился положения одного из наиболее модных и влиятельных литераторов. Все этапы эволюции этого «владельца дум» буржуазии этого периода особенно показательны. Весьма характерно его основное сочинение, этот, как доказал еще Олар, клеветнический, совершенно ненаучный, контрреволюционный памфлет против французской революции и особенно против якобинской диктатуры. Работу над ним Тэн начал под непосредственным впечатлением от Парижской Коммуны. Острая ненависть буржуазии, перепуганной первой диктатурой пролетариата, определяет все его построение, пронизывает все тома книги.

Период 1848—71—«период бурь и революций» (Ленин и н.)—сменился, примерно, с 1872, периодом «сравнительно мирного развития капитализма». В рабочем движении устана-

вливается «целая полоса господства оппортунизма...» (Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 8 и 7). Насажение и поддержка оппортунистических тенденций становится важнейшей задачей буржуазной политики по отношению к рабочему классу. В области истории это способствует тому, что усиливающиеся реакционные тенденции буржуазных историков конца 19 века обычно выступают в более замаскированной, не в такой неприкрытой и откровенно контрреволюционной форме, как у Тэна и ряда других историков непосредственно после кровавого подавления героической Коммуны. Любопытной в этом отношении и исключительно показательной параллелью к Тэну является один из крупнейших французских историков *Фюстель де Куланжа* (см.) (1830—89). Особенно характерен основной труд Фюстель де Куланжа, его «История общественного строя древней Франции» («Histoire des institutions politiques de l'ancienne France», 6 vls, 1875—1892). Эта работа, как и книга Тэна, была написана после Коммуны. Тэн в своей книге сводил все несчастья современной ему буржуазной Франции к тому, что революция 18 в. насильственно нарушила «органическое» развитие Франции предшествующей эпохи. Труд Фюстель де Куланжа по первоначальному замыслу автора должен был быть доведен до 1789. Это была именно та эпоха, с к-рой начал Тэн. Фюстель де Куланж разрабатывал другую сторону проблемы, поставленной одновременно Тэном, и у него также все в конечном итоге сводилось к систематическому подчеркиванию того, насколько, якобы, глубоко «органическим» было предшествовавшее революции развитие Франции. Основной идеей этого труда является крайне односторонне выдвигаемая «непрерывность» («la continuité»), отрицание революционного скачка при переходе от одной эпохи человеческой истории к другой. В этом основном пункте Фюстель де Куланж вслед за Токвилем резко порывает с революционными традициями передовых французских историков и сближается с наиболее реакционным феодально-дворянским кругом историков-романтиков (Савиньи), у которых уже встречался даже самый термин «Continuität» и с которыми Фюстель де Куланж полемизировал по ряду других вопросов. Фюстель де Куланж, заостряя всю свою аргументацию против изображения падения Рима, как революции, ополчается против точки зрения германистов, утверждавших, что германцы обновили одряхлевший мир. Фюстель де Куланж вообще отрицал, что варвары внесли что-либо существенное в историю. Они, по его мнению, лишь пассивно подчинились романизации, и их роль при этом была чисто отрицательной. Низкая степень развития, на к-рой они стояли, способствовала общему понижению достигнутого римской цивилизацией уровня, но не ее уничтожению: германцам нечего было противопоставить Риму, кроме своего бескультурья. В принципиальном отношении строй германцев ничем не отличался от римского. Фюстель де Куланж был, в сущности, первым, кто открыто и решительно выступил против Маурера и его общинной теории. На низкую оценку Фюстель де Куланжем древних германцев повлияли шовинистические настроения французской буржуазии после Седана и Парижская Коммуна. Испуганная французская буржуазия особенно старалась затушевать революционную роль,

сыгранную германскими племенами в уничтожении изжившего себя рабовладельческого общества. Франция возникла будто бы не в результате социального катаклизма, не в результате революции, а в процессе медленного, постепенного, «органического» развития.

В весьма консервативном духе была написана и капитальная работа *Сореля* (см.) (1842—1906) «Европа и Французская революция» («L'Europe et la Révolution française», 8 volumes, 1885—1904). Идя по стопам Токвиля, Сорель, опираясь на богатейший архивный материал, стремился показать преемственность между дипломатией старого порядка и дипломатией периода революции и Наполеона I и изображал революционную дипломатию как результат условий, возникших еще при старом порядке.—Широкой известностью в этот период пользовался также весьма консервативный по своим политическим убеждениям *Ренан* (см.) (1823—92), автор работ по истории христианства и древней Иудеи: «Histoire des origines du christianisme» (7 vls, 1863—99) и «Histoire du peuple d'Israël» (5 vls, 1887—95), написанных с рационалистической точки зрения, но имевших мало научных достоинств.

В Германии крупные успехи были сделаны в течение этого периода в области древней истории. Новый период развития буржуазии проявился здесь особенно сильно в том отношении, что чрезвычайно усилились тенденции крайней модернизации прошлого. Эта бесспорно реакционная тенденция имела своим источником стремление буржуазии исторически обосновать вечность категорий капиталистич. общества. Крупнейшим представителем модернизма был *Эдуард Мейер* (см.) (1855—1930), у которого модернизм принял форму своеобразной теории цикличности исторического развития. Особенно полно его точка зрения была выражена в полемике с Бюхером (см. ниже) в небольшой брошюре «Экономическое развитие древнего мира» (1895). Возражая против схемы Бюхера, исходившего из установления последовательных прогрессивных стадий экономического развития общества, Мейер утверждал, что античный мир прошел те же стадии развития, как и позднейший европейский. История Египта и Греции знает свои периоды расцвета (древнее царство, эгейская культура), за которыми следует период Средневековья (среднее царство в Египте, гомеровский период Греции). Высшая стадия развития древнего мира—эпоха «античного капитализма». Сильнее всего он был развит в Греции (в Афинах, 5 в.) и во времена ранней Римской империи. Затем последовал упадок, возврат к натуральному хозяйству, новое Средневековье. Такой путь развития, по Мейеру, есть своего рода закон, присущий движению всех обществ. Положительной чертой Э. Мейера является его стремление трактовать историю древности как часть всемирной истории; в своем основном труде «Geschichte des Alterthums» (5 Bde, 1884—1902) он излагает события истории отдельных стран в их взаимной связи, уделяя значительное внимание социальной истории. На последних работах Мейера, написанных уже в период зрелого империализма, его консерватизм и реакционность проявились особенно сильно.

Крайним представителем значительно более примитивного модернизма был *Пельман* (см.). Его ранняя работа «Die Uebervölkerung der

antiken Großstädte» (1884) появилась тогда, когда общим местом германской консервативной публицистики было утверждение, будто перенаселение является одним из величайших бедствий современности. Уже в то время этот своего рода «мальтузианский» подход являлся одним из аргументов, которыми господствующие классы Германии обосновывали свои экспансионистские стремления. Пельман доказывал, что перенаселенность наблюдалась и в античном мире. В своей основной работе «Die Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus» (2 Bde, 1893—1901) Пельман пошел еще дальше. Под впечатлением роста рабочего движения Пельман доказывал, что античному миру присущ не только капитализм, но и все, что с ним связано, вплоть до социализма и коммунизма. Классовая борьба в античном городе, утверждал он, приводит к кризису, единственным выходом из которого могла бы быть только стоящая над классами социальная монархия. Эллинистическим монархиям, а впоследствии Римской империи лишь частично удалась задача примирения социальных противоречий. К концу античного мира эти противоречия приобретают наибольшую остроту. Пельман доходит до того, что характеризует отдельные выступления религиозных сект как протестарскую революцию. Всякое выступление низов, всякое революционное выступление ведет, по Пельману, к разрушению культуры. Рост классовой борьбы в античном обществе привел, по Пельману, древнюю Грецию к упадку и ее культуру к гибели; последняя может достичь своего расцвета лишь при капитализме. Таков основной, характерный для эпохи империализма, глубоко реакционный фон всей аргументации Пельмана.

Другим выдвинутым в этот период немецким историкам античности свойственна та же тенденция к модернизации. Одним из проявлений такой модернизации было, между прочим, слишком широкое и недостаточно критическое применение Белозом (см.) статистического метода к изучению древней истории («Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt», 1886).—Достоинством основной работы Белозома—его «Истории» Греции («Griechische Geschichte», 3 Bde, 1893—1904)—является большое внимание, уделяемое им экономической истории.

Значительно большее, чем прежде, внимание к проблемам экономической истории было свойственно в этот период не только немецким историкам. Это объяснялось общими условиями времени, но частично также и косвенным влиянием марксизма на буржуазных историков. Из французских историков древности большое внимание экономическим проблемам уделял ученик Фюстель де Куланжа—Гиро («La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine», 1893; «La main-d'œuvre industrielle dans l'ancienne Grèce», 1900). Под непосредственным влиянием марксизма написал свою книгу «Конец рабства в античном мире» («Il tramonto della schiavitù nel mondo antico», 1898) Чикотти (р. 1863).

Немало было сделано—в частности в Германии—также и по социально-экономической истории Средних веков. Еще предшествующий период—период интенсивного развития буржуазии и буржуазного преобразования Германии—выдвинул ряд крупных историков аграрных отношений, в т. ч. Гансена (сборник

его статей «Agrarhistorische Abhandlungen» вышел в 1880) и базировавшегося на выводах Маурера Мейцена (см.) (1822—1910). В 1896 вышел обобщающий труд Мейцена «Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen». Мейцен, так же как Гансен и Маурер, исходя из условий современного ему землепользования, сделал попытку дать широкую картину типов и характера развития системы расселения и землепользования в отдельных районах и у разных народов.

В конце 70-х гг. Инама-Штернег (см.), видный австрийский чиновник и профессор, экономист исторической школы, предпринял первую, в сущности говоря, попытку дать общую экономическую историю Германии («Deutsche Wirtschaftsgeschichte», 3 Bände, 1879—1901). Этому предшествовало его сочинение, посвященное истории крупного землевладения при Каролингах («Die Ausbildung der grossen Grundherrschaften während der Karolingerzeit», 1878). Инама-Штернег отражал тенденции бурного и интенсивного капиталистического развития Германии и Австрии после 1871. Современная ему действительность наложила очень сильный отпечаток на его подход к периоду Каролингов, о котором он говорит в восторженном тоне, как о периоде глубоких прогрессивных сдвигов. Инама-Штернег изображает крупного землевладельца Каролингского периода носителем прогресса, его основной движущей пружиной. Его труд представляет собой панегирик крупному предпринятию вообще—независимо от того, феодальное ли это поместье или капиталистическая фабрика. Наряду с Ничем (см.) Инама-Штернег является виднейшим представителем так называемой вотчинной теории, т. е. теории, которая считала поместье элементом, целиком определявшим социальное развитие Средневековья.

К той же, в основном, точке зрения вотчинной теории примыкал и Лампрехт (1856—1919). Лампрехт пытался отыскивать в истории общие закономерности, но теоретический уровень его построений был невысок. Его заслугой было то, что в своей общей «Истории Германии» (1890—1909) он пытался выйти за рамки политической истории, противопоставляя ей широко понимаемую им «историю культуры». Однако, при установлении своих «культурно-исторических периодов» Лампрехт впадал в чистейший субъективизм в духе психологического направления. Наиболее ценными его работами являются труды по экономической истории («Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter», 4 Bde, 1885—86).

В основном на почве вотчинной теории стоял также Бюхер (1847—1930). В вышедшей в 1893 книге «Возникновение народного хозяйства» («Die Entstehung der Volkswirtschaft») он устанавливал три стадии развития: 1) замкнутое (домашнее—«ойкосное»), 2) городское и 3) народное хозяйство. В своей периодизации Бюхер исходил из длины пути, проходимого продуктом от производителя к потребителю. Эта абстрактная схема, в основе которой лежал признак не из сферы производства, а из области обмена, стирала грани между отдельными социально-экономическими формациями с различными производственными отношениями и затупевала вопросы о формах эксплуатации и о характере классовой борьбы.

Несколько позднее была сделана и другая попытка синтетического объяснения происхождения и развития капитализма («Der moderne Kapitalismus», 2 Bde, 1902), предпринятая Зомбартом (род. 1863), который с конца 19 века выступал критиком Маркса и поставщиком идеологии германского национализма и империализма, а впоследствии—фашизма. Примыкая по своим взглядам на историю к неокантианцам, Зомбарт сводил объяснение капиталистического развития к «духу капитализма».

Крупный немецкий историк и ярко выраженный консерватор Белов (1858—1927) положил в конце 19 в. начало той оппозиции, завоевавшей господство вотчинной теории, к которой постепенно примкнули многие историки-медиевисты (наиболее известный из них—Допш). Справедливо возражая против приписывания вотчинной теории всеобъемлющего и все собой поглощающего значения поместью, Белов, в частности в своем подходе к проблеме происхождения городов, подчеркивал роль сельской общины. Однако, в конечном итоге это нужно было Белову, главным образом, для того, чтобы реабилитировать германское Средневековье от тех обвинений в слабом развитии публично-правовых начал, которые были выставлены представителями вотчинной теории. Белов совершенно сознательно применял модернизацию: он прямо подчеркивал, что, по его мнению, между отдельными эпохами человеческой истории—различия не качественного, а лишь количественного порядка («Probleme der Wirtschaftsgeschichte», 1920). В своих историографических работах («Die deutsche Geschichtsschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unseren Tagen», 1916; «Sociologie als Lehrbuch», 1920) Белов выступил ярким врагом не только марксизма, но и тех буржуазных течений, к-рые стремились к обобщению исторического процесса (Бюхера).

Разрыв между буржуазной социологией и историей тщетно пытался преодолеть М. Вебер (1864—1920), одновременно находившийся под сложным влиянием риккертства, позитивизма и отчасти марксизма, воспринятого им в извращенном ревизионистами виде. Основным элементом «эмпирической социологии» Вебера была идеалистическая концепция «идеальных типов» общественных отношений, к-рые, по его мнению, являются лишь теоретическими образами и не совпадают с объективной исторической действительностью.

Возросший интерес к проблемам социально-экономической истории Средневековья и Нового времени наблюдался в течение этого периода также в Англии [Кеннингем, *Сибом, Эшли, Роджерс, Тойнби* (см.)], во Франции [*Левассер* (см.), Сэ] и в других странах. В России, где аграрный вопрос стоял особенно остро, либерально-буржуазные историки, изучавшие историю Запада, вплотную приступили к изучению аграрной истории (в частности кануна французской революции 18 в.). На этом поприще особенно выдвинулись Н. Кареев (см.) (1850—1931) и И. Лучицкий (см.) (1845—1918). Сделав большой вклад в науку, Кареев и Лучицкий в то же время давали, в соответствии со своей либеральной позицией, смягченное изображение классовых противоречий феодально-абсолютистского режима дореволюционной Франции. Глава русских медиевистов конца 19—начала 20 вв. П. Виноградов (см.) (1854—1925), ставший впоследствии про-

фессором Оксфордского университета, подчеркивал (преимущественно в своих ранних работах—до 1905) значение сельской общины в истории Европы и, в частности, Англии. Эти ученые и упомянутый выше М. Ковалевский, а также Д. Петрушевский, А. Савин, Р. Виттер (см.) и др. подняли в последней четверти 19—начале 20 веков русскую историческую науку на западно-европейский уровень.

Историческая наука на Западе в 20 в. Период довоенного империализма. С начала русской революции 1905 сравнительно «мирный» период 1872—1904 годов отошел бесповоротно в вечность (Ленин, Соч., том XVI, стр. 333). Наступил период империалистических войн и пролетарских революций. Буржуазия становится все более реакционной и контрреволюционной. Это накладывает свой отпечаток на всю буржуазную науку и на историю в частности. Буржуазная историческая наука на Западе достигла к этому времени высокого уровня в отношении технических приемов исторической критики, сильно расширила, благодаря успехам археологии и лингвистики, хронологические рамки истории, проводила дальнейшую специализацию и разделение труда между подсобными историческими дисциплинами, овладевала огромным количеством новых, преимущественно архивных и археологических источников и давала количественно большую продукцию. Однако, в методологическом отношении она уже не только не двигалась вперед, но во все большей степени обнаруживала беспомощность и признаки упадка. Именно теперь большое распространение среди историков получили сформулированные еще в предшествующий период идеи неокантианца Виндельбанда (см.) (1848—1915). Виндельбанд науки об особом, частном, индивидуальном («идиографические»), к-рым он причислял историю, противопоставлял наукам о природе, устанавливающим законы («номотетические»). В том же направлении шел Риккерт (р. 1863), к-рый в книгах «Науки о природе и науки о культуре» («Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft», 1899) и «Границы естественно-научного образования понятий» («Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung», 1902) отнес науки о «культуре» к индивидуализирующим наукам, изучающим единичное и неповторяемое, в отличие от естественных наук с их генерализирующим методом. Дуалистическая концепция Риккерта означала полный отказ от попыток установления закономерности исторического развития и являлась, по существу, реакционной апологией бурж. общества. Зиммель (см.) (1858—1918) в «Проблемах философии истории» («Die Probleme der Geschichtsphilosophie», 1907) противопоставлял знание законов природы фактичеcko-историческому знанию, считая возможным познание только формы, но не сущности вещей. Итальянский социолог-идеалист Б. Кроче (см.) доказывал, что историк изучает не прошлую действительность, а только представления людей о ней. Широко распространенное психологическое толкование истории стало одной из более утонченных разновидностей ее идеалистического понимания. Отказ от научных задач истории сочетался с изучением множества конкретных подробностей, независимо от их значения для научных выводов. Ползучий эмпиризм стал

преобладающим в исторических работах. Упадок исторической науки сказался прежде всего в Германии, где шла особенно острая борьба против марксизма. Э. Мейер в книге «К теории и методике истории» («Zur Theorie und Methodik der Geschichte», 1902) отрицал возможность найти в истории закономерность, ограничивал задачи истории установлением конкретных фактов и звал назад к прагматическому пониманию истории. Ряд немецких, английских и французских историков ограничился изучением преимущественно политической истории. Историки социально-экономического направления, модернизировав прошлое, выступали вульгарными апологетами капитализма. Пельман (см. выше) изображал социально-экономическую жизнь древней Греции по точной аналогии с капитализмом. Итальянский историк Г. Ферреро (см.) в работе «Величие и падение Рима» (5 тт., 1901—1907) дал модернизированное изображение Рима, как «империалистической» державы. С конца 19 века началась критика взглядов Моргана на первобытное общество (Гроссе, Вестермарк и др.), были предприняты попытки доказательства вечности современной формы семьи. Все большие нападки [Допи (см.) и др.] вызывала общинная теория. Колониальная экспансия европейских держав обусловила большой интерес к истории древнего Востока, причем к французским и английским историкам (Л. Кинг и др.) присоединились с конца 19 века немецкие (Винклер и др.) и итальянские (Каэтани).

Наиболее ценные конкретные исследования были посвящены социально-экономической истории древней Греции (Глотц, Франкфорт), Средневековья и раннего капитализма [К. Бюхер, Пирен (см.) и др.], Англии [Мачью (см.) и др.] и Франции [Блох, Анри Сэ (см.)], представляя в методологическом отношении либо грубый экономический материализм, либо идеалистическую точку зрения. Во Франции большие успехи сделала разработка истории буржуазной революции конца 18 в. А. Олар (см.) (1849—1928), занимавший кафедру истории французской революции в Сорбонне (с 1886) и издававший специальный журнал, посвященный французской революции («La Révolution française»), став признанным главой целой школы, положил в основу изучения революции строгую критику источников, дал уничтожающую критику псевдонаучных приемов реакционера Тэна и принимал активное участие в издании многочисленных документов по истории революции. Но он занимался преимущественно политической историей революции («Histoire politique de la Révolution française», 1901; «Études et leçons sur la Révolution française», 1901) и в методологии был эклектиком и идеалистом. Под влиянием успехов рабочего и социалистического движения А. Олар заинтересовался впоследствии социально-экономической историей революции, стал издавать вместе с Ж. Жоресом документы по экономической истории революции и написал работу «Французская революция и феодальный режим» («La Révolution française et le régime féodal», 1919). По своим политическим взглядам он принадлежал к буржуазным республиканцам и вел борьбу против клерикализма. Изображая Дантона последовательным революционером, Олар отрицательно относился к Робеспьеру. В России в качестве крупного иссле-

дователя проблем социально-экономической истории периода французской революции и Империи выдвинулся *Тарле* (см.).

Из социалистических историков начала 20 в. самым крупным был Ж. Жорес (см.), издавший большую «Социалистическую историю» («Histoire socialiste», 1789—1900, P., 1901—1908), сотрудниками к-рой были *Девиль*, *Ренар*, *Дюбрейль* (см.) и др. Сам Жорес написал первые 4 тома названной коллекции по истории французской революции (до 9 термидора) и много сделал для организации издания документов по экономической истории революции. Находясь под влиянием марксизма и много сделав для освещения классовой партийной борьбы в революции, Жорес был эклектиком и пытался примирить материалистическое понимание истории с идеалистическим. Историю рабочего и социалистического движения во Франции разрабатывали Ж. Вейль, П. Луи и П. Бризон (см.). Из немецких с.-д. историков наиболее крупным был Ф. Меринг (см.), автор «Истории немецкой с.-д.тии» («Geschichte der deutschen Social-Democratie», 4 Bde, 1903—04). К. Каутский много писал по истории социализма («Предшественники новейшего социализма», 1909), французской революции, христианства, брака и семьи, но его работы написаны не с марксистских позиций и содержат систему крупных оппортунистических ошибок, отмеченных еще Ф. Энгельсом. После 1909 Каутский окончательно отходит от марксизма, и его последняя большая книга «Материалистическое понимание истории», 1927, представляет собой идеалистическую, антидиалектическую концепцию общественного процесса, полностью враждебную марксизму. Г. Кунов (см.) написал ряд работ по истории первобытного общества, в к-рых он, приводя большой фактический материал, однако, уже в довоенный период вульгаризировал и извращал марксизм, выступая против взглядов Энгельса и Моргана по вопросам происхождения семьи и брака. Его книга «Die revolutionäre Zeitungsliteratur Frankreichs während der Jahre 1789—94», 1908 (русский перевод: «Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—94 гг.», 3 изд., 1923) дает богатые исторические данные по истории классовой борьбы во Франции, отмечает контрреволюционную роль буржуазного либерализма во время французской революции, но страдает схематизмом и однобокостью. Последующие работы Кунова, ставшего ко времени империалистической войны откровенным социал-шовинистом, извращают и отвергают марксизм («История хозяйства», 1927—31).

Буржуазная историческая наука в послевоенный период. Империалистическая война 1914—1918 с ее взрывом зоологического шовинизма, старательно насаждавшегося и раздувавшегося пропагандой правительств обоих лагерей, породила огромное количество националистической, не столько действительно исторической, сколько псевдоисторической литературы. Спор вокруг вопроса о происхождении войны, начавшийся сразу же после открытия военных действий, вызвал настоящую «войну документами». Первый толчок этому был дан знаменитыми «цветными книгами» о предшествовавших войне переговорах, опубликованными всеми воюющими правительствами. Эти «цветные книги» фальсифицировали в интересах своих правительств подлинный ход диплома-

тической борьбы перед войной и послужили исходными пунктами легенды о невинности за начало войны каждого из воюющих государств, которая в дальнейшем разрабатывалась исторически, «углублялась» услужливыми буржуазными историками. Появился ряд книг, пытающихся подвести историческое обоснование под захватническую программу империалистической буржуазии каждой из коалиций. Научная ценность всей этой литературы ничтожна. Из более известных историков, работавших на этом поприще, можно указать на Штыве, Фридьонга (Германия), Гуча, Темперлея (Англия), Фей (США).

Всеобщий кризис капитализма, победа Великой Октябрьской пролетарской революции в России, первый тур пролетарских революций в странах Запада и успехи социалистического строительства в СССР усилили враждебность буржуазии к революционному марксизму. В то же время общий кризис капиталистической культуры отразился и на исторической науке. Особенно сильно кризис историч. науки сказался в побежденной Германии, где были развеяны мечты немецкой буржуазии о мировой гегемонии и где была так близка победа пролетарской революции. Упадочные настроения отразились в реакционной книге О. Шпенглера (см.) «Закат Европы» (1918), проникнутой мрачным пессимизмом и фатализмом и пользовавшейся в 1918—23 в Германии большим успехом. Выступая против применения к истории, где, якобы, господствует слепая судьба, научной категории причинности и отстаивая познание исторического процесса посредством интуиции, О. Шпенглер лишает историю всякого научного значения. Для него в «человеческой истории в целом нет никакого смысла», потому что отыскание такового означало бы смертный приговор буржуазному обществу. Подобно мракобесам реакционной романтики после французской революции 18 в., он ставит веру выше научного знания. Как идеолог прусского юнкерства он идеализирует дворянскую «культуру» феодального общества. Для послевоенной буржуазной исторической науки типична работа одного из видных медиевистов—австрийского историка А. Допша (см.): «Хозяйственные и социальные основы европейского культурного развития» («Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung», 1918—20). Доказывая, с привлечением данных археологии и лингвистики, высокий уровень развития древних германцев, якобы знавших частную собственность на землю и ставших в этом смысле «достойными» преемниками римской культуры, пытаюсь обосновать полную преемственность между античным миром и Средневековьем, отрицая существование немецкой марки и находя в раннем Средневековье аграрный капитализм, Допш выступил как немецкий националист, противник коммунизма, защитник эволюционной теории исторического развития, враг революционных скачков и апологет буржуазных порядков. Против марксизма ополчались защитники классовых компромиссов К. Брейзиг и В. Зомбарт, пришедшие потом к фашизму («Der proletarische Sozialismus», 2 Bde, 1924; 3 Bde, 1927). В работе Э. Трельча «Историзм и его проблемы» («Der Historismus und seine Probleme»), хотя и признаются заслуги марксизма перед исторической наукой, марксизм извращен на почве идеалистических построений.

Фашистские «теоретики» (О. Шпенглер, Шпанн, Леерс, Э. Кайзер и др.) отвергают закономерность в истории и ратуют за «народное» (т. е. национал-социалистическое) понимание истории, рассматривая последнюю как историю рас и возвеличивая «северную» немецкую и чисто «арийскую» расу.

Фашизация германской исторической науки (а также итальянской и частично польской) сказывается и на конкретно-исторических работах и прежде всего на самой их тематике. Фашисты претендуют напересмотр всей истории с точки зрения расовой «теории». Главное внимание уделяется ими древнейшей и средневековой истории Германии, причем прославляется германское варварство, к-рое противопоставляется христианской культуре. В прошлое проецируется современный фашистский идеал человека—«хищного животного» (Шпенглер). Грубо извращая историю, фашистские ученые изображают средневековое общество с его цеховым и сословным строем как прообраз «корпоративного», «надклассового», «чисто немецкого государства». Всячески прославляется крепкое крестьянство, его роль в сохранении чистой «северной расы» и в истории Германии вообще (Дарре, Моц, Мейнер). При этом роль юнкерства, экспроприровавшего основную массу крестьянства, и вообще особенности «прусского пути» развития грубо тенденциозно замалчиваются. Фашистские историки пытаются путем подтасовки и фальсификации фактов дать историческое обоснование необходимости единоличной фашистской диктатуры «вождей», к-рая осуществляется в Германии Гитлером. Видное место занимает пропаганда антисемитизма. Борясь не только с марксизмом, но и с либерально-пацифистским течением в исторической науке, фашистские историки в своем подходе к проблеме войн превращают их в основной стержень всей истории, пропагандируя новую империалистическую войну, в частности—против «Востока» (т. е. прежде всего—против СССР). Фашизация науки проводится настолько крутыми мерами административного воздействия, что даже такие, пытавшиеся приспособиться к фашизму профессора, как консерватор Мейнеке и крайне умеренный «либерал» Онкен, были отстранены фашистами от работы.

Наличие острого кризиса буржуазной исторической науки демонстрируется не только ее фашистским, но и либерально-пацифистским направлением, хотя в странах буржуазной демократии этот кризис зашел не так далеко, как в Германии. Этот кризис есть прежде всего кризис методологии буржуазной науки. Явственно обнаружившись еще в конце 19 и в начале 20 вв., кризис исторической науки особенно обострился под влиянием империалистической войны, начавшегося периода пролетарских революций и все углубляющегося общего кризиса капитализма и его культуры (подробнее см. главу История). Фашистское течение имеется и в странах буржуазной демократии (напр., в Англии—попытки реабилитировать Карла I и английскую реставрацию), но преобладающим остается здесь либерально-пацифистское направление. Во Франции историки либерально-пацифистского направления в основном группируются вокруг журнала «Revue de synthèse», редактируемого Агри Берром, обнаруживая, впрочем, глубокий разрыв в своих методологических установках.

Враждебное отношение также и либеральных историков к марксизму ярко проявилось на международных конгрессах историков в Осло (1928) и Варшаве (1933). Из отдельных наиболее крупных научных работ, выдержанных в основном в духе этого направления, можно указать на вышедшую под ред. Э. Лависса коллективную «Историю современной Франции» («Histoire de France contemporaine», 10 vls), носящую печать эклектизма, как и большинство современных работ буржуазных историков, и на многотомную всемирную историю, под ред. Л. Альфана и Ф. Саньяка («Peuples et civilisation, histoire générale depuis l'antiquité jusqu'à nos jours», 1925 и сл.).—Совсем недавно (1936) под председательством Ф. Саньяка создан международный институт для изучения периода французской буржуазной революции 18 в., избравший специальную комиссию под председательством Э. Эррио (см.) для ознаменования в 1939 столетия пятидесятилетней годовщины революции. В Англии в основном в духе того же направления, но с более явным привкусом империалистических тенденций, продолжается издание многосерийной «Кембриджской истории» (в частности—«Cambridge modern history»).

Наконец, все еще довольно значительным влиянием пользуются группы сравнительно радикально настроенных ученых. Эти группы иногда называют «экономическим» или «социально экономическим» направлением. Для этой категории историков характерно, что часть их находится в той или иной степени под влиянием марксизма, обычно понимаемого ими как экономический материализм. В своих конкретных концепциях они сильно отличаются друг от друга. Во Франции известным центром для историков этого типа является журнал Ж. Лефевра «Annales historiques», уделяющий значительное внимание истории пролетариата и крестьянства во французской революции. К тому же течению примыкают: в Англии—Колл, Тони (Tawny); в США—Керр, Готшалк (еще сравнительно недавно к этому же направлению примыкал возглавлявший американскую «экономическую школу» Ч. Бирд, возвратившийся затем на позиции риккертланства); в Бельгии представителем социально-экономического направления был недавно умерший (1935) крупнейший бельгийский историк А. Пирен (см.).—Политические колебания мелкой буржуазии нашли свое очень типичное выражение в А. Матъезе (см.).—одном из лучших и наиболее талантливых историков французской революции. Он вышел из школы Олара, находился потом под влиянием реформиста Жореса, занимал социал-патриотическую позицию во время мировой империалистической войны, после войны сильно качнулся влево, поддерживал связи с коммунистическим движением во Франции и с советскими историками-марксистами и подвергался травле в реакционной прессе. В последние годы своей жизни Матъез вновь отклонился вправо. Из многих работ А. Матъеза по истории французской революции лучшей является «La vie chère et le mouvement social sous la Terreur» (1927; рус. пер.: «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора», М., 1928). В своих работах А. Матъез уделял большое внимание классовой партийной борьбе в революции, дал большой свежий материал и сделал ценный вклад в историю французской рево-

люции. Но в методологическом отношении Матъез все же остался эклектиком.

Русская историография, см. *Союз Советских Социалистических Республик*, Исторический очерк.

Лит.: Работы и высказывания классиков марксизма-ленинизма по общим вопросам истории и исторического материализма см. в литературе при статьях: *Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин*. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 26 января 1936 [Об организации комиссии для просмотра и улучшения, а в необходимых случаях и для переделки написанных уже учебников по истории]. Замечания И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» от 8/VIII 1934 г. и о конспекте учебника по «Новой истории» от 9/VIII 1934 г. («Правда» от 27/I 1936); Лукин Н. М., Маркс как историк, «Историк-марксист», М., 1933, № 2; его же, Альберт Матъез, «Историк-марксист», М., 1932, № 3; его же, К вопросу о фашизации исторической науки в Германии, «Историк-марксист», М., 1935, № 1, 2—3; его же, Альфонс Олар, в сб. «Классовая борьба во Франции в эпоху Великой революции», Москва—Ленинград, 1911; его же, Международный исторический конгресс в Варшаве, «Историк-марксист», [Москва], 1933, том V.

Сводная литература и справочники по историографии: В у е с к у л В. П., О новейшей западно-европейской историографии (Збірник заходознавства ВУАН, 1929); его же, Всеобщая история и ее представители в России в 19 и начале 20 века, ч. 1, Л., 1929; его же, Лекции по истории Греции, т. I, Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в 19 и начале 20 в., 3 изд., П., 1915; К а р е в Н. И., Историки французской революции, т. I—III, Л., 1924; В и п п е р Ю., Общественные учения и исторические теории 18 и 19 вв. в связи с общественным движением на Западе, 2 изд., М., 1908; В и н о г р а д о в П. Г., Очерки западно-европейской историографии, «Журн. Мин. народн. просвещения», 1883—84; В а й н ш т е й н О. А., Очерк историографии западно-европейского феодализма, в кн.: Вайнштейн О. А. и Косминский Е. А., Феодализм в Западной Европе, ч. 1 [М., 1932].

На иностр. яз.: F u e t e r E., Geschichte der neueren Historiographie, 2 Aufl., 1925; W o l f G., Einführung in das Studium der neueren Geschichte, B., 1910; H a l p e n L., L'histoire en France depuis cent ans, P., 1914; C o o c h G., History and historians in the nineteenth century, 3 ed., L.—N. Y., 1920; Histoire et historiens depuis cinquante ans (в изд. Bibliothèque de la «Revue Historique», 2 vls, 1927); W e g e l e F. X., von, Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus, в книге: Geschichte d. Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit, München, 1885; R a n k e L., Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber, Leipzig Berlin, 1924; L a m p r e c h t K., Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft, Berlin, 1896; M o n o d G., Du progrès des études historiques... «Revue historique», 1876.

Б. Вебер и К. Добролюбовский.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ, запись по установленной форме сведений о находящемся в лечебном заведении больном. И. б. — официальный документ, удостоверяющий пребывание больного в лечебном заведении, состояние его здоровья при поступлении, во время нахождения в нем и при выписке, описание лечения, а в случае смерти—время ее наступления, причину ее и краткие данные вскрытия. И. б. представляет ценный материал для научных и статистических исследований и дает нередко данные для судебно-медицинского заключения. Правильное и единообразное ведение истории болезни представляется чрезвычайно важным. Наркомздрав РСФСР издал в 1929 инструкцию о заполнении историй болезни и порядке хранения их.

«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР», издается по постановлению ЦК ВКП(б) от 30/VII 1931. Инициаторы издания—И. В. Сталин и А. М. Горький. Состав главной редакции: В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник и И. В. Сталин. В состав входили также А. М. Горький и С. М. Киров. Для непосредственного руководства практической работой по подготовке издания к печати образован Секретариат Главной редакции. В краевых, областных и национальных центрах созданы комиссии содей-

ствия «Истории гражданской войны», в задачи к-рых входит мобилизация местных материалов, а в нек-рых случаях (Украина, Закавказье, Ленинград) и предварительная подготовка отдельных томов местными научными силами.—Цель и значение издания «Истории гражданской войны» изложены А. М. Горьким в его обращении к участникам гражданской войны: «Наша рабоче-крестьянская молодежь должна хорошо знать труды и подвиги своих отцов, должна подробно знать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариев всех стран. Ей надобно рассказать о том, как рабочие и крестьяне царской России вели вооруженную борьбу за власть Советов, за свое право перестроить хозяйство на социалистический лад, за право создать из рабской страны свободное пролетарское государство. Четыре года дрались почти голыми руками полуголодные, полуодетые рабочие и крестьяне против армий, которые организовали ученые царские генералы на средства помещиков и фабрикантов, против полков, где почти каждый рядовой был офицером, дрались против специалистов войны, отлично вооруженных иностранными капиталистами, которым за это русские капиталисты обещали продать рабочих и крестьян в такое же рабство, в каком живут негры в африканских колониях Европы или рабочие в Китае под бесчеловечным гнетом мирового капитала. Четыре года продолжалась эта битва и окончилась полной победой рабочего класса и трудящегося крестьянства... этой победой положено начало новой всемирной истории, новым социалистическим формам жизни трудового народа. Не только наше юношество должно знать все это, но это необходимо знать пролетариату и трудящимся массам всей земли» (Горький, Публицистические статьи, 1933, стр. 268—269).

В создании «Истории гражданской войны» принимают участие непосредственные руководители боевыми операциями на фронтах гражданской войны. При Секретариате создан научно-исследовательский институт, ведущий обширную работу по изысканию архивных документов и материалов как в центральных архивах, так и в краевых, областных и т. п. организациях. Развернута большая работа по выявлению литературных материалов и документов, относящихся к гражданской войне и опубликованных как в Советском Союзе, так и за границей. На основе этой работы ведется подготовка к печати особых библиографических сборников—справочников по литературе о гражданской войне. Путем посылки отдельных лиц и экспедиций обследуются места, где происходили наиболее важные события эпохи гражданской войны. Ведется исключительной важности работа по опросу живых участников гражданской войны. При Секретариате создается свой большой архив воспоминаний этих участников.

Все издание рассчитано на 15—16 томов. Тематически отдельные тома распределяются так: I—«Подготовка Великой пролетарской революции»; II—«Великая пролетарская революция»; III—«Первые этапы гражданской войны»; IV—«Первые шаги интервенции и срыв передышки»; V—«Казачья Вандея»; VI—«Гражданская война на Украине и в Крыму»; VII—«Колчаковщина»; VIII—«Деникинщина»; IX—«Борьба за Петроград и интервенция на Севере»; X—«Война с белополяками»; XI—«Врангелевщина»; XII—«Гражданская война

в Закавказье»; XIII—«Гражданская война в Средней Азии»; XIV—«Гражданская война на Дальнем Востоке»; XV—«Антисоветские восстания и мятежи к концу гражданской войны»; XVI—«Международный пролетариат в борьбе с интервенцией». Первый том «Истории гражданской войны» вышел в конце 1935. Каждый том снабжается картами и диаграммами. Иллюстративный материал, дополняющий и поясняющий текст томов и подбираемый с чрезвычайной тщательностью, представляет значительную ценность в художественном отношении. Обширный исторический материал, разрабатываемый для основной серии томов «Истории гражданской войны», позволил Секретариату Главной редакции приступить к выпуску серии литературно-художественных сборников—воспоминаний участников гражданской войны. Сборники выходят в порядке тематики основных томов «Истории гражданской войны». В таком же порядке разрабатывается и другая серия сборников—«История гражданской войны в документах», составляемых на основе архивных материалов. Обе эти серии вместе с основными томами «Истории гражданской войны» составят единое целое—грандиозный памятник великой борьбы рабочего класса и его коммунистической партии за освобождение человечества от ига капитализма.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ организмов. Различают историческое развитие данного вида организмов—его филогенез—и индивидуальное развитие каждой особи из яйца, или онтогенез. См. также: *Эволюция, Эмбриология, Зародышевое развитие животных.*

«ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ». Постановлением ЦК ВКП(б) от 10/X 1931, одобрившим инициативу А. М. Горького, положено начало созданию серии сборников «Истории заводов» и для редактирования их утверждена главная редакция в составе тт. Горького, Л. М. Кагановича, Постышева, Андреева, Стецкого, Л. Мехлица, Н. Н. Полова и др. «История заводов» призвана показать формирование, борьбу и освобождение пролетариата, завоевавшего власть на одной шестой части мира и ведущего трудящихся Советского Союза к коммунизму. «Сборники эти [по «Истории заводов»] должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплуатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничество, социальное соревнование и подъем производства за последние годы» [Постановление ЦК ВКП(б) от 10/X 1931, см. «Справочник партийного работника», вып. 8, М., 1934, стр. 374]. «И. ф. и з.» создается на основе глубокого изучения архивных фондов, а также литературы (книги, журналы, газеты и т. п.) и материалов, собранных у непосредственных создателей истории этих предприятий. Формы участия заводского коллектива в написании «И. ф. и з.» многообразны: сообщение рабочими своих автобиографий и воспоминаний, участие в обсуждении и массовом редактировании написанных частей и рукописей в целом и т. п. Для привлечения рабочих к собиранию материалов на заводах проводится специальная работа (распространение листовок, организация массовых вече-

ров воспоминаний, использование заводских многотиражек, организация выставок, печатание глав для обсуждения на рабочих собраниях и т. д.). Перед авторами книг главной редакцией поставлена задача создания доступной по изложению научно-художественной истории заводов. Фактическая достоверность и полнота описания исторических явлений должны сочетаться с художественной яркостью и наглядностью и с показом местных событий в теснейшей связи с общими процессами истории промышленности и пролетариата и с историей большевистской партии.

Авторские коллективы «Истории заводов» состоят из историков, писателей, экономистов, инженеров и начинающих писателей—рабочих авторов. Ряд глав в отдельных книгах и некоторые книги целиком написаны рабочими авторами [1 том—«История Ижорского завода» С. Завьялова, «История Завода им. Ленина» (быв. Семьяниковский) Н. Павлина, «Были горы Высокой»—сто рабочих авторов-горняков—и др.]. В план издания включены книги по истории 43 заводов, из них ряд старых предприятий, насчитывающих многие десятилетия и даже столетия своего существования (напр., Ижорский, Кировский—быв. «Красный путиловец», Златоустовский, Трехгорная мануфактура, фабрика «Красный Перекоп» и др.). В план редакции входит написание и истории новостроек (Магнитострой, Днепрострой, Метро и др.).

«Историей заводов» изданы следующие книги: Л ю д и Сталинградского тракторного, Книга очерков, 2 издания, под ред. Л. Мехлиса, [М.], 1934; Путиловец в трех революциях, Сборник материалов по истории Путиловского завода..., [М.—Л.], 1933; Шестнадцать заводов, Главы из истории, под ред. Л. Авербаха, М., 1933; Завьялов С., История Ижорского завода, под ред. В. П. Позерна, т. I, М., 1934; Веломорско-Балтийский канал имени Сталина, под ред. М. Горького, [М.], 1934; Великий Б., Петербург—Москва, постройка Октябрьской (б. Николаевской ж. д.) дороги 1842—1851, 2 изд., Л.—М., 1935; История Московского инструментального завода, под ред. Б. Ратнер, М., 1934; Были горы Высокой, Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни, под ред. М. Горького, 2 доп. изд., М., 1935; Рассказы строителей метро, гл. ред. А. Косарев..., М., 1935; Как мы строили метро, гл. ред. А. Косарев..., М., 1935; Фабрика Красный Перекоп, т. II, Волжские яки 1918—33, М., 1935; Лапцкая С. М., Быт рабочих Трехгорной мануфактуры, под ред. А. Гусева, М., 1935; Болшевы (Очерки истории Болшевской трудкоммуны бывш. правонарушителей), под ред. М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина, [М., 1936]; Коревацова А., Моя жизнь, [М., 1936], Красный Треугольник, [Л., 1936].

ИСТОЧНИКИ, выход подземных вод на дневную поверхность при пересечении этой поверхностью водоносных горизонтов или водоносных трещин. По способу выхода различают: И. нисходящие, вытекающие из горизонта ненапорных *грунтовых вод* (см.), и восходящие, выбивающиеся под напором из артезианских водоносных горизонтов или водоносных трещин в земной коре; напор в этом последнем случае обусловлен гидростатическим давлением воды в сообщающихся трещинах (Карлсбадский шпрудель) или же напором газа или водяного пара (горячий Исландский гейзер). По химическому составу воды И. бывают пресные, соленые, минеральные, радиоактивные. Минерализация И. весьма разнообразна и зависит от минералогического состава пород, по к-рым проходит И. Известны И. натриевые, железистые, сернистые. По температуре И. бывают: холодные (до 20°C), теплые (до 50°C), горячие (св. 50°C). Количество даваемой источником воды, или его дебит, бы-

вает от нескольких долей литра до нескольких кубических метров в секунду. К особой категории И. принадлежат периодически действующие, наподобие вулканических извержений, горячие И., называемые *гейзерами* (см.). Для более полного перехватывания воды, притекающей к источнику, устраивают каптаж в виде водосборных галлерей, колодцев и буровых скважин. Об И. лечебных см. *Бальнеология* и отдельные курорты.

Лит.: Советов С. А., Курс общей гидрологии, 2 изд., М.—Л., 1931; Кейльгак К., Подземные воды и источники, СПб, 1914.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА, в буржуазной юридической литературе: 1) сила, порождающая право данного общества, 2) конкретные формы, в к-рых те или иные правовые положения закрепляются как общие обязательные (обычай, закон и т. д., т. н. И. п. в техническом смысле), и 3) материалы изучения права. В этом последнем смысле понятие И. п. совпадает с понятием исторического памятника. Эти три различных понятия нередко смешивались одно с другим, что сделало проблему И. п. одной из самых запутанных проблем буржуазной юридической науки. Исходя преимущественно из идеалистических ненаучных представлений об обществе, буржуазные юристы не могли дать объяснения происхождению права и указать ту силу, к-рая является его источником. Одни из юристов видели И. п. в сверхъестественных силах, в боге, другие—в т. н. сознании народа, третьи—в общественном авторитете и т. д.—Исчерпывающий ответ о происхождении права и об его источниках дает теория исторического материализма, разъясняющая классовую природу всякого права и его зависимость от экономики данного общества. Право это—интересы господствующего класса, возведенные в закон; право оформляет, закрепляет и узаконивает с помощью аппарата государственного насилия существующие в данном обществе производственные отношения как отношения собственности (см. *Право*). Источниками права в смысле техническом, т. е. формами, в к-рых выражается общеобязательность тех или иных юридических норм, признаются закон, обычай, судебная практика. Относительное значение различных И. п. в равных странах не одинаково (так, в англо-саксонских странах особо важную роль как И. п. играет судебное решение). Советская власть в декрете о суде № 1 (декабрь 1917) предписала руководствоваться законами свергнутого правительства лишь постольку, поскольку таковые не отменены Великой Октябрьской пролетарской революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию. Закон 30/XI 1918 предписал судам руководствоваться только декретами Рабоче-крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового руководствоваться социалистическим правосознанием. В настоящее время единственным источником советского социалистич. права являются законы советского государства и издаваемые в их развитие постановления, приказы, административные распоряжения наркоматов, исполкомов.

ИСТОЧНИКИ СВЕТА. Основным И. с., обуславливающим «естественное» освещение, является солнце. Это наиболее мощный из всех известных нам И. с. Яркость его вне земной атмосферы достигает свыше 600 тыс. *тильбов* (см.). Атмосфера понижает видимую яркость солнца

в зависимости от высоты его над горизонтом. В среднем видимая яркость равна 200 т. стилизов. Создаваемая солнцем горизонтальная освещенность зависит также от положения солнца. В полдень летом в средних широтах создаваемая солнцем освещенность горизонтальной площадки достигает 70 т.—100 т. люксов (см.). Солнечный свет принимается за образец белого цвета.

Искусственные И. с. чрезвычайно разнообразны по своим свойствам и по методу получения свечения. Первым искусственным И. с. был несомненно костер или взятая из костра горящая ветвь. Затем для освещения применялись лучины, факелы из смолистого или просмоленного дерева и пр. В дальнейшем нашли применение горючие масла, нефть и пр. Первоначально пропитывали горючими маслами лучины или ветви; затем начали пользоваться фитилями из растительных волокон, погруженных частично в масло. Были выработаны многочисленные типы масляных ламп, служившие для освещения внутренних помещений в древней Греции, Риме, Египте и др. странах древности. Этот тип И. с. сохранился в почти неизменном виде и в течение Средневековья. Около 11 в. появились первые свечи, т. е. И. с. из твердых горючих жиров (сало, китовый жир, воск и т. п.) со включенным в них волокнистым фитилем. Свечи были в широком употреблении вплоть до второй половины 19 в. и до нек-рой степени сохранили значение до сих пор. В конце 18 в. появилась масляная лампа Арганда со специальной горелкой и улучшенной тягой, создаваемой посредством применения стеклянного цилиндра. В начале 19 в. началось применение светяльного газа для искусственного освещения. Эти два изобретения оказали огромное влияние на развитие искусственных И. с. Лампа Арганда являлась прототипом для построения большого числа все более совершенных И. с., использующих легкие масла: газолин, керосин. Светильный газ дал возможность впервые разрешить вопрос о централизованном снабжении потребителей горючим для целей освещения. Оба метода получения света позволили значительно увеличить силу света И. с. и этим улучшить условия искусственного освещения. В начале же 19 в. был осуществлен первый электрический И. с. в виде вольтовой дуги (независимо Г. Деви и В. Петровым). Вольтовые дуги, дававшие чрезвычайно большую силу света, начали применяться в случаях, требовавших И. с. большой мощности. Были построены многочисленные автоматические регуляторы для сближения обгорающих углей и поддержания действия дуги. Сложность и дороговизна механизмов мешали широкому применению дуги в качестве И. с. Около 1855 Н. П. Яблочков построил свою «свечу», удачно разрешившую вопрос о пользовании вольтовой дугой для освещения без каких-либо механизмов. Свеча Яблочкова получила применение для уличного освещения в Париже и др. городах. В начале прошлого века были произведены опыты по изготовлению И. с. с накаливаемой электрическим током нитью (Лодыгин, 1874). После ряда относительно мало удачных конструкций Т. А. Эдисону удалось в 1879 построить практически приемлемую лампу накаливания—сначала из платиновой проволоки, а затем из угольной нити. С этого времени началось быстрое развитие электрического освещения и одновременно борьба его с другими видами освещения, гл. обр. с газо-

вым. Эта борьба привела к чрезвычайному усовершенствованию тех и других И. с. В области газовых И. с. громадным шагом вперед было изобретение Ауэром фон Вельбахом накаливаемой газовым пламенем сетки из растительных волокон, пропитанных минеральными солями, содержащими церий. Благодаря сетке сила света газовых ламп возросла в десятки раз. В области электрических ламп накаливания первое улучшение ввел Нернст (1902), также использовавший в качестве накаливаемого тела окислы с примесью церия. Угольные лампы затрачивали ок. 4 ватт (W) на свечу, т. е. давали приблизительно 3 люмена на 1 W. Лампы Нернста давали уже ок. 6 люменов на 1 W. Следующим типом были лампы с танталовой проволокой, с приблизительно той же световой отдачей, что и лампы Нернста. После них появились лампы из осмиевой проволоки и наконец—из вольфрамовой. Пустотные вольфрамовые лампы дают уже 8—10 люменов на 1 W. Дальнейшим шагом явилось введение внутрь колбы лампы инертных газов (азот, аргон), что позволило довести световую отдачу до 15—22 люменов/W. Повышение световой отдачи ламп накаливания связано с повышением температуры нитей ламп. В угольных лампах абс. температура нитей равна приблизительно 2.100°K , в газополных вольфрамовых она доходит приблизительно до 3.000°K . Дальнейшее повышение температуры, к-рое еще увеличилось бы световую отдачу ламп, связано с нахождением веществ, более тугоплавких, чем вольфрам. Подобные вещества имеются среди карбидов нек-рых металлов. Так напр., карбид тантала имеет температуру плавления ок. 4.000°K . Делаются попытки изготовления ламп из карбида тантала. Лампы из карбида тантала имеют световую отдачу приблизительно до 35 люменов/W, но пока еще не удается сделать их прочными и долговечными. Несколько дальше удалось пойти с вольтовой дугой. Путем пропитывания фитилей углей, примененных в дугах, солями металлов и увеличения плотности тока удалось дойти (дуги Бека и Сперри) до световой отдачи приблизительно 40 люменов/W. Почти такой же световой отдачей можно достигнуть в ртутных дугах в кварцевых трубках. Эти дуги, кроме того, являются очень интенсивными излучателями ультрафиолетовых лучей. На другом принципе основано получение света при помощи электрического разряда в разреженных газах. Явление свечения газов было известно еще в 18 в. Более подробно его изучил Гейслер в середине 19 в. В конце 19 в. Мур предложил применять Гейслерово свечение для целей освещения и сконструировал специальные длинные трубки, наполненные неонам, азотом, углекислым газом и пр. Такие И. с. нашли широкое применение для целей рекламы, т. к. дают ярко окрашенный свет. Около 1930 появились первые новые «газосветные» лампы, представляющие собой видоизменение трубок Мура. В этих лампах свет излучают газы и пары металлов, но используется свойство накаленных электродов испускать в большом количестве электроны. Вследствие этого можно получить чрезвычайно интенсивное свечение ряда газов и паров при малой разности потенциалов между электродами (220 и 120 V). Световая отдача лучших газосветных ламп достигает приблизительно 40 люменов/W для паров ртути и 60—70 люменов/W для паров натрия. Так как теоретическая световая отдача для идеального И. с. (монокроматического при длине волны 555 $m\mu$)

равна 620 люменам/W, то отсюда следует, что коэффициент полезного действия угольной лампы равен приблизительно 0,5%, для пустой вольфрамовой—ок. 1,3—1,7%, газополной вольфрамовой—2,5—3,5%, для вольтовой дуги Сперри—6,5%, ртутно-газосветной лампы—6,7% и для натриево-газосветной—10—11%. Пламенные И. с. дают несравненно меньшие кпд, напр. пламя свечи имеет кпд ок. 0,04%. Газосветные лампы еще только начинают входить в употребление, и трудно установить предельное для них значение кпд. Однако, известно, что в принципе может быть достигнут очень высокий кпд. Так, по исследованиям Айвса, некоторые виды светляков излучают зеленый, близкий к монохроматическому свет с кпд около 90%. Опыты Пирани показали, что газосветная лампа с парами натрия может, при устранении потерь на тепловое излучение, дать кпд до 70%.

Повышенная световая отдача газосветных ламп связана с коренным изменением спектрального состава излучаемого света по сравнению с лампами накаливания и пламенными И. с. Последние дают непрерывный спектр излучения и свет, б. или м. близкий к белому, а газосветные лампы излучают линейчатые, прерывные спектры и дают окрашенный, далекий от белого свет. Неон дает оранжево-красный свет, ртуть—сине-зеленый, натрий—оранжево-желтый и т. д. Поэтому задача освещения газосветными лампами представляет еще специфические трудности, связанные с изменением характера окраски предметов под влиянием резко измененного по сравнению с обычным спектрального состава падающего света.

Современные И. с. дают возможность осуществить почти любые силы света, начиная от долей микросвечи и до десятков тысяч свечей. Так, напр., лампы накаливания строятся на мощность от 1—2 W до 10 kW и даже до 50 kW, дуги Сперри имеют силу света до 200—300 тыс. свечей, газосветные ртутные лампы уже сейчас доводятся до силы света в 10—15 тыс. свечей. Благодаря этому могут решаться труднейшие задачи освещения. Кроме перечисленных, возможны и другие И. с. Существует ряд физических и химических процессов, при к-рых излучается свет, как, напр., явления люминесценции различного рода—фосфоресценции, флуоресценции и т. п. Однако, в настоящее время с помощью этих явлений не удается осуществить И. с., к-рые могли бы итти в какое-либо сравнение по кпд с основными И. с.—пламенными и электрическими, и поэтому они не имеют пока никакого практического значения. Можно ожидать, однако, что нек-рые из них в будущем могут играть значительную роль.

ИСТОЧНИКИ СВЕТА ЭТАЛОННЫЕ, служат для производства точных световых (фотометрических) измерений. Первоначально эталонами силы света служили спермацетовые и парафиновые свечи определенных размеров и веса. Непостоянство и неопределенность этих И. с. э. привели к построению нескольких типов И. с. э. в виде ламп с определенными конструктивными свойствами и определенным горючим. Первым подобным эталоном послужила лампа Карселя с газолином. Большое распространение получила одно время эталонная свеча (см.) Гефнера фон Альтенека, к-рая изготовлялась по точным данным, снабжалась стандартным фитилем и работала на уксусно-ами-

ловом эфире. Одновременно с ней был предложен эталон Гаркурта, в к-ром горючим служил пентан. Эти пламенные эталоны не отличаются постоянством. Сильное влияние на излучаемую силу света оказывают влажность воздуха, барометрическое давление, содержание углекислого газа и пр. Вследствие этого пламенные И. с. э. вышли из употребления. Только Германия и Австрия сохранили до сих пор свечу Гефнера как эталон. Попытка Виоля ввести в качестве И. с. э. квадратный сантиметр расплавленной платины во время застывания оказалась тоже не вполне удачной вследствие недостаточного постоянства. В 1909 Международная фотометрическая комиссия окончательно приняла за единицу «международную свечу» как силу света, равную $1/20$ единицы Виоля, а осуществление ее достигнуто при помощи хранящихся в гос. лабораториях Франции, Англии и США групп эталонных электрических ламп накаливания, периодически сравниваемых друг с другом и постепенно возобновляемых. Эталонные электрические лампы сконструированы так, чтобы они давали возможно более постоянную силу света; нить их изготовляется из специально приготовленного вольфрама. Нити располагаются в одной плоскости; колба лампы увеличенного размера. При тщательном изготовлении и бережном использовании электрические И. с. э. сохраняют постоянство в пределах приблизительно 0,1% в течение 50—100 часов горения. Конструкция эталонных ламп в разных странах различна.

В СССР изготовляются электрические эталонные лампы особой конструкции, предложенной проф. П. И. Тиходевым. В качестве И. с. э. неоднократно предлагалось применять черное тело при определенной температуре. Однако, трудность поддержания температуры черного тела с требуемой точностью (ок. 0,5° при 2.400° K) оказалась исключительно большой, так что до сих пор осуществление такого эталона не оказалось еще возможным, несмотря на ряд остроумных предложений.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, совокупность научно-спомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников. Разнообразие источников обуславливает различие конкретных приемов изучения их.

Исторические источники вообще—это любые остатки и памятники того или иного исторического периода, на основании к-рых можно делать заключения об общественном строе этого периода, об исторических событиях, о борьбе классов и т. д. Судить о прошлых периодах историческая наука может только на основании источников. Но при этом правильность понимания самих источников и выводов из изучения их целиком зависит от того метода, с помощью к-рого работает историк. Источники, особенно письменные, отражают действительность сквозь призму классовых интересов, зачастую в «кривом зеркале», их происхождение подчас случайно, они затрагивают часто не основные, а второстепенные вопросы. Только метод исторического материализма дает возможность всестороннего, полного и правильного истолкования всех исторических источников и их использования для воссоздания объективной картины исторического процесса. Буржуазные историки, даже когда они не фальсифицируют прямо в интересах своего класса данные исторических источников, не могут их вполне науч-

но использовать в силу классовой ограниченности своего мировоззрения. Они нередко просто откажутся от научных выводов, ограничиваясь только чисто технич. обработкой источников, их публикацией, абстрактной классификацией и типизацией и т. д. Марксистско-ленинская историч. наука широко использует это наследство, относясь, однако, критически к историковедческой технике буржуазной историографии, разработанной очень детально.

Работа над источниками начинается с различия их между собой по внешней форме. Поскольку источниками являются все материалы, по которым можно изучать историческое прошлое человеческого общества, круг их весьма широк. Историческим источником служат, напр., язык, его словарный состав, различаемые в нем исторические напластования, классовые особенности и т. д. (см. *Язык. Яфетическая теория*). Историческими источниками, указывающими на определенные общественные отношения или исторические события, являются пословицы, поговорки, ходячие выражения и т. п. Различные народные сказки, былины, песни и т. д. также дают историку возможность судить о быте и социальных отношениях во времена их возникновения (см. *Фольклор*). Неисчерпаемый запас источников дают памятники материальной культуры, оставшиеся от прошедших эпох различные виды и типы жилых и общественных зданий, орудия труда, утварь (посуда, одежда, украшения, мебель, разные бытовые приспособления), произведения искусства, оружие, наконец, устройства населенных мест, расположение селений, городов, улиц, укреплений и т. д. (см. *Археология*). Этими видами источников исчерпываются все возможности для прямого изучения тех исторических эпох, когда еще не существовало письменности. Тем не менее, и эти источники дают возможность, при научном марксистско-ленинском истолковании их, воссоздавать основные черты общественного способа производства, разнообразие черты общественной жизни и характер исторического развития. Этому же способствует и сопоставление материальных памятников с соответствующими явлениями у современных народов, изучаемыми по преимуществу путем непосредственного наблюдения (см. *Этнография*). Языковедческие, фольклорные, археологические и этнографические материалы используются историей и при изучении развитых классовых обществ, но здесь на первый план уже выступают письменные памятники. Хотя взаимное сопоставление источников самого разнообразного характера необходимо при исследовании любой эпохи, все же потребность в памятниках материальной культуры для изучения, скажем, истории Европы в новое и новейшее время менее значительна по сравнению с потребностью в архивных документах и печатных произведениях. Начиная с времен, ознаменовавшихся широким развитием письменности, основным источником при изучении истории политического строя, истории отдельных правительств и правителей, международных сношений, законодательств и т. д. являются различные акты, законы, административные распоряжения, дипломатическая переписка, международные договоры, доклады государственных и общественных учреждений и должностных лиц, нотариальные записи и т. д. Не удивительно, что наибольшее количество опубликованных и разработанных источников относится к документам этого рода. К ним

примыкают хроники (летописи), воспоминания, автобиографии, дневники и личная переписка политических деятелей. В этой области имеется также значительное количество публикаций. При изучении социально-экономического развития богатый материал дают документы об имущественных отношениях: судебники, жалованные грамоты, перечни повинностей крестьян, документы, свидетельствующие о сеньориальных правах феодала, в более поздний период — архивы фабрик, заводов, имений, банков, трестов и т. п. Цифровой материал, доставляемый этими источниками, обрабатывается с помощью *статистики* (см.); работы Ленина содержат многочисленные образцы критики антинаучного пользования статистикой и подлинно научного ее применения. Имеющая громадное научное значение и представляющая колоссальный интерес обширная коллективная работа по *истории гражданской войны в СССР* (см.) базируется не только на всей совокупности архивов СССР, но и широко привлекает совершенно новый вид источника — массовые записи воспоминаний участников гражданской войны. По характеру используемых источников к ней примыкает разворачивающаяся у нас также большая работа по *истории фабрик и заводов* (см.). Она основывается на изучении как старых архивов, так и архивов, хранящих документы социалистической реконструкции промышленности в последние годы, многочисленных воспоминаний участников тех или иных событий, а также на опросе живых свидетелей и участников борьбы и строительства.

Для изучения истории революционных движений исключительное значение имеют архивы партийных организаций, профессиональных союзов и в то же время органов государственной власти, борющейся с ними (жандармских управлений, охранного отделения, судов, тюрем). Здесь же следует назвать всевозможные прокламации, листовки, брошюры, знамена, оборудование нелегальных типографий, оружие и т. п. При изучении истории последних столетий совершенно необходимыми источниками являются газеты, журналы и различные публицистические произведения, отражающие исторические события, классовые интересы и стремления политических партий и течений. Развитие техники создает новые виды источников, к-рых историч. наука еще так недавно не знала. При разработке ряда вопросов исследователь новейшей истории может использовать фотографич. снимки, граммафонные пластинки, хроникальные кинофильмы и т. п.

Вспомогательные исторические дисциплины. Широко используются материалы, доставляемые антропологией, филологией и более отдаленными от исторической науки дисциплинами (как геология, физическая география и др.), историки применяют в своей исследовательской работе более узкоспециальные историко-вспомогательные дисциплины, помогающие установить степень достоверности, время возникновения и другие особенности тех или иных источников и произвести их первичную обработку. Такие вспомогательные исторические дисциплины, как археология, имеют сами свои вспомогательные дисциплины, напр., историческую технологию и др. Для истории древности чрезвычайно важное значение имеет *эпиграфика* (см.), изучающая надписи на вещественных памятниках: архитектурных сооружениях, могильниках, ста-

туях, одежде, коврах, утвари, знаменах, даже на скалах (например, бегистанская надпись времен иранского царя Дария) и т. п. Основные задачи эпиграфики состоят в установлении подлинности надписи, а также самого предмета, на к-ром сделана надпись, в прочтении и воспроизведении надписи в целях научной публикации ее и проверки текста другими учеными, которые не имеют возможности непосредственно осмотреть надпись. *Нумизматика* (см.) изучает монеты и медали. Как известно, нахождение кладов монет помогает определить торговые пути и связи отдельных стран в прошлом. Монеты и медали дают возможность судить о состоянии техники и искусства, важны для установления хронологии, оказывают содействие при определении времени и места возникновения и автора нек-рых письменных источников: установлено, что изображения на монетах нередко перешли в гербы и печати и обратно. Метрология занимается изучением различных мер веса, объема, протяжения, ценности и времени. Часть метрологии составляет хронология, предметом к-рой является точное установление дат исторических событий или документов, что представляет зачастую немалую трудность в условиях разных систем летоисчисления, смены календарей, стилей и т. д. При установлении подлинности документов имеет большое значение *сфрагистика* (см.), изучающая печати как государственных учреждений и общественных организаций, так и частных лиц. С течением веков изменялась форма печати, ее текст, способы приложения ее к актам: печати из твердых цветных камней в форме цилиндров, жукон—в восточных государствах, висячие свинцовые буллы, висячие золотые и серебряные, наложенные на акты восковые в Средние века и пр. В тесной связи с сфрагистикой находится *геральдика* (см.), изучающая гербы. Появившись в Средние века вследствие практической необходимости (в военных делах можно было узнать данное лицо только по отметкам на его щите или одежде), герб отражал до нек-рой степени происхождение, боевые подвиги его обладателя. Кроме того, гербы в Средние века и позже имели, как известно, не только дворяне, но и цеховые организации, города, государства и отдельные лица не дворяне. Основное значение геральдики состоит в том, что она облегчает работу историка при установлении автора источника или бывшего владельца вещи (знамени, книги, кареты, на к-рых имеются гербы). Знание геральдики облегчает также работу нумизмата, сфрагиста и генеалога. Следует упомянуть также переоценивающуюся дворянской и буржуазной историографией и имеющую у нас лишь ограниченное значение при разработке некоторых специальных тем вспомогательную дисциплину—*генеалогия* (см.), занимающуюся изучением родословных отдельных деятелей политической жизни, искусства, науки и вообще родословных, гл. обр. титулованных родов. Исключительно большое значение для истории имеет *палеография* (см.), устанавливающая приемы чтения старинного письма, а также определения времени составления документа, написанного или напечатанного этим письмом. Палеография прежде всего изучает историю письма, выясняет развитие письменных знаков (букв), употребляемых в данном языке, материала, на котором писали или печатали (пергамент, бумага и т. п.), и средств, при помощи кото-

рых писали или печатали (перо, состав чернил, типографские литеры и т. п.). Важнейшая вспомогательная историческая дисциплина—*дипломатика* (см.)—занимается формальной критикой исторических документов. Техник их описания и публикации занимается *археография* (см.). Архивоведение занимается вопросами их хранения. Особое место в ряду вспомогательных дисциплин занимает историческая география. Ее задачей составляет изучение пространственного размещения исторических явлений, истории местоположения отдельных стран, их границ, нахождения и передвижений народов, определение мест исторических событий и т. д. Исторические карты, как составленные во времена отмеченных на них событий, так и восстанавливающие на основании ряда источников картину прошлого, являются важным пособием для исследователя. Личные и географические имена прошлых времен и их изменения изучают ономастика и топонимика.

Р а з в и т и е И. Само собой разумеется, что отношение к историческим вспомогательным дисциплинам и практическое применение их находятся в прямой зависимости от метода и принципиальных установок представителей разных классов в разные периоды истории. В древнем мире на критику источников почти не обращалось внимания. Наоборот, вымысел, миф и легенда должны были восполнять пробелы в источниках, особенно там, где этого требовали интересы господствовавшего класса. Тем не менее, нек-рые зачатки критики источников, правда, непоследовательные, встречаются уже у историков древнего мира. Геродот, сам оставивший фантастические рассказы о Скифии и др., нередко высказывает сомнение в достоверности отдельных источников. Фукидид требует от историка критического выбора источников, сравнения противоречащих источников, логической проверки сообщений и психологического анализа действовавших в истории лиц. Аристотель выставляет требование, чтобы историю литературы изучали по первоисточникам. Полибий, Ливий, Тацит, Флавий и др. историки хотя и не идут в установлении методов критики дальше Фукидида, но применяют более или менее удачно в своих исследованиях намеченные им приемы. В Средние века критика источников стояла еще ниже. Все, что соответствовало религиозной догматике или служило для прославления правящей династии и знатных родов, использовалось как достоверное; все, что не соответствовало, отбрасывалось. При этом часто были случаи подделки источников, особенно дарственных, выдумывались генеалогические таблицы и пр. Историки-монахи охотно описывали разные чудеса, но мало интересовались установлением действительных фактов и проверкой сообщений источников. Только в период так называемого Возрождения появляется впервые серьезная критика исторических источников. Заинтересованность крупных землевладельцев в уничтожении привилегий церкви вызвала критическую проверку дарственных грамот; гуманистическое мировоззрение, отразившее первое появление на исторической сцене молодой буржуазии, потребовало пересмотра всех сообщений средневековых историков. Из массы исследований, в к-рых применялась критическая оценка документов, следует отметить работы: Лоренцо Валлы, доказавшего подложность знаменитого «Констан-

тинова дара», которым папы обосновывали свои притязания на светскую власть, Флавия Биондо и А. Полициано, критически подходивших к изучению источников древней истории, а также Маккиавелли и Фр. Гвиччардини. При этом изучение памятников письменности древней Греции и Рима содействовало возникновению в 16—17 вв. палеографии.

И в дальнейшем источниковедение, так же как и историческая наука в целом, развивалось под влиянием и в интересах того или иного класса. Достаточно упомянуть широко известные фальсификации истории буржуазными учеными и писателями (напр., И. Тэнном—французской революции 18 в., П. Милюковым—Великой Октябрьской пролетарской революции, вычеркивание Э. Бернштейном ряда острых, направленных против оппортунизма, мест при публикации им сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и т. д.). Характерно, что, на фоне начавшегося упадка буржуазной исторической науки со второй половины 19 в., техника исторического исследования, в частности—обработки и публикации источников, идет вперед при застое и даже регрессе научного анализа и обобщения. На первый план выступает критика ради критики, абстрактный техницизм, происходит одностороннее, но значительное обогащение приемов публикаторской работы вплоть до воспроизведения водяных знаков в точнейших копиях с подлинников, издание коллекций документов, перенятых посредством фотостата (особенно широко применяемое в США), и т. д. Этот период в публикации источников открывается еще в конце первой четверти 19 в. громадным сборником источников по истории немецкого Средневековья «Monumenta Germaniae historica» и находит свое продолжение в ряде соответствующих изданий во многих странах. Годы после империалистической войны 1914—18 ознаменовались изданием в большинстве стран, участниц войны, публикаций документов по международным отношениям (см. *Мировая империалистическая война 1914—18*, Исторический очерк).

В Советском Союзе выходит ряд публикаций, имеющих международное значение. В первую очередь здесь следует отметить публикации Институтом Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б) сочинений и документов Маркса, Энгельса и Ленина, которые частью оставались до сих пор неизвестными не только широким читательским кругам, но и историкам, и участникам революционной борьбы, либо (как некоторые работы Маркса и Энгельса) издавались в свое время с сознательными искажениями и пропусками в тексте. Особо следует отметить большую серию «Ленинских сборников», выпускаемых наряду с Собранием сочинений Ленина. Великая Октябрьская пролетарская революция покончила с тайной дипломатией. В первые послереволюционные годы опубликован ряд важнейших секретных документов буржуазных правительств. ЦИК СССР была образована специальная комиссия по изданию документов эпохи империализма, которая выпустила в настоящее время (1936) 8 томов документов из архивов бывшего царского и Временного правительств; причем, в отличие от большинства публикаций буржуазных государств, эта публикация начинается преданием гласности в первую очередь материалов именно по предвоенному (1914) и военному периодам.

Источниковедение литературное, одна из вспомогательных дисциплин литературоведения, изучающая историко-литературные источники. Виды историко-литературных источников: записная книжка писателя, материалы к романам, замыслы, незаконченные редакции художественных произведений и переписка писателя с современниками (друзьями, читателями, редакторами журналов, издателями), воспоминания и т. п. Для исследователя художественного творчества писателя эти материалы не являются решающими, они лишь помогают раскрывать классовое лицо писателя, его творческую деятельность, литературные влияния и т. д. Наряду с этим И. ставит и разрешает свои специальные и более узкие вопросы—о подлинности и достоверности тех или иных материалов, о научном издании текста.

Лит.: Статистика в работах В. И. Ленина, Сб. сост. Черменский В. Д., под ред. и с пред. Смит М. Н., 2 изд., Москва, 1934; Саар Г. П., Источники и методы исторического исследования, Баку, 1930. Работы буржуазных авторов: Бернгейм Э., Введение в историческую науку, СПб, 1908; Жанглюа и Сеньобос, Введение в изучение истории, СПб, 1899; Жаппо-Данилевский А. С., Методология истории, т. I—II, СПб, 1910—13; Шепкин Е. Н., Вопросы методологии истории, Одесса, 1905. Статьи в журн. «Проблемы истории материальной культуры», Л., с 1934—«Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л. (см. также при статьях об отдельных вспомогательных дисциплинах).

ИСТОЩЕНИЕ, чрезмерное израсходование физ.-хим. запасов организма, влекущее за собой б. или м. резкое падение его энергии и жизнедеятельности. Важно при этом соотношение между процессами усвоения (ассимиляции) и распада (диссимиляции): диссимиляция может, напр., быть повышена без какого-либо ущерба, если расход веществ соответственным образом компенсируется их накоплением. Опасным И. становится лишь в том случае, когда трата веществ резко и длительно преобладает над их приходом, что может быть вызвано или резким повышением траты без соответствующей компенсации или же пониженным притоком, хотя бы расход вещества и не выходил за пределы обычной нормы. Такие условия создаются тягостным, непосильным трудом в условиях капитализма. Рационально организованный социалистический труд способствует укреплению органов, более живому обмену и кровообращению.

И. наблюдается при многих заболеваниях, особенно инфекционных; при последних помимо токсического распада веществ известное значение имеет также понижение ассимиляции на почве депрессивного действия ядов на функции клеточных элементов, как равно и ослабление аппетита. Пониженный приток имеет место и в зависимости от таких факторов, как недостаток в пище (см. *Голодание*), механические препятствия к прохождению пищи (сужение пищевода и т. п.), а также от всех тех моментов, к-рые нарушают правильное всасывание и усвоение питательных веществ (разрушение желудочных желез при раке, выведение пищи упорными поносами, затрудненное всасывание жира при болезнях поджелудочной железы, нарушение утилизации углеводов при диабете и т. п.). Хотя в основе всякого И. по существу лежит несоответствие между расходом энергии и ее накоплением, между диссимиляцией и ассимиляцией, т. е. причины биофизического и биохимического порядков, все же в зависимости от нарушения тех или иных функций различают И. физическое и И. нервно-психическое. Говорят также об И. отдельных органов, как, напр.,

мозга (равносильно И. нервно-психическому), сердца, костного мозга и пр. Нервно-психическое И., обусловливаемое, гл. обр., недостаточным возмещением питательного материала мозговой коры по сравнению с его расходом, может при случае повести к психическим заболеваниям. Последствия И. различны в зависимости от степени и вида его: они могут в одних случаях иметь значение преходящего явления и быть поправимыми, в других же явления И. сигнализируют наличие тяжелого заболевания, ведущего к смерти (рак, диабет). Возможно и нечто среднее, когда дело не доходит до летального исхода, но И. надолго подрывает благосостояние организма. От И. следует отличать понятия *кашексии*, *маразма* (см.).

ИСТОЩЕНИЕ ПОЧВЫ, обеднение почвы элементами пищи растений, гл. обр. азотом и фосфором, в меньшей мере калием, значительно реже—другими элементами. И. п. происходит в результате длительной культуры с.-х. растений без удобрений или при недостаточном внесении их на одних и тех же земельных участках. Это неизбежно имеет место при хищническом ведении хозяйства в капиталистическом обществе. Как результат И. п. наступает понижение урожайности. Культура клевера на подзолистых почвах (как и другие бобовые растения) увеличивает запасы азота в почве, но приводит к истощению запасов фосфорной кислоты и затем калия, а это при отсутствии севооборота влечет к резкому падению урожайности клевера (см. *Клевероутомление почвы*). Точно так же при повторении культуры сахарной свеклы даже черноземные почвы быстро истощаются в отношении калия. И. п. может быть устранено применением минеральных удобрений в определенной системе севооборота.

ИСПАРТ, комиссия по изучению истории Великой Октябрьской пролетарской революции и РКП(б), образованная при Наркомпросе постановлением СНК от 25/IX 1920 для собирания, разработки и издания материалов, относящихся к истории Великой Октябрьской пролетарской революции и РКП(б). В первый состав комиссии входили: М. С. Ольминский, В. В. Адоратский, Н. Н. Батулин, А. С. Бубнов, М. Н. Покровский, В. Быстрицкий и др. С 1921 комиссия перешла в Центральный Комитет РКП(б) и с 1922 была преобразована в отдел ЦК. На местах при партийных комитетах были образованы местные испартоотделы. Первый период развития испартоотделов помимо издательской деятельности характеризовался накоплением архивных материалов и организацией на местах музеев революции и истории партии.

Заведующими И. ЦК в разное время были: М. С. Ольминский, С. И. Гусев, М. А. Савельев, Ф. М. Самойлов. За время своего существования Испарт сосредоточил в своем архиве и библиотеке ряд ценнейших документов и изданий по истории партии, в том числе старый, т. н. Женевский архив ЦК, богатую коллекцию листовок и прокламаций, изданных как в России, так и за границей, обработал и издал ряд ценных партийных материалов (в т. ч. переиздал протоколы II, III, IV и VII Съездов партии и подготовил к печати V Съезд). Переиздал «Искру», «Вперед», «Пролетарий», «Новую жизнь», выпустил ряд историко-революционных сборников, хроник революционного движения, воспоминаний, сборник «ВКП(б) в революциях ее Съездов» и т. д.; издавал жур-

нал «Пролетарская революция»—исторический ежемесячник, посвященный изучению истории Великой Октябрьской пролетарской революции и истории ВКП(б). Постановлением ЦК от 1928 И. был объединен с Институтом Ленина. Ряд местных И. преобразован в историко-партийные научно-исследовательские институты по изучению истории партии и революционного движения.

ИСТ-ПРОВИДЕНС (East Providence), город в штате Род-Айленд (США); расположен на левом берегу р. Сиконк, при впадении ее в р. Провиденс, против г. Провиденс (см.); 30.252 жит. (1930). Узел трех железнодорожных линий. Крупный химический завод и ряд др. промышленных предприятий.

ИСТР (Istres), город на юге Франции (деп. устья Роны), в 52 км северо-западнее Марселя, близ оз. Берр. Население 5.550 чел. (1931). Станция ж. д. Париж—Средиземное м. Радиостанция, аэродром гражданской авиации, военноморская авиационная школа, авиационный батальон, хим. заводы.

ИСТР, см. *Дунай*.

ИСТРА, 1) И. Б о л ь ш а я, левый приток р. Москвы. Длина 149 км. Для того чтобы увеличить количество воды в р. Москве, на И. Большой строительством канала Москва—Волга сооружено водохранилище у села Ракова объемом в 183 млн. м³. Кроме увеличения ресурсов водоснабжения Москвы, Истринское водохранилище, захватывая часть весеннего стока бассейна р. Москвы, уменьшает опасность наводнений в г. Москве. Для образования водохранилища на И. построена плотина длиной в 490 м и высотой в 25 м. Пойма И. частично заболочена. Течение реки извилистое, быстрое. На И. Большой расположен г. Истра с 8,9 тыс. жит. (1936) (б. *Воскресенск*, см.). 2) И. М а л а я, правый приток Большой И. Вытекает из озера Глубокого. Течет сначала по заболоченной местности, а затем в глубоко врезанной долине с лесистыми склонами.

ИСТРАТИ (Istrati), Панаит (1884—1935), буржуазный франц. писатель, по происхождению румын. В основных произведениях («Les récits d'Adrien Zograffi», 4 тт., 1924—26, «Codine», 1926, «Les chardons du Baragan», 1928, «Michail», 1926, и др.) Истрати выступает как крайний анархист и индивидуалист. В 1928 посетил СССР.—В сотрудничестве с контрреволюционными троцкистами написал ряд возмущительных пасквилей на Советский Союз. В последние годы своей жизни И. предпринял издание серии юношеских романов, в которых проповедывал сотрудничество классов.

Последние книги И.: *Le pêcheur d'éponges*, P., 1930; *Tsatsa Minnka*, P., 1931; *En Egypte*, P., 1931. Некоторые ранние произведения И. переведены на рус. яз.

ИСТРЕБИТЕЛЬ (англ. *destroyer*, нем. *Zerstörer*), класс кораблей военно-морских сил (см. *Военное судно*). В составе военно-морских сил РККА носит название—эскадренный *миноносец* (см.). Первоначальное назначение И.—борьба с миноносцами, для чего они имеют более мощное артиллерийское вооружение и большую скорость; в наст. время их основное назначение—нанесение мощного торпедного удара. Основные тактические элементы современных И.: водоизмещение 1.000—2.000 т, ход 35—40 узлов, торпедное вооружение—3 или 4 двух- или трехтрубных торпедных аппарата, артиллерия—4 или 5 пушек 100—130-мм, 2—3 зенитных орудия.

Лит.: А л е н и н В. и Б ы к о в П., Морская тактика (Учебник...), 2 изд., М., 1936.

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ САМОЛЕТЫ, самолеты, основное назначение к-рых—борьба в воздухе с самолетами противника за господство в воздухе (см.). В противозушной обороне И. с. включаются в систему авиационной обороны (АЗО). В соврем. авиации И. с. составляют ок. 25—35% всех самолетов, находящихся на вооружении иностранных военно-воздушных сил. По своим летным качествам И. с. должны превосходить бомбардировочные и разведывательные самолеты вероятного противника. Современные (1936) одноместные И. с. обладают следующими основными технич. и летными данными: размах моноплана 10—12 м, размах биплана 8—10 м; несущая поверхность моноплана 17—20 м², несущая поверхность биплана 20—25 м². Полетный вес 1.500—1.800 кг. Запас горючего имеется обычно на 1½—2 часа полета. Горизонтальная скорость на боевой высоте (5.000 м) 380—400 км/час. Время подъема на 5.000 м—7 мин. Рабочий потолок 10.000—12.000 м. Посадочная скорость 100—110 км/час. Радиус действия 300—350 км. Вооружение одноместного И. с. состоит из 2—4 неподвижно установленных пулеметов. Наводка осуществляется путем направления самолета прямо на цель. Для штурмовых действий одноместный И. с. применяет свои пулеметы, ведя огонь во время пикирования; кроме того, имеются обычно бомбодержатели для 2—4 осколочных бомб, весом 5—10 кг каждая. Полетные данные двухместных И. с. несколько хуже. На двухместных И. с. позади летчика, обычно спиной к нему, сидит воздушный стрелок, вооруженный одним или двумя спаренными пулеметами на экранированной турели или на ограниченно подвижной установке. Иногда стрелок вместе с пулеметами находится в качающейся люльке. Нек-рые типы И. с. вооружены авиапушкой. Многоместные И. с.—воздушные крейсера—применяются для сопровождения и защиты крупных бомбардировочных соединений и как дальние разведчики. На вооружении имеются только в нек-рых странах (Франция). Многоместные истребительные самолеты—двухмоторные, бипланы или монопланы, с экипажем из 3—5 чел. Вооружение их состоит из 5—7 пулеметов на 3—4 подвижных установках, обеспечивающих сферический обстрел.—Шасси И. с. заключается в обтекатели или—на новейших машинах—убирается в полете в крылья или фюзеляж. Кабина летчика закрывается спереди козырьком, к-рый иногда полностью закрывает летчика, устраняя задувание, но ухудшая одновременно и обзор. Управление осуществляется ручкой и педалями. Сидение летчика переставное по высоте. Подушку заменяет обычно парашют. Имеется кислородный прибор для высотных полетов. Для ночных полетов имеются позиционные огни и подкрыльные факелы для посадки. Предусмотрена установка фотоаппарата и небольшой радиостанции (для командира соединения).

Лит.: А л е к с е е в М., Б а т а ш е в М. и М а л и н о в с к и й П., Справочные сведения по воздушным силам, 2 изд., Л., 1935.

ИСТ-РЕТФОРД (East-Retford), город в Англии, в графстве Ноттингем; ж.-д. узел (пересечение линий Ньюарк—Донкастер и Шеффилд—Гримсби). Около 14 тыс. жит. (1931). Сталелитейный завод, резиновая и бумажная фабрики.

ИСТ-РИВЕР (East-River), вост. рукав р. Гудсон (США), соединяющий бухту Нью Йорка (Upper

Bay) с Лонг-Айленд-Сундом (проливом между о-вом Лонг-Айленд и материком). Длина 30 км, ширина от 4 км до 800 м, между Нью-Йорком и Бруклином—1.200 м; здесь через И.-Р. переброшен известный бруклинский височий мост. И.-Р. соединяется судоходным каналом с р. Гудсон. Доступен для самых больших океанских пароходов; подводные скалы, опасные для мореплавания во время приливо-отливной волны, устранены подрывными работами.

ИСТРИН, Василий Михайлович (р. 1865). историк рус. литературы. С 1907—член Академии наук. Последователь Н. С. Тихонравова (см.), И. тяготеет к чисто филологическому изучению литературных памятников, давая критические издания их текстов. Работы И. сосредоточены на переводной повествовательной литературе («Александрия русских хронографов», 1893; «Сказание об Индийском царстве», 1893, и др.); на литературе апокрифической («Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах», 1897; «Замечания о составе Толковой Палаты», 1897—1898, и др.); на литературе историч. («Хроника Иоанна Малалы», 1903—13; «Хроника Георгия Амартола», 3 тт., 1920—30, и др.). Из других работ И. следует отметить «Исследования в области древне-русской литературы», I—V, 1906, и «Очерк истории древне-русской литературы домосковского периода (11—13 вв.)», 1922.

Лит.: Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук, ч. 1, П., 1915, стр. 309—311.

ИСТРИЯ, полуостров, входящий в состав Италии (до империалистической войны принадлежавший Австро-Венгрии), между 44° 45'—45° 46' с. ш. и 13° 35'—14° 20' в. д., вдающийся обособленным треугольником в сев.-зап. часть Адриатического моря. Полуостров лишь на С. и отчасти на С.-В. связан с материком, отчленяясь от него заливами Триестским и Кварнеро. Побережье полуострова изрезано глубоко вдающимися узкими заливами и бухтами. Берега в сев. части обрывисты и скалисты. И. представляет собой в большей части невысокое (ок. 100 м над ур. м.) известковое плато с общим уклоном с С. на Ю. Наиболее возвышенная часть полуострова (500—600 м над ур. м.)—северная, образована отрогами Карста. Главные реки: Квието и Драгонья на зап. берегу, Арса на вост. Площадь—ок. 3.800 км², население—ок. 300 т. ч. На побережья преобладают итальянцы, внутри страны—словенцы и хорваты. Средняя плотность населения—81 жит. на 1 км². Наибольшая плотность—на побережьях; по мере удаления от моря в глубь страны плотность сильно уменьшается, и большая часть возвышенной внутренней Италии почти необитаема. Растительность скудная. Оливковое дерево и виноград культивируются лишь на побережьях. Хлебопашество очень незначительно.

В древности И. была населена иллирийскими и кельтскими племенами. Во 2—1 вв. до хр. э. была завоевана римлянами и при Августе окончательно включена в состав Империи. Под романским влиянием в И. развился ряд городов. В 6—8 вв. хр. э. И. была подчинена власти византийских императоров и подверглась нашествиям варваров и славян, причем последние, начиная с 7 в., прочно заселили внутренние части полуострова и составили весьма значительную массу сельского населения страны. В результате трехвекового византийского владычества в И. создался мощный класс местных

земельных магнатов, к-рые в качестве должностных лиц Византийской империи держали в своих руках все управление страной. В конце 8 в. И. завоевали франки (при Карле Великом), местные земельные магнаты потеряли большую часть своих привилегий, и лишь городам, хотя и в весьма узких пределах городских территорий, удалось сохранить прежние права и вольности; И. была включена сперва во Фриульскую марку, а затем вместе с Фриулем образовала Аквилейскую марку. В 10 в. охрана торгового пути из Германии в Италию через Альпы на всем его протяжении сосредоточивается в руках баварского герцога, и власть последнего распространяется также на Истрию. К половине 11 века И. превращается в самостоятельную марку и делается непосредственно феодалом (леном) Империи, а к концу 11 в.—феодалом Аквилейского духовного княжества. Начиная с 13 в. в И. и особенно в ее приморских городах неизменно растет экономическое и политическое влияние соседней Венецианской республики, пока, наконец, в 15 в. вся И. за исключением с.-в. ее части, переходившей из одних рук в другие и очутившейся в конце-концов в руках австрийских владетелей Габсбургов, не попадает под власть Венеции. Опираясь по преимуществу на имущие слои горожан приморских городов И., Венеции удалось создать из последней надежный форпост для отражения сперва *ускоков* (см.), а затем и турок. Под венецианским владычеством И. оставалась до самого крушения Венецианской республики, т. е. до эпохи французской революции 18 в. и Наполеоновских войн.

По *Камтоформийскому миру* (см.) 1797, И. была уступлена Наполеоном Австрии, в 1805 была отобрана им и в 1809 вошла в состав т. н. Иллирийских провинций (см. *Иллирийцы и Иллирия*), а по решению Венского конгресса (1815) снова отошла к Австрии. По мере роста национального движения в Европе и, в частности, в пределах многонациональной Австро-Венгрии население приморских городов И., итальянское по языку и культурным традициям, унаследованное от времен многовекового венецианского господства, обнаруживало тяготение к объединению с Италией. Попытки австрийского правительства противопоставить итальянскому населению городов славянское население деревень еще более обострили национальную борьбу. Борьба продолжала развиваться как до мировой империалистической войны, так и во время нее, пока И. по *Сен-Жерменскому договору* (см.) не отошла к Италии.

Лит.: Die österreich-ungarische Monarchie in Wort und Bild, Bd X, Das Küstenland, W., 1892; L e n e l W., Wenezianisch-istrische Studien, Strassburg, 1911; L e i c h t P. S., Le terre irredente nella storia d'Italia, Udine, 1915; B e n u s s i V., L'Istria nei suoi due millenni di storia, Trieste, 1926. *М. Бердоносков.*

ИСТ-СЕНТ-ЛУИС (East Saint Louis), город в штате Иллинойс (США), на левом берегу р. Миссисипи, против г. Сент-Луис, с к-рым соединен тремя ж.-д. мостами. Один из важнейших ж.-д. узлов США (от И.-С.-Л. отходит 21 ж.-д. линия); 74.024 жит. (1930). Крупный индустриальный центр. Фактически является пригородом *Сент-Луиса* (см.).

ИСТЯЗНИЕ, физическое или психическое воздействие, сопряженное с мучительством. И.—отягчающее вину обстоятельство при убийстве и при нанесении телесных повреждений, побоев и при иных насильственных действиях, сопряженных с причинением физической боли (Угол.

код. РСФСР, статьи 136, 142 и 146). И. составляет существеннейший элемент *пытки* (см.) и как таковой применяется, несмотря на формальное воспрещение пыток, в бурж. полицейских застенках и тюрьмах, особенно фашистских, по отношению к арестованным и заключенным политич. «преступникам».

ИСФАЙРАМ (И с ф а й р а м - с а й), горная река бассейна Сыр-дарьи в Средней Азии. Берет начало в пределах Киргизстана, на сев. склонах Алайского хребта; стремительно течет в узком ущелье на Ю. и вступает в пределы Узбекистана, где после выхода из гор целиком разбивается на орошение ю.-в. части Ферганской долины и не доходит до Сыр-дарьи. Длина русла ок. 155 км. По ущелью И. идет важный, частью вьючный путь из г. Ферганы через Алайский хребет на *Даравт-курган* (см.) и Памир. Из И. выведено свыше 30 магистральных каналов и множество мелких. Река орошает ок. 110 тыс. га земли, используемой гл. обр. под посевы хлопка, пшеницы и сорго. В бассейне И. живет ок. 170 тыс. чел. (1926), гл. обр. узбеки и киргизы, отчасти таджики, уйгуры и ферганские турки. Крупнейшие селения расположены в нижней, узбекской части бассейна, там же лежит и г. Маргелан. В верховьях разбросаны зимовки киргизов.

ИСФАРА (И с ф а р а - с а й), горная река бассейна Сыр-дарьи в Средней Азии; длина 115 км. Берет начало в Киргизстане, на сев. склонах Туркестанского хребта, на высоте ок. 3.100 м над ур. моря. Воды И. целиком расходуются на орошение пашен и садов и не доходит до Сыр-дарьи. Из И. на всем ее протяжении выведено свыше 25 крупных магистральных каналов и много мелких; река орошает около 53 тыс. га земли.

ИСФАРА, село в сев. части Таджикской ССР, в долине р. Исфары; центр одноименного района. 8.307 жит. (1926), почти исключительно таджики. Колесной дорогой соединен с г. Канибадамом (в Ферганской долине). Большинство жителей занято поливным садоводством; специализация — абрикосы (гл. обр. мелкие, так называемый урюк); по заготовке сушеных фруктов И. занимает одно из первых мест в Средней Азии. Некоторую роль играют шелководство и бахчеводство. В районе кроме садоводства развито поливное полеводство (пшеница, рис, сорго и др.).

ИСФАХАН, И с п а г а н ь (араб. Isbahan, греч. Aspadana), гл. город одноименной провинции Ирана, расположен на путях к Тегерану (350 км) и к Ширазу (450 км), с к-рыми связан автомобильным сообщением; 100.140 жит. (1933). Крупная торговля опиум, хлопком, табаком, шерстью, коврами, сушеными фруктами и хлебными злаками. Единственная в Иране крупная хл.-бум. фабрика; из кустарных промыслов развиты ковровый и обработка металлов. Телефон, радиостанция. В И. находятся консульство и торговое представительство СССР и отделения нескольких советских хов. организаций. В древности И. делился на два города: Джайи (впоследствии центр И.—Шахристан) и Яхудийи—«город евреев»—еврейская колония, основанная, по преданию, при Навуходоносоре, в 12 в. до хр. э. Ко времени завоевания арабами в 644 хр. э. (после битвы при Нехавенде) И.—крупный торговый город и важный стратегический пункт Персии. В 10 в. И.—столица государства Саманидов, а затем Буйидов. Во время нашествия Чингис-хана

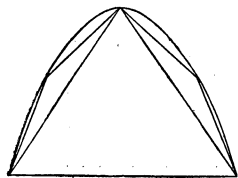
(13 в.) И. уцелел и находился во власти персов до 1357, когда был взят и разрушен Тимуром, сложившим пирамиду из 70 тыс. голов перебитых им жителей И. В 1548 И. взят турками. В 17 в., при династии Сефевидов, И.—столица их государства, а при шахе Аббасе I и его преемниках достигает высшего расцвета (600 тыс. жит.). В 1722 И. взят афганцами. С этого времени И. теряет свое значение, особенно в связи с перенесением при династии *Каджаров* (см.) столицы Персии в Тегеран. В 1916—17 И. был оккупирован казаками ген. Баратова.

И.—наиболее богатый памятниками персидской архитектуры мусульманского периода город Ирана. Наибольший интерес представляет мечеть Масджид-и-Джами, начатая постройкой в 9 в. хр. э., продолженная в 11—12 вв. (раннее применение стрельчатой арки, геометрическая орнаментация из неполированного кирпича), в 14 в. (резная орнаментация по гипсу, михраб 1310) и в конце 16—начале 17 вв., в эпоху шаха Аббаса (оформление внутреннего двора мечети высокими порталами, украшенными многоцветными изразцами, изразцовой мозаикой и майоликой). Должны быть отмечены: минарет Али—11 в., Ходжа Алам—12 в., Сарабан—14 в. Особенно ценны художественные памятники И. сефевидского периода (16—18 вв.). При шахе Аббасе И. был заново перепланирован и украшен великолепными постройками. Исключительным примером архитектурного ансамбля является огромная площадь И.—Мейдан-и-Шах. Она со всех сторон окружена сводчатыми аркадами и постройками: с Ю.—Шахская мечеть, с В.—дворец Али Капу, украшенный внутренними росписями, с З.—мечеть шейха Луфтолла (1618), а на сев. сторону выходят ворота главного городского базара. Из других построек сефевидского периода в И. замечательно медресе Мадер-и-Шах, богато украшенное изразцами (1707—11). В Исфахане сохранились многочисленные развалины знаменитых в свое время сооружений Исахабана I.

Н. Кун.

ИСЧЕРПЫВАНИЯ МЕТОД, прием, употребляемый древнегреческими математиками для вычисления площадей и объемов криволинейных фигур. И. м. разработан был Эвдоксом Книдским (410—356 до хр. э.).

Примером употребления И. м. может служить квадратура параболического сегмента, данная Архимедом (287—212 до хр. э.). Архимед вписывает в сегмент S по некоторому правилу (как указано, например, на рисунке) ряд треугольников. Если площадь первого из них равна a , то сложенные вместе площади двух след-

дующих равны $\frac{a}{4}$, четырех следующих вместе $\frac{a}{4^2}$ и т. д.; при этом процесс вписывания таких треугольников можно продолжать неограниченно. Далее устанавливается, что сумма геометрической прогрессии $a + \frac{a}{4} + \frac{a}{4^2} + \dots + \frac{a}{4^n}$ равна $\frac{4}{3}a - \frac{1}{3} \frac{a}{4^n}$, т. е. при неограниченном продолжении может быть сделана сколь угодно близкой к $\frac{4}{3}a$. Затем на основе аксиомы Эвдокса доказывается, что разность между площадью сегмента S и суммой площадей вписанных тре-

угольников может быть сделана меньше любой данной величины. После этого Архимеду остается лишь доказать, что S не может быть равно не чему иному, как $\frac{4}{3}a$. Для этого он допускает сперва, что S больше $\frac{4}{3}a$. Так как сумму площадей вписанных треугольников можно сделать сколь угодно близкой к сегменту S , то ее можно сделать также большей, чем $\frac{4}{3}a$. Но она всегда меньше $\frac{4}{3}a$, и таким образом допущение $S > \frac{4}{3}a$ приводит к противоречию. Предположение, что $S < \frac{4}{3}a$, отпадает точно так же, ибо сумму площадей треугольников можно сделать сколь угодно близкой к $\frac{4}{3}a$, из чего вытекает противоречие, что сумма вписанных в сегмент треугольников может быть сделана больше сегмента S . Так как неравенства $S > \frac{4}{3}a$ и $S < \frac{4}{3}a$ невозможны, то $S = \frac{4}{3}a$.

Доказательство И. м. заключало существенное ядро современного метода пределов, и в нем должно было обязательно содержаться сколь угодно точное приближение к искомому пределу. Заключение от противного, всецело связанное с этим неограниченным приближением, гарантировало единственность предела. В невыявленной форме здесь скрывалось понятие бесконечно-малой величины как переменной, предел которой есть ноль. Однако, в отличие от современной теории пределов, к-рая устанавливает теорему о единственности предела в общем виде, в античных задачах приходилось проводить сведение к противоречию всякий раз снова. Самый термин И. м. возник после того, как Григорий из Сен-Винцента употребил в 1647 в соответственной связи слово *exhaustio* (исчерпывать).

А. Юшкевич.

Лит. см. гл. ст. *Интегральное исчисление*.

ИСЧИСЛЕНИЕ БЕСКОНЕЧНО-МАЛЫХ, см. *Дифференциальное исчисление*, *Интегральное исчисление*.

ИСЧИСЛЕНИЕ ВЕРОЯТНОСТЕЙ, см. *Вероятность*.

ИСЧИСЛЕНИЕ КОНЕЧНЫХ РАЗНОСТЕЙ, см. *Конечных разностей исчисление*.

ИТАБИРА (Itabira), город в Бразилии, в штате Минас Жераис, у подножия одноименной горы. Центр богатого железорудного месторождения; адм. центр одноименного округа, насчитывающего ок. 42 тыс. жит. (1930). И. соединен ж. д. с портом Викторией.

ИТАГАКИ, Тайсуке, граф (1837—1919), японский политический деятель, либерал, по происхождению самурай. Принимал активное участие в революции 1868 на стороне противников *Токугава* (см.). После победы над *сёгунатом* (см.) занимал ряд высших должностей. В условиях выявившегося недовольства части помещиков высоким поземельным налогом И. возглавил оппозицию этих кругов, шедшую под либеральными лозунгами, и проявил большую активность в деле пропаганды умеренного конституционализма. С этой целью в 1875 организовал «Партию патриотов» (Айкокуто), но вскоре вышел из нее, оказавшись слишком левым для своих политических друзей. С образованием в 1881 либеральной партии (Дзюито) стал ее лидером. В 1898 входил в коалиционный кабинет Окума, с портфелем министра вну-

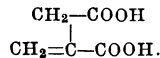
трених дел. В связи с реорганизацией партии Дзюго в партию Сейюкай в 1900, сложил с себя звание лидера и отошел от активной политической деятельности.

ИТАКА (Ithaca), город в центр. части штата Нью Йорк (США), у юж. оконечности судорожного проточного озера Каюге (Cayuga); узел двух железных дорог; 20.730 жителей (1930). Торгово-распределительный центр; вывоз каменного угля из недалеко расположенных копей Сев. Пенсильвании; различные пром. предприятия; университет.

ИТАКА (др.-греч. Ithake, ново-греч. Ithaki), остров в Греции, один из Ионических островов к В. от о-ва Кефалония. Площ. ок. 100 км²; население 8.800 чел. (1928). Рельеф гористый и скалистый, берега обрывистые; по склонам сады, виноградники и оливковые рощи. Производство коринки, оливкового масла, вина, рыболовство. Главный населенный пункт—Вати. В эпосе античной Греции И. является родиной и царством *Одиссея* (см.), мифического героя Илиады и Одиссеи *Гомера* (см.). Гомер называет И. скалистым островом, на к-ром нет ни обширных полей, ни лугов. Жители И. славились в древности как опытные мореплаватели.

ИТАКОЛУМИ (Itacolumi), одна из главных вершин Бразильского массива (в хребте Сиерра да Эспинасо); находится в штате Минас Жерайс, над городом Ойру-Прету. Высота 1.750 м. Состоит из особого вида кварцита, по этой горе названного итаколумита.

ИТАКОНОВАЯ КИСЛОТА (метилен-янтарная), C₂H₆O₄, ромбич. бипирамидальные кристаллы с темп. пл. 161°.

И. к. получается в виде ангидрида при перегонке лимонной кислоты.

ИТАЛИЙСКИЕ НАРЕЧИЯ (иногда называемые также и т а л и й с к и м и д и а л е к т а м и), образуют вместе с латинским языком (см.) италийскую группу *индо-европейских языков* (см.). Из них нам известны преимущественно наречия осское и умбрское; от других т. н. умбро-сабельских диалектов (пиенского, марруцинского, сабинского, вестинского, пелигнского, марсийского, примыкающих к осскому, и диалекта вольсков, видимою, более близкого к умброскому) сохранилось лишь незначительное количество очень коротких надписей. Осские надписи, более 200 (но более половины—собственные имена и обрывки слов), идут из Юж. Италии, б. ч. из Кампании, гл. обр. из Помпей и Капуи, и из Мессины (последние из времен занятия Мессины кампанскими мамертинцами). Их алфавит частью национальный (заимствованный через посредство этрусков из халкидско-греческого), частью латинский и греческий. Содержание надписей—городские уставы (Tabula Bantina), надписи на общественных зданиях, посвящения, храмовые инвентари и т. п. Несколько осских слов известно также в глоссах латинских грамматиков. Умбрские надписи—7 небольших «игувинских» (из г. Губбио) бронзовых таблич, заключающих в себе устав и обряды одной жреческой коллегии. Алфавит частью национальный (так же как у осков, заимствованный при этрусском посредстве из греческого), частью латинский.

Обнаруживая большую близость с системой латинского яз., эти наречия имеют и свои оригинальные черты, напр., в фонетике р и б при лат. qu и (g)u (осск. pfs=лат. quis); nn при лат. nd (осск. ūrsannam=лат. operandam); f в се-

редние слов при лат. b (умбр. tefe=лат. tibi, осск. mēfi-ai=in media; ft, ht при лат. pt, ct (осск. scriptas=scriptae; ūhtavis=Octavius) В И. н. от основ на ā и o сохранился старый имен. пад. ж множ. ч. на ās и ōs (осск. scrifas, Nūvlanūs = Nolani); в род. пад. един. ч. всюду кроме основ на ā—окончание eis, свойственное первоначально только основам на i. Оригинальные инфинитивы на om (um), напр., осск. ezum, умбр. egom=лат. esse, и т. д.

Лит.: Buck С. D., Elementarbuch der oskisch-umbrischen Dialekte, Heidelberg, 1905 [дана библиография].

М. Покровский.

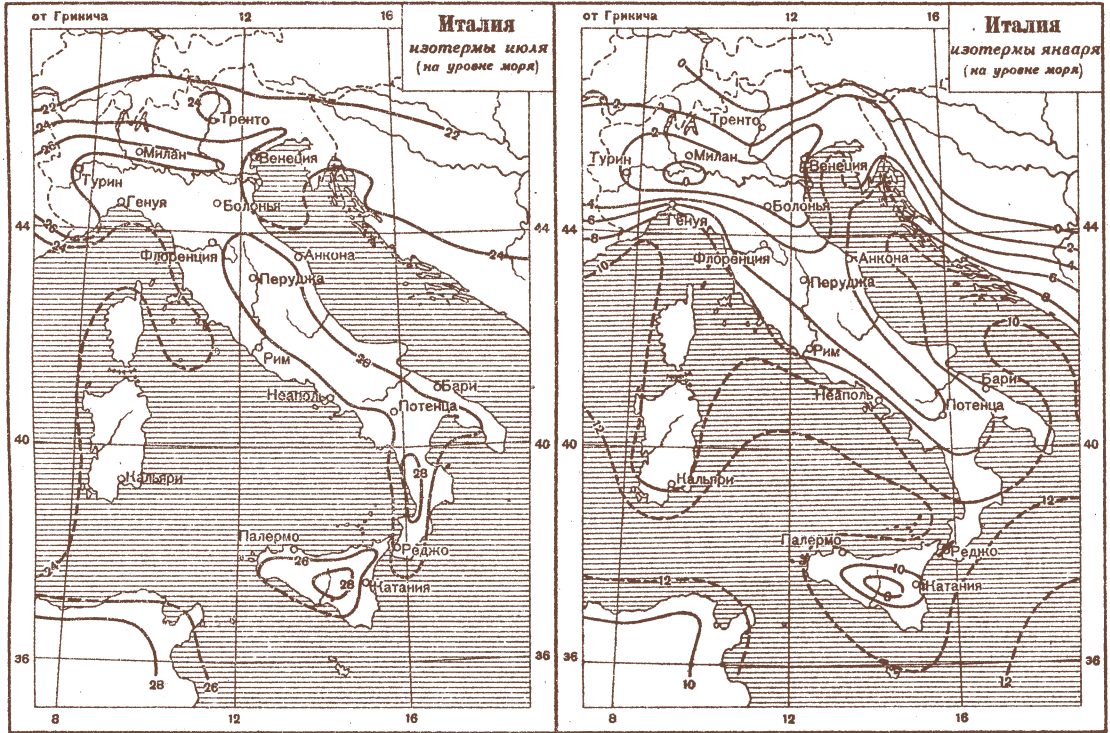
ИТАЛИКИ, народности, пришедшие с севера на Апеннинский п-ов и заселившие его среднюю и южную части. Все И. объединяются общностью языка и распадаются на две главных группы: умбрско-сабельскую и латинскую. Умбро-сабелы некогда жили в сев. части средней Италии и по берегу Адриатического моря (см. *Умбры* и *Умбрия*); позднее они были оттеснены *этрусками* (см.) в горы. К Ю. от них жили эквы и марсы. Латиняне населяли *Лациум* (см.)—равнину, орошаемую р. Тибром. На Ю.-В. от Лациума жили многочисленные сабинские племена. К Ю. от этих племен в Апеннинских горах жили самниты, принадлежащие к умбро-сабельской группе. Из племен, населявших *Кампанию* (см.), наиболее крупным племенем были оски. Южнее осков жили луканы. Все И. жили в родовом строе, управляясь своими родовыми старейшинами—вождями; занимались земледелием, а в горных областях—скотоводством.

ИТАЛИЯ. Содержание:

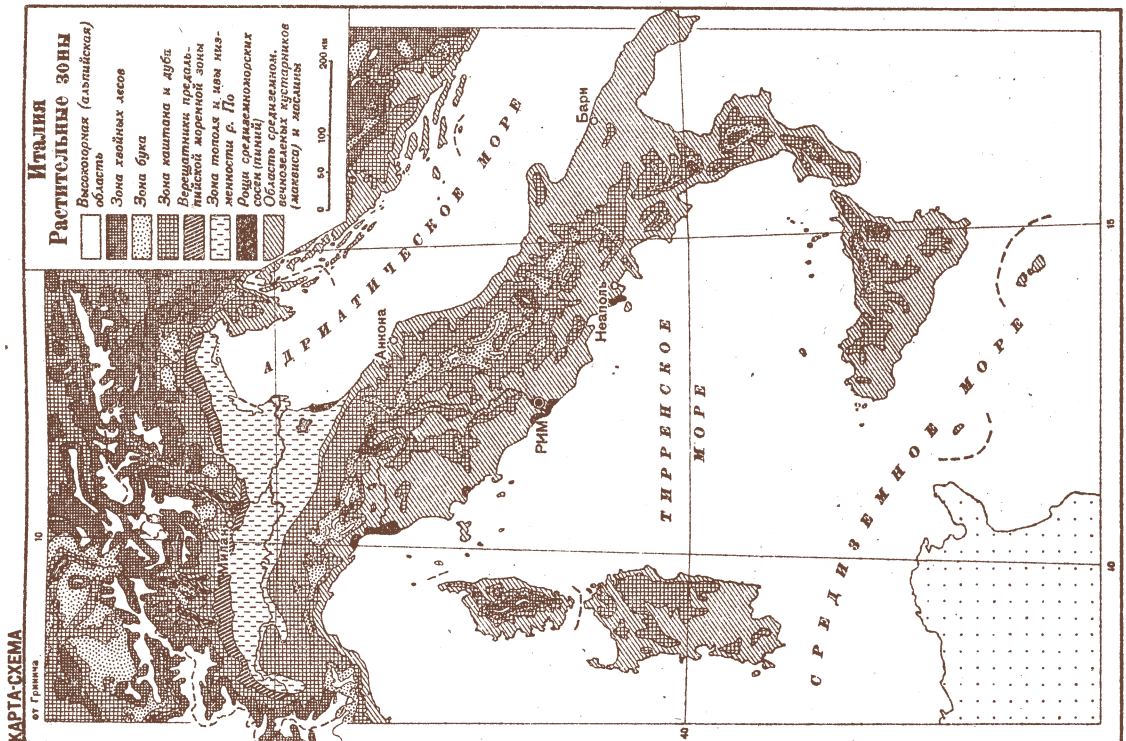
I. Физико-географический очерк	112
II. Территория и административное деление, население	122
III. Экономический очерк	124
Общая характеристика хозяйства И.—Экономические районы.—Сельское хозяйство.—Промышленность.—Внешняя торговля.—Путти сообщения.—Банки.—Государственные финансы.	
IV. Исторический очерк	141
Средние века. Период варварских вторжений и зарождения феодализма (5—8 вв.).—Дальнейшее развитие феодализма и зарождение городских коммун (9—11 вв.).—Борьба папства с империей и расцвет городских коммун (12—13 вв.).—Зарождение капиталистических отношений и правление тиранов (14—15 вв.).—Период экономического упадка и иностранного владычества (16—18 вв.).—И. в новое время (1789—1871).—И. в период французского владычества.—И. в период австрийского владычества и революция 1820—21.—И. после 1820—21 и в период Risorgimento («Возрождение»).—Революция 1848—49 и австро-итальянские войны.—Завершение воссоединения И.—И. до сле воссоединения (1871—1935).—И. в период 1871—76.—1887—96.—1896—1900.—Развитие промышленности И. и усиление итал. империализма (1900—14).—И. в империалистической мировой войне (1914—18).—Революционный послевоенный кризис (1919—22).—Фашизм (с 1922).—Итало-абиссинская война 1935—36.—Важнейшие даты истории Италии.	
V. Италия и СССР	237
VI. Политический очерк	239
Государственный строй.—Политические партии.—Коммунистическая партия И.—Пресса.—Вооруженные силы.	
VII. Профессиональное движение	266
VIII. Народное образование	270
IX. Санитарное состояние и организация здравоохранения	274

I. Физико-географический очерк.

В состав И. входят материковая часть, с С. ограниченная Альпами, Апеннинский п-ов, о-ва Сицилия и Сардиния, о-в Эльба и несколько мелких островов. На месте соединения Апеннинского п-ова с материком находится низменная р. По. Альпы принадлежат И. своими юж. склонами (в зап. части—вост. склоном), обра-

МАСШТАБ
0 100 200 300 400 500 км

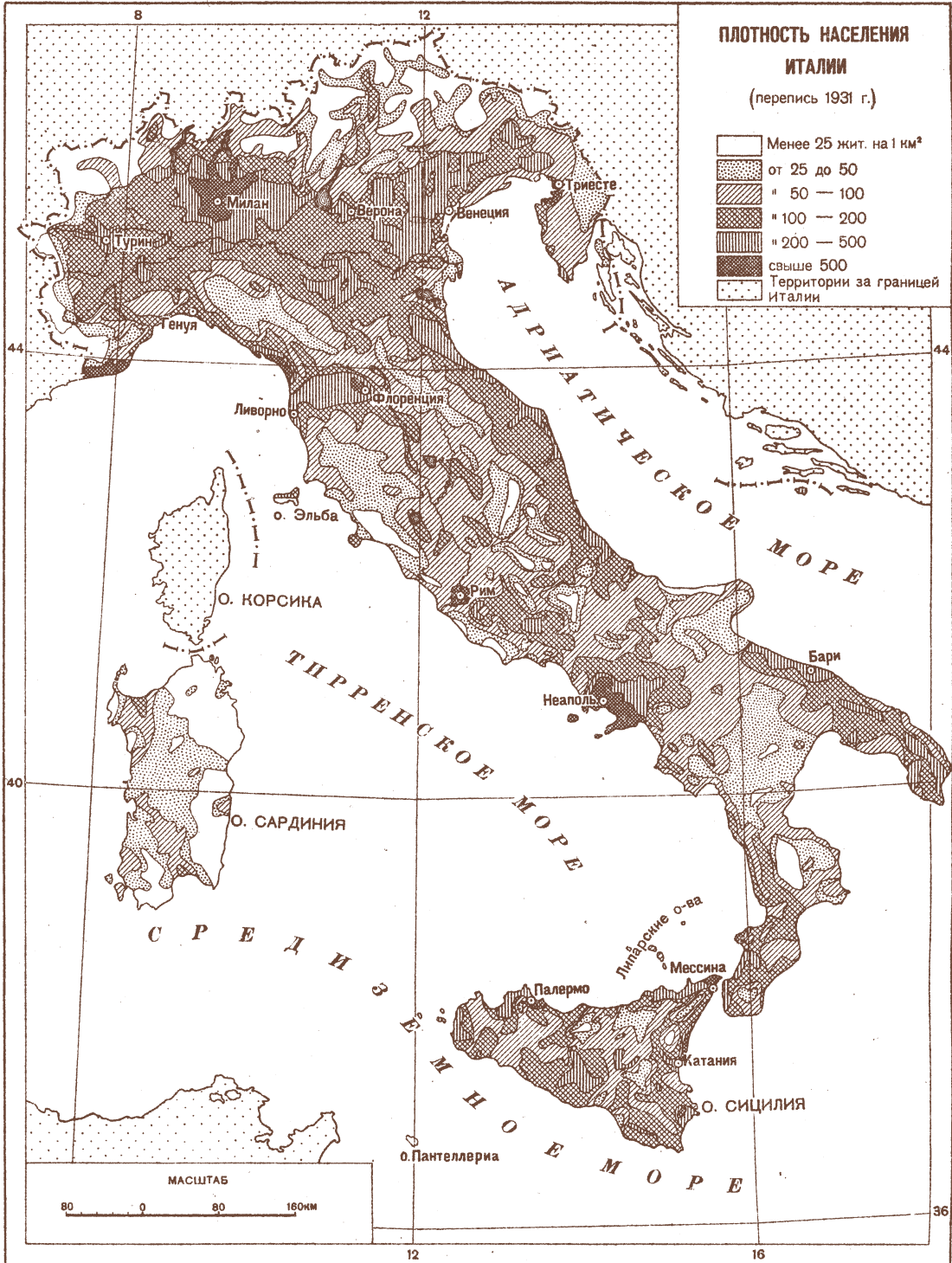
КАРТА-СХЕМА
от Гринича

ИТАЛИЯ

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА

КАРТА-СХЕМА

зую границу И. с Францией, Швейцарией, Австрией и Югославией. Таким образом, географически И. делится на три главные части: 1) Северную, или материковую, куда входят Итальянские Альпы и равнина р. По; 2) полуостровную часть, наибольшую по площади (Апеннинский п-ов, протягивающийся с С.-З. к Ю.-В., на южном конце раздваивающийся на полуострова Калабрию и Апулию); 3) островную. О характере морей, омывающих Италию, см. *Средиземное море*.

Берега И. По развитию береговой линии Апеннинский п-ов занимает среднее место между сильно изрезанным Балканским и массивным Пиренейским полуостровами. Западный берег наиболее богат бухтами в Калабрии, хотя не лишен их и в других частях. Крутой и скалистый на севере и юге западный берег в средней части имеет значительные низкие участки, сложенные речными наносами. Адриатическое побережье Паданской низменности болотисто и изобилует лагунами, южнее — высоко и гористо.

Рельеф, геологическое строение и ландшафты И. представляют большое разнообразие. Для Северной Италии характерен контраст двух ландшафтов — равнины р. По и Альп. На Апеннинском полуострове и на островах преобладает ландшафт средневысотных гор и холмистых предгорий; равнинные участки здесь невелики.

Итальянские Альпы (см. *Альпы*) делят на три главные части: Пьемонтские Альпы — зап. часть — до оз. Лаго Маджоре, Ломбардские Альпы — центр. часть — от оз. Лаго Маджоре до оз. Гарда — и Венецианские Альпы, образующие вост. район. Последние заканчиваются на В. хребтом Юлийских Альп, проходящим по границе с Югославией. Здесь в состав И. входят область Карст и п-ов Истрия, а также несколько островов (о-в Керсо и др.), географически принадлежащих уже Динарской горной системе сев.-зап. части Балканского п-ова. В Пьемонтской области И. принадлежат вост. склоны Приморских, Коттских и Грайских Альп и юж. склоны Пеннинских Альп. Эта часть Итальянских Альп отличается наибольшей высотой и значительным оледенением; здесь поднимаются (в водораздельной зоне, по к-рой проходит граница И.) вершины Монviso (3.843 м), Гран-Парадизо (4.061 м), Монблан (4.810 м), Монтероза (4.635 м) и др. Пьемонтские Альпы сложены кристаллическими породами; они очень круто и высоко, почти без предгорий, поднимаются над равниной р. По. Долины рек здесь преимущественно поперечные и направлены с запада на восток; из них наиболее крупные долины левых притоков р. По — Дора-Рипария и Дора-Бальтеа. Первая впадает в По у г. Турина; ее долина — наиболее короткий путь от низменности По во Францию; здесь проложена железная дорога. Дора-Бальтеа образует самую большую долину Пьемонтских Альп (долину Аосты), проходящую между Грайскими и Пеннинскими Альпами. По ней проложена ж. д. до г. Аоста, откуда идут шоссеиные пути в Швейцарию (через Большой Сен-Бернарский перевал) и во Францию (через Малый Сен-Бернар). Ломбардские Альпы по строению и ландшафтам значительно отличаются от Пьемонтских. В особенности характерно для них наличие больших и длинных (т. н. Верхнеитальянских) озер, южными концами доходящих до равнины, а северными проникающих глубоко

в пределы гор, причем продолжением их служат речные долины, частью поперечного, частью продольного типа. Такими оз. Лаго Маджоре с долинами рек Точе и Тичино, по к-рым проложены важные ж.-д. пути через Альпы (в Швейцарию, с туннелями через Симплонский и Сен-Готардский перевалы); оз. Лугано; оз. Комо с продольной долиной р. Адды (т. н. Вальтеллина), по к-рой проходит ж. д. через Альпы (к Верхнему Рейну); оз. Изео; оз. Гарда. Высокогорная зона представлена здесь кристаллическими хребтами Лепонтинских и Бернинских Альп; высшая точка последних 4.052 м. В районе Лепонтинских Альп граница И. спускается к Ю. от главного водораздела (большая часть долины Тичино и оз. Лугано принадлежат Швейцарии), но далее к В. граница вновь следует по водораздельной зоне. В Ломбардских Альпах, начиная от оз. Лаго Маджоре и расширяясь к В., развита предгорная (и среднегорная) зона хребтов, сложенных осадочными породами с преобладанием юрских и триасовых известняков; среди них расположены бассейны озера Кемо и Гарда.

Верхнеитальянские озера имеют частью тектоническое, частью гляциальное происхождение, представляя собой концевые (языковые) бассейны огромных древних ледников, разработавших широкие горные долины и тем обусловивших значительную расчлененность Альп. Южные оконечности озер сопровождаются моренными валами и амфитеатрами. Значение этих озер весьма велико — они облегчают проникновение человека в глубь гор и образуют естественные водохранилища и запасы водной энергии: вытекающие из них на Ломбардскую низменность реки (Тичино, Адда, Олио, Минчо) отличаются полноводностью и постоянством режима. Верхнеитальянские озера известны своей живописностью; берега их густо заселены и используются под южные плодовые культуры; здесь находится ряд курортов.

В восточной (Венецианской) области Итальянских Альп, куда входит также Тироль, горы в общем несколько понижаются и сложены преимущественно мезозойскими известняками; кристаллические породы развиты здесь гораздо меньше; тут проходят хребты т. н. Доломитов, Кадорских, Карнийских и Юлийских Альп с весьма разнообразными формами рельефа. Вершины их редко превосходят 3 тыс. м. Наряду с сильно рассеченными и причудливыми формами, в особенности характерными для Тироля (башнеобразные и пирамидальные вершины доломитов), имеются хребты, поднимающиеся сплошными массивами и стенами с едва намеченными высокими перевалами, как в Карнийских Альпах. Заметно выражено различие между высокогорной и среднегорной зонами, разделенными продольными долинами. В среднегорной зоне обрывистые и скалистые формы хребтов чередуются со столовыми высотами, отличающимися развитием карстовых явлений. Многочисленные поперечные долины, часто глубокие и узкие, называются здесь «каналами». Широко и разнообразно выражена также холмистая предгорная зона. Важнейшими речными долинами являются здесь долина р. Адидже, орошающей Тироль, с ж.-д. путем, ведущим в Австрию, затем — долины рр. Брента, Пьяве и Тальяменто. Крайний с.-в. район Карст и п-ов Истрия, а также о-в Керсо сложены меловыми известняками и эоценовыми мергелями и

песчаниками; для них в особенности характерно необычайное развитие карстовых форм с грандиозными пещерами, провалами и подземными реками.

Изменность бассейна р. По (Паданская) представляет собой единственную большую равнину И., занимающую ок. 46 тыс. км², или 15% площади И. На большей части протяжения она лежит ниже 100 м над ур. м., несколько повышаясь к подножию Альп на С. и Апеннин на Ю.; на крайнем западе, у вост. подножия Альп, высота равнины доходит до 500 м (над ур. м.). С Э. на В. равнина пересечена р. По, крупнейшей рекой И., берущей начало в Коттских Альпах, принимающей с обеих сторон многочисленные горные притоки (более значительные — с Альп, меньшие — с Апеннин) и образующей при впадении в Адриатическое м. обширную дельту. Низменность р. По в третичное время и в начале четвертичного периода представляла собой морской залив, впоследствии заполненный мощными наносами рек и ледников, сносивших продукты разрушения и размыва с Альп и Апеннин. Густая речная сеть равнины дополнена многочисленными каналами, сооруженными частью для осушения болотистых участков, частью для искусственного орошения; они же служат и водными путями. Плодородность почв и обильное орошение создали здесь один из наиболее густо населенных и тщательно возделанных районов И. Равнина делится от Э. к В. на Пьемонтскую, Ломбардскую и Венецианскую низменности; к Ю. от реки По, у подножия Апеннин, лежит Эмилианская низменность.

Рельеф Апеннинского п-ова в основном складается молодым (третичным) складчатым хребтом *Апеннин* (см.), но, кроме того, здесь значительное развитие имеют вулканические формы, а п-ов Калабрия представляет обломок древнего разрушенного нагорья (Тиренниды). Границу между Альпами и Апеннинами принято проводить по линии от г. Савоны к С.-Э. (где проходит ж. д. Савона—Турин). В этом месте горы суживаются и сильно изменяются по геологическому строению. Восточная окраина Апеннинского полуострова приподнята и сделалась суше в самое недавнее геологическое время; она состоит преимущественно из рыхлых третичных отложений (глин, песков и песчаников); в состав ее входят еще меловые плато Апулии и Гаргано; последние образуют не подвергшееся складчатости предгорье динарской зоны Апеннин. Горообразовательные процессы, создавшие молодую сущу Апеннинского п-ова и Сицилии, продолжают и в наст. время, о чем свидетельствуют частые и сильные землетрясения, обычные во всей этой области, а также мощные проявления вулканической деятельности. Эпоха наиболее активного вулканизма относится к началу четвертичного периода, когда действовали крупные вулканы в Тоскане, Римском, Неаполитанском и Сицилийском районах, а также в зоне Адриатического склона (город Вультуре). Затем вулканизм становится менее активным, но и сейчас остается достаточно мощным, сосредоточиваясь в трех очагах: Везувий, Этна и Липарские острова.

Апеннины по различиям форм рельефа и ландшафтов принято делить на три главные части: Северные, Средние и Южные. В свою очередь Сев. Апеннины делят на Лигурийские и Тоскан-

ские, Средние — на Умбро-Мархийские и Аbruццские, Южные — на Неаполитанские и Сицилийские. Северные Апеннины сложены преимущественно мощной толщей третичных отложений (от эоцена до плиоцена) из глин, песков и песчаников; кроме того, в состав их входят «чешуйчатые» сланцевые глины с известняковыми банками и эруптивными («офиолитовыми») выходами из серпентинитов, диабазов, эфотидов и гранитных штоков. Верхняя зона с главными вершинами, превышающими 2 тыс. м (Монте Чимоне, 2.163 м), состоит большей частью из твердых песчаников; напротив, средние и нижние склоны — из рыхлых глин и песков, отличающихся сильнейшим развитием оползней и оплывин, в особенности на северном склоне, постепенно понижающемся к С., с поперечными долинами рек, стекающих к р. По и Адриатическому м. Южный склон более крут и (в Тоскане) сильнее расчленен глубокими и широкими продольными долинами и котловинами, служащими важными центрами населенности и земледельческой культуры (в т. ч. Флорентийская котловина со средним течением р. Арно, Казентино — с верхним течением р. Арно, котловина верхнего Тибра и др.). Южный склон Лигурийских Апеннин, вместе с составляющим его зап. продолжение южным склоном Лигурийских и Приморских Альп, тянется вдоль Генуэзского залива, образуя известное своей живописностью и мягким климатом гористое побережье Итальянской Ривьеры. Здесь расположен ряд курортов и городов со значительным развитием промышленной и портовой жизни (Генуя, Савона, Нерви, Санта-Маргерита, Порто-Фино и др.).

Средние Апеннины могут быть разделены на две главные зоны — широкую осевую, сложенную преимущественно мезозойскими известняками, где Апеннины достигают максимального поднятия (массив Гран-Сассо с вершиной Монте-Корно, 2.914 м), и внешнюю (субтропическую) зону вост. склона, опускающуюся к Адриатическому морю и сложенную третичными породами (глинами, песками и песчаниками). Характерна для Средних Апеннин сильная раздробленность их на отдельные хребты и массивы, между которыми залегают широкие котловины тектонического (частью карстового) происхождения, служащие важными центрами населенности. Средние Апеннины, благодаря значительной высоте, подвергались четвертичному оледенению в более широком масштабе, чем Северные Апеннины, где была захвачена оледенением только самая верхняя зона. Кроме горно-гляциальных форм (главным образом цирков и местами каровых гребней), типично для Средних Апеннин мощное развитие карстовых явлений и форм, выраженных крупными воронками, провалами и в особенности обширными котловинами («полями»), где нередко у подножия поглощающих воду известняковых массивов выходят сильные карстовые источники.

К Э. от Северных и Средних Апеннин, между ними и Тирренским морем, располагается область, к-рую можно назвать тирренским пред-апенниньем; она делится на два района: Тосканский и Римский. Первый из них представляет обширную приподнятую береговую холмистую равнину-плато, сложенную преимущественно третичными отложениями, над к-рыми подымаются многочисленные островные хребты

ИТАЛИЯ

Озеро Комо. Менаджио.

Озеро Гарда. Рива и гора Бальдо.

и высоты из мезозойских и палеозойских пород. Таковы: Апуанские Альпы, знаменитые своими ломками мрамора (сложены из сланцев и известняков, до 1.946 м выс.), Пизанские горы, тосканская металлосная цепь, п-ов Арджентарио; сюда же примыкает и о-в Эльба с гранитным куполом Капанне—1.019 м выс. На Ю. Тосканского района возвышается двойной трахитовый конус потухшего вулкана Монте-Амиата—1.734 м выс., а далее располагается римский вулканический район, представляющий комплекс из четырех крупных вулканических аппаратов, действовавших в четвертичное время, ныне потухших, но хорошо сохранивших типичные вулканические формы, хотя и подвергшиеся в большей или меньшей степени размыву и разрушению. Таковы—сложные вулканические массивы Вульсино, Чимино и Сабатино к С. и Монте-Альбано к Ю. от Рима. Все они представляют группы эруптивных аппаратов (кратеров и конусов), частью хорошо сохранившихся, частью размывтых или взорванных. В широких округлых впадинах находятся кратерные озера (Больсена, Вико, Браччано, Альбано и Неми), над к-рыми поднимаются конические вершины (Монте-Чимино, 1.055 м, Монте-Альбано, 956 м, и др.); на склонах и у подножия вулканов обширное развитие имеют застывшие лавовые потоки и туфовые покровы, выделяемые разрывом в отдельных высоты, плато и холмы. Город Рим расположен на подобном рода холмах из вулканических туфов, размывтых рекой Тибром. Для области тирренского предапеннинья характерно еще наличие в ее береговой полосе плоских аллювиальных низин, созданных наносами рек и частью заболоченных. Таковы—Тосканская маремма, в настоящее время уже почти осушенная, Римская Кампанья и Понтийская болотистая низина (к югу от Рима, у подножия известнякового хребта Лепини).

Южные Апеннины (Неаполитанские и Сицилийские, без Калабрии, о к-рой будет сказано ниже) представляют ряд существенных отличий. Для них характерно широкое развитие внешней третичной зоны (из глин, песков, песчаников, конгломератов и мергелей), составляющей большую часть хребта. Зона мезозойских известняков, доминирующая в Средних Апеннинах, выражена и здесь, но сильно сужена, раздроблена на отдельные, изолированные, б. ч. невысокие массивы и придвинута к побережью Тирренского моря, образуя местами живописные скалистые формы (Соррентский п-ов, о-в Капри, горы Палермской бухты). Наибольшей высоты достигают Юж. Апеннины в Луканском районе (Монте-Папа, 2.005 м), в пограничном с Калабрией хребте Серра-Дольчедорме (2.270 м) и в Сицилии (Мадоние, 1.977 м). Преобладают, однако, пологие и покатые склоны невысоких третичных хребтов из рыхлых пород, сильно размываемых и подверженных оползням. Область Юж. Апеннин отличается мощными современными проявлениями вулканической деятельности, причем вулканические очаги располагаются здесь и с внутренней и с внешней стороны апеннинской дуги. Таковы вулканы Неаполитанского района—действующий вулкан *Везувий* (см.), потухшие в историческое время вулканы Роккамонфина и Эпоемо (последний на о-ве Иския), Флегрейские поля с активными постумными проявлениями вулканизма. Наиболее грандиозный действующий вулкан И.—*Этна* (см.) в Сицилии (3.274 м); по близости

от него, в Тирренском море, находится группа вулканических Липарских о-вов (действующие вулканы Стромболи и Вулкано). Вулканические районы Этны и Везувия являются центрами сосредоточения густого населения и интенсивной земледельческой культуры (южные плодовые сады и виноградники), что обусловлено плодородностью почв на вулканических породах и обильными водными источниками, выходящими у подножия вулканических массивов.

Южные Апеннины подходят вплотную к Тирренскому морю и отступают от Адриатического моря; побережье последнего образует своеобразная по ландшафтам область, к-рую можно назвать адриатическим предапенниньем. Она делится на 4 географических района. Северный из них—возвышенный п-ов Гаргано (до 1.056 м выс.), сложенный меловыми и юрскими известняками с развитием карстовых форм. Гаргано представляет собой сводовую возвышенность, окаймленную широкими спускающимися к морю террасами. К Ю. от него находится Таволлера—равнина, сложенная речным аллювием, с обширными лагунами и болотами вдоль берега моря. Еще недавно эта низина служила зимним пастбищем для стад овец, спускавшихся с высоких Аbruццских гор; ныне она в значительной части распахана (под зерновые хлеба). Еще южнее протягиваются обширные невысокие плато Мурджии из меловых известняков, на Ю.-В. переходящие в п-ов Саленто (Апулийский), где меловые плато понижаются и б. ч. прикрыты третичными отложениями. В районах Мурджии и Саленто сильно выражены карстовые явления; вода уходит в глубину, и реки почти отсутствуют. Поверхность плато довольно пустынна и безводна, со скудными пастбищами. Население и земледельческое хозяйство сосредоточиваются в низинах и по окраинам плато, где выходят карстовые источники и развиты плодородные почвы на третичных пластах и аллювиальных глинах; тут разведены виноградники, оливковые рощи, плодовые сады.

Калабрийский п-ов представляет собой древний кристаллический массив, сложенный гл. обр. гранитами, гнейсами и кристаллическими сланцами. По рельефу и геологическому строению он представляет резкий контраст с молодой сухой Апеннинского п-ова и Сицилии. Массив весьма круто падает к Тирренскому и Ионическому морям, образуя вдоль зап. края ряд сбросовых ступеней. Наверху, на высоте более 1 тыс. м, напротив, наблюдаются плоские площади древнего, недавно приподнятого пенеппена с возвышающимися над ними закругленными склонами верхних участков массива (Аспромонте, 1.956 м, Монте-Сила, 1.930 м). Также отличается по своему рельефу и ландшафтам о-в *Сардиния* (см.), представляющий, подобно Калабрии, древний сглаженный разрывом массив из палеозойских и кристаллических пород, разбитый сбросами, с недавно приподнятыми глыбовыми хребтами, между к-рыми залегают низины. Преобладают здесь пологие и мягкие склоны плато, средневысотных гор и холмов; наиболее высокий гранитный массив Дженардженгу (до 1.834 м) с округленными формами подымается на плато Барбаджа. Северо-западная часть острова имеет вулканическое строение; здесь возвышаются разрушенные вулканические горы (Монте-Ферру 1.051 м выс.) и нагромождены огромные за-

стывшие лавовые потоки, образующие обширные столовые высоты, в общем довольно пустынные и дикие. Восточный берег острова, обращенный к Тирренскому морю, сбросового прямолинейного типа, мало удобен для судов: более расчленены южные, западные и северные берега Сардинии. Напротив, в Сицилии и на Апеннинском п-ове богатой расчлененностью и обилием заливов и бухт отличается именно Тирренское побережье, тогда как приподнятый берег Адриатического моря б. ч. однообразен, прямолинейен, сопровождается широкой полосой песчаных пляжей и мелководья и мало удобен для мореплавания.

Климат большей части Италии в береговой зоне и на небольших высотах, где сосредоточена главная масса населения, — субтропический средиземноморский. Сильнее он выражен в Юж. И., в смягченном виде — в Средней И., а в Сев. И. приобретает уже переходный характер (к среднеевропейскому), хотя мощный горный барьер Альп и предохраняет Сев. И. от северных ветров. Вследствие преобладания горного рельефа большое значение имеют в И. изменения климата в зависимости от высоты (по закону вертикальной зональности), в особенности в Альпах. В общем Италия расположена между среднегодовыми изотермами (на ур. м.) от 11° на С. до 19° на Ю. Весьма разнообразно представлены в И. преобладающие ветры и распределение атмосферных осадков. В связи со значением зап. ветров, приносящих главную массу влаги, зап. сторона Апеннинского п-ова отличается большей влажностью и более морским и ровным климатом, чем его вост. Адриатический склон. Горные районы получают больше атмосферных осадков, чем низменные, удаленные от гор. В общем И. обладает достаточной, а местами высокой влажностью; только весьма немногие и небольшие районы имеют менее 500 мм годовых атмосферных осадков (таковы: Тавольере, краевые участки зап. и юго-вост. Сицилии, юж. краевой участок Сардинии). К сравнительно сухим районам относятся внутренняя и вост. части низменности р. По и Тосканская маремма, а также Адриатическое и Ионическое побережья; среднегодовое количество атмосферных осадков здесь 600—700 мм. С высотой количество атмосферных осадков быстро увеличивается и на склонах, обращенных в сторону влажных ветров, превосходит 2 м (ср.-год.) не только в Альпийской и Предальпийской зонах, но местами и в Апеннинах; в Карнийских Альпах годовое количество осадков доходит до 3 м (и более). Средиземноморский режим осадков (максимум зимой, минимум летом) типично выражен на большей части Тирренского побережья (к Ю. от р. Омброне), в Калабрии, Апулии, Сицилии и Сардинии; эти районы отличаются весьма сухим и жарким летом. В остальной И. наблюдаются два максимума осадков — осенью и поздней весной; главный максимум приходится преимущественно на осень. На зап. и юж. склонах Апеннин минимум осадков летний, напротив, на равнине р. По, отличающейся континентальными чертами климата, минимум осадков приходится на зиму, а летняя половина года более дождлива; то же и в Альпах. В связи с указанными главными особенностями климата можно выделить в И. 6 климатических областей, а именно: 1) Альпийская область итальянских склонов Альп — выше 300—400 м, за исключением берегов крупных озер; климат горный: чем выше, тем холоднее. Сред-

няя температура января — от +1° до -10°, июля — от 20° до 8°. Значительны суточные колебания температуры. Осадки обычно выше 1 м (ср.-год.), увеличиваясь с З. к В. (до 3 м). Замкнутые долины более сухи. Снег в горах выпадает обильно. 2) Область равнины р. По. Континентальные признаки климата и умеренное количество осадков. Средняя годовая температура — от 12° до 14°, средние январские — от +3° до -1°, июль — 24°—25°, год. амплитуда — 20°—24°. Максимум осадков весной, затем в конце лета и осенью. Зимой обычно выпадает снег, но держится недолго. Годовое количество осадков (ниже 1 м) уменьшается в нижней и вост. части равнины (до 600 мм). Более мягким климатом, в особенности мягкой зимой, отличаются берега Верхнеитальянских озер. 3) Лигуротирренская область, с заметно смягчающим климат влиянием моря. От Итальянской Ривьеры до г. Салерно преобладают средние годовые температуры 15°—17°, в Калабрии — до 18°. Зимние (январь) температуры быстро повышаются к Ю. (от 5° до 11°), летние — более равномерны (от 23° до 25°). Годовая темп. амплитуда на побережье не больше 16°—17°, но увеличивается с удалением от моря. Осадки распределены довольно разнообразно в связи с рельефом и преобладающими ветрами; более значительны осадки в гористых районах побережья. Преобладают осенние дожди; лето чем южнее, тем суше. Снег выпадает редко и не образует покрова (кроме гор). 4) Адриатическая область. Отличается от Тирренской меньшей влажностью и более значительными годовыми амплитудами, доходящими до 1°—22°. Средняя годовая температура — от 14° до 16°, средняя январская — от 3° до 8°, июля — от 21° до 26°. Годовое количество осадков менее 1 м, к Ю. уменьшается до 500 мм (и несколько менее). С поднятием от берега в горы влажность увеличивается. Дожди, гл. обр., зимние. В юж. районе лето крайне сухое. 5) Внутренняя область Апеннинского п-ова — горные районы Умбрии, Абруццов, Саннио, Лукании. Холодный климат в верхней зоне гор. В замкнутых котловинах и бассейнах холодная зима и жаркое лето. Осадки разнообразны, в наиболее высоких районах достигают 2 м, значительно уменьшаются в долинах и котловинах (обычно менее 1 м). Зимой бывает снеговой покров. 6) Область островов — Сицилия и Сардиния; сюда же принадлежит п-ов Салерно (Апулийский). Климат мягкий и ровный, с небольшими годовыми амплитудами (за исключением высоких горных участков). Средняя годовая темп. — от 15° до 18°, средняя темп. самого теплого месяца (июля или августа) 24°—26°, самого холодного месяца — от 7° до 12°. Лето жаркое, продолжительное и очень сухое. Дожди зимние: годовое количество осадков варьирует от 800 мм до 500 мм и несколько ниже (Юж. Сардиния).

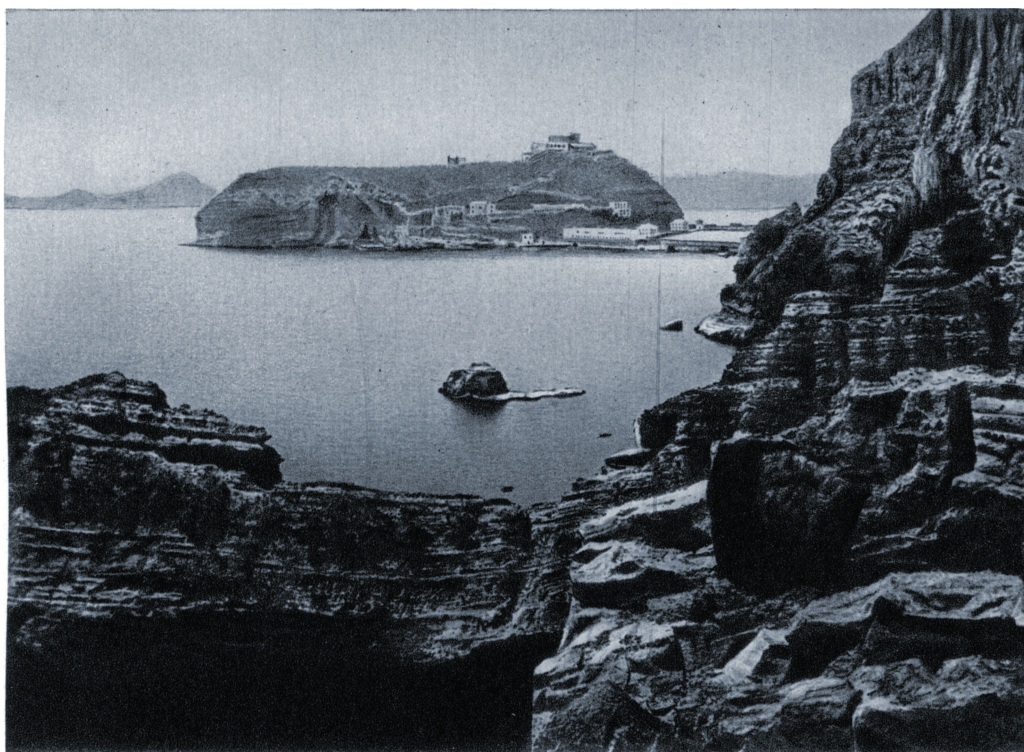
Почвы И. разнообразятся ее сложным рельефом. В Альпах развиты горно-скелетные и горно-луговые почвы. Апеннины и горы Сардинии покрыты скелетными красноземами и коричневыми почвами. Равнины (Ломбардия, Кампания, Апулия и др.) имеют коричневые почвы («буроземы» Рамана).

Флора Апеннинского п-ова и островов — средиземноморского типа; в Сев. И. она ближе к среднеевропейской, а в Альпах, кроме того, большое развитие имеет горная альпийская флора. Растительный покров И. распределяет-

ИТАЛИЯ

Вершина массива Гран-Сассо в Центральных Апеннинах.

Вулканический островок Низида близ Неаполя (на первом плане скалы из вулканических туфов у Позилипо).

ИТАЛИЯ

Южный берег Соррентского полуострова. Амальфи.

Везувий и Неаполь.

ся в связи с рельефом и климатом; в нем можно выделить несколько главных вертикальных зон. Нижняя или вечнозеленая (собственно средиземноморская) зона занимает довольно широкую полосу морских побережий; к Ю. она расширяется и подымается более высоко. Для этой зоны характерны заросли маквиса из вечнозеленых кустарников (мирт, дикая маслина, лавр, фисташка, земляничное дерево, древовидные верески, розмарин, лавандула, карликовая пальма и др.); роши вечнозеленых дубов (преобладает каменный дуб, реже пробковый, в Апулии—балканские виды: *Quercus Aegilops* и *Q. macedonica*); роши приморских сосен (*Pinus pinaster*, *P. halepensis*, *P. pinea*). Выше идет переходная или нижнегорная зона, где листопадные широколиственные деревья постепенно получают преобладание над вечнозелеными; для этой зоны характерны каштановые леса, также дубовые и ольховые. Растительность подобного же типа свойственна равнине По с окаймляющей ее зоной предгорий—здесь доминируют широколиственные леса (дуб, каштан и др.), в предгорьях Альп широко развиты верещатники, а в нижней части равнины—пойменные леса из пополей и ив. Зона горных лесов отличается преобладанием бука, а в верхней части—в Альпах и местами в Апенниннах—переходит в зону горных хвойных лесов. Последние в Альпах состоят из ели, пихты, сосны, кедра и лиственницы. Пихтовые леса имеются местами в Сев. Апенниннах, а в Средней и Юж. И. и на островах в горах встречаются хвойные (сосновые) леса южного типа из *Pinus Laricio*, на Ю. также из *Pinus brutia* и *P. leucodermis*. Выше идет альпийская зона кустарников, лугов и лужаек, наибольшего развития достигающая в Альпах и лишь незначительно выраженная в остальной И. (гл. обр. в Центр. Апенниннах). Леса в И. занимают ок. 16% всей площади; в течение 19 в. они подверглись сильной вырубке, в особенности в Средней и Юж. И. и на островах, где обширные лесные массивы были уничтожены, что вредно отразилось на хозяйстве населения; в настоящее время в горах местами проводится лесонасаждение.

Фауна И. принадлежит к средиземноморской подобласти Палеарктики, за исключением Альп, относящихся к среднеевропейской подобласти. Из крупных млекопитающих характерными формами являются: дикий козел (*Saraca ibex*), серна (*Rupicapra rupicapra*) в Альпах, козуля (*Sarceolus sarceolus*), олень (*Cervus elaphus*, на островах—*C. corsicanus*). В Сардинии—лань (*Dama dama*), муфлон (*Ovis musimon*), кабан (*Sus scrofa*); последний встречается также в Пьемонте и Лигурии. В Абрुццах сохранился еще медведь (*Ursus arctos*). В Центральных и Юж. Апенниннах и Сицилии встречаются волки. В Пьемонте изредка попадает рысь. Лисицы, дикие кошки двух видов (*Felis silvestris* и *Felis onca*), зайцы встречаются спорадически. Из мелких млекопитающих распространены: ласка, хорек, два вида куниц (*Mustela martes* и *M. foina*), на С.—горностай. На островах встречается выдра, изредка попадающаяся и на материке. Широко распространен еж. Орнитофауна богата; есть чисто средиземноморские виды; для охоты большое значение имеют пролетные птицы (перепела, жаворонки и др.). Из пресноводных рыб заслуживают упоминания: форель, карп, хариус, налим, окунь, искусственно разведенный ло-

сось и др. Морская ихтиофауна очень разнообразна, большое значение имеют: тунец, камбала, макрель, сардина, угорь и др.

Лит.: Italia (Geografia), в кн.: Enciclopedia Italiana, t. XIX, Roma, 1933; Fischer T., La penisola italiana, Torino, 1902; Д о б р ы н и н Б. Ф., Апеннинская Италия, «Землеведение», Москва, 1915, кн. 3 и 4; M a r i n e l l i O., Atlante dei tipi geografici dell'Italia, Firenze, 1922; B e r t a r e l l i L. V., Guida d'Italia del Touring club italiano, 2 vols, Milano, 1920; B r a u n G., Beiträge zur Morphologie des nördlichen Apennin, «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», Berlin, 1907, №№ 7—8; R ü h l A., Studien in den Kalkmassiven des Apennin, там же, 1910, № 8, и 1911, № 2; A l m a g i á R., Neue Untersuchungen und offene Fragen über die Morphologie des Zentral-Apennin, «Geographische Zeitschrift», Lpz., 1912, Jahrg. 18, H. 5; G i g n o u x, La Calabre, «Annales de géographie», v. XVIII, Paris, 1909; O l i v i e r L., En Sicile (Guide du savant et du touriste), Paris, 1901.

Б. Добрынин.

II. Территория и административное деление, население.

Италия без *Ватикана* (см.) и республики *Сан-Марино* (см.)—государств, расположенных на территории Апеннинского п-ова,—занимает площадь в 310.135 км². Из этой площади 24.500 км² присоединены к И. после войны 1914—18 при разделе быв. Австро-Венгерской монархии. Из аннексированных территорий сформированы департаменты Венеция-Тридентина (куда входит часть Тироля), Юлийская Венеция (п-ов Истрия с портами Фиуме, Триест и Пола) и отдельно Зара. Кроме того, к И. присоединены острова Керсо, Луссина и несколько более мелких о-вов на Адриатическом море. На З. И. граничит с Францией, на С.—с Швейцарией, на В.—с Австрией и Югославией. Самый северный пункт Италии лежит в горах Тироля (Бетта д'Италия—3.505 м над ур. м.—47°5'30" с. ш.), самый южный—мыс Пассеро в Сицилии (36°41' с. ш.). Протяжение государственных границ—10.420 км, из к-рых 1.920 км (18,4%) проходят по суше, а 8.500 км (81,6%)—по побережью.

Население Италии в 1931 составило 41.176 тыс. чел. Средняя плотность—132 жит. на 1 км². По плотности населения И. стоит на 5-м месте в Европе после Бельгии, Голландии, Великобритании и Германии. В административном отношении Италия делится на 93 провинции, объединенные в 18 областей, или департаментов. Распределение площади и населения по департаментам показано в таблице 1 (перепись 1931).

По оценке 1934 население И. определялось в 42.425 тыс. чел. Ежегодный естественный прирост населения И. за послевоенное десятилетие составлял в среднем около 1%. Это почти вдвое превышает прирост за соответствующий период населения Германии (0,6%), больше чем вдвое Великобритании (0,4%) и в 7 раз—Франции (0,14%). Однако, после прихода фашистов к власти темпы прироста населения стали заметно падать. Так, в 1922 (год захвата власти фашистами) естественный прирост населения составлял 12 чел. на 1.000, в 1934 эта цифра снизилась до 10. Падение естественного прироста населения является результатом ухудшения материального положения широких масс трудового населения страны. Сравнительно больше прирост в Лациуме (район Рима) и в аграрных областях Центр. и Юж. И.: в Кампании—1,7%, Апулии—1,4%, Калабрии—1,3%, Сицилии—1,2%. В промышленных областях Севера прирост населения значительно ниже: в Ломбардии—0,6%, в Пьемонте—0,5%, в Эмлии—0,3%, в Венеции—0,07%.

Табл. 1.

Департаменты	Площадь (в км ²)	Население (в тыс.)	На 1 км ²
Пьемонт	29.357	3.498	119
Лигурия	5.433	1.437	264
Ломбардия	23.838	5.545	233
Венеция-Тридентина (Юж. Тироль)	13.900	660	47,5
Венеция	25.449	4.123	162
Юлийская Венеция и Зара	8.692	979	112
Эмилия	22.116	3.218	145
Тоскана	22.934	2.892	126
Мархия	9.691	1.218	126
Умбрия	8.490	694	82
Лациум	17.180	2.385	139
Абруццы	15.419	1.499	97
Кампания	13.508	3.495	259
Апулия	19.269	2.486	129
Лукания	9.987	503	51
Калабрия	15.074	1.669	111
Сицилия	25.738	3.897	142
Сардиния	24.090	973	40
Вся Италия	310.135	41.176	132

Несмотря на относительно более слабый естественный прирост, население Северной Италии увеличивается значительно быстрее, чем Южной, за счет миграций из Южной и Центральной Италии в промышленные районы Севера. Из Южной и Центральной Италии население эмигрирует также за границу. За 30 лет, с 1876 по 1905, из Италии эмигрировало около 8 млн. человек. Количество эмигрантов в период 1901—05 составляло в год 554.050 человек, в период 1906—10—651.248, а в 1913 достигло максимальной цифры — 872.590 человек. Менее половины этого количества эмигрантов покидало страну временно, уходя на заработки (батрачество, земляные и строительные работы) во Францию, Бельгию, Люксембург и Южную Германию; большая часть, уезжавшая в заокеанские страны—Соединенные Штаты Америки, Аргентину, Бразилию и т. д., — на родину, как правило, не возвращалась. В послевоенные годы эмиграция значительно сократилась как вследствие экономического кризиса в странах, куда направлялся поток итальянских эмигрантов, так и вследствие затруднений, которые чинит при выезде из страны фашистское правительство.

Господствующий язык—итальянский (с многочисленными диалектами), на котором говорит 98% населения. Прочие национально-языковые группы численно ничтожны. По переписи 1931, в И. насчитывалось: словенцев и хорватов (в Истрии)—487 тыс., немцев (в Юж. Тироле, Триесте и Истрии)—270 тыс., албанцев (в Юж. И. и Сицилии)—87 тыс., французов (в Пьемонте и Зап. Альпах)—86 тыс., греков (в Апулии и Калабрии)—30 тыс. и каталонцев (в Сардинии)—12 тыс.

Табл. 2.—Самодельное население (в тыс. чел.) (перепись 1931).

Промышленных рабочих	4.473,7
С.-х. рабочих	2.508,7
Арендаторов и издольщиков	1.657,1
Хозяев, работающих на собственной земле (в эту группу статистика включает как крупных землевладельцев, так и крестьян)	3.895,5
Кустарей	770,7
Служащих	766,9
Хозяев, директоров, администраторов пром. предприятий	499,7
Хозяев, директоров и администраторов торговых, кредитных и страховых предприятий	869,2

III. Экономический очерк.

Общая характеристика хозяйства И. До конца 19 в. И. была преимущественно аграрной страной. Индустриальное ее развитие, тормозившееся пережитками феодализма, политической раздробленностью, а также недостатком металлических руд и топливных ресурсов, началось в конце 19 в. под сильным воздействием иностранного (немецкого) капитала (Banca commerciale italiana). Однако, еще в 1910 стоимость продукции с. х-ва составляла 25,6 млрд. лир, тогда как стоимость промышленной продукции определялась в 16,8 млрд. лир; доля с. х-ва в национальной продукции И. составляла 60,4%, а доля пром-сти — всего 39,6%. После войны влияние иностранного капитала на итал. промышленность продолжалось, но немецкий капитал уступил теперь место американскому; за 2 только года (1926—27) американцы вложили в итал. промышленность (гл. обр. химическую и автомобильную) больше 7 млрд. лир.

После прихода к власти фашистов быстрыми темпами развивается промышленность военная или имеющая отношение к войне и военной подготовке. Сюда относится пром-сть авиационная и автомобильная, химическая и текстильная (в особенности производство искусственного шелка). В целях подготовки к войне фашисты стремятся развить пром-сть продовольственных и сырьевых суррогатов; на этой почве возникает широкое производство спирта, который должен уменьшить потребление авиационного бензина, производство искусственной шерсти и других текстильных суррогатов. В послевоенные годы удельный вес промышленности в народном хозяйстве Италии значительно повысился. В 1926 стоимость с.-х. продукции определялась в 40 млрд. лир, стоимость пром. продукции—в 60 млрд. лир; в 1931 под влиянием кризиса, особенно резко снизившего цены с.-х. продуктов, перевес пром. продукции выявился в еще большей степени: стоимость с.-х. продукции составила 25 млрд. лир (31,3% всей нац. продукции), а стоимость пром. продукции—55 млрд. лир (68,7% всей нац. продукции).

Мировой кризис тяжело отразился на всех отраслях народного хозяйства Италии. В с. х-ве, несмотря на форсирование производства зерновых хлебов, фашистскому правительству удалось добиться расширения площадей только под пшеницей. Посевные площади всех других зерновых культур упали к концу кризисного периода ниже довоенных размеров. Кризис нанес тяжелые удары и животноводству, в особенности молочному х-ву, не находящему сбыта для своих экспортных продуктов. Обнищание мелкого крестьянства идет катастрофическими темпами; сильно увеличилась и общая задолженность сел. х-ва. Особенно пострадали отрасли, связанные с продукцией экспортных культур: лимонов, апельсинов, маслин и винограда, площадь под которыми заметно снизилась. В тяжелом положении оказалось итал. виноделие, перед которым закрылся важнейший рынок сбыта—французский. Сильно упал экспорт сыров (с 3,3 в 1929 до 2,5 тыс. т в 1933). За годы кризиса зарплата батраков снизилась более чем вдвое. Резко увеличилась безработица в деревне (где в 1934 насчитывалось свыше 250 тысяч безработных) и усилилось бегство крестьянской

молодежи в города: с 1921 по 1931 мужское население итальянской деревни упало с 7,1 до 6,5 млн.

В еще более резкой степени кризис отразился на промышленности. Общий индекс промышленной продукции упал со 109,2 в 1929 (100—1928) до 80,5 в 1933. В период депрессии особого рода индекс начал повышаться, чему способствовала усиленная активность военной промышленности и связанных с нею отраслей. Важнейшим показателем промышленного кризиса является рост безработицы. По официальным (преуменьшенным) данным, количество безработных возросло с 1929 по 1933 с 301 тыс. до 1.011 тыс., или более чем втрое (эта цифра не включает сельских безработных). В 1934, несмотря на увеличение промышленной продукции, количество безработных держалось на уровне 1 млн. Лишь с 1935 в связи с усиленной подготовкой к войне с Абиссинией количество безработных начало постепенно уменьшаться, но и в конце 1935 оно составляло ок. 600 тыс. чел., или вдвое больше, чем в 1929. Заработная плата промышленных рабочих снизилась с 1930 по 1934 на 20%. В конце 1934 в И. была введена 40-часовая рабочая неделя (вместо 48-часовой), что при сохранении прежних размеров почасовой зарплаты свелось к всеобщему снижению зарплат еще на 16%.

Экономические районы. В экономико-географическом отношении Италия делится на три основных района: Северный, Центральный и Южный. Северная И. включает исторические области: Пьемонт, Лигурию, Ломбардию, Юж. Тироль, Венецию и Эмилию. С З., С. и В. этот район охватывает широко раскинувшаяся дуга Альп. Эта обширная высокогорная система отчасти затрудняет сношения И. с остальной Европой, но отнюдь не делает их невозможными. Многочисленные и удобные для сообщения перевалы на З., С. и В. Итальянских Альп (Мон-Сени, Симплон, С.-Готард, Бреннер и др.) издавна обеспечивали экономическую и культурную связь И. с Францией, Швейцарией, Австрией и Юж. Германией. В Северной И. с давних времен развились на этих торговых путях крупные города, а во второй половине 19 в. и в 20 в. здесь сосредоточилась основная часть крупной промышленности И. Большую роль в экономике севера И. играет плодородие обширного бассейна р. По, занимающего всю сев.-итальянскую равнину. Кроме того, Сев. район пересекают важнейшие торговые пути, связывающие И. как со странами Зап. Европы и Америки, так и с Сев. Африкой и странами бассейна Индийского океана. Для развития современной промышленности района исключительно большое значение имеют альпийские притоки р. По, представляющие обильный источник электроэнергии.

Из 4.003 тыс. чел. промышленных и транспортных рабочих, насчитывающихся во всей И. по пром. переписи 1927, в Сев. районе работает 64,2%; из 693 тыс. рабочих, занятых в крупнейших предприятиях (имеющих свыше 500 рабочих каждое), на Северный район приходится 531 тыс., или 76,6%. Ведущими отраслями промышленности в этом районе являются металлообрабатывающая и текстильная: здесь работает 74% всех рабочих-металлистов и 90% всех текстильщиков Италии. Из 5.469 тысяч веретен, зарегистрированных в стране в 1933, на Северный район приходится 5.238 тысяч, или 95%.

Большая часть крупной промышленности сосредоточена в зап. части района, охватывающей треугольник Генуя—Турин—Милан (Пьемонт, Ломбардия и часть Лигурии). Турин и Милан—крупнейшие пром. центры всей И.—являются средоточием металлообрабатывающей и машиностроительной пром-сти (в Турине—известные заводы «Фиат», в Милане—«Бреда», в Генуе—«Ансальдо»). Шелковая пром-сть сосредоточена преимущественно в Ломбардии (Милан как центр шелковой пром-сти мало чем уступает Лиону); шерстяная пром-сть—гл. обр. в Пьемонте (Бьелла), Венеции (Триент), а также в Ломбардии (Бергамо, Брешия); хлопчатобумажная пром-сть рассеяна по всей долине р. По. Свыше 700 гидроэлектростанций Сев. И., расположенных на горных реках, стекающих в долину р. По, производят (данные 1933) 8 млрд. *квт-ч* в год, или 79% всей производимой в Италии гидроэлектроэнергии.—Рассеянные в Альпах горные разработки не имеют крупного значения. Железная руда в весьма небольших количествах добывается в округе города Брешиа, медь и колчеданы—в Пьемонте и Южном Тироле, свинец и цинк—в Южном Тироле, бокситы—в Западных Альпах и Истрии.

Природные условия Сев. И. чрезвычайно благоприятны для развития с. х-ва. Прекрасно орошенная плодородная долина р. По искони считалась «садом Италии»; близость крупных индустриальных центров обусловила высокое развитие здесь земледелия и животноводства. Большая часть земли находится в руках помещиков, сдающих землю мелким и средним арендаторам. Эти хозяйства по уровню своего развития выше, чем обширные поместья Юга. Здесь потребляется относительно больше искусственных удобрений; обработка земли более механизирована. Поэтому урожайность зерновых и прочих культур здесь несравненно выше, чем на Юге. Почти половина всего итал. урожая пшеницы приходится на Ломбардию и Венецию. Почти весь сбор риса дают Ломбардия, Пьемонт и дельта р. По; ок. 90% сахарной свеклы поставляют Венеция и Эмилия; Эмилия стоит на первом месте и по продукции пенки.—Север является также районом наиболее интенсивного животноводства и молочного х-ва. Здесь находится 70% всего поголовья крупного рогатого скота Италии. На Северный район приходится подавляющее большинство кооперативных организаций по машинной обработке почвы, по шелководству, по переработке табака, по производству молочных продуктов и т. д.

Несколько особое место в экономике севера И. занимает Итал. Ривьера (Лигурия). Эта узкая береговая полоса имеет выдающееся хозяйственное значение благодаря исключительно плодородию своей почвы, развитию промышленности (металлургия, военная промышленность, верфи), а также благодаря большой посещаемости ее туристами. Итал. Ривьера—это фруктовый сад И. Зерновые хлеба играют здесь ничтожную роль. Ривьера производит массу фруктов (персики, абрикосы, лимоны, апельсины), маслин, винограда и цветов (экспорт, гл. обр., в Германию). Здесь находится важнейший порт И., Генуя, через к-рый проходит международная магистраль Кале—Париж—Бриндизи. Это самый близкий путь из Великобритании и Франции в Египет, а также в Индию и на Дальний Восток. В послевоенные го-

Табл. 3. — Показатели интенсивности с. х-ва по районам И. (в %).

Районы	Территория	Потребл. суперфосфата	Потребл. сульфата аммония	Потребл. калийной соли	Потребл. наливных удобрений	Количество тракторов	Производство пшеницы	Производство кукурузы	Производство риса	Производство сахарной свеклы	Производство конопли
Северный	38,3	56	61	68,3	96,7	67,7	44,6	75,3	99,5	88,3	64,5
Центральный	22,4	21,5	7	22,1	3,0	14,7	19,1	12,4	0,2	6,7	2,5
Южный	39,3	22,5	32	9,6	0,3	17,6	36,3	12,3	0,3	5,0	33,0

ды быстро развивающаяся Генуя перегнала по объему грузооборота Марсель и стала самым крупным портом Средиземного моря.

Центральная И., охватывающая исторические области Тоскану, Мархию, Умбрию и Лациум, по уровню своего экономического развития сильно уступает Северу. Полезными ископаемыми этот район не богат. В Тосканских горах и на о-ве Эльбе разрабатываются железорудные месторождения; в Тосканских горах имеются залежи меди (Монтекатини). Промышленные города относительно редки и почти повсюду преобладают средние и мелкие предприятия. На базе местных руд металлургия достигла незначительного развития в Портоферрайо на острове Эльбе, а также во Флоренции, Ливорно, Пьомбино. Текстильная промышленность разбросана по всей Центр. И.; шелковая, базирующаяся на местном шелководстве, значительно уступает шелковой промышленности миланского района.

Шелкопрядильные и шелкоткацкие предприятия существуют в Лукке, Флоренции, Прато, Терамо, Арещо, Фолиньо и других городах; кроме того, почти повсюду в центр.-апеннинских деревнях сохранилось кустарное шелкопрядильное и шелкоткацкое производство. Шерстяная пром-сть, возникшая здесь еще в Средние века на местном сырье (овцеводство на апеннинских горных пастбищах), в настоящее время работает в значительной степени на импортной шерсти.

Важнейшие центры—Прато, Фолиньо, Терамо и Пистойя. Хлопчатобумажные фабрики—в Лукке, Пизе, Пистойе, Понтеведра, Ливорно, Анконе и других городах. Машиностроение и прочие виды металлообрабатывающей пром-сти развиты гораздо слабее, чем на Севере. Более или менее значительные металлообрабатывающие предприятия сосредоточены в Риме, Пистойе, Ливорно, Флоренции, Фолиньо, Арещо и Терни. В ряде городов—художественная стекольная и керамическая пром-сть, сбывающая свою продукцию почти исключительно на внешних рынках.

Рим—столица И.—лишь в самые последние годы стал крупнейшим по населению городом страны. Еще по переписи 1927, в Риме числилось 759 тыс. жит., т. е. почти на 100 тыс. жит. меньше, чем в Неаполе, к-рый в свою очередь на 20 тыс. жит. уступал Милану. Однако, после присоединения к Риму ряда пригородов, а также вследствие стягивания в столицу правлений трестов, синдикатов, банков и прочих экономических организаций, Рим в последние годы по количеству населения стал первым городом И. (в 1934 в Риме было 1.112 тыс. жит., в Милане—1.046 тыс., в Неаполе—872 тыс.). По переписи 1927, в Риме насчитывалось ок. 100 тыс. рабочих; однако, в столице преобладает средняя и мелкая промышленность (текстильная, химическая, пищевая, металлообрабатывающая и пр.). См. также Рим.

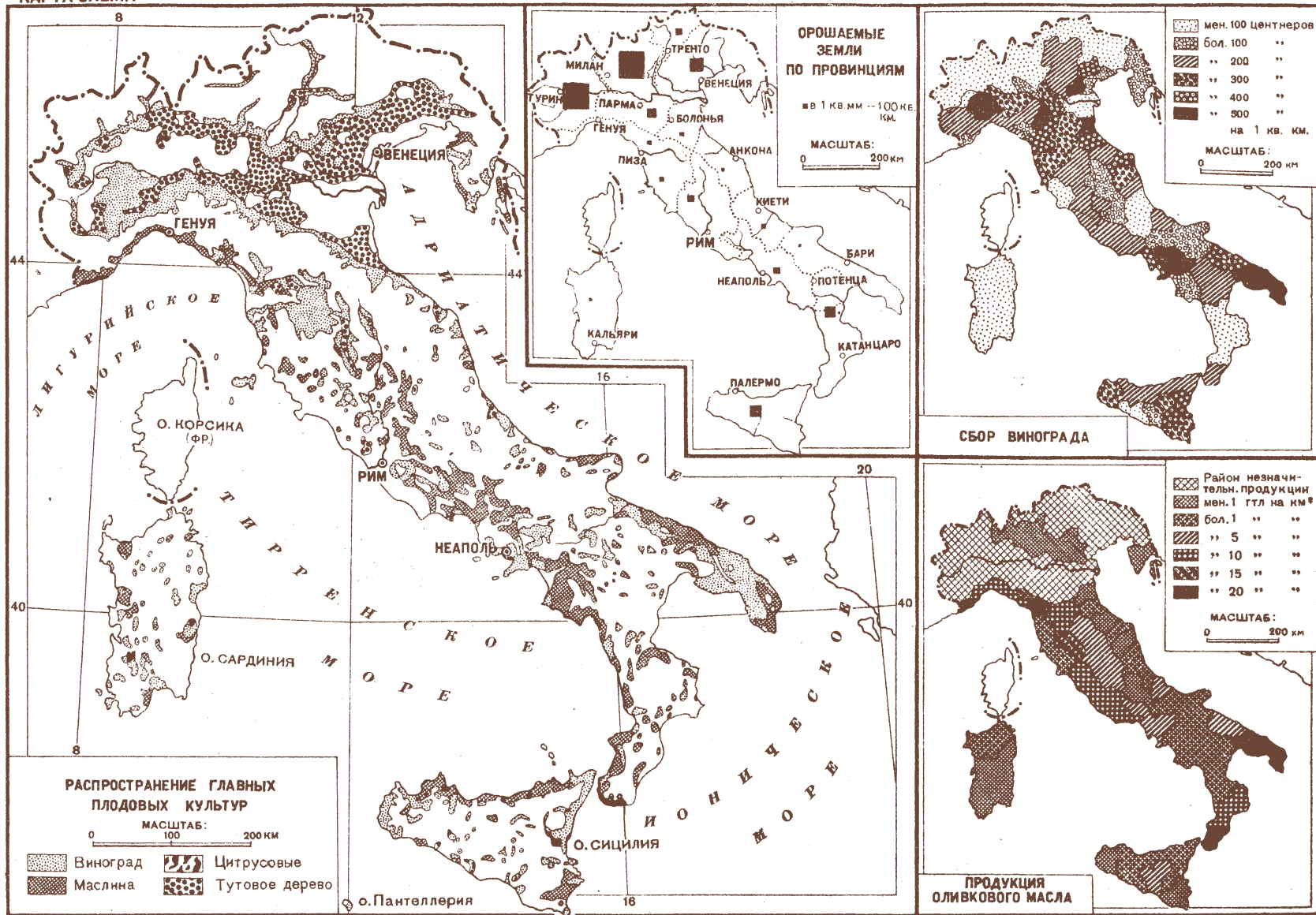
Сельское хозяйство в Центр. И. развито гораздо менее, чем в Северной. Центральная И. стоит в стороне от торговых путей, связывающих Ломбардскую низменность с экономически развитыми странами Зап. Европы. В этой области мало больших потребляющих центров, к-рые могли бы стимулировать крупные капиталовложения в земледелие и животноводство. Здесь господствуют отсталые формы аренды (издольщина). Природные условия Центр. И. для сел. х-ва также мало благоприятны. Большую часть территории занимают Апеннинский хребет и его отроги; земледелие сосредоточено в горных долинах и на побережьях. Пшеница дает здесь средние урожаи (11—14 ц с 1 га), кукуруза—довольно низкие (9—13 ц с 1 га при средней урожайности по Италии в 16—18 ц с 1 га).

По побережью Адриатического и Тирренского морей на склонах холмов растет виноград. Оливковые насаждения разбросаны повсюду (см. Экономическую карту И.). Сахарная свекла занимает относительно небольшое место в хозяйстве района и к Ю. от Рима почти не встречается. Из технических культур сеются лен (в Мархии) и конопля (в Мархии, Лациуме и Тоскане). Плодородные земли на побережьях и в долинах принадлежат помещикам, к-рые сдают их мелкими участками в аренду преимущественно на началах издольщины. Мелкое крестьянское землевладение характерно для горных районов. Животноводство в центр. районе развито слабо. Из 7 млн. голов крупного рогатого скота во всей И. (перепись 1930) на Центр. район приходится 1,3 млн. голов, или ок. 18%. Однако, овцеводство здесь более развито, чем на С. (из 10,3 млн. овец во всей И. на Центр. район приходится 3,2 млн. голов, или ок. 32%). Больше всего овцеводство развито в Лациуме—в южной части района. Крупнейший порт Центральной Италии—Ливорно—в общеитальянском масштабе является портом второстепенного значения.

Южная И. охватывает Абрुццы, Кампанию, Апулию, Луканию, Калабрию и о-ва Сицилию и Сардинию. По площади Южный район обнимает 123,1 тыс. км², или 40% всей территории И., т. е. несколько больше, чем Северный район; однако, в экономической жизни страны Юг занимает гораздо меньшее место, чем Север. Южная И. представляет собой почти сплошной аграрный район. Это горная страна, с малоплодородными почвами и с весьма жарким и сухим климатом (см. выше Физико-географический очерк).

Сельское хозяйство носит здесь отсталый характер. Большинство годных для обработки земель принадлежит владельцам громадных поместий. Мелкие крестьянские х-ва расположены в горах, где главную роль играет мелкое животноводство (овцы, козы). Из 1.537 тыс. семей, занятых в сел. х-ве Юга, лишь 28%—земельные собственники, 60%—семьи батра-

КАРТА-СХЕМА

□	мен. 100 центнеров
▨	бол. 100 "
▧	" 200 "
▩	" 300 "
▪	" 400 "
▫	" 500 "
■	на 1 кв. км.

▨	Район незначи- тельн. продукци мен. 1 тгл на км ²
▧	бол. 1 " "
▩	" 5 " "
▪	" 10 " "
▫	" 15 " "
■	" 20 " "

ИТАЛИЯ

Обзорная экономическая карта

Составил А. Ульянов, под ред. В. Позина
Г.И.С.Э.

Гл. вкл. № 174/0014
Тираж 174 000
Заказ № 858

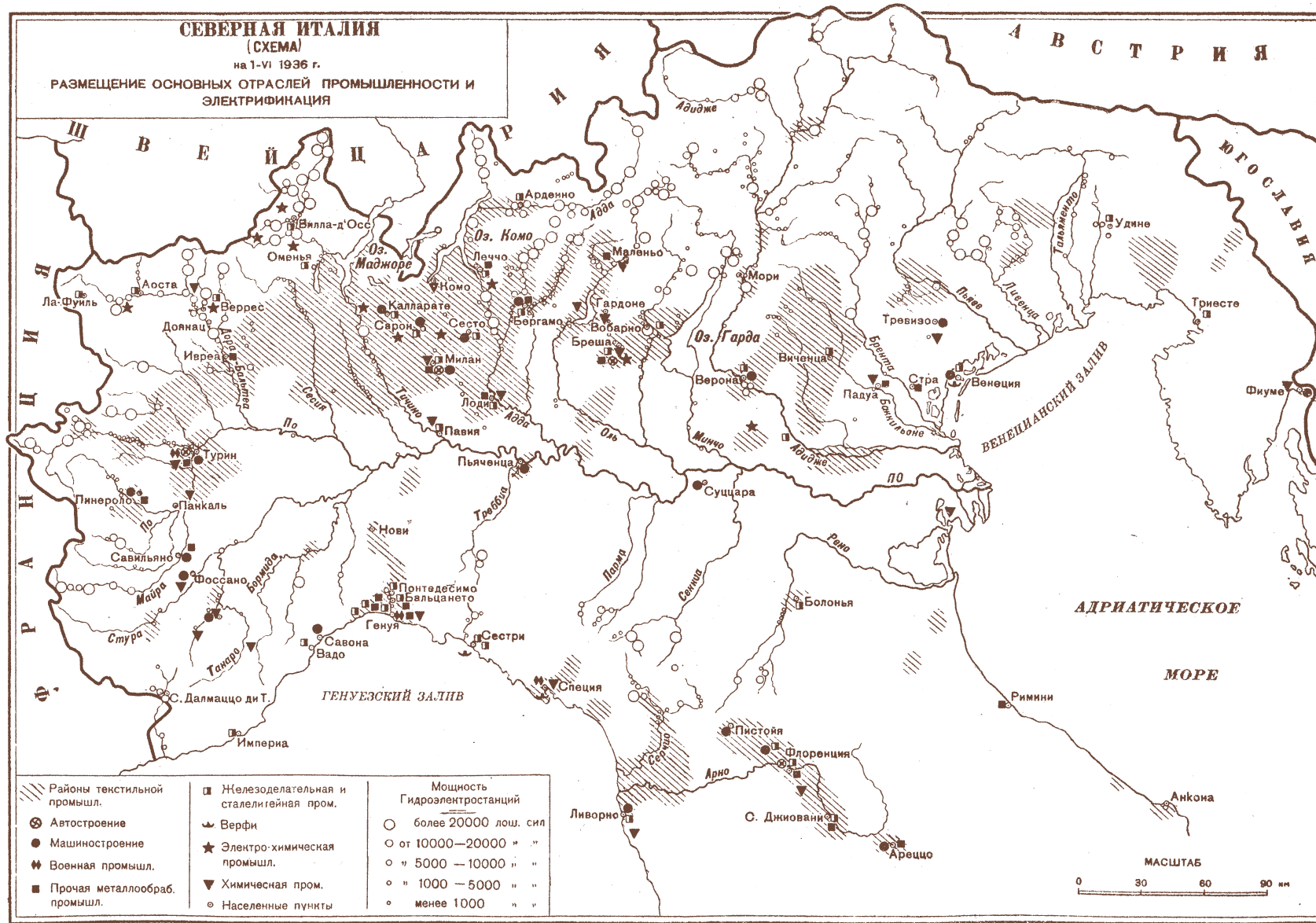
1 : 4 500 000
45 90 135 км.

1-ая Картографическая фабрика им. ДУНАЕВА Москва, Б. Полянка д. № 2, «ГЕОКАРТПРОМ»
Сделано в производстве 5-IV-36 г. Подписано к печати 5-V-36 г. Ст. формат 36x27

СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ (СХЕМА)

на 1-VI 1936 г.

РАЗМЕЩЕНИЕ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И
ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

<ul style="list-style-type: none"> ▨ Районы текстильной промышленности. ⊗ Автостроение ● Машиностроение ⚔ Военная промышл. ■ Прочая металлообаб. промышл. 	<ul style="list-style-type: none"> ▣ Железодделательная и сталелитейная пром. ⚙ Верфи ★ Электро-химическая промышл. ▼ Химическая пром. ○ Населенные пункты 	<p>Мощность Гидроэлектростанций</p> <ul style="list-style-type: none"> ○ более 20000 лош. сил ○ от 10000—20000 " " ○ " 5000 — 10000 " " ○ " 1000 — 5000 " " ○ менее 1000 " "
--	---	---

ков и 12%—арендаторы. Земледелие и скотоводство ведутся здесь экстенсивно; лишь 15% посевной площади пшеницы обмолачивается машинами, на всех остальных полях уборка ведется самым примитивным способом. Искусств. удобрения применяются редко и в недостаточных количествах. Лишь кое-где в Сицилии и в Неаполитанской Кампании зерновое х-во ведется более или менее интенсивно. Урожай пшеницы очень низки. При средн. урожайности по всей И. (1933) 16 ц с 1 га урожайность на Ю. колеблется от 7,8 ц в Сардинии до 13 ц в Лукании. Тем не менее, Юж. район является основным зерновым районом И. Он дает стране 37% всех сборов пшеницы, 65% овса и 75% ячменя (1933). Кроме того, юг дает ежегодно 46% всего сбора винограда, 74% маслин и немногим меньше 100% цитрусовых плодов (Сицилия). Посевы пшеницы сосредоточены преимущественно в Лукании и Сицилии, овса—в Апулии, Кампании и Калабрии, ячменя—в Апулии, Сицилии и Сардинии. Виноградников больше всего в Кампании, Апулии и Сицилии. Культура маслин наиболее распространена в Апулии, Калабрии и Сицилии. Животноводство юга носит отпечаток общей с.-х. отсталости района. Крупного рогатого скота здесь мало: ок. 11% всего поголовья страны. Зато козы—эти «коровы бедняков»—распространены повсюду. Из 1,9 млн. голов козьего стада Италии на юг приходится 1,5 млн., или 78%. Почти в такой же степени здесь развито овцеводство (60% всего поголовья).

В промышленном отношении юг—также самый отсталый район И. Значительную роль играет только горная пром-сть: добыча серы в Сицилии (380 рудников, св. 30.000 рабоч., 300—400 тыс. т год. добычи чистой серы); сера направляется на итал. химические заводы и за границу (в Великобританию, Францию и др. страны). Кроме серы, в Сицилии добывается асфальт. На о-ве Сардинии—небольшие разработки сланцевых и цинковых руд, а также серебра, антимония, медных и железных руд. Кроме горной, на юге развита пищевая пром-сть (мельницы, маслобойные заводы, виноделие) и промышленность, занятая переработкой местного пром. сырья (химическая, мыловаренная, спичечная и пр.). В крупных портах находятся значительные судостроительные верфи, а также ряд производств, связанных с судостроением (металлообработка и машиностроение, мебельное производство и пр.).

Важнейший порт Юж. района, соперничающий с Генуей,—Неаполь; его грузооборот в 1933 составлял 1.840 тыс. т; по грузообороту Неаполь уступает Генуе, Венеции и Триесту, но превосходит первые 2 порта по количеству перевезенных пассажиров. Неаполь—значительный центр судостроительной, машиностроительной, текстильной пром-сти. Немаловажными портами юга являются Бриндизи, Мессина, Катания и Палермо. Все эти города—также торгово-промышленные центры.

Сельское хозяйство. Аграрные отношения в И. характеризуются крайней пестротой, к-рая усугубляется тем, что вплоть до 1870 отдельные области развивались в различных политических и социально-экономических условиях. В капиталистически развитой Северной И. и в прилегающих к ней провинциях Центральной И. ведущая роль принадлежит кулацким хозяйствам. Крупных хозяйств здесь немного; помещичьи имения раздроблены на аренд-

ные участки. Но близость крупных индустриальных центров, являющихся емкими рынками сбыта и поставщиками удобрений и с.-х. машин, обусловила интенсивность зернового х-ва. В Юж. И. и на островах преобладает крупное землевладение полуфеодалного характера; земли не раздроблены и сдаются крупным арендаторам. В 1931 из 8,1 млн. самостоятельного населения, занятого в с. х-ве И., 37,2% работало на собственной земле, 31,5% являлось арендаторами и 31,3%—батраками и поденными рабочими.

Следующая таблица дает наглядную картину малоземельности сельского населения И. (1912):

Табл. 4.

Размеры землепользования	Число х-в	% к общему числу х-в
Меньше 1 га	3.275.000	66,4
От 1 до 2 »	614.000	12,5
» 2 » 4 »	450.000	9,1
» 4 » 8 »	342.000	6,9
Свыше 8 »	250.000	5,1
Итого	4.931.000	100,0

Сельскохозяйственная территория распределяется следующим образом (1928):

Табл. 5.

Угодия	Площ. (в тыс. га)	В % ко всей площ.
Пахотная земля	13.051	45,8
Садовые культуры	1.647	5,8
Леса	4.973	17,5
Каштановые насаждения	613	2,2
Луга, кормовые травы	6.912	24,3
Естественные пастбища	1.251	4,4
Итого	28.447	100,0

Урожай в отдельных районах весьма различен: от 28 ц пшеницы с 1 га в Ломбардии до 7,8 ц в Сардинии (1933). Средняя урожайность пшеницы в 1909—13 составляла 10,5 ц с 1 га, в 1932—15,3 ц и в 1933—15,9 ц с 1 га. Урожайность пшеницы и др. злаков в общем ниже, чем в других зап.-европ. странах. По средней урожайности И. стоит на уровне Франции (ок. 15 ц с 1 га за пятилетие 1928—32), но значительно уступает Великобритании (22 ц), Бельгии (22—24 ц), Нидерландам (ок. 30 ц). Выше всего урожайность в Сев. Италии, где она равна за последние годы в среднем 20—22 ц с 1 га; затем идет Центр. И.—11—14 ц с 1 га и, наконец, Юж. И.—10—11 ц с 1 га. Среди зерновых хлебов большое значение имеют только пшеница и кукуруза (см. табл. 6), причем пшеница распространена по всей стране, а кукуруза сосредоточена, гл. обр., в долине р. По. Картофель, играющий очень небольшую роль в продовольствии населения И., культивируется преимущественно в горных местностях. Значительная часть местного риса, отличающегося высоким качеством, экспортируется и вместо него возятся дешевые сорта. Садоводство и огородничество развиты больше, чем где-либо в Европе; по экспорту овощей и фруктов И. занимает 1-е место в Европе. Многие овощи (в особенности томаты) и фрукты перерабатываются в консервной пром-сти. Культура винограда и маслин играет большую роль в с. х-ве И., но обе эти культуры переживают в послевоен-

Табл. 6.—Урожай главных культур в И.

Культуры	Посевная площадь (в тыс. га)			Урожай (в млн. ц)		
	1909—13*	1933	1935	1909—13	1933	1935
Пшеница	4.754	5.086	5.027	49,8	81,0	77,1
Рожь	123	115	109	1,3	1,7	1,6
Ячмень	248	207	195	2,2	2,3	2,0
Овес	507	449	425	5,3	5,8	5,2
Кукуруза	1.608	1.421	1.471	25,4	25,9	22,0
Рис	145	128	130	4,7	6,1	7,5
Картофель	287	399	406	16,5	23,8	
Виноград (чистые культуры)	370	987		46,0	50,4	
Виноград (смешан. культуры)	3.473	2.958				
Маслины (чистые культуры)	581	806		1,8	1,7	
Маслины (смешан. культуры)	1.750	1.272				

* Довоенная территория.

ные годы тяжелый кризис. Экспорт итальянского вина сокращается вследствие уменьшения емкости внешних рынков и конкуренции алжирских вин на рынке Франции, ранее перерабатывавшей в больших количествах итальянское вино. Экспорт оливкового масла не выдерживает конкуренции более дешевого испанского масла и растительных масел из океанских стран. Несмотря на то, что Италия была еще недавно преимущественно аграрной страной, ввоз хлебных продуктов занимал весьма значительное место, и $\frac{1}{3}$ потребления страны должна была покрываться ввозным хлебом. В последние годы фашистское правительство ведет настойчивую кампанию за расширение посевных площадей пшеницы. Эта политика диктуется как валютно-финансовыми соображениями (уменьшение импорта зерна), так и стремлением обеспечить продовольственную базу страны во время войны и блокады. Путем жестких протекционистских мероприятий (увеличения пошлин и контингентирования импорта) правительству удалось сократить импорт пшеницы. Одновременно правительство повысило внутренние цены на хлеб и усилило кредитование сельского хозяйства. Однако, эти мероприятия идут на пользу лишь капиталистическим элементам села. Бедняки и часть середняков не только не выигрывают от повышения цен, но даже страдают от него, т. к. маломощное крестьянство зачастую вынуждено покупать часть продовольствия и кормов на рынке. Задолженность крестьянства за последние годы сильно возросла и превышает в наст. время 10 млрд. лир.

Количество скота, в особенности рабочего, в Италии незначительно, что видно из следующей таблицы (в тыс. голов):

Табл. 7.—Поголовье скота в Италии.

Годы	Лошадей	Ослы	Мулов	Крупн. рог. скота	Свиной	Овец
1918	990	949	497	6.240	2.339	11.754
1930	943	905	481	7.090	3.322	10.269

На 1 км² площади в И. приходится в среднем 3 лошади и 23 головы крупного рог. скота, тогда как во Франции—5 лошадей и 29 гол. крупного рог. скота, в Великобритании—5 лошадей и 34 гол. крупного рог. скота. Единственным районом, где разводится крупный скот, является север И. (Пьемонт, Ломбардия, Эмилия, Ве-

неция). Скот пасется на альпийских пастбищах; в Ломбардской долине ведется интенсивное стойловое животноводство. В годы кризиса поголовье крупного рогатого скота уменьшилось. Производство молочных продуктов в Сев. И. довольно значительно, но местное коровье масло в И. употребляется мало, его заменяют маргарин и дешевые сорта растительных масел; итал. масло и ценные сорта сыров (горгонцолла, бель-паезе) экспортировались в предкризисное время в значительных количествах на Ю. Франции и в Великобританию. В годы кризиса экспорт продуктов молочного х-ва резко упал.

Промышленность. С начала 20 в. промышленность И. начинает развиваться все более быстрыми темпами. Особенно мощный стимул к индустриализации страна получила во время империалистической войны 1914—18, когда в И. возник целый ряд новых промышленных отраслей: производство продуктов органической химии (в особенности отравляющих веществ, синтетических красителей, медикаментов), искусственного шелка, сложных машин, аэропланов, электротехнических изделий. На базе новых мощных гидроэлектрических установок развились специальные отрасли пром-сти: электрометаллургия и электрохимия. Но если до 1929 темпы развития итал. пром-сти довольно значительны, в дальнейшем они под давлением кризиса резко понижаются. Индекс пром. развития (1928=100) изменялся след. образом:

1929	109,2	1933	80,5
1932	73,0	1934	88,3

Оживление после 1933 должно быть отнесено, гл. обр., за счет подготовки к войне с Абиссинией. — Для итальянского капитализма характерна довольно высокая степень концентрации производства. Об этом дают представление данные последней пром. переписи (1927):

Табл. 9.—Концентрация производства в Италии.

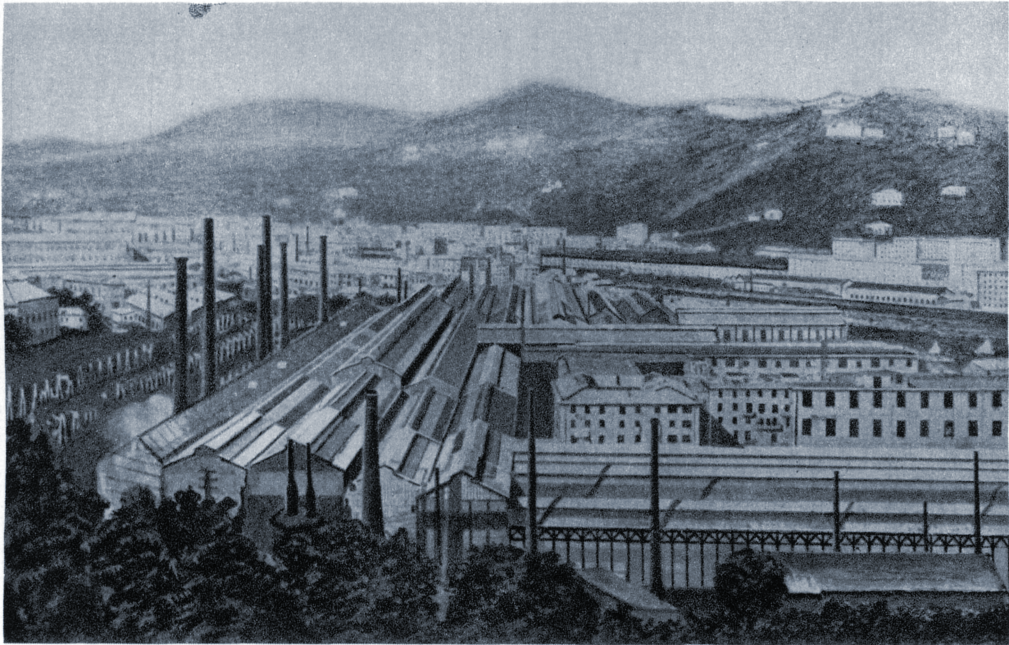
Предприятия с числом рабочих	Количество предприятий	Число занятых рабочих
От 1 до 10	692.131	1.509.474
» 11 » 50	30.330	641.065
» 51 » 100	4.585	319.120
» 101 » 500	4.147	840.406
Св. 501	695	642.866
Всего	731.888	3.952.931

В годы мирового экономического кризиса процесс концентрации заметно усилился. Сильнее всего концентрация проявилась в т. н. молодых отраслях промышленности (электрической, металлообрабатывающей, химической и пр.), т. е. в тех отраслях, к-рые возникли в эпоху монополистического капитализма, тогда как в текстильной промышленности, истари утвердившейся в Италии, процесс концентрации мало заметен.

ИТАЛИЯ

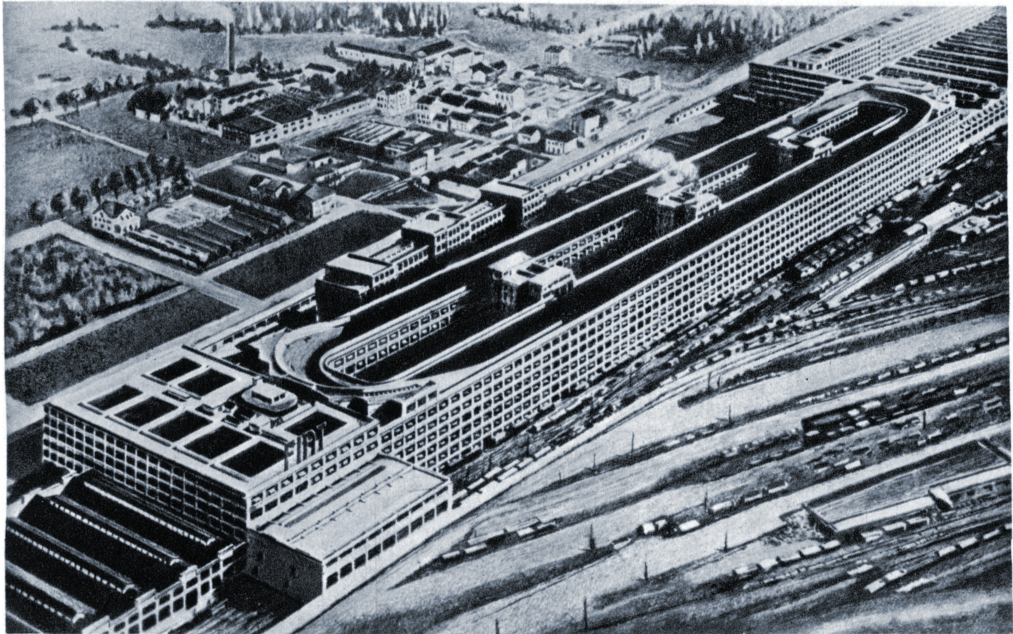

Электростанция в Альпах.

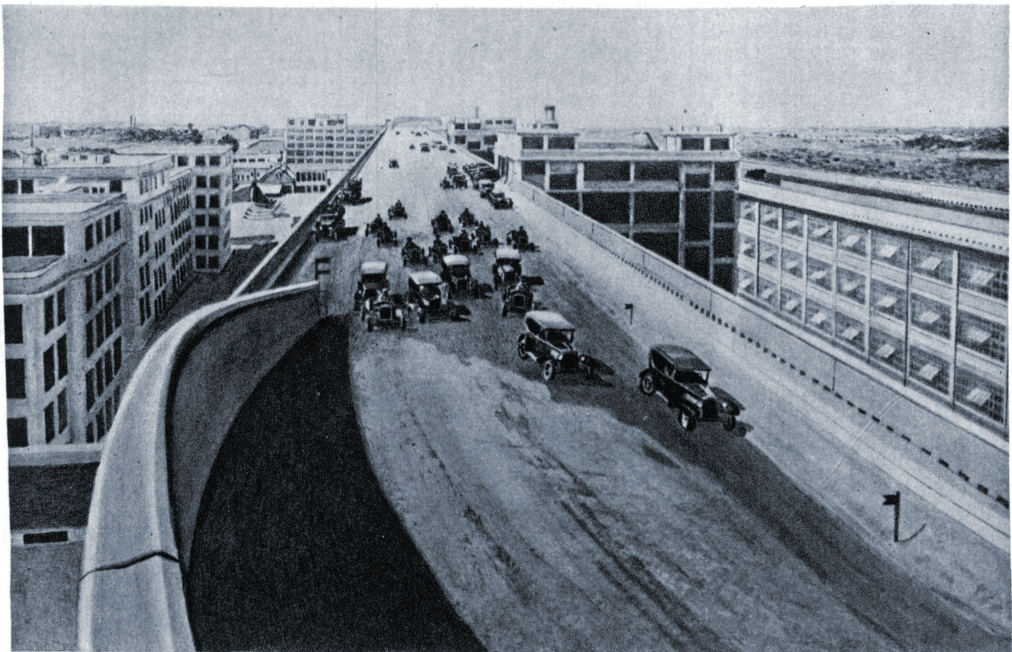

Сталелитейный завод концерна Ансальдо в Генуе.

ИТАЛИЯ

Завод «Фиат» в Генуе.

Дорога для испытания автомобилей на крыше завода «Фиат».

Горная промышленность. И. полностью покрывает свои потребности только в отношении серы, ртуть и бокситов. Остальные виды минерального сырья импортируются частично или полностью из-за границы.

Табл. 10.—Продукция горной пром-сти И. (в тыс. т.)

Минералы	1929	1934
Каменный уголь и лигниты	1.005	782
Железная руда	715	485
Марганцевая руда	10	6,9
Бокситы	193	131
Медная руда	12	0,4
Свинцово-серебряная руда	53	32
Свинцово-цинковая руда	225	122
Ртуть (т)	1.998	441
Сера (сырая)	2.178	2.105
Каменная соль	346	393
Белый мрамор	585	290

Энергетическая база пром-сти характеризуется скудостью топливных ресурсов. Потребности в угле, нефти и нефтяных продуктах покрывается почти исключительно ввозом. Импорт угля за пятилетие 1930—34 составлял в среднем за год 11 тыс. т, а импорт нефти—1,5 тыс. т. Главные поставщики угля—Великобритания и Германия, нефти и нефтяных продуктов—СССР и Румыния. Горные реки И. являются обильным источником «белого угля» (гидроэлектроэнергии), к-рый вследствие недостатка ископаемого топлива приобретает решающее значение для итал. пром-сти. Все производство электроэнергии находится в руках немногих компаний; одна лишь компания Эдисон (акционерный капитал 1,3 млрд. лир) контролирует более 25% общей выработки электроэнергии И. Развитие электрификации характеризуется след. данными:

Табл. 11.—Производство электроэнергии.

Годы	Производствен. мощн. электр. установок (в млн. квт)	Продукция электроэнергии (в млрд. квт-ч)
1914	1,4	2,4
1924	4,1	9,8
1933	5,0	11,2
1934		12,6

Основную часть тока дает водная энергия. Свыше 70% мощности гидроэлектр. установок приходится на Сев. И., ок. 20%—на Среднюю И., остальное—на Юг и острова.

Металлургическая промышленность. Продукция черных металлов в Италии ничтожна; итальянская металлургия работает почти исключительно на импортном топливе и сырье. Центры металлургической промышленности расположены близ разработок железных руд: на о-ве Эльбе и в гор. Пьомбино, или в портовых городах, куда ввозятся из-за границы руда и уголь: Савона, Триест, Баньоли (близ Неаполя). Годовая продукция основных черных и цветных металлов исчисляется в следующих цифрах (см. табл. 12).

Вся металлургическая пром-сть И. контролируется в наст. время двумя обществами: «Ильва» и «Ансальдо». «Ильва» концентрирует около 75% всей итальянской металлургической продукции.

В машиностроении И. в послевоенные годы на первом месте стоит производство автомобилей, сосредоточенное, гл. обр., в Турине

Табл. 12.—Производство металлов (в тыс. т.)

Годы	Чугун	Сталь	Алюминий	Свинец	Цинк
1910—14 } средн.-	370	973	0,8	18,9	9,1
1925—29 } год.	533	1.773	3,4	23,2	17,5
1930—32 } год.	503	1.814	10,8	27,0	23,3
1933	517	1.784	12,1	24,8	24,8
1934	521	1.850	12,8	47,8	24,8

(на долю известного туринского концерна «Фиат» приходится ок. 80% всей итал. автопродукции). В последние годы перед мировым экономическим кризисом автомобильная пром-сть занимала по ценности в итал. экспорте второе место. Однако, в годы кризиса экспорт автомобилей резко упал (1925—29 тыс. шт.; 1929—23,7; 1932—6,5; 1933—7,5 тыс. шт.). Большое место занимает судостроение, сосредоточенное в крупных портах: Генуе, Неаполе, Ливорно, Палермо и др.

Военная промышленность принадлежит к наиболее технической совершенным отраслям итал. индустрии. В И. 22 крупных военных завода, из них 11 государственных, но из остающихся 11 частных заводов большинство находится под государственным контролем. Важнейшей военной фирмой является концерн «Ансальдо» (сталелитейные, автомобильные, оружейные заводы, верфи и пр.), к-рый в конце 1934 был взят под контроль государства. Крупное значение имеют также концерны «Бреда» и «Фиат» (автомобили, броневики, танки и пр.), «Капрони» (самолеты и моторы), «Монтекатино» (военно-химич. заводы). В последние годы продукция отечественной пром-сти уже не удовлетворяет потребностей лихорадочно вооружающейся итал. армии. Начиная с 1934—35 экспорт оружия сводится к минимуму и резко увеличивается его ввоз (в 1933—ок. 40 млн. лир, в 1934—52 млн. лир, в первой половине 1935—св. 60 млн. лир).

Текстильная пром-сть—наиболее старая промышленная отрасль страны; по числу занятых в ней рабочих, по стоимости продукции и относительному участию в общем экспорте она занимает первое место в пром-сти И. Хлопчатобумажное производство—самая крупная отрасль текстильной пром-сти. Число занятых в хл.-бум. пром-сти рабочих до кризиса превосходило 250.000 (в т. ч. около половины женщин); с начала 1932 св. 25% веретен не работает. В 1934 в этой пром. отрасли было ок. 100 тыс. полностью безработных; остальные рабочие работают сокращенное количество часов в день. Преобладающее число хл.-бум. предприятий находится в Сев. И., гл. обр., в Ломбардии и Пьемонте; в одной Ломбардии сосредоточено 55% всех веретен и 66% всех механических станков. Кроме названных департаментов, хл.-бум. пром-сть развита в Лигурии, Сицилии и Венеции (Сев. И.), в Тоскане (Средняя И.) и в Неаполитанской Кампании (Юж. И.). В последние годы состояние хлопчатобумажного производства характеризуется следующими цифрами (см. табл. 13). Как хл.-бум. пряжа, так и ткани вывозятся, гл. обр., в Балканские государства и на Ближний Восток. Половина всего инвестированного в этой отрасли капитала сосредоточена в руках дюжины компаний, к-рые контролируют св. 50% хл.-бум. продукции страны.

Шерстяная пром-сть насчитывает 1.080 тыс. веретен и 21 тыс. прядильных станков; до нача-

Табл. 13.—Потребление хлопка и продукция хл.-бум. пром-сти И.

Годы	Потребление хлопка (в тыс. кип)	Производство пряжи (в т. т)	Производство тканей (в млн. м)	
			суровых	окрашенных
1929	1.037	219	708,6	245,1
1931	789	153	505,3	159,1
1932	793	169	513,1	154,4
1933	860	191	592,7	174,0
1934	873	173	586,7	151,2

ла экономического кризиса она занимала 80 тыс. рабочих (в конце 1933 — 77 тысяч). Сосредоточена преимущественно в Пьемонте, Ломбардии, Венеции (Сев. И.) и Тоскане (Средняя И.). Концентрация почти не коснулась этой промышленной отрасли. Шелковая промышленность наряду с шерстяной также принадлежит к старейшим отраслям промышленности И., но она не так раздроблена, как шерстяная. Крупные предприятия расположены преимущественно в Ломбардии, а именно, в провинции Комо, где сосредоточено более половины станков шелкоткацкой промышленности страны. Шелкопрядильные фабрики до кризиса занимали 110 тыс. рабоч., шелкоткацкие — 40 тыс. рабоч., в большинстве женщин. Главными потребителями продукции шелковой промышленности Италии являются Англия, затем Франция, Аргентина, Швейцария и США. В последние годы шелковая пром-сть Италии переживает глубокий кризис, усугубленный разорительной для И. конкуренцией Японии, которая не только угрожает итальянской шелковой пром-сти на внешних рынках, но дает себя чувствовать и в самой И. В начале 1934 из 54 тыс. веретен работало лишь 7.500, т. е. всего 14%, из 779 шелкопрядильных — лишь 117, из 24.400 механических ткацких станков работало всего лишь 15.600, причем производительность их была использована лишь в размере 72%. Обследование, произведенное в конце 1932, установило, что в шелкопрядильной пром-сти работает всего 20,9 тыс. рабочих, а в шелкоткацкой 21,5 тыс. Таким образом, в годы кризиса итальянская шелковая пром-сть находилась в состоянии полного упадка.

Производство искусственного шелка в послевоенные годы развилось настолько, что в наст. время И. заняла в мировом его производстве второе место после США; предприятия по производству искусственного шелка находятся под особым покровительством правительства, т. к. они могут быть использованы в военных целях.

Табл. 14.—Производство и экспорт искусственного шелка.

Годы	Продукция искусств. шелка (в млн. кг)	Экспорт искусств. шелка (в млн. кг)
1913	0,2	
1929	32,3	17,5
1934	48,3	21,7

Главные рынки сбыта итал. искусственного шелка — Германия, Швейцария, Англия и Китай. Эта промышленная отрасль сильно кон-

центрирована. Все производство контролируется 7 компаниями, причем крупнейшая из них, «Сниа-Вискоза», сосредоточила в своих руках более половины всей продукции.

Химическая промышленность также (и по тем же причинам) стала быстро развиваться после империалистической войны. В наст. время И. почти полностью покрывает свои потребности в хим. продуктах и является одним из крупных европ. экспортеров. Особенно сильно выросло после войны производство азотистых веществ, употребляемых не только в с. х-ве в качестве удобрителей, но и в военном деле. В годы кризиса химич. продукция в целом сократилась, хотя и значительно меньше, чем другие отрасли пром-сти. За годы 1927—33 производство 7 важнейших продуктов основной хим. пром-сти представляет след. картину (табл. 15). Характерно увеличение продукции, нужной для производства взрывчатых

Табл. 15.—Производство химических продуктов (в тыс. ц).

Годы	Серная кислота	Азотная кислота	Сода	Карбид кальция	Минер. красит.	Синтет. красит.	Суперфосфаты
1927—29	7.862	304	1.928	769	182	67	12.790
1931	6.325	604	1.812	759	157	52	7.924
1933	6.783	1.596	1.954	1.025	226	81	10.069

веществ, — азотной кислоты — и падение в то же время производства суперфосфатов — удобрений. Хим. пром-сть принадлежит к наиболее централизованной отрасли итал. пром-сти. 80% всей химич. продукции страны сосредоточено в тресте Монтекатини (кроме того, этот трест владеет ок. 1/4 всех серных копей и имеет крупные интересы в электропром-сти).

Из прочих отраслей промышленности необходимо отметить пищевую пром-сть. В И. существует множество макаронных фабрик (в Неаполитанской Кампании, Сицилии, Тоскане, Лигурии и Ломбардии); их общая продукция определяется в 5—6 млн. ц. В названных районах развита также консервная пром-сть. Сахарная пром-сть сосредоточена преимущественно в Эмилии, Лигурии и Венеции; всего в И. свыше 50 сахарных заводов с общей продукцией ок. 3,5 млн. ц. — Из более мелких, но характерных для И. отраслей следует назвать всемирно известную художественно-керамическую пром-сть в Фаенце, Милане и Дочче, художественно-стеклянную в Венеции, производство мозаики в Мурано, Флоренции и Риме, производство художественных изделий из мрамора в Карраре и т. д. Продукция художественной пром-сти находит сбыт как у туристов, посещающих И., так и на иностранных рынках.

Внешняя торговля. Торговый баланс И. неизменно пассивен. В годы мирового экономического кризиса сокращение объема итал. внешней торговли следовало за сжатием всей мировой торговли.

Табл. 16.—Внешняя торговля И. (в млн. лир)

Годы	Ввоз	Вывоз	Баланс
1928	22.313	14.999	-7.314
1931	11.643	10.210	-1.433
1932	8.268	6.816	-1.452
1933	7.428	5.988	-1.440
1934	7.675	5.224	-2.451

Годовой пассив баланса внешней торговли Италии вследствие сокращения ввоза упал с

7 млрд. лир в 1928 до 1,4 млрд. лир в 1931—1933, но в 1934 он снова поднялся до 2,5 миллиардов лир, хотя падение ввоза и вывоза продолжалось. Пассив по внешней торговле в докризисное время покрывался в платежном балансе И. доходами от иностранного туризма и от фрахтов. Главные предметы ввоза: хлопок, кожа, шерсть, каменный уголь, также железная руда, железный лом, нефть и нефтепродукты. До последних лет ввоз хлебов был весьма высок и по стоимости стоял даже на первом месте; в последние же 5 лет ввоз зерна, в особенности пшеницы, сократился. Главные предметы промышленного экспорта: хлопчатобумажные ткани, шелковые изделия, искусственный шелк, автомобили; из продуктов сельского хозяйства важнейшее место занимают фрукты (цитрусовые), овощи, молочные продукты, шелк-сырец. Торговля Италии по основным странам (в 1934) выражается в следующих цифрах (в млн. лир):

Табл. 17.—Внешняя торговля Италии по странам.

Страны	Ввоз	Вывоз
Германия	1.211,4	811,3
США	956,5	387,4
Великобритания	702,3	530,6
Франция	436,6	352,2
Аргентина	274,4	216,2
Брит. Индия	351,9	119,3
Швейцария	292,6	440,1
СССР	221,1	124,0

Движение советско-итальянской торговли представлено в след. таблице (в млн. лир):

Табл. 18.—Торговля СССР и Итали.

Годы	Ввоз из СССР	Вывоз в СССР
1929	340,9	70,6
1930	552,7	107,4
1931	561,2	287,2
1932	307,5	230,3
1933	225,8	129,8
1934	221,1	124,0

В целом ряде отраслей народного хозяйства И. роль советского экспорта и импорта очень значительна. В 1934 Советский Союз занимал первое место по импорту в Италию железной руды, асбеста и второе место по импорту пшеницы, леса и нефтепродуктов. По экспорту из Италии станков, машин, железнодорожных материалов, точных инструментов и ряда других товаров Советский Союз занимал в 1934 также первое место.

Пути сообщения. Общее протяжение железнодорожных линий И. (1933) 23.123 км, из к-рых 17.018 км составляют собственность государства и 6.105 км принадлежат частным компаниям. На расстоянии 4.108 км проложена двойная колея; 3.776 км железнодорожного пути электрифицированы. 1.150 км электрических железных дорог находятся в постройке. Подвижной состав к концу 1932 состоял из 5.203 паровых локомотивов, 953 электрических, 8.250 пассажирских вагонов и 148.025 товарных. Сильным сокращением железнодорожного персонала фашистскому правительству удалось временно устранить хронический пассив баланса государственных ж. д., но при формальном исчислении баланса не принимаются во внимание ни амортизация прежних железнодорожных со-

оружений, ни новые инвестиции, что переносится на другие статьи государственного бюджета. Если учесть эти затраты, то баланс оказывается пассивным. В кризисные годы, однако, даже при принятых фашистским правительством методах исчисления железнодорожного бюджета, он снова стал резко пассивен. В 1932—1933 пассив достиг 603 млн. лир.

Автомобильный транспорт. В начале 1934 в И. насчитывалось 248.000 пассажирских автомобилей, 89.780 грузовых и 9.332 автобуса. Значительно развито междугородное автобусное сообщение; в 1933 насчитывалось 3.477 автомобильных линий общим протяжением в 99.920 км. Из них междугородных было 2.991 общим протяжением в 70.734 км. Гражданская авиация характеризуется (1934) след. данными:

	Табл. 19.
Длина воздушных линий	17.640 км
Длина перелетов	4.403,041 »
Общее количество летных часов	21.913
Перевозка пассажиров	40.930 чел.
» почты	56.481 кг
» пассажирского груза	607.685 »
» товарного груза	184.537 »

Важнейшие международные линии итальянской гражданской авиации:

	Табл. 20.
Рим—Барселона—Гибралтар	2.215 км
Рим—Милан—Мюнхен—Берлин	1.507 »
Рим—Мальта—Триполи	1.225 »
Рим—Марсель—Барселона	1.190 »
Бриндизи—Афины—Стамбул	1.487 »
Бриндизи—Афины—Роди	1.185 »

Внутри страны почти все крупные города связаны сетью воздушных путей.

Морской торговый флот. На 1/VI 1935 под итал. флагом плавало 1.231 судно с общим тоннажем в 2.884 тыс. рег. т, из них паровых судов было 785 с общим тоннажем в 2.196 тыс. рег. т, моторных — 256 судов в 642 тыс. рег. т.

Табл. 21.—Грузооборот важнейших портов И. (в 1933).

Порты	Разгрузка (в тыс. т)	Погрузка (в тыс. т)
Генуя	5.367	1.125
Неаполь	1.495	344
Венеция	2.444	522
Савона	1.585	292
Триест	1.359	530
Ливорно	1.189	390
Чивита-веккия	827	152
Специя	752	106
Портоферрайо	708	358

Внутреннее судоходство незначительно, т. к. судоходных рек в И. крайне мало. Судоходство ограничивается 9 озерами; общая длина паровых линий—451 км.

Банки. В итальянской системе монополистического капитала исключительная роль принадлежит банковскому капиталу. В середине 1929, т. е. непосредственно перед началом мирового экономического кризиса, 4 крупных банка — Banca commerciale italiana (большинство акций к-рого до войны принадлежало немцам, а после войны—американцам), Banco di Roma, Credito italiano и Banca nazionale di credito (два последних банка впоследствии слились)—обладали собственным капиталом в 1,6 млрд. лир (из 45 млрд. лир всего акц. капитала, к-рым обладали 15 тыс. акц. обществ в стране). Однако, этим значение названных банков не ограничивалось, ибо директоры и члены правлений названных банков заседали в правлениях сотен

других крупнейших акц. обществ. Это пока-зывают след. цифры (см. табл. 22).

Не менее $\frac{2}{3}$ наличного капитала всех итал. акц. обществ — и как-раз самых крупных—контролировалось в большей или меньшей степени четырьмя названными банками. В связи с

Табл. 22.—Связь руководителей 4 банков

Акц. общества	Колич. акц. обществ	Их акц. капитал (в млн. лир)	Число мест, принадлежащих 4 банкам	В т. ч. мест	
				1-го предс.	2-го предс.
Банки (за исключением названных)	77	2.952	149	19	12
Пром. компании	839	25.373	1.510	296	112
Итого	916	28.325	1.659	315	124

мировым экономич. кризисом эти 4 банка, связанные с промышленным капиталом, очутились в затруднительном положении и подверглись «санации» (оздоровлению) так. обр., что находившиеся в их владении промышленные ценности перешли ко вновь учрежденному финансовому институту, большинство акций к-рого принадлежит государству. Этот вид «санации» начался осенью 1931 с Banca commerciale, а в марте 1934 последовало официальное сообщение, что все промышленные ценности, ранее находившиеся во владении четырех названных банков, впредь должны быть окончательно переданы IRI (Istituto di ricostruzione industriale—Институт промышленного восстановления). Благодаря дальнейшим закупкам пром. акций и облигаций контроль IRI над итал. пром-стью в наст. время стал еще более значительным, чем в свое время контроль четырех крупных банков. Однако, огромное влияние IRI на экономическую жизнь страны отнюдь не привело к усилению «огосударствления» промышленности, а послужило только к «санации», т. е. к спасению от банкротства крупных банков и трестовских магнатов. Операции по «оздоровлению» проводятся посредством кредитов, к-рые путем государственного обеспечения предоставляются в распоряжение IRI. Убытки, понесенные при этом государством, до наст. времени исчисляются в сумме св. 8 млрд. лир. В начале 1936 Banca d'Italia (главный итал. эмиссионный банк) получил от правительства право прямого контроля над операциями всех банков и финансовых учреждений страны.

Внутренняя задолженность И. в связи с дефицитностью бюджета и ростом вооружений возрастает из года в год. В 1929 общая сумма внутренних займов составляла 87,1 млрд. лир, в 1933 она поднялась до 97,2, а в середине 1935—до 107,8 млрд. лир.

Государственные финансы. Гос. бюджет И. как до войны, так и во время и после нее в общем характеризуется дефицитностью. Лишь в немногие предкризисные годы удавалось свести бюджет с небольшим превышением поступлений. В 1928/29 доходы дали превышение в 200 млн. лир. Однако, с 1930/31 бюджет снова становится дефицитным (см. табл. 23).

Картина все ухудшающегося положения гос. финансов представлена в бюджете далеко не полно. Часть гос. расходов покрывается новыми займами и выпуском казначейских обязательств, не отражающимися в бюджете: в 1931 было выпущено казначейских обязательств на 1,6 млрд., в 1932—на 2,7 млрд., в 1933—на 4,1

млрд. лир. В 1935 правительство стало выпускать уже краткосрочные (на 1 год) казначейские обязательства. Все эти мероприятия естественно увеличивают внутреннюю государственную задолженность. Платежи по процентам составляли ежегодно около 5 млрд. лир

с акц. об-вами И. (почти $\frac{1}{4}$ всей расходной части гос. бюджета). В марте 1934 была произведена конверсия консолидированных займов в сумме 61,3 млрд. лир, причем процент по этим займам был снижен с 5 до $3\frac{1}{2}$. В 1932 иностранная задолженность И. определялась в общем в 1.653 млн. лир, включая 100 млн. долл. правитель-

ственных займов (заем стабилизации) и несколько десятков млн. лир коммунальных займов.

Платежный баланс И. после 1929 стал заметно ухудшаться. До кризиса И. располагала тремя основными источниками доходов в иностранной валюте: чистым доходом итал. торгового флота от перевозок за счет иностранных фрахтовщиков, доходами от приезжающих в страну иностранных туристов и денежными переводами эмигрантов. В докризисные годы

Табл. 23.—Движение гос. доходов и расходов (в млрд. лир).

Годы	Доходы	Расходы	Сальдо
1928/29	19,9	19,7	+0,2
1930/31	20,1	20,9	-0,8
1932/33	17,9	21,9	-4,0
1934/35	17,7	20,6	-2,9

эти источники с лихвой покрывали дефицит торгового баланса. Однако, начиная с 1929, они стали быстро иссякать: переводы эмигрантов, в 1929 составлявшие 2.100 млн. лир, в 1934 упали до 320 млн.; доходы от туризма с 3,6 млрд. лир в 1925 снизились до 1 млрд. в 1933; доходы от фрахтов также весьма сильно сократились. Платежный баланс 1934 был сведен с дефицитом не менее 2 млрд.; в 1935 его пассивность увеличилась еще более. Параллельно с этим непрерывно сокращаются и золотые резервы И. Золотой и валютный фонд страны, составлявший в 1927 12,1 млрд. лир, упал к концу 1935 до 4,8 млрд. лир, а после начала войны с Абиссинией уменьшился еще более.

Валюта. С 1923 существует всего один эмиссионный банк—Banca d'Italia (раньше эмиссионным правом пользовались также Banca di Napoli и Banca di Sicilia). В 1927 лира была стабилизирована по курсу: 1 амер. доллар=19 итал. лирам (1913—1 долл.=5,18 лиры), или 1 англ. фунт стерл.=90 лирам (в 1913 1 ф. ст.=25,22 лиры).

Золотой паритет лиры фактически был поколеблен уже в 1934. Несмотря на то, что официально курс лиры оставался на уровне золотого паритета (134,34 франц. фр. за 100 лир), на иностранных биржах курс лиры падал. Уже в конце 1934 за лиру платили на 3% менее, чем по золотому паритету, а в середине 1935 дизажио составляло ок. 8%. С 20/X 1935 правительство запретило публиковать какие бы то ни было данные об экономическом положении И. Начавшаяся в октябре 1935 война с Абиссинией до крайности напрягла хозяйственные ресурсы И. Экономические трудности возросли

и в связи с применением Лигой Наций санкций, выразившихся в запрете экспорта в И. военных материалов и сырья для военной пром-сти (за исключением каменного угля, нефти, чугуна и стали). По статистике Лиги Наций, с ноября 1935 по февраль 1936 импорт И. уменьшился с 29,8 млн. до 8,2 млн. зол. долл. в месяц, или на 72%, а экспорт из И.—с 25,2 млн. до 5,6 млн. долл., или на 78%. Война и подготовка к ней сильно потрясли и финансы страны. Золотой запас И. с января по декабрь 1935 упал с 7,6 млрд. до 4,8 млрд. лир, или на 37%. С конца июля 1935 золотой паритет лиры был отменен, и в стране началась инфляция. Еще перед вступлением в силу международных санкций продовольственное снабжение страны ухудшилось. Пищевые продукты и корма сильно вздорожали. В ноябре 1935 цены на пшеницу стояли на 35% выше, чем в конце 1934, пены на кукурузу—основную пищу крестьянства и пролетариата—на 64%, на бобы—на 89%, на овес—на 83%, на сено—на 147% и т. д. После введения санкций вздорожание с.-х. продуктов пошло еще более быстрыми темпами, несмотря на хороший урожай 1935/36. Зимой 1936 снабжение городов и армии стало настолько затруднительным, что в феврале был издан декрет о правительственных закупках зерна, означавший принудительную реквизицию запасов с.-х. населения. Сильно вздорожали и пром. изделия. За указанный период цены на каменный уголь возросли на 38%, на чугун—на 40%, на железный лом—на 42%, на медь—на 98%, на нефть—на 130% и т. д. Попытки внедрить в текстильное производство суррогаты вместо импортных хлопка и шерсти оказались неудачными. Низкокачественная искусственная шерсть из казеина обходится в 120 лир за 1 кг, тогда как хорошая импортная шерсть стоит ок. 20 лир. Удары, нанесенные войной экономике И., настолько тяжелы, что и при благоприятных условиях потребуются немало времени, чтобы восстановить пошатнувшееся народное х-во страны.

Лит.: Einzig P., The economic foundations of Fascism, L., 1933; Ferri C. E., Aspetti economici della vita italiana (1920—25), Milano, 1927; Hamilton C., Modern Italy..., L., 1932; Mitzakis M., Les grands problèmes italiens, P., 1931; Michels R., Italien von heute, Zürich, 1930; Bertarelli L. V., Northern Italy..., L., 1924; его же, Southern Italy (Including Rome, Sicily and Sardinia), ed. by F. Muirhead, 2 ed., L., 1930; Dubois M. et Kergomard J. G., Géographie économique, 4 éd., P., 1934; Enciclopedia Italiana, t. XIX, Roma, 1933 (ст. Italia); Newbigin M. I., Southern Europe, L., 1932; Sion J., Italie, «Géographie universelle», t. II, p. 2, P., 1934; см. также стат. ежегодник: «Annuario statistico italiano» и стат. ежемесячник: «Bollettino mensile di statistica».

Аквила.

IV. Исторический очерк.

Древняя история и древнейшее население Италии, см. Рим.

СРЕДНИЕ ВЕКА.

Период варварских вторжений и зарождения феодализма (5—8 вв.). В 5 в., в период крушения римского рабовладельч. гос-ва, отпадения провинций Западной империи, варварских грабительских вторжений в самую И. (готов Радагайса—404, вестготов Алариха—410, гуннов Аттилы—451, вандалов—455) и дальнейшего разветвления в связи с ними революции рабов (напр., переход на сторону Алариха 40.000 римских рабов в 410), императорская власть утратила всякий авторитет и сделалась игрушкой в руках размещенных в И. варварских войск. Между 456 и 472 фактическим хозяином И. был эвев Рицимер, *magister militum*, возводивший

на престол, низвергавший и убивавший императоров (Авита, Майориана, Севера, Антемия) по своему усмотрению. После его смерти функци «делателя императоров» перешли к его родственнику бургунду Гундобаду, а затем к римскому полководцу варвару Оресту, который низверг императора Юлия Непота и посадил на престол своего малолетнего сына Ромула Августула (475). Отказ Ореста наделить землей своих солдат-варваров (герулов, ругиев, скиров) заставил последних провозгласить своим вождем скира Одоакра, к-рый, убив Ореста и устранив его сына (476), начал сам управлять И. с титулом «патриция» (императорского наместника), очень неохотно признанным за ним восточно-римским императором. Для удовлетворения требований войска Одоакр конфисковал у латифундистов, гл. обр. Центральной и Северной Италии, треть их земель, причём несколько улучшил и положение крестьянской массы колонов, рабов, мелких землевладельцев путем уменьшения налогов. Все это знаменовало уже глубокое расшатывание основ рабовладельческого строя, однако, господство латифундистов и весь административный аппарат римского рабовладельческого государства в основном еще оставались без изменений. Земельная аристократия открыто высказывала недовольство политикой Одоакра. В то же время попытка его вмешаться в избрание римского папы, а также установить контроль над использованием церковью ее огромных земельных богатств обострила вражду к нему духовенства. Это обстоятельство было учтено императором Восточно-римской империи Зеноном, к-рый, желая к тому же избавиться от опасного соседства остготов (см.), грабивших Балканский полуостров и доходивших до стен Константинополя, направил в 488 их полчища, во главе с Теодорихом, в И. Остготы при этом рассматривались как *федераты* (см.), а их вождь получил звание патриция и *magister militum*, так что захват И. остготами формально означал как бы освобождение ее от власти узурпатора и воссоединение с Восточно-Римской империей. По существу это была одна из реакционных попыток с ее стороны насильственно остановить крушение рабовладельческого строя на Западе. Несмотря на частичную поддержку со стороны мелких землевладельцев, Одоакр потерпел ряд поражений и после 4-летней мужественной защиты принужден был сдать свой последний оплот—Равенну,—вслед за чем был предательски умерщвлен Теодорихом (493). Победа последнего означала, в известной мере, победу церковных и крупноземлевладельческих реакционных кругов, развивших бешеную агитацию против Одоакра и закрывших перед ним ворота Рима в самый критический момент борьбы. Первые же шаги Теодориха по установлению его власти (493—526) выразились в организации суровых репрессий против италиков, поддерживавших Одоакра с оружием в руках. Правда, и Теодорих, подобно своему предшественнику, как вождь варварского завоевания, должен был стать на путь конфискации трети земель латифундистов для обеспечения остготов. Но это мероприятие было проведено комиссией, возглавленной представителем самих же латифундистов, с расчетом свети их неизбежные жертвы к минимуму. Все центральное и местное гражданское управление осталось в руках крупных землевладельцев,

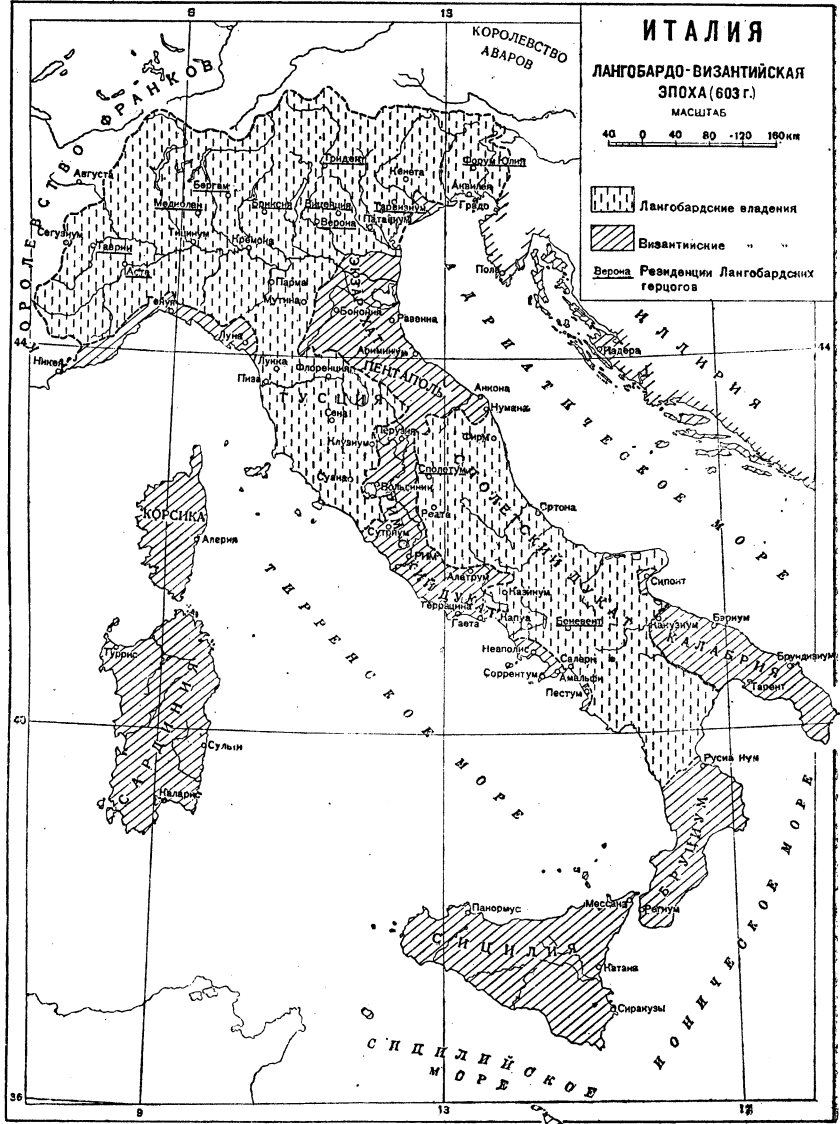
к-рые заполняли римский сенат, муниципальные органы городов, кадры высшего чиновничества. К числу латифундистов, служивших остготам, но не забывавших при этом своих интересов, принадлежал первый министр Теодориха *Кассиодор* (см.). Однако, по мере укрепления власти Теодориха, становилось все яснее, что ни осуществление реставраторских намерений восточных императоров, ни тем более романизация остготов, т. е. поглощение их основными массами италийского населения, вовсе не входили в программу Теодориха и окружавшей его остготской военной аристократии. Поддерживая фикцию существования единой Римской империи, признавая обязательными для всей И. ее законы, подчеркивая свое преклонение перед римской культурой, проводя обширные реставрационные и строительные работы в Риме, Равенне и др. городах, осылая привилегиями католическую церковь, Теодорих всем этим имел в виду только упрочить в И. власть остготов во главе со своей династией, опирающуюся в конечном счете только на военную организацию завоевателей. Остготы, общее число к-рых с женами и детьми не превышало 200—300 тыс., подчинялись не римским чиновникам (*iudices*), а своим особым графам (*comites gothorum*), осуществлявшим по отношению к ним и военно-командные и судебно-административные функции. Преимущество завоевателей выражалось в том, что споры между римлянином и остготом решались в суде остготского графа. Формально во внутренней политике Теодориха господствовала тенденция как бы уравнивать остготов и римлян, что было подчеркнуто изданием единого обязательного для тех и других кодекса законов, т. н. «Эдикта Теодориха», целиком основанного на римском праве. Но в сущности остготы до конца оставались от римлян не только отдельным управлением, но и монополией военной службы, привилегией ношения оружия, принадлежностью к арианской церкви, сохранением нек-рых остатков древне-германского обычного права.

Той же цели укрепления власти остготов была подчинена внешняя политика Теодориха, ориентированная на создание федерации герм. племен, образовавшихся на территории империи свои королевства (франков, бургундов, вестготов, вандалов), т. е. в такой федерации он видел наиболее прочную гарантию против реставраторских попыток восточно-римских императоров. Искусно рассчитанная система брачных союзов между домом Теодориха и семьями различных герм. племенных королей и герцогов не только закрепляла политические связи остготов, но и создавала поводы для их активного вмешательства в борьбу между герм. племенами при разделе римского наследства. Так, вмешательство остготов в войну между франками и вестготами спасло последних от полного разгрома и обеспечило руководящее влияние Теодориха в Галлии и Испании. Каждый военный и дипломатический успех Теодориха являлся в сущности поражением империи, к-рая с начала 20-х гг. 6 в. уже не скрывала своей слабости к остготам. С другой стороны, чем большую прочность приобретало господство остготов в И., тем большее недовольство ими проявляли духовные и светские земельные магнаты. С 522 заметно выступает подготовительная работа к свержению остготского владычества, проводимая римской аристократией и церковью

в тесном контакте с Константинополем. Визит папы Иоанна I к императору, закрепивший на основе уступок со стороны императора примирение между ними после долгого периода вражды; последовавший затем императорский эдикт о гонениях против еретиков, следовательно, и против ариан, к к-рым принадлежали остготы; еврейский погром в Равенне, вызванный агитацией католического духовенства вопреки покровительству Теодориха евреям; раскритика среди римской аристократии, близко стоявшей ко двору Теодориха (Альбин, Бозций, Симмах), какого-то антиостготского заговора— все эти проявления нарастающей оппозиции вызвали решительные репрессии со стороны короля: арест и, очевидно, насильственную смерть папы немедленно по его возвращении из Константинополя, казнь заподозренных в заговоре аристократов, новый строжайший запрет италикам иметь при себе оружие (523—525). Таким образом, Теодорих незадолго до своей смерти мог убедиться в крахе всей своей примирительной «пророманской» политики. Его дочь Амаласунта, пытавшаяся в качестве регентши при малолетнем сыне продолжать ту же примирительную политику и спасти династию ценою даже унижения перед императором, пала жертвой остготской военной аристократии, передавшей престол Теодату. Этот дворцовый переворот послужил императору *Юстиниану* (см.) предлогом для отправления в И. войска во главе с Велизарием, к-рый, почти не встречая сопротивления, занял (536) Сицилию и юг И. вплоть до Рима, т. е. области наибольшего распространения церковных и светских латифундий. Византийские чиновники, беспощадно выколачивавшие из крестьян налоги на войну, и наемные варварские армии Велизария и сменившего его Нарвеса совершенно разорили и опустошили самые цветущие области И. Одновременно в долине По свирепствовали бургунды, проникшие туда под предлогом помощи остготам, а в действительности с целью грабежа. Но в центре и особенно на севере остготы во главе с Витигесом, сменившим неспособного Теодата, организовали упорную защиту. Равенна была взята только в 539. Преемник Витигеса Тотила оперся на революционную борьбу рабов и крестьян и даже прямо содействовал развязыванию этой борьбы. В противоположность византийцам, покровительствовавшим латифундистам, он провел широкую экспроприацию земель и доходов крупных собственников, в том числе и церкви, освободил зависимое и крепостное крестьянство от платежей помещикам, принимал в свою армию крепостных и рабов. Но на этот раз объединение сил варваров-завоевателей и революционных элементов Италии произошло слишком поздно. В 556 И. была окончательно покорена византийцами. Изданная в 554 «Прагматическая санкция» Юстиниана отменила все благоприятные для крестьян законы последних остготских королей, восстановила господство латифундистов и предоставила епископам самые широкие судебные и административные полномочия. Общее военное и гражданское управление провинциями Италии было возложено на «дуков», подчиненных императорскому наместнику—экзарху, сидевшему в Равенне. Византийское владычество держалось во всей И. лишь 13 лет. В 568 варвары *лангобарды* (см.), к-рым византийцы уже ранее указали дорогу, используя их в качестве наемных солдат для

борьбы с остготами, завоевали почти всю Северную И. (ныне по их имени—Ломбардия), Тоскану и часть Римского дуката до самого города Рима и обширные области в центре и на юге, известные под названием герцогств Сполетского и Беневентского. Византийские владения, раздробленные и оторванные лангобардскими территориями от правительственного центра в Равенне, превращаются в полунезависимые княжества под властью своих дукатов, причем в Римской области (Романский дукат, Романья) роль такого дуката переходит в руки папы. Но лангобардское завоевание повело и к другим, несравненно более глубоким и существенным изменениям во всей социально-экономической структуре И. В отличие от остготов лангобарды, совершенно еще не затронутые римской цивилизацией, пришли как завоеватели, сознательно уничтожавшие римские учреждения и насаждавшие свои собственные. Рабовладельческому строю, уже полностью изжившему себя и распатанному в предшествующий период, они нанесли сокрушительный удар. В завоеванных территориях они физически уничтожали римскую земельную аристократию и экспроприировали латифундии, в том числе и церковные. Большая часть захваченных земель разошлась по рукам военной аристократии во главе с королем, но и простые воины получили отрезки, повидимому на началах германской общинной системы (см. *Марка, Поземельная община*). Лангобардское общество уже перед завоеванием знало социальное расчленение: на военную аристократию, простых свободных (агиманни), которые составляли основной контингент войска, полусвободных, или альдиев, наконец, на разные категории рабов (servi ministeriales, servi rustici) и вольноотпущенных (haamund, fulfrial). Социальное положение каждой из этих категорий, сформулированное в эдикте короля Ротари, т. е. в «Лангобардской правде» (см. *Лангобардский закон*), было с течением времени распространено и на туземное население, причем римские колонны были приравнены к альдиям, римские рабы—к лангобардским, свободные же римские крестьяне были поставлены в положение зависимых (per tinentes) или, во всяком случае, в более низкое

положение, чем свободные лангобарды. Лангобардский институт патроната (mundium), загонявший обедневших свободных в зависимость от разбогатевших агиманни, насилия военновладельческой знати, недостаточная обеспеченность жизни и имущества мелких людей, особенно римского происхождения,—все это создавало предпосылки для быстрого закре-

поощения большей части свободной трудящейся массы. При дальнейшем развитии эксплуатации различных категорий зависимых и закрепощенных людей происходит известная нивелировка в их социальном положении, в конечном итоге приведшая к смешению рабов, альдиев, колонов, бывших свободных, независимо от происхождения, в единую крепостную крестьянскую массу. Одновременно в городах, захваченных лангобардами, окончательно умирает римская система муниципального самоуправления, распадаются ремесленные корпорации, а самое ремесло сосредоточивается, гл. обр., в поместьях. Таким образом, в течение уже 7 в. закладывается в И. фундамент новых

производственных отношений—феодалных (см. *Феодализм*).

Политическая организация лангобардской И. в основном соответствует переходному характеру данного периода, как периода становления феодализма. Король, избираемый военной аристократией и фактически от нее зависимый, управлял своими доменами при помощи целиком подчиненных ему гастальдов, а завоеванными провинциями И.—при помощи герцогов, которые сначала назначались королем пожизненно, а затем, особенно в герцогствах Сполето и Беневент, делаются наследственными и начинают рассматривать себя как независимых князей. Герцоги, равно как и подчиненные правители дробных делений герцогств (*sculdasci, centenarii*), объединяли в своих руках все функции гражданского и военного управления. Таким образом, существовавшие у лангобардов перед приходом в И. «органы родового строя должны были... превратиться в государственные органы» (Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934, стр. 134). Но в отличие от других германских племен-завоевателей, которые в интересах «сохранения завоеванной области во-вне и внутри» создали сильную королевскую власть (Энгельс, там же), у лангобардов эта власть столкнулась с конкуренцией герцогов и принуждена была поэтому вести с последними почти непрерывную борьбу, притом в условиях далеко не завершенного завоевания И. Римские папы, особенно Григорий II, искусно пользовались этим обстоятельством для приостановки дальнейшей экспансии лангобардов и сохранения своей независимости в Романье (например, при короле Лиутпранде, 712—744). Опираясь на возросшее экономич. могущество церкви, особенно после реорганизации управления церковными поместьями при папе Григории I Великом (590—604), и лавируя между Византийской империей, лангобардскими герцогами и их королем, папы добились необычайного усиления своего влияния в итал. делах. Это влияние нашло свое выражение, между прочим, в успехах католичества среди лангобардов, принадлежавших ранее к арианству. Параллельно с этим идет и общий процесс романизации лангобардов. В законодательстве Лиутпранда уже имеются значительные элементы римского права (напр., введение завещания). Однако, все это не спасало папский Рим от лангобардской угрозы, особенно возросшей при Астульфе (749—756), к-рый захватил Равенну и окружил Римский дукат своими владениями. Папа Стефан II, пользуясь уже ранее установленными связями с франками, призвал на помощь их короля Пипина Короткого, к-рый двумя походами в И. (754—756) принудил лангобардов отказаться от вновь завоеванных земель. Отнятый у них Равеннский экзархат и герцогство Перуджия, вместе с Римским дукатом, были теперь закреплены за папой, как территориальная основа его независимости. Немедленно вслед за этим в Риме была сфабрикована фальшивка, т. н. «Константинов дар», для юридического обоснования независимости папского престола от Византии. Папство и вся католическая церковь, т. о., окончательно отвернулись от обломков рабовладельческой империи и повернулись лицом к восходящему феодализму в лице франкской монархии. Феодальный строй достиг к этому времени в Франкском государстве значительно большего развития, чем в лан-

гобардской И. Поэтому были обречены на поражение попытки лангобардского короля Дезидерия (756—774) вмешаться в дела Франкского государства, поддерживая притязания племянников Карла Великого. Ответом на эти попытки был поход Карла Великого в 773—774 в И., закончившийся ликвидацией самостоятельного Лангобардского государства и его включением в состав более передовой франкской монархии.

Дальнейшее развитие феодализма и зарождение городских коммун (9—11 вв.). Процесс феодализации Италии пошел под властью Каролингов ускоренным темпом. Карлу Великому пришлось совершить после 773 несколько походов в свое новое «Лангобардско-франкское королевство», прежде чем власть его утвердилась окончательно. При этом мятежные лангобардские герцоги были заменены франкскими графами и многочисленными бенефиции розданы представителям франкской аристократии. Для укрепления каролинского владычества были произведены также щедрые раздачи земель и иммунитетов монастырям, расширена юрисдикция епископов, увеличена материальная мощь и духовный авторитет римского папы, выборы к-рого были, правда, поставлены под строжайший контроль короля (с 800—императора). Под тяжестью военно-фискальных требований каролингской администрации мелкие землевладельцы, уцелевшие от предшествующего периода, принуждены были превращать свою землю в *прекарий* (см.) и коммендироваться крупным синьорам, церковным иммунитетам или графам. В соответствии с общей для всех частей каролингской монархии политикой и в И. «военная служба... для Карла Великого была главным средством ускорить превращение свободных... крестьян в феодально-зависимых и крепостных» (Маркс, Капитал, том I, 8 изд., 1935, стр. 583, см. подстрочн. примеч.). Исчезновение свободной мелкой собственности и огромное распространение крупного феодального землевладения обусловили в И. окончательное торжество феодального способа производства, к-рое «во всех странах Европы... характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян» (Маркс, там же, стр. 575). Земля—это решающее условие производства—отчуждена от непосредственного производителя. «Только земля и противостоит ему как находящаяся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике» (Маркс, Капитал, т. III, 8 изд., 1935, стр. 572). Начавшийся еще в период Римской империи процесс распада латифундиального хозяйства и замены его эксплуатацией мелких хозяйственно-самостоятельных производителей посредством внеэкономического принуждения нашел свое завершение в крупном итал. поместье каролингского феодала. Меньшая часть поместья (*dominicum*) обрабатывалась барщинным трудом (т. н. *angariae*) крепостных и зависимых крестьян, большая часть (*massaricium*) состояла из крестьянских наделов, чаще всего находившихся в распоряжении целой группы семей на началах общинного владения (*condoma, consorteria*) за установленные обычаем платежи и повинности помещику. Политическая слабость итал. феодалов, находившихся в состоянии перманентной борьбы между собою и не сдерживаемых после смерти Карла Великого никакой сильной цен-

тральной властью; сохранение остатков свободного городского населения и товарного хозяйства в отдельных областях И., менее пострадавших от войн и нашествий; более частые, по сравнению с другими странами в этот период, восстания крестьян против феодального гнета— все это содействовало тому, что размеры и интенсивность феодальной эксплуатации крестьянства оказались здесь меньшими, чем в остальной Европе. Неограниченные повинности и платежи были здесь редким явлением, и количество низших категорий крепостных непосредственно рабского происхождения (*masnaderii*), положение к-рых являлось наиболее тяжелым, было относительно невелико. Наоборот, зависимые крестьяне, имевшие возможность при условии утраты земельного надела и имущества порвать со своими синьорами, численно преобладали над крепостными. Эти особенности сыграли немалую роль в дальнейших судьбах итал. феодализма и помогают понять, почему самые ранние ростки капитализма впервые появились именно в И.

После Карла Великого, не добившегося подчинения всей И., она политически распалась на 4 части: Франкская И. (север и часть Тосканы), Папская область (экзархат, прежний Римский дукат, Пентаполь), Лангобардская И., включавшая зависимое от франков герцогство Сполето и независимый Беневент на юге, наконец, Византийская И. (дукат Калабрия, а также Венеция, Амальфи, Неаполь, Гаета, скорее номинально, чем фактически, подчиненные Византии). Однако, ни одна из этих частей не представляла собою политического единства, будучи, особенно с конца 9 в., полем непрерывной борьбы мелких и крупных феодалов: каролингских графов и маркизов, превративших свои должности в наследственные, лангобардских герцогов, византийских дуков, пап и духовных князей. Попытки каролингских императоров (Лотаря I, Людовика II) положить конец феодальной анархии законодательными актами, а затем и военной силой, закончились крахом и обнаружили лишь полную беспомощность императорской власти. После низложения последнего каролингского императора Карла Толстого (887) разгорелась борьба за королевскую корону между сильнейшими из феодалов—маркизами Фриульскими и герцогами Сполето. В эту борьбу были последовательно втянуты герм. король Арнульф, феодалы Прованса и Бургундии, так что эфемерная корона И. с необычайной быстротой переходила из рук в руки. Согласно меткому замечанию современного хрониста Лиутпрада, итал. феодалы стремились одновременно «иметь двух союзников, чтобы держать в узде одного при помощи другого». К разорению И. войсками претендентов на корону присоединились еще опустошительные набеги венгров с севера (с 899) и арабов, захвативших Сицилию, с юга. В то же время в Риме хозяйничала местная знать, не только фактически назначая пап, но и определяя всю папскую политику. При всей сложности и запутанности политических отношений И. первой половины 10 века можно, однако, обнаружить социальные корни происходившей борьбы в противоречиях интересов крупных и мелких феодалов. Последние, в частности, стремились, подобно герцогам и графам, сделать свои держания и должности наследственными. Действительно, в то время как Рудольф Бургундский, напр., был признан в И. высшей знатью,

его соперник Гуго Прованский опирался на мелких феодалов и аллодистов. Около 950 между обеими фракциями феодалов был, повидимому, достигнут компромисс: Рудольф добровольно ушел из И. и выдал свою дочь Адельгейду за сына Гуго—Лотаря, к-рый был признан королем вместе с отцом. Смерть обоих расчистила путь к власти одному из их старых соперников, Беренгария Иврийскому, к-рый рассчитывал путем брака своего сына с Адельгейдой привлечь на свою сторону поддерживавшую ее фракцию феодалов (гл. обр. тосканских). Адельгейда уклонилась от этой комбинации и, преследуемая Беренгарием, призвала в И. герм. короля Оттона I (см. *Германия*, Исторический очерк), к-рый на ней женился и был в Павии провозглашен королем (951), а во время одного из последующих походов заставил папу короновать себя в Риме императором (962). Оттону I пришлось неоднократно усмирять своих итал. вассалов, к-рых он стремился ослабить путем раздробления их феодалов и дальнейшего усиления власти епископов, особенно в городах, за счет светских князей. Но чтобы держать в своих руках епископов, императору было необходимо господствовать в Риме, где сидел их духовный глава—папа. Однако, ни Оттону I, ни его преемникам никогда не удавалось до конца сломить сопротивление римских феодалов, пользовавшихся активной поддержкой почти сплошь паразитического населения города, и ставленники императора обычно не удерживались долго на папском престоле. Императорам Саксонского дома (Оттонам I, II, III, Генриху II) не удалось также подчинить своей власти лангобардско-византийский юг И. Наоборот, в конце 10 в. византийцы при помощи крупных городов, заинтересованных в торговле с Востоком (Неаполь, Амальфи, Гаета, Салерно), даже усилились на юге, хотя и не долго: их успехи были сведены на-нет ненавистью городов к их фискальной политике, а также невозможностью для Византии защищать свои итал. владения от арабов в связи с резким ухудшением ее позиций в Сирии и Малой Азии. К тому же в течение первой половины 11 в. сюда во все большее количество проникают *норманны* (см.), к-рым чрезвычайно покровительствовали императоры Франконской династии, Конрад II и Генрих III, использовавшие их в качестве наемников для ослабления южных феодалов. Однако, наследие последних досталось не императорам и не папам, также на него претендовавшим, а самим же норманнам. К 1071 под предводительством Роберта Гвискара они захватили кусок за куском земли Калабрии, Апулии и Беневента, а брат Роберта, Рожер, между 1061 и 1091 покорил Сицилию.

В то время как норманны в борьбе с арабами, византийцами и лангобардскими баронами сколачивали политическое единство юга И., образовавшего впоследствии (1127) под властью потомков Гвискара Королевство Общих Сицилий, на севере и в центре императоры Франконской династии, резко меняя политику своих предшественников, искали опоры своей власти в светских феодалах, к-рых они противопоставляли теперь чрезмерно усилившимся епископам. Весь выигрыш в этой борьбе достался третьей силе: мелким феодалам и городам. Первые уже в 1037 добились от Конрада II, согласно изданной им *Constitutio de feudis*, признания наследственности своих феодалов по

мужской линии и установления своей вассальной зависимости непосредственно от императора. Города, в свою очередь, пользуясь ослаблением епископов, начинают постепенно освобождаться от их опеки. Императоры же, расклевывая свои силы в борьбе с северо-итал. епископами и непокорными вассалами в самой Германии, выпустили из рук влияние в церковных делах. В частности, инициатива церковной реформы, необходимость к-рой, в целях само-

между Григорием VII и императором Генрихом IV является для И. началом нового периода ее истории, когда на сцену в качестве самостоятельной и в конечном итоге решающей силы выступают городские коммуны. Но первый этап развития городских коммун хронологически относится еще к раннему периоду развития итал. феодализма.

В И., как и в других странах Европы, хозяйничанье «последних веков» «клонившейся к гибели Римской империи и самое завоевание ее варварами разрушили множество производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно приостановлена, сельское и городское население убыло» (Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14). В частности, многие города Северной и Центральной И., Павия, Милаз, Равенна, Рим и др., подвергались неоднократным граббжам и разрушениям. В Риме население сократилось с полумиллиона в 3—4 вв. до 40 тыс. к 9 в.

Римские муниципальные учреждения окончательно исчезли при лангобардах, а в период франкского владычества города были подчинены особым, «меньшим» графам, зависевшим от графа или маркиза целой области. Однако, городская жизнь в И. со свойственными ей товарно-денежными отношениями и концентрацией ремесла никогда не замирала окончательно. На юге, где разрушения были сравнительно меньшими, такие центры, как Неаполь, Амальфи, Гаета, Сорренто и др., под властью византийских дуков, катепанов, стратегов сохранили, наряду с торговыми связями с Востоком, как основой своего эконо-

мического преуспеваания, известные черты политической независимости. По мере падения византийской власти в Италии их независимость все возрастала. К середине 9 в. Амальфи и Гаета были уже независимыми республиками, принимавшими в союз с Неаполем активное участие в борьбе против сарацин (арабов), которым их соединенный флот нанес поражение в устье Тибра в 849. К этому же времени относится зарождение морского могущества Венеции на С.-В. и Пизы на С.-З. Венеция, огражденная в своих лагунах (наносные островки вблизи устья По) от всяких втор-

сохранения, была тогда доказана господствующим классам клюнийскими монахами (см. *Клюнийская реформа*), перешла в руки пап, точнее, их долголетнего советника—клюдийца Гильдебранда, с 1073 занявшего папский престол под именем *Григория VII* (см.). Вследствие этого реформа церкви обратилась своим острием против императоров, к-рые не только утратили контроль над папством, но вслед за тем были еще выбиты и из своих позиций в И. Это произошло не сразу, а в процессе отчаянной двухсотлетней борьбы между папством и империей. Открывшее эту борьбу столкновение

жений, развила обширную торговлю солью и восточными товарами, ее возраставший флот доставил ей уже в конце 9 в. господство в Адриатическом море. Пиза, главный конкурент Амальфи, разрушению к-рого она позже содействовала, приобрела господство в Тирренском море. Ярмарки Салерно и Неаполя рано начали привлекать к себе греков, арабов, каталонцев и провансальцев. Даже на севере И., где особенно свирепствовала феодальная анархия, выдвинулись в качестве торговых и транзитных центров Кремона, Павия, связанные сетью каналов и водных путей с Миланом, Венецией и Равенной. Венгерские нашествия 10 в. и феодальные усобицы вызвали в Ломбардии и Тоскане появление многочисленных укрепленных пунктов, замков и крепостей, привлекавших под защиту своих стен ремесленно-торговое население. Одновременно старые города римского происхождения окружали себя стенами. При императорах Саксонской династии, боровшихся со светскими феодалами, каролингских графов вытеснили из городов епископы, могущество к-рых достигло в конце 10 в. апогея. Находясь во враждебных отношениях с могущественными синьорами области (contado), епископы принуждены были покровительствовать развитию городских ремесленных корпораций, игравших все более видную роль в организации военных сил города. Главную их опору составляли, однако, различные группы городских феодалов, «капитаны» (знать), «вальвассоры» (средние феодалы) и «воины» или рыцари, из рядов к-рых, гл. обр., выходили члены епископского совета, суда и вообще всей администрации города (buo, uomini, scabini и т. п.). К участию в управлении привлекались часто также представители наиболее зажиточной верхушки купечества. Таким образом, под охраной епископской власти возникали зародыши нового городского самоуправления, развитию к-рого содействовали и сами императоры, раздавая городам с целью ослабления феодалов различные привилегии. Таковы, напр., привилегии Оттона I, данные Болонье, Кремоне, Флоренции, Лоди, Парме, Новаре. С переменной политикой франконских императоров и падением епископского влияния в первой половине 11 в. города более активно и самостоятельно выступают на историческую арену. Они начинают, напр., оказывать упорное сопротивление грабительским пологновениям императора и армии, к-рую император приводил с собою в И. (восстание Павии, отказ ряда городов открыть свои ворота Генриху II). Используя противоречия между духовными и светскими феодалами и неустойчивость императорской политики, города постепенно освобождались от всякой опеки. Наиболее ранний и яркий пример такого освобождения дает история Милана (см.). Этот город вначале целиком поддерживал своего архиепископа Ариберта, боровшегося с императором Конрадом II. Во время этой борьбы была, между прочим, выработана новая тактика—концентрация в одном пункте городской пехоты ремесленников для сопротивления атаке феодальной конницы. Но когда после смерти Конрада II, потерпевшего неудачу при осаде Милана, Ариберт договорился с новым императором Генрихом III, горожане прогнали его вместе со всей знатью. Хотя последняя была после трехлетней гражданской войны возвращена на определенных условиях (1045), но значительная часть ее влияния перешла к верхушке купечества и к связанным с по-

следним мелким городским феодалам. Добившись самостоятельности, Милан организовал свое управление по обычному типу городских коммун с коллегией консулов, тайным советом из представителей богатых семей (credenza) и «народным собранием» (conventus, parlamentum, commune consilium civitatis). Миланская коммуна была признана Генрихом III в 1055. Как-раз в то время, когда старейшие приморские республики юга утрачивали свою независимость под ударами норманнов, на севере и в центре шел процесс освобождения городов, аналогичный миланскому. Наибольших успехов борьба за коммунальную независимость достигла в конце 11 в.—нач. 12 в., когда, с одной стороны, борьба империи с папством, с другой—начавшиеся крестовые походы чрезвычайно ускорили рост экономического и политического могущества городов.

Борьба папства с империей и расцвет городских коммун (12—13 вв.). В ходе развития феодализма церковь подверглась быстрому процессу обмирщения и, органически включенная в феодальную иерархию, утратила многие из тех специфических черт, к-рые делали ее главным идеологическим орудием угнетения широких масс. Отсюда—осознанная господствующим классом необходимость реформы, имевшей прежде всего в виду укрепление церковной дисциплины. Однако, уже первые предпринятые в этом направлении шаги (введение celibата, т. е. безбрачия духовенства, и борьба с симонией, т. е. покупкой церковных должностей) вызвали сопротивление части итал. прелатов, видевших в усилении папства, к-рое явилось бы следствием этих реформ, угрозу для их независимости от Рима. В борьбе с противниками реформы папы (Николай II и Александр II), руководимые Гильдебрандом, не останавливались перед апелляцией к плебейской массе городов, поощряя или открыто поддерживая такие движения, как, напр., миланских патаренов (в переводе—оборванцев), к-рые выступали против своего богатого и распущенного духовенства и его главы—архиепископа. Вожди движения—Ариальд, Ландульф, Эрлембальд—были прямыми агентами папы. Папам удалось в конце-концов сломить сопротивление епископов, но ценою полного падения их авторитета в городах. Еще более существенные выгоды города извлекали для себя на следующем этапе борьбы за церковную реформу, именно, когда был выдвинут вопрос об *инвеституре* (см.). На соборе 1075 папа Григорий VII провел постановление, воспрещавшее светским князьям, в том числе и императору, давать инвеституру духовным вассалам, к-рые, т. о., ставились вместе со своими феодами в непосредственное подчинение папе. Это означало резкое сокращение материальных ресурсов и умаление политической власти императора, т. к. духовные феоды составляли значительную часть общей массы феодальных владений. Тем самым раскрывались далеко идущие цели реформы: создание феодально-теократической монархии, подчинение светских князей папе, к-рый даже прямо формулировал требование, чтобы ему было предоставлено право низлагать императоров (quod illi liceat imperatores deponere). На эти претензии император Генрих IV ответил низложением Григория VII на Ворском соборе 1076, избранием антипапы Климента III и походом на Рим. Папа мог противопоставить этому не менее сильные средства: отлучение Генриха IV от церкви, обраче-

ние к немецким князьям с предложением избрать другого императора, признание норманских завоеваний на юге И., за что норманны обязались вассальной зависимостью от папского престола и военной помощью против императора. После кратковременного перемирия, купленного Генрихом IV ценою унижения в *Каноссе* (см.) (1077), борьба разгорелась с новой силой. Несмотря на сильную поддержку, оказанную папе норманнами и тосканской маркграфиней Матильдой, горячей сторонницей церковной реформы, Григорий VII принужден был бежать из Рима и умер в изгнании (1085). Но и Генрих IV, преданный своими собственными сыновьями, покинутый немецкими князьями, был свергнут с престола. Его преемник Генрих V добился было выгодного соглашения с папой Пасхалием II на основе отказа епископов от своих феодалов, а императора—от инвестиции (1111). Однако, возмущение епископов заставило папу дезавуировать соглашение и покаяться на соборе в своей ошибке. Временный компромисс, не удовлетворивший ни одной из сторон, был достигнут лишь в 1122, когда папа и император подписали Вормский конкордат, передававший инвестицию им обоим: одному духовную (назначение на церковную должность), другому—светскую (передача епископу феода). Все выгоды от компромисса достались, однако, папам, к-рые получили признание своего права определять выбор епископов. Поэтому возобновление борьбы было неизбежно, но только с участием новой решающей силы—городских коммун. Последние приобрели, особенно в Ломбардии, нек-рую самостоятельность уже к моменту первого открытого столкновения между папой и императором. Окруженные неприступными в условиях тогдашней военной техники стенами, города имели важное стратегическое значение, и в их привлечении на свою сторону были заинтересованы обе борющиеся силы, буквально соревновавшиеся между собой в предоставлении городам привилегий—права чеканки монеты, сбора пошлин и различных налогов, расширения за счет феодалов городской территории и т. п. При этом одни города (напр., Лукка, Кремона) переходили попеременно то на сторону папы, то на сторону императора, другие придерживались неизменно раз принятой ориентации (напр., сторонница императора—Пиза), но во всех случаях усиливали свое политическое могущество. Когда смерть маркграфини Матильды, незаконно завещавшей свой тосканский феодал папе, вызвала новое столкновение империи с папством из-за ее наследия, тосканские города (Флоренция, Сиена и др.) не преминули воспользоваться и этим случаем, чтобы провозгласить свою независимость. Не ограничиваясь этим, города провели решительное наступление на феодалов, имевших владения и замки в непосредственной близости от городских стен, а затем и в пределах всего округа, экономически тяготевшего к городу. Замки, нередко служившие опорными пунктами для разбойничьих нападений на купцов, либо уничтожались, либо переходили в руки города, а их владельцы, принудительно выселявшиеся в качестве заложников в тот же город, строили внутри его стен многочисленные башни и укрепленные дома, продолжая в новой обстановке вести прежний воинственный образ жизни и наполняя городские улицы шумом своих внутренних раздоров. Эти победы городов над феодалами отнюдь не были

победами нового общественного способа производства. Города с их мелким ремеслом и купеческим капиталом были одним из элементов того же феодального общества, но только достигшего более высокой ступени развития. Поэтому насильственная «урбанизация» феодалов сопровождалась и заметной «феодализацией» городов и их политики, несмотря на то, что феодалы ассимилировались с верхушкой купечества довольно туго. Усилился в городах феодальный элемент (гранды, магнаты), обострилась внутригородская борьба, внешняя политика городов стала более агрессивной. Стремясь увеличить свои доходы от феодальной эксплуатации подчиненной территории или уничтожить торговую конкуренцию соседей, города вели между собою бесконечные типичные феодальные войны, причем более сильные беспощадно расправлялись с более слабыми, а последние, чтобы избежать гибели, принуждены были отдаваться под покровительство сильных коммун. На этой почве, напр., в Ломбардии, возникали непрочные группировки городских коммун (лиги), быстро распадавшиеся по достижении общей цели—нападения или самозащиты. *Крестовые походы* (см.), в к-рых многие итал. города, гл. обр., портовые, приняли активное участие, несколько ослабили их взаимные раздоры, открыв для них источники более быстрого обогащения. Венеция, Генуя, Пиза богатели благодаря перевозкам крестоносцев, поставкам оружия и продовольствия, непосредственному участию в завоевании и ограблении приморских городов Сирии и Малой Азии. За свои услуги крестоносцам они получали также обширные привилегии и земли, позволившие им основать на Востоке торговые фактории и сильно увеличить размеры своей восточной торговли, в к-рую постепенно втянулись и другие итал. города. Таким образом, ломбардские и тосканские коммуны успели значительно укрепить свою политическую самостоятельность и экономическую мощь к тому времени, когда им пришлось столкнуться с опасным врагом—императором Фридрихом I Барбароссой, к-рый пробудил к жизни угасшие было претензии империи на всемирное господство и мобилизовал все силы феодальной аристократии для борьбы за Италию против папы и городов.

Ближайшей целью первого похода Барбароссы в И. (1154—55) было получение из рук папы императорской короны в Риме. Но, проходя со своим войском через Ломбардию, он натолкнулся на сильное сопротивление со стороны городских коммун, знавших о намерении императора восстановить узурпированные ими права феодалов. Барбаросса взял приступом и разрушил ряд мятежных городов (Асти, Тортона, Кьери), чтобы дать урок остальным более могущественным коммунам, поспешившим открыть ему свои ворота (Павия, Пьяченца, Болонья, Парма). Рим, однако, не последовал этому примеру. Здесь еще в 1143 возникла самостоятельная республика, руководители к-рой находились под сильным влиянием осужденного церковью учения *Арнольда Брешианского* (см.). Борьба знатных родов из-за папского престола, общий упадок римской курии в результате частых случаев одновременного избрания двух пап, проклинавших друг друга, создали на время благоприятные условия для освобождения Рима от гнета высшего клира. Прибывший сюда Арнольд Брешианский, поддержанный

низшим духовенством, плебейской массой и частью мелких феодалов, сделался признанным вождем города (1147—54), провел демократизацию республиканской конституции, принудил папу к бегству и приступил к разрушению феодальных замков, пытаясь представить императору (Конраду III Гогенштауфену) эти действия как направленные против врагов империи. Однако, Рим, живший, гл. обр., эксплуатацией богомольцев и подачками папского двора, не имел, в отличие от северных коммун, экономической базы для своей самостоятельности; интердикт, наложенный папой Адрианом IV на Рим, угрожая городу разорением. Арнольд, утративший поддержку римлян, бежал и вскоре попал в руки объединившихся против него императора и папы, которые послали его на костер (1155). Это не помешало, однако, римлянам оказывать упорное сопротивление Фридриху Барбароссе, принудив его немедленно после коронации вывести свои войска из города. Еще более строптивым оказался Милан, возставший разрушенную Фридрихом Тортоно и разгромивший ряд верных империи коммун (Лоди, Павию, замок Виджевано). Понадобился второй поход Барбароссы в Италию (1155—62), приведший, после кровавой борьбы, к полному разрушению Кремы и Милана, чтобы заставить покориться императору мятежные ломбардские коммуны. Еще до окончательного замирения Ломбардии император издал на сейме в Ронкальи, вблизи Пьяченцы, постановления, которыми объявлялись незаконными отчуждения феодалов в пользу коммун и церкви без императорской санкции, распускались все городские лиги, воспрещались частные войны, вводились новые правила выборов городских консулов, фактически лишившие коммуны их самостоятельности. Восстановление неограниченной императорской власти в И. угрожало интересам папства, городских коммун, короля Сицилии. Поэтому папа (Александр III) отлучил Барбароссу от церкви и содействовал образованию антиимператорской Лиги ломбардских городов, в которую, наряду с крупнейшими коммунами, вошла и прежде нейтральная Венеция. Милан был восстановлен, создана на общие средства участников лиги новая сильная крепость Александрия, организовано единое военно-политическое управление лигой (коллегия ректоров). Императору не помогло ни назначение антипапы, ни взятие его войсками Рима, ни карательные экспедиции против отдельных городов. В 1176 он потерпел при Леньяно от войск Ломбардской лиги решительное поражение, уничтожившее плоды всех его предшествующих походов и заставившее его пойти на перемирие с папой в Венеции и на Констанцкий договор с лигой (1183). Сохраняя за императором верховную власть и значительное влияние в И., Констанцкий договор узаконил политическую автономию коммун и большую часть произведенных ими ранее захватов феодальных прав и территорий. Барбаросса попытался компенсировать империю за эти уступки династическим браком между своим сыном, будущим императором Генрихом VI, и наследницей Королевства Обеих Сицилий, чем было подготовлено владичество Гогенштауфенов на юге И. Но соединение короны Сицилии и Германии в одних руках настолько снова усиливало императора, делая его фактически арбитром всей И., что ни папа, ни города не могли с этим примириться. В понтификат Иннокен-

тия III, когда преемник Генриха VI, Фридрих II, не мог претендовать по малолетству на избрание королем Германии, папе удалось даже захватить в свои руки управление Королевством Обеих Сицилий и заставить Фридриха II принести вассальную присягу папскому престолу. Положение изменилось, когда Фридрих II, вопреки воле нового папы (Гонория III), добился своего избрания в германские короли (1220). Возобновление борьбы между империей и папством стало тогда неминуемым. Эта борьба протекала теперь в более сложной обстановке, обусловленной всем предшествующим экономическим и политическим развитием Италии.

С конца 12 в., в связи с расширением рынков сбыта и лучшим разделением труда среди ремесленников, городская промышленность И. делала все более заметные успехи, особенно в области производства сукна, шелка, оружия. Многие монастыри, бывшие в предшествующий период центрами текстильного производства, теперь отгесняются на второй план. О возросшей мощи свободного городского ремесла свидетельствует непрерывный рост числа цехов. К середине 13 в. их насчитывалось 58 в Венеции, 36 в Падуе, 33 в Генуе, 25 в Павии, 21 во Флоренции и Мантуе. Одновременно шло дальнейшее развитие торговли, особенно с Востоком; этому содействовал прогресс в технике мореплавания и в организации кредита (зарождение банков, появление заемных писем и векселей), а также улучшение в монетном деле (чеканка полноценного золотого флорина, широкое распространение меняльных операций). Крупные купцы, банкиры, менялы и представители нек-рых наиболее прибыльных профессий первыми выделились из первоначально аморфной массы торгово-промышленных элементов города и образовали так называемые «старшие цехи» (*arti maggiori*), вслед за которыми стали добиваться права на существование и различных привилегий и «младшие цехи» (*arti minori*).

Соответственно с этим более четко определились основные линии социального деления в городе, причем каждая соц. группа стремилась создать внутри общегородской коммуны свою самостоятельную коммуны. Сначала феодальным родам, сгруппированным в «башенные товарищества» (*consorterie delle torri*) и объединенным в особую «рыцарскую общину» (*commune militum*), противостоял весь «народ» торговцев и ремесленников (*popolo, cives minores*); затем из этой массы выделяются в свою «купеческую» общину (*commune mercatorum*) наиболее богатые элементы, «жирный народ» — старших цехов, к-рых все более широкая пропасть экономических и политических противоречий отделяет от «мелкого народа», т. е. развившихся позднее младших цехов. С 13 века между этими двумя прослойками развертывается ожесточенная борьба за власть, между тем как подавляющее большинство городского населения, плебейская масса внецеховых ремесленников, поденщиков и чернорабочих, не имеет еще ясной самостоятельной позиции и образует как бы пьедестал для этой борьбы. При возникновении городских коммун управление обычно сосредоточивалось в руках консулов из представителей феодальной знати. Они обладали сначала всей полнотой власти — военной, судебной, финансовой; затем наряду с консулами коммуны, сохранившими военные функции,

появились «судебные» и «купеческие» консулы (*consules justitiae, consules mercatorum*) по судебноп-административным и финансовым делам. Эта дифференциация, обусловленная как усложнением функций управления, так и притязаниями купеческой верхушки на долю власти, не спасала коммуны от острой партийной и фракционной борьбы внутри правящих групп.

Временный выход был найден в учреждении подестата (так называемое второе городское устройство), т. е. своего рода единоличной диктатуры пригласаемого из другой коммуны на годичный или меньший срок магистрата (см. *Подеста*), к-рый, будучи представителем господствующего класса в целом, мог играть умеряющую или сдерживающую роль в фракционных раздорах знати. Но и подестат, скоро став орудием в руках феодалов (грандов), не удовлетворял «жирного народа», к-рый при первых же успехах в завоевании власти поставил рядом с подестой своего классового представителя с аналогичными функциями—«народного капитана». При этом консульская коллегия бесследно исчезла, а советы при консулах, превращенные в большой и малый советы подесты, были дублированы большим и малым советами народного капитана.

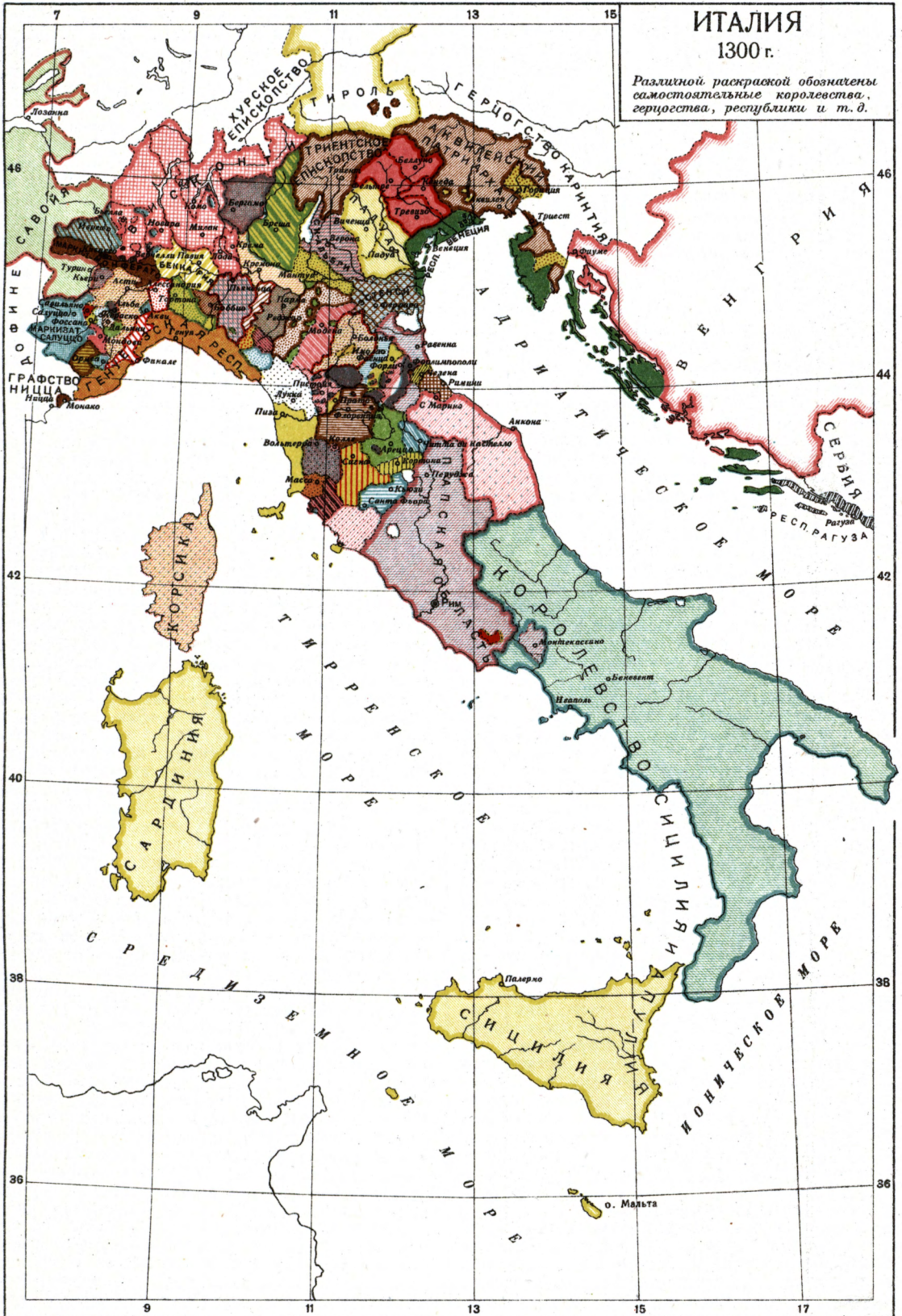
Фактически мы имеем, таким образом, существование двух отдельных общин в недрах одной городской общины, вследствие чего каждое важное решение, касавшееся всей городской республики, могло быть принято лишь после сложной процедуры согласования между различными советами. К началу 13 в. более отчетливо наметились и партийные группировки среди правящей верхушки городов. Часть феодалов, сохранившая свои поместья и связи с титулованной внегородской знатью, образовала партию гибеллинов; другая часть, втянутая в торговые и денежные операции, сражавшаяся с «жирным народом», образовала партию гвельфов. Эти партийные клички возникли в И. раньше в связи с борьбой империи и папства, причем гибеллинами назывались приверженцы императора, гвельфами—приверженцы папы. Но первые пополнялись, гл. обр., из рядов поместной военно-феодальной знати, а вторые имели преимущественно в своем составе представителей денежной аристократии, заинтересованной в финансовых операциях римской курии. Таким образом, в конечном счете партийное размежевание в городах в гораздо большей степени отражало внутренние противоречия городской олигархии, чем противоречия между империей и папством. Поражение одной из двух партий в коммуне влекло за собой исключение приверженцев этой партии из политической жизни, массовые изгнания и конфискация имущества. Изгнанники обычно искали убежища в соседних коммунах, где у власти стояли их единомышленники, и готовили оттуда нападения на родной город с целью захвата власти. Непримиримая вражда кипела всюду, ослабляя прежде всего силы грандов и подготавливая тем переход политического господства к пополанам, в первую очередь—к «жирному народу».

С другой стороны, эти партийные раздоры создавали благоприятную обстановку для развития социального брожения среди бесправных городских низов. Это брожение выступало обычно в религиозной форме *ересей* (см.), непосредственно направленных против папства

и высшего духовенства и потому иногда даже пользовавшихся покровительством или хотя бы попустительством со стороны гибеллинов. Наоборот, победа гвельфской партии вела за собой безжалостное искоренение еретиков, как это было, например, во Флоренции, т. к. недовольство городской бедноты грозило прежде всего благополучию городской буржуазии—пополанов. Более тонким методом борьбы с ересями, чем грубое насилие городских властей и еще плохо организованной *инквизиции* (см.), была католическая пропаганда францисканских и доминиканских монахов (см. *Францисканцы, Доминиканцы*), ордена к-рых, возникшие как-раз в начале 13 в., приняли характер нищенствующих, чтобы облегчить себе проникновение в гущу обездоленных масс.

Параллельно и в связи с развитием ломбардских и тосканских городов шла эмансипация крестьянства, превращение крепостных в лично-свободных держателей, обязанных феодалу преимущественно денежными платежами, превращением зависимых крестьян в арендаторов (*fittaioli*) и особенно в арендаторов-испольщиков (*mezzadria*). Помимо влияния городского денежного хозяйства, разлагавшего в деревне натурально-хозяйственные отношения, помимо стремления феодалов под влиянием условий городской жизни превратить все свои доходы в денежную форму, здесь помимо этого сыграла роль и сознательная политика городов, к-рые своими законами об уничтожении серважа (напр. в Болонье, Флоренции, Генуе, Пизе, Милане, Венеции) стремились обеспечить себе приток рабочей силы из деревни и в то же время нанести косвенный удар феодальной помещице. Еще раньше, в 12 в., та же цель достигалась городами путем последовательного применения принципа: «городской воздух делает свободным», т. е. широким предоставлением права убежища беглым крепостным. Благодаря относительно слабой феодализации в И. и сохранению значительных остатков свободной сельской общины в форме так наз. соседской общины (*vicinanzia*) крестьянам при освобождении нередко удавалось создавать самоуправлявшиеся и полунезависимые коммуны, организованные по образцу городских коммун. Города стали относиться враждебно к этому движению лишь с конца 13 в., когда им удалось окончательно сломить силы поместных феодалов и устранить от политической власти феодальные элементы в своих собственных стенах.

Победа городской буржуазии, подготовленная всем экономическим развитием И., была тесно связана с неблагоприятным для империи исходом ее последней крупной схватки с папством. В лице папы Григория IX и Иннокентия IV Фридрих II встретил сильных противников, не брезговавших в борьбе с императором и с поддерживавшей его фракцией феодалов никакими средствами. Фридрих II, воспитанный в Сицилии в необычной для средневекового феодала космополитической среде, в к-рой видную роль играли мусульманские и еврейские ученые, глубоко равнодушный к вопросам религии и свободный от влияния многих феодально-христианских традиций, со своей стороны внес в эту борьбу неслыханные прежде методы: апелляцию к европейскому «общественному мнению» при помощи воззваний и политических памфлетов; использование мусульманских наемников против христианского воинства папы; договоры с мусульманскими государями Сирии

ИТАЛИЯ

1300 г.

Различной раскраской обозначены самостоятельные королевства, герцогства, республики и т. д.

и Египта; срыв созванного папой Вселенского собора путем ареста кардиналов и епископов, направившихся в Рим. Оперативной базой в борьбе с папством Фридрих II сделал Королевство Обеих Сицилий, где он конституцией 1231 (*Constitutiones regni Siciliae*) ввел абсолютистский режим, образец централизованной бюрократич. монархии, жестоко подавив сопротивление непокорных вассалов. Введением государственной монополии на торговлю основными продуктами королевства, постоянного поземельного налога (*colletta*) и высоких таможенных пошлин был разрешен вопрос о финансировании военных операций императора. Однако, несмотря на отдельные крупные успехи (удачное завершение Крестового похода, вопреки проклятиям папы, восстановлению Иерусалимского королевства; разгром возродившейся Ломбардской лиги при Кортенуво в 1237 и подчинение ряда ломбардских и тосканских коммун; подавление вызванного папой восстания в Германии), Фридриху II, трижды отлученному от церкви, истощившему почти все свои средства и утратившему лучших помощников, пришлось убедиться перед самой смертью (1250) в бесплодности попыток объединить И., погруженную в полнейший политический хаос. Его сыновья, император Конрад, вскоре умерший, и правитель Сицилии Манфред, продолжали борьбу, причем до 1265 гибеллины имели некоторый перевес. Рим временно превратился в гибеллинскую республику; многие северные города (Павия, Пьяченца, Брешия, Виченца, Падуя, Римини и др.) признали над собой власть феодальных тиранов, союзников Манфреда (вроде, напр., свирепого Эццелино да Романо); вождь тосканских гибеллинов Фаринато дельи Уберги нанес при Монталерти кровавое поражение флорентийским гвельфам (1260). Но эти успехи носили лишь временный характер в виду раздоров немецких феодалов из-за престола. Между тем гвельфы, ориентируясь на Францию, провели в папы последовательно двух французов, Урбана IV и Климента IV, которые подготовили военную экспедицию в И. брата французского короля Карла Анжуйского, получившего также мощную финансовую поддержку от гвельфских банкиров. Поражение и гибель Манфреда при Беневенте (1266), а также измена южных феодалов, недологих абсолютизмом Гогенштауфенов, облегчили Карлу захват Королевства Обеих Сицилий. Окончательное торжество папы и Анжуйской династии было упрочено победой при Тальякочцо (1268) над последним отпрыском Гогенштауфенов, Конрадином, сложившим затем голову на плахе. Помимо юга Италии, верховенство Карла Анжуйского, как викария папского престола, признали Рим и большая часть Тосканы. Однако, могущество Анжуйского принца и вместе с тем все его грандиозные планы захвата Византии и всего Леванта были вскоре уничтожены внезапным восстанием народных масс в Палермо и других городах Сицилии, сопровождавшимся резней французских наемников (т. н. Сицилийская вечерня 1282). Восстанием воспользовались феодалы, чтобы призвать в Сицилию Петра Арагонского, женатого на дочери Манфреда (см. *Испания*, Исторический очерк), в результате чего в руках Анжуйской династии остался только юг полуострова под названием Неаполитанского королевства. Французский принц Карл Валуа, признанный папой Бонифацием VIII против арагонцев, добился только, по миру в Кальта-

беллотте (1302), полюбовного размежевания бывшего Королевства Обеих Сицилий между двумя династиями, после чего Южная Италия, отдавшая во власть феодальной реакции, утратила свое политическое влияние и стала клониться к экономическому упадку. Ведущая роль в дальнейшей истории И. окончательно переходит в руки северных и средне-итальянских городов-республик, отстоявших в предшествовавших войнах свою самостоятельность. Если преодолеть политическую раздробленность И. не удалось ни Гогенштауфенам против пап, ни анжуйцам в союзе с папами, то тем меньше шансов на успех мог иметь император Генрих VII, не обладавший ресурсами своих предшественников. Его поход в И. (1310—13), вызвавший столько надежд у Данте (см.) и ломбардо-тосканских гибеллинов, лишней раз обнаружил бесплодность попыток национального объединения И. вопреки воле папы и могущественной городской буржуазии. Интересы последней лежали гл. обр. вне И., на Востоке и в различных странах Европы, где ломбардские и флорентийские банкиры, венецианские, пизанские и генуэзские купцы развивали все более широкую деятельность, жестоко конкурируя между собой и еще не нуждаясь в государственной защите от конкуренции других наций. Точно так же и отрасли промышленности, находившиеся в руках «жирного народа» (производство сукна, шелка), работали преимущественно на внешний рынок. Таким образом, для господствовавшей в городах купеческой олигархии характерно не стремление к государственному объединению И. и созданию национального внутреннего рынка, а острое соперничество друг с другом за внешние рынки. Так, Пиза еще в 12 в. уничтожила свою соперницу Амальфи, но ее собственное могущество было сломлено Генуей (морская битва при Мелории 1284). Флоренция десятилетиями истощала свои силы в борьбе с Пизой и Сиеной, Венеция— в борьбе с Генуей, Милан— в борьбе с Павией и другими ломбардскими коммунами. Папы поощряли и раздували эти междоусобные войны, будучи бессильны сами объединить И. и опасаясь утратить свою независимость в случае ее объединения другими. Поэтому папы и города, при всем различии их конечных интересов, выступали б. ч. как союзники. Но в 14 в. обе эти ведущие силы претерпевают изменения. Папы надолго становятся марионетками в руках французских королей (см. *Франция*, Исторический очерк) и затем, в период раскола, утрачивают всякий авторитет в И. Города же, этот, по выражению Маркса, «наиболее яркий цветок средневековья», в результате ожесточенной классовой борьбы, кипевшей в их стенах, приходят к замене республиканско-олигархических конституций единоличной диктатурой в форме так называемой тираннии, что ускорило процесс поглощения мелких городов крупными и образования ряда территориальных княжеств.

Зарождение капиталистических отношений и падение тиранов (14—15 вв.). Непрерывные войны, носившие б. ч. местный характер и не приводившие к крупным разрушениям в виду ничтожных размеров производившихся военных операций, в общем не препятствовали экономическому и культурному прогрессу Италии и ее ведущей роли в Европе. Энгельс писал, что «Италия была первой капиталистической нацией», и отмечал «начало современной капи-

талистической эры» появлением Данте (Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, 1932, см. Предисл. Энгельса к первому итальянскому изд., стр. 14). По словам Маркса, «первые зачатки капиталистического производства имели место уже в 14 и 15 столетиях в отдельных городах по Средиземному морю» (Маркс, Капитал, т. I, 8 издание, 1935, стр. 574)—разумеется, речь идет о городах И. Ее приморские города сосредоточили в своих руках почти всю мировую торговлю того времени. В промышленности центров уже с 14 в. зарождаются капиталистические отношения в форме «рассеянной» мануфактуры (напр., в текстильной промышленности Флоренции, Сиены, Милана). Итальянские банкиры захватили в свои руки кредитные и денежные операции всей Европы. Внешним признаком высокого уровня материального благосостояния итал. городов была оживленная строительная деятельность—замошение улиц, проведение водопроводов, постройка роскошных частных и общественных зданий. В Ломбардии в конце 13 в. была закончена сложная система ирригации, превратившая эту область в одну из плодороднейших в мире. В связи с переходом в течение 14—15 веков феодальных поместий, окружавших города, в руки торгово-денежной буржуазии, капиталы начали проникать и в с. х-во, содействуя применению более рациональных методов обработки и превращая итал. ферму в образец для других стран. В идеологической сфере эти успехи нашли свое отражение в быстром подъеме искусства, литературы и науки, в начавшейся борьбе новой буржуазной интеллигенции с феодально-католическим мирозерпанием (см. *Возрождение*). Параллельно с развитием раннекапиталистических отношений шло ухудшение положения трудящихся масс города и деревни. В городах мелкие ремесленники оказывались в полной зависимости от крупных предпринимательских цехов, распределявших между ними работу; наряду с этим образовалась обширная категория наемных рабочих (*sottoposti*), также неогражденных цеховой организацией и поработенных наемателями. Крестьянство в деревне подвергалось еще более жестокой эксплуатации новых помещиков из купечества, становясь к тому же жертвою продовольственно-таможенной политики городской олигархии, искусственно понижавшей цены на с.-х. продукты. Наконец, как мелкие внецеховые ремесленники и рабочие, так и крестьянская масса городского округа (*contado*) и все население подчиненных городов были лишены всяких политических прав и возможности защищать свои интересы иначе, чем восстаниями.

Новые тенденции экономической жизни И. до крайности обострили классовую борьбу в городских республиках. В последней четверти 13 в. «жирный народ», опираясь на поддержку младших цехов, повел решительную атаку против феодальной городской знати. В Сиене магнаты были исключены из правительства уже в 1277, и власть перешла к купеческой олигархии сначала 24, затем 15, наконец 9 наиболее богатых семейств. В Болонье аналогичный переворот произошел в 1282, причем изданная тогда же конституция (*Ordinamenti sacrali e sacratissimi*) поставила магнатов под власть исключительных законов. Во Флоренции реформа Джано делла Белла 1293 (*Ordinamenti di giustizia*) обусловила участие в по-

литической власти принадлежностью к цехам, связала магнатов круговой ответственностью за преступление одного из их среды, установила для них особые денежные залоги и повышенные кары за любое правонарушение. Власть окончательно перешла к «синьории», составленной из 6 приоров от старших и 2 от младших цехов, во главе с т. н. гонфалоньером правосудия. В Венеции, где в составе патрициата не было феодальных элементов, господство купеческой олигархии было упрочено в 1297 ограничением числа правящих фамилий четырьмястами («закрытие Большого совета»). Приход к власти «жирного народа» повлек за собою почти немедленное выступление младших цехов (*popolo minuto*), стремящихся несколько раздвинуть рамки городской конституции в своих интересах. Кое-где это временно удавалось, как, например, во Флоренции, где фракционная борьба (Черки и Донати, «черные» и «белые» гвельфы) ослабила купеческую олигархию; однако, и здесь дальнейшее развитие борьбы и неудача выступления плебейских масс [восстание *Чомпи* (см.) 1378] привели к падению политического влияния младших цехов. Однако, в одной лишь Венеции, где правящей верхушке удалось подавить опасное движение исклученных из власти элементов буржуазии (восстание Тьеполо 1310) и создать прекрасный аппарат для охраны своих политических привилегий («Совет десяти»), олигархия до конца сохранила свое господство и потому не нуждалась в изменении республиканской формы правления. Прочность установившегося здесь режима была гарантирована в общем необычайно успешной и выгодной для всех имущих элементов города торговой и колониальной политикой правительства. Во всех же других коммунах острая классовая борьба рано или поздно завершалась установлением единоличной диктатуры, уравнившей все классы городского и внегородского населения в политическом бесправи, хотя и сохранившей за торгово-денежной буржуазией ее экономические привилегии. Иными словами, буржуазия в своем большинстве предпочла отказаться от едва завоеванных политических позиций перед угрозой дальнейшего обострения борьбы со стороны городских плебейских масс. Только небольшая прослойка, стоявшая непосредственно у власти, не хотела терять своих преимуществ. Эта диктатура, известная под именем «синьории», или, по аналогии с древне-греческими городами-республиками, «тирании», впервые возникает в середине 13 века в нек-рых коммунах Ломбардии. Ранние тираны д'Эсте в Мантуе и Ферраре, Эпцелино да Романо в Вероне, Торриани, а затем Висконти в Милане, Полента в Равенне, Монтефельтро в Урбино и т. д.—все без исключения феодального происхождения, б. ч. крупные землевладельцы, захватывавшие власть с помощью одной из партий городской знати (обычно гибеллинской) и при поддержке «мелкого народа». Должность народного капитана, иногда подесты или временного «синьора» чаще всего служила переходной ступенью к установлению тирании. При наличии благоприятных условий избранному на срок народному капитану удавалось превратиться в постоянного (*capitano perpetuo*), а затем и в наследственного. Таким образом возникли династии Скалиджери в Вероне, Малатеста в Римини, Висконти в Милане и т. д. Императоры покровительствовали возникновению единолич-

ной диктатуры, раздавая удачливым тиранам звание викариев империи. В отдельных случаях борющиеся фракции городской знати добивались, путем временного прекращения своих раздоров и объединения сил, изгнания тирана и восстановления республики (изгнание Угучоне делла Фаджуола из Пизы, Готье де Бриенна, герцога Афинского, из Флоренции и т. п.), но, как правило, тираны, располагая наемным профессиональным войском, держались прочно. Все более распространявшееся с 13 века применение наемных отрядов и вытеснение ими городской милиции сильно способствовало утверждению тирании. Появление в каком-нибудь городе тирана неизменно вело к разоружению граждан и замене их наемниками, подчинившимися только своему капитану. Предводители профессиональных наемных отрядов, кондотьеры, разработали новую военную тактику, против к-рой необученные ополчения ремесленников были бессильны. Поэтому наемные войска, появившиеся в Генуе, Милане и Вероне уже с 12 в.; с конца 13—начала 14 вв. распространяются повсюду. Первыми знаменитыми кондотьерами были иностранцы (англичанин Гаквуд, немец Урслинген), позже их вытесняют итальянцы. Нек-рым итал. кондотьерам, вроде крестьянского сына Атендола Сфорца, удавалось захватить власть в городе, пользовавшимся их услугами, и даже создать свои династии. Наконец, в 15—16 веках появляются тираны из рядов наиболее богатой денежной буржуазии. Таковы Медичи во Флоренции, Пеполи и Бентивольи в Болонье, Пегруччи в Сиене. Тираны продолжали с еще большим успехом захватническую политику крупных коммун по отношению к второстепенным центрам. Так, Милан, к-рому уже в 13 в. подчинялись Лоди, Новара, Комо, Брешия, Верчелли, при Висконти и Сфорца еще более расширил подвластную ему территорию; но в отличие от коммун, ограничивавшихся насаждением в подчиненных городах своих подеста и капитанов, тираны стремились унифицировать все управление, заменяя магистратов из представителей правящего класса назначаемыми на неопределенный срок чиновниками, однообразно осуществлявшими свои полномочия на всей территории, и создавая в своей резиденции центральные органы военного и финансового управления. Таким образом, было положено начало государству нового типа, абсолютной монархии, достигшей, однако, своего наивысшего развития не в И., а в крупных национально-государственных образованиях других европейских стран. Лишив правящий город его политической и экономической монополии по отношению к contado, тираны привлекли на свою сторону имущие классы сельского населения, а созданные ими пышные дворы, притягивавшие к себе поэтов, художников, ученых, щедрые траты на их содержание и на широкую строительную деятельность обеспечили новому режиму признание и поддержку мелких городских ремесленников. Установление единоличной диктатуры, пресекши фракционные раздоры и гражданские войны внутри города, привело к упорядочению администрации. Свирепый тиран Цезарь Борджиа, сын папы Александра VI, захвативший Романью предательством, убийствами и пожарами, стремился, например, упрочить свою власть организацией судебных трибуналов с представительством от каждого города, изданием благотвори-

тельных законов о бедных, жестокой расправой с чиновниками, притесняющими народ. Со своей стороны плебейские и ремесленные массы, разочарованные предшествовавшей борьбой и озлобленные против буржуазии, долго относились к заигрывающим с ними тиранам частью пассивно, частью даже сочувственно. Народные движения, игравшие столь значительную роль в жизни свободных коммун, на некоторое время исчезли в период тирании. Поэтому идеологи крупной буржуазии того времени, вроде Пальмьери и Гвиччардини, с раздражением говорят о «политической тупости народа», возрзения которого «так же далеки от истины, как Испания от Индии». Уничтожение республиканской формы правления даже в наиболее «демократических» коммунах непосредственно затрагивало интересы только ничтожной части граждан. Во Флоренции на 100.000 населения лишь 3.000 пользовались гражданскими правами. Да и из этой части только узкая верхушка буржуазии оставалась в оппозиции и организовывала заговоры против диктаторов. В 1476 был убит заговорщиком из крупной миланской буржуазии Галеаццо Мария Сфорца. В 1478 Пацци, Сальвиати, Бандини—представители денежной аристократии Флоренции—напали в церкви на братьев-правителей Джулиано и Лоренцо Медичи, причем только второму удалось спастись от смерти. Насильственной смертью погибли тиран Форли Риарио, тиран Фаенцы Манфреди, тиран Фермо Франджипани. Тирания зашичалась усилением полицейского сыска и шпионажа, террористическими мероприятиями против непокорных фракций бывшей купеческой олигархии, варварскими казнями заговорщиков и возведенной в степень тончайшего искусства системой лжи, лицемерия и предательства в повседневных отношениях с окружающими. Геркулес д'Эсте приказал вырвать глаза и отрубить руки 200 заговорщикам; Лоренцо Медичи до тла разрушил восставшую Вольтерру; Цезарь Борджиа создал непревзойденные образцы коварства по отношению к своим противникам. *Маккиавелли* (см.) в своем «Государе» только синтезировал и дал теоретическое обоснование этим чертам правительственной практики тирании.

Своей внешней политикой тираны 15 в., в противоположность агрессивной политике купеческой олигархии, старались также не задевать интересов масс. К тому же центр тяжести внешней политики все более перемещался в область дипломатии и политической интриги, в которой итальянцы 15—16 вв. обнаружили непревзойденное мастерство. Несмотря на некоторое упрощение политической карты И. в период тирании, взаимоотношения между ее отдельными государствами представляли настолько запутанный клубок противоречий, что выделить общие линии ее политической истории чрезвычайно затруднительно. На С.-З., в Пьемонте, где в неприкосновенности сохранились феодальные отношения, продолжалась борьба за преобладание между графством (с 15 в. герцогством) Савойским, маркизами Монферратским и Салутским, во время к-рой вспыхнуло восстание крестьян во главе с *Фра Дольчино* (см.), подавленное соединенными усилиями духовных и светских феодалов Севера (1307). Савойская династия приобрела в конце концов решительный перевес, но оставалась еще слишком слабой для активного вмешательства

ства в политику И. В 15 в. Пьемонт находился под сильным влиянием соседней Франции, что облегчило франц. войскам доступ через альпийские проходы в И. во время итал. войн. В противоположном, южном конце И., где по окончании борьбы между анжуйцами и арагонцами восторжествовала феодальная реакция, Неаполитанское королевство находилось с конца 14 в. в состоянии полного внутреннего разложения. Здесь при участии феодальных баронов шла длительная борьба между двумя ветвями Анжуйской династии. Король Владислав, ведший захватническую политику в Папской области, а затем его дочь Иоанна II довели страну до окончательного разорения. С 1442 Неаполь попадает в руки Арагонской династии, представители к-рой Альфонс и Фердинанд I (Ферранте) по характеру своей деятельности были типичными итал. тиранами. Права вымершей Анжуйской династии на Неаполитанское королевство переняли франц. короли, что послужило впоследствии предлогом для начала итал. войн. В центральной части И., где различные территории—Рим, Кампанья, герцогство Сполетское, Романья, Анконская марка и Болонья,—номинально объединенные властью папы и управляющиеся «апостолическими ректорами», находились со времени «Авиньонского пленения пап» (см. *Франция*, Исторический очерк) в состоянии полной анархии, появляются многочисленные мелкие тираны: Колонна в Сабине, Каэтани в Кампанье, Малатеста в Римини, Орделафи в Форли, Манфреди в Фаенце и Имоле. В Риме шла ожесточенная борьба между крупнейшими баронами Орсини и Колонна, на короткое время устраненными восставшим *Кола ди Риенци* (см.) (1347) и превращением быв. папской резиденции в самостоятельную республику. Изгнание Риенци, а затем его гибель после кратковременного вторичного возвращения к власти (1354) означали одновременно провал надежды авиньонских пап добиться этим путем влияния в Риме. Несколько удачнее были результаты, достигнутые кардиналом Хилем Альборноцом, который между 1353 и 1363, действуя попеременно дипломатией и военной силой, заставил тиранов Папской области признать свою зависимость от папы. Огубленные им *Constitutiones* (1357) действовали в папских владениях в течение многих веков. Но только Григорий XI, переселившись из Авиньона в Рим, положил, опираясь на помощь кондотьерских банд, серьезное начало превращению папы в светского государя и неограниченного властелина в своей области. Начавшаяся после его смерти «великая схизма» католической церкви, противопоставившая друг другу авиньонского и римского пап (1378—1447), надолго отодвинула завершение этого процесса. Однако, ни одному из соборов, собиравшихся в период схизмы (Пизанский, Констанцский, Базельский), не удалось умалить монархических прав папы и ограничить его власть в пользу кардиналов или самих же церковных соборов. Во второй половине 15 в., по прекращении схизмы, объединение разрозненных территорий Папской области в единое абсолютистское государство пошло усиленным темпом, причем одним из методов этого объединения явился теперь папский *непотизм* (см.), т. е. насажение в городах и замках вместо изгоняемых тиранов папских сыновей или родственников. Особенно широко применяли этот метод папы из

семьи делла Ровера (Сикст IV) и Борджиа (Каллиост III и Александр VI), превзошедшие своей ненасытной алчностью и нагромаждением самых чудовищных преступлений не только всех предшествовавших пап, но и современных им тиранов.

Наиболее мощными экономически и политически были государства Северной И.: Флоренция, после покорения Пизы (1406) господствовавшая в Тоскане, Милан, подчинивший себе почти всю Ломбардию, а также—на время—Геную и часть Романьи, и «владычица морей» Венеция. Последняя со своим огромным флотом, обширными колониальными владениями в Адриатике и Эгейском море (Истрия, Далмация, Ионийские о-ва, Крит, Кипр) и ежегодным доходом в миллион дукатов, равнявшимся государственному бюджету Франции, играла роль первоклассной европейской державы. В 14—нач. 15 вв., особенно после поражения Генуи при Киоджи (1380), Венеция не знала себе соперников на море. Появление турок в Европе и захват ими Константинополя (1453) нанесли, однако, сильный удар ее восточной торговле и привели к утрате значительной части колоний. Утомленная безуспешной борьбой против турецкой экспансии на Леванте, Венеция заключила с турками в 1479 соглашение, позволившее последним захватить на некоторое время Отранто в Италии. В течение всего 16 в. венецианская олигархия, резко меняя традиционный курс своей внешней политики, все более втягивалась в борьбу континентальных итал. государств и, стремясь компенсировать себя за колониальные потери, значительно расширила владения республики в самой И. (на т. н. *terra firma*), т. е. в Ломбардии и Романье. Но здесь ей пришлось столкнуться с сильным соперником—Миланом. Уже Джан Галеаццо Висконти, купивший себе у императора титул миланского герцога (1395), положил предел расширению Венеции и одновременно создал захватами в Лигурии и Романье угрозу Флоренции. Поэтому при его преемнике, Филиппе Марии, была создана лига Венеции, Флоренции и папы против Милана (1425). Состав лиги, в связи с изменчивой политикой папы, позже неоднократно менялся, но основные ее участники—Венеция и Флоренция—почти непрерывно воевали с Миланом до 1454, когда в Лодди был заключен мир, установивший известное, весьма неустойчивое, равновесие между главнейшими государствами И. В это время Милан, безуспешно пытавшийся по смерти Филиппа Марии вернуться к республиканской форме правления (Амброзианская республика 1447—1450), находился уже под властью нового тирана, кондотьера Франческо Сфорца, искусного воина и дипломата, к-рому удалось, благодаря союзу с Францией и благожелательному нейтралитету Флоренции, включить Геную в состав своих владений. При нем и его преемниках, Галеаццо Марии и Лодовико Моро, Милан упрочил свое положение одного из руководящих центров экономической, политической и культурной жизни Италии. Наконец, Флоренция под властью представителей крупнейшего банкирского дома Медичи (Козимо—1429—64, Пьеро—1464—69, Лоренцо—1469—92) достигла исключительного расцвета и со своим университетом, Платоновской академией, блестящими школами поэтов, художников, ученых сделалась настоящим средоточием европ. культуры. Господство Медичи, к-рые правили Флоренцией

ИТАЛИЯ 1454 г.

1	МАРК. САЛУЦЦО
2	ГР. ТЕНДА
3	МАРК. СЕВА
4	ФИАЛЛЕ (Влад. Дель Карратто)
5	ГР. АСТИ
6	ВЛАД. МАЛАСПИНА
7	КРЕМА (к Венеции)
8	ВЛАД. ПАЛЛАВИЧЧИ

9	КОРРЕДЖИО
10	КАРПИ
11	РЕСП. ЛУККА
12	ВЛАД. АППИАНИ
13	РЕСП. САН-МАРИНО
14	ГР. ГОРЧИЦЯ
15	ПОНТЕКОРВО (к Церк. обл.)
16	БЕНЕВЕНТ (к Церк. обл.)

сокращения:

КОР.	Королевство
ГЕРЦ.	Герцогство
КН.	Княжество
РЕСП.	Республика
МАРК.	Маркграфство
ГР.	Графство
ВЛАД.	Владение
ОБЛ.	Область

ИТАЛИЯ 1748 года

- Сокращения:
кор.	королевство
герц.	герцогство
кн.	княжество
обл.	область
респ.	республика
к р. Вен.	к респ. Венеция
к Ц. О.	к Церковной обл.
к Неап.	к Неаполю
Гваст.	Гвасталла
	(к сев. Пармы и Тоск.)

как неограниченные государи, не неся никакого официального титула, опираясь на свои огромные богатства, многочисленную клиентелу в самой Флоренции, обширные международные денежные связи, не было поколеблено ни заговором Питти и Аччайуоли в 1466, ни заговором Пацци и Сальвиати в 1478. В соответствии с интересами миролюбиво настроенных мелких ремесленников, на которых они опирались, и особенно с интересами торгово-ростовщического капитала, Медичи последовательно проводили политику поддержания равновесия между итал. государствами. В частности, Лоренцо Медичи, постоянно стремившегося дипломатическим путем сглаживать каждый раз вспыхивавшие в разных частях И. противоречия, называли «стрелкою политических весов» И. Тем не менее, достигаемое т. о. равновесие было настолько неустойчивым, что малейшее его нарушение в чью-либо пользу могло привести к войне. Так, возникшая в 1481 ссора между Феррарой и Венецией из-за торговли солью, монополию которой последняя стремилась удержать в своих руках, немедленно противопоставила друг другу две враждебные группировки держав: Неаполь, Милан и Флоренцию, поддерживавших Феррару, с одной стороны, и Венецию, папу и маркиза Монферратского — с другой. Военные действия, хотя и скромные по размерам, затянулись до 1484. Уже в это время Венеция сделала попытку втянуть во внутренние междоусобия И. французского короля Карла VIII, предложив ему напасть на Неаполь. Обострение отношений между итал. государствами тотчас же активизировало и испан. дипломатию. В конце 15 в. для двух крупнейших абсолютных монархий, достигших национального объединения, для Франции и Испании, политическое и военное бессилие Италии не было тайной; самая богатая страна Европы лежала перед ними как легкая и соблазнительная добыча, для овладения к-рой можно было найти сколько угодно поводов; один из таких поводов был создан обращением миланского герцога Лодовико Моро к Карлу VIII за помощью против Неаполя. Лоренцо Медичи не было уже в живых, а средняя буржуазия, на короткий срок пришедшая во Флоренцию к власти по изгнанию его сына Пьеро и вдохновляемая *Савонароло* (см.), видела во Франции единственное спасение против агрессивности Венеции, захватнических планов папы Александра VI Борджиа и его сына Цезаря, реставраторских попыток Медичи. Также и др. итал. державы рассчитывали каждая в отдельности использовать военные силы Франции в своих интересах. Вопреки всем этим надеждам, военная экспедиция франц. короля, открывшая собою длительный период итал. войн (1494—1559) (см. *Франция*, Исторический очерк), привела в конечном итоге к ограблению И. и более чем двухвековому ее порабощению иностранным завоевателем. Правда, Карл VIII вскоре после захвата Неаполя был выброшен из И. лигой, организованной против него Миланом с участием Венеции, императора Максимилиана Габсбургского и Фердинанда Неаполитанского. Но преемник Карла, Людовик XII, договорившись с Венецией о разделе между ними Миланского герцогства, победил Лодовико Моро и восстановил господство французов в И. Вторичное завоевание Неаполя было на этот раз осуществлено французами в союзе

с Испанией, что было с их стороны крупной ошибкой, повлекшей за собою внедрение испанцев на юге И. и изгнание оттуда французов (1504). Камбрейская лига (1508), организованная папою Юлием II против Венеции и приведшая к ослаблению последней и отобранию ее территориальных приобретений в Ломбардии, а также созданная тем же папою «Священная лига» Испании, Австрии и Венеции против Франции еще более залутали политическое положение И. В Милане снова появились герцоги Сфорца, зависевшие от Испании, во Флоренции были восстановлены Медичи (1512). Все государства И. были сильно ослаблены, не исключая и папы; в 1515 при Мариньяно они потерпели поражение от франц. короля Франциска I. Однако, окончательная победа досталась испанцам, к-рые после пленения Франциска I при Павии (1525), взятия и неслыханного погрома Рима (1527), подавления вторично установленной республики во Флоренции и новой реставрации там Медичи с титулом герцога (1530) оказались полновластными хозяевами положения в И. Ко времени мира в Като-Камбрези (1559), ликвидировавшего всякие притязания Франции на Милан и Неаполь, в Италии за исключением ослабленной и беднейшей Венеции не оставалось ни одного государства или области, к-рые не оказались бы в непосредственном или косвенном подчинении у Испании.

Период экономического упадка и иностранного владычества (16—18 вв.). Итальянские войны совершенно разорили цветущие прежде области Ломбардии, Тосканы и Неаполя. Немецко-испанские ландскнехты Карла V и франц. наемники, наводнившие И., жили грабежом населения. Разоряемые крестьяне бросали обработку земли, тысячами убегали в города, где умирали от голода и эпидемий, либо пополняли кадры бандитов и наемных убийц (*bravi*). Многие города, даже не испытавшие ужасов римского погрома 1527, обеднели, принуждаемые уплачивать беспрестанные контрибуции и содержать иностранные гарнизоны. Всеобщий упадок промышленности и торговли сделал надолго невозможным хотя бы частичное восстановление утраченных ими богатств. Хищническая эксплуатация трудящихся масс новыми хозяевами страны, испанцами и их итал. вассалами, довершила разорение страны. Экономический регресс И., явственно обнаружившийся с середины 16 в., имел, однако, помимо войн и другие более глубокие причины. Признаки застоя в экономической жизни И. замечаются уже со второй половины 15 века. Само установление тираний было первым шагом феодальной реакции. Усиление податного гнета в тиранниях и их протекционистская политика, воздвигшая таможенные барьеры между отдельными государствами Италии, резко отрицательно отразилась на промышленности и внутренней торговле И. Расчетные книги итал. капиталистов свидетельствуют о все более значительных изъятиях капиталов из предприятий и обращении их на покупку земель или потребительские цели, с чем связано развитие непомерной роскоши и расточительности имущих классов. С другой стороны, прекращение турками после взятия ими Константинополя доступа для итал. купцов в Черное море, а, следовательно, и связей Италии через Танау (в устье Дона) с рынками Китая и Персии; развитие пиратства в Средиземном

море, затруднявшего торговые сношения с Египтом, а через него с Индией; утрата венецианцами б. ч. их опорных пунктов на Леванте—все это подготовило окончательный удар, нанесенный итал. восточной торговле великими географическими открытиями во второй половине 15 в. и первой половине 16 в., перемещением мировых торговых путей на берега Атлантического океана, появлением у итальянцев с начала 16 в. сильных конкурентов в лице новых торговых наций — голландцев и англичан. В тесной связи с этими явлениями стоит отмеченный уже Марксом факт «вытеснения» рабочих «массами... из городов в деревню» (Маркс, Капитал, т. I, 8 изд., 1935, стр. 575, см. подстрочн. примеч.), т. е. сокращения, а местами и исчезновения ранне-капиталистических форм производства. Во Флоренции знаменитый суконный цех (*Arte della lana*), насчитывавший в 1529 150 предприятий, в 1537 охватывал только 63, а цифра его оборотов уменьшилась с 2 млн. дукатов в 1575 до 50 тыс. в 1620. В Милане из 70 суконных мануфактур в 1580 к 1616 оставалось только 15. В Кремоне из 1.300 купцов, числившихся в 1611, через 35 лет оставалось всего 40. Во всех городах наблюдается резкое сокращение числа цехов, причем наряду с мелкими исчезают и крупные капиталистические цехи (напр., цехи Калимала и менял во Флоренции). Параллельно с упадком городского хозяйства регрессирует и с.-х. экономика. Процесс развития капиталистических ферм приостанавливается и начинается «неслыханный расцвет мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства» (Маркс, Капитал, т. I, 8 изд., 1935, стр. 575, см. подстрочн. примеч.). Еще недостаточно и далеко не повсеместно затронутые ограживаниями формы общинного землепользования, равно как и сохранившиеся в деревне элементы феодальной эксплуатации пользователей и вечно-наследственных арендаторов оказались теперь надолго законсервированными и даже усилившимися. В общественной жизни все эти явления нашли свое отражение в утрате верхушкой городской буржуазии ее специфических черт носителя торгово-денежного капитала и постепенном его превращении в новое придворное и поместное дворянство. Испанское владычество с его политической защитой сословных дворянских интересов, искусственного насаждения дворянства путем раздач и продаж титулов, чинов и придворных должностей сильнейшим образом содействовало феодализации всей общественной жизни И. Испанцы поощряли местные сословные споры в среде итал. знати, развитие у нее узко кастовой замкнутости, что, в связи с внедрением в жизнь высшего общества натянутаго испан. этикета и ханжества, создало совершенно новый тип господствующей верхушки, резко отличный от блестящего, непринужденно веселого, откровенно распущенного и буржуазного по составу придворного общества Кватроченто.

Окончательная победа феодально-аристократической реакции в экономической и общественно-политической жизни И., связанная с утверждением испан. гегемонии, вызвала со стороны народных масс и части буржуазии сильную оппозицию, выразившуюся в организации многочисленных заговоров и восстаний против испанцев, в необычайном развитии бандитизма, в возрождении средневековых еретических сект, в распространении занесенного из

Германии и Швейцарии анабаптизма и реформационных учений. В Лукке купеческий сын Пьетро Фатинелли неудачно пытался провозгласить «народную синьорию» (1543), а три года спустя попытку восстания в более широком масштабе сделал Франческо Бурламакки, воодушевленный стремлением восстановить купеческие республики в Тоскане. В Генуе, где власть находилась в руках испан. ставленника адмирала Андреа Дориа, между 1543 и 1548 было организовано четыре заговора, из к-рых наибольшую известность приобрел заговор Фиеско. В Неаполе в 1547 вспыхнуло с трудом подавленное народное восстание, ближайшим поводом к к-рому послужило введение испан. инквизиции. В 1599 знаменитый Томмазо Кампанелла (см.) возглавил обширный заговор против испанского владычества в Калабрии. Еще более опасный для властей характер, чем эти быстро подавляемые заговоры, имели реформационно-еретические движения, охватывавшие местами широкие массы крестьянства и городского плебса. В сев.-вост. провинциях И. около середины 15 в. быстро распространилась старая вальденская ересь с анабаптистской окраской и смутными коммунистическими тенденциями. В Болонье, Флоренции, Венеции, Падуе, Виченце возникли к тому же времени очаги протестантского (лютеранского и кальвинистского) движения; кальвинистские проповедники находили себе приют и покровительство даже при дворе феррарской герцогини Ренаты Французской. Видные гуманисты в Лукке, Модене, Сиене и многих других центрах выступили со своими учениями рационалистического, пантеистического или мистического характера (Вальдес и его ученики, Леллий, Фауст Социн, позже Джордано Бруно). Энергичную борьбу против всех этих разнообразных проявлений общественной оппозиции начала вести католическая церковь в тесном союзе с испанцами. *Триденский собор* (см.) (1545—63) своими работами по укреплению церковной дисциплины и догматики стимулировал организацию контрреформации в И. Преобразование инквизиции по испан. образцу с предоставлением ей почти неограниченных полномочий в преследовании ересей (1542), создание ряда новых монашеских орденов—театинцев, барнабитов, ораторианцев и особенно *иезуитов* (см.), введение строжайшей цензуры и опубликование индексов запрещенных книг (первый индекс 1557) — таковы были основные мероприятия, обеспечившие успех католической реакции в И. Искоренение ересей, крестьянского «бандитизма» и даже умеренной бурж. оппозиции производилось террористическими методами. Папа Сикст V за 1585—90 казнил в одном лишь Риме 5 тыс. «бандитов». На севере, в альпийских долинах, и на юге, в Калабрии, испан. войсками были безжалостно уничтожены все вальденские села, а их население подверглось зверскому избиению. Видные деятели итал. реформации и свободные мыслители (Карневекки, Палеарио, Бруно), попадавшие в руки инквизиции, немедленно отправлялись на костер либо, в лучшем случае, отделывались пытками и пожизненным заключением. Реакция не пощадила и мертвых: Маккиавелли лет через 40 после смерти был сожжен иезуитами *in effigie*. Плачевная судьба ученого Галилея, поэтов Торквато Тассо и Гварини, как будто приспособившихся к новым условиям, обнаружила пол-

ную невозможность свободной литературной и научной деятельности в И. со второй половины 16 в. Даже искусство, несмотря на покровительство церковных и светских властей, после того как оно в эпоху Возрождения «в Италии достигло неслыханного расцвета» (Энгельс, Старе введении к «Диалектике природы»), с конца 16 в. вырождается и мельчает (см. *Барокко*). Разрушительное действие реакции сказалось также во всеобщем одичании и огрубении нравов, в увлечении «образованного» общества магией и алхимией, в организации массовых процессов и казней «ведьм» и т. п. Италия была отброшена на несколько столетий назад и до середины 19 в. перестала играть сколько-нибудь заметную роль в экономической, политической и культурной жизни Европы.

Испанская гегемония, хотя и державшаяся до конца 17 в., не принесла И. хотя бы того национального единства, к-рое могло бы сделаться предпосылкой ее нового экономического подъема и борьбы за свое освобождение. Мир в Като-Камбрези, несколько упростивший политическую карту И., оставил ее все же расчлененной на 11 различных владений и государств: испанские владения, включавшие Сицилию, Сардинию, Неаполитанское королевство и Миланское герцогство; Пьемонтское герцогство; республику Венецию, Лукку и Геную; герцогство Тосканское; Папскую область; мелкие государства—Мантую, Парму, Модену, Урбино, в к-рых уцелели прежние династии Гонзаго, Фарнезе и Ровере в вассальной зависимости от Испании. Среди этих государств одна лишь Венеция, опираясь на свою неприступность в лагунах, далеко еще неисчерпанные богатства и крупный флот, сохранила свою независимость и нек-рое значение в европ. политике. Однако, уже во второй половине 16 века ее внутренняя слабость и утрата прежнего международного влияния сказались в том, что Турция, потерпевшей при Лепанто полный разгром от соединенного венецианско-испанского флота, была предоставлена возможность территориально себя компенсировать именно за счет Венеции. Первоклассной венецианской дипломатии, стремившейся проводить так наз. «политику репутации», т. е. сохранения престижа республики путем ловкого лавирования между противоречивыми интересами сильных государств и сохранения строгого нейтралитета во всех возникавших конфликтах, не удалось, однако, замаскировать фактическое бесилие Венеции. Ее экономика в 17—18 вв. и общественная жизнь обнаруживают еще более явные черты деградации. Самый город из складочного места восточных товаров для всей Европы и мирового торгового и культурного центра превращается в город международных авантюристов, прожигателей жизни, куртизанок, рабств и феодализованной плутократии, обратившей большую часть своих капиталов в земли. Зато вырастает под покровительством Испании экономическое могущество Генуи. Ценою потери своей независимости Генуя приобрела обширные коммерческие привилегии во всех испан. владениях, а в самой И. играла роль финансового агента испан. правительства, главного откупщика введенных последним налогов, к-рые затем беспощадно выколачивались из масс генуэзскими банкирами и купцами. Национальное банкротство Испании в конце 17 в. заставило Геную переориентироваться на Францию, и возникшие тогда экономические

и политические связи с этой страной сохранились почти без изменения до самой франц. революции. Лукка, наоборот, не имела никакого самостоятельного значения и своею номинальною независимостью была обязана стремлению испанцев не допустить территориального расширения Тосканского герцогства. Но и сама Тоскана, будучи одним из крупнейших государств И., принуждена была б. ч. играть роль покорного вассала Испании с тем, чтобы с начала 18 в. попасть в такую же зависимость от Австрии. Великим герцогами Тосканы, принадлежавшим к династии Медичи и имевшим традиционные финансовые и политические связи с Францией, так и не удалось добиться путем использования этих связей освобождения от иностранной опеки. С 1737, после смерти последнего представителя этой династии, Тоскана фактически попала в руки австрийских Габсбургов, к-рые выкачивали из нее людей и деньги для своих войн в Германии. Флоренция превратилась в захудалый провинциальный город, в к-ром упорно цеплявшиеся за свои средневековые привилегии цехи владели жалкое существование. Уничтожение лесов, окружавших Флоренцию, упадок ирригационной системы и общее ухудшение обработки земли в связи с ростом феодальной эксплуатации крестьянства привели к запустению и заболочению значительной части страны (*magnum*) и обеднению ее жителей. Только Ливорно, гавань Тосканы, конкурируя с Венецией и Генуей, превращается в этот период в крупнейший торговый центр в Средиземном море.

Особенно резко экономическая и социальная деградация Италии обнаружилась в Папской области. Папы в течение 17 в. были постепенно исключены из европейской политики и превратились в рядовых итал. государей, удельный вес к-рых определялся гл. обр. не их саном, а удельным весом Папской области среди других итал. государств. Как хранители феодально-католических традиций и руководители все еще влиятельной реакционной армии международного духовенства папы сохраняли, правда, свое значение, вследствие чего выборы пап каждый раз вызывали к жизни ожесточенную борьбу дипломатов и партий в Риме, находившихся на содержании различных европейских государств. Однако, и этому значению пап был нанесен в 18 в. чувствительный удар почти повсеместным изгнанием вернейших папских агентов—иезуитов—и вынужденным расформированием их ордена папою Климентом XIV в 1773. Главным источником папских доходов становится теперь эксплуатация подчиненного им, как государям, крестьянского населения, доведенного высокими налогами и отвратительной администрацией до полного разорения. Население во многих местах Папской области уменьшилось на две трети, прежде цветущая Кампанья превратилась в заболоченную полупустынную страну, рассадник малярии и убежище многочисленных бандитов. Папские долги возросли с 3 млн. крон в 1560 до 50 млн. крон в 1660 и 87 млн. крон в 1789. Дополнительные средства для содержания своего попрежнему пышного двора и для обогащения своих родственников папы изыскивали путем продажи реальных или фиктивных церковных должностей (т. н. «монти»), обеспечивавших держателям их («монтистам») верный доход, в результате чего Рим сделался

излюбленной резиденцией итал. богачей, вкладывавших в «монти» свои капиталы. Испанские владения на Юге и в Ломбардии дают картину еще более глубокого упадка. В Неаполитанском королевстве и Сицилии, где феодализм даже в период расцвета торгово-промышленной жизни И. сохранил почти нетронутыми свои позиции, владычество испанцев способствовало усилению гнета синьориального режима и значительному увеличению площади дворянского землевладения (до 75% всего земельного фонда). Помимо усилившейся феодальной эксплуатации, крестьянство должно было выносить на себе почти все бремя государственных налогов—прямых («donativi») и косвенных («gabelle»). Совершенно невыносимым сделалось также существование городского плебса, доведенного падением ремесла и торговли, вымогательством испан. администрации и откупщиков налогов до предела нищеты. В Неаполе большая часть плебейского населения превратилась в паразитическую полуголодную массу, неоднократно поднимавшую восстания против испанцев. В 1647 в связи с новым налогом на фрукты вспыхнул мятеж неаполитанского люмпен-пролетариата во главе с продавцом рыбы *Мазаньелло* (см.). Предательское убийство Мазаньелло испанцами не помешало перерастанию уличного мятежа в революцию, поддержанную многочисленными крестьянскими восстаниями и провозгласившую республику под покровительством Франции. Однако, поддержка со стороны Франции оказалась несерьезной, а дворянство и буржуазия, испугавшись руководящей роли плебейских масс в революции, помогли испанцам восстановить свою власть. Такая же судьба постигла и первоначально победоносные восстания в Мессине (1674) и других местах Сицилии. Положение крестьянства и городов не улучшилось и после перехода—в результате войны за *Испанское наследство* (см.)—всего юга И. под власть австрийских Габсбургов (1707), а затем с 1734 к испанск. ветви Бурбонов, образовавших из Неаполя и Сицилии независимое от Испании королевство. Но с наибольшей силой разрушительные результаты испан. хозяйничания обнаружались в такой экономически развитой стране, как герцогство Миланское. В виду особой стратегической важности этой области, связывавшей владения испанских и австрийских Габсбургов и служившей военным барьером против Франции, она была вся застроена крепостями и наводнена испан. солдатами. Военный губернатор, диктаторски управлявший герцогством, и высшие чиновники, на время присылаемые из Испании, проявляли исключительную жадность и смотрели на страну как на источник своего личного обогащения. Крестьяне были раздавлены бременем налогов (*percato*—земельный налог—и др.) и, чтобы не платить их, нередко уничтожали свои дома и посевы. В то же время духовенство, владевшее половиной всей земли, и дворянство были совершенно освобождены от обложения. В результате периодических голодков, сокращения населения, запустения целых районов бюджет герцогства сделался дефицитным и систематически пополнялся из доходов Неаполитанского королевства. Городская промышленность и торговля также находились в состоянии полного упадка. Запрет вести торговлю с Францией, запрет вывоза шелка-сырца и ряд других стеснений

содействовали разорению буржуазии и особенно мелких ремесленников, толкая их на эмиграцию в Венецию и Францию. Некоторый экономический подъем Милан пережил лишь со второй половины 18 в. под властью Австрии, к к-рой он перешел вместе с герцогством Мантуанским в 1714. В этот период возрастает площадь запашки, увеличивается производство шелка и возникают новые мануфактуры. Миланская буржуазия в лице своих выдающихся представителей—экономиста Верри и юриста *Беккариа* (см.), проводивших в И. влияние французских «просветителей»,—пыталась даже, хотя и без особенного успеха, сотрудничать с австр. властями в реорганизации управления Ломбардией.

Ко времени французской революции эта буржуазия была, однако, еще слишком слаба, чтобы играть самостоятельную политическую роль. Из всех государств И. только Пьемонт под властью Савойских герцогов вырос в период иностранного владычества в заметную политическую величину, с к-рой принуждены были все более считаться европейские державы. Используя важное стратегическое положение Пьемонта как «ключа» к Апеннинскому п-ову и его роль буферного государства между Францией и владениями Испании, Савойские герцоги искусно маневрировали в запутанном лабиринте европейской политики, особенно в период непрерывных войн 1690—1748, театром которых снова сделалась И. До конца 17 века в Пьемонте было особенно сильно французское влияние, но позже Савойские герцоги стали принимать активное участие во всех антифранцузских коалициях и по Рисвикскому (1697), Утрехтскому (1713), Вормсскому (1743) и др. мирным договорам получили значительные территориальные приращения. В частности, Утрехтский мир, закончивший войну за Испанское наследство, принес герцогу Виктору Амедею II Сицилию, обмененную потом (1720) на Сардинию, с титулом короля. Экономическая отсталость Пьемонта, страны, исключительно аграрной, сохранившей в неприкосновенности патриархально-феодальные отношения между еще слабо дифференцированным крестьянством и многочисленным мелким дворянством, создала здесь благоприятные условия для раннего установления абсолютистского режима: Феодално-аристократическая оппозиция была сломлена в Пьемонте еще в конце 16 в.; разрозненные крестьянские восстания, вспыхивавшие время от времени на почве тяжелого обложения, легко подавлялись; таким образом, Савойские герцоги могли спокойно сосредоточить свое внимание на вопросах внешней политики. Окончательное оформление сильно централизованного государственного аппарата в Пьемонте произошло, однако, лишь при Карле Эммануиле III и его министре Ормеа («Пьемонтский Ришелье») между 1731 и 1742, причем полицейско-бюрократическая опека над всеми сторонами экономической и общественной жизни была доведена до крайних пределов. Тем не менее здесь с середины 18 века усиливается экономическая мощь буржуазии, все смелее выступающей против феодальных привилегий дворянства, и одновременно приобретают более серьезный характер антифеодальные движения крестьянства, особенно в соседней с Францией Савойе. Французская революция должна была поэтому найти в Сардинском королевстве самый сочувственный отклик. О. Вайнштейн.

ИТАЛИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1789—1871).

И. в период французского владычества. Промежуток времени от французской революции 1789 до освобождения И. от иностранного ига и завершения ее воссоединения в 1870 включает два основных периода. Первый (1789—1847) характеризуется ростом экономической мощи итал. буржуазии севера, поднимавшейся на борьбу за уничтожение абсолютистского порядка и иностранного владычества, пробуждением национально-освободительного движения и оформлением партий различных классов итал. общества. В этот период борьба за воссоединение И. еще не принимает формы общенационального движения, а ограничивается лишь мелкими революционными вспышками в отдельных итал. владениях. Во второй период (1848—71) борьба за воссоединение И. уже носит общенациональный характер и завершается победой. Причем процесс дифференциации классов к этому времени достиг такой степени, что создал раскол итал. общества на два противоположных лагеря, борющихся за различные способы воссоединения И.: на либерально-монархический лагерь, объединивший крупную буржуазию севера и аграриев юга, и революционно-демократический лагерь, охватывавший мелкую и среднюю буржуазию и народные массы всей страны.

Когда в конце 1792 в ответ на заключение Пьемонтom антифранцузского союза с Австрией франц. революционная армия впервые вступила в Савойю, народные массы встречали ее с восторгом. Победоносная революция во Франции пробудила у итал. народа стремление к объединению своей страны и освобождению от феодального гнета. Идеи франц. революции быстро распространялись по всей И. и усилили политическую оппозицию против абсолютистских монархий, господствовавших на Апеннинском п-ове. Представители передовой буржуазии создавали тайные общества, клубы, организовывали митинги, демонстрации и т. д. Правительство итальянских государств отвечало на это движение усилением террора, прибегая к массовым казням. Неудивительно, что весной 1796 франц. армию, позвавшуюся в Северной И. на этот раз во главе с ген. Бонапартом, массы встретили с еще большим восторгом, чем в 1792. В течение нескольких дней Бонапарт вынудил пьемонтского короля Виктора Амедея III заключить перемирие (28/IV 1796), а затем и мир, по к-рому Савойя, Ницца и девять пограничных крепостей были присоединены к Франции, королю остались лишь одна крепость и Турин, французская же армия получила свободный проход через Пьемонт. Разбив австр. войска при Лоди (10/V), Бонапарт занял Милан и продолжал после новых побед над австрийцами свое продвижение по полуострову. Первым политическим преобразованием в И. после вторжения Наполеона явилось учреждение *Циспаданской республики* (см.). Она возникла в результате восстания (25/VIII 1796) в г. Реджо, которое быстро распространилось по всему герцогству Модена и было поддержано франц. войсками. Затем Бонапарт преобразовал Генуэзскую аристократическую республику, создав в ней правление по франц. образцу и переименовав ее в Лигурийскую республику. Завоеванная у Австрии Ломбардия вместе с северной частью Папской области (Романья) была присоединена к Циспаданской республике, к-рая 9/VII 1797 была преобразована

в *Цизальпинскую республику* (см.). *Кампофоррийский мир* (см.) 17/X 1797 между Наполеоном и Австрией закрепил существование Цизальпинской республики. Среди буржуазии Северной Италии этот договор вызвал недовольство Бонапартом, отдававшим Венецию во владение Австрии.

В своих преобразованиях в И. Бонапарт опирался на прогрессивные элементы городской буржуазии—на итал. «якобинцев», проповедывавших принципы свободы, равенства и братства, провозглашенные франц. бурж. революцией. Конституция Цизальпинской республики была выработана представителями третьего сословия на конгрессе нотаблей в Реджо. Республика уничтожила феодальные поборы, секуляризовала церковные земли, ввела равенство граждан перед законом, ввела впервые в И. свободу печати, поощряя пропаганду национальной независимости, выпустила из тюрьмы тысячи людей, замурованных австрийцами и папской властью, и т. д. Вскоре народным восстанием при помощи французских войск в Риме была сброшена светская власть папы (15/II 1798) и учреждена Римская республика (20/III 1798). Не желая иметь по соседству «безбожную республику», король Обеих Сицилий Фердинанд IV Бурбонский примкнул в конце 1798 к новой коалиции против Франции (Англия, Австрия, Россия и Турция) и отправил под командой австр. ген. Мака войска в Римскую республику, занятую французами. Без затруднений овладев Римом (27/XI 1798), войска Фердинанда IV (I) приступили к расправе над сторонниками республики. Но вскоре Мак был разбит франц. армией под командованием ген. Шампийонне. Франц. армия заняла Рим, а затем и Неаполь. Фердинанд с остатками разбитой армии бежал на остров Сицилию. В Неаполе 23/I 1799 была провозглашена *Партенопейская республика* (см.), названная так по древнему имени города. Но, в отличие от восторженной встречи при вступлении французов в Милан, Модену и Рим, здесь им пришлось выдержать упорные бои с деклассированными элементами страны—лаццарони, выступившими в защиту Фердинанда. Экономическое отсталость юга И., крайняя слабость и малочисленность буржуазии, политическое и экономическое преобладание земельной аристократии, сильное влияние духовенства, служившего в течение многих веков оплотом самой мрачной реакции, слабость крестьянского движения и наличие многочисленного развращенного монархией слоя—лаццарони—все это суживало социальную базу Партенопейской республики. И здесь были проведены такие же реформы, как и в Цизальпинской республике. Были отменены привилегии аристократии и духовенства, была выработана конституция, учрежден законодательный корпус и т. д. Исполнительная власть была организована по образцу франц. директории.

В это же время (конец 1798 и начало 1799) франц. войска, пользуясь поддержкой местного населения, заняли Пьемонт и Тоскану. Пьемонтский король Карл Эммануил IV, в 1796 сменивший Виктора Амедея III, вынужден был удалиться на остров Сардинию. Таким образом, к марту 1799 почти вся И. была подчинена Франции. Тогда именно на Апеннинском п-ове появился Суворов во главе русско-австрийской союзной армии. Еще до вступления Суворова в И. в Партенопейской республике началась граждан-

ская война между объединившейся реакцией и сторонниками республики. Приближение Суворова к Апеннинскому п-ову открыло силы реакции. Разбойничьи отряды, организованные в Калабрии и Абруцках приверженцами монархии и попами, то и дело подходили к воротам Неаполя, вырезывая попутно небольшие гарнизоны и представителей республиканских властей. Когда франц. армия была отозвана на север для борьбы с Суворовым, Неаполь остался почти без военной защиты. Кардинал Руффо во главе так наз. «армии веры», состоявшей из отрядов лашцарони и части крестьян, находившихся под влиянием иезуитов, взял Неаполь штурмом. 19/VI 1799 Партенопейская республика была потоплена в крови. Тотчас же в столицу вернулась Фердинанд. Началась жесточайшая, не имевшая прецедентов даже в средневековой истории И., расправа над сторонниками республики. Было посажено в тюрьму ок. 50 тыс. человек, из к-рых более 4 тыс. после мучительных пыток казнено. Этой зверской расправой, руководила королева Мария Каролина, сестра Марии Антуанетты. В это же время французы были вытеснены русско-австрийской армией из Северной И., и Цизальпинская республика была задумана. Здесь также началась расправа со сторонниками республики, хотя австрийцы старались быть менее жестокими, чем Бурбоны, опасаясь восстания против себя ломбардскую буржуазию и особенно среднее сословие Пьемонта, откуда Суворов только что изгнал французов.

В Папской области (Рим), где годом раньше при содействии французов была провозглашена «демократическая республика», реакция была не менее жестокой, чем в Неаполе. Во главе реакции в Риме встал избранный на венецианском конклаве новый папа Пий VII, к-рый и восстановил власть духовенства в Папской области. К началу 1800 победа реставрации в И. была полной и повсеместной, и Австрия могла считать себя хозяином Апеннинского п-ова. Но это было не надолго. Вскоре после государственного переворота 18 брюмера Бонапарт снова появился в И.—уже не в качестве генерала революционной армии, а в звании первого консула. Совершив свой знаменитый переход через Альпы (см. *Наполеоновские войны*), Бонапарт вступил в Ломбардию и, стремительно напад под Маренго на австрийскую армию, нанес ей сокрушительный удар (14/VI 1800). Результаты побед Суворова были утрачены. Австрийцы были вынуждены отказаться от всех своих завоеваний и заключить (9/II 1801) мир (см. *Люневильский мир*). Бонапарт восстановил Цизальпинскую и Лигурийскую республики, а папу Пия VII и Фердинанда Бурбонского заставил смягчить абсолютистский режим в их владениях (дать амнистию, прекратить казни и т. д.). Кроме того, Фердинанд обязался изгнать англичан из гаваней своего королевства и согласился на занятие франц. войсками важнейших из них—Бриндизи, Отранто и Пьомбино. Однако, Партенопейская республика восстановлена не была. Пьемонт и Парма и Пьяченца были заняты франц. войсками и вскоре после того присоединены к Франции. Тоскана же была отдана Бонапартом испанским Бурбонам и превращена в королевство Этрурию.

В конце 1801 Бонапарт созвал в Лионе конгресс 454 нотаблей—представителей Цизальпинской республики—с целью выработать конституцию, подобную французской. Когда 26/I

1802 на заключительном заседании конгресса (консульты) была прочтена новая конституция, Бонапарт переименовал Цизальпинскую республику в Итальянскую, подчеркивая свое сочувствие стремлениям итальянских патриотов. Президентом был избран сам Бонапарт, а вице-президентом—представитель земельной аристократии Ломбардии граф Франческо Мельци. Италия подпала под военную диктатуру Наполеона.

С принятием Наполеоном титула императора французов (1804) он, не желая больше называться президентом, превратил Итальянскую республику в королевство (18/III 1805), возложил на себя корону Ломбардских королей, а вице-королем Итальянского королевства назначил своего пасынка Евгения *Богарна* (см.). Лигурийскую республику Наполеон разделил на 3 департамента и присоединил их к Франции. В этом же году во время войны с третьей коалицией Наполеон нанес сокрушительный удар австрийской и русской армиям под *Аустерлицем* (см.), после чего заставил Австрию заключить *Пресбургский мир* (см.) (26/XII 1805), по к-рому Венецианская область была присоединена к Итальянскому королевству. Против Фердинанда Неаполитанского, присоединившегося к антинаполеоновской коалиции, Наполеон направил свои войска и объявил его низложенным. Победа досталась чрезвычайно легко. Еще до приближения франц. войск Фердинанд вновь бежал в Сицилию под защиту англ. флота, а 30/III 1806 брат Наполеона Иосиф Бонапарт был провозглашен королем неаполитанским. Однако, через два года Наполеон предоставил ему испанский престол, а в Неаполь послал королем своего генерала Иохима *Мюрата* (см.). Тоскана, которую Наполеон раньше сам отдал династии Бурбонов, была теперь отнята у нее и присоединена к Франции (1807). Предлогом для присоединения Папской области к Франции послужил тот факт, что папа Пий VII недостаточно строго придерживался системы *континентальной блокады* (см.): пропускал англ. суда с товарами к берегам своих владений и т. д. Наполеон вначале занял берег Папской области (1/II 1808), а затем, когда папа продолжал нарушать континентальную блокаду, объявил светскую власть папы отмененной и присоединил Папскую область к Франции (1809). Это было последним крупным преобразованием Наполеона в И., к-рая в таком виде осталась почти до крушения наполеоновской империи. Таким образом, в 1808 вся И., за исключением острова Сардинии, где удержалась Савойская династия, и Сицилии, где сохранились Бурбоны, была подчинена Наполеону и состояла из трех основных частей: 1) областей, непосредственно присоединенных к Франции (Пьемонт, Лигурия, Тоскана, Парма, Рим); 2) Итальянского королевства во главе с самим Наполеоном (Ломбардия, Венеция, Романья и Модена); 3) Неаполитанского королевства под главенством Мюрата. Эти перекройки карты И. были произведены без участия местных правительств и тех законодательных палат, к-рые некогда были созданы Наполеоном в Цизальпинской и Партенопейской республиках.

Период франц. владычества не принес И. ни свободы, ни единства, вопреки демагогическим заявлениям Наполеона I. Наполеоновское господство давило И. тяжестью беспрепятственных войн. Но все же во время наполео-

новского господства И. значительно шагнула вперед по пути капиталистического развития, особенно в северной и срединной части полуострова. Были упразднены 22 таможенных барьера, существовавших до появления Наполеона, закрыты почти все монастыри и имущества их секуляризированы; были созданы предпосылки для широкого товарообмена между И. и заальпийскими странами, находившимися в политической системе Наполеона; был введен новый гражданский кодекс; началось усиленное строительство шоссевых дорог, часть к-рых имела международное значение. Милан сделался крупным торговым и промышленным центром, где заметно процветало и банковское дело. Правда, Геную, Неаполь и все побережье Средиземного моря, через к-рое прежде велась торговля с Англией, континентальная система разоряла, Венецию же, имевшую большой торговый флот для сношения с Ближним Востоком, эта система совсем убила. Ряд мероприятий с полной определенностью отражал тот факт, что И. была поработанной страной. Распространение на И. континентальной блокады, воспрещение ввоза английских, богемских, саксонских и швейцарских товаров в Итальянское королевство в 1805—06 (с 1807 могли ввозиться только франц. хлопчатобумажные изделия) превращали И. в своего рода полуколонии Франции. Отмена транзитных пошлин на шелк-сырец, шедший через И. во Францию, обязательство вывозить шерсть из Римской области во Францию, а не в Ломбардию в ущерб развивавшейся в Ломбардии отечественной промышленности, защита Францией своего монопольного положения на итал. рынках регулированием таможенных ставок, всевозможными запрещениями и т. д. были звеньями одной и той же цепи. Сюда же относится и запрет ввозить в И. машины для промышленных предприятий.

Тем не менее, даже в наиболее отсталом экономически Неаполитанском королевстве за 12—15 лет, истекших со времени падения Партенопейской республики, наполеоновский режим расширил свою социальную базу. Кодекс Наполеона, введенный здесь, как и в остальной И., подтвердил равенство всех перед законом. Одновременно были уничтожены все феодальные привилегии. Благодаря таможенному объединению Неаполь сделался крупным торговым центром, дававшим работу, между прочим, и тем десяткам тысяч лаццарони, которые во время Партенопейской республики являлись грозой для наполеоновского режима. Право помещика судить и наказывать живущих на его земле крестьян-испольщиков (они составляли $\frac{2}{3}$ крестьянского населения Неаполитанского королевства) было отменено. Новый режим, уничтоживший феодальные и церковные поборы, уничтожил также и многочисленные государственные подати, существовавшие при Бурбонах под разными наименованиями, и заменил их одним подоходным земельным налогом. Земли же Бурбонов и бежавших с ними аристократов вместе с церковными и монастырскими угодьями были разбиты на мелкие участки, особенно в Калабрии, и проданы крестьянам и среднему городскому люду в рассрочку. Таким образом, духовенство, как злейший враг нового строя, теряло почву для агитации даже там, где еще недавно свирепствовали «руффианцы». К тому же, укреплению популярности нового режима немало содействовали и те несколько тысяч человек — предста-

вителей интеллигенции, которые были вырваны из рук палачей только благодаря наполеоновскому режиму. Наряду с этим новый режим, удовлетворяя потребности крепких крестьян и части городского третьего сословия, беспощадно расправлялся с калабрийскими «бунтовщиками» (безземельные крестьяне). Земельная знать, среднее и высшее духовенство находились в оппозиции. Приблизительно с 1810 стали образовываться пестрые по своему составу тайные общества, сторонники к-рых назывались *карбонариями* (см.). Союз карбонариев («угольщиков») возник на юге И., в Калабрии, в 1808. Это было тайное демократическое общество, ставившее себе целью подготовку вооруженного восстания, направленного в значительной степени против наполеоновского владычества. Их лозунги на первых порах были очень смутны; они называли себя республиканцами и в то же время их идеальной героиней была Мария Каролина из династии Бурбонов. Утверждая, что они—друзья народа, карбонарии одновременно мечтали о восстановлении церковных прав и привилегий. Пока же все сводилось к мелкой террористической борьбе с представителями наполеоновского режима, позднее—к массовому уклонению от военной службы и уплаты налогов и организации мелких восстаний в провинции. При первом же появлении карбонариев англ. правительство отправило в калабрийские ущелья несколько партий ружей, пистолетов, порошу и сабель. Впоследствии Англия обильно субсидировала карбонариев и деньгами. В целом это движение являлось в зачаточном виде предвестником широкой национально-освободительной борьбы. Наряду с карбонариями существовали масоны (см. *Масонство*), разнородностью которых до известной степени были карбонарии. Тайное общество франк-масонов было организацией либеральной буржуазии и либерального дворянства, имевших основание быть недовольными Наполеоном. Оно мечтало о введении в И. англ. порядков, что должно было помочь избежать революции. И карбонарии, и масоны преследовались правительствами. Наполеон поставил И. в положение страны, подвластной другому государству—Франции. Но установленная им же система создавала предпосылки для широкого общественного движения в ближайшем будущем.

И. в период австрийского владычества и революция 1820—21. В 1815 И., согласно решению *Венского конгресса* (см.), снова оказалась расчлененной на восемь государств. Львиную долю вновь захватила Австрия, к-рой досталось так наз. Ломбардо-Венецианское королевство (богатейшие и экономически наиболее развитые области И.). Сардинский король вернулся в Пьемонт, увеличенный Лигурией с прирезками за счет смежных герцогств. В Неаполитанское королевство, снова переименованное теперь в Королевство Общих Сицилий и сохранившее это название вплоть до 1860, вернулись Бурбоны во главе с Фердинандом IV (I). Венский конгресс восстановил власть папы и правителей Тосканы, Лукки, Пармы, Модены. Началась жесточайшая реакция. Полицейский произвол свирепствовал с одинаковой жестокостью в Ломбардии и Сицилии. В Папской области были восстановлены монастыри; даже в Пьемонте, где сохранилась видимость конституционного правления, суды превратились в чисто административное учрежде-

ние, шпионаж и сыск были возведены в систему, большинство университетов подпало под власть иезуитского ордена, была восстановлена строжайшая цензура. Особенно свирепствовал Меттерних в захваченном Австрией королевстве Ломбардо-Венеции, где целая сеть мелких, назойливых, грубых, бессмысленных полицейских придирок отравляла жизнь даже самых мирных обывателей. В Папской области и в Королевстве Обеих Сицилий тюрьмы и казематы вновь заполнились противниками реакции. Опорой реакции во всех итал. государствах, несмотря на различие их экономич. уклада, служили земельная аристократия и духовенство.

Однако, в Королевстве Обеих Сицилий для привлечения на свою сторону крестьянства и части мелких земельных собственников, число к-рых сильно возросло в условиях наполеоновского режима, когда распродавались монастырские и церковные земли, власти сохранили владения за их покупателями. Под давлением дикой полицейской и поповской реакции карбонарии повсеместно, но особенно на юге, стали менять свои лозунги, в их ряды влились представители городской буржуазии; ряды карбонариев пополнились также старым наполеоновским офицерством и чиновничеством. Карбонарии, как единственные выразители общественного движения, еще не выдвигали объединительных лозунгов, а ограничивались борьбой против реакционной реставрации, борьбой за конституцию. Только под этим лозунгом они развернули движение, приведшее в 1820 к восстанию в Неаполе, а в 1821—к восстанию в Пьемонте. Немедленно после революции в Испании (см. *Испания*, Исторический очерк) вспыхнуло восстание в Неаполе. К восставшим в первых числах июля 1820 карбонариям присоединилась часть неаполитанского гарнизона во главе с генералом Гульельмо Пепе; через несколько дней восставшие победили, и 13/VII Фердинанд Бурбонский присягнул на верность конституции (т. н. Испанская конституция), провозглашенной лишь для Неаполя с его областью, но не для Королевства Обеих Сицилий. Правительство было образовано из представителей «конституционалистов». Сразу же движение перекинулось на остров Сицилию, но здесь оно получило автономистски-сепаратистский характер, в основе которого лежало стремление сицилийской земельной знати отгородиться от неаполитанской бюрократии с ее ориентацией на городскую буржуазию и среднего земельного собственника. Сепаратизм Сицилии тайно поощрялся Англией, которая еще со времен Наполеона подговляла захват острова. Противоречия между конституционным правительством в Неаполе и временным правительством в Палермо (Сицилия) достигли скоро такой остроты, что для подавления движения за независимость о-ва primero пришлось послать в Сицилию экспедиционный корпус под начальством генерала Коллетта (в качестве преемника Пепе, высказывавшегося за компромиссное соглашение с Палермо). Этой внутренней слабостью конституционного режима в Королевстве Обеих Сицилий воспользовался Меттерних. По его инициативе был приглашен на конгресс Священного союза в Лайбахе Фердинанд Бурбонский для обсуждения неаполитанских дел. Уезжая из Неаполя, Фердинанд дал клятву отстаивать конституционные гарантии, но спустя некоторое время вернулся в свое коро-

левство во главе австр. экспедиционного корпуса. 7/III 1821 конституционная армия была разбита австрийцами под Риети, и 19/III неаполитанский парламент объявил себя распущенным, приняв предварительно жалкую резолюцию протеста, подписанную всего 25 депутатами во главе с вождем карбонариев Поерио, в к-рой говорилось, что «дело национальной независимости передается в руки провидения, которое одно только и определяет судьбы народов и монархов». Австрийские войска оставались в Королевстве Обеих Сицилий до 1827. И в Пьемонте карбонариям удалось поднять восстание под лозунгом либеральной конституции как-раз в тот момент; когда в Неаполе уже торжествовала реакция. Если в Неаполе восстание ген. Пепе имело по внешности характер военного заговора местного значения, направленного против Бурбонов, то в Пьемонте, экономически более мощном и административно-политически наиболее устойчивом итал. государстве, движение за конституцию уже связывалось с некоторыми, правда, еще очень туманными, общенациональными лозунгами. Движение было организовано гл. обр. северным итал. филиалом карбонариев «*La federazione italiana*», во главе с Конфалоньери, объединением либерально-буржуазных элементов в подчиненном Австрии Ломбардо-Венецианском королевстве, и пользовалось поддержкой «популярного» члена Савойской династии, принца и будущего пьемонтского короля Карла Альберта. Но после предательства сначала Виктора Эмануила I, вынужденного сложить корону, потом его брата Карла Феликса, а затем и «либерального» регента Карла Альберта вспыхнувшее 10/III в ряде городов Пьемонта и поддержанное военными частями восстание было подавлено в месячный срок опять-таки австрийским экспедиционным корпусом. В битве под Новарой (8/IV 1821) австрийцы, вторгшиеся в Пьемонтское королевство по просьбе самой Савойской династии, разбили конституционную милицию, и т. о. Священный союз оказался победителем и на севере И.

И. после 1820—21 и в период Risorgimento («Возрождение»). К 20-м гг. закончился по существу период романтической заговорщической деятельности карбонариев и наступило десятилетие, к-рое даже умеренно-либеральные историки И. относят к самым мрачным периодам реакции. Кровавый поток залил всю И. от границ Швейцарии до южных берегов Сицилии. Виселицы красовались во всех итал. городах. Публичная массовая порка применялась одинаково в Ломбардо-Венеции и в Папской области. Веронский конгресс, созданный Священным союзом в 1823, целиком одобрил действия итал. правителей и, в частности, санкционировал необходимость оставления сильных австр. гарнизонов в Королевстве Обеих Сицилий, а также в Пьемонте. Карбонарские «ложки», при всей туманности и противоречивости своих лозунгов, нек-рое время еще продолжали свою подпольную работу, несмотря на меттерниховскую цензуру, римскую инквизицию, виселицы, порку и каторгу, но после неаполитанской и пьемонтской неудач, вызванных, главным образом, тем, что карбонарии больше огня боялись привлечь на свою сторону низы, особенно крестьянство, начался упадок их организаций. С того же времени среди карбонариев наметился процесс расслоения. Некоторое оживление в их рядах вызвала июльская револю-

ция 1830 во Франции (см. *Франция*, Исторический очерк); Париж до и в особенности после революции 1830 был убежищем для тайных итал. обществ, для успешных скрывшихся из И. карбонариев, уже стоявших теперь на федерально-монархической платформе вместо программы местного конституционализма, как это было во время движения 1820—21. С воцарением *Луи Филиппа* (см.) и особенно после выступления *Лабита* (см.) против принципа интервенции, практиковавшегося Священным союзом, парижский «Комитет итальянского освобождения»—*Comitato di emancipazione italiana*,—имевший широкое разветвление в И., снова попытался поднять восстание в И., возложив свои надежды на «либерального» герцога Моденского. Движение охватило Романью, Модену, Парму и часть Тосканы (февраль—март 1831). В Болонье, как части Папской области, был провозглашен конец папской власти и было образовано «правительство объединенных областей» (*governo delle provincie unite*) (26/II 1831). Однако, карбонарии тщетно ждали помощи от правительства Луи Филиппа; с другой стороны, движение не было поддержано низами, к-рые равнодушно относились к умеренно-либеральным федералистским лозунгам карбонариев. В силу этого через месяц австрийцы, призванные папой и другими владельческими князьями, с триумфом могли вступить в Болонью и др. города. Последний бой был дан австрийцам организаторами восстания под начальством генерала Цукки у Римини (25/III 1831), на другой день правительство объединенных областей капитулировало.

Карбонарии исчезли с арены. Общественное движение, вызванное развитием промышленного капитализма в И. и особенностями социально-экономического уклада различных ее частей, отныне и вплоть до 1848 пошло по другому руслу. В начале 40-х гг. население всего полуострова составляло 24 млн. чел. [наиболее населенными были королевства Ломбардо-Венецианское (5.600 тыс. чел.), Обеих Сицилий (8.500 тыс. чел.), Сардинское (4.500 тыс. чел.) и Папская область (2.700 тыс. чел.)]. Развитие итальянской промышленности тормазилось в конце 30-х гг. скудостью капиталов, отсутствием основных видов сырья (уголь, железо), сохранением феодальных пережитков, задерживавших развитие производительных сил в большинстве итал. государств, и распыленностью страны на ряд независимых государственно-правовых единиц. Основным предметом итал. индустрии являлся шелк, причем это производство было сосредоточено, гл. обр., в Северной И., напр., одна Ломбардо-Венеция выделяла 7 млн. фунтов сырца, Пьемонт (с Генуэзской областью)—2 млн., Неаполь—1.200 тыс., Папская область—800 тысяч. Производство шелка находилось в руках больших мануфактур, распределявших заказы по домашним мастерским кустарей. Более половины пряжи вывозилось за границу из-за недостатка текстильных фабрик. Даже еще в 1837 в Ломбардии насчитывалось всего 30 прядильных фабрик; в 1845 в Миланской области насчитывалось всего 100 жаккардовских машин против 15—16 тысяч ручных станков, разбросанных в крестьянских домах. Все же текстильная пром-сть успешно развивалась, особенно в Ломбардо-Венеции и Пьемонте. Первая железная дорога была построена в 1839, и лишь спустя десятилетие было приступлено к соору-

жению первых металлургических заводов в Милане и Генуе для целей жел.-дор. строительства. В Королевстве Обеих Сицилий, первом по численности населения государстве И., промышленность почти совершенно отсутствовала, здесь 20% населения составляли земельные собственники, получившие земли отчасти по наследству, отчасти после распродажи конфискованных во время Наполеона церковных и монастырских земель. Наряду с этим исключительно тяжким было положение безземельных и малоземельных крестьян (половников и деревенской бедноты вообще). Это и послужило впоследствии одной из решающих предпосылок восстания сицилийских крестьян в 1860. Внешняя торговля более всего была развита в Ломбардо-Венеции. Вывозилось ежегодно товаров на 100 млн. франков, ввозилось на 125 млн., затем следовало Королевство Обеих Сицилий с ничтожными для своего населения цифрами (40 млн. ввоза и почти столько же вывоза); в Папское государство ввозилось товаров на 92 млн. фр., а вывозилось на 31 млн. фр. В Ломбардо-Венеции преобладало крупное помещичье землевладение, в соседнем Пьемонте—среднее, в Апулии и Сицилии—крупное. Исполщина преобладала в Тоскане и Папском государстве, а батрачество—в Ломбардо-Венеции, Эмилии и Неаполитанской области. Об условиях труда рабочего и крестьянского населения можно судить по следующим цифрам. В 1833 сельскохозяйственные рабочие, работавшие на фермах Пьемонта, зарабатывали ежегодно 80—85 лир на хозяйских харчах. В Апулии встречались доходы крестьянской семьи, не превышавшие 0,75 лиры в день, при цене на хлеб в 1 лиру и 20 центезимов за кило. В промышленности в 40-х годах преобладал 12—15-часовой рабочий день. В Ломбардии дневной заработок рабочего на хлопчатобумажных предприятиях колебался от 0,87 до 1,35 лиры в день, на ткацких—от 0,82 до 1,48 лиры. Торговый флот находился только в распоряжении Ломбардо-Венеции, он насчитывал 16 больших судов, 74 малых с 20 тыс. матросов. Пьемонт (вместе с Генуей) имел в 1830 всего 8 крупных судов, 24 малых с экипажем в 10 тыс. чел. Неаполь (без Сицилии) располагал 9 большими судами и 43 малыми, при экипаже в 10 тыс. чел. Сообщение между Венецианской областью и Ломбардией шло по р. По, единственной судоходной итал. реке. Но оно было сопряжено с такими административными и фискальными стеснениями со стороны герцога Моденского, что в течение ряда лет торговцы предпочитали сухопутный транспорт. Это обстоятельство вызвало в 1847 появление проекта таможенной унии между Пьемонтом, Тосканой и Папским государством, но под давлением Австрии проект был отвергнут. Тем не менее, 30-е и 40-е гг. в условиях медленного темпа развития капитализма в И. отмечены ростом и укреплением торгово-промышленной буржуазии, образовавшейся в наполеоновский период. На нее-то и обрушилась по преимуществу тяжесть меттерниховского режима в Ломбардо-Венеции, экономически и политически опиравшегося на местную земельную аристократию и задабривавшего крепкое крестьянство податными льготами. В письме от 9/V 1851 Энгельс писал Марксу: «Австрийцы славно хозяйничают в Ломбардии. После всех контрибуций, повторных принудительных займов, податей, взыскиваемых триж-

ды в год, вводится, наконец, некоторая система. Средние купцы в Лекко должны уплачивать ежегодно 10.000 — 24.000 цванцигеров (350—700 фунтов ст.) — в виде прямых регулярных налогов, *hard cash*. [звонкой монетой]... При этом о ч е н ь щ а д я т крупное дворянство, *i gran ricchi* [крупных богачей] и крестьян; вся тяжесть налогов ложится на *il medio liberale* [либеральный средний слой] городов» (М а р к с и Э н г е л ь с, Соч., т. XXI, стр. 202). Из недр этого среднего слоя и выросло общественно-политическое движение, известное под именем «Молодая Италия», возглавляемое *Мадзини* (см.). Карбонаризм с его расплывчатыми внутренне противоречивыми монархически-религиозными лозунгами не соответствовал больше новому положению вещей, и его сменило движение, выражавшее идеологию средней и мелкой буржуазии, чувствовавшей себя угнетенной реакционностью политического режима, наличием таможенных рога-ток между независимыми друг от друга итал. государствами, австрийским гнетом во всех итальянских государствах, опекаемых Габсбургамы по мандату Священного союза. Отсюда республиканизм нового движения и его лозунги государственного и национального единства Италии в противоположность туманным формулам карбонариев, в представлении которых существовали неаполитанцы, сицилийцы, пьемонтцы, ломбардцы, тосканцы, но не итальянцы.

«Молодая Италия», которой суждено было сыграть крупную роль в истории И. ближайших десятилетий, была основана как партия, или тайное общество, в 1831. Под руководством *Мадзини* «Молодая Италия» начала наводнять И. брошюрами, листовками и прокламациями, призывающими к восстанию во имя республики и национального единства. С 1832 *Мадзини* приступил к изданию журнала «*Giovine Italia*», к-рый приобрел скоро огромную популярность в стране. В особенности *Мадзини* привлекает к себе молодое поколение И. Лозунг «Республика и единство» не мешает *Мадзини* обратиться в 1831 с письмом к пьемонтскому королю Карлу Альберту, однажды уже изменившему национальному движению, но продолжавшему слыть либералом и сторонником выступления против Австрии, с наивным предложением присоединиться к «Молодой Италии» и возглавить ее. В ответ Карл Альберт, выслуживаясь перед *Меттернихом*, заочно приговорил *Мадзини* к тюремному заключению. После бегства *Мадзини* из И. центр новой организации был перенесен в 1832 в Марсель, откуда на протяжении ближайших 15 лет и исходила подготовка заговоров и восстаний то в одной, то в другой части Италии, оканчивавшихся неудачей не столько вследствие превосходства сил противника, сколько потому, что *Мадзини* не считал нужным вовлекать в движение обездоленные крестьянские массы. Вместо этого *Мадзини* предпочитал «моральные законы прогресса», расценивая революцию, как «этическую необходимость» и связывая свою этику с религией. Отсюда его ближайший лозунг «*Dio e popolo*» (бог и народ), выдвинутый после первых революционных выступлений «Молодой Италии». Говоря о *Мадзини*, как о главе «республиканских формалистов Европы», *Маркс* писал: «Обращая внимание исключительно на политические формы государства, эти люди не сумели разглядеть организацию общества,

как основу, на которой покоится политическая надстройка. Кичась своим ложным идеализмом, они считали ниже своего достоинства знакомиться с экономической действительностью. Нет ничего легче, как быть идеалистом за счет других. Человеку пресыщенному легко смеяться над материализмом людей голодных, просящих грубого хлеба, а не возвышенных идей» (М а р к с, *Мадзини* и *Наполеон*, в книге: *Маркс и Энгельс*, Соч., том XI, ч. 1, стр. 508). Если «Молодая Италия» не пыталась втянуть в движение крестьянские массы, то рабочим и ремесленникам *Мадзини* писал: «Вы не должны обманывать себя надеждами на то, что вам удастся добиться освобождения от несправедливых общественных условий, если прежде вы не завоюете себе родины. Не поддавайтесь соблазну улучшить свое материальное положение прежде, чем будет решен национальный вопрос». В духе этого своего учения *Мадзини*, соединявший в себе страстный темперамент, редкий организаторский талант и красноречие, своей деятельностью причинял на протяжении 15 лет исключительные неприятности всем властелинам И., но особенно *Меттерниху* и папе. Однако, «Молодая Италия» боялась подлинно массового народного движения, предпочитая путь заговорщических выступлений отдельных «избранных» из интеллигенции. Под руководством *Мадзини* «Молодая Италия» в 30-е и 40-е гг. организует ряд заговоров, оканчившихся поражением. В 1833 и 1834 «Молодая Италия» организовала два восстания в Пьемонте; первое вовсе не удалось, ибо заговорщики были схвачены до исполнения замысла, второе под руководством *Раморино* кончилось разгромом инсургентов. Последовавшие репрессии показали, что Карл Альберт Пьемонтский, несмотря на свою репутацию «либерала», не уступал в жестокости папским «сбиррам» и королю Общих Сицилий Фердинанду II и его министру полиции, карбонарию-ренегату Делькаретто. В 1837 «Молодая Италия» пыталась поднять знамя восстания в Сицилии, где до сих пор лозунг «Республика и единство» имел мало сторонников. Здесь была сделана также попытка поднять крестьянские массы, но движение было подавлено в зародыше. В том же 1837 в Неаполе свирепствовала холера, особенно среди мелкого городского люда. «Молодая Италия» подняла там восстание, сильно встревожившее правительство Бурбонов. Но эпидемия затихла, восстание было подавлено, 94 чел. повешено, три тысячи брошено в тюрьму и публично высечено розгами и плетью. В 1843 деятели «Молодой Италии» организовали восстание в Романье (Папское государство) против папы Григория XVI, к-рый за шестнадцать лет своего понтификата (1831—1846) довел разнузданную свирепость римской инквизиции до таких пределов, что одно время даже *Меттерних*, считавший этот период «золотым веком» для И., советовал папе умерить усердие. Но восстание было быстро подавлено папскими войсками, и Григорию XVI даже не понадобилось, как это случилось в 1831, призвать на помощь австр. гарнизоны из герцогства Моденского. Наконец, в 1844 восстание готовилось в Королевстве Общих Сицилий под начальством братьев Бандьера. Предполагалось, что братья Бандьера, служившие в австр. флоте, высадутся со своими повстанческими отрядами в южной Калабрии и оттуда начнут наступление на столицу королевств-

ва при поддержке местного населения. Мадзини из Марселя, где находился главный штаб «Молодой Италии», настойчиво советовал отложить экспедицию, которая казалась ему недостаточно подготовленной. Английская полицейская агентура перехватывала корреспонденцию и сообщала обо всем бурбонской полиции. Участники десанта были схвачены и без суда расстреляны.

Эти повторные неудачи заговорщически-повстанческого движения откололи от «Молодой Италии» значительную часть колебавшихся элементов. Одновременно в Сев. И. (Ломбардо-Венеция и Пьемонт), к-рая более всего чувствовала на себе австр. гнет, в недрах состоятельных классов стало оформляться движение с умеренно-либеральными тенденциями, усвоившее от лозунга Мадзини «Республика и единство» только последнюю часть, считавшее, что либеральный Пьемонт и его династия способны выполнить задачу объединения страны в рамках монархии. Деятели движения, вошедшего в историю под названием «Risorgimento», стремились воссоединить И. «сверху», избегая революции. Во главе этого движения стояли пьемонтские деятели Бальбо, Адзелио и позднее *Кавур* (см.), выходяцы из земельного дворянства Пьемонта и торгово-промышленной буржуазии Ломбардии, экономические интересы к-рой требовали прежде всего освобождения от чужеземной, австр., власти и решения проблемы внутренних рынков путем объединения страны. Видный идеолог этого движения *Джосберти* (см.) в своем капитальном труде, ставшем евангелием для молодого поколения И., «Primato morale e civile degli italiani» (1843), исходя из тех же мистико-идеалистических положений, что и Мадзини, искал решения задачи объединения И. в федерации итал. государств под председательством папы. Но все общественные течения ставили во главу угла борьбу за освобождение Италии от австрийцев, как главной помехи к объединению. Национальная революция приближалась.

Революция 1848—49 и австро-итальянские войны. 40-е годы, как было отмечено выше, ознаменовались значительными успехами в промышленном развитии И. Машинное производство, начало к-рого было положено в текстильной пром-сти Ломбардии в 30-х гг., начинало проникать и в прочие отрасли промышленности и распространяется по другим областям страны (механизация в добычании серы на рудниках Сицилии, усовершенствования в производстве оливкового масла в Центральной И. и др.). В 40-х гг. заканчивается постройка первых ж.-д. линий И. (линии: Неаполь—Портичи, прокладка к-рой началась в 1839; Милан—Венеция—в 1840; Ливорно—Пиза—в 1843). Однако, в своей промышленной деятельности буржуазия встречает сопротивление со стороны отдельных монархов. Так, например, король Обейх Сицилий Фердинанд II не хотел разрешить строить железных дорог в своем королевстве. Абсолютистский строй, австр. владычество и раздробленность теперь особенно ощущаются как тормазы промышленного развития страны. Перед буржуазией более остро встает вопрос о необходимости создания внутреннего рынка для своей промышленности, чего возможно было достичь лишь воссоединением страны. — Что касается широких народных масс, то они страдали от абсолютистского порядка в еще большей мере, чем буржуазия.

Крестьянство оставалось забитой, полунищей массой, все больше обезземеливалось и не находило в городе работы. Ремесленный пролетариат городов также влчил жалкое полунищее существование, подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны торгово-промышленной буржуазии. Многие из ремесленников, разоряемые конкуренцией крупной промышленности, к-рая не могла их занять в производстве в широких размерах, превращались в люмпен-пролетариев. Массы на Апеннинском п-ове испытывали тройной гнет—феодальный, капиталистический и иноземный.

Папская власть в Риме первой почувала надвигающуюся новую грозу и предприняла ряд реформ. Папа Пий IX, занявший в 1846 место Григория XVI и имевший репутацию либерала, оправдал надежды умеренной буржуазии. Он дал амнистию политическим заключенным, отменил предварительную цензуру, реорганизовал суд на светских началах, учредил консулту—государственный совет из светских лиц, правда, с совещательными функциями,—и создал национальную гвардию. Ремесленник *Чичеруаккио* (см.), популярнейший вождь римской мелкой буржуазии, затмивший на нек-рое время Мадзини, организатор массовых народных демонстраций и шествий к папскому дворцу, открыто призывал Пия IX стать во главе национальной-освободительного движения. Либеральные реформы последовали и в ряде других итал. государств, в частности, в великом герцогстве Тосканском и особенно в Пьемонте, где Карл Альберт, из опасения, что национальное движение ускользнет из его рук, вспомнил вдруг о своем былом либерализме. Карл Альберт находился под сильнейшим давлением окрепшей за последнее десятилетие пьемонтской торгово-промышленной буржуазии. Среди городских слоев Королевства Обейх Сицилий события в Пьемонте, Тоскане и Риме нашли живейший отклик. Однако, король не сразу согласился на конституционные реформы. Потребовалось народное восстание в Палермо (январь 1848), к-рое Фердинанд пытался подавить путем артиллерийской бомбардировки, восстание в Неаполе и изгнание ряда бурбонских гарнизонов из Сицилии, чтобы «король-бомба» (прозванный так за бомбардировку Мессины) согласился на конституцию и на назначение либерального министерства (28/I 1848) вместо полицейского правления Делькарретто. Грянул гром февральской революции во Франции и мартовской в Вене. Вследствие возбуждения умов в столице Ломбардо-Венеции австр. главнокомандующий и правитель фельдмаршал *Радецкий* (см.) объявил Милан на осадном положении (18/III). Массы в тот же день ответили на эту провокацию восстанием. Сражение на улицах Милана длилось пять дней (они вошли в историю И. как «история 5 дней») и закончилось триумфом восстания. Энгельс назвал миланскую революцию «самой славной революцией из всех революций 1848 г.» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 259). Радецкий со своей 75-тысячной армией был вынужден покинуть Милан, отступая на Мантую и Верону. Накануне восстания в Милане преобладали лозунги умеренных либералов, но с изгнанием Радецкого движение стало переходить в руки республиканцев-мадзинянцев (унитариев) и республиканцев-федералистов, возглавлявшихся *Каттанео* (см.), признанным вождем городской мелкой буржуазии. В этой

обстановке, сулившей Савойской (Сардинопьемонтской) династии потерю ее популярности как единственно национальной династии, способной объединить Италию под своим главенством, ей не оставалось ничего другого, как послать в Вену, вслед отступавшему Радецкому, объявление войны. Это был акт, продиктованный обстановкой в самом Пьемонте, где уже намечалась коалиция земельного дворянства с торгово-промышленной буржуазией, соответствовавший также интересам имущих классов в Ломбардо-Венеции, особенно городской буржуазии. Здесь австр. владычество не имело опоры даже среди земельной аристократии, к-рая в результате быстрого роста промышленного капитализма во всей Сев. И. все более тесно срасталась экономически с промышленной буржуазией. Представители самых знатных аристократических родов принимали активное участие в акционерных обществах средних и крупных ткацко-пряделных, хлопчатобумажных, шелкообрабатывающих и иных предприятий, густой сеть покрывших богатую Ломбардскую область и превративших ее вместе с Восточным Пьемонтом и Лигурией (Генуей), где широко развивались крупное судостроение и железодобывающая промышленность, в основную базу будущей индустриализованной И. Развитию производительных сил мешала прежде всего австр. феодально-бюрократическая система; в борьбе против нее коалиция промышленной буржуазии с земельной знатью рассчитывала на участие городских низов, сохраняя гегемонию за собой. Карл Альберт объявил Австрии войну (24/III), и пьемонтская армия вторглась в Ломбардию. В сражениях особенно героически дрались волонтерские отряды, сформированные Д. *Гарибальди* (см.), вернувшимся из Юж. Америки в начале революционных событий.

Одновременно с событиями в Милане восстание вспыхнуло в Венеции под руководством мадзиниста Манина. После робких попыток сопротивления австр. оккупанты, напуганные мартовской революцией в Вене, бежали, сдав оружие восставшим. В Венеции была провозглашена республика. 23/VIII произошло восстание во Флоренции (столица Тосканы). Рабочие и ремесленники захватили здесь оружейные магазины и освободили из тюрьмы арестованного накануне популярного в народе писателя Гверацци. Герцог Леопольд II вынужден был призвать Гверацци к образованию радикального министерства, выставившего вскоре требование созыва всеитальянского Национального собрания. Движение охватило и другие итал. государства. Добровольческие части стали стекаться со всех концов И. Под сильнейшим давлением со стороны народного движения правительства Тосканы и Обеих Сицилий и даже папа Пий IX прислали в помощь Пьемонту войска, хотя и без формального объявления войны Австрии. При этом папа в послании к коллегии кардиналов заявил, что его войска посланы на север с исключительной целью отстоять целостность и неприкосновенность Церковной области. Двусмысленные оговорки сделал на всякий случай и Фердинанд Бурбонский в Неаполе, обязанный своим тронном милости Габсбургов еще со времени Священного союза. Постепенно эти «союзники», опасаясь в случае победы над Австрией усиления Пьемонта и растущего национально-освободительного движения, стали сни-

мать свои войска с фронта. 25/VII после ряда военных успехов пьемонтская армия потерпела жестокое поражение под Кустоцой. Карл Альберт против воли населения сдал Милан австрийцам. Венеция стойко держалась против Радецкого. Однако, в Риме Пий IX под влиянием известий о победе Контрреволюции в Вене стал решительно отступать от своего прежнего либерализма. Он отозвал все свои войска из Северной Италии и открыто высказался за полную капитуляцию перед Габсбургами. Эта политика стоила жизни папскому премьеру Пеллегрини Росси. 15/XI он был убит возбужденной народной массой, Пий IX бежал переодетым в крепость Гаету, где стояли войска Королевства Обеих Сицилий. Нараставшее народное движение в Риме привело спустя 2 месяца к провозглашению Римской республики во главе с триумvirатом Мадзини, Саффи и Армеллини (9/II 1849). Созванное учредительное собрание санкционировало образование республики и полную ликвидацию светской власти папы. Был образован военный комитет с поручением создать армию для отправки на помощь Пьемонту, на к-рый все сильнее наступал Радецкий. Триумvirат имел диктаторские полномочия, но не содействовал разворачиванию широкого массового движения снизу и особенно среди крестьянства. А между тем крестьянство Папской области и, в частности, Римской Кампаньи, пребывавшее в более безнадежном порабощении, нежели рабство их предков эпохи Римской империи (M a p k c), требовало хлеба, конфискации земель крупных владельцев и огромных поместий римской курии.

Через несколько дней после провозглашения Римской республики началось народное движение в великом герцогстве Тосканском. 21/II Леопольд II (наследовавший Фердинанду III) бежал, и тосканский парламент провозгласил Тоскану, территориально соприкасающуюся с Папским государством, республикой. Обстоятельства войны на Севере тем временем стали складываться неблагоприятно для Пьемонта. После 7 месяцев перемирия (август 1848—март 1849) война возобновилась. Австрийцы, успевшие стянуть большие силы в долину Ламбардии, 24/III в сражении под *Новарой* (см.) разгромили пьемонтскую армию. Венеция, осажденная Радецким, несмотря на холеру, голод и непрерывную бомбардировку города австрийцами, мужественно сопротивлялась вдесятеро сильнейшему неприятелю. Однако, после поражения пьемонтцев под Новарой падение Венеции стало только вопросом времени. Контрреволюция в Вене и события под Новарой облегчили «королю-бомбе» в Неаполе разрыв с антиавстрийским народным движением и одновременное усиление реакционных мер. В апр. 1849 Фердинанд II Бурбонский разогнал парламент, подавил восстание в Палермо и Мессине, разгромив последнюю жесточайшей бомбардировкой, и отменил конституционную хартию, провозглашенную год назад. Римской же республике был нанесен совершенно неожиданный удар со стороны Франции, тогда как триумvirат после Новары ждал нападения именно со стороны победоносной Австрии. Президент франц. республики Луи Наполеон, искавший поддержки у католического духовенства, под предлогом противодействия Австрии на Апеннинском п-ове отправил в Рим 16/IV военную экспедицию под на-

чалством ген. Удино. 25/IV 1849 французский корпус высадился в Чивита-Веккии и начал наступление на Рим. По настоянию Мадзини учредительное собрание решило оказать сопротивление. Вместе с тем на подступах к Риму были расставлены плакаты, на к-рых была начертана 5-я статья действовавшей тогда франц. конституции («французская республика никогда не посягает на свободу другого народа»), но это не помешало Удино атаковать Рим. 3/VII 1849 Рим после схватки французов с гарibaldiйскими частями пал. Папа вернулся в свою столицу при помощи франц. штыков. Через месяц с лишком пала и героическая Венецианская республика (22/VIII). Карл Альберт Пьемонтский, разбитый австр. корпусами, бежал за границу и отрёкся от престола в пользу своего сына *Виктора Эммануила II* (см.), к-рый должен был подписать унижительный мир с австрийцами. На всем полуострове установилась жесточайшая реакция, и Италия осталась такой же раздробленной и порабощенной, как накануне 1848.

Основной причиной поражения революции в Италии является слабое участие в ней крестьянства. Руководители революции, мелкобуржуазные революционеры типа Мадзини, боялись массового крестьянского движения, не связывали национальную революцию с аграрной. С другой стороны, итальянская революция достигла своего кульминационного пункта в то время, когда европейская революция переживала нисходящий фазис своего развития. Революционные правительства в Риме, Тоскане и Венеции были установлены уже после подавления июньского рабочего восстания в Париже. Это дало возможность европейской реакции организовать интервенцию против революционной И. После подавления революции среди итальянских государств выделился Пьемонт, обнаруживший стойкость и прочность своей государственной организации, крепость армии, несмотря на нанесенное ей поражение. К тому же продолжение либерально-демократического курса обеспечивало Виктору Эммануилу популярность среди мелкой буржуазии всего полуострова и ее поддержку при возобновлении борьбы за единство И. под гегемонией Пьемонта. Поэтому в то время как в соседней Ломбардо-Венеции австр. наместники публично секли женщин и открыто грабили все слои населения путем принудительных займов и повышения земельного налога до 28% дохода, Виктор Эммануил при правительстве Массимо Адзелио (1850) провел через парламент упразднение последних остатков церковных привилегий, уменьшил поземельный налог на средние и мелкие владения и т. д. *Кавур* (см.), впервые участвовавший в этом правительстве в качестве министра торговли и земледелия, начал проводить политику свободы торговли, обеспечивавшую торговые договоры с Англией и Францией и особенно с югом И. Спустя два года после ухода Адзелио образование правительства было поручено *Кавуру*, к-рый оставался у власти вплоть до 1859, опираясь на парламентское большинство из конституционалистов и либералов и имея против себя оппозицию только в лице консерваторов, представлявших земельную аристократию Пьемонта. Однако, бурные события 1848—49 и их печальный для национально-освободительного движения исход внесли ясность в положение с точки зрения дальнейшей расстановки общественных сил. Ненависть к

Австрии, как порабощительнице и опоре реакции, сделалась общей. Казалось одно время, что многому научились и революционные деятели школы Мадзини. После разгрома Римской республики Мадзини Гарibaldi, выдвинувшийся как организатор и полководец в столкновениях с франц. генералом Удино под стенами Рима (1848), и Манин эмигрировали. Мадзини из Лондона непосредственно руководил восстаниями в Мантуе (1852), Милане (1853), Генуе (1857) и Ливорно (1857). В частности, о миланском восстании, где относительно небольшая группа городского люда, ремесленников, рабочих, плохо вооруженная (большой частью только ножами), осмелилась напасть на 40-тысячную армию лучших войск Европы, Маркс писал: «Это большой прогресс, что партия Мадзини, наконец, пришла к убеждению, что даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма играют роль классовые различия и что не от высших классов можно ожидать в наше время революционного движения. Может быть, сторонники Мадзини сделают еще один шаг вперед и придут к сознанию, что им надо серьезно заняться материальным положением итальянского крестьянства, если они хотят найти отклик своему лозунгу „Dio e popolo“ (бог и народ)» (Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 284). Партия Мадзини этого, однако, не сделала, и национально-объединительное движение пошло по другому руслу. Только очень немногие мадзинианцы поняли значение крестьянского восстания. Сюда надо отнести группировку Карло *Пизакане* (см.), единственного революционного деятеля эпохи национально-освободительной войны, понимавшего значение классовой борьбы. Но и группировка Пизакане находилась под сильнейшим влиянием Мадзини, с к-рым Пизакане в качестве военного комиссара сотрудничал при защите Римской республики в 1849. О влиянии мадзинианских методов свидетельствовали заговорщическая экспедиция, предпринятая Карлом Пизакане в Королевстве Общих Сицилий с целью поднять там крестьянство (1856), и занятие вооруженной силой острова Понца, завершившееся убийством самого Пизакане и участников экспедиции калабрийскими крестьянами. Экспедиция в Капри составляла исключение, ибо в целом движение уже с 1855 стало концентрироваться вокруг Пьемонта.

Значительная часть мадзинианцев рассчитывает только на организованную государственную силу Пьемонта и особенно на помощь извне, хотя бы даже из рук Наполеона III, к-рый в 1849 задушил Римскую республику. Уже в 1855 Кавур, учитывая растущее значение Савойской династии и новейшую расстановку сил в И., примкнул к англо-французской коалиции во время войны (см. *Восточный вопрос*) и, чтобы обеспечить за Пьемонтом голос на будущем мирном конгрессе, послал пьемонтский экспедиционный корпус к стенам Севастополя. В конце июля 1858 на конспиративном свидании с Наполеоном III в Пломбьере Кавур окончательно договорился с палачом римской свободы о совместной войне против Австрии; в случае успеха Пьемонт должен был получить Ломбардию и Венецию и отдать Франции Ниццу и Савойю, кроме того, Тосканское государство усилилось бы за счет Папской области. Это означало по существу подмену национально-объединительного движения приращением терри-

тории Пьемонта. Часть мадзинианцев во главе с б. вождем Венецианской республики Манино одобрила эту тактику Кавура. Образованная Манино уже в 1855 организация под названием «Società nazionale italiana» имела своим девизом: «Италия и Виктор Эммануил».

В январе 1859 тайный договор Кавура с Наполеоном III был подписан, и в апреле началось война с Австрией, после того как австр. дипломатия поставила Пьемонту ультиматум разоружиться в трехдневный срок (см. *Австро-итальянская война 1859*). Наполеон III послал в И. 150-тысячную армию, частью морем (через Геную), частью через Альпы. Пьемонт выставил 90 тыс. чел. Под Мадженто австр. армия понесла первое жестокое поражение (3/VI) и тотчас же Наполеон III и Виктор Эммануил вступили в столицу Ломбардии—Милан. 24/VI австр. армия, находившаяся под личным командованием императора Франца Иосифа, потерпела второе и окончательное поражение под Сольферино. Но Наполеон III всерьез предал И. Спустя несколько дней он за спиной Виктора Эммануила заключил с Австрией перемирие (в Виллафранке), по которому только Ломбардия переходила к Пьемонту, а Венецианская область оставалась в руках Австрии. Наполеон спешил заключить мир, опасаясь, во-первых, военных осложнений на Рейне со стороны Пруссии, где недвусмысленно стали говорить о том, что естественная граница Германии—это река Минчо в Ломбардии (Энгельс, *Савойя, Ницца и Рейн*, в кн.: Маркс и Энгельс, *Сочинения*, том XII, часть 1), во-вторых, дальнейшего распространения национально-освободительного движения, которое охватило Среднюю и Южную И. в связи с военными успехами Пьемонта против Австрии, предвещаая образование новой великой державы на южных границах Франции. При первых же известиях о поражении австрийцев волна национального движения в Тоскане, Парме и Модене смела герцогов, ставленников габсбургской империи; образовавшиеся там новые правительства из конституционалистов и отчасти умеренных мадзинианцев провозгласили немедленное присоединение этих государств к Пьемонту. Этому примеру последовала и Романья как часть Палского государства: папский губернатор был прогнан, войска присягнули на верность Пьемонту. Когда же после мира в Виллафранке предательство Наполеона III открыло глаза даже неисправимым «патриотам», к-рые склонны были толковать расширительно известный лозунг своего вождя Массимо Адзелио «L'Italia farà da se» (Италия создастся своими собственными усилиями) и считали необходимым сотрудничество с Наполеоном, негодование охватило не только мадзинианцев, но и сторонников Кавура. Сам Кавур в виде протеста против Виллафранкского мира сложил свои полномочия. Однако, в январе 1860 он снова вернулся к власти и 24/III подписал договор о переходе Ниццы и Савойи к Франции. В свою очередь Наполеон III не возражал против присоединения Тосканы, Пармы, Модены и Романьи к Пьемонту, хотя уже на началах федерации. В марте 1860 был проведен плебисцит, официально оформивший это присоединение.

В том же направлении, но в более революционных формах, развивались события в Южной И. Народные массы Королевства Обеих Сицилий, узнав о событиях на севере, также подня-

лись. Республиканская партия решила притти на помощь движению на юге. В мае 1860 в Генуе, где партия была наиболее сильна, была снаряжена экспедиция на юг во главе с Гарибальди (знаменитая гарибальдийская «тысяча» краснорубашечников). Кавур и Виктор Эммануил, стремившиеся завоевать Южную И. для Савойской династии, не мешали экспедиции Гарибальди, хотя официально отмежевывались от нее. Преемник «короля-бомбы» (умершего в мае 1859), Франциск II, видя силу движения, решил дать конституцию Королевству Обеих Сицилий. Но это не помогло. Весь юг был охвачен восстанием. 11/V экспедиция Гарибальди (см. карту) высадилась в Марсале (Сицилия). В столице о-ва Палермо в это время происходили кровопролитные баррикадные бои между восставшим народом и бурбонской армией. 27/V отряд Гарибальди вступил в Палермо. По пути из Марсалы в Палермо к Гарибальди присоединялись многочисленные партизанские отряды восставших крестьян. Энгельс отмечает, что уже в Салеми (недалеко от Марсалы) к Гарибальди присоединились 4.000 вооруженных крестьян (см.: Маркс и Энгельс, *Соч.*, т. XII, ч. 2, стр. 61). Активная поддержка сицилийского крестьянства обеспечила Гарибальди победу. Под диктовку Наполеона III Виктор Эммануил обратился к Гарибальди с письмом, в к-ром призвал его не итти из Сицилии на материк (в Неаполь). Но Гарибальди пренебрег этим обращением и был встречен в Неаполе с еще большим энтузиазмом народных масс, чем в Сицилии. В сентябре 1860 в руках Гарибальди была вся Южная И., и он был провозглашен диктатором. Тогда он решил предпринять поход в Палскую область. Теперь уже перепуганные Виктор Эммануил и Кавур по требованию Бонапарта решили отправить сардинскую армию навстречу Гарибальди. «Самый податливый слуга французского императора» (Маркс и Энгельс, *Соч.*, том XII, часть 2, стр. 157), как Маркс называл Кавура, испугался, что революционное республиканское движение приведет к падению монархии. Виктор Эммануил выпустил прокламацию, в к-рой призывал народ к примирению с монархией и объявил «конец революции».

В этой прокламации он проклинал Гарибальди и республиканцев за «распространение анархии» на юге Италии, а сам двинул свои войска в Королевство Обеих Сицилий. Таким образом «объединители» И.—Виктор Эммануил II и Кавур—решили использовать «революцию снизу»—народное движение на юге—в интересах Савойской династии, «присоединить кусок за куском те части итальянской территории, которые может завоевать меч Гарибальди или которые смогут оторвать от прежних властителей народные восстания» (Маркс, *Интересные новости из Сицилии*, в кн.: Маркс и Энгельс, *Сочинения*, том XII, ч. 2, стр. 95). Пьемонтское правительство потребовало от Гарибальди присоединения Южной Италии к Пьемонту. Но Гарибальди не спешил с присоединением. Однако, оно было фактически вынуждено 20-тысячной пьемонтской армией, прибывшей в Неаполь. А для того, чтобы стать королем И. «божьей милостью и по воле народа», Виктор Эммануил счел необходимым провести плебисцит, решивший вопрос о присоединении положительно (октябрь 1860). В январе 1861 был избран всеитальянский парламент, состоящий благодаря высокому цензу почти из

одних сторонников Кавура. Пьемонтская конституция без изменений была перенесена на все Итальянское королевство. Таким образом, в результате войны и революции 1859—60 почти вся И. была воссоединена; но Савойская династия и либерально-монархич. буржуазия сумели задуть революцию и воспользоваться ее плодами для завершения воссоединения «сверху». Важнейшим условием такого исхода революции было подавление восстания на юге И.

Завершение воссоединения И. Неприсоединенными к И. остались Венецианская область и часть Папской (Рим). Правительство Виктора Эммануила II, находившееся после войны 1859 под сильным влиянием Наполеона III, опасалось взять на себя инициативу борьбы за присоединение Венеции и в особенности Рима, где с 1849 стоял франц. гарнизон. И теперь, как и раньше, окончательное объединение И. зависело от силы революционного движения. «Войною и революцией 1859—1860 гг. итальянцы остались недовольны», — писал Энгельс. Народные массы стремились к окончательному изгнанию австрийцев и к свержению папской власти. И вот в 1862 Гарибальди снова движется в поход со своими легендарными краснорубашечниками. Он высаживается в Калабрии, чтобы оттуда начать поход на Рим. Наполеон III сейчас же отправил подкрепление своему гарнизону в Рим и потребовал от Виктора Эммануила ликвидации похода Гарибальди. Услужливый король не замедлил выпустить прокламацию с угрозами по адресу Гарибальди и всех «мятежников» и отправил экспедицию для подавления нового восстания. Во время перестрелки у Аспромонте между гарибальдийским отрядом и армией Виктора Эммануила Гарибальди был ранен и взят в плен. В виду мощного протеста, к-рый поднялся в стране против новой измены короля, Гарибальди был «амнистирован» и отправлен на «свою Капреру», как Виктор Эммануил называл место фактической ссылки Гарибальди. Результатом этого народного движения было компромиссное соглашение (известная Сентябрьская конвенция 1864) между Наполеоном III и Виктором Эммануилом, по которому Наполеон согласился на постепенную в течение двух лет эвакуацию Рима, а Виктор Эммануил — не претендовать на Рим, как на столицу И., перенести столицу из Турина во Флоренцию и организовать армию для охраны светской власти папы. Недовольство компромиссной политикой правительства по римскому и венецианскому вопросам вызывает в Турине два восстания (в 1864 и в 1865). Это опять заставило Виктора Эммануила искать путей присоединения Венеции и Рима.

По инициативе *Бисмарка* (см.), в планы которого входило привлечь И. на свою сторону, и при посредничестве Наполеона III в 1865 было заключено соглашение между И. и Пруссией, по к-рому Бисмарк обещал помочь И. приобрести Венецию за ее участие в Австро-прусской войне. Когда в 1866 началась эта война, Гарибальди снова участвовал в ней с отрядом краснорубашечников. Армия Виктора Эммануила потерпела несколько поражений, но после разгрома прусскими войсками при Садовой (3/VII) Австрия вынуждена была сдаться. При посредстве Наполеона она предложила Пруссии и И. мир, согласно к-рому уступала франц. императору Венецию для передачи ее И. Теперь неосвобожденным остался только Рим. Окрыленный своими победами над австрийцами,

Гарибальди бежал с Капреры и во главе своих героических краснорубашечников снова пустился в 1867 в поход на Рим. Итальянское правительство немедленно отправило экспедицию против Гарибальди. Наполеон III, уже не полагаясь на одних piemontцев, послал франц. корпус для «защиты папы», высадившийся в Чивита-Веккии, и 3/XI в битве при Ментане Гарибальди потерпел жестокое поражение. Итальянская, папская и французская армии сообща расправились с гарибальдийцами, а король, «освободитель» И., отправил Гарибальди под конвоем на Капреру. Так кончился последний поход героя И. Наполеон III, выведший на время французский гарнизон из Рима, теперь снова оставил там свой корпус, а премьер-министр Франции торжественно заявил в палате, что «Италия никогда не овладеет Римом». К этому времени правительству Итальянского королевства пришлось столкнуться со стачечным движением рабочих и крестьянскими волнениями на юге и в Центральной И. Эти движения были вызваны фискальной политикой правительства. Прошедшие в продолжение менее чем 20 лет три австро-итальянские войны сильно ухудшили финансовое состояние государства. Буржуазно-помещичье правительство И. искало выход за счет народных масс. Так, отмененный под напором революции 1859—60 крайний обременительный и для крестьян и для рабочих-потребителей налог на помол в 1868 вновь был восстановлен.

Рабочие стачки этого времени нужно рассматривать в связи с зарождавшимся в И. в 60-х гг. самостоятельным рабочим движением. Последнее дает себя знать вскоре после образования Итальянского королевства. Уже в 1862 в Милане, Генуе и др. городах И. создаются тайные рабочие общества взаимопомощи и начинается пропаганда идей социализма среди рабочих. А с 1865, после возникновения 1-го Интернационала (см. *Интернационал 1-й*), в различных городах И. (в Милане, Флоренции, Генуе, Болонье, Неаполе и др.) образовывались его секции. Большинство из них вначале носило анархич. характер, но среди промышл. рабочих севера проповедь анархистов не пользовалась особым успехом. Стачки 1868 и 1869 в Милане и Генуе проходили под влиянием секций Интернационала. Кое-где начинала возникать и пролетарская периодическая печать («Il proletario» — во Флоренции, «Liberta» — в Неаполе — и др.). Эти новые явления в общественной жизни И. явились естественным следствием промышленного развития И. за истекшее десятилетие. 60-е гг. характеризуются быстрым ростом промышленности и транспорта. За эти годы в И. создаются крупные предприятия тяжелой индустрии: металлургические заводы в Пьемонте и Ломбардии, судостроительные верфи в Генуе и т. д. Если в 1859 длина железных дорог всех итал. государств равнялась 1.439 км, то к 1871 она достигала 6.377 км, т. е. увеличилась в 4½ раза. В это десятилетие быстро развилось строительство шоссейных дорог и почтово-телеграфных учреждений; был прорыт Монсенский тоннель (через Frejus, 12 км), получивший мировую известность. Общая стоимость ввоза и вывоза И. с 1861 до 1871 увеличилась на 800 млн. лир.

Между тем, католический Рим все еще оставался неприсоединенным к И. К тому же Рим служил центром реакции и мракобесия, центром, куда стекались бывшие итал. князьки, ин-

триговавшие против единой И. Это возмущало широкие массы и все острее выдвигало вопрос о борьбе за Рим. Возмущение масс усилилось в связи с созывом папой Пием IX (в 1870) Вселенского собора для провозглашения догмата о папской непогрешимости. В созыве собора, к-рый охранялся бонапартистской армией, возмущенные массы видели вызов со стороны католической реакции и Наполеона III—главных душителей национально-освободительного движения И. Один из помощников Гарибальди, Биксио, сформировал отряд добровольцев, состоявший из рабочих и мелкобуржуазных элементов, и направился в Чивита-Веккию, где находился франц. гарнизон. В это же время (19/VII 1870) началась *Франко-прусская война* (см.). Только после первых поражений в войне с Пруссией Наполеон вынужден был отозвать свой гарнизон из Чивита-Веккии. Уход франц. войск облегчил продвижение повстанческого отряда гарибальдийцев в Папскую область. В самом Риме начались волнения, перераставшие в революцию. Когда отряд добровольцев уже находился около Рима и одержал ряд успехов против папских войск и когда после Седана рухнула наполеоновская империя, Виктор Эммануил, пытавшийся вначале компромиссным путем договориться с папой, решил послать свою армию в Рим. Когда добровольцы во главе с Биксио уже пробрались в городском валу (19/IX), Виктор Эммануил II приказал своим солдатам вступить в Рим (20/IX). Папа, видя бессмысленность сопротивления, пригласил к себе посланца и заявил им, что «уступает силе», а сам заперся в Ватикане и демонстративно провозгласил себя перед всем миром «моральным пленником».—Скоро после занятия Рима итал. правительство провело плебисцит (3/X) для официального завершения присоединения. Но прежде чем выехать в Рим, правительство проявило заботливость о папе и провело в парламенте т. н. закон о гарантиях (май 1871), признавший верховные права папы по духовным делам и ассигновавший ему 3½ млн. лир. 2/VII Виктор Эммануил торжественно въехал в Рим, а 27/XI 1871 впервые в древней столице И. созывается итальянский парламент. Воссоединение И. было завершено, она была освобождена от иностранных оккупантов. И. оформилась в буржуазную монархию, закрепившую блок торгово-промышленной буржуазии с помещиками. **В. Н.**

II. ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ (1871—1935).

И. в период 1871—76. Воссоединение И. совершилось в борьбе буржуазии Сев. Италии с чужеземной властью, феодально-аристократич. группами И. и папой, владения к-рого занимали большую часть Средней И. В течение 1859—1870 Северная и Южная И. освободилась от чужеземной власти. Поддерживавшая эту власть феодальная аристократия перешла к более активным методам сопротивления новому режиму и пыталась на этой почве сблизиться с римским двором. Вражда с Ватиканом играла, особенно в первое время, далеко не второстепенную роль во внешней политике нового королевства и на протяжении целых десятилетий отражалась на внутренней политике итал. буржуазии. Под влиянием этой вражды все политические группировки итальянской буржуазии вплоть до 20 века сохраняли антиклерикальную позицию. Борьба итальянской буржуазии с духовенством не могла, однако, затухать того, что

политический строй единой Италии мало соответствовал идеалам борцов за воссоединение Италии Гарибальди и Мадзини. Вместо демократической республики, которую последние стремились установить, была создана бюрократическая монархия с узкой, основанной на цензовом праве избирательной системой. Согласно конституции королевства Пьемонт (1848), распространенной на всю Италию, избирательным правом пользовались только лица мужского пола, платившие не менее 40 лир прямого налога. В результате этого в Италии 1870 при наличии 27 млн. населения избирательным правом пользовалось всего лишь 530 тыс. чел., т. е. 1,96% населения. Преобладающее большинство итал. народа—крестьянство—оставалось в стороне от политической жизни; рабочие же в этой промышленно неразвитой стране составляли лишь ничтожное меньшинство. Крестьянские массы, особенно в Средней и Южной И., находились еще под сильным феодальным гнетом. О культурном уровне масс можно судить по тому, что в 1871 не менее 72% населения было безграмотно, в том числе почти все крестьянство. Возмущение, вызванное феодальным гнетом и невероятной нищетой, принимало форму так называемого разбойничества, которое в середине 19 века было массовым явлением в Италии. Республикански настроенные слои буржуазии, а также мелкобуржуазные идеологи национального единства более всего опасались вовлечения крестьянских масс в движение. Страх перед крестьянством привел их в конечном результате в лагерь монархии. После смерти вождя республиканской партии, Мадзини (1872), партия находилась накануне развала. Лишь в Романье (область между Болоньей и Римини в Сев. И.) она сохранила еще нек-рое значение. В остальной И. буржуазные элементы партии примкнули к монархии, тогда как рабочий класс все сильнее вовлекался в круг социалистических идей. Партия умеренных, входившая с 1860 в правительство, являлась политическим представителем ведущих промышленных и торговых кругов, землевладельцев и зажиточных слоев интеллигенции. Остальная часть интеллигенции и мелкая городская буржуазия были организованы в демократические группы, к-рые представляли в парламенте т. н. левую, являясь оппозицией правительственной правой.

Во внутриполитической жизни воссоединенной И. наибольшее внимание привлекали три вопроса: критическое состояние государственных финансов, возраставшее недовольство населения страны и борьба с Ватиканом. Прежние семь областей, составлявшие теперь итал. королевство, приносили всего лишь 500 млн. ежегодного государственного дохода, что не покрывало потребностей нового государства, тем более что проведение дорог и железнодорожных линий между отдельными частями государства требовало больших капиталовложений. Расширение административного аппарата и организация современной вооруженной армии также поглощали огромные суммы. Издержки же за время объединительных войн 1859—70 продолжали давить на государственный бюджет. В результате этих расходов и ежегодного дефицита в 2 млрд. лир по отдельным областям государственный долг возрос в 1871 до 10 млрд. лир. В налоговой системе, введенной правительством в целях оздоровления расстроенных финансов, главным доход-

ным предметом был налог на помол—косвенный налог, всей своей тяжестью ложившийся на беднейшие слои населения.

Возмущение масс экономической политикой правительства еще в 1871 проявилось в стачках и бурных демонстрациях во многих пунктах Сев. И. Летом 1874 поднялась новая волна стачек и демонстраций, которые на этот раз сопровождались столкновениями с полицией. Особенно напряженным было положение в Романье, где движением руководили республиканские организации и интернационалисты (члены 1-го Интернационала). Движение было подавлено полицейским террором, вожди арестованы и подвергнуты долголетнему лишению свободы. Свои отношения с Ватиканом итал. правительство пыталось урегулировать посредством так называемого закона о гарантиях от 13/V 1871, к-рый должен был обеспечить пале почести и привилегии суверена, полную свободу в церковном управлении и в сношениях с католическим миром, дипломатические привилегии для представителей иностранных держав при Ватикане, право иметь собственную почту и телеграф, вечное право пользования зданием Ватикана и всеми принадлежащими ему дворцами и виллами и, наконец, предоставление ежегодной ренты в 3.225 тыс. лир из сумм итальянского государственного казначейства. Однако, папа (Пий IX, умерший 7/II 1878) отказался не только от утверждения этого закона, но и от всяких переговоров по этому вопросу. Он многократно протестовал перед державами против нарушения итальянским государством его суверенных прав и объявил себя «узником Ватикана», вследствие чего ни один папа, вплоть до примирения в 1929, не покидал его стен. На интриги духовенства, подстрекавшего верующих к сопротивлению государственным законам, правительство ответило запрещением в Риме религиозных орденов (закон от 1873), и в 1874 были изгнаны из своих приходов 33 епископа и архиепископа, отказавшиеся подчиниться закону об утверждении их должностей правительством (экзакура). В том же году был издан закон об отбывании духовенством воинской повинности и закон, к-рый ограничивал влияние духовенства на школьное преподавание. Папа со своей стороны запретил католикам принимать участие в политической жизни итал. государства и даже участвовать в выборах в парламент (булла «Non expedit», 1874) как в качестве избирателей, так и избранных. В то время когда итал. буржуазия для укрепления нового государства строилась в поддержке церкви, конфликт с Ватиканом тяжело отражался на внутривнутр. положении И. и создавал угрозу вмешательства иностранных держав, связанных с Ватиканом, особенно опасного в виду наличия ряда противоречий между И. и соседними государствами и слабости военных сил И.

Закончившиеся войны, воссоединение И. и конец Франко-прусской войны (1871) обнаружили слабые стороны добровольных и импровизированных армий. Проведенная в 1875 военная реформа обеспечивала И. постоянную армию в 350 тыс. чел., разбитую на 10 корпусов, к-рая в военное время могла быть увеличена вдвое; но для объединения разрозненных частей армий прежних мелких областей в единую национальную армию требовалось время. Тем не менее, уже в первые годы существования новой И. проявляются тенден-

ции, характеризовавшие завоевательную политику итал. буржуазии в последующие десятилетия. Борьба за господство на Средиземном море и в Северной Африке обострила отношения между И. и Францией. Реакционные правительства Франции, пришедшие к власти после падения Парижской Коммуны, выражали папе—врагу новой И.—свои симпатии. Итальянская буржуазия искала поэтому опоры в Германии—крупнейшей сопернице Франции на континенте,—с к-рой у И. не было ни общих границ, ни противоречивых интересов. В Германии же в это время Бисмарк начал т. н. культурный поход (*Kulturkampf*, см.) против католич. духовенства. Серьезные противоречия были у И. и с другой крупной соседней державой—Австро-Венгерской монархией. Они вызывались стремлениями Австро-Венгрии обосноваться на Балканах и Адриатическом море, а также тем, что оставшееся под властью Австро-Венгрии итальянское население подвергалось жестокому национальному гнету. Обострение отношений между Австрией и Ватиканом в 1871 помогло, однако, итал. правительству установить с Австро-Венгрией более благоприятные отношения. В 1873 итал. король Умберто посетил австрийского и германского императоров, и в начале 1875 укрепление дипломатических отношений между тремя государствами выразилось в обмене послами: Германия и Австро-Венгрия признали тем самым И. великой державой. Такой поворот дела, подчеркнутый ответными визитами германского и австрийского императоров (апрель—октябрь 1875), заставил франц. правительство отозвать свой военный корабль, предоставленный в распоряжение папы и стоявший в гавани Чивита-Веккии (близ Рима) с 1870. 16/III 1876 парламентом было сброшено правительство Мингетти, последнее правительство «правых». Последующими правительствами (8 президент Депретиса и 3—министра-президента Кайроли) в течение 12 лет (1876—87) были проведены нек-рые реформы, обусловленные начавшимся в этот период промышленным развитием. В остальном же правительственная деятельность «левых» ничем не отличалась от деятельности их предшественников, а была, вернее, ее продолжением. В борьбе же с рабочим и революционным движением правительство «левых» (с Никотера во главе министерства внутренних дел) проявило себя еще беспощаднее. Начавшееся было в этот период образование пролетарских организаций приостановилось. Приходу к власти «левых» предшествовал процесс, в корне изменивший некогда республиканскую «левою», родившуюся в годы образования новой И. Упразднение системы мелких государств, а вместе с ней густой сети таможенных заграждений, покрывавших ранее весь полуостров, постройка путей сообщения между отдельными частями страны способствовали развитию торговли и промышленности. Торгово-промышленный подъем сблизил с существующей властью не только бурж. элементы из лагеря «левых», но и более обеспеченные слои мелкой буржуазии. Длительные крестьянские восстания и проникновение социалистических идей в среду рабочего класса более передовой Северной Италии также содействовали сближению буржуазных элементов с существующей властью. Когда в 1876 вместе с министром-президентом Депретисом «левые» пришли к власти, они проявили себя

на словах и на деле такими же верными сторонниками монархии, как и «правые».

Деление на «левую» и «правую» партии сохранилось еще около двух десятков лет, но потеряло реальное значение. Из реформ, обещанных «левыми» во время их прихода к власти (1876), были проведены только две: 1) в июле 1880 был отменен налог на помол, что было не только в интересах широких масс трудящегося населения, но и в интересах буржуазии, нуждавшейся, в условиях развивавшейся промышленности, в дешевых рабочих руках и стремившейся успокоить крестьянство; 2) в январе 1882, после длительных колебаний и многократных изменений, был издан новый закон об избирательном праве. Возрастной ценз избирателей был снижен с 25 лет до 21 года, налоговый—с 40 до 19 лир, образовательный—до двухгодичного курса начальной школы. Хотя новый закон сохранил целый ряд фактических ограничений, все же количество избирателей увеличилось более чем в 4 раза, но осуществленные в том же году выборы на основании нового закона не изменили, однако, соотношения сил в парламенте.

В промышленном отношении И. 80-х гг. отставала вследствие недостатка сырья (каменного угля, железа, хлопка и пр.) от более промышленно развитых стран Европы, что сильно отражалось не только на численном, но и на политическом уровне итал. пролетариата. Преобладание мелкобуржуазного населения при крайней слабости и политической отсталости пролетариата способствовало распространению в И. идей анархизма. Лишь в 80-х гг. в политическом развитии итал. пролетариата обнаруживаются определенные сдвиги. В 1882 по инициативе и под руководством молодого типографа Константина Ладзари была создана в Милане, значительном индустриальном центре И., Рабочая партия (Partito operaio). Реакция на прежний «интеллигентский» социализм выразилась в том, что во вновь образованную Рабочую партию принимались лишь рабочие физического труда. Понадобилось еще одно десятилетие для превращения ее в ведущую партию итал. рабочего класса.

В области внешней политики правительство продолжало вначале традиции своих предшественников. Относительная слабость экономической базы итал. буржуазии по сравнению с ведущими капиталистич. странами и затруднения, связанные с внутренним укреплением нового правительства, диктовали в области внешней политики крайнюю осторожность. В апреле 1877 разразилась *Русско-турецкая война* (см.). Попытки англ. правительства в начале 1878 добиться согласия И. на совместное с Англией наступление на Черном море и на восточном побережье Средиземного моря не увенчались успехом. Это обстоятельство и недоговоренность с Германией по вопросу о противодействии Франции изолировали И. на *Берлинском конгрессе* 1878 (см.), созванном по настоянию великих держав для пересмотра *Сан-Стефанского мирного договора* (см.) (3/III 1878), которым закончилась Русско-турецкая война. Конгресс признал оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и принял к сведению занятия ею нескольких гаваней в Черногории и Албании. Такое открытое вторжение Австро-Венгрии на Балканы и в Адриатику не могло не привести к усилению противоречий между ней и И., которые еще более обостри-

лись в связи с частыми восстаниями на итало-австрийской границе, давшими Австрии повод к удвоению пограничных войск в Триенте. В сентябре 1879 Германия и Австро-Венгрия заключили между собою оборонительно-наступательный союз. Усиление господствующих позиций Австро-Венгрии на Балканах имело для И. тем большее значение, что рост промышленности в И. при бедности внутреннего рынка ставил перед итал. буржуазией вопрос об источниках заграничного сырья и рынках сбыта. Перед внешней политикой И. стали в связи с этим две вполне конкретные задачи: воспрепятствовать дальнейшему проникновению Австро-Венгрии на Балканы и, в связи с временными препятствиями для экспансии И. на Балканах, осуществить свое стремление к колониальным захватам в Африке, где первые шаги в области колониальных приобретений итальянская буржуазия сделала еще раньше. В конце 1869 итальянское пароходное общество Рубаттино приобрело на африканском побережье Красного моря бухту Ассаб. В декабре 1879 Ассаб в порядке торговой сделки перешел во владение итальянского государства, и в начале 1882 итал. правительство, несмотря на протесты Египта и Турции, назначило для управления гаванью гражданского комиссара и превратило его в опорный пункт колонизации. Однако, все внимание итал. правительства было сосредоточено на Тунисе и северном побережье Африки. Преимущества Туниса заключались в его природных богатствах и близости к И. Кроме того, Тунис благодаря своему положению имел крупное стратегическое значение в Средиземном море. В середине 19 в. в Тунис переселилось много итальянцев, в 1880 число их превышало 10 тыс. Численный перевес итальянцев над остальным европейским населением Туниса дал итал. правительству формальный повод требовать превращения Туниса в итальянскую колонию. Французские войска, однако, предупредили И. и в апреле 1881 вступили в Тунис, а через месяц франц. правительству удалось склонить тунисского бей к признанию над Тунисом франц. протектората. Занятие Туниса Францией побудило итал. буржуазию искать сближения с соперницей Франции на континенте—Германией, несмотря на противоречия с ее союзницей—Австрией. Итальянское правительство пыталось добиться союза с Германией без участия в нем Австрии, но Бисмарк заявил, что дорога в Берлин идет через Вену. Это обстоятельство вынудило И. пойти на союз и с Австро-Венгрией (21/V 1882, Тройственный союз). Сближением с Австро-Венгрией И. надеялась смягчить постоянную опасность конфликта на австро-итал. границе и удержать католическую Австрию от вмешательства в конфликт И. с папой. Договор был заключен сроком сначала на 5 лет, но впоследствии продолжал оставаться в силе в течение 30 лет (до 3/V 1915). В своей первоначальной редакции (в том виде, как он был подписан в 1882) договор носил оборонительный характер. Он не предоставлял И. никаких выгод, но сильно поднял ее престиж. Благодаря союзу с Германией и Австро-Венгрией И. окончательно была включена в концерт крупных европейских держав. При возобновлении соглашения 20/II 1887 И., воспользовавшись все нарастающей напряженностью франко-германских отношений, добилась, посредством скрытой угрозы перехода на сторону Франции, расширения текста договора. Австро-Венгрия

отказалась от дальнейшего расширения своего влияния на Балканах и на турецком побережье, без предварительного согласия на это И., и предоставила И., в случае усиления австро-венгерского господства в этих областях, право на соответствующую компенсацию. Равным образом было договорено, что Германия и Австро-Венгрия по требованию И. будут действовать в союзе с ней в случае, если Франция пожелает распространить свое господство на Триполи или Марокко, и И. будет считать необходимым воспрепятствовать этому вооруженной силой. Укрепившись благодаря заключению Тройственного союза, И. усилила свои колониальные притязания. В июле 1882 Ассаб был объявлен колонией под итал. протекторатом. Когда Англия под давлением восстания Махди отозвала из Судана свои войска, И. вопреки протесту Египта, но не без молчаливого согласия Англии, оккупировала 5/II 1885 Массауа на африканском берегу Красного моря и 2/XII того же года аннексировала эту область, что повлекло, однако, И. в скрытый конфликт с Абиссинией. Чтобы освободить Массауа от влияния Абиссинии и расширить свои береговые владения, И. начала наступать в глубь страны, что окончилось тяжелым поражением: 26/I 1887 в горном проходе Догали 500 итальянцев были окружены и перебиты абиссинцами.

1887—96. 7/VIII 1887 во главе правительства стал Франческо Криспи. Развитие промышленности в конце 80-х гг. затормозилось тяжелым экономическим кризисом, осложненным кризисом аграрным, кредитным и финансовым. Кризис распатал финансы страны; дефицит государственного бюджета, составлявший в 1882 16 млн. лир, в 1889 поднялся до 401 млн. лир. Вследствие аграрного кризиса число эмигрировавших крестьян достигло в 1888 почти 200 тыс. против 70 тыс. за предыдущие 5 лет. Экономический кризис довел до крайности лишения и нищету трудящихся масс и обострил классовую борьбу в стране, что выразилось в жесточайших стачках, захватах земли и кровавых столкновениях между представителями власти и массами трудящегося населения.—В отношении внутренней политики правление Криспи распадается на 2 периода. В первые годы его, до экономического кризиса, в основу внутренней политики было положено стремление освободить государство от влияния духовенства—борьба с Ватиканом и духовенством. В 1888 было отменено обязательное преподавание в народных школах т. н. закона божия; в 1889 законодательным порядком было вытеснено влияние духовенства в благотворительных обществах; в том же году правительством был сооружен в Риме памятник Джордано Бруно, на той же площади, где он некогда был сожжен на острове инквизицией. Но когда после короткого перерыва [правления Рудини (1891—92) и Джолитти (1892—93)] Криспи снова взял правление в свои руки, вся его деятельность сконцентрировалась на беспощадной борьбе с революционным рабочим движением.

В конце 80-х и начале 90-х годов теория научного социализма завоевывает все больше сторонников в Италии. В 1891 типографский корректор Помпео Беттини перевел на итальянский язык «Манифест коммунистической партии». Из интеллигентов приобщился к марксизму Антонио Лабриола—философ и профессор университета, сначала гегельянец, по-

том антигегельянец; с 1890 читал в Римском ун-те лекции по историческому материализму. Писатель Филиппо Турати—демократ—примкнул к социалистическому движению и стал издавать с 1891 газету «Critica sociale». Развитие марксизма в среде социалистической интеллигенции совпало с усилением брожения в среде рабочего класса и крестьянства, вызванного экономическим кризисом. 1 мая 1891 во многих итальянских городах была прекращена работа и проведены демонстрации; в Риме дошло до баррикадных боев. В августе 1892 на первом всеитальянском конгрессе социалистов в Генуе анархо-синдикалисты откололись от движения. На втором конгрессе в 1893 в Реджо-Эмилии партия социалистов получила название Partito socialista dei lavoratori italiani (Социалистическая партия итальянских рабочих); в 1895 на третьем конгрессе она была окончательно переименована в Partito socialista italiano (Итальянская социалистическая партия). Рост социалистического рабочего движения отразился на тактике католической церкви по отношению к рабочему вопросу. 15 мая 1891 папа Лев XIII издал энциклику «*Regum novarum*», в которой он предрекает «проклятию» революционный социализм, но одновременно признает вопиющие социальные противоречия и, якобы, для облегчения их пытается создать христианское рабочее движение. Летом 1893 озлобление бедствовавших масс вылилось в демонстрации по всей стране. Повышение цены на муку вызвало массовое движение в Сицилии и Апулии, где аграрный кризис чувствовался особенно сильно. Восставшие разрушили несколько мельниц и общественных зданий. На острове Сицилии в последние годы происходило мощное движение среди особенно сильно затронутых кризисом рабочих серных рудников и виноградарей. Они объединились в местные организации, т. н. *fasci dei lavoratori* (рабочие союзы). 1893 дал уже несколько сотен таких союзов с общим числом около 300 тысяч членов. Руководство движением находилось в руках местных социалистов. Землевладельцев заставили изменить тяжелые условия арендных договоров. В провинции Палермо крестьяне захватили земли помещиков. Во многих местах массы освобождали из тюрем заключенных. В январе 1894 правительство объявило в Сицилии исключительное положение, все рабочие организации были распущены, власть была передана военным отрядам.

Правительственный террор возмутил рабочих во всей Италии. В окрестностях Массы и Каррары (мраморные копи) разразились первые восстания. Занятие города Каррары горняками было предупреждено лишь в последнюю минуту. Начались массовые аресты, военные суды над вождями движения в Сицилии и Карраре. Под предлогом беспорядков правительство распустило в сентябре 1894 все социалистические и профессиональные организации (271 во всей стране, из них 55 в Милане), ввело цензуру над рабочей прессой. Социалисты, против которых не было определенных обвинений, высылались в административном порядке. Жестокая расправа правительства Криспи с социалистами увеличила симпатии к ним со стороны трудящихся масс. Это отчетливо выявило во время парламентских выборов в мае 1895. Благодаря избирательному террору и выборным махинациям пра-

вительство получило большинство в парламенте, но одновременно число социалистических депутатов поднялось с 8 до 12.

Во внешней политике правительство Криспи добивалось возможно тесного сотрудничества в Тройственном союзе. Тотчас же по вступлении в правительство Криспи посетил Бисмарк, с которым он в дальнейшем имел частые свидания. Он резко выступал против ирриденцистских организаций, в том числе и итальянских, действовавших против Австрии, и в 1890 приказал распустить их. Это облегчило сближение с Австрией. Последнее было также связано с ухудшением отношений с Францией, что обусловлено было не только противоречиями в вопросе северо-африканских колоний, но и крайним протекционизмом, системой высоких пошлин для ограждения национальной промышленности от иностранной конкуренции. Это сильно вредило интересам французских промышленных и торговых кругов, которым до этого времени принадлежало господство на итал. рынке. 1/III 1888 разразилась тяжелая таможенная война между обеими странами. Франция пыталась создать и для И. ряд экономических затруднений и, кроме того, интриговала против итальянского правительства в Ватикане. Папа Лев XIII и его государственный секретарь Рамполла охотно шли ей навстречу. Папская энциклика от ноября 1889 открыто призывала верующих к неповиновению итал. правительству. В 1889 путем установления протектората над двумя небольшими султанатами — Оббиа и Мигуртина — и приобретения Бенадир-И. основала колонию Сомали. Побережье в северо-восточной и южной пограничной области Абиссинии очутилось в руках И. Криспи поставил себе целью распространить протекторат Италии на Абиссинию и т. о. положить начало основанию большого итал. колониального государства в Восточной Африке. О покорении Абиссинии силой оружия после поражения при Догали (январь 1887) нечего было и думать. Криспи предпринял попытку осуществить свой план, используя внутренние распри между местными абиссинскими феодалами. Менелик, к-рому Италия дипломатическим путем, содействием снабжением его оружием помогла занять абиссинский престол, заключил с ней дружественное соглашение (в Уччали 1889). На основании этого соглашения итал. правительство потребовало, чтобы Абиссиния предоставила И. свои права дипломатического представительства перед третьей страной. Но несколько месяцев спустя между договорными сторонами произошел разрыв. Оказалось, что между итальянским и амхарским (язык господствующего класса Абиссинии) текстом договора было существенное расхождение: в итал. тексте значилось: Абиссиния «должна», а в амхарском — «может» использовать итал. правительство в своих сношениях с третьим государством. В 1890 итальянские владения на африканском побережье Красного моря, которые простирались на территории треугольника Массауа — Асмара — Керн, превратились официально в итал. колонию Эритрея; в последующие годы И. пыталась расширить границы новой колонии. В 1891 была превращена в колонию Кассала 20/XII 1893 были разгромлены дервиши в Эритрее (ок. 4 тыс. дервишей было убито). Такое расширение владений усиливало разногласия между И. и Абиссинией. Чтобы ослабить Абиссинию, итальянское прави-

тельство поддерживало раса северной абиссинской провинции Тигре — Мангаша — в его стремлении стать в независимое положение от негуса. Впоследствии, однако, Мангаша покорился негусу. Осенью 1895 итальянские войска под командой генерала Баратьера вступили в провинцию Тигре, но 1/III 1896 были разбиты негусом под Адуа (погибло 4.600 итальянцев, 2.000 было ранено, 1.500 взято в плен). Кроме того, абиссинцы захватили всю итальянскую артиллерию и обов. Катастрофа под Адуа имела огромные последствия на дальнейшее развитие итал. политики. Она послужила причиной падения Криспи и отказа на многие годы от захватнических планов И. по отношению к Абиссинии. В октябре 1896 преемник Криспи подписал с Абиссинией мирный договор. Итальянцы отступили на линию Белеса — Мина — Мароб на территории нынешней Эритреи.

1896—1900. Катастрофическое поражение в Абиссинии вызвало панику среди итал. буржуазии. Чтобы смягчить политическое напряжение в стране, новое правительство Рудини (март 1896 — июнь 1898) признало необходимым дать амнистию осужденным военным судом за участие в революционном движении в провинциях Сицилии и Каррары. Были отменены чрезвычайные законы и прекращены административные высылки. Укрепление социалистического движения выразилось в том, что в 1896 впервые в И. стал издаваться орган соц. партии «Avanti» (Вперед): на новых выборах в парламент в 1897 число депутатов от социалистической партии возросло с 12 до 20. Однако, скоро буржуазия перешла в наступление на социалистическое рабочее движение и его организации. Правительство потребовало роспуска многочисленных профорганизаций и местных групп соц. партии, применения оружия против стачечников и возбуждения судебного дела против руководителей стачек. Но реакционная политика правительства не могла уничтожить усилившегося брожения среди городского и сельского пролетариата. Осенью 1897 и весной 1898 по стране пронеслась волна демонстраций (против повышения хлебных цен в связи с Испано-американской войной и т. д.), вылившихся в кровавое столкновение с вооруженными силами правительства 9/V 1898. Возмущение масс жестокостью полиции выразилось в демонстрациях протеста, против к-рых правительство выставило военную силу. В результате длившейся несколько дней неравной борьбы между трудящимся городским населением и вооруженными войсками, по официальным данным, оказалось 82 человека убитых и 450 раненых. Майские бои в Милане послужили для правительства поводом к открытому террору. Рудини был смещен и его место занял (29/IV) генерал Пеллу, к-рый ввел в целом ряде городов осадное положение, тысячи людей были арестованы, сотни подверглись военному суду, профсоюзы и организации социалистической партии были снова распущены, социалистическая и профсоюзная пресса подверглась преследованию. В феврале 1899 Пеллу предложил парламенту законопроект, который должен был узаконить меры против свободы прессы, запрещение собраний и роспуск организаций. Вдохновителем этого закона, как и вообще всей политики правительства Пеллу, был Соннино, позже также игравший активную роль в политической жизни И. Так как законопроект вследствие об-

струкции со стороны оппозиции не был принят парламентом, правительство, распустив палату, объявило его в силе без утверждения парламента. Чтобы смягчить оппозиционное настроение в стране, правительство объявило в том же году (1899) амнистию, но, несмотря на это, на выборах в парламент оно получило всего 610.000 против 685.000 голосов оппозиционных партий. По количеству мандатов правительство получило в парламенте большинство, но социалисты вошли в парламент в количестве 33 депутатов, республиканская оппозиционная группа увеличила число своих депутатов с 67 до 95. В результате сильного морального поражения правительства и политического поражения террористического режима Пеллу вынужден был выйти в отставку. 24/VI 1900 к власти пришло правительство во главе с Саракко. 29/VII король Умберто был убит анархистами. 2/VIII на престол вступил его сын Виктор Эммануил III, который счел необходимым в своем манифесте дать обещание «защищать свободу».

Во внешней политике с падением Криспи произошла крупная перемена, имевшая международное значение. Резкая антифранцузская политика наряду с односторонней ориентацией в сторону Тройственного союза прекратилась. Хотя Тройственный союз и был возобновлен, но правительства, следующие за правительством Криспи, пытались улучшить отношения с Францией. Англо-германские империалистические противоречия выступали со всей ясностью благодаря быстрому росту германского капитализма. Могущественное влияние британского флота в Средиземном море ограничивало значение для итал. буржуазии Тройственного союза. Значительное влияние оказали и финансовые соображения (исключительно тяжелый пассивный торговый баланс И.). 20/IX 1896 между И. и Францией было заключено соглашение относительно юридического положения живущих в Тунисе итальянцев, к-рое хотя и не снимало притязаний И. на Тунис, но ослабляло напряжение между обеими странами. 1/X 1896 было достигнуто соглашение с Францией относительно торгового судоходства, а в 1898 подписан торговый договор, положивший конец многолетней тарифной войне между И. и Францией.

Развитие промышленности И. и усиление итал. империализма (1900—14). В конце 19 в. происходит усиленный рост итал. пром-сти, работавшей преимуществ. на привозном сырье.

Сравнительные цифры ввоза в И.
(в млн. т.).

	1895	1900	1913
Железо и сталь	2,1	2,9	4,5
Минеральное топливо (уголь и др.)	4,3	4,9	10,8

Увеличена также разработка собственныхрудных залежей. Продукция (в тыс. т) за те же годы поднялась след. образом:

	1895	1900	1913
Железная руда	183	247	603
Железные пириты	39	72	317
Железо и сталь	223	330	1.416
Минеральное топливо	305	487	703

Еще быстрее шло развитие химической промышленности. Продукция серной кислоты поднялась с 96 до 230 и 645 тыс. т, фосфоркислот— с 146 до 369 и 972 тыс. т. По легкой пром-сти: развитие ранее существовавшей текстильной пром-сти шло медленнее, но одновременно появились другие новые отрасли. Производство сахара поднялось за этот период с 2 до 23 и 193 тыс. т. В 1908 в И. впервые началось производство искусственного шелка. К новым отраслям промышленности надо отнести также механическое производство. В 1900 в И. было выпущено всего 6 автомобилей, в 1917—1.283. Крупное экономическое значение имело быстрое увеличение производства электроэнергии. До 1909 относительно употребления электроэнергии никаких достоверных статистических данных не было, но уже за период с 1909 по 1914 расход электроэнергии поднялся с 11,0 до 23,1 млрд. *квт-ч.* По промышленной переписи 1911, в итальянской промышленности насчитывалось свыше 2,3 млн. рабочих и служащих. Несмотря на быстрое развитие целого ряда новых отраслей производства, в 1911 из общего количества занятых в промышленности лиц 25,5% падает на текстильную промышленность и 27,8%—на отрасли промышленности, перерабатывающие продукты сельского хозяйства. Но в этот период были заложены основные отрасли промышленности, которые вскоре существенно изменили общую картину итальянской промышленности. Промышленный подъем оказал значительное влияние на внутреннюю политику итал. буржуазии. Растущее экономическое и социальное значение рабочего класса и усиление рабочего движения вынудили буржуазию в Италии перейти от методов открытой реакции к либеральным методам управления. 14/II 1901 руководящая роль в правительстве была передана бывшему либералу Занардели. Министром внутренних дел был выдвинут Джолитти, получивший затем (декабрь 1903) пост премьер-министра и сохранивший его с небольшими перерывами до 21/III 1914. Джованни Джолитти руководил внутренней политикой итал. буржуазии с начала 20 в. вплоть до мировой империалистической войны. Сущность «джолиттизма» в отношении рабочего движения сводилась к покровительству аристократическим слоям рабочего класса, сознательной поддержке этих слоев путем политического подкупа вождей и чиновников рабочего движения, прямому и косвенному субсидированию рабочих артелей (по постройке дорог и земляных работ и т. п.), предоставлению или отбиранию льгот у тех избирательных округов, к-рые дали социалистических, а позднее и республиканских и христианско-социалистических депутатов, и т. п. Джолитти пытался также привлечь социал-демократических вождей в правительство, что встретило сильный отпор со стороны рабочих масс.

После смягчения террористического режима Пеллу революционное движение быстро пошло вверх. В то время как за 1899—1900 зарегистрировано было всего 642 забастовки в промышленности и 36—в сельском хозяйстве, в 1901—02 число их в промышленности возросло до 1.859, а в сельском хозяйстве—до 856. В 1904 и 1908 забастовочное движение также приняло широкие размеры, причем забастовки часто из экономических перерастали в массовые политические. В октябре 1907 всеобщая

стачка миланских рабочих, вызванная протестом против жестокой расправы полиции с бастовавшими рабочими газовых предприятий, распространилась на Турин, Болонью, Парму и многие др. города, так что правительство вынуждено было распорядиться об аресте виновных полицейских. В революционном движении участвовал не только городской пролетариат. Экономическая политика правительства, проводившаяся под знаком промышленного протекционизма, тяжело отражалась на положении крестьянства. Почти ежегодно происходили крупные крестьянские беспорядки, в особенности в Южной И. и на островах, подавлявшиеся с большой жестокостью. В 1907 апулийские крестьяне захватили помещичьи земли и секвестровали помещичий скот. Начиная со второй половины 1908 стачечная волна во всей стране заметно спала. Лишь в 1913—14 она снова поднялась и в начале июня 1914 вылилась в движение «красной недели», во время которой в связи с казнью двух солдат произошли крупные столкновения с войсками в Анконе, закончившиеся всеобщей стачкой; стачка распространилась по всей И., причем забастовщики заняли несколько общественных зданий, взяли в плен одного генерала и несколько офицеров; в Романье и Мархии была даже провозглашена республика. Движение было подавлено после того, как руководство с.-д. партии и парламентская группа предали массы. Классовые рабочие организации год от году крепили, но наряду с этим в них все сильнее стали намечаться оппортунистические тенденции. Еще в 1901 при обсуждении в парламенте вопроса об увеличении военного бюджета Турати и остальные восемь с.-д. депутатов воздержались от голосования. В 1904 на конгрессе социалистической партии в Болонье реформисты выступали за коалицию с буржуазией, но затем подчинились резолюции, отклонявшей подобную политику. Но в 1906 с.-д. фракция парламента высказалась за поддержку правительства в «некоторых случаях», за что секретариат партии вынес ей резкое порицание. Партийный конгресс 1912 в Реджо-Эмилии исключил из партии крайне-правого Биссолати, а 2 года спустя конгресс в Анконе высказался за то, что принадлежность к масонству несомнима с принадлежностью к с.-д. партии. Признаком укрепления классовых рабочих организаций было объединение разрозненных ранее социалистических профсоюзных организаций в 1906 во Всеобщую конфедерацию труда (*Confederazione generale del lavoro*). В руководстве реформистских профсоюзов оппортунистические группы партии получили в то же время большую поддержку.

Под давлением растущего социалистического движения готовилось сближение между итал. буржуазией и духовенством. Во время парламентских выборов 1904 духовенство поддерживало кандидатов либеральной партии против социалистов, и в июне 1905 папа снял с верующих запрещение принимать участие в политической жизни И. В феврале 1906 было положено основание католической партии. Избирательная реформа Джолитти (30/VI 1912) увеличила число избирателей с 3,5 млн. до 8 млн. А при выборах 1913, к-рые проводились уже на основании нового избирательного закона, в итал. парламент прошли первые депутаты-«католики». В то же время увеличилось и число социалистических депутатов.

Империалистические стремления итал. буржуазии, увеличивавшиеся вместе с промышленным развитием Италии, нашли свое отражение в создании националистической партии, к-рая в декабре 1910 созвала во Флоренции свою первую конференцию. Она опиралась на крупнопромышленные круги Северной И., в вопросах внутренней политики придерживалась реакционной политики, во время избирательной кампании стремилась к объединению с католической партией и в своей внешней политике явно ориентировалась на войну. Ее лозунгом было: «возможно большее участие Италии в мировом господстве».

Во внешней политике итал. буржуазии в начале 20 в. продолжалась линия на улучшение отношений с Францией. В 1902 было достигнуто франко-итальянское соглашение, по к-рому И. отказывалась от противодействия франц. экспансии в Марокко и получила согласие Франции на итал. планы в Триполи и Киренаике. После данного итал. королем согласия в октябре 1903 в Париже 25/XI того же года заключен был договор о третейском разбирательстве могущих возникнуть конфликтов между Францией и И. Визит, сделанный французским президентом итал. королю, привел к разрыву между Францией и Ватиканом и устранил опасения итал. правительства относительно франко-ваτικών интриг против И. Перемены в международных отношениях И. выявились на Алжесирасской конференции (январь—март 1906), где И. поддерживала не точку зрения своей союзницы—Германии, а точку зрения Франции. Отношения с Англией, которые до сих пор были удовлетворительны, благодаря соглашению 1904 по вопросу о Восточной Африке еще более улучшились. В 1906 Англия, Франция и Италия добились соглашения относительно сфер влияния в Абиссинии.

Главным поводом к постепенному отходу итал. буржуазии от Тройственного союза была непримиримость австро-венгерских и итал. империалистических противоречий на Балканах. Итальянский торговый и банковский капитал, проникший в портовые города на Балканском побережье Адриатического моря, видел постоянную угрозу своим интересам со стороны австр. капитала и австр. военного могущества. В 1903 Россия и Австро-Венгрия обеспечили взаимный раздел сфер влияния в Македонии и Албании, куда стремился также и итал. империализм. Воспользовавшись младотурецкой революцией (июль 1908), Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, что вызвало сильное волнение в И. Положение было настолько напряженным, что австрийское правительство стало стягивать войска к Триенту—на границе И. Но конфликт был улажен обещанием Австро-Венгрии не нарушать со своей стороны дальнейшего равновесия на Балканах без согласия на это И. и без определенной компенсации И.

Вынужденный влиянием Австро-Венгрии отказать от проникновения на Балканы, итал. империализм усилил свои стремления к экспансии в Африке. На западную половину северного побережья наложила уже свою руку Франция. Итальянские планы были теперь направлены на то, чтобы вырвать из рук Оттоманской империи лежащую между франц. колонией Тунисом и Египтом Ливию (Триполи и Киренаику) и превратить ее в свою колонию.

Подготовка к этому велась с давних пор, хотя Германия и Австро-Венгрия при возобновлении Тройственного союза на следующие 12 лет (в 1902) заявляли о том, что они не заинтересованы в Ливии. Джолитти понимал опасность положения в связи с концессией, переданной Турцией в Ливии Германии, и, учитывая подписание германо-французского соглашения, решил поторопиться, чтобы во-время предупредить концессионные планы Германии в Ливии.

28/IX 1911 Турции был предъявлен ультиматум, в котором И. пыталась посредством шаблонных аргументов доказать мнимое нарушение интересов итал. подданных в Ливии, а на следующий день была объявлена война. Эта война, в к-рой принимали участие 80-тысячное итал. войско и весь флот, закончилась 18/X 1912, через 10 дней после объявления войны Турции со стороны Черногории и на следующий день после объявления войны со стороны Сербии, Болгарии и Греции (Балканская война), Лозаннским мирным договором (прелиминарный, в Уши) при полной победе И.—Турция передала И. Триполи и Киренаику. Этим мирным договором устанавливалось также, что Родос вместе с 12 островами в Эгейском море, к-рые были заняты И. во время враждебных действий в мае 1912, остаются в руках Италии в качестве залога до тех пор, пока Турция окончательно не уведет с территории Ливии своих войск.

И. в империалистической мировой войне (1914—18). После объявления Австро-Венгрией войны Сербии (27/VII 1914) итал. буржуазия оказалась в затруднительном положении. Несмотря на закрепленную Тройственным союзом связь с Германией и Австро-Венгрией, все жизненные интересы итал. империализма противоречили участию И. в войне на стороне ее союзников. Победа центральных держав означала бы неоспоримую гегемонию Австро-Венгрии на Балканах и потерю всякой надежды И. на приобретение пограничных областей Австрии с итал. населением. 2/VIII итал. правительство объявило, что оно не считает себя обязанным участвовать в войне договором о Тройственном союзе, так как Австро-Венгрия начала войну с Сербией без предшествующего соглашения с И. и так как Тройственный союз имеет только оборонительный характер. Объявление правительством нейтралитета было встречено сочувственно всеми политическими партиями и группами в стране, за исключением католиков, которые хотели вмешательства И. в войну на стороне католической Австро-Венгрии, и националистов, стремившихся к империалистическим завоеваниям. В первые недели августа 1914 католики даже хотели войны с Францией и Англией, т. к. в то время никто еще в И. не думал о возможности войны против собственных союзников; только позднее они изменили свою ориентацию.—Эта картина изменилась, однако, в течение нескольких недель. Буржуазия и идеологи итал. империализма начинали понимать, какие шансы для И. на Балканах и в Дунайской долине дадо бы поражение Австро-Венгрии. Правда, самый мощный банк Италии (Banca commerciale Italiana), работавший с немецким капиталом, стал за сохранение нейтралитета. Он не только контролировал значительную часть итал. хозяйства, но также оказывал давление на ряд важнейших органов прессы и поддерживал

тесные связи с политическими деятелями, в том числе и с Джолитти. Однако, промышленный капитал и небольшие, но крепкие банковские учреждения северо-итальянской буржуазии толкали И. к войне с Австро-Венгрией.

Социалистическая партия И. с самого начала войны заняла антивоенную позицию. Это было ей облегчено прежде всего тем, что И. вступила активно в мировую империалистическую войну только через 8 месяцев после ее начала, и, во-вторых, тем, что в И. имелись и буржуазные партии и группы, к-рые отстаивали политику нейтралитета. Только один из вождей социалистической партии, Бенито Муссолини, с 1912 редактор центр. органа партии «Avanti», принимавший участие на партийных съездах, в октябре 1914 высказался за войну И. против центральных держав. После ухода его из редакции «Avanti» он в середине ноября организовал на деньги франц. правительства ежедневную газету «Popolo d'Italia», которая начала ожесточенную кампанию за вступление И. в войну.

Правительство Саландра, в к-рое 5/XI вступил в качестве министра иностранных дел Соннино, не могло, однако, решиться на войну, против к-рой был и Джолитти. После занятия итальянцами в конце октября небольшого острова Сасено у албанского берега и гавани Албании Валоны в конце декабря правительство пыталось вынудить у Австрии уступку Триента, Триеста и долины Изонцо, за что И. должна была принять обязательство остаться нейтральной до конца войны. Австрийское правительство оттягивало решение этого вопроса, в виду чего итал. правительство вступило в секретные переговоры с державами Антанты. 26/IV 1915 Лондонским секретным договором И. были обещаны за вступление в войну на стороне Антанты Южный Тироль с Триентом до Бреннера, Триест, Гориция, Истрия, Далмация с прилегающими островами, а также право И. контролировать Албанию, сферы влияния в Малой Азии и учет интересов И. при разделе германских колоний среди держав Антанты. 3/V 1915 итальянское правительство расторгло договор о Тройственном союзе, а 24/V была объявлена война Австро-Венгрии (официальное объявление войны Германии последовало только 27/VIII 1916).

В течение первых месяцев военной кампании итал. командование могло зафиксировать некоторые успехи; вскоре, однако, фронт принял позиционный характер и оставался без изменения до конца войны. Недовольство в стране тяготами войны и отсутствие обещанной скорой победы заставили правительство Саландра уйти в отставку. В июне 1916 было образовано правительство национальной концентрации с участием всех партий за исключением социалистической. В новом правительстве, во главе к-рого стал Паоло Бозелли, министром иностранных дел остался Соннино, а министерство внутренних дел было принято Орландо. Вследствие тяжелого поражения итальянских войск под Капоретто (23/X 1917) правительство снова было реорганизовано; в него вступил в качестве министра финансов буржуазный демократ Нитти.

Итальянская социалистич. партия хотя и не поддерживала войны, но она не вела и революционной борьбы против войны, оставаясь на почве мелкобуржуазного пацифизма. Стоявшая же на самом правом крыле партии группа

Турати, Тревеса, Модильяни, Д'Арагона открыто выступила против организованного сопротивления социалистических рабочих ведению войны. Озлобление рабочих против войны привело в августе 1917 к демонстрациям в Турине и серьезным столкновениям между рабочими и войсками, продолжавшимся трое суток, стоившим многих жертв убитыми и ранеными и прекращенным только после объявления в городе военного положения. Однако, с.-д. фракция в парламенте после поражения при Капоретто объявила себя сторонницей пресловутого принципа «ни помогать, ни саботировать», что сводилось на деле к оказанию помощи правительству.

Разложение австро-венгерского фронта в конце октября 1918 помогло итальянскому командованию оттеснить противника. В течение нескольких дней были взяты в плен 600.000 австро-венгерских солдат и захвачена большая часть артиллерийского парка (7.000 пушек). 4/XI 1918 было заключено перемирие. Баланс потерь Италии в войне составлял: 654.000 убитых, свыше 1 млн. тяжело раненых и 570.000 пленных из 5 млн. мобилизованных. Около четверти раненых остались инвалидами на всю жизнь.

Революционный послевоенный кризис (1919—22). Из «победоносной» войны итал. буржуазия в действительности вышла с серьезными потерями: ее экономический базис был истощен и дезорганизован продолжительной войной, политическая база основательно потрясена. Молодая и слабая в сравнении с мощными капиталистическими странами, итал. промышленность подверглась во время войны таким изменениям, к-рые должны были губительно отразиться на ней после войны. Война содействовала искусственному подъему тяжелой промышленности: до войны, напр., в итал. металлургической пром-сти было занято менее 50 тыс., а в последние месяцы войны—почти полмиллиона рабочих. После прекращения военных заказов металлургическая пром-сть вступила в полосу тяжелого кризиса. Также и другие отрасли промышленности, к-рые во время войны работали гл. обр. для военных поставок, должны были сильно сократить свое производство. «Banca di sconto», банк, созданный в декабре 1914 империалистической буржуазией в противовес «Banca commerciale», финансировавший большую часть военной пром-сти, обанкротился и увлек за собой другие финансовые и промышленные предприятия. Экономический кризис отразился и на государственных финансах (дефицит государственного бюджета составлял в 1920/21 17,4 млрд. и в 1921/22 еще 15,7 млрд. лир).

Победа Великой Октябрьской пролетарской революции в России и общий революционный подъем во всей Европе, с одной стороны, и тяжелый экономический кризис в самой И.—с другой, способствовали быстрому росту революционного движения в стране. Число членов социалистической партии, составлявшее в 1913 45.000, поднялось к концу 1918 до 66.700 и в 1920—до 216.000. Усилилось влияние рев. элементов в социалистич. партии. Число членов свободных профсоюзов возросло с 690.000 в 1913 до 2.150.000 в 1920. Возросла организованность не только городского, но и с.-х. пролетариата. Входящий в объединение свободных профсоюзов союз с.-х. рабочих, в к-ром были организованы также многие полуренда-

торы, насчитывал в 1920 не менее 800.000 членов. Эти цифры являются только слабым отражением силы пролетариата в И. в 1919—20. Но центристское руководство социалистич. партии не сумело направить борьбу рабочего класса по революционному пути, изгнать из своих рядов реформистов, а стоявшая на правом крыле партии группа Турати—Тревеса, как и реформистские вожди профсоюзов, сознательно саботировала и дезорганизовывала революционное движение пролетариата. Революционные силы итал. рабочих и крестьян были распылены в частичных, хотя и героических боях, проводившихся без ясной революционной целеустремленности и при систематическом предательстве реформистских вождей.

Перед лицом революционной опасности католическая церковь окончательно отказалась от прежней политики пассивного саботажа по отношению к итал. государству. В январе 1919 отдельные католические группы в стране были объединены в одну партию—католическую народную партию (Partito popolare), во главе к-рой стал в качестве генерального секретаря сицилианский священник дон Стурцо. Задачей этой партии было удержание пролетарских и полупролетарских масс от дальнейшего революционизирования. Опираясь на 30.000 прихождов, католической народной партии удалось в течение немногих месяцев создать широкую организационную сеть. Было приступлено также к созданию собственных профсоюзов. Чтобы проникнуть в крестьянство, католическая народная партия и католические профсоюзы заявляли, что они стоят за радикальную земельную реформу, однако без нарушения принципа частной собственности и при полном возмещении убытков крупным землевладельцам. Несмотря на откровенно антисоциалистич. линию католических организаций, местные группы католических профсоюзов на селе в 1919—21 под давлением масс неоднократно проводили забастовки рука-об-руку с социалистическими профсоюзами, а в некоторых местах даже захватывали землю.

В марте 1919 Муссолини организовал из мелкобуржуазных элементов бывших участников войны свою первую фашистскую местную группу в Милане. Чтобы проникнуть в рабочую среду, фашисты вначале прикрывались «радикальными» и «революционными» фразами. В течение 1919 были созданы фашистские организации и в нек-рых других городах Северной и Средней Италии, однако, число их членов равнялось к концу года в целом лишь нескольким сотням человек. В 1919 правительство, ответственное за ведение войны, было заменено правительством Франческо Нитти, которое рядом реформ должно было ослабить напряжение в стране. При выборах 16/XI 1919, проведенных на основе нового избирательного закона, социалисты получили 1.840.593 голоса и 156 мандатов и стали самой большой фракцией в парламенте. Однако, католич. народная партия также получила 101 место в парламенте. В то же время не был избран ни один фашист. При выборах в общинные советы в следующем году социалисты завоевали абсолютное большинство в 2.160 общинах из 6.060, существовавших в то время в И. Правительству Нитти не удалось задержать рост революционного движения в стране, и в июне 1920 оно уступило место правительству Джолитти. Однако, и последнее не смогло укрепить глубоко расшатанный гос. аппарат. Летом 1920

еще больше обострилась классовая борьба в стране. 20/VIII 1920 на локаут, объявленный предпринимателями в металлургической промышленности, рабочие-металлисты ответили занятением фабрик, организовав на них вооруженную охрану; фабрики оставались в руках рабочих в течение 3 недель. Правительство в виду напряженности положения не решалось пустить в ход против рабочих полицию и войска. Занятие металлургических предприятий не могло остаться изолированным актом. Но для победоносного развития революционного движения масс необходимо было революционное руководство. Реформистские же лидеры профсоюзов стремились ликвидировать движение. Конференция Всеобщего объединения профсоюзов в Милане обсуждала 4 суток вопрос о перспективах. Центристские вожди социалистич. партии колебались, коммунистич. группа в социалистич. партии и в профсоюзах была слишком слаба, чтобы взять руководство борьбой рабочего класса в свои руки, а реформистские лидеры профсоюзов открыто заявили (после тайного свидания в Турине с Джолитти), что если конференция решит продолжать движение, профсоюзы в нем не примут участия. Даже после этой открытой измены пролетариату незначительное большинство голосов за освобождение занятых фабрик могло быть достигнуто только посредством манипуляций при голосовании (секретарь союза металлистов воздержался при голосовании под предлогом, что металлисты в данном вопросе не могут занять «объективной позиции»).

Измена реформистов движению, банкротство социалистич. партии, освобождение без всяких условий фабрик дезорганизовали массы. Начался отлив революционного движения итал. пролетариата, к-рый не могла уже остановить созданная вскоре после этого коммунистическая партия (см. Коммунистическая партия И.). Правительство взяло курс на открытую реакцию. Джолитти распустил парламент и объявил новые выборы. С целью удержать в своих руках фашистов, к-рые все еще были слишком слабы для самостоятельного выступления на выборах, Джолитти заключил с ними избирательный союз. Выборы 21/IV 1921 сократили число мандатов социалистич. партии с 156 до 122, но одновременно в парламент вступила с 16 мандатами компартия. Цель Джолитти—создать в парламенте сильное буржуазное большинство за счет мандатов рабочих партий—не осуществилась. Фашисты получили при выборах 33 мандата, но после избирательного союза с ними Джолитти их ряды стали пополняться за счет мелкой буржуазии. Террористические «карательные» экспедиции их против рабочих организаций финансировались крупной буржуазией и поддерживались благожелательным «нейтралитетом» государственного аппарата. Фашизму были открыты все пути. План Джолитти удержать фашистов в своих руках, однако, не удался, и Джолитти 26/VI 1921 ушел в отставку. При правительствах Бономи и Факта фашистское движение продолжало усиливаться. В первых числах августа 1922 рабочие пытались преградить путь растущему фашистскому террору путем всеобщей забастовки, к-рая провалилась, так как реформистские руководители профсоюзов, участвовавшие в забастовке только под давлением масс, объявили забастовку одновременно во всей стране, помешав т. о. сделать стачку всеобщей. В конце октября 1922 фашисты почув-

ствовали себя достаточно сильными, чтобы инсценировать т. н. «поход на Рим». Вооруженные фашистские отряды направились из Северной И. к Риму, чтобы добиться назначения фашистского правительства. В ряде городов Северной и Средней Италии они заняли правительственные здания и железнодорожные станции без малейшего сопротивления со стороны вооруженных правительственных сил. По телеграфному требованию Промышленного объединения в Милане король назначил Муссолини министром-президентом, взяв с него обещание, что фашистское правительство не изменит монархической формы правления.

Внешняя политика И. в годы после окончания войны до победы фашизма определялась экономической и внутриполитической слабостью итал. буржуазии. Союзники итал. империализма в войне использовали эту слабость, выполнив как можно меньше обещаний, данных в Лондонском тайном соглашении. По Сен-Жерменскому мирному договору (10/IX 1919), И. получила за счет Австрии Южный Тироль до Бреннера и Триест с окружающей территорией, но Адриатический вопрос и вопросы Балкан не были разрешены в духе желаний итал. империализма. Австро-Венгрия, традиционный противник итал. империализма на Балканах, была, правда, разбита, но на ее место на самих Балканах выросла другая держава—Югославия, которая выступила против итальянских стремлений к экспансии на Балканах и нашла поддержку в этом у Франции, империалистического соперника И. на Средиземном море и в Северной Африке. Фиуме и Далмация не достались И. Через два дня после подписания Сен-Жерменского мирного договора в Фиуме вступили итальянские добровольцы (бывшие фронтовики, националисты) под командованием писателя д'Аннунцио и образовали там собственное городское правительство. В июне 1920 в Албании вспыхнуло восстание против расположенных там еще со времени войны итальянских войск.

Итальянское правительство хотело выслать подкрепление в Албанию, но при посадке войск на корабли в Анконе вспыхнула всеобщая стачка, расстроившая планы Италии. Итальянское правительство оказалось вынужденным вступить в переговоры с правительством в Тиране, в результате к-рых 2/IX И. должна была очистить Албанию. Только островок Сасено остался в итал. владении. По итало-югославскому договору в Рапалло (12/XI 1920), И. отказалась также от Далмации за исключением города Зара и нескольких островков у далматического побережья. Одновременно на основании тайного договора часть Фиуме с собственной гаванью была уступлена Югославии, за что И. сохранила другую часть города. 18/I 1921 д'Аннунцио покинул город. На основании греко-итальянского соглашения, к-рое примыкало к Севрскому мирному договору (первому мирному договору с Турцией), И. обязалась уступить Греции острова Додеканеса; только о-ва Харки, Кастеллоризо и Родос должны были еще в течение 15 лет остаться под итал. оккупацией. Это соглашение, к-рое 8/X 1922 было формально аннулировано, в действительности никогда не соблюдалось.

При распределении колоний среди победоносных империалистов Италия ничего не получила. Более того, во время мировой империалистической войны позиции И. в Ливии фактиче-

ски ограничились прибрежной полосой. В 1922 итал. империализм готовился вновь завоевать Триполи и Киренаику. Потребовался десятилетний, дорого стоивший колониальный поход, чтобы снова полностью завладеть Ливией.

Фашизм (с 1922). Первое фашистское правительство было по форме парламентским, коалиционным правительством, в к-ром наряду с фашистами посты министров занимали 2 правых либерала, 1 либерал из группы Джолитти, 1 демократ и 2 члена католической народной партии. Такой состав правительства, не меняя характера фашистской диктатуры, являлся выражением слабости и недостаточной уверенности Муссолини в своих силах. «Парламентской» маской фашизм стремился предотвратить открытое сопротивление рабочего класса и крестьянства фашистской диктатуре. Включение в правительство нек-рых политических деятелей из старых буржуазных партий было вызвано, кроме того, необходимостью преодолеть недоверие нек-рой части буржуазии к Муссолини и фашистскому движению и склонить на свою сторону генералитет, опасавшийся, что режим диктатуры внесет политический раскол в армию и ограничит его самостоятельность в решении военных вопросов.

Вскоре после прихода Муссолини к власти в фашистском движении начался кризис. Политика правительства в интересах крупного капитала разочаровала мелкобуржуазных приверженцев фашизма, ожидавших от фашистского режима разрешения своих социальных проблем. Недовольство в вооруженных отрядах фашистской партии, так наз. фашистских «эскадронах», вызвало их «реорганизацию», что выразилось в вытеснении одной части — оппозиционных элементов — и лучшим материальном обеспечении другой, путем превращения ее в фашистскую милицию, содержание к-рой включалось в гос. бюджет.

Однако, эти мероприятия не могли остановить все усиливавшегося отхода от фашизма мелкобуржуазных масс. Боясь остаться в меньшинстве при новых выборах в парламент, фашисты ввели новый избирательный закон, по к-рому избирательный список, получивший наибольшее число голосов, получает $\frac{2}{3}$ всех мандатов, хотя остальные избирательные списки в сумме объединяют значительно большее число голосов. Остающаяся $\frac{1}{3}$ мандатов распределялась пропорционально среди других избирательных списков. Благодаря этой реформе правительственный список, в к-рый были включены более 100 политических деятелей прежних буржуазных партий, получил в новом парламенте 375 мандатов. Но одновременно, несмотря на жестокий правительственный террор, прошло в парламент 6/IV 1924 19 коммунистов, 22 социалиста и 25 правых социалистов — тураттанцев.

Убийство, по распоряжению видных фашистских вождей, секретаря и депутата социалистической партии Маттеоти, собиравшегося разоблачить в парламенте коррупцию в рядах фашистских вождей (взятка от американского концерна в несколько миллионов), углубило кризис фашистского режима. Часть оппозиционных партий (социалисты, республиканцы, перешедшие за это время в оппозицию, католическая партия и другие демократические группы) покинула в знак протеста парламент, объявив ему бойкот (так называемый «авентинский» блок оппозиционных партий).

Боясь выступлений самих масс, эти группы сеяли иллюзии о возможности путем бойкота заставить короля распустить фашистское правительство. Коммунистическая партия, борющаяся против тактики бойкота, была слишком слаба, чтобы возглавить движение масс. Таким образом, фашисты выиграли время для реорганизации своих рядов и перехода в наступление. Речь Муссолини, произнесенная 3/I 1925 перед высшими функционерами фашистской партии, намечала дальнейшее развитие фашистского режима. 1925 и 1926 прошли под знаком растущего террора фашистской диктатуры против революционных рабочих, а также дальнейшей фашизации всего государственного аппарата. 9/XI 1926 фашистское правительство, использовав мнимое покушение 15-летнего мальчика на Муссолини (мальчик был на месте убит фашистами), объявило о роспуске и запрещении всех политических партий, кроме фашистской. Все коммунистические депутаты и другие партийные работники, к-рых сумела схватить полиция, были арестованы и присуждены к 15—20 годам тюремного заключения. Та же участь постигла деятелей социалистов и других оппозиционных партий. Кроме коммунистической и социалистич. прессы, была запрещена также и пресса буржуазно-демократическая.

По закону, принятому сенатом 15/XI и обнародованному 10/XII 1928, фашистский верховный совет, к-рый до тех пор являлся высшей инстанцией фашистской партии, был объявлен одновременно и верховным органом государства, в известных вопросах он не был подчинен власти короля. Формально парламент был сохранен. Но по новому «избирательному» закону «выборы» производятся только по одному списку, составленному фашистским верховным советом. При этом, хотя по закону голосование должно происходить тайно, подача голосов контролируется фашистами. Точно так же было отменено самоуправление общины и вместо бургомистра во главе каждой общины был поставлен назначенный правительством подеста (правительственный комиссар). Коренным реформам подверглись также и фашистские организации. Уже ранее значительно очищенная от мелкобуржуазных слоев, фашистская организация была пополнена добровольцами мелкобуржуазными элементами; выборность партийных руководителей заменена назначением сверху; запрещены всякие партийные съезды (в государственном, областном или местном масштабе). Подобные же меры были проведены в 1928—29 и в фашистских профсоюзах. Во главе фашистских профсоюзов стоят правительственные комиссары, к-рые назначают нижестоящих руководителей.

Этот процесс развития фашистского режима обуславливался возрастающими трудностями итальянского капитализма. В первые годы фашистской диктатуры противоречия в фашистской системе еще не были так резки благодаря относительной хозяйственной стабилизации, начало которой совпало по времени с приходом к власти Муссолини, а также благодаря конъюнктуре итальянской экспортной промышленности на базе возрастающего обесценивания итальянской валюты. В 1926 обесценивание лиры приняло такие темпы, что появилась опасность валютного краха. Банки и тяжелая промышленность, работающая главным образом на внутренний рынок, настоятельно тре-

бывали от правительства стабилизации валюты. Но проведение стабилизации валюты означало жестокое нападение капитала на заработную плату рабочих и на жизненный уровень трудящихся масс вообще. Для осуществления стабилизации должны были быть развиты классовые организации рабочих, а также мелкобуржуазные республиканские и католические организации, к-рые могли бы легко стать базой антифашистских и антикапиталистических элементов. Во время экономического кризиса, наступившего в И. уже в 1927 и углубленного затем мировым экономическим кризисом, реальная зарплата рабочих и служащих понизилась в среднем на 30—40%. Фашистская власть, пытаясь преодолеть экономический кризис, была так же бессильна, как и правительства других капиталистических стран.

Производство начало сильно сокращаться. Резко понизились показатели внешней торговли: ввоз упал с 21,7 млрд. лир в 1929 до 7,7 млрд. лир в 1934 (последнее непосредственно перед подготовкой к абиссинской авантуре), в то же время вывоз упал с 15,2 до 5,2 млрд. лир. Растущая пассивность платежного баланса снизила золотые резервы Banca d'Italia с 18,0 млрд. в конце 1927 до 5,9 млрд. в конце 1934. Государственный бюджет показывает с 1929 ежегодно дефицит от 3 до 6 млрд. лир. Соответственно с этим государственный долг возрос с 83,7 млрд. (30/VI 1927) до 105,4 млрд. лир (30/VI 1935). К долгу следует еще приписать 40 млрд. «отсроченных платежей», к-рые правительство выдало в течение последних лет за счет будущих бюджетов. Вследствие такого состояния государственных финансов стабилизация валюты, которая легла огромной тяжестью на трудящиеся массы, снова стала сомнительной.

Уже осенью 1934, за год до начала Итало-абиссинской войны, началось новое обесценение итал. лиры, достигшее весной 1935 в среднем 10%. Уже в октябре 1935 итал. правительство было вынуждено само официально признать обесценение лиры на 18%. В действительности же лира в это время котировалась на иностранных биржах уже на 40% ниже своей номинальной цены. Под влиянием экономического и финансового кризисов фашистская диктатура в И. ведет в последние годы политику форсированной концентрации и централизации капитала в руках небольшой группы монополю-капиталистической олигархии, причем выдающаяся роль играет в этом процесс вмешательства государства в экономику. Все же мероприятия, к-рые проводятся в последнее время в фашистской И. с целью расширения прав государства для непосредственного вмешательства в ведение хозяйства, имеют своей конечной целью усиление и усовершенствование контроля монополистического капитала над всей экономикой страны. Ту же цель преследует и организация т. н. корпораций, к-рые представляют собой комиссии (всего их 22) из назначенных правительством членов. «Корпорации» в пределах подведомственных им отраслей хозяйства должны содействовать путем издания обязательных постановлений проведению директив соответствующих монополистических и капиталистических групп. Муссолини уже заявил, что в дальнейшем Национальный совет корпораций займет частично или полностью место парламента, лишенного какого-либо реального значения.

Во внешнеполитическом отношении фашистская диктатура итал. монополистического капитала выражает стремление итал. империализма к экспансии, усиленное попыткой фашистского правительства смягчить внутренние затруднения при помощи внешнеполитических успехов. В первый период своего господства фашистское правительство подчеркивало свое миролюбие по отношению к соседям. Оно выполняло договоры, заключенные его предшественником с Югославией, дополнив их конвенцией Санга-Маргерита от 21/II 1923, согласно которой фашистское правительство провело затем эвакуацию Далмации. Но уже в августе 1923, когда на убийство греческими отрядами итальянского председателя международной пограничной комиссии фашистское правительство ответило бомбардировкой и оккупацией греческого острова Корфу, наметились тенденции внешней политики итальянского империализма. Остров Корфу был освобожден только по настоянию других империалистических держав. Внутри политическая слабость и кризис фашистского режима не допускали в 1923 и 1924 агрессивных внешнеполитических мероприятий. После проведенной фашизации 1925—26 всех государственных, хозяйственных и общественных учреждений фашистское правительство перешло к систематической милитаризации страны и населения, начиная с 8-летнего возраста.

В 1926 итал. дипломатия развила активную деятельность на Балканах. 27/XI был заключен договор с албанским правительством Ахмед-Зогу (т. н. Тиранский пакт), обеспечивающий И. положение гегемона в Албании. Спустя несколько месяцев, в апреле 1927, итал. правительство заключило с врагом Югославии, Венгрией, дружественный пакт. Одновременно развивались дружественные отношения с другим соседом и противником Югославии—Болгарией. В ответ на угрозу итал. окружения 7/XI 1927 Югославия заключила дружественный пакт с Францией, на к-рый итал. правительство уже через две недели ответило заключением второго Тиранского пакта, по к-рому войско, управление, финансы, промышленность Албании попали под контроль Италии. Этим, однако, не закончилось выступление итал. империализма на Ю.-В. Европы.

После провокационной угрозы по адресу Турции, на которую английская дипломатия побудила фашистское правительство во время Моссульского конфликта, итал. империализм пересмотрел свою политику в отношении Турции и Греции. Последовало заключение целого ряда договоров в соответствии с итал. империалистическими планами: итало-турецкий (май 1928), итало-греческий пакт (сентябрь 1926) и болгаро-венгерский (июль 1929) договоры о третейском посредничестве в случае возможных конфликтов между этими странами. Еще в сентябре 1926 был подписан также италорумынский дружественный договор, однако, достаточно серьезного сближения между этими двумя странами не было даже и после того, как И. ратифицировала Бессарабский протокол (14/III 1928).

Вся эта дипломатическая деятельность итальянского империализма преследовала едва завуалированную цель достичь, с одной стороны, гегемонии итал. империализма на Балканах и, с другой стороны, укрепить таким путем позиции итал. империализма в Средиземном мо-

ре и Северной Африке на случай будущих империалистических разногласий с Францией в Средиземном море и Северной Африке. В соответствии с этим в эти годы отношения Италии с Францией и Малой Антантой были напряженными, в то время как с Англией итал. правительство стремилось поддерживать хорошие отношения: Стремясь найти союзника в борьбе против Франции, принимая во внимание внутренне-политич. положение, итал. фашистская пресса приветствовала победу фашизма в Германии, рассчитывая, что эта победа укрепит положение итальянского фашизма. Итальянская дипломатия пыталась также втянуть Грецию и Турцию в сферу своих интересов, чтобы установить с их помощью итал. гегемонию на Балканах. Однако, дружественный договор, подписанный 14/IX 1933 между Турцией и Грецией, и Балканский пакт, заключенный 9/II 1934 между Югославией, Румынией, Грецией и Турцией, целью к-рых является защита самостоятельности этих государств, поставили под сомнение возможность для итал. империализма играть на Балканах роль гегемона. Для того, чтобы хотя частично компенсировать эту потерю и создать новые позиции для будущего выступления на Балканах, итал. империализм начал укреплять свое влияние в Дунайской долине. Итальянскому правительству удалось заключить 17/III 1934 договоры с Австрией и Венгрией (т. н. Римский протокол), которые на основании нек-рых экономических преимуществ, предоставленных этим двум странам, более крепко втягивали их в сферу влияния итал. империализма. Но одновременно германский империализм усилил борьбу за Австрию, выражением которой был путч австрийских национал-социалистов, агентов Гитлера, 25/VII 1934. Хотя путч провалился, однако, перед И. встала во весь рост опасность присоединения Австрии к Германии германским империализмом. Присоединение Австрии к Германии означало бы не только потерю этой страны для итал. империализма, но также усиление германских позиций на Балканах, в результате чего балканские планы итал. империализма окончательно рухнули бы. Под непосредственную угрозу попала бы также нынешняя территория И., т. к. она не могла бы сохранить на долгое время Южный Тироль с его немецким населением, если бы вместо слабой и маленькой Австрии он граничил бы с мощной Германией.

Все эти опасности выдвинули на первый план внешней политики итальянского империализма вопрос обеспечения независимости Австрии от Германии. Так как интересы Франции и Малой Антанты совпадали в этом вопросе с интересами Италии, франко-итальянские империалистические противоречия были отодвинуты на задний план, и между обеими странами во второй половине 1934 произошло сближение, к-рое нашло свое отражение в соглашениях от 7/I 1935 в результате встречи в Риме Муссолини с Лавалем. Кроме договоренности о сохранении Австрии как самостоятельного государства, этими соглашениями пытались уладить франко-итальянские спорные вопросы о колониях. Италия временно отодвинула на задний план свои колониальные притязания в Африке, к-рые непосредственно задевали интересы Франции, и получила зато некоторые уступки в этих колониях с одновременным заверением франц. правительства, что Франция не возражает против экспансии Италии в

Абиссинии. Французское правительство уступило также Италии 20% своих акций железной дороги Джибути—Аддис-Абеба. Это облегчило Италии нападение на *Абиссинию* (см.) и порабощение ее. *Б. Аквила.*

Итало-абиссинская война 1935—36. К захвату Абиссинии И. начала готовиться еще с 1934. Учтя опыт колониальных войн, правительство выработало план войны, сводившийся в основном к следующему: а) для завоевания страны нужна сильная армия, продвигающаяся методически, пока есть возможность серьезного сопротивления со стороны противника; б) при отсутствии этого сопротивления главное внимание должно быть обращено на быстроту оккупации территории; в) войска должны быть хорошо снабжены во всех отношениях, что требует отличного оборудования тыла. Использовав и частично спровоцировав несколько пограничных инцидентов, Италия начала перебрасывать свои войска в Эритрею и Итальянское Сомали, одновременно подготавливая эти колонии как базы для вторжения в Абиссинию. С марта по октябрь 1935 было переброшено 6 дивизий в Эритрею, 1 в Сомали и, кроме того, сформировано на месте из враждебных абиссинцам племен 2 эритрейских и 1 арабо-сомалийская дивизия. Явно враждебное поведение И. заставило негуса объявить мобилизацию и, якобы, в ответ на нее итальянские войска 1/X вторглись в Абиссинию.

Силы сторон. Негус мог собрать до 500—700 тыс. чел., из к-рых обученных по европейскому образцу было сначала ок. 7 тыс., с течением времени всего лишь до 20 тыс. И. выставила сразу ок. 350 тыс. чел., 400 самолетов, 400 танков и автоброневиков и многочисленную артиллерию, в том числе 250 тыс. чел. с 300 самолетами и 300 танками в Эритрее; впоследствии И. перебросила в Абиссинию еще 7 дивизий, доведя свои силы до 600 тыс. человек. Для вторжения крупными силами имелось лишь два основных направления: а) Асмара—Адиграт—Макале—Дессие—Аддис-Абеба, длиной около 800 км, и б) из Итальянского Сомали на Горахай—Сассабанех—Даггабур—Джиджига—Харар. Кроме этого, было несколько второстепенных направлений. Дорожная сеть была лучше на юге Абиссинии, и абиссинское командование, опасаясь вторжения итал. мотомехчастей, должно было держать там крупные силы. На Северном театре сосредоточились армии раса Сейюма в районе Адуа (до 20 тыс.), раса Касса из Гондар (до 40 тыс.), раса Имру из Годжам (до 50 т.) и раса Мулугета до 60 т. человек из Аддис-Абебы и Дессие. На юге 150-тыс. армия раса Насибу сосредоточилась в районах Джиджига—Харар и Даггабур—Сассабанех с небольшими отрядами в Герлогуби и Горахай; армия раса Деста (100 т.) была разбросана на огромном пространстве между Доло, Ими и Негели. Сосредоточение абиссинских армий на С. шло крайне медленно, тыл их был совершенно неустроен и к середине декабря, когда эти армии подошли к линии рек Таказе—Гева, итальянцы не только успели сделать два последовательных скачка тремя корпусами—первый до линии Адуа—Адиграт и второй к Макале, но и оборудовать свой тыл, проложив в оккупированном районе свыше 250 км автомобильных дорог. Армия раса Сейюма была к этому времени наполовину уничтожена, попытки его начать партизанские действия против организованного тыла итал.

армии не имели успеха. Вместо того, чтобы перейти к обороне, имея надежного союзника в виде бездорожья и гор, абиссинцы решили атаковать противника, для чего армия раса Имру вступила в Шире, надеясь охватить правый фланг итал. расположения; соединенные армии расов Касса и Сейюма должны были прорвать центр итальянцев в Тембиене, а армия раса Мулугета атаковать с юга лево-фланговые части итальянцев у Макале. Хотя предварительные бои показали абиссинцам, что перед ними всюду находятся крупные и технически очень сильные части, они не отказались от своего плана. Многочисленная итал. авиация не только наблюдала все их передвижения, но и частыми бомбардировками наносила им серьезные потери. Отсутствие параллельных фронту дорог и связи совершенно разоблачило абиссинские армии.

Все это использовал назначенный в начале 1936 главнокомандующим маршал Бадольо; закончив приготовления, он сосредоточил 6 дивизий против армии раса Мулугета, занимавшей г. Амба-Арадам, и разбил ее ударом с двух флангов при содействии сильной артиллерийской группы, ставшей на позиции южнее Макале (сражение в Эндерта 10—15/II); после этого он направил один корпус и авиацию для преследования армии Мулугета к Амба-Алаги, а другим вышел в тыл армиям расов Касса и Сейюма, стоявшим в Тембиене; проложив дорогу от Амба-Арадам к Гаэла, подвезя сильную артиллерию, итальянцы в бою 26—29/II разбили и эту армию, после чего согласованным ударом также двух корпусов (одного от Аксум и другого от Ади-Куале) была разбита (сражение в Шире 29/II—2/III) армия раса Имру, после чего итальянцы начали наступление на Гондар, к-рый и заняли 1/IV. Бадольо начал готовиться к новой операции, перебросив к Амба-Алаги эритрейский корпус и сосредоточив крупные военные запасы, но после 20/III его авиация обнаружила движение абиссинцев к северу. Негус не учел урока предыдущих боев, начал наступление, и остатки его армии (до 60 т.) были разбиты 3/IV в сражении у оз. Ашанги. При отступлении его армия попала под налеты всей авиации Северного фронта (до 190 самолетов), путь ей был перерезан восставшим племенем азебугалла, и он едва смог уйти в Аддис-Абебу с конвоем в 800 чел. 14/IV итальянцы заняли Дессие; 20/IV оттуда выступил на Аддис-Абебу эритрейский корпус, а 26/IV на Анкобер—Аддис-Абеба мотоколонна в 1.600 грузиков с частями 1 корпуса—всего до 20 т. чел. В это же время вся остальная итал. армия была занята прокладкой дорог, чтобы соединить оккупированные районы с Эритреей. На юге командующий итал. войсками ген. Грациани, заняв в первые дни войны Доло, Герлогуби и Горахай, дальше не двигался, занявшись устройством дорог и переносом авиационных лагерей в занятые районы. Рас Деста, собрав войска у Негели в декабре 1935, начал продвижение на Доло, поддержанное действиями других его частей вдоль р. Гамале Дориа. Это продвижение было обнаружено итальянцами с самого начала, налетами авиации были уничтожены собранные в Негели запасы продовольствия, а живущее между Негели и Доло сомалийское племя галла-борана перешло на сторону итальянцев, угоняя скот и засыпая колодцы. В Доло армия раса Деста подошла в составе едва 20 тыс. человек и была разбита подтянутой

туда мотомехдивизией «Пелоритана». Начавшееся 12/1 1936 сражение закончилось преследованием абиссинцев до Негели. Армия раса Деста перестала существовать. Последняя абиссинская армия раса Насибу, состав которой уменьшился до 60 тыс. чел., была разбита у Дагабур—Сассабахе 23—26/IV четырьмя дивизиями итальянцев в наступлении с линии Уал-Уал—Горахай. Итальянцы оккупировали значительную часть Абиссинии.

Крупную роль в поражении Абиссинии сыграла итальянская авиация, в особенности применение итальянцами отравляющих газов, против чего абиссинская армия была совершенно бессильна, не имея зенитных орудий и средств противохимической обороны. Война показала, что автотранспорт в соединении с дорожным строительством позволяет современным армиям удаляться от железных дорог на гораздо большие, чем прежде, расстояния. Авиация стала участвовать во всех боевых действиях, начиная со стратегической разведки и кончая преследованием; она же дала возможность питать войска продовольствием и огнеприпасами — особенно во время быстрых передвижений на трудной местности. Грабительская война велась Италией с варварской жестокостью. Новые «цивилизаторы» Абиссинии, пользуясь всеми средствами современной войны, с хладнокровием убили уничтожали беззащитные города и селения, не щадя женщин и детей. В. Глазгоув.

Лит.: Общие труды: Storia politica d'Italia, scritta da una società di professori (publ. da F. Vallardi), fasc. 1—46, Milano, 1897—99; Hartmann L. M., Geschichte Italiens im Mittelalter (4 Bde), Gotha—Lpz., 1897—1915; Cambridge mediaeval history (Planned by J. B. Bury), v. I—VI, Cambridge—L., 1911—1929; Cambridge modern history, vls I, II, IV, V, VI, [Cambridge], 1902—09; Cantu C., Storia degli italiani, v. I—IV, 4 ed., Torino, 1893—96; Трале Е. В., История Италии в Средние века, СПб., 1906; е го ж е, История Италии в новое время, СПб., 1901; Вернон [К. Д.], Italy from 1494 to 1790, Cambridge, 1924; Pastor L. F., v., Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters [12 Bde], Freiburg u. B., 1927—1932; Книга для чтения по истории Средних веков (под ред. П. Г. Виноградова), вып. 1—4, М., 1896—99. Отдельные вопросы экономич. истории см.: Ковалевский И. М., Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I—III, М., 1898—1903. О торговле И. в Средние века: Heyd W., Histoire du commerce du Levant au moyen âge, t. I—II, Lpz., 1885—86. О правовых учреждениях: Per t i l e A., Storia del diritto italiano (della caduta dell'impero Romano alla codificazione), 2 ed., t. I—VI, Torino, 1849—99 (в обработке P. Del Giudice). Лучшим общим трудом по истории итальянских городов в Средние века остается английское издание S i m o n d i J. C. L., de, History of the Italian republics in [the] Middle ages, L., [1906] (в переработке W. Boulting); L u c h a i r e J., Les anciennes démocraties italiennes, P., 1915; L a n z a n i F., Storia dei comuni italiani dalle origini al 1313, Milano, 1882; Cipolla C., Storia delle signorie italiane dal 1313 al 1530, Milano, 1881; Gianini F., I comuni, Milano, 1909; Orsi P., Signorie e principati (1300—1530), Milano, 1901.

Важнейшие специальные труды: Виноградов П., Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии, СПб., 1880; C a g g e s e R., Classi e comuni rurali nel medio evo italiano, v. I—II, Firenze, 1907—1909; A r i a s G., Il sistema della costituzione economica e sociale italiana nell'età dei comuni, Torino, 1905; M e n g o z z i G., La città italiana nell'alto medio evo (Il periodo langobardo-franco), Roma, 1914; Arte, scienza e fede ai giorni di Dante (Conferenze dantesche), Milano, 1901 [см. D e l G i u d i c e P., La feudalità italiana nel dugento; T a m a s s a A., Vita di popolo nei secoli XIII e XIV; R o s s a, Il papato e la chiesa nel secolo XIII и др.]. Общая характеристика И. в 15—16 вв. дается в работах: V i l l a r i P., La storia di Girolamo Savonarola e dei suoi tempi..., v. I—II, Firenze, 1910 (есть рус. перевод, СПб., 1913); е го ж е, Niccolò Machiavelli e i suoi tempi, v. I—III, 3 ed., Milano, 1912—14 (есть рус. пер., СПб., 1914), а также, S c h n i t z e r J., Savonarola, 2 Bde, München, 1924.

Для изучения Италии периода воссоединения очень важны работы Энгельса Ф., По и Рейн (Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. 2, М., 1934) и Савойя, Ницца и Рейн (Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, М., 1933); много отдельных высказываний Маркса

и Энгельса, касающихся истории Италии 19 в., заключается в статьях и письмах [Маркс и Энгельс, Соч., тт. V—XII, XXI—XXVII, М.—Л., 1929—35, и Архив Маркса и Энгельса, тт. I (VI), III (VIII), Москва, 1932—34 (см. оглавление, именные и предметные указатели томов)]. Высказывания Маркса и Энгельса по поводу национально-освободительного движения в Италии собраны у Невлеа В. Х., К истории воссоединения Италии, Москва, 1936 (есть библиография). Большой интерес представляет статья Сканина С., Кавур и воссоединение Италии, «Историк-марксист», 1935, № 5—6.

Из общих работ по истории Италии нового времени важные следующие: Ленин В. И., Под чужим флагом, Соч., 3 изд., т. XVIII; его же, Империализм и социализм в Италии, там же; Reuchlin H., Geschichte Italiens von der Gründung der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart, T. I—II, Lpz., 1859—60; Bourgin G., La formation de l'unité italienne, [P., 1929]; Hartmann L. M., 100 Jahre italienischer Geschichte (1815—1915), München, 1916; Sternfeld R., Die nationale Einigung Italiens im 19. Jahrhundert, Bonn, 1920; Buller C., Geschichte des zweiten Kaiserreichs und des Königreichs Italien, B., 1890 (в изд. Онгена); Hofmann A., v., Das Land Italien und seine Geschichte, Stuttgart, 1921; Michels R., Italien von heute (Politische und wirtschaftliche Kulturgeschichte von 1860—1930), Zürich, 1930; Vimercati V., Histoire de l'Italie (1789—1863), 5 vols, P., 1863; Anelli L., Storia d'Italia, v. I—VI, 2 ed., Milano, 1864—68; King B., Italian unity (A political history from 1814 to 1871), 2 vols, L., 1899 (есть франц. пер., P., 1901, и I т. в рус. переводе, М., 1901); Bertolini F., Storia d'Italia dal 1814 al 1878, Milano,

1881; Nisco N., Storia d'Italia dal 1814 al 1880, v. I—III, Roma, 1881—1886; Сагапо F., L'Italia dal 1789 al 1870, Napoli, 1909—10. Кроме указанного выше перевода книги Кинга, на рус. яз. переведены работы Орси И. (Современная Италия, СПб, 1907) и Сорена Э. (История Италии..., СПб, 1898) и есть книга Е. Тарле (История Италии в новое время, СПб, 1901). Экономическая история И. 19 в. мало разработана. Книга Вагбагалло С., Storia economica dell'Italia dal 1815 al 1928, Roma, [1929], является почти единственной значительной работой по экономической истории И. Отдельному, хотя и важному вопросу посвящена работа Тарле Е. В., Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I, Юрьев, 1916. Очень содержательной, но устаревшей работой по истории социалистического движения в И. является работа Анджиолини А., История социализма в Италии, ч. 1—2, СПб, 1907.

Лит. по отдельным вопросам, мемуары: Гарибальди Д., Мои мемуары, [М.], 1931; Мэппин Д., Documents et pièces authentiques (laissés par Daniel Mann), t. I—II, P., 1860; Орсини Ф., Воспоминания, изд. «Academia», М.—Л., 1934 [дана лит.]; Гуверадия П. Д., Осада Флоренции (Исторический роман), т. I—II, изд. «Academia», М.—Л., 1934—35. Не потеряли своего значения публицистические статьи об Италии Н. Г. Чернышевского (см. Чернышевский Н. Г., Полное собр. соч. в 10 тт., т. V—VI, СПб, 1906), а также яркое описание революционных событий в И. у А. И. Герцена [Сочинения... (в семи томах, изд. П. Павленкова), т. III—Былое и думы (ч. 5), т. V—Письма из Франции и Италии..., СПб, 1905].

См. также лит. в статьях: Венеция, Возрождение, Генуя, Милан, Неаполь, Пьемонт, Рим, Флоренция.

Важнейшие даты истории Италии.

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
476	Захват власти Одоакром. Формальная дата крушения Западной Римской империи	1056—1071	Захват норманнами во главе с Робертом Гвискардом всего юга Италии
488—555	Остготское королевство в Италии	1056—1106	Генрих IV
493	Взятие королем остготов Теодорихом Равенны и убийство Одоакра	1061—1091	Захват Сицилии норманном Рожером Григорий VII (Гильдебранд) на папском престоле; его борьба с Генрихом IV
493—526	Правление Теодориха	1073—1085	Генрих V
536—556	Походы византийцев и покорение Италии Византией	1103—1125	Заключение папой (Калистом II) и императором (Генрихом V) Вормского конкордата
554	«Прагматическая санкция» Юстиниана	1122	Лотарь III
568—774	Лангобардское королевство	1125—1137	Конрад III Готенштауфен
643	Эдикт Ротари	1133—1152	Арнольд Брешианский в Риме
712—741	Лангобардский король Лиутпранд	1147—1154	Фридрих I Барбаросса; его борьба с ломбардскими городами
720	Нападение арабов на Сардинию	1152—1190	Восстание Милана. Ронкальский сейм
749—756	Лангобардский король Астульф	1158	Разрушение Милана войсками Фридриха I
754—756	Занятие и передача франконским королем Пипином Коротким Равеннского анжархата папе Стефану II	1162	Образование Лиги ломбардских городов против Фридриха I
773—788	Завоевание Карлом Великим королевства лангобардов и введение государственного строя франков	1167	Поражение Фридриха I войсками Ломбардской лиги при Леньяно
800	Коронование Карла Великого римским императором	1176	Констанцкий договор Фридриха I с Лигой ломбардских городов
822—855	Лотарь I—король Италии	1183	Генрих VI
827	Захват Сицилии арабами	1189—1197	Папа Иннокентий III
841	Нападение арабов на Рим	1198—1216	Оттон IV
843	Верденский договор о разделе Каролингской империи	1203—1215	Фридрих II
875—877	Карл Лысый—король Италии и император	1222	Основание университета в Падуе
877—879	Карломан—король Италии	1226	Возобновление Ломбардской лиги; ее разрыв с Фридрихом II
879—887	Карл Толстый—король Италии и император	1237	Разгром войск Ломбардской лиги при Кортенуово
888—951	Борьба за королевскую власть в Италии французских и немецких Каролингов и местных крупных баронов	1266	Поражение Манфреда при Беневенте
916	Разгром арабов при Гарильяно	1268	Разгром войск последнего Готенштауфена (Конрадина) при Тальянцо
951	Провозглашение германского короля Оттона I королем Италии	1282	«Сицилийская вечерня»
962—973	Оттон I—император Священной Римской империи германской нации	1282—1409	Сицилия—отдельное государство
973—983	Оттон II	1284	Морская битва (Пиза и Генуя) при Мелори
982	Поражение Оттона II арабами у Котроне	1293	Реформа Джано делла Белла во Флоренции
995—998	Походы Оттона III в Рим	1302	Мир в Кальтабелотте
ок. 1000	Завоевание арабами Сардинии	1307	Восстание Фра Дольчино
1002—1024	Генрих II	1318	Перенесение папского престола в Авиньон
1015	Изгнание арабов из Сардинии	1310	Восстание Тьеполо в Венеции
1024—1039	Конрад II	1310—1313	Поход Генриха VII в Италию
1027	Поход Конрада II в Рим	1317	Восстание Кола ди Риенци в Риме
1039—1056	Генрих III	1318	Чума в Италии
1046—1052	Походы Генриха III в Рим	1349	Основание университета во Флоренции
1052—1115	Тосканская маркграфиня Матильда во Флоренции		

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
1354	Возвращение Кола ди Риенци в Рим; его гибель	26 декабря	Превращение республики Лукка в княжество и передача его Элизе Баччоки. Низложение Наполеоном Фердинанда Неаполитанского
1377	Возвращение папы в Рим	1806 30 марта	Провозглашение Иосифа Бонапарта королем неаполитанским
1378	Восстание Чомпи во Флоренции	1808	Провозглашение Иоахима Мюрата королем неаполитанским
1409	Присоединение Сицилии к Арагонии	1808—1809	Лишение папы светской власти и присоединение Папской области к Франции
1425	Лига Венеции, Флоренции и папы против Милана	1814	Падение Наполеона
1454	Мир в Лоди	30 мая	Парижский трактат, восстановивший значительную часть итальянских государств в границах 1792
1479	Турки захватывают Отранто	1815	Венский конгресс
1494	Итальянский поход Карла VIII французского	1820—1821	Восстания в Неаполе и Пьемонте и их подавление
1494—1498	Республика Савонароллы во Флоренции	1831	Основание «Молодой Италии». Восстания в Италии.
1499	Французский король Людовик XII завоевывает Миланское герцогство	1831—1846	Понтификат папы Григория XVI
1502—1526	Французско-испанская война в Италии	1833—1834	Восстания в Пьемонте, организованные «Молодой Италией»
1504	Присоединение Неаполя и Сицилии к Испании	1837	Попытка «Молодой Италии» организовать восстание в Сицилии
1508	Камбрейская лига	1843	Восстание, поднятое «Молодой Италией» в Романье
1511	«Священная лига»	1844	Попытка восстания братьев Бандьера в Королевстве Обоех Сицилий
1515	Битва при Мариньяно	1846—1878	Понтификат папы Пия IX
1515	Победа испанцев над французами при Павии	1848	Народное восстание в Палермо и Неаполе (январь)
1527	Разгром Рима войсками Карла V Испанского	14 марта	Провозглашение конституции в Неаполе (10/II), в Тосканском герцогстве (15/II), в Пьемонте (4/III)
1545—1563	Тридентский собор	18—22 марта	Введение Пием IX конституционного управления в Папской области
1517	Восстание Франческо Бурламанки в Тоскане. Заговор Фисеско в Генуе. Народное восстание в Неаполе	24 марта	«Пять дней» Милана
1559	Мир в Като-Камбрези	25 июля	Объявление Карлом Альбертом войны Австрии
1570—1573	Война Венеции с турками; потеря Венецией Кипра	13 августа	Разгром австрийцами Пьемонтской армии
1571	Битва при Лепанто	15 ноября	Провозглашение Венецианской республики
1599	Заговор Кампанеллы	1849 9 февраля	Убийство папского министра Пеллегрино Росси. Бегство папы из Рима
1645—1649	Война Венеции с турками; потеря Крита	3 июля	Провозглашение Римской республики
1647	Неаполитанское восстание Мазаньелло	22 августа	Взятие Рима французскими войсками
1674	Народное восстание в Мессине	22 августа 1850	Падение Венецианской республики
1684	Осада Генуи Людовиком XIV	1852—1853	Вступление Кавура в министерство
1697	Рисвинский мир	1857	Восстания мадзинистов в Мантуе и в Милане
1706	Битва при Турине; поражение французов	1858 21 июля	Восстание мадзинистов в Генуе и Ливорно
1713	Утрехтский мир	1859 апрель	Свидание и соглашение Кавура с Наполеоном III в Пломбьере
1720	Переход Сицилии к Австрии и Корсики к Савоие	3 июня	Начало Австро-итальянской войны
1735	Венский мир между Францией и Австрией	24 июня	Поражение австрийцев под Мадженто
1743	Вормский мир	11 июля	Поражение австрийцев под Сольферино
1792	Объявление Францией войны Пьемонту	1860 март	Виллафранкское перемирие
1793	Объявление Францией войны Неаполю	май	Плебисцит по вопросу о присоединении ряда итальянских государств к Пьемонту
1796 28 апреля	Перемирие Виктора Амедея III с Бонапартом	18 августа	Экспедиция гарибальдийской «тысячи» на юг
1796 10 мая	Поражение австрийских войск войсками Бонапарта при Лоди	1861 18 февраля	Высадка Гарибальди на материне
1796	Возникновение Циспаданской республики	6 июня	Заседание в Турине первого Всеитальянского парламента
1797 19 февраля	Заключение мира в Толентино между Бонапартом и папой	1 октября	Смерть Кавура
5 июня	Образование Лигурийской республики	1862	Победа гарибальдийцев у Вольтурно
1797	Образование Цизальпинской республики	1864	Высадка Гарибальди в Калабрию и начало его похода на Рим. Сражение у Аспромонте, ранение и пленение Гарибальди
17 октября	Кампоформийский мирный договор	1865 3 февраля	Конвенция между Наполеоном III и Виктором Эммануилом (сентябрьская конвенция)
1798 15 февраля	Ликвидация светской власти папы	1866 8 апреля	Переезд двора и правительства во Флоренцию
20 марта	Учреждение Римской республики	24 июня	Заключение оборонительного и наступательного союза между Пруссией и Италией
27 ноября	Вступление войск генерала Мака в Рим	3 июля	Поражение итальянцев у Кустоццы
1799 23 января	Провозглашение Партенопейской республики	3 октября	Разгром австрийской армии прусскими войсками при Садовой
Апрель—июнь	Победы Суворова (русско-австрийской союзной армии) в Северной Италии		Венский мирный договор между Италией и Австрией; Венеция отходит к Италии
1800	Восстановление власти духовенства в Папской области после кровавых битв и разгрома отдельных республик		
1800 14 июня	Победа Бонапарта при Маренго		
1811 9 февраля	Люневильский мирный договор		
1802 26 января	Принятие новой конституции Цизальпинской республики; переименование Цизальпинской республики в Итальянскую		
1805 18 марта	Превращение Итальянской республики в королевство и принятие Бонапартом титула короля Италии		

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
1887	Бегство Гарибальди с о-ва Капреры и новый поход краснорубашечников на Рим	1895	Третий конгресс социалистической партии в Парме. Начало войны с Абиссинией
3 ноября	Поражение, нанесенное Гарибальди французским корпусом и войсками папы у Ментаны; новая ссылка Гарибальди на о-в Капреру	1896 1 марта	Разгром итальянских войск в Абиссинии при Адуа
1869	Покупка итальянской паровой компании бухты Ассаб (Эритрея)	5 марта 7 марта	Новый кабинет маркиза ди Рудини. Социалистический манифест против войны в Абиссинии
1870	Взятие гарибальдийцем Биксио Читавита-Веккии	июль	IV конгресс социалистической партии во Флоренции
19—20 сентября	Осада папского Рима добровольцами Биксио; занятие ими и правительственными войсками Рима	1 октября	Начало выхода социалистической газеты «Avanti»
9 октября	Официальное присоединение Рима к Италии	26 октября 1897	Соглашение с Францией о торговом судоходстве
1871	Перенесение столицы из Флоренции в Рим (26/I); переезд правительства Виктора Эммануила в Рим (2/VI)	1 октября 1897	Заключение мира с Абиссинией
май 1873	Закон о гарантиях Упразднение парламентом религиозных корпораций и отчуждение монастырских имуществ	30 августа 11 октября	V конгресс социалистической партии в Болонье
1874	Издане папой буллы, запрещающей католикам принимать участие в политической жизни	1895 апрель—май	Роспуск Палаты и новые выборы; успехи социалистов (184 тыс. голосов против 26 тыс. голосов в 1892)
1876 март 1878 1878—1900 1878—1903 1882	Закон о всеобщем обучении Смерть Виктора Эммануила II Умберто I Понтификат папы Льва XIII Новый закон об избирательном праве (число избирателей увеличилось с 632 тысяч человек до 2.600 тысяч человек)	18 июня	Коммерческий договор с Абиссинией
	Создание в Милане Рабочей партии под руководством Джацари	21 ноября	Народная демонстрация в Риме против повышения хлебных цен, разогнанная войсками
	Смерть Гарибальди (2 июня) на Капрере	1895 апрель—май	Массовые выступления в стране; столкновения с войсками
	Превращение Ассаба в колонию	21 ноября	Отставка кабинета ди Рудини; замена его генералом Пеллу (29/VI). Введение осадного положения
	Вступление Италии в Тройственный союз	7 декабря	Ликвидация таможенной войны с Францией
февраль	Захват итальянским флотом абиссинской гавани Массауа	1899	Подписание англо-итальянской конвенции о границах Эритреи
1887 26 января	Разгром итальянцев в Абиссинии в горном проходе Догали «Эра Кришти»	31 декабря	Реакционный законопроект Пеллу—Соннино отвергнут палатой; роспуск палаты; введение законопроекта в силу королевским указом
1887—1896 1888—1898 1889	Таможенная война с Францией Новый уголовный кодекс Крестьянское восстание в Ломбардии	1900	Амнистия политическим заключенным
2 мая 1890	Соглашение с Абиссинией в Уччали Передача церковных благотворительных учреждений государству (переход в распоряжение государства капитала в 3 млрд. лир)	24 января	VI конгресс социалистической партии в Риме. Первый национальный съезд палат труда и создание Федерации палат труда
1891	Образование колонии Эритреи	29 июля	Протокол о разграничении итальянских и французских владений у Красного моря
1891 январь	Возникновение палат труда Кабинет ди Рудини. Выход социалистической газеты «Critica sociale» (издатель Ф. Турати). Перевод на итальянский язык «Коммунистического манифеста»	2 августа	Убийство короля Умберто анархистом Бреши. Массовые аресты анархистов
15 апреля	Англо-итальянская конвенция о разделе сфер влияния в Сомали	1901—1914 1901 12 марта	Вступление на престол Виктора Эммануила III «Эра Джолитти»
апрель	Процесс 179 участников тайной организации каморры «Mala vita» в Бари	26 ноября	Забастовка портовых рабочих в Палермо, поддержанная рабочими других профессий, подавленная войсками
1 мая	Забастовки и демонстрации во многих городах	1902 24 февраля— 10 марта 28 июня	Соглашение с Англией относительно границы между Суданом и Эритреей
15 мая	Энциклика папы Льва XIII «Regum novarum»	сентябрь	Всеобщая стачка железнодорожников
1892 май 1892 август	Кабинет Джолитти Первый Всеитальянский конгресс социалистов в Генуе; создание социалистической партии	1903—1914 1904 31 января	Возобновление Тройственного союза. Соглашение с Францией относительно Марокко, Триполи и Киренаики
1893	Второй конгресс социалистической партии в Реджо-Эмилии	1 февраля	VII конгресс социалистической партии в Имоле; победа правого крыла Понтификат папы Пия X
	Массовое движение в Сицилии и Апулии в связи с повышением цены на муку; аграрные выступления и организация нескольких сотен рабочих союзов	16 мая	Закон о страховании рабочих от несчастных случаев
24 ноября	Падение кабинета Джолитти; новое министерство Крипи	1904	Соглашение с Англией по вопросу о Восточной Африке
20 декабря 1894	Разгром деревней в Эритрее Объявление в Сицилии исключительного положения. Восстания в окрестностях Массы и Каррары. Разгром рабочих организаций Закон, усиливающий наказание за преступления печати и предусматривающий ссылку без суда для анархистов	21 мая 30 ноября	Крупные аграрные выступления в Апулии
		1905 15—22 апреля	VIII конгресс социалистической партии в Болонье
		17 апреля	Стачка 2.500 горняков в Сардинии
		20 апреля	Всеобщая забастовка
		июнь	Открытие вновь избранного парламента
		1906	Стачки железнодорожников и связанные с ними революционные выступления рабочих
			Волнения в Фодже; столкновение стачечников с войсками
			Принятие палатой депутатов закона об условиях труда железнодорожников
			Снятие папой запрещения верующим участвовать в политической жизни
			Образование Всеобщей конфедерации труда

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
январь—март	Алжесирасская конференция	август	Антивоенные демонстрации рабочих в Турине. Столкновения с войсками
февраль	Основание католической партии	23 октября	Поражение итальянских войск под Капоретто
5—8 апреля	Мощное извержение Везувия (более 200 жертв)	25 октября	Падение министерства Бозелли в связи с разгромом под Капоретто
7 мая	Выступление рабочих-текстильщиков в Турине; волнения в Болонье		XV конгресс социалистической партии в Риме
10 мая	Всеобщая стачка в Риме и в ряде крупных городов	1918 3 ноября	Оккупация итальянскими войсками Триента и наступление на Триест; итальянский флот у Зары
1906 7 октября	IX конгресс социалистической партии в Риме	4 ноября 1919	Перемирие с Австро-Венгрией
13 декабря	Соглашение И. с Англией и Францией о разделе сфер влияния в Абиссинии	19—29 января	XVI конгресс социалистической партии в Болонье. Присоединение соц. партии к Коминтерну
1907 октябрь	Всеобщая стачка миланских рабочих, распространившаяся на ряд городов; крестьянские волнения	20 февраля	Стачка железнодорожников
1908	X конгресс социалистической партии во Флоренции	17 марта	Установление 48-часовой рабочей недели для металлистов и сменных отраслей, распространившейся на 500 тыс. рабочих
2 апреля	Съезд Всеобщей конфедерации труда в Модене	29 марта	Введение 8-часового рабочего дня на текстильных, полиграфических и бумажных предприятиях
28 декабря	Объявление всеобщей стачки Мессинского землетрясение. Погибло ок. 80 тыс. человек	4 апреля	Высадка итальянских войск в Адалии, близ Смирны
1909 23 октября	Встреча Николая II с Виктором Эммануилом в Ракониджи	10 апреля	Установление 48-часовой рабочей недели в с.-х. предприятиях
1910	XI конгресс социалистической партии в Милане	13 апреля	24-часовая стачка в Риме в знак протеста против запрещения демонстрации солидарности с Советской Россией
декабрь	Первая конференция националистической партии во Флоренции	2 мая	Соглашение о 8-часовом рабочем дне в сахарной и спиртовой промышленности
1911 29 сентября	XII конгресс социалистической партии в Модене	4 мая	Забастовка трамвайных и др. рабочих, охватившая 80 тыс. чел.
5 ноября	Объявление итальянским правительством войны Турции	15 июня	Декрет о 8-часовом рабочем дне на государственных железных дорогах
1912	Объявление Италией аннексии Триполи и Киренаики	июль	Волнения во Флоренции, Турине, Генуе, Милане, Пизе, сопровождавшиеся разгромом лавок и рынков
6 марта	XIII конгресс социалистической партии в Реджо-Эмилии; исключение из партии крайне-правого Биссолати	29 июля	Волнения и столкновения между французами и итальянцами в Фиуме
30 июня	Первое применение дирижабля в военных действиях Италии в Триполи	3 августа	Всеобщая забастовка солидарности с Советской Россией
18 октября	Оккупация о-ва Родоса (в мае) и двенадцати турецких островов Додеканеса (в июне)	август	Подписание секретного договора Гречией о взаимной поддержке в территориальных притязаниях
5 декабря 1913	Избирательная реформа, увеличившая число избирателей с 3,5 до 8 млн.	8 сентября	Разгром фашистами большевистского органа «Il lavoratore» («Рабочий»)
26 октября 1914	Лозаннский мирный договор с Турцией	16 ноября	Захват фабрик рабочими Ломбардии и Пьемонта
июнь	Возобновление Тройственного союза	2 декабря	Договор с Францией о границах Ливии
7—10 июня	Образование анархо-синдикалистскими организациями своего центра—Итальянского профсоюзного объединения	10 сентября	Сеп-Жерменский договор с Австрией
30 июля	Выборы в палату	12 сентября	Переворот в Фиуме, организованный д'Аннунцио
3 августа	XIV конгресс социалистической партии в Анконе	12 ноября	Оккупация Зары на Далматинском побережье отрядами д'Аннунцио
20 августа	Объявлена всеобщая стачка в других городах, переросшие во всеобщую антимилитаристическую стачку	16 ноября	Всеобщие выборы в Палату депутатов, первые с 1913
1915 26 апреля	Антивоенные социалистические демонстрации во Флоренции и Турине	2 декабря	Всеобщая стачка в Риме, Милане и Флоренции
3 мая	Мобилизация флота	1920 январь	Стачки почтовых работников и железнодорожников
22 мая	Провозглашение итальянским правительством нейтралитета	31 марта	Провозглашение д'Аннунцио независимости Фиуме
1916 10 июня	Смерть папы Пия X. Понтификат папы Бенедикта XV (1914—22)	19—26 апреля май	Конференция премьеров в Сан-Ремо
19 июня	Занятие итальянцами острова Сасено и гавани Валони (Албания) (октябрь и декабрь)	3 июня	Министерство Нитти вынуждено легализовать захват ряда хлопчатобумажных фабрик рабочими
31 июля	Начало выхода «Пополо д'Италия», шовинистической газеты Муссолини	8—24 июня	Образование министерства труда и социального обеспечения
27 августа 1917 3 июня	Лондонский договор о присоединении Италии к Антанте	июль—июль	Железнодорожная стачка в Сев. Италии
27 июля	Расторжение итальянским правительством договора о Тройственном союзе	21 июля	Конференция в Спа
	Мобилизация	2 сентября	Стачка железнодорожных и трамвайных рабочих в ряде городов
	Объявление Италией войны Австро-Венгрии (24/V), Турции (21/VIII) и Болгарии (19/X)	10 августа	Разгром фашистами редакции газеты «Avanti!»
	Отставка кабинета Саландры	20 августа	Соглашение об эвакуации итальянских войск из Албании, кроме о-ва Сасено
	Образование Паоло Бозелли правительства национальной концентрации		Договор с Турцией в Севре. Соглашение с Грецией
	Англо-итальянское соглашение о границе между Ливией и Египтом		Провозглашение локаута предприятиями металлургической промышленности; распространение локаута на различные отрасли в последующие дни
	Объявление Италией войны Германии		
	Объявление Италией независимости Албании под итальянским покровительством		
	Секретное соглашение с Францией относительно сфер влияния в Малой Азии		

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
сентябрь	Декларация Федерации итальянских металлургов, призывающая рабочих захватить предприятия в случае объявления локаута. Крупные стачки сельскохозяйственных рабочих. Захват рабочими более 200 химических предприятий и нескольких текстильных фабрик.	30 октября	Король уполномочивает Муссолини образовать министерство
12 сентября	Конференция Всеобщего объединения профсоюзов в Милане; предательское поведение реформистов	25 ноября	Палата предоставляет всю полноту власти кабинету Муссолини до 31 декабря 1923
28 сентября	Соглашение между представителями предпринимателей и рабочих-металлистов об освобождении рабочими фабрик и освобождении рабочими захваченных фабрик	17 декабря	Фашистские выступления в Турине (убито 22 рабочих)
12 ноября	Принятие ЦК социалистической партии «21 условия» вступления в Коминтерн	1923 14 января	Образование королевским декретом добровольной национальной милиции (фашистской)
20—21 ноября	Договор с Югославией (Рапалльский договор)	1 февраля	Начало военных действий в Триполи
21 ноября	Следз унитариев во Флоренции	март	Эвакуация итальянцами Сусана (3/III) и Зары (12/III)
27 декабря	Убийство фашистами двух членов коммунистического городского самоуправления в Болонье	апрель	XX конгресс социалистической партии в Милане
1921 15—20 января	Бомбардировка Фиуме итальянскими войсками	24 июля	Чрезвычайный конгресс унитариев
21 января	Раскол социалистической партии на XVII конгрессе в Ливорно	29 августа	Подписание мирного договора с Турцией в Лозанне
24 января	Основание коммунистической партии Италии	31 августа	Предъявление Италии ультиматума Греции в связи с убийством генерала Теллини, председателя международной разграничительной комиссии Второй ультиматум Греции; бомбардировка и оккупация острова Корфу итальянскими войсками. Соглашение относительно управления Фиуме смешанной комиссией из представителей Италии, Югославии и населения Фиуме
февраль	Разгром фашистами социалистического центра в Болонье и Палаты труда	2 сентября	Принятие реформы народного образования
1 марта	Столкновение коммунистов и фашистов во Флоренции, Палермо, Специи; убийство редактора коммунистической газеты Лаваньини	16 сентября	Отставка правительства Фиуме и вступление генерала Джакардино в должность военного губернатора
4 марта	Всеобщая стачка в Венеции и др. городах	27 сентября	Эвакуация Корфу итальянцами
24 апреля	Соглашение с Югославией в Спалато об эвакуации итальянцами Далмации	14 ноября	Принятие нового избирательного закона, предоставляющего партии, получившей на выборах большинство голосов, две трети мест в Палате депутатов
15 мая	Первые выборы в Учредительное собрание Фиуме в соответствии с договором в Рапалло	30 декабря	Декрет о реорганизации судебной системы—основной закон итальянского судоустройства
1 июля	Нападение фашистов на город Рокнастрада, где социалисты получили большинство при выборах; разгром кооператива и сожжение крестьянского клуба	1924 27 января	Подписание договора с Югославией, передающего Фиуме Италии, а порт Барос и дельту—Югославии
20 августа	Воззвание коммунистической партии о всеобщей стачке; контрвоззвание Всеобщей конфедерации труда	7 февраля	Признание Советского Союза де-юре и подписание договора о торговле и мореплавании и таможенной конвенции
октябрь	XVIII конгресс социалистической партии в Милане	6 апреля	Выборы в Палату депутатов
20—23 октября	Конгресс католической партии («Полполяри») в Венеции	май	1-я конференция коммунистической партии в Швейцарии
6 ноября	I конгресс фашистской партии в Риме	24 мая	Открытие парламента; выступление социалиста Маттеоти
10 ноября	Коммунисты и социалисты призывают к всеобщей забастовке—протесту против фашизма	10 июня	Убийство фашистами социалистического депутата Джакомо Маттеоти
14 ноября	Окончание четырехдневной стачки римских печатников, прошедшей в обстановке фашистского террора (6 рабочих убито, ок. 100 ранено)	15 июня	Объявление «авентинским блоком» бойкота парламенту (собрание на Авентинском холме)
26 декабря	Торговое соглашение с РСФСР и УССР	18 июня	Соглашение с Великобританией относительно границ Эритреи и Судана
1922 22 января	Смерть папы Бенедикта XV (новый папа Пий XI, 6 февраля)	26 июня	Всеобщая 10-минутная забастовка в связи с убийством Маттеоти
18 марта	II конгресс коммунистической партии в Риме	5 июля	Подписание пакта о сотрудничестве с Чехословакией
10 апреля	Антифашистские стачки во всех портах, организованные коммунистами	15 июля	Подписание договора с Великобританией о переходе Джубаленда к Италии
24 мая	Открытие Генуэзской экономической конференции	30 июля	Митинг 314 тысяч ветеранов мировой империалистической войны в Ассизи, принявший резолюцию о восстановлении конституционного правопорядка
июль	Подписание торгового соглашения с Советской Россией (ратифицировано Советским правительством 15 июня)	3 августа	Запрещение собраний оппозиционных партий в Риме
1 августа	Оккупация Витербо, Кремоны и Алатри фашистами	9—10 августа	Коммунистические демонстрации в Риме
3—4 августа	Антифашистская всеобщая стачка всех рабочих союзов в Риме, распространившаяся на всю Италию	1925 январь	Новый разгул фашистского террора, разгром рабочих организаций, массовые аресты революционеров, конфискации газет и т. д.
2 октября	Нападение фашистов на коммунистическо-социалистический муниципалитет в Милане	5 января	Образование нового фашистского кабинета
8 октября	XIX конгресс социалистической партии в Риме	10 января	Подписание временного коммерческого соглашения с Германией
октябрь	Денонсирование Италией договора с Грецией от 10 августа 1920 относительно Додеканеса	15 января	Закрытие Неаполитанского университета вследствие столкновений студентов-фашистов и антифашистов
	Фашистский «поход на Рим»	23 февраля	Соглашение с Австрией о разрешении спорных вопросов в Тироле

Годы	Исторические факты	Годы	Исторические факты
12 марта	Стачка 40 тысяч рабочих железодобывающей и сталелитейной промышленности в Брешии	27—30 мая	Антиитальянские выступления в Югославии против ратификации конвенции Неттуно (100 раненых)
15 марта	Распространение стачки на всю Ломбардию	1 июля	Подписание временного торгового соглашения с Эстонией. Денонация Китаем договора с Италией от 26 октября 1866
6—9 апреля	Столкновения в Риме, Триенте и др. городах между фашистами и «авентинскими депутатами», в Фаенце—между фашистами и коммунистами	12 июля	Спасение советским ледоколом «Красин» части экипажа «Италии»
2 мая	Образование министерства авиации	24—29 июля	Процесс 33 коммунистов
19 мая	Принятие Палатой депутатов законопроекта против тайных обществ	2 августа	Подписание договора о дружбе с Абиссинией
20 июля	Подписание конвенции Неттуно с Югославией	13 августа	Ратификация правительством Югославии конвенции Неттуно (от 20 июля 1925)
31 июля	Соглашение с Англией относительно границы Египта и Ливии	15—16 августа	Новые антиитальянские демонстрации в Югославии; нападение на итальянское консульство в Спалато
19 сентября	Раскол «авентинского блока»	15 ноября	Превращение (решением сената) Большого совета фашистской партии в высший орган государства (утверждено палатой 8 декабря, санкционировано королем 9 декабря, обнародовано 10 декабря)
3 октября	Столкновения между фашистами и антифашистами во Флоренции	27 декабря	Закон об управлении провинциями
1925 16 октября (1 декабря)	Подписание Лонарнского договора	1929 21 января	Роспуск парламента
31 октября	Торговый договор с Германией	11 февраля	Подписание Муссолини и кардиналом Гаспарри документов, восстанавливающих папское государство в форме «государства города Ватикана» (Латеранский конкордат)
19 ноября	Столкновения в Палате; исключение коммунистических депутатов фашистами	13 июня	Капитуляция вождей повстанцев в Киренаике
31 декабря	Фашистский закон о печати	октябрь	Выход Всеобщей конфедерации труда из Амстердамского Интернационала
1926 январь	III конгресс коммунистической партии Италии в Лионе (Франция)	18 октября	Антиитальянские демонстрации в Югославии по поводу казни словенского студента в Поле
31 января	Закон, предоставляющий исполнительной власти право издавать законодательные акты	28 октября	Открытие Королевской академии наук
3 апреля	Закон о монополии фашистских профсоюзов	1930 6 февраля	Договор о дружбе и взаимопомощи с Австрией
18 мая	Образование министерства корпораций	август	Присоединение Всеобщей конфедерации труда к Профинтерну
7 августа	Подписание договора о дружбе с Испанией	1931 23 марта	Упразднение суда присяжных
30 августа	Отмена выборов органов муниципального самоуправления и введение управления подестаами во всех городах, за исключением Рима и Неаполя	апрель	IV конгресс коммунистической партии Италии в Кельне—Дюссельдорфе (Германия)
9 ноября	Принятие Палатой депутатов решений о лишении «авентинских депутатов» их мандатов и о восстановлении смертной казни. Запрещение всех партий, кроме фашистской	27 апреля	Новое кредитное соглашение с СССР
29 декабря	Подписание договора о дружбе с Германией	1933 15 июля	Подписание Пакта четырех с Великобританией, Францией и Германией
1927 4 января	Постановление Исполкома Всеобщей конфедерации труда о самоликвидации	2 сентября	Подписание пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете с СССР
20 февраля	Нелегальная профсоюзная конференция в Милане, реорганизовавшая Всеобщую конфедерацию труда	1934 17 марта	Римский протокол, договор о дружбе с Австрией и Венгрией
8 марта	Ратификация Италией Парижского договора 28 октября 1920, признающего суверенитет Румынии в отношении Бессарабии	июнь	Соглашение Муссолини и Гитлера о «защите независимости» Австрии
17 марта	Протест Советского правительства в связи с признанием Италией суверенитета Румынии над Бессарабией	5 августа	Закон об обязательной принадлежности составов судебных заседателей (ассизов) к фашистской партии
5 апреля	Подписание договора о дружбе с Венгрией	17 августа	Подписание соглашения о единстве действий коммунистической и социалистической партий Италии
21 апреля	Фашистская «Хартия труда»	5 декабря	Пограничный инцидент с Абиссинией в Итальянском Сомали
25 июля	Конвенция с Венгрией, предоставляющая последней свободную зону в порте Фиуме	1935 февраль	Мобилизация и начало усиленной отправки войск в Сомали
1928 январь	2-я конференция коммунистической партии Италии в Швейцарии	октябрь	Начало военных действий в Абиссинии без объявления войны
21 февраля	Реорганизация фашистской милиции и слияние ее с регулярной армией	1936 5 мая	Занятие итальянскими войсками Аддис-Абебы
15—25 мая	Полет генерала Нобиле на дирижабле «Италия»	9 мая	Абиссиния объявлена итальянским королем колонией Италии
17 мая	Закон об избирательной реформе		

V. Италия и СССР.

Нормальные дипломатические отношения между СССР и И. были установлены 7/II 1924. Одновременно с этим в Риме были подписаны советско-итальянский договор о торговле и мореплавании и таможенная конвенция, создавшая правовую базу для торговых отношений между Советским Союзом и И. В интересах форсирования советского импорта из И. итальянское правительство подписало 2/VIII 1930 в Риме соглашение относительно гарантирования им кредитов по заказам СССР, во-

зобновленное с нек-рыми изменениями 27/IV 1931. 6/V 1933 в Риме было подписано соглашение о торговом обмене, к-рое устанавливало известное соотношение между советским экспортом в И. и импортом из И. Одновременно с этим была подписана новая таможенная конвенция взамен конвенции от 7/II 1924, предусматривавшая наибольшее благоприятствование в таможенной области. Соглашение о торговом обмене было возобновлено в основном на прежних условиях в июне 1935. 2/IX 1933 между СССР и И. был подписан «пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете».

Основные положения пакта предусматривают: а) взаимное обязательство не прибегать к войне против другой стороны и уважать неприкосновенность территорий, находящихся под ее суверенитетом; б) обязательство нейтралитета на случай, если одна сторона подвергнется нападению третьего государства или группы государств; в) взаимное обязательство не участвовать в международном соглашении, к-рое имело бы практическим последствием запрещение покупать товары другой стороны или отказ ей в кредите, и не принимать мер, дискриминирующих экспорт другой стороны; г) взаимное обязательство не участвовать в международных политических и экономических соглашениях, направленных против другой стороны.

VI. Политический очерк.

Государственный строй. Государственный строй современной И. характеризуется тем, что И. в наст. время является фашистским государством (см. *Фашизм*). «Приход фашизма к власти,—говорил Г. Димитров в своем докладе на VII Всемирном конгрессе Коминтерна,—это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой—открытой террористической диктатурой» (Д и м и т р о в, Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма, 1935, страница 10).

Конституция 1848, согласно которой И. являлась монархией, ограниченной парламентом, формально не отменена, но фактически исполнительная власть, высшими представителями к-рой являются король как глава государства (*capo dello stato*) и Муссолини как глава правительства (*capo del governo*), получила власть неограниченную, и права парламента сведены к нолю. Главе правительства, первому министру-статс-секретарю, принадлежит неограниченная власть, фактически отесняющая на второй план короля и др. министров. Министры несут ответственность не только перед королем, но и перед первым министром. Отношения между парламентом и правительством строятся по принципу подчинения парламента главе правительства. Это выражается в порядке образования парламента и в том, что повестка заседаний парламента утверждается главой правительства. В противовес положению конституции о разделении властей, закон 31/I 1926 предоставляет исполнительной власти издавать юридические акты. Парламент состоит из Сената и Палаты депутатов. Сенаторы назначаются королевским декретом. Число сенаторов законом не ограничено. В Сенат назначаются архиепископы и епископы, председатель Палаты депутатов, министры-статс-секретари и другие видные представители бюрократии. Возрастной ценз сенатора — 40 лет. Палата депутатов формируется по закону 17/V 1928 таким образом, что выборы фактически отменены. Большой совет фашизма отбирает из числа кандидатов, выдвинутых различными фашистскими организациями, 400 человек и одобренный им список ставит целиком на голосование. Голосующие могут либо одобрить весь этот список, либо отвергнуть его целиком. Если этот список будет целиком отвергнут, то

происходят выборы депутатов в порядке голосования индивидуальных кандидатур. Для государственного строя фашистской И. характерно правовое положение фашистской партии и т. н. Большого совета фашизма. Фашистская партия является государственным учреждением. Устав ее утверждается королем. Королевским декретом также назначаются высшие должностные лица фашистской партии. По закону 15/XI 1928, Большой совет фашизма является высшим органом фашистского государства. Он возглавляется Муссолини как главой правительства; секретарем его является секретарь фашистской партии, пожизненными членами состоят члены квадрумвирата, возглавлявшего поход на Рим в октябре 1922. По занимаемой ими должности членами его являются председатель Сената и Палаты депутатов, министры, кроме военного, морского, воздушных сил и нек-рых других, президент Итальянской королевской академии, секретарь и два вице-секретаря фашистской партии, генерал, командующий милицией государственной безопасности, председатель специального трибунала по защите государства, председатель национальной фашистской конфедерации и национальной конфедерации фашистских промышленных и сельскохозяйственных синдикатов.

В системе органов государственного управления и регулирования хозяйственной жизни страны видное место закон отводит так наз. корпорациям. Начала корпоративизма формулированы в «Хартии труда», утвержденной Большим советом фашизма в 1927. Корпорации, объединяющие представителей синдикатов предпринимателей и синдикатов рабочих и служащих, являются государственными учреждениями. Они имеют право издавать обязательные постановления в области регулирования производства. Законом 3/IV 1926 забастовки рабочих преследуются как уголовное преступление. Национальный совет корпораций состоит под председательством Муссолини. До настоящего времени образованы 22 корпорации.

Начало авторитаризма нашло свое выражение также в организации местного управления. Закон 27/XII 1928 об управлении провинциями упразднил местные органы самоуправления и их исполнительные органы. Во главе провинций поставлены префекты, а при них—советы из назначенных лиц в числе от 4 до 8. Упразднены должности выборных синдиков (*sindaco—мер*), вместо них назначаются правительственные комиссары. Правительственный комиссар назначает совет, функционирующий при нем в качестве совещательного органа. (Подробнее о государственном строе Италии см. *Фашизм*).

В судебной области нынешний государственный строй И. характеризуется сведением на-нет провозглашенного в конституции принципа несменяемости судей, упразднением по закону 23/III 1931 суда присяжных, вместо к-рого введен суд ассизов или ассесоров, т. е. суд, состоящий из постоянных судей-профессионалов, к которым для разбора более серьезных уголовных дел присоединяются ассесоры, назначаемые королевским декретом по предложению министра юстиции из очень узкого круга лиц. Эти лица, по закону 5/VII 1934, обязательно должны принадлежать к фашистской партии. В 1926 был образован Особый трибунал для защиты государства. Закон об обра-

зовании этого трибунала восстановил в И. смертную казнь. Особый трибунал состоит исключительно из военных. До 1931 он был подчинен военному министру. По декрету 4/VI 1931, он перешел в ведение главы правительства, т. е. лично Муссолини. Основным наказанием, выносимым Особым трибуналом, является смертная казнь. Этому трибуналу подсудны наиболее серьезные политические дела. Все остальные—уголовные и гражданские—дела разбираются по основному закону итальянского судостроительства, так называемому единому тексту от 30/XII 1923, единоличным судом претора, окружными судами, действующими коллегиально, упомянутым уже судом ассизов, апелляционными судами и кассационным судом, единым для всей И. В колониях функционируют колониальные суды. *Ф. В.*

Политические партии. Пути социально-экономического развития И. за 50 с лишком лет, истекших с момента ее воссоединения до прихода к власти фашистов (1870—1922), особенно усиление индустриализации в начале 20 века, наложили свою печать и на развитие итальянских политических партий. С завершением национально-освободительного движения формально отмерли десятка два самых разнообразных политических партий, групп и группочек, существовавших раньше как самостоятельные организации в государственно-разрозненных частях И. В уцелевшие после воссоединения И. политические партии вошло большое число местных группировок. Сохранились скорее как течения, но не как партии в строгом смысле слова, «правая» и «левая», существовавшие в Пьемонте еще со времени *Кавура* (см.) и *Массимо д'Адзелио*. «П р а в а я» (п р а в о - л и б е р а л ь н а я) представляла промышленную буржуазию Северной И. (Пьемонта, Ломбардии, Лигурии), средний земельный класс Пьемонта и нек-рые крупно-аграрные группировки Юга. Ее возглавляли *Марко Мингетти*, стоявший у власти до 1876, и реформатор итал. финансов *Квинтино Селла*. Ее усилия были направлены к упрочению нового буржуазного правопорядка на умеренно-либеральных началах, к завершению начавшего создаваться административного единства и к экономической ассимиляции Севера и Юга, под к-рой подразумевалось, гл. обр., упразднение последних остатков таможенных барьеров между отдельными частями И. Особый раздел в политике «правой» занимал вопрос о взаимоотношениях с Ватиканом, с к-рым она искала примирения на почве признания Ватиканом закона о гарантиях (см. выше—Исторический очерк). Эти попытки «правой», а впоследствии и «левой» отклонялись Ватиканом в течение почти трех десятилетий.

Наряду с «правой», сошедшей с политической арены как правительственная группировка в 1876, «л е в а я», или «л е в о - л и б е р а л ь н а я», группа представляла собой совокупность умеренно-радикальных элементов мадзинистов и гарибальдийцев, нек-рые группировки торгово-промышленной буржуазии Севера, городскую мелкую буржуазию Юга и буржуазную интеллигенцию в целом. Ее возглавляли в течение почти двух десятилетий *Депретис*, *Никотера*, а затем и *Криспи*—все главы национально-освободительных экспедиций, участники многочисленных гарибальдийских походов. «Левую» после ее прихода к власти называли еще и «молодой левой» в от-

личие от исторической «левой», под к-рой до воссоединения И. подразумевались чистые мадзинисты-республиканцы. Уже в 1874 «левые либералы» выбросили лозунг о том, что «монархия итальянцев объединяет, а республика их разъединяет». Другим программным отличительным признаком «левой» служила борьба с Ватиканом и (до 1882) традиционная для гарибальдийцев и мадзинистов политика сближения с Францией. Для завоевания мелкобуржуазного избирателя, особенно из среды зажиточного крестьянства, и отчасти в целях борьбы с Ватиканом «лево-либеральная» группа провела в 1882 реформу избирательного права, по к-рой число избирателей значительно выросло (см. Исторический очерк). Однако, до 1882 и право-либеральная и «левая» организационно не представляли собой строго законченных группировок с единым центральным руководством; перебежка не только одиночек, но и целых групп из «правой» в «левую» и обратно совершалась почти непрерывно и стояла в теснейшей связи с требованиями местных кругов избирателей. Избирательная реформа 1882 с ее «левым» курсом и наметившийся к тому времени уклон вождей движения *Депретиса* и *Криспи* в сторону промышленного протекционизма и сближения с Германией и Австро-Венгрией на почве Тройственного союза вызвали раскол в лагере самой «левой».

От «левой» откололась значительная часть республиканцев-ирредентистов, непримиримые антипаписты, преимущественно буржуазная интеллигенция Сев. Италии. Вместе со вчерашними правоверными мадзинистами и осколками мелкобуржуазных бунтарско-повстанческих группировок *Романи* и *Неаполитанской* области эти элементы образовали вскоре единую республиканскую партию. Она появилась впервые в парламенте в 1885; ее вождь *Кавалотти* подобно *Мадзини* тщательно избегал внесения каких-либо социальных моментов в программу партии, ограничивая ее деятельность антидинастической и антиватиканской проповедью как базой для объединения ремесленников, лавочников, мелких чиновников, малоземельного крестьянства и радикальной буржуазной интеллигенции. Выборы 1887 дают республиканской партии заметный прирост голосов (30%). Однако, под давлением примирительной политики Ватикана, с одной стороны (издание папой *Львом XIII* энциклики «*Regrum poenitentium*», см. Исторический очерк), и усиления влияния промышленной буржуазии Севера в связи с промышленным протекционизмом,—с другой, в рядах республиканской партии скоро произошел раскол; из нее выделилась группа политических деятелей, примирившихся с *Савойской* династией во главе с *Эttore Сакки*. Эта группа образовала впоследствии радикальную партию. Начиная с 1892—93, с момента первого временного появления у власти *Джолитти* (пока в качестве заместителя всеильного *Криспи*), радикальная партия вместе с республиканской и впервые вошедшей в парламент (1892) в составе 5 чел. социалистической партии образует так называемую крайнюю левую итал. парламента, к-рой суждено было просуществовать тридцать с лишком лет, т. е. до захвата власти фашистами. Впоследствии *Джолитти* неоднократно напоминал социалистам, что он своими демократическими свободами ввел их в парламент. На деле же в «демократизме» *Джолитти* той

эпохи сказывались первые страхи итальянской буржуазии перед нараставшим рабочим движением.

Конституционная (либеральная) партия. Под этим названием существовал блок право-либеральных и лево-либеральных (конституционно-демократических) буржуазных группировок, входивших в «систему Джолитти» на протяжении 20 лет (с 1902 по 1922) и имевших своими вождями Джолитти, Соннино, Луццатти, Саландра, Орландо, а в послевоенный период также Нитти и Бономи. «Либеральный блок», отличавшийся большой текучестью, приспособлялся к требованиям местной избирательной клиентуры, в целом представлял собой интересы торгово-промышленной буржуазии и аграриев-латифундистов. «Либеральный блок», или «либеральная партия», имел решающее значение в парламенте, располагая здесь обыкновенно от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ общего количества мандатов. Это обстоятельство и обеспечило «системе Джолитти» почти двадцатилетнее существование. Своим приходом к власти фашизм обязан этой системе, в частности самому Джолитти, к-рый открыто приветствовал фашистский переворот 1922. Еще накануне его, но особенно после перехода власти к фашистам, «либеральный блок» раскололся на ряд мелких групп, из которых наиболее значительная, известная под именем «конституционно-демократической партии» (вожди Амендола и отчасти Нитти), находилась в оппозиции к фашизму, тогда как крупные аграрии, группировавшиеся вокруг Орландо и Саландра, сделались «филофашистами». После стабилизации фашистского режима эти группировки большей частью влились в фашистскую партию.

Фашистская партия («Il partito nazionale fascista») образована из фашистских боевых отрядов, *fascio di combattimento* (бывших фронтовиков), созданных Муссолини в 1919. В этой организации фашисты собирали при помощи разнужданной социальной демагогии недовольные результатами войны мелкобуржуазные элементы (см. выше Исторический очерк). В условиях нарастающей революционной волны руководство фашистской партии высказывалось за республику и подчеркивало, хотя и в туманных формулировках, «антикапиталистический» характер своих требований. Этим фашистская партия пыталась вовлечь в орбиту своего влияния революционизировавшиеся мелкобуржуазные, а также и пролетарские массы. Первый конгресс фашистской партии состоялся в Риме в ноябре 1921, т. е. вскоре после заключения правительством «пакта о перемирии» с социалистич. партией, установившего паритетные третейские суды и обязавшего социалистич. вождей распустить свои боевые отряды — «arditi». В мае 1921 фашисты впервые вступили в парламент, заняв место на правом секторе рядом с националистами. В октябре 1922 фашисты, организовав «поход на Рим», пришли к власти (см. Исторический очерк). Неаполитанский конгресс был вторым и последним съездом партии. С тех пор основным организационным принципом фашистской партии служит принцип «вождизма» и подчинения масс назначенным сверху доверенным лицам. Руководящий орган партии — Большой совет фашизма — назначается «вождем» (Муссолини). С 1928 Большой совет по конституции является государственным органом. Генеральный секре-

тарь партии назначается и увольняется «вождем». Фашистская милиция как партийный орган перестала существовать после реформы 1926, когда она была включена в состав армии (см. Военные силы И.). После роспуска всех нефашистских партий (1926) фашизм решительно перешел к созданию «тоталитарного» государства. В основу его положена система фашистских организаций [фашистские организации имеют разный возрастной состав: для детей до 8 лет имеется организация «Figli della lupa» («Сыны волчицы»); для детей до 15 лет — национальная организация «Balilla»; от 15 до 18 лет — «Avanguardisti»; от 18 до 21 — молодежные фашистские боевые отряды — фашистская партия]; фашистские профсоюзы (синдикаты), общества взаимопомощи, кооперативные общества для рабочих, крестьян, служащих и пр.; «организация послерабочего дня» (*dopolavoro*), к-рая объединяет ряд спортивных организаций. Чтобы мобилизовать все экономические и общественные силы страны для войны, фашизм создал т. н. корпоративное государство, к-рое, якобы, имеет целью замену борьбы классов «сотрудничеством всех категорий» в высших интересах нации. До 1935 создано 22 корпорации для производственных отраслей; кроме того, Муссолини объявил (1936) замену существующей палаты палатой отрядов и корпораций и контроль государства над ведущими производствами, к-рые должны были работать почти исключительно на военную подготовку страны. Корпоративное государство, к-рое демагогически изображается перед массами как новая система, перерастающая рамки капитализма и открывающая новую эру в истории человечества, на деле является не чем иным, как террористической диктатурой наиболее реакционных шовинистических элементов финансового капитала. (См. *Фашизм*).

Социалистическая партия И. В августе 1892 причислявшие себя к организациям рабочего класса партии и группировки, из которых наиболее значительной была итальянская рабочая партия «Partito operaio italiano», созвали конгресс в Генуе. На этом конгрессе социалисты, сторонники парламентской деятельности, отделились от анархистских элементов и основали «Партию итал. рабочих» («Partito dei lavoratori italiani»). — Зимой 1892—93 в Италии состоялся ряд крупных забастовок промышленных и сельскохозяйственных рабочих (Ломбардия и Эмилия) и первая забастовка государственных служащих — телеграфистов. В это же время парламентское большинство Джолитти было сильно скомпрометировано разразившимися в стране банковскими скандалами. Отсюда — «демократизм» Джолитти, якобы содействовавший появлению социалистов в парламенте.

В 1893 «Партия итал. рабочих» созвала конгресс в Реджо-Эмилии и переименовала себя в «Социалистическую партию итальянских рабочих» («Partito socialista dei lavoratori italiani»). В 1895 на конгрессе в Парме обнаружили первые расхождения между «интегральными» социалистами и оппортунистами; позднее (1902) расхождения шли, гл. обр., по линии разной оценки роли парламентской деятельности. «Интегральные» социалисты во главе с Энрико Ферри занимали, однако, в основном не революционные, а центристские позиции. На конгрессе в Имоле (сент. 1902) реформистское крыло партии одержало победу: центр тяжести

партийной политики был перенесен в парламент, где социалистическая фракция к тому времени насчитывала 33 мандата. Парламентскую фракцию возглавляла группа мелкобуржуазной интеллигенции. Характерен ее состав: из 33 депутатов было всего 2 рабочих. Под влиянием сильного роста классово-сознательных элементов пролетариата, широко развернувшихся в стране успешных классовых боев (всеобщая забастовка и забастовка железнодорожников) разногласия между революционной частью соц. партии и реформистами углубились, и в 1904 возобладала тенденция «интегрального» крыла под руководством Ферри и Моргари. Наметившееся к тому же времени в рядах партии третье течение (сорельно)—синдикалистское, возглавившееся Артуром Лабриолой и Энрико Леоне (сторонники «прямого действия»),—просуществовало как фракция 2 года, в 1906 на партийном съезде в Риме лидеры этого течения покинули ряды партии. С короткими перерывами «интегральное» течение выражало линию партии от 1904 до 1911. В 1911 под влиянием национал-шовинистического угара, порожденного триполитанской войной, из рядов оппортунистов выделилась националистич. группировка реформистов под руководством *Биссолати*, *Бономи* (см.) и Берини. Эта часть реформистов, представляя интересы образованного тонкого слоя рабочей аристократии, в сотрудничестве с буржуазией развивала теорию необходимости колониальных завоеваний для рабочих, защищала разбойничий, империалистический набег правительства Джолитти на Турцию и призывала голосовать за военные кредиты. Спустя год на конгрессе в Реджо-Эмилии (1912) социал-реформисты были исключены из рядов партии согласно резолюции, внесенной «левым социалистом» Бенито Муссолини—будущим вождем («дуче») фашизма. В партии, однако, осталась фракция оппортунистов во главе с Турати, Тревесом и Модильяни. Парламентские выборы 1913, последовавшие тотчас же за заключением мира с Турцией и впервые проведенные на началах всеобщего избирательного права, дали социалистической партии незначительный прирост мандатов: 58 против 49. Во время империалистической войны итальянская социалистическая партия под руководством «интегральных» марксистов заняла центристскую позицию.

За 10 месяцев, истекших с момента объявления войны и до вступления в нее И. (24/V 1915), партия вела кампанию за соблюдение нейтралитета (антиинтервенционизм). В октябре 1914 ЦК партии единогласно санкционировал решение миланской секции об исключении из рядов партии Бенито Муссолини, к-рый со времени конгресса в Реджо-Эмилии (1912) состоял директором центр. органа партии «*Avanti!*», а с первых же дней войны перешел в лагерь ярых империалистов, основав шовинистически-империалистическую газету «*Popolo d'Italia*» (см. Исторический очерк). После вступления И. в войну социалистическая партия голосовала против военных кредитов. Но партия не стала на путь революционной борьбы против войны. Ее официальным лозунгом было: «Не участвовать в войне и не противодействовать ей». В Циммервальде и Кинтале соц. партия И., представленная официальной делегацией, была против позиции русских большевиков. В рядах партии оставались реформисты—защитники «абсолют-

ного» нейтралитета и «абсолютного» пацифизма. Из партии не был исключен и Турати, находившийся в лагере защитников буржуазного отечества. Социалистические рабочие массы, наоборот, были решительно против войны, и это помогло созданию революционной фракции, некоторые руководители которой (например Дженнари) высказались в 1917—18 за исключение из партии реформистских социал-шовинистов. Реформисты же, исключенные из партии еще в 1912, открыто и окончательно связали свою судьбу с судьбами империалистической клики. За 3 года войны Биссолати дважды был министром без портфеля в консервативных правительствах Орландо, а Бономи в период между 1919 и 1922 был и премьером конституционно-либерального правительства и военным министром. Первый послевоенный конгресс социалистической партии состоялся в Болонье в октябре 1919 в обстановке нарастающей революционной ситуации (ноябрьские выборы 1919 дали социалистической партии 156 мандатов). На съезде боролись 4 течения: 1) максималисты, «абстенционисты», возглавлявшиеся *Бордигой* (см.) и объявлявшие себя противниками парламентаризма; 2) «максималисты-парламентаристы» (*Дженнари* и *Серампи*, см.); 3) «центристы», возглавлявшиеся *Ладзари* (см.) и объявлявшие себя сторонниками диктатуры пролетариата, но без применения насилия, и 4) реформисты-оппортунисты, возглавлявшиеся Турати, Тревесом и Модильяни. Болонский съезд соц. партии под влиянием общей революционной обстановки в стране вынес решение о вступлении в Коммунистический Интернационал.

Кульминационным пунктом революционной волны, поднявшейся в И. после окончания войны, было занятие фабрик рабочими в Северной И. и захват земель крестьянами в Средней и Юж. И. в 1920. В обстановке острой классовой борьбы с полной очевидностью обнаружилось нежелание и неспособность социалистич. партии привести пролетариат к победе. Реформисты, в руках к-рых находилось в это время руководство Всеобщей конфедерацией труда, идя на уступки правительству и фабрикантам, предали и задушили революционное движение под тем предлогом, что занятие фабрик рабочими имеет лишь экономическое значение. Партийное руководство не вело борьбы с реформистами, т. к. само в важнейших вопросах колебалось; поэтому оно не сумело развернуть и углубить революционное движение. При таком положении лишь туринская группа «Нового порядка», о к-рой Ленин сказал, что из всех групп социалистической партии она наиболее близка к большевикам, создала в Турине движение в пользу «фабрично-заводских советов», заняв с самого начала революционную позицию. В связи с решением конкретных задач классовой борьбы резко обозначились внутрипартийные течения. Реформисты, голосовавшие на Болонском конгрессе за вхождение в 3-й Интернационал, теперь повели ожесточенную борьбу против Коминтерна. Лидеры реформистов резко выступили против решения ЦК партии от 28/IX 1920 о принятии «21 условия» для вступления в Коминтерн. Турати и Модильяни созвали чрезвычайную фракционную конференцию в Реджо-Эмилии, принявшую по предложению Тревеса резолюцию против диктатуры пролетариата и против установления советской власти «по русскому образ-

цу». В свою очередь Сerratи, к-рый уже на заседании ЦК партии от 28/IX и после в печати вносил ряд «поправок» к «21 условию», организовал фракцию «унитаристов» (см. *Унитарии*), занявшую промежуточную позицию между реформистами и левым крылом партии, требовавшим исключения реформистов из рядов партии. Съезд унитариев, состоявшийся 20—21/XI 1920 во Флоренции, по предложению Сerratи по существу отверг «21 условие» Коминтерна, приняв решение о том, что «21 условие нужно толковать и применять согласно современным и историческим условиям каждой страны». Сторонники Коминтерна и «21 условия» образовали коммунистическую фракцию и провели конференцию в Имоле. В этой конференции приняли участие представители «абстенционистов» (противников парламентаризма под руководством Бордига), туринской группы «Нового порядка» [*Ordine nuovo*—Грамши, Тольятти (Эрколи), Террачини] и социалисты, к-рые не принадлежали ни к какой группе, были за исключение реформистов из социалистической партии и за образование в Италии коммунистической партии (Дженнари). На конгрессе в Ливорно к этой фракции присоединилась также группа, руководимая Марабини.

Ливорнский съезд социалистической партии (13—22/I 1921) происходил в обстановке ожесточенных классовых боев и предательства реформистами революционного движения. На съезде присутствовали 3.000 делегатов, представлявших в общем 4.367 местных организаций. Самым острым вопросом на съезде, вызвавшим горячие дебаты, был вопрос о «21 условии» и об исключении из партии согласно требованиям «21 условия» реформистов. Съезд разбился на три фракции: 1) реформистов во главе с Турати и Модильяни, 2) центристов («унитариев-максималистов») во главе с Сerratи и 3) сторонников Коминтерна во главе с Грамши, Эрколи, Дженнари, Марабини. В этой же группе был и Бордига, который уже тогда вел сектантскую политику. Реформисты пытались доказать, что в И. и во всем капиталистическом мире еще не созрели условия для пролетарской революции. Фракция «унитариев» (Сerratи), прикрываясь лозунгами единства, подвергала резкой критике позицию коммунистов (см. Компартия И.). Собрав большинство, представлявшее 98.000 членов, «унитарии» предпочли идти с реформистами, представлявшими лишь 14.000 членов партии, и отклонили предложение коммунистов (58.000) о безоговорочном принятии «21 условия» Коминтерна и исключении реформистов из партии. Коммунисты ушли со съезда и основали коммунистическую партию И. Открытое предательство реформистов и блок с последними центристов подготовили почву для победы фашизма.

На майских выборах 1921 социалистическая партия под руководством Сerratи получила 122 мандата вместо 138 (коммунисты после Ливорно выступали как самостоятельная партия и получили 18 мандатов). Но одновременно 33 фашистским депутатам под руководством Муссолини впервые удалось проникнуть при поддержке правительства в парламент. Вскоре после выборов, 3/VIII 1921, социалистическая партия заключила известный «пакт о перемирии» с фашистами, на деле разоружавший пролетариат и закрепивший очень важные

позиции за фашистами. Этот пакт, заключенный при посредничестве правительства, позволил государственной власти обрушиться всей своей тяжестью на молодой революционный авангард итал. рабочего движения—на коммунистов,—облегчая Муссолини, как он сам впоследствии признал, подготовку захвата власти фашистами. Съезд соц. партии в Милане (октябрь 1921), где группировка Сerratи получила $\frac{3}{4}$ голосов против $\frac{1}{4}$, поданных за реформистскую резолюцию Тревеса, санкционировал «пакт о перемирии», однако, под давлением масс руководство партии отклонило спустя три месяца (январь 1922) предложение парламентской фракции о политической коалиции с буржуазными партиями. Но на последующем партсъезде в Риме (в октябре 1922), созванном за несколько дней до фашистского переворота, фракция Сerratи получила лишь очень слабое большинство (32.106 членов против 29.119), однако, достаточное для исключения реформистов из рядов партии. Съезд в Риме принял резолюцию о вступлении в Коммунистический Интернационал и послал на IV конгресс Коминтерна делегацию во главе с Сerratи. Исключенные реформисты (Турати, Модильяни) образовали «Унитарную социалистическую партию». В апреле 1923 на чрезвычайном съезде последней «антифузионисты-максималисты» (противники слияния с компартией) получили большинство; Сerratи со своей группой был исключен из партии; через несколько месяцев группа Сerratи вступила в компартию. На парламентских выборах весной 1924, произведенных в обстановке все усиливавшегося фашистского террора, реформисты и максималисты (бывшие «антифузионисты») облегчили работу фашистов своими ожесточенными выступлениями против молодой коммунистической партии.

Во время политического кризиса, вызванного убийством Маттеоти (1924), лидеры социалистов и максималистов (Ненни) заключили т. н. авентинский блок с буржуазной оппозицией из различных демократических группировок, из католической народной партии и республиканцев и отклонили предложение коммунистов о едином фронте. С 1926—времени установления монополии фашистской партии—реформисты и максималисты прекратили свое существование в качестве легальной партии. Часть их руководства бежала во Францию, уверяя, что в И. «уже нечего больше делать», и образовала в эмиграции «антифашистское объединение» с демократическими антифашистскими буржуазными элементами. Часть реформистских лидеров Всеобщей конфедерации труда (Раджола, Д'Арагона) осталась в И., распустила конфедерацию и под вывеской решения «вопросов труда» создала движение для сотрудничества с фашизмом. В 1930 партия максималистов подверглась новому расколу: более половины ее членов, находившихся в эмиграции, перешло вместе с Ненни в партию реформистов, к-рая приняла название социалистической партии И. В 1934 под влиянием недовольства пролетарских масс и международными событиями антифашистское объединение было распущено, и социалистическая партия подписала соглашение единства действия с компартией. Максималистская партия в эмиграции сократилась до нескольких десятков членов. В эмиграции же находятся последние остатки республиканской партии. Эта партия

приняла участие в империалистической войне 1914—18 и с тех пор стала окончательно терять то влияние, к-рое она еще имела на мелкую городскую и сельскую буржуазию нек-рых районов И. В 1930 в эмиграции образовалась демократическо-буржуазная группировка под названием «Справедливость и свобода» («*Justicia et liberta*»). В связи с кризисом и возобновлением массового движения партии, примыкавшие к «антифашистскому объединению», поручили этой организации, распространявшей свое влияние, гл. обр., на интеллигенцию и антифашистскую мелкую буржуазию, вести в И. подпольную работу против фашизма и одновременно противодействовать работе коммунистов среди масс. Результаты работы организации «Справедливость и свобода» в И. были весьма незначительны; в настоящее время, отказываясь примкнуть к народному фронту, она насчитывает всего несколько десятков членов в эмиграции.

Партия католиков «пополари» берет свое начало от т. н. христианской демократии—движения, возникшего в И. в начале 20 в. на почве папской энциклики («*Regum novatum*», 1891) (см. Исторический очерк). Новая политика Ватикана вынуждена была учесть рост промышленного пролетариата и развитие рабочего движения. К этому времени относится и создание первых католических профсоюзов в противоположность социалистическим. «Христианская демократия» (или «модернистское движение») не представляла собой партии, а, по их собственному определению, «общественно-гуманитарную организацию», считавшую своей задачей проведение в жизнь папской энциклики об участии католиков в общественной жизни. Эта организация особенно усилилась в годы правления Джолитти (1902—13); она расширяла свои ряды за счет отсталых слоев рабочих и особенно за счет мелкой буржуазии деревни. На выборах 1913 отдельные деятели этой организации («католики») блокировались с правительственными группировками (либералами); в отдельных случаях Джолитти привлекал «католиков» к участию в правительстве (Меда). Как партия «католики», или «пополари», оформилась лишь к концу войны, потребовавшей мобилизации всех мелкобуржуазных сил И., и сразу сделалась самой влиятельной партией кулачества и мелких городских слоев. На первых послевоенных выборах (1919) партия «пополари», возглавлявшаяся прелатом дон Луиджи Стурцо, получила 101 мандат, а на выборах 1921—107. Между 1919 и 1922 партия «пополари» участвовала в коалиционных кабинетах Нитти, Джолитти и Бономи. На 3-м конгрессе «пополари», состоявшемся в октябре 1921 в Венеции, от основного ядра партии откололась правая группировка, представлявшая интересы средних аграриев Пьемонта, под руководством Сассоли. Тем не менее, «пополари» вплоть до фашистского переворота оставалась самой влиятельной, после либералов, массовой партией мелкой буржуазии. Отдельные представители «пополари» наряду с правыми либералами приняли участие в первом коалиционном правительстве Муссолини. С установлением монополии фашистской партии после 1926 партия «пополари» распалась, причем нек-рые ее вожди, стоявшие на левом крыле (напр., Мильоли), ушли в эмиграцию. После Латеранского соглашения 1929 часть мелкобуржуазных элементов, шедших за «пополари»,

вошла в т. н. католическое движение, преследующее, якобы, главным образом, религиозные цели. Лидеры движения сотрудничают с фашистами.

Партия националистов как представительница интересов крупно-промышленной буржуазии, связанной с банковскими объединениями Милана и Генуи, оформилась организационно только в 1910, почти накануне Триполитанской войны. Основателями ее были нек-рые крупные журналисты, называвшие себя националистами-активистами, во главе с Федерцони (литературный псевдоним Джулио де Френци), Форджес Д'Аванцати и Коппола. Партия националистов представляла собой империалистическое ядро итал. буржуазии, выросшее в условиях усиленной индустриализации И. в начале 20 в.; она приобрела большое влияние во время Триполитанской войны и служила надежнейшей опорой Джолитти в его борьбе против социалистической партии. Партия националистов впервые вступила в парламент как самостоятельная группа в 1913 и сразу же заняла место на крайней правой. В послевоенный период партия националистов активно поддерживала фашистское движение, а вскоре после прихода фашистов к власти организационно слилась с фашистской партией, причем в первом коалиционном кабинете Муссолини портфель министра колоний достался вождю националистов—Федерцони, а портфель юстиции (несколько позднее)—идеологу национализма—Альфреду Рокко. До «нормализации» фашизма националисты, как защитители интересов крупного капитала, представляли собой в рядах фашистской партии некий противовес мелкобуржуазным тенденциям сквадризма, требовавшего «второй революционной войны» и синдикалистских экспериментов.

Коммунистическая партия И. Коммунистическая партия И. образовалась в Ливорно 21/1 1921, после раскола социалистической партии. Социалистическая партия И. в политическом отношении объединяла разнородные элементы, среди к-рых было очень сильно влияние мелкобуржуазного анархо-синдикализма и реформизма, господствовавших в руководстве профсоюзов и парламентской фракции. Руководство партии, в к-ром большую роль в послевоенный период играли максималисты, занимавшие центристские позиции, пыталось примирить различные течения. В период послевоенного революционного подъема, кульминационной точкой к-рого был захват рабочими заводов (в сентябре 1920), руководство соц. партии, значительно выросшей к тому времени (в 1920 насчитывала 216 тыс. членов), способствовало своей соглашательской политикой поражению итал. пролетариата. Под давлением трудящихся масс, восторженно относившихся к Ленину и Советской России, соц. партия примкнула в 1919 (постановление конгресса в Болонье) к Коммунистическому Интернационалу. В этот период нарастания революционных боев в И. усиливались внутренние разногласия в социалистической партии. Левое крыло в своем огромном большинстве состояло из 2 групп: группы «воздерживавшихся» от участия в выборах, с Амадео Бордигой (см.) во главе, органом к-рой был неаполитанский «*Il Soviet*», и группы «*L'ordine nuovo*», носившей название органа, к-рый она издавала в Турине, и возглавлявшейся Антонио Грамши. Послед-

няя группа, к-рая, по словам Ленина, своей программой и идеологией ближе всего подходила к большевизму, оказала впоследствии решающее влияние на выработку правильной линии в компартии И., руководила партией в борьбе против крайне-левых и сумела провести ее через борьбу против Бордиги и его последователей на путь большевизации. Левое крыло социалистической партии отстаивало необходимость разрыва с реформистами.

В 1920, после II конгресса Коммунистического Интернационала [на к-ром Ленин вскрыл ошибки *Сerratи* (см.) и левачий загиб Бордиги], на конференциях в Реджо-Эмилии, Флоренции и Имоле оформились фракции: реформистская, унитарно-максималистская (центристы) и коммунистическая. На Ливорнском конгрессе (1921), где эти три фракции выступили каждая со своей программой, произошел раскол социалистической партии. Максималисты оказались при этом вместе с реформистами. Собрав большинство против коммунистов, они вместе с реформистами высказались против «21 условия» о приеме в Коминтерн и за сохранение единства с реформистами (см. Социалистическая партия И.). Коммунисты, огласив свое заявление, покинули съезд, основали коммунистическую партию И., секцию Коминтерна. К времени образования компартии И. фашистское наступление было уже в полном разгаре. В ряде провинций партии пришлось сразу перейти на нелегальное положение. Партийные кадры подвергались преследованиям. Сотни лучших борцов были убиты в первые два года существования партии. Часть партийных работников принуждена была эмигрировать из И.

Три ежедневных газеты партии—«Il comunista» в Риме, «Il lavoratore» в Триесте и «L'ordine nuovo» в Турине,—а также и теоретическое издание «La rassegna comunista» очень часто конфисковывались и не доходили до провинции даже тогда, когда они официально не запрещались. Борьба с трудностями, к-рые создавал фашистский режим, мешала правильной, сектантская политика руководства компартии И. За период 1921 партия под руководством Бордиги не сумела выполнить возложенных на нее III конгрессом Коминтерна задач: изменения в свою пользу соотношения сил в социалистической партии и превращения компартии И. в массовую партию. Широкие массы трудящихся остались под влиянием максималистов и реформистов. Одним из типичных примеров сектантства бордигистского руководства является его тактика в отношении двух организаций, созданных массами: «Arditi del popolo» (бригады народного штурма) и «Alleanza del lavoro» (объединение различных антифашистских организаций). Бордигисты отказались от единого фронта с этими организациями, т. к. единственной базой единого фронта они считали профсоюзы. Бордигистское руководство вело также борьбу против установленной Коминтерном тактики привлечения на свою сторону искренне революционных элементов, оставшихся в социалистической партии после раскола. Бордигисты считали, что «партия раньше всего представляет собой отборную группу вождей; это—кадры, получившие достаточную интеллектуальную подготовку для руководства рабочими массами, но не массовая партия» («Коммунистический Интернационал в документах», М., 1933, стр. 520).

При этом бордигисты понимали задачу руководства партией рабочими массами сектантски, считая ненужным непосредственное участие партии в повседневной борьбе рабочего класса и в организации этой борьбы. Это приводило к отрыву партии от масс.

Несмотря на сектантскую политику своего руководства, компартия И. показала, что она может героически бороться против фашизма. В этой борьбе она потеряла несколько лучших своих борцов: Спартакo Лаванини, Джузеппе Беррути и др. В письме Президиума ИККИ (1922) взгляды Бордиги подвергались резкой критике за левачую, сектантскую тактику, приводившую к изоляции партии от масс. Бордига, говорилось в письме, строит свою политику не на марксистском понимании истории, а на мелкобуржуазной идеологии.

В момент своего возникновения компартия И. была проникнута бордигистской идеологией. II конгресс итальянской компартии в Риме (1922) выработал программу партии не на принципах ленинизма, а на принципах бордигизма. На этом конгрессе выступили и правые, толковавшие политику единого фронта в духе отказа компартии И. от самостоятельной пролетарской линии. В борьбе против правых (Таска, Сера, Грациадеи и др., впоследствии исключенные из партии) все руководство партии объединилось с бордигистской левой, отказываясь на данный момент от борьбы на два фронта. Коммунистический Интернационал и Ленин, сыгравшие важнейшую роль в образовании партии, изо дня в день следили за ее деятельностью, стараясь исправить ее ошибки.

На IV конгрессе Коминтерна (осенью 1922) было признано необходимым слияние компартии И. с «терцинтинационалистами» (одной из фракций максималистской партии, сторонницей 3-го Интернационала). В виду саботажа этих решений руководством компартии И., 3-й пленум ИККИ потребовал от компартии И. «не формального, а действительного проведения решений Коммунистического Интернационала», наметил ряд мероприятий в этой области, для осуществления к-рых необходимо было изменение состава ЦК компартии И. Соответственно решениям 3-го пленума ИККИ бордигисты были выведены из руководящих органов партии. Новое руководство партии во главе с Грамши и Тольятти (Эрколи) с первых же шагов повело борьбу за осуществление директив Коминтерна, за большевизацию партии. Оно осуществило объединение с «терцинтинационалистами», насчитывавшими несколько тысяч единомышленников, среди к-рых было немало ценных и хорошо известных массам активистов. Результатом новой тактики партии сказались уже на выборах в апреле 1924, когда значительно возросло число полученных ею голосов, тогда как у социалистической партии число их сократилось вдвое. Число членов партии возросло, а ее центральный орган «L'unita», заменивший три запрещенных газеты, стал выходить в количестве 40—50 тыс. экземпляров. На многочисленных заводских выборах коммунисты получили абсолютное большинство против реформистов и фашистов. Во Всеобщей конфедерации труда влияние партии выросло. Конгресс партии (в Лионе, 1926) справедливо может быть назван конгрессом большевизации итал. коммунистической партии. Главными вопросами, обсуждавшимися на нем, были: реорганизация партии на осно-

ве организационных принципов большевизма, выработка политич. линии партии на ближайший период и программы практич. деятельности. Бордигисты и правые получили на конгрессе лишь незначительное количество голосов. Вследствие ухудшения общего положения и роста влияния коммунистической партии фашизм в ноябре 1926, инсценировав покушение на Муссолини (см. выше—Исторический очерк), объявил роспуск всех нефашистских организаций и партий вместе с их прессой, опубликовал «чрезвычайные законы», предусматривающие тяжелые наказания для всякого антифашистского действия, учредил «Особый трибунал», арестовал всю парламентскую коммунистическую группу и ряд популярных активных работников партии: Грамши, Скаччимо, Террачини, Биботти, Флеккиа, Реведа и др., к-рые впоследствии были приговорены более чем к 20-летнему тюремному заключению.

Процесс руководителей партии усилил брожение среди рабочих масс, показал политическую мощь партии и героизм обвиняемых. С того времени тысячи активных членов партии и Коммунистического союза молодежи были арестованы и посланы на острова.

В то время как все остальные антифашистские партии перед лицом бешеного террора перебрались за границу, утверждая, что «на данном этапе в Италии делать нечего», компартия И. тотчас же после опубликования «чрезвычайных законов» выбросила лозунг «оставаться в Италии, работать в Италии» и вместе с Коммунистическим союзом молодежи развернула в условиях подполья большую деятельность. Распространялись десятки тысяч листовок, повсюду чувствовалась нелегальная работа коммунистов. Фашистский террор, а также и серьезные организационные ошибки, допущенные партией в последующий период, привели ее, однако, к значительному ослаблению в тот момент, когда революционное движение масс было очень слабо (конец 1928, начало 1929). Главной задачей этого периода было восстановление связи с массами и привлечение из масс новых кадров для партии. В связи с трудностями, к-рые создавались фашистским режимом, начали оживать сектантские, оппортунистические элементы. Анджело Таска, правый, трусливый оппортунист к-рого избобличил тов. Сталин (заседание Президиума Коминтерна 19/ХІІ 1928), выдвинул тезис о том, что у пролетариата нет сил победить фашизм; исходя из этого, партия должна была плестись в хвосте антифашистского движения мелкой буржуазии. Таска был осужден всей партией и был сначала выведен из политбюро, а затем исключен из партии. Вскоре после этого против руководства партии начала борьбу группа руководящих членов партии (Саутани, Фероси и др.), ставших на оппортунистический путь Таска. После исключения их из партии они перешли сначала в ряды троцкистов, а затем в ряды социал-демократии, в к-рых к тому времени уже находился Таска. В тот же период под руководством Эрколи (Тольятти) партия усиливает борьбу с бордигизмом. Сам Бордига, в виду его фракционной деятельности и позорного поведения в ссылке, был исключен из партии. Часть бордигистов в наст. время находится в лагере фашистов.

Борьба против оппортунизма и сектантства укрепила партию и освободила ее от реформистских элементов. IV конгресс партии, проис-

ходивший за границей в апреле 1931, впервые решительным образом поставил вопрос о работе партии в фашистских массовых организациях: профсоюзных, спортивных, культурно-бытовых и т. п. Решение этого вопроса встретило, однако, довольно сильное сопротивление со стороны оставшихся еще в партии сектантских элементов. Только после XII пленума ИККИ (в августе 1932) партии удалось справиться с организационными трудностями и начать работу внутри массовых фашистских организаций (фашистские профсоюзы, фашистский союз молодежи).

В 1933 партия развернула большую работу за создание единого антифашистского фронта; был заключен договор о единстве действия с итальянской соц. партией (договор подписан 17/VIII 1934) и установлена связь с рядом других антифашистских организаций—республиканских, католических и др. Одновременно партия, используя всякие легальные и нелегальные возможности, развернула более широкую работу по вовлечению в антифашистский фронт рабочих, находившихся в фашистских организациях. В процессе этой работы партия создавала новые кадры, способные вести массовую работу в условиях подполья. В связи с империалистической войной в Африке (война с Абиссинией) партия поставила борьбу против войны в центре всей своей деятельности. Начиная с 1929, особенно в 1934—35, партия разоблачала все мероприятия фашистов, направленные на подготовку войны,—организация т. н. научных экспедиций с целью изучения условий, в которых должна была вестись война, вооружение И. и т. д. В манифесте коммунистической партии И., выпущенном под лозунгом «спасем страну от катастрофы», партия подчеркивала, что Абиссиния защищает правое дело, свою национальную независимость, и что поражение итальянского империализма будет в интересах не только Абиссинии, но и итальянского народа.—Создание единого фронта борьбы против войны в Абиссинии из широких беспартийных масс, социалистических элементов и низовых слоев фашистских организаций, не желавших войны, было выставлено компартией И. как главная задача момента.

Пресса. Запоздалое индустриальное развитие И. и сравнительно позднее появление итал. империализма на европейской арене в сочетании с исторически сложившимися социально-политическими особенностями отдельных, разрозненных частей И. обусловили ряд отличительных признаков буржуазной печати Италии. Газетно-журнальное дело И., находясь, как и в других капиталистических странах, в полном услужении у финансового капитала, не было в такой степени концентрировано, как в США, Англии, Германии и отчасти Франции. В И. до прихода фашистов к власти не было газетных трестов вроде Херста, Нортклифа, Гугенберга и т. д. В эти годы пресса представляла собой разрозненную массу коммерчески обособленных предприятий, субсидируемых крупно-промышленными объединениями, банками, политическими партиями, отчасти Ватиканом и секретными фондами правительств. На итал. буржуазной прессе вплоть до последних лет, предшествовавших победе фашизма, лежала печать «регионализма». В И. не было руководящих «столичных» газет: напр., римская «Tribuna», широко известная и за преде-

лами И., была менее влиятельна, чем туринская «Gazzetta del popolo», связанная с группировками Джолитти. Неравномерное экономическое развитие отдельных районов И. привело к тому, что и социалистическая «Avanti» как центральный орган партии долгие годы издавалась не в Риме, а в Милане.

В современной фашистской И. существует лишь фашистская и католическая (религиозная) печать. В годы 1922—25 фашизм допускал еще выход в свет антифашистской и оппозиционной печати, но редакции и типографии революционных журналов несколько раз разрушались вооруженными отрядами фашистов. Законодательным порядком была усилена фашистским правительством ответственность редактора за печатаемый материал и установлено, как правило, что ответственным редактором не может быть член парламента, пользующийся парламентским иммунитетом. Однако, после антифашистской бури, поднявшейся в Италии в 1924—25 в связи с убийством Маттеоти (см. Исторический очерк) и колебаниями, обнаружившимися тогда в некоторых прослойках городской мелкой буржуазии, фашизм перешел к политике «нормализации» — фашизации — прессы.

Широко поставленной партийно-фашистской печати в ту пору в И. почти не было. Одна лишь миланская газета «Popolo d'Italia» выражала взгляды правящей партии. Ему вторила римская «Idea nazionale», но она не могла считаться партийным органом хотя бы уже потому, что до захвата власти фашистами она являлась центральным органом партии националистов, организационно слившейся с фашистской партией только в 1923. А в тот период, как отчасти и в настоящее время, в И. еще проводили резкую грань между фашистами «di prima ora» — чистокровными фашистами — и фашистами из бывших попутчиков. В провинции, особенно в центрах долины По — родине фашизма — с ее крепким кулачеством и деклассированной интеллигенцией, — правящая партия располагала еще нек-рыми органами печати, в т. ч. известной «лево»-фашистской, или «сквадристской», «Cremona nuova», к-рой руководил после своей опалы быв. генеральный секретарь партии Роберто Фариначчи, проповедник «второй революционной волны». Крупнейшие же и самые влиятельные газеты Рима, Милана, Неаполя, Турина и Генуи в большинстве случаев занимали осторожно-выжидательные позиции. Такие влиятельные органы, как миланская газета «Corriere della sera» с ее тогда почти миллионным тиражом, туринские «Stampa» и «Gazzetta del popolo», римские «Tribuna» и «Giornale d'Italia» и др., находились в руках крупно-промышленных концернов, банков или частных предпринимателей издательского дела и представляли собой крупнейшие коммерческие предприятия. Крупная буржуазия, призвав к власти фашистскую партию, старалась сохранить в своих руках такое мощное орудие воздействия на «общественное мнение», как пресса. Это в первую очередь обуславливалось наличием «лево»-фашистских тенденций в правящей партии с их демагогич. лозунгами, к-рые постоянно пугали буржуазию. Однако, в 1925 Муссолини расправился не только с оппозиционными возмущением, поднявшимся в связи с убийством Маттеоти, но и со сквадристами в собственных рядах, провозгласив и вскоре осуществив «нормализацию». В этих условиях

для крупной буржуазии — подлинного хозяина положения — отпала необходимость иметь свою независимую от фашистов печать. «Нормализация» печати была проведена путем скупки акций отдельных гаетно-издательских предприятий. В других случаях предприятие просто выкупалось у собственника за наличные, причем нужные фонды отпускались буржуазией при активном содействии главарей Генеральной федерации промышленников — Бенни Одиветти, Анвели (автомобильные заводы «Фиат»), Борлетти и др. Дольше всех держался миланский «Corriere della sera», контрольный пакет акций которого находился в руках семьи аграриев и хлопчатобумажных фабрикантов Криси (см.). Римская газета «Corriere d'Italia» и туринская «Momento» — реакционно-клерикальные органы — сделались застрельщиками стопроцентного фашизма. В синдикат печати стали приниматься лишь журналисты, стоявшие на фашистской платформе, а на руководящие посты в редакциях — лишь члены фашистского синдиката печати. За первые пять лет «нормализации» фашистской печати (1925—1930), совпавших с периодом частичной стабилизации капитализма, в И. было основано всего несколько новых крупных газет. Миланский «Corriere della sera» попрежнему обслуживает торгово-промышленные круги, уделяя особое внимание вопросам биржи, международным проблемам, «большой информации». Такую же установку имеет вторая по своей значимости итал. газета «Stampa», издающаяся в Турине; римский «Messaggero» и неаполитанский «Mattino» попрежнему обслуживают городскую мелкую буржуазию. Римский «Giornale d'Italia», бывший когда-то лейб-органом Соннино и возглавляемый ныне публицистом Вирджинио Гайда, специализировался на международных проблемах, приспособляясь одновременно к потребностям мелкобуржуазной городской массы. Туринская «Gazzetta del popolo», служившая в течение двух десятилетий главнейшим рупором Джолитти, и болонская «Resto del carlino» — одна из старейших итал. газет — уделяют преобладающее внимание аграрным проблемам; миланская газета «Sole» обслуживает биржу и финансовые круги, а генуэзская «Secolo» — экспортников-судовладельцев и транспорт. Некоторые из перечисленных здесь крупнейших газет, особенно миланская «Corriere della sera», даже в период «просперити», по призванию самих фашистов, заметно поблекли, их тираж упал. Римская газета «Tribuna» слилась в 1930 с центральным органом бывшей партии националистов «Idea nazionale», но все же не добилась тиража выше 100 тыс. экз.

Несколько особняком стоят «Popolo d'Italia» как старый партийный орган, основанный Муссолини, и римский «Lavoro fascista» — как орган фашистских синдикатов. В отличие от остальной части прессы эти два органа уделяют мало внимания т. н. большой хронике, но каждый день заполняют свои полосы (10—12) иллюстрированным материалом об «успехах» фашистского режима внутри И. и вовне. С осени 1934 в фашистской И. существует специальное министерство печати и пропаганды. Назначение этого нового органа, по словам королевского декрета, имеет целью оперативное руководство печатью внутри страны и за ее пределами. (О коммунистической и социалистической печати см. Коммунистическая партия и Социалистическая партия И.).

Вооруженные силы. Фашистская агрессивная политика вызывает громадное напряжение ресурсов народного х-ва для целей лихорадочного вооружения и ложится тяжелым бременем на плечи трудящихся И.

Сухопутные границы Италии. И. занимает узкий полуостров, ограниченный естественной преградой в виде полукольца Альп на севере. Граница с Францией (487 км) представляет ломаную линию, идущую по Западным Альпам, начинающуюся у Лигурийского залива и оканчивающуюся у горы Монблан. Весь приграничный (зап. и сев.-зап.) район заполнен трудно проходимыми хребтами, постепенно спускающимися к востоку и югу. Движение возможно только по горным проходам, находящимся на высоте 2.000—2.500 м над уровнем моря. Граница со Швейцарией (724 км), Австрией (420 км) и Югославией (240 км) почти на всем своем протяжении проходит по водоразделам Центральных и Восточных Альп. По всей приграничной полосе построено большое количество фортификационных сооружений, расположенных на путях, наиболее удобных для движения. Начиная с 1928 итал. правительство форсирует сооружение автомобильных дорог (автострад), к-рые свяжут важнейшие города Сев. И. и дадут возможность широкого использования автотранспорта в военное время. К 1935 открыта большая часть автострады Турин—Фиуме (Педемонтана) через Милан, Бергамо, Брешию, Падую, Венецию. В Сев. Италии расположены большая часть военной металлообрабатывающей и машиностроительной пром-сти и основные гидроэлектр. станции, питающие электроэнергией промышленные предприятия, ж. д., города и т. д. Принимаются меры к объединению посредством сверхмощных электропередач электростанций северной и др. частей И.

Центральная И. (Тоскана, Мархия, Умбрия, Римская провинция, Лациум) занимает сев. часть Апеннинских гор. Соображения военного характера (большая уязвимость Сев. И. от авиации противника) за последнее время заставили итал. правительство обратить внимание на развитие в центр. части страны промышленности и сооружения гидростанций. Этот район может явиться непосредственным театром военных действий тогда, когда будет потеряна Сев. И. или когда у его берегов высадится крупный десант. Южная И. включает Аbruцци, Кампанию, Апулию, Калабрию с островами—Сицилия и Сардиния.

Морские границы. Общая длина морской линии равна ок. 4.968 мор. миль, в т. ч. длина береговой линии полуострова—2.472 мор. мили и островов—2.496 мор. миль. Морские и воздушные базы И. (включая о-в Сицилию), Додеканеса и Итал. Ливии (Триполи и Тобрук) занимают угрожающее положение по отношению к морским сообщениям Англии и Франции, идущим через Гибралтар и Суэц в Индийский океан. Морскими и воздушными базами И. в Адриатическом м. являются Венеция, Пола, Анкона и Бриндизи; в зап. части Средиземного моря: Кальяри (на о-ве Сардиния), Сиракузы, Палермо и Марсала (на о-ве Сицилия), Специя, Неаполь, Гаета; в вост. части: Таранто, Лерос и Родос (Додеканес). Укрепляется о-в Пантеллария.

Комплектование армии. По закону 1926, армия делится на две части: 1) армия метрополии (вкл. карабинеров) и 2) колониаль-

ная армия. По закону 1927, военнообязанными являются мужчины от 21 года до 55 лет. Срок службы в рядах армии установлен в 18 мес. с сокращением для нек-рых категорий призываемых. Средняя численность одного возрастного контингента—ок. 560 т. чел., из к-рых призываемых ок. 300 т. чел. Число обученных людей от 21 года до 55 лет—ок. 8 млн. По закону 1932, в военное время воинская повинность распространяется на всех мужчин и женщин в возрасте от 17 до 70 лет. С 1934 установлена послевоенная подготовка резервистов в течение 10 лет после ухода с военной службы. В 1934 была учреждена инспекция допризывной и послевоенной подготовки, глава к-рой (генерал Грациоли) подчиняется непосредственно главе правительства. В 1936 введен особый воинский паспорт для каждого итальянца в возрасте от 8 до 32 лет.

Состав вооруженных сил. Вооруженные силы И. состоят из следующих частей:

Сухопутные силы:	
Регулярная армия (по штату на 1934/35):	
а) сухопутная	325.000
б) воздушные силы	22.000
Колониальные войска:	
а) регулярные	30.000
б) иррегулярные	35.000
Фашистская милиция «нац. безопасности»:	
а) основная	320.000
б) специальная	30.000
в) ПВО	80.000
Корпус пограничной стражи (финансовая гвардия)	27.300
Корпус карабинеров (жандармерия)	51.000
Морские силы	55.000

Высшее военное управление. Высшая военная власть принадлежит формально королю. Непосредственное же и фактическое руководство вооруженными силами в мирное время находится в ведении военного, воздушного, морского министерств, причем во главе каждого из них стоит глава правительства Муссолини. Части фашистской милиции национальной безопасности—в ведении главы правительства, который является ее главноком; части фашистской милиции специального назначения—в ведении соответствующих министерств. Колониальные войска—в ведении министра колоний; корпус карабинеров (жандармерия)—в ведении министра внутренних дел; корпус пограничной стражи—в ведении министра финансов.

Начальник Генштаба всех вооруженных сил находится в непосредственном подчинении у главы правительства, являясь его техническим советником по всем вопросам, касающимся организации вооруженных сил страны и мероприятий по организации обороны страны. Он и руководит работой начальников генеральных штабов армии, морского флота, воздушного флота и фашистской милиции национальной безопасности.

Вопросам подготовки страны к войне («тотальной мобилизации») уделяется огромное внимание. Для согласования, изучения и разрешения всех вопросов, связанных с подготовкой страны к войне, учрежден Высший совет национальной обороны—межведомственный орган, предназначенный для согласования действий всех ведомств, ведающих изучением и разрешением вопросов, связанных с национальной обороной. Ему предоставлено право определения норм расхода и использования всех ресурсов страны в целом. Совет состоит из: 1) решающего комитета, председатель к-рого—глава правительства, члены—министры иностр.

дел, колоний, внутренних дел, финансов, военный, морской, воздушный, земледелия, корпораций, путей сообщения; члены комитета с совещательным голосом: председатель комитета по подготовке национальной мобилизации, начальники ген. штабов (всех вооруженных сил, армии, флотов, милиции) и заинтересованные министры; 2) совещательных органов: а) Совет армии: председатель—военный министр; члены: начальник генерального штаба всех вооруженных сил, 4 командующих армиями (6 командующие армиями), 3 генерала. Совет разрабатывает вопросы призыва, обучения, вооружения, снабжения армии, планы мобилизации и планы обороны страны. С началом военных действий Совет прекращает свою деятельность; б) Комитет авиации; в) Морской совет. Высший совет национальной обороны имеет своих наблюдателей в промышленности. Служба наблюдателей уже в мирное время внедряется во все звенья пром. производства, с тем чтобы максимально облегчить переход предприятий с мирного положения на военное. Специальный комитет национальной мобилизации, составленный из представителей армии, промышленности и Высшего совета национальной обороны, руководит подготовкой промышленности к войне и мобилизацией промышленности для военных нужд. Главный комитет по оружию и боеприпасам непосредственно ведает распределением военных заказов и вопросами военной ассимиляции гражданских производств.

Ряд комитетов ведает регулированием импорта, распределением сырья и продовольствия и т. д. Между представителями корпораций и представителями армии устраиваются регулярные совещания. Многочисленные мероприятия по линии государственного контроля над производством, по линии принудительного синдикализма—мероприятия, к-рые подносятся под знаком «корпоративного строя», фактически связаны с подготовкой народного хозяйства к войне и созданием уже в мирное время аппарата управления военными производствами. Лицензии на строительство новых предприятий или на расширение существующих даются по преимуществу тем предприятиям, к-рые работают на военные цели. Огромные государственные средства отпускаются для субсидий тем предприятиям и концернам, работа к-рых связана с военными нуждами. В начале 1933 была создана специальная организация «Иституту рекоструционе итальяна» для финансирования военной пром-сти и поощрения военных производств. Одновременно фашистское государство старается выгодно разместить предприятия, имеющие военное значение.

В настоящее время основная военная промышленность И. сконцентрирована в треугольнике Турин—Милан—Генуя. Создается новый центр военной пром-сти в районе Рим—Неаполь—Терни. Военная пром-сть И. (кадровая) состоит из 11 государственных и 11 больших частных предприятий. На частных военных предприятиях И. в 1927, по данным Берлинского конъюнктурного института, работало 18 тыс. чел. (по сравнению с 10.700 чел., занятых в англ. частной военной индустрии, и 42.600 чел. франц. частной военной индустрии). Помимо крупных военных концернов, производство к-рых тесно связано с военными нуждами (Терни, Ансальдо, Бреда, Фиат, Капрони, Монтекатини и др.), при учете производственных возможностей страны надо принять во внимание

и общую промышленную мощь страны. И. в этом отношении значительно отстает от других крупных империалистических стран—Германии, Англии, Франции, не говоря уже о США. Максимальная месячная продукция, достигнутая итал. пром-стью во время войны 1914—18, составляла 1.830 т пороха, 2.900 т взрывчатых веществ, 120 тыс. винтовок, 1.500 пулеметов, 1.368 легких орудий, 250 млн. патронов, 1.000 самолетов, 1.500 авиаторов. Нынешняя (1936) производственная способность итальянской пром-сти значительно выше довоенной [докризисный (1929) объем промышленной продукции примерно в $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ раза больше довоенного уровня], однако, и потребность в вооружениях для современной войны во много раз больше. В иностранной военной печати дается примерно следующая оценка сырьевого обеспечения И., исчисленного на основании данных для пяти докризисных лет:

Сырьевое обеспечение И. (в %).

Продовольствие	89—95	Цинк	>100
Железо и сталь	30—40	Марганец	10—20
Хим. продукты	83—95	Шерсть	20—30
Свинец	60—70	Поташ	20—30
Нитраты	75—85	Сурьма	45—55
Сера	>100	Ртуть	>100
Алюминий	80—90		

И. совершенно не обеспечена собственным углем, нефтью, медью, хлопком, каучуком, никелем, хром. рудой, вольфрамом, фосфатами, оловом, т. е. важнейшими видами сырья, необходимого для ведения войны. Производство стали зависит от ввоза иностранного железного лома. Химическая промышленность не имеет достаточно собственного сырья.

Местное военное управление совершенно отделено от строевого командования. В военно-административном отношении вся территория метрополии разделена на: 1) командования групп корпусов (всего 5: Рим, Турин, Верона, Болонья и Неаполь, 3 новых формируются). 2) Территориальные армейские корпусные округа. Обычно в состав корпусного территориального округа (всего 13, включая командования о-вов Сицилии и Сардинии) входят 2—3 дивизионных территориальных округа. Штабы корпусных округов расположены: I—Турин, II—Империя, III—Милан, IV—Больцано, V—Триест, VI—Болонья, VII—Флоренция, VIII—Рим, IX—Бари, X—Неаполь, XI—Удине, окр. Сардиния—Кальяри, окр. Сицилия—Палермо. В состав дивизионного территориального округа (всего 33) входят 3) управления воинских начальников (105) и 4) мобилизационные инспекторы (31); их начальники непосредственно подчиняются командирам соответствующих дивизий, сохраняя, однако, в своей работе нек-рую самостоятельность.

Сухопутная армия. Сухопутная армия состоит из 13 армейских корпусов, или 33 дивизий (в т. ч. 5 альпийских дивизий), 3 быстроходных дивизий, 2 кавалер. бригад, 38 полков легкой артиллерии, 25 полков тяжелой артиллерии, 5 полков зенитной артиллерии, 1 полка танков, 12 инженерных полков, 2 полков минеров, 2 полков понтонеров, 1 полка ж.-д. войск, 1 роты воздухоплавательных войск, 1 химического отделения, 13 автоцентров, 13 санитарных рот, 13 адм.-хозяйств. рот, подчиненных 4 армейским управлениям. Более половины дивизий (в т. ч. все альпийские дивизии), все 3 быстроходных дивизии, большая часть др. родов войск, воздушных сил и фашистской милиции расположены в Сев. И.

Пехота: 113 полков (91 пехотный, 12 берсальеров, 10 альпийских); 259 батальонов. Высшим пехотным соединением в итальянской армии считается пехотная бригада трехполкового состава—по одной на каждую дивизию. Огневая мощь пехоты в последние годы значительно выросла. Пехотный полк имеет в наст. время 81 легкий пулемет (вместо 56), 36 тяжелых пулеметов, 4 (вместо 3) 65-мм орудия и 27 пехотных мортир (не было). Тяжелые пулеметы благодаря бронебойным пулям приспособлены для стрельбы по танкам и самолетам. Под названием «быстроходные войска» (celeri) объединены кавалерийские и берсальерские (самокатные) части. 3 подвижных дивизии имеют по 2 кавалер. полка (кавалер. бригада), 1 полк берсальеров (самокатчиков), части артиллерии на механич. тяге, группу легких танков и технич. части и службы. Эти части предназначены для ведения дальней разведки, захвата рубежей и развития успеха. Высшим соединением берсальерских (самокатных) частей является полк (всего 12), к-рый состоит из штаба, 2 самокатных батальонов двухроторного состава, роты тяжелых пулеметов на мотоциклах и служб.

Артиллерия. а) Полковая артиллерия; каждый пехотный полк имеет в своем составе один взвод орудий; б) дивизионная (полевая легкая)—по одному артлл. полку на каждую пехотную дивизию; в) полевая тяжелая—по одному артлл. полку на армейский корпус и военное командование о-ва Сицилия; г) тяжелая артиллерия резерва главного командования представлена 10 артлл. полками и 1 тяжелым артлл. дивизионом в Сардинии; д) конная артиллерия—одним конным артлл. полком 4-дивизионного состава, вооруженным 75-мм пушками и наполовину моторизованным; е) горная артиллерия состоит из 5 альпийских артлл. полков, по одному на каждую альпийскую дивизию; ж) береговая артиллерия из 3 полков (в Специи, Венеции и Мессине) и одного отдельного Сардинского дивизиона в Ла-Маддалена; з) зенитная артиллерия—из 5 полков зенитной артиллерии на автомобильных установках (в Риме, Неаполе, Флоренции, Мантуе, Пескаре) и дивизионов (24 батареи) противовоздушной обороны. Итальянская артиллерия приспособлена для ведения боевых действий в горах. Имеется большой процент гаубичной артиллерии. Вся тяжелая артиллерия переведена на механическую тягу и снабжена тракторами—«Фиат-20» и «Павези». Полевая тяжелая артиллерия снабжена 4-колесными тракторами «Павези» образца 1926.—Кавалерия после мировой империалистической войны подверглась сильному сокращению. В 1915 было 30 кавалер. полков, а сейчас имеется 12 кавалер. полков (44 эскадрона, 11 пулеметных эскадронов, 4 автобронеэскадрона). В состав кавалер. полков предполагается включить по 1 группе легких танков.—Инженеры и части включают 13 батальонов сапер, 12 батальонов связи, 11 батальонов радио, 6 батальонов минеров, 5 понтонных батальонов, 3 ж.-д. батальона; батальоны сапер и батальоны связи объединены в инженерные полки. Автоброневые части имеются в составе одного танкового полка, 6 танковых батальонов, 10 легких автобронедивизионов и 2 транспортных рот. Танковый полк состоит из штаба опытного учебного батальона, 4—5 боевых танковых батальонов и служб. На воору-

жение танковых частей принят легкий танк «Ансальдо» и танкетки 33 (усовершенствованный «Карден-Ллойд»).—Все транспортные части для перевозок людей и грузов, входящие в состав корпусов и армий, полностью моторизованы. В тяжелой и средней артиллерии применяются тяжелые тракторы (дизельные), а также газогенераторные повозки. Благодаря наличию развитой автопромышленности (заводы «Фиат», «Ланчия» и др.), сети автострад и хороших автодорог дальнейшая моторизация итальянской армии значительно облегчается. В армии имеется 13 дивизионов автомобильного транспорта.

Колониальные войска. В состав колониальных частей входят: 1) европейские части, полностью укомплектованные европейцами; 2) туземные регулярные части; 3) туземные иррегулярные части; туземцы вербуются сроком на 2 года, с правом ежегодного продления контракта, в качестве солдат, капралов, унтер-офицеров и подпрапорщиков. До войны с Абиссинией в Ливии находилось 37 смешанных батальонов туземных войск. В операциях в Абиссинии участвовало 75.000 чел. туземных войск. В 1936 колониальные войска Италии реорганизируются.

Военная доктрина. Итальянский фашизм, проводя свою завоевательную программу, не может отказаться от массовой армии. Особое внимание уделяется пехоте как основному роду войск, как стержню всей армии. В 1935 была сформулирована официальная военная доктрина фашистской И. в инструкции о вождении крупных соединений, излагающей основные стратегические и оперативно-тактические установки итал. командования. Эта инструкция получила официальные комментарии со стороны товарища военного министра генерала Байстрокки, выступившего с большой речью в сенате в марте 1935. Основные идеи этой инструкции совпадают с мыслями, изложенными в книге Висконти Праска «Война на сокрушение», книге, к-рую Муссолини назвал «подлинно фашистской» по своему духу и содержанию. Принято положение, что война и политика тесно между собой связаны, что война есть продолжение политики, под которой подразумевается агрессивная политика итальянского фашизма.

Тезис о единстве войны и политики предназначен лишь для того, чтобы оправдать подготовку всего хозяйства к войне, обосновать мобилизацию всех ресурсов страны для нужд войны, чтобы обеспечить единое и твердое руководство войной и политикой. Далее подчеркивается «тотальный», «интегральный» характер будущей войны, необходимость мобилизации всех промышленных, сельскохозяйственных, материальных и человеческих ресурсов для достижения побед и необходимость уже в мирное время готовить все для перехода на военные рельсы. Наконец, берется твердый курс на маневренную войну, т. е. войну на сокрушение. Эту войну должна вести массовая армия, вооруженная передовой техникой в сочетании с крепкими и политически надежными профессиональными кадрами. Армия должна воспитываться в духе решительного наступления. Комментарии к инструкции гласят, что для такой страны, как Италия, не имеющей собственного сырья, легко подверженной морской блокаде, длительная, затяжная война является гибельной. Мощные воздушные силы рассматриваются

как один из решающих факторов быстрой победы; доктрина Дуэ рассматривает их как исключительный фактор успеха при условии внезапного применения мощной бомбардировочной авиации в виде самостоятельных соединений. В последние годы уделяется больше внимания взаимодействию авиации с наземной армией. Применение бронетанковых войск вследствие горного характера главного европейского театра, предполагается, будет носить ограниченный характер.

Фашистская милиция «национальной безопасности». Общая численность — более 400 тыс. чел. Как организация, преследующая политическую цель обеспечения фашистского режима, она подчинена во всех отношениях главе правительства; управление ею сосредоточено в руках начальника Ген. штаба милиции. В организационно-административном отношении вся территория И. разделена на 4 командования групп фашистской милиции: 1-е—Милан, 2-е—Болонья, 3-е—Рим и 4-е—Неаполь, 2 отдельных командования групп милиции на островах Сицилии (Палермо) и Сардинии (Кальяри), 33 командования групп легионов (дивизий) милиции (совпадают по расположению с дивизионными терокругами), 122 командования легионов (полков) милиции (из них 2 в колониях), 13 командований легионов (полков) запаса, 79 батальонов чернорубашечников. Каждый из штабов легионов в пределах своего района производит на основе добровольного зачисления набор личного состава из числа членов фашистской партии в возрасте от 21 года до 36 лет. Срок службы 10 лет. Члены фашистской партии более старых возрастов зачисляются в органы противовоздушной территориальной обороны. Набор производится раз в год в годовщину вступления И. в войну (24/V 1915). Каждый легион состоит из 3—6 когорт (батальонов) в зависимости от плотности населения района данного легиона. Когорты не имеют пулеметных рот. В вооружение рот входят кинжалы и большое количество ручных гранат. Обмундирование и форма его покроя — особого вида. Офицерский состав имеет названия чинов древне-римских времен: начальник манипулы (лейтенант), центурион (капитан), синьор (майор), консул (полковник), консул-генерал (генерал). Фашистская милиция имеет свой особый дисциплинарный устав. Мобилизация милиции может быть произведена по приказу главы правительства, министра внутренних дел, префекта провинции, а в исключительных случаях по приказу подеста (старосты). Благодаря указанным мерам сроки мобилизации милиции могут быть сокращены до 24 часов. Части фашистской милиции ежегодно принимают участие в общевоинских маневрах. Ежегодно распоряжением командира легиона для прохождения краткосрочных учебных сборов производится призыв членов фашистской партии на 2—3 недели. В военное время по 2 когорты (батальона) фашистской милиции придаются на каждую пехотную дивизию. Для войны в Абиссинии было сформировано в 1935 пять фашистских дивизий с наименованиями «важных» событий фашистского периода истории И. («23 марта» — годовщина создания первых фашистских отрядов и т. п.).

В целях дальнейшей фашизации всего государственного аппарата в составе отдельных ведомств были последовательно созданы различные виды фашистской милиции спец. назна-

чения. Железнодорожная милиция состоит из 19.400 чел., почтово-телеграфная — 600, пограничная — 1.900, дорожная — 500, портовая — 850, лесная — 3.800, колониальная — 2.700, береговая и противовоздушная — 80 тыс. чел.

Милитаризация населения и юношеские фашистские организации. Для упрочения фашистского режима обращено исключительное внимание на милитаризацию подрастающей молодежи, т. е. на ее воспитание в фашистском духе и подготовку ее в физическом и военном отношении. В организации «Баллила» и «Юные итальянки» включаются дети в возрасте от 8 до 14 лет, в организации авангардистов и итал. женской молодежи — подростки в возрасте от 14 до 18 лет. В «боевые юношеские фашистские организации» (600 тыс. чел.) с 1930 принимается молодежь в возрасте от 18 лет до 21 года. В 1934 совет министров И. принял новый закон о вневойсковой подготовке. Согласно этому закону, являющемуся самым ярким образцом фашистской милитаризации, мужское население с момента поступления в начальную школу охватывается различными видами военной подготовки. Военное обучение ведется офицерами действительной службы или резерва различных родов войск.

Воздушные силы. Итал. воздушный флот выдвинулся в течение последних лет на одно из первых мест среди капиталистич. стран Европы. По своему количеству, по лётным качествам самолетов, изготовляемых на собственных авиазаводах, и по боевой подготовке он представляет реальную силу, угрожающую интересам других капиталистич. стран в бассейне Средиземного м. Во главе воздушного министерства с 1933 находится Муссолини, при котором состоит главнокомандующий воздушными силами, вице-статс-секретарь ген. Валле. Самостоятельная авиация (воздушная армия с 1931) подчиняется во всех отношениях начальнику ген. штаба воздушных сил. Армейская и морская авиация подчинена ему лишь в административном и учебном отношении. Колониальная авиация подчиняется министерству колоний. Территория метрополии разделена на 4 воздушных зоны (Милан, Падуа, Рим и Бари) и 5 авиационных командований (о-ва Сицилия и Сардиния, Ливия, о-в Лерос, Вост. Африка). Морские воздушные силы делятся на 4 командования, в соответствии с организацией морских сил. Состав ВВС: а) самостоятельные воздушные силы: 4 бригады, 11 полков, 54 отряда:

	Самолетов
24 истребительных отряда . . .	288
12 отрядов дневных бомбардиров . . .	144
12 » » ночных » . . .	144
6 » » боевых » . . .	72

Всего 54 отряда . . . 648

в 1936 были созданы 3 воздушных дивизии; б) армейская авиация: 3 полка (9 групп), 23 отряда разведчиков — 207; 1 группа самостоятельная — 69, всего 276 самолетов; в) морская авиация: 3 полка и 9 самостоятельных групп, 34 отряда, 303 самолета; г) колониальная авиация: 34 отряда (в т. ч. 4 истребительных, 12 бомбардировщиков дневных, 14 разведочных, 4 смешанных) — 552. Всего 1.219 самолетов первой линии, 881 самолет в резерве, итого 2.100 военных самолетов. — Численность личного состава по штату — 43.500, в т. ч. лётный состав — 1.755 офицеров и 1.600 унтер-офицеров. Подготовка офи-

церского состава воздушных сил сосредоточена в Воздушной академии в Казерте. Центральная школа пилотажа находится в Гротталье, школа военное-летного дела—в Литторно, близ Рима. В 43 летних школах в 1935—36 было обучено 1.500 пилотов. В Дезенцано находится школа скоростных полетов, в Монтечело—школа высотных полетов. Центр исследовательской работы по авиации находится в «воздушном городе» Гвидония.

На вооружении состоят самолеты и моторы итал. конструкции и постройки: бомбардировщики Савойя S81 (ночные и дневные), Капрони 95, истребители Фиат Сг32, разведчики Ромео Ро37, морские разведчики Кант Z501. Воздушный флот базируется на хорошо организованную сеть аэродромов (св. 150) и посадочных площадок. Испытываются новые бомбардировщики со скоростью до 500 км/ч. и новые разведчики со скоростью 550 км/ч. Организация аэродромной службы позволяет в случае нужды осуществлять сосредоточение морской авиации в помощь сухопутной, базируя ее на гидропорты, организованные на озерах Сев. И.

Воздушные силы И. быстро растут. Они сыграли большую роль в войне с Абиссинией. В прилегающих к Абиссинии итал. владениях были построены десятки аэродромов. В Эритрее в марте 1936 их количество достигло 25, в Итальянском Сомали—54. Только за три дня (с 3/III по 5/III 1936) 637 бомбардировочных и разведывательных самолетов совершили в Абиссинии полеты продолжительностью в общей сложности в 6.466 часов. При этом они сбросили св. 1 млн. кг бомб и сделали 155 тыс. пулеметных выстрелов. За те же три дня 178 итал. самолетов перебрали передовым частям армии продукты и военное снаряжение общим весом в 46.580 кг.—Противовоздушная оборона: 5 полков артиллерии ПВО (24 батареи), 5 прожекторных групп, 1 группа моторизованной артиллерии ПВО в Сардинии, организована весьма тщательно. Создана особая фашистская милиция ПВО (10 когорт).

Военно-морские силы И. Корабельный состав итал. флота к 1/1 1936 был следующий:

Классы кораблей	В строю		В постройке	
	число кораблей	тоннаж	число кораблей	тоннаж
Линкоры	4	86.532	2	70.000
Крейсеры 1-го кл.	11	103.641	—	—
Крейсеры 2-го кл.	16	71.183	5	34.253
Лидеры	2)	31.098	—	—
Миноносцы	68	60.390	10	8.958
Подводные лодки	69	45.720	8	8.887
Всего	188	398.564	—	122.098

Особенностью итал. надводных кораблей являются их хорошее вооружение и большая скорость хода. Подводные лодки в общем не уступают по своим тактическим качествам подводным лодкам Франции. Программа строительства линкоров (Витторно Венето и Литторно) рассчитана на 6 лет, т. е. с 1934 по 1940. Итальянский флот делится на 2 эскадры, из к-рых первая эскадра (25 единиц) базируется на Специю, а вторая (29 единиц)—на Таранто. Каждая эскадра в свою очередь состоит из 2 дивизий. Подводные лодки объединены особой инспекцией подводных лодок, в состав к-рой входит

3 флотилии: первая (12 подлодок) базируется на Специю, вторая (16 подлодок)—на Неаполь и третья (15 подлодок)—на Таранто. Остальные корабли, в т. ч. и линкоры, сведены в различные вспомогательные соединения (береговой обороны, учебные и резервные) и распределены по районам (Тирренское море, северная и южная части; Ионическое море и южная часть Адриатического моря; северная часть Адриатического моря). В. Дубовик.

Лит.: Вооружения капиталистических стран в 1935. Под ред. А. Никонова и И. Лемина, М., 1936.

VII. Профессиональное движение.

Возникновение профсоюзных рабочих организаций в И. относится к середине 19 в. Первые объединения рабочих носили преимущественно характер организаций взаимопомощи, артелей, потребительских товариществ. Однако, итал. рабочее движение скоро ликвидировало эту примитивную стадию своего развития; создание подлинных профсоюзных организаций, стоящих на позиции защиты интересов наемного труда против предпринимателей, относится приблизительно к 70-м гг. 19 в. (после начавшегося развития итал. промышленности) и достигает значительного подъема начиная с 90-х гг.—Особенностью итал. профдвижения являлись его политическая окраска и тесная связь профсоюзных организаций с соответствующими политическими партиями. Различные профсоюзные организации в борьбе с предпринимателями создавали на местах межсоюзные объединения, т. н. палаты труда. Палаты труда, возникшие в 1891, сыграли крупную роль в развитии рабочего движения И., сделавшись организующими центрами классовой борьбы итал. пролетариата. После Первого национального съезда палат труда (1900) создана Федерация палат труда. Самое мощное профобъединение итал. рабочих—Всеобщая конфедерация труда (ВКТ) (Confederazione generale del lavoro), объединяющая и палаты труда, и профсоюзы, организовалась в 1906 и насчитывала ок. 190 тыс. членов в 1907, ок. 327 тыс. в 1913, а в апогее своего развития, в 1920,—ок. 2.200 тыс. членов. Всеобщая конфедерация труда И. в своем уставе признавала принцип классовой борьбы, но, находясь под фактическим руководством оппортунистической соц. партии, проводила в основном ту же политику реформизма. Одновременно ВКТ была тесно связана с широко разветвленной сетью организаций взаимопомощи, артелей, рабочей потребительской кооперации и культурно-просветительных организаций. Руководство ВКТ и ее важнейших федераций все время находилось в руках правых элементов соц. партии, склонных к соглашательской политике с буржуазией и правительством. Вне ВКТ стоял ряд профорганизаций, руководимых анархо-синдикалистскими элементами, вышедшими из рядов ВКТ после того, как последняя (на Моденском съезде 1908) официально признала необходимым установить организационную связь с итальянской социалистической партией. Анархо-синдикалистские профорганизации создали в 1913 свой центр—Итал. профсоюзное объединение (Unione sindacale italiana), насчитывавшее в момент своего основания св. 100 тыс. членов, а в 1921—около 389 тыс. членов. Во время империалистической войны от Итал. профсоюзного объединения откололись интервенционисты, образовавшие объединение националистич. союзов

под названием Итальянское объединение труда (Unione italiana del lavoro), насчитывавшее в 1921 ок. 116 тыс. членов. Эта организация являлась предтечей фашистских союзов. Вторым по численности и влиянию профобъединением являлась Итал. конфедерация трудящихся (Confederazione italiana dei lavoratori), или Белая конфедерация, объединявшая католические союзы, не только рабочие. Эта конфедерация была создана в 1919 с благословения Ватикана в качестве противовеса ВКТ. Она была тесно связана с католической Народной партией (пополари) и многочисленными католическими кооперативами и обществами взаимопомощи; пользовалась значительным влиянием среди мелкого крестьянства, исполщиков, части с.-х. рабочих, текстильщиков, швейников и т. п. В 1920 насчитывала до 1.248 тыс. членов. В И. насчитывалось еще известное количество независимых профорганизаций, не примыкавших ни к одному из перечисленных профобъединений. Самыми крупными из этих организаций являлись: Союз железнодорожников, находившийся под руководством синдикалистов и насчитывавший около 150 тыс. членов, и Федерация работников моря—около 60 тыс. членов.

С.-х. рабочие и крестьянская беднота принимали активное участие в рабочих организациях и массовых выступлениях итальянского пролетариата; часто экономические выступления перерастали в политические. Особенно мощный и бурный характер приняло профдвижение в 1919—21 под влиянием тяжелого послевоенного кризиса. В эти годы, ознаменовавшиеся стремительным ростом профорганизаций, образованием фабрично-заводских комитетов и небывалым подъемом стачечной борьбы, рабочим массам И. удалось завоевать 8-часовой рабочий день, оплаченный ежегодный отпуск, увеличение зарплаты соответственно дороговизне, признание фабзавкомов и т. д. В сентябре 1920 борьба рабочих масс достигла наивысшего своего подъема, вылившись в массовый захват фабрик (в металлической промышленности на Севере и в ряде других производств). Развернувшиеся события фактически поставили в порядок дня захват власти пролетариатом. Но реформисты, стоявшие во главе ВКТ, не менее буржуазии боялись революции и сделали все, чтобы ее предупредить (тогдашний вождь ВКТ Д'Арагона впоследствии открыто хвастливо заявлял, что реформисты спасли И. от революции). Они поспешили заключить с главой правительства Джолитти компромиссное соглашение и предложили рабочим очистить фабрики. Срыв захвата фабрик знаменует собой начало отлива революционной волны, что послужило благоприятным моментом для наступления буржуазии и прихода к власти фашизма.

Вся дальнейшая деятельность реформистского руководства ВКТ шла по линии всемерной поддержки фашистского террора, приспособления к фашистскому режиму и ожесточенной борьбы против революционных элементов профорганизаций. Вынужденные под давлением масс войти в контакт с советскими союзами и принять участие в основании Профинтерна (в 1920), реформистские вожди в дальнейшем примкнули к *Амстердамскому Интернационалу* (см.), превратились в заклятых врагов Профинтерна и всеми силами противодействовали разворачиванию экономической борьбы рабочих масс. Реформисты держали

курс на свертывание профорганизаций (целый ряд оппозиционных союзов и палат труда был распушен), на очищение рядов ВКТ от революционных элементов и на сохранение всеми способами руководства путем отмены союзной демократии, исключения революционных профорганизаций и т. д. В союзе с реформистами действовали и «левые» социалисты-«максималисты». Этой политикой реформисты в значительной степени облегчили фашизму разгром классовых профсоюзов. Массы стали покидать организации ВКТ, и значение последних стремительно падало. Реформистская политика ВКТ способствовала росту фашистского профдвижения. Фашистские профсоюзы начали организовываться в 1921 и в 1922 объединились в Национальную конфедерацию профсоюзных корпораций. На конференции в Болонье в ноябре 1922 сформулированы были принципы Конфедерации. Согласно этим принципам, в Конфедерацию принимали всех граждан И. «обоих полов и любой религии, принадлежавших ко всем классам, ко всем категориям ручного и умственного труда», «общество, построенное на основе синдикатов, одинаково защищает интересы всех категорий и всех классов», далее указывается, что «профорганизация не является больше чем-то характерным специально для рабочего класса».

Несмотря на разгром фашистским руководством классовых профорганизаций и на всемерную поддержку созданных фашистских организаций, они не превратились в массовые и стали ими лишь после введения законом от 3/IV 1926 монополии этих союзов. Закон от 3/IV 1926 признавал фашистские профсоюзы единственными организациями, имеющими право представлять интересы рабочих, заключать колдоговоры, имеющие силу для всех рабочих данного производства; в пользу этих союзов закон устанавливал специальный налог на всех рабочих; в основу фашистских союзов положена назначаемость руководителей и полное их подчинение правительству в лице особого министерства корпораций. На этот закон реформисты ответили покорным отказом от основных профсоюзных функций ВКТ и уничтожением последних остатков демократии в профорганизациях, что нанесло жестокий удар всем нефашистским профсоюзам. Католическая конфедерация ликвидировалась, предложив своим членам войти в фашистские союзы и передав свои подсобные организации католическим церковно-приходским организациям. Синдикалистские же профорганизации фактически перестали существовать еще до этого закона. ВКТ продолжала существовать, но насчитывала (в середине 1926) не больше 10 тыс. членов. Осенью 1926, после покушения на Муссолини, в И. были введены чрезвычайные законы, все классовые союзы разгромлены. Однако, фашисты не распустили центрального аппарата ВКТ, предпочитая добиться путем закулисных переговоров с реформистскими главарями ВКТ добровольной «самоликвидации» последней. И действительно, 4/I 1927 Исполком ВКТ вынес постановление о «самоликвидации» ВКТ, а через несколько дней группа быв. влиятельных главарей ее (Д'Арагона, Ригола, Адзимонти, Мольоне и др.) подписала фашистского характера декларацию, в к-рой выражала готовность сотрудничать с фашизмом в деле осуществления «корпоративного строя». Она организовала «Общество по изучению проблем тру-

да», поддерживающее, по их определению, «дружественные информационные связи» с Амстердамским Интернационалом и пользующееся покровительством Муссолини.

Со времени своего образования фашистские профсоюзы подвергались многочисленным реорганизациям. Объединены они в ряд корпораций: работников промышленности, сельского хозяйства, торговли и др. В конце 1934 фашизм перешел к созданию корпораций в виде организаций бюрократического характера, руководимых гос. чиновниками и функционерами фашистской партии. Но одновременно в целях успокоения растущего недовольства масс постановлено было, что часть низовых функционеров фашистских профсоюзов должна избираться профсоюзной членской массой. В 1934, по официальным данным, насчитывалось в фашистских профсоюзах 4.042 тыс. членов, из них промышленных рабочих—1.659 тыс.

Введением монополии фашистских профсоюзов и капитуляцией реформистских вождей ВКТ фашизму, однако, не удалось ликвидировать ВКТ. 20/II 1927 по инициативе работников-коммунистов в Милане собралась нелегальная профсоюзная конференция, признавшая незаконным решение о ликвидации ВКТ и вынесшая постановление о реорганизации ВКТ с целью приспособления ее к условиям нелегального существования. Несмотря на трудность подпольной работы в условиях фашистского террора, ВКТ удалось к концу 1927 довести количество своих членов до 12 тыс., издавать нелегально свой центр. орган «Батталья синдакали», выпустить значительное количество нелегальной литературы, оказать известное влияние на рабочие массы и на забастовочное движение, вспыхнувшее в 1927 в связи с наступлением капитала на зарплату. На попытку реорганизованной ВКТ руководить рабочими массами из подполья фашизм ответил жестокими репрессиями. Лучшие руководители и активисты ВКТ были брошены в тюрьмы или отправлены в ссылку. Но ВКТ удалось сохранить свою организацию и продолжать борьбу. Однако, в работе ВКТ имелся недостаток, сильно тормазивший развитие массовой профработы в И. Это был фактический отказ от использования легальных возможностей, в частности от работы внутри фашистских профсоюзов, куда фашизму удалось путем насилия и обмана вовлечь значительную часть рабочих масс. Подобная вредная установка содействовала росту сектанства среди членов и сочувствующих ВКТ и значительному ее отрыву от рабочих масс. За последнее время, особенно после VII конгресса Коминтерна, руководство ВКТ ставит в центре своей деятельности повседневную, систематическую, упорную работу внутри профсоюзных и прочих массовых организаций фашизма. Ее главная задача сводится к вовлечению рабочих, как антифашистов, так и находящихся еще под влиянием фашизма, в самые элементарные движения в защиту их экономических, политических и культурных интересов, к углублению на этой почве пропасти между фашистской верхушкой и массой рядовых сторонников фашизма и к созданию, таким образом, широкого единого фронта трудящихся против войны и фашизма.

Со времени своей реорганизации ВКТ фактически стала на позиции Профинтерна. Тем не менее, Миланская конференция сочла нужным остаться в рядах Амстердамского Интернацио-

нала. Это решение было продиктовано стремлением сохранить единство в рядах ВКТ и вовлечь в совместную борьбу против фашизма рабочих, идущих еще за Амстердамским Интернационалом. Но амстердамские вожди отказались признать нелегальную ВКТ. Они предпочли одобрить заявление самозванной парижской группы эмигрантов-реформистов (Буоцци и К^о) о том, что ВКТ ими «перенесена за границу», и стали активно поддерживать эту группу в ее борьбе против ВКТ. В то же время Амстердамский Интернационал сохранил связи с группой Д'Арагона, Ригола и К^о, открыто перешедшей на сторону фашистов. В 1929 Амстердамский Интернационал послал делегацию в составе Ситрина и Зассенбаха для переговоров с этой группой и через ее посредство—с Муссолини. Все эти обстоятельства, а также общая политика Амстердамского Интернационала, прокладывающая дорогу фашизму в других странах и тормазящая борьбу с ним, побудили ВКТ порвать с Амстердамским Интернационалом всякие связи (осень 1929) и официально примкнуть к Профинтерну (накануне 5-го конгресса последнего). В наст. время ВКТ прилагает все усилия к тому, чтобы привлечь к революционной профессиональной работе и, в частности, к работе внутри фашистских профессиональных союзов активных рабочих всех течений.

С. Слободской.

VIII. Народное образование.

Система народного образования сложилась в И. в период ее войны за национальную независимость. Первый школьный закон Казати (1859) носит явно выраженный буржуазно-классовый характер и устанавливает четырехгодичную начальную школу для народа и среднюю классическую—для господствующего класса. Позже были созданы промежуточные технические и дополнительные школы для разных прослоек населения и прибавлено два года «народных курсов» к начальной школе. В 1877 издан закон о всеобщем обучении детей в возрасте от 6 до 10 лет, но фактически он и до сих пор не проведен в жизнь. По последней переписи 1931, в И. имеется 27% неграмотных, причем официальная статистика считает грамотными даже тех, к-рые умеют только подписать свою фамилию. Процент неграмотных растет по мере продвижения с севера на юг, доходя в Апулии и Базиликоне до 49—52.

Главное внимание итал. фашизма направлено на то, чтобы использовать школу как орудие фашизации населения. В школьной политике фашизма за тринадцать лет его существования можно различить разные фазы ее развития в связи с последовательным нарастанием реакции, начиная от периода временной стабилизации капитализма и последующего экономического кризиса вплоть до подготовки империалистической агрессии в Африке. Уже джентилевская реформа 1923, названная в свое время «самой фашистской из всех реформ», резко порывала с педагогикой и практикой дофашистской школы, а последующие дополнения и преобразования реформы 1923 еще более насытили школу фашистским содержанием. В 1926 Муссолини на конгрессе учительской корпорации выдвинул требование, чтобы вся школа на всех ее ступенях воспитывала итальянскую молодежь в духе фашизма. В 1931 вопрос о политическом фашистском воспитании в школе ставится и проводится открыто. Глав-

ной целью школы фашисты считают создание «нового» итальянца, способного выполнять империалистические задачи фашистской И. Основная задача школы—«воспитание характера», а не обучение. Образовательные задачи отсдвигаются на задний план, и в центре внимания становится подготовка кадров, обеспечивающих подавление революционного и рабочего движения и выполнение военно-империалистических задач фашизма. Летом 1934 в речи на больших маневрах в Тоскане в связи с подготовкой к войне Муссолини ставит открыто вопрос о «военном» и «воинственном» воспитании молодежи. 18/VIII 1934 утвержден проект закона о военной подготовке всего мужского населения с 8 до 55 лет, а с февраля 1935 школы стали главным центром военного обучения подрастающего поколения. «Военное воспитание становится главным элементом общего образования», по утверждению циркуляра министра. Помощниками школы в этом отношении являются детские и юношеские фашистские организации, ставшие в наст. время (1935/36) обязательными для всех учащихся начиная с 8 лет. Главным содержанием фашистского воспитания являются шовинизм, милитаризм и религия. В дофашистской И. школа была отделена от церкви, теперь она находится с ней в тесной связи.

Система народного образования в И. делится на три ступени: начальная, средняя и высшая школы. Подготовительной ступенью является дошкольное воспитание, к-рое охватывает ок. 20% детей, преимущественно в промышленных центрах. В 1933—34 было 9.218 дошкольных учреждений, в к-рых находилось 705.452 ребенка.

Начальная школа делится на низшую начальную школу (3 года) и высшую начальную школу (2 года). Она предназначена для детей от 6 до 11 лет. Далеко не все дети эксплуатируемых классов охвачены системой всеобщего обучения; большая часть детей посещает школу только три года, что нередко ведет к рецидиву неграмотности. Значительное количество детей остается совсем вне школы. В 1933/34 из 5.250 тысяч детей лишь 4.670 тысяч было записано в школы, а больше 1/2 млн. оставалось вне ее. Это объясняется все более и более растущей нуждой населения, ранней эксплуатацией детей в домашнем труде, приемом их на производство с 12 лет, недостатком школ и плохим их состоянием, отдаленностью школы и плохим состоянием дорог в сельской местности. Принципиально совместное обучение отвергается; однако, почти вся сельская школа смешанная, ибо только при 60 учащихся разрешается разделить класс на мужской и женский. В 1933 на 154.622 класса было 24.332 мужских, 22.246—женских и 108.044—смешанных. Успеваемость учащихся очень низкая. В 1932/33 из 4.592.296 учащихся только 2.966.526 перешло в следующий класс. Отсев учащихся настолько велик, что в 1933/34 в 1-м классе было 1.363.610 учеников, а в 5-м—354.154.

Главными предметами обучения считаются религия и пенне, и оканчивающие начальную школу часто не владеют навыками чтения и письма. В 1931 введены государственные учебники, переполненные рассказами из священной истории и восхвалением «духе», фашизма и войны. Школьная дисциплина напоминает казарму. Экономический кризис отразился и на неоднократном снижении оплаты учителя. К конкурсу на место учителя допускаются с 1931 лишь

члены фашистской партии. Практикующим учителям «предлагается» вступать в офицеры фашистской милиции и являться в школу в фашистской форме.

Среднее образование платное и недоступно для детей эксплуатируемых классов. Оно делится на классическое, педагогическое и техническое. Реформа 1923 сильно сократила сеть средних учебных заведений, чтобы создать немногочисленный класс «избранных» и уменьшить безработицу среди интеллигенции, но с 1930/31, в виду недовольства населения и необходимости создания широких офицерских кадров для подготавливаемой войны, правительству пришлось увеличить количество школ. Во избежание наполнения школы «нежелательными элементами» сильно повышена плата за учение. Пятилетняя классическая гимназия (11—15 лет) и трехлетний классический лицей (16—18 лет) являются основной школой господствующего класса, открывающей доступ во все высшие учебные заведения. Прием в гимназию, как и в другие типы средней школы, происходит по экзаменам в объеме знаний начальной школы. В средней школе девочки учатся вместе с мальчиками. В 1923 основан реальный четырехлетний лицей, куда можно поступить из четвертого класса гимназии или из низшего технического института. Из реального лицея (liceo scientifico) принимают в высшую школу, за исключением философского и словесного факультетов. Педагогическое среднее образование получают в учительском институте, который делится на четырехлетний низший и трехлетний высший институт. Он готовит учителей начальной школы, давая общее образование гуманитарного уклона, без практической педагогической подготовки. Преподавание в институте носит схоластический характер. Из учительского института можно поступить только в Высший педагогический институт, преобразованный в 1935 в педагогический факультет университета. В 1933/34 в гимназиях, лицеях и педагогических институтах училось 198.288 человек.—Профтехническое образование целиком приспособлено для военных целей. Фашистский министр народного просвещения, философ-спиритуалист Джентиле относился с пренебрежением к технике и к физическому труду, к-рый, по его мнению, «порабощает жизнь духа». Он уничтожил техническую школу, привлекавшую реальным направлением образования широкие слои средней и мелкой буржуазии, закрыл физико-математическое отделение технического ин-та, дававшее доступ в специальные технические высшие учебные заведения, и взамен их открыл дополнительную общеобразовательную школу, а в техническом ин-те оставил лишь отделение для землеров и счетоводов. В дальнейшем итал. фашизм вынужден был заняться реорганизацией профобразования; агрессивная политика Муссолини потребовала значительных кадров военных техников и специалистов. В результате законов 1929, 1931 и 1933 все школы профтехнического характера сведены к единому типу технического института с четырьмя уклонами (индустриальный, сельскохозяйственный, коммерческий, морской). Технический институт охватывает восемь лет обучения (с 11 до 18 лет включительно) и делится на низший (4 года) и высший (4 года).

В целях подготовки необходимой для капиталистического производства квалифицирован-

ной рабочей силы в 1923 были основаны трехгодичные интегративные курсы (corso integrativo), преобразованные в 1929 в школы трудовой подготовки (scuola di avviamento al lavoro), имеющей характер предпрофессиональной подготовки. Курсы могут быть сокращены до 1—2 лет в зависимости от местных условий и не открывают возможности продолжения образования.—В 1933/34 средним профтехтехническим образованием было охвачено 283,042 учащихся, художественным — 11.692. — Программы средней школы с 1923 подвергались частым изменениям. Характерными особенностями программ средней школы являются: 1) усиление удельного веса гуманитарных наук, проникнутых фашистским мировоззрением, за счет математики и естествознания; 2) религиозное преподавание с 1929 в связи с Латеранским concordato; 3) введение латинского языка в педагогический и технический ин-ты, идеалистической философии—в пединститут и лицей и истории искусств—в лицей; 4) «фашистская культура» и обязательное военное обучение для подготовки младших офицеров и специальных войсковых частей.

Из 25 университетов И. только 10 находятся целиком на гос. бюджете, остальные содержатся на частные средства, получая иногда субсидии от министерства. Во всех высших учебных заведениях проходит высший курс военного дела для подготовки среднего офицерского состава, военных специалистов и организаторов, знакомых с военной организацией разных стран и с вопросами международной политики. Фашизация студенчества проводится через университетские фашистские группы. Преподаваемые предметы представляют грубую фальсификацию науки, извращение ее мракобесием католицизма и идеалистической философией, подделку под фашизм и корпоративизм. Это ведет к такому снижению образовательного уровня страны, что даже фашистские педагоги вынуждены признать существование кризиса, «терзающего среднюю и высшую школу» и «охватывающего спиритуальную и культурную жизнь страны».

В 1929 основаны Королевская академия Италии (Reale accademia d'Italia) и Национальный совет исследований (Consiglio nazionale delle ricerche). Задача этих учреждений «координировать и дисциплинировать» в духе фашизма научные исследования в области «чистой» науки и искусства (Академия) и в области экспериментальных наук и их применения в практической жизни (Совет). Академия делится на четыре секции: моральные и исторические науки, физико-математические и естественные, литература, искусство. Все существовавшие до сих пор в И. академии и научно-исследовательские институты подчинены этим двум верхним фашистским органам, состав которых назначается главою правительства. Целый ряд научных работников отстранен от научной работы за недостаточное фашистское мировоззрение, а все оставшиеся на работе обязаны приносить присягу в верности фашистскому режиму и вступать в ряды «Фашистской ассоциации школ». «Научно-исследовательская работа находится в упадке. Роскошно оборудованные лаборатории работают для повышения военной техники. Вся политическая, экономическая и культурная жизнь подчинена военным целям, по заявлению нового министра просвещения, гене-

рала Де-Векки». Из отдельных институтов за последние годы в связи с развитием империалистической политики И. расширил свою деятельность Колониальный институт (Istituto coloniale fascista).

Организация народного образования находится в ведении министерства национального воспитания, к-рое ведает также библиотеками, музеями, раскопками и детскими и юношескими фашистскими организациями. При министерстве имеется совещательный орган—Высший совет национального воспитания, преобразованный в 1923 из выборного в учреждение, состав которого назначается министром. Централизация, проведенная с целью усиления фашистского влияния на школу, привела к ухудшению положения школы и к усилению бюрократизма. Бюджет министерства национального воспитания в 1929 составлял 3,7% всего бюджета, что ставило И. на одно из последних мест среди европейских стран. В 1934 сокращены ассигнования на высшую школу, академии, музеи и библиотеки и сильно увеличены на фашистские детские и юношеские организации. Бюджет на 1935/36 выражается цифрой в 1.632.600 лир и дает снижение в 125 млн. лир за счет снижения заработной платы учителям начальной школы. Реформа 1923 стимулировала развитие частной школы, но после 1929 началось гонение на частную школу, оказавшуюся недостаточно фашистской, и теперь процент учащихся в частных школах не велик, а сеть частных школ сильно сократилась.

Наряду со школой фашизм проводит свою «просветительную» деятельность через «национальные фашистские институты культуры» и через полуофициальную организацию «Доролаво» («после работы») — вида клубной работы, посредством к-рой фашизм стремится овладеть досугом трудящихся через кружки, экскурсии, лекции, библиотеки, кино, радио и т. д. Рассеянные по всей стране «Национальные фашистские институты культуры» объединяют различного рода культ.-просветительные об-ва, давая им фашистские установки, и занимаются издательской деятельностью с целью пропаганды фашизма. Выставка «фашистской революции» в Риме имеет целью вызвать ненависть к коммунизму, усилить националистич. чувства посетителей и создать в них мистическое настроение и веру в «великие» судьбы И. Для распространения идей итал. фашизма основан ряд «институтов итальянской культуры» за границей (Прага, Бухарест, Буэнос-Айрес и др.). Политика фашизма в области просвещения встречает, несмотря на многолетний террор, постоянную оппозицию в школе и вне ее.

Лит.: Рогинская А. С., Фашизация народного образования в Италии, М., 1933; Петровская Н. О современной итальянской школе, «На путях к новой школе», М., 1930, № 3; Готалов-Готлиб А. Г., Очерки педагогической теории итальянского фашизма, «Коммунистическое просвещение», [М.], 1934, № 4, и 1935, № 2; Лабриола, Педагогическая политика фашизма в Италии, «Коммунистическое просвещение», [М.], 1935, № 5; Лабриола Н., Военная подготовка в средней школе в Италии, «Народный учитель», М., 1935, № 3; Петровская Н., Фашизация учебника в итальянской школе, «На путях к новой школе», М., 1932, № 4.

Н. Лабриола-Скворцова.

IX. Санитарное состояние и организация здравоохранения.

Италия—страна с рождаемостью, имеющей неуклонную тенденцию к снижению. Естественный прирост населения заметно падает, что видно из табл. 1.

Табл. 1.—Движение населения в И.
(на 1.000 жит.).

Годы	Рождаемость	Смертность	Естеств. прирост
1912	32,38	18,15	14,23
1921—25 (средн.)	29,7	17,3	12,4
1926—30 (средн.)	26,8	16,0	10,8
1931	24,9	14,7	10,2
1932	23,8	14,7	9,1
1933	27,7	13,7	14,0
1934	23,4	13,3	10,1

Факт понижения естественного прироста населения является бесспорно результатом политики угнетения трудящихся фашизмом. Фашистское правительство, игнорируя созданные им соц.-экономич. причины указанной неблагоприятной тенденции движения населения, «обретая» с ней, запрещая пропаганду ограничения рождаемости и устанавливая суровые кары за искусственное прерывание беременности. Однако, в условиях растущей безработицы и снижения жизненного уровня широких масс эти мероприятия не могут дать и не дают заметных результатов.—Детская смертность в послевоенное время почти стабильна.

Табл. 2.—Детская смертность в И.
(на 100 родившихся).

1910	14,0	1926—30	12,3
1915	14,7	1931	11,3
1921—25	12,6	1932	11,2

Заболееваемость, в частности, инфекционными болезнями и смертность от них в Италии по сравнению с рядом других европейских стран высоки. Заболееваемость по основным инфекционным болезням видна из следующей таблицы:

Табл. 3.—Заболееваемость инфекционными болезнями в И. (в абс. цифрах).

Болезни	1929	1930	1931	1932
Дифтерия	24.035	30.050	29.872	25.749
Дизентерия	837	792	961	875
Брюшной тиф	31.123	33.135	29.632	32.866
Малярия	206.590	209.590	202.557	203.219
Корь	99.609	133.883	89.371	88.944
Мальтийская лихорадка	956	1.156	1.454	1.997
Скарлатина	21.114	21.171	19.107	20.786

В особенности распространены в И. малярия (наличие большого количества болотистых местностей и рисовых плантаций) и брюшной тиф (неудовлетворительное водоснабжение). Малярия больше всего распространена в Сардинии, меньше—в Ломбардии. В нек-рых районах, где распространена культура кукурузы, наблюдается много случаев пеллагры (1.466 заболеваний в 1926).

Оспа почти ликвидирована, если не считать отдельных заносных случаев и небольших вспышек во время империалистической войны. Оспопрививание в И. обязательно (законы 1892 и 1923). В 1926 насчитывалось 750 больных проказой, для к-рых имеется 2 лепрозория и отдельные палаты в единичных больницах. Среди рабочих, особенно табачных фабрик, распространена (на юге и на островах) трахома. Сильно распространен в И. туберкулез, к-рый уносит ежегодно значительное число жертв: в 1930 умерло от туберкулеза 44.455 чел. В 1930 в И. насчитывалось 196 туберкулезных диспансеров, 63 превентория, 149 отделений для туберкулезных в общих больницах, 29 учреждений

для хирургических туберкулезных больных, 23 специальных больницы. Таким образом, сеть противотуберкулезных учреждений довольно значительна, однако, заболееваемость туберкулезом заметно не снижается, что указывает на отсутствие улучшения в материальном положении широких масс.—В каждом городе И. с числом жителей свыше 30 тыс. должен быть венерологический диспансер. В 1928 насчитывалось 187 таких диспансеров, не считая 16 государственных венерологических диспансеров в портах для бесплатного лечения моряков любой страны (согласно международной конвенции 1924).

Организация здравоохранения подчинена министерству внутренних дел и его органам на местах. «Центральная администрация здравоохранения» состоит из 5 секций. В провинции во главе местных органов здравоохранения стоит провинциальный врач. В каждой общине с числом жителей свыше 20.000 обязателен коммунальный отдел гигиены; прочие общины обслуживаются санитарной инспекцией. При «Центральной администрации здравоохранения» организован высший научно-консультативный орган—Высший совет здравоохранения (Consiglio superiore di sanita). Медицинская помощь—на дому, амбулаторная, больничная—в И., как и во всех капиталистических странах,—платная. Больницы—большая часть частные, коммунальные и благотворительные, реже государственные (университетские клиники); значительная часть больниц принадлежит религиозным общинам и управляется по своим внутренним уставам.

Высшее медицинское образование организовано в 15 государственных и 2 частных университетах. Продолжительность обучения 6 лет. Имеется институт усовершенствования врачей (в Риме).

Табл. 4.—Медперсонал в И. (в 1927).

	Абс. число	На 10 тыс. жит.
Мед. врачей	30.034	7,51
Зубных врачей	707	0,17
Аптекарей	12.523	3,13
Акушеров	16.099	4,03

Вследствие бесправного положения женщины, фактического отсутствия охраны женского труда и ничтожного страхования материнства детская смертность велика. Национальное общество по защите материнства и младенчества (Opera nazionale per la protezione della maternita e dell'infanzia) существует в основном на частные средства и частично на правительственную субсидию.

Школьно-гигиенический надзор осуществляется в Италии только в отдельных городах. В 1925 организована консультативная «Комиссия по вопросам школьной и педагогической гигиены» для согласования и объединения работы педагогов и медиков в области гигиены школ и лагерей. Большое внимание уделяется физическому воспитанию, спорту и военной подготовке молодежи, к-рые связаны с ее фашизацией и ведутся через фашистские организации детей и подростков (организации: «Ballila», охватывают детей от 10 до 14 лет в количестве свыше 700 тыс., «Avanguardia»—14—18 лет в количестве ок. 500 тыс.).—С а н и т а р н о е п р о с в е щ е н и е проводится различными здравоохранительными организациями,

перечисленными выше, а также отчасти фашистской организацией «Доролавого» («после работы»), стремящейся заполнить досуг рабочего воспитанием его в фашистском духе.— О х р а н ы т р у д а фактически не существует, поскольку фашистское государство, стремясь руководить здравоохранением, делает это в интересах капиталистов: кассы страхования от болезни существуют, главным образом, за счет взносов рабочих и лишь в небольшой части за счет предпринимателей; страхование от несчастных случаев охватывает далеко не всех рабочих; охрана детского труда отсутствует; рабочий день не ограничен.

Лит.: Д у х а н и н а З., Борьба с малярией в Италии, «Вопросы здравоохранения», М., 1928, № 14; Р ы б и н с к и й С. В., Борьба с малярией в Италии, «Профилактическая медицина», Харьков, 1928, № 2; е г о ж е, Об итальянском противомаларийном законодательстве, там же, № 11; L'hygiène publique en Italie, publ. par le Comi é d'hygiène de la Société des Nations, Genève, 1928. См. также статистич. ежегодники, изд. Лигой Наций и Комитетом здравоохранения Лиги Наций. Л. С ы р ж и н.

ИТАЛО-КРИТСКАЯ ЖИВОПИСЬ, произведения греч. мастеров, созданные после падения Константинополя (1453) и отражавшие влияние итальянской станковой живописи. По гипотезе Лихачева и Кондакова, главным рассадником этого течения был Крит; однако, значение этого центра ими преувеличено. Произведения И.-к. ж. создавались и в Юж. Италии и в Венеции, т. е. везде, где нашли приют бежавшие от турок греческие иконописцы и где они частично могли усвоить достижения итальянской станковой живописи. О-в Крит был только одним из многих центров этого стиля. Сюда проникает готическое влияние в архитектуре, здесь происходит столкновение западных живописных влияний с традиционной византийской иконографией. Критские мастера, начиная с 14 в., славятся как каллиграфы и миниатюристы (А. и Н. Дамилас и др.). Критская школа живописи, к-рая, за исключением фресок, насчитывает очень немного достоверных памятников ранее 16—17 вв. (произведения Эммануила Дзана и др. в Ватикане, Русском музее в Ленинграде и в Киеве), менее значительна. Критская школа во всяком случае не является источником возрождения византийского искусства эпохи Палеологов уже в силу хронологического приоритета константинопольской школы над критской и всеми итало-греческими школами Венеции и Юж. Италии.

Произведения итало-критской живописи в большинстве случаев отличаются ремесленным характером, грубой техникой, тяжелыми красками. Можно полагать, что И.-к. ж. оказала большое влияние на иконописные школы Афона, где западные влияния, так же как в итало-критской живописи, соединяются со слепым подражанием старым традициям. В более позднее время (16—17 вв.), в связи с установившимися сношениями с Востоком и Афоном, влияние итало-критской живописи проникло в русскую живопись. В остальном русская живопись находилась под влиянием Константинополя. Выходцем из итало-критской школы был знаменитый Греко (см.).

Лит.: Л и х а ч е в Н. П., Историческое значение итало-греческой иконописи, СПб, 1911.

ИТАЛО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1911, см. *Италия*, Исторический очерк, *Турция*, Исторический очерк.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Развитие И. л. началось позже других романских литератур. Это объясняется более поздним обособлением

итал. языка от латыни, к-рая в Италии дольше оставалась понятной населению, чем, напр., во Франции. Первым достоверным памятником итал. поэзии являются несколько строк на генуэзском наречии в стихотворении провансальского трубадура Рамбо де Вакойрас, написанном в форме любовного диалога поэта с генуэзской девушкой (ок. 1190). В начале 13 в. поэтическая продукция на итал. языке возрастает; в разных частях Италии появляются народные певцы—*жонглеры* (см.), трактующие в своих стихах любовные или семейные темы. Эти стихи часто любочены в форму диалога, «спора» (contrasto). Самый художественный из них принадлежит сицилийцу Чело даль Камо (или Чулло д'Алькаммо, после 1231). Первые шаги И. л. относятся к периоду начавшегося быстрого развития городов как центров ремесленной и торговой жизни и эмансипации их от власти феодальных сеньеров (особенно в Северной и Средней Италии).

Основные течения и жанры средневековой И. л. формировались под влиянием литературы Франции. В Италию бродячие жонглеры заносили былины каролингского цикла и романы «Круглого стола». Эти поэмы исполнялись на площадях сначала на французском, а затем и на итальянском языках. Под влиянием горожан в поэмы проникал местный новеллистический и комический материал, ослабляло прославление французской феодальной монархии и появлялись итал. патриотические мотивы. Наряду с франц. эпосом перешла в Италию и провансальская куртуазная лирика, получившая с конца 12 в. распространение при княжеских дворах Северной, а в 13 в. и Южной Италии. Итальянские трубадуры, подражая провансальским, сначала сохраняли их язык (напр. Сорделло), а затем перешли на итальянский—впервые в Сицилии, при дворе Фридриха II (1194—1250), где провансальский язык был непонятен. Неоригинальная по содержанию, сицилийская лирика интересна тем, что впервые выдвинула проблему создания единого итал. литературного языка и создала основные формы итал. лирики—канцону и сонет.

Наряду с рыцарской поэзией в Италии создавалась также и религиозная. Центром ее развития являлась горная Умбрия, место зарождения францисканской ереси, этой религии «нищеты и любви», выражавшей настроения городской и деревенской бедноты, а также и ремесленников. Основатель ереси *Франциск Ассизский* (см.) в своих проповедях прибегал к поэтической форме. На этой основе зародилась религиозно-мистическая лирика «божьих жонглеров», утерявшая свой первоначальный противощерковный характер после того, как папы узаконили францисканство. Возникшая в Умбрии в 1253 изуверская секта *флагеллянтов* (см.) создала жанр лауды (хвалебная песнь), принявшей форму народной баллады. Ее драматизация дала толчок возникновению религиозного театра. Виднейшим слагателем религиозных гимнов и лауд был *Яконе да Тоди* (см.). Иной характер имела религиозно-дидактическая поэзия Сев. Италии, лишенная мистического влечения умбрийской лирики и носившая чисто попово-повествовательный характер. Она призвала горожан отрешиться от мирской суеты (Угуччоне да Лоди), парафразировала для них притчи Соломона (Джирардо Патер), повествовала о грехопадении человека, его искуплении и страшном суде (Пьетро да Барзегале) и изобра-

жением загробного мира прокладывала путь Данте (Джакомино да Берона). Виднейший из поэтов этой группы Бонвезин да Рива пересказывал средневековые легенды и басни и дал в стихотворной форме латинский трактат, в к-ром отражена была частная жизнь миланской буржуазии конца 12 в.

Наиболее отчетливый буржуазный характер имеет поэзия промышленной Флоренции и других городов Тосканы. Отступая от религиозной тематики, светская поэзия облачается в аллегорические одежды и популяризирует научные и морально-философские идеи. Этот аллегорический наряд заимствуется из франц. литературы, в частности—из «*Романа о Розе*» (см.). Первыми вступили на этот путь флорентиец *Брунелло Латини* (см.), написавший во время своего изгнания во Франции большую дидактическую поэму на франц. языке «*Книга сокровищ*» и затем изложивший ее в сокращенном виде на итал. языке («*Малое сокровище*», 1262—63). Флорентийский историк Дино Компаньи написал поэму «*Мудрость*», а Франческо да Барберино (1264—1348)—морально-аллегорический трактат «*Наставления Амура*». Будучи современником Данте и Боккаччо, Барберино в своем трактате «*О воспитании и нравах женщин*» еще целиком находился в плену средневековой аскетической морали. Вставленные в этот трактат новеллы принадлежат к древнейшим образцам этого жанра.

Ведущая роль в тосканской поэзии 2-й половины 13 в. принадлежала лирике. Тосканские поэты середины 13 в. исходили из куртуазной лирики сицилийцев в ее второй, «темной», манере, к-рая характерна затрудненной формой и словесно-звуковой эквилибристикой. Крупнейший из поэтов этой группы Гвиттоне д'Ареццо (1230—94), формалист и схоластик, писавший темно и вычурно, явился в своей патристической канцоне о сражении при Монтеалерти (1260) пионером политической лирики. И хотя в старости Гвиттоне, вступив в монашеский орден, отдался исключительно религиозно-дидактической поэзии, его первый опыт в области политической лирики нашел ряд продолжателей (Кьяро Даванцати и др.), из к-рых крупнейшим был Данте. Наряду с политикой в лирику середины 13 в. проникало содержание научно-философское, придававшее этой поэзии большую серьезность и значительность. Любовная тематика становилась здесь отправной точкой для постановки философских и психологических проблем, которые разрешались еще в средневековом, схоластическом духе и облакались в символично-аллегорическую форму. Такова лирика «сладостного нового стиля» (*dolce stil nuovo*, см.), разработанная сначала болонскими поэтами во главе с Гвидо *Гвинчелли* (см.), а затем—флорентийскими во главе с Гвидо *Кавальканти* (см.). Школа «сладостного нового стиля» необычайно обогащала поэтическую образность, лексику и ритмику и подготавливала почву для создания итал. литературного языка на основе тосканского наречия. Создание итал. литературного языка явилось делом величайшего поэта Италии *Данте Алигьери* (см.). Энгельс назвал его «последним поэтом средних веков и первым поэтом нового времени» (Маркс и Энгельс, *Манифест Коммунистич. партии*, 1932, см. Предисл. Энгельса к 1-му итал. изд. 1893, стр. 14), и, действительно, Данте отдал дань и средневековой схоластике, и ортодоксальной католич. теологии, и еретич. мистике

раннего францисканства, и всему комплексу научных знаний своего времени в области гуманитарных и естественных наук. Гениальная «*Божественная комедия*», пронизанная противоречиями между жизнелюбием и аскетизмом, реализмом и мистикой, феодальной ограниченностью и буржуазной пытливостью, церковной догмой и индивидуалистическим самоопределением, является ярчайшим документом классовой борьбы, раздиравшей Флорентийскую республику на грани 13 и 14 вв., произведением глубоко политическим, «проникнутым партийным духом гибеллинов» (Энгельс, *Немецкий социализм в стихах и прозе*, в кн.: *Маркс и Энгельс, Сочинения*, т. V, стр. 154). И так как Данте возвышался до идеи национального единства Италии, так как высшей целью поэзии он объявлял борьбу за лучшее будущее человечества, так как интерес к реальной жизни, к природе и человеку брал перевес над его мистико-аскетическими и схоластическими навыками, то он явился подлинным предвестником Ренессанса. Дальнейшее развитие И. л. в значительной мере обусловлено Данте. Под влиянием Данте возникла серия научно-дидактических поэм чисто средневекового стиля (Якопо Альгьери, Федерико Фреucci, Фацио дельи Уберти, Чекко д'Асколи и др.). Но представленное Данте направление не было в Тоскане в конце 13 века единственным. Рустико ди Филиппо, Чена дала Китарра, Фольгоре да Сан-Джаминьяно, менее связанные с высокой литературой, вместо философской лирики создавали шуточные, сатирико-юмористические стихи на бытовые и политические темы. Для этого течения характерны отход от аллегоризма и мистики, простота и незамысловатость формы. Поэты низших слоев горожан во главе с Чекко д'Анджольери открыто противопоставляли платонизму патрицианской поэзии чувственные стихи, перемежавшиеся шутками, издевками и взрывами возмущения против патрицианского строя.

Если в области поэзии И. л. 13 в. достигла высоких образцов, то в области прозы ее достижения были гораздо скромнее. В течение 2-й половины 13 века прозаическая литература исчерпывалась сборниками писем (Гвиттоне д'Ареццо, ок. 1260), переводами отрывков из лат. и франц. сочинений, объединяемых в сборники, издаваемые с педагогической целью, под названием «*Цветов*» (напр. «*Цвет добродетели*»), переделками французских рыцарских романов («*Тристан*», «*Фьораванте*», «*Буово д'Антонна*»), исторических рассказов («*Деяния Цезаря*», «*История Трои*») и назидательных повестей («*Двенадцать моральных рассказов*»). Анонимный сборник «*Новеллино*, или сто древних новелл» начинал многовековую историю основного жанра буржуазной литературы Италии—новеллы. Весьма разнообразны по своей тематике (античные, восточные, библейские, средневековые) новеллы пропагандировали житейскую философию «жирного народа», сводившаяся к прославлению успеха и удаче независимо от средств, к-рыми это достигается. За «*Новеллино*» появился ряд др. сборников новелл 13 века («*Рассказы о древних рыцарях*», итал. версия «*Книги семи мудрецов*»), не достигавших, однако, его выразительной лаконичности.

Вслед за новеллой литературно оформилась историческая хроника (летопись), представлявшая в 13 в. сухой перечень событий. Дино Компаньи, описывая события истории Флоренции 1300—02, сыгравшие такую трагическую

роль в жизни Данте, первый превратил хронику в колоритный, художественный показ исторических лиц и событий. По его стопам пошли хроникеры 14 в. Виллани, Веллутти, Стефани и др. Параллельно с этим расцветала и духовно-нравственная литература («Золотая легенда» Якопо да Вораджине, «Цветочки» св. Франциска, «Зерцало истинного благочестия» Якопо Пассаванти и др.).

Если в 1-й трети 14 в. И. л. носила еще средневековый характер, то во 2-й трети этого века в ней заметно видны новые идеологические тенденции эпохи гуманизма (см.). Идеологическим орудием нового мировоззрения с его стремлением к утверждению реальной земной жизни, культom автономной человеческой личности, попытками эмансипироваться от опеки религии и церкви становится изучение и подражание образцам античной литературы. Зачинателем такого изучения античности был *Петрарка* (см.), подлинный отец гуманизма, выдающийся ученый, создатель классической филологии. Все его морально-философские трактаты, написанные по-латыни, в том числе книга «О презрении к миру» (1343), носят отпечаток глубокой противоречивой, идеологической двойственности, метаний от Цизерона к Христу. В противоположность Данте, Петрарка относился с презрением к «грубому» народному языку и ставил свои научные труды и латинскую эпопею «Африка» (1338—42) выше своих итал. стихов, к-рые называл «безделками». Но мировая слава Петрарки основана как-раз на последних. Преодолевая абстракцию, мистику и аллегоризм своих предшественников, Петрарка создал любовную лирику, воспевающую идеальную прекрасную женщину. Лирика Петрарки проникнута противоречиями между старой и новой моралью, между чувственной любовью и сознанием ее греховности. Сонеты и канцоны Петрарки, как любовные—к Лауре, так и патриотические, надолго определили пути развития всей европейской лирики, создав несметную армию подражателей—«петраркистов».

Если Петрарка обновил итал. поэзию, то его младший современник *Боккаччо* (см.) сделал то же для итал. прозы. Боккаччо боролся с пережитками феодальной культуры еще активнее, чем Петрарка. Боккаччо срывал маску святости со служителей культа и тем самым закладывал основу антиклерикальной традиции, питавшей И. л. в течение трех веков. В своем знаменитом сборнике новелл «Декамерон» он развертывает грандиозную галерею образов, отражавших различные стороны общественной жизни тогдашней Италии. Он углубляет и расширяет реалистические тенденции, проявившиеся уже у Данте и Петрарки; вводит в новеллу психологический анализ и прививает ей писательскую культуру, воспитанную изучением античных писателей, тем самым делая новеллу жанром большой литературы. Противоречия, характерные для гуманистского мировоззрения, присущи и «Декамерону», в котором наряду с реабилитацией природных чувств человека прославляются феодальные понятия доблести, чести, строгой средневековой морали (напр. 100-я новелла о Гризельде). Сквозь толщу цветистой гуманистской прозы у Боккаччо пробивалась живая флорентийская речь, усеянная меткими словечками, поговорками, каламбурами. Он породил целую армию подражателей—новеллистов, древнейшие из к-рых относятся еще к 14 в.

Преемники Боккаччо (сер Джованни из Флоренции, Джованни Серкамби из Лукки) писали более простым языком, делая новеллу более доступной народу. Уже в новеллах Серкамби испорченности высших классов противопоставляется религиозность низших, а в стихах и новеллах *Сакетти* (см.), подчас бессюжетных, сотканных из анекдотов, фактов и наблюдений, напоминающих «Новеллино» своей примитивной композицией и схематичной обрисовкой персонажей, оппозиционные нотки, сетования на войны, анархию, увеличение налогов и т. д. звучат более резко и перекликаются со стихами остроумного и насмешливого «народного» поэта *Антонио Пуцчи* (см.), исполнявшего их на площадях Флоренции. Некоторые из этих поэтов, напр. Сакетти, первоначально сочувствовавший «народной партии», отвернулись от нее, как только революция (т. н. восстановление чомпи, 1378) приняла открыто плебейский характер.

Конец 14 и начало 15 вв.—эпоха расцвета ренессансной культуры, явившейся «величайшим прогрессивным переворотом, пережитым до того человечеством, эпохой, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характера, по многосторонности и учености» (Энгельс, Старое введение к «Диалектике природы», в кн.: Маркс и Энгельс, Соч., том XIV, стр. 476). Под эту характеристику подходят уже великие флорентийцы 14 в.—Данте, Петрарка и Боккаччо. Но деятельность этих «титанов» И. л. развивалась еще в обстановке средневековых коммун и была пропитана большим количеством феодальных пережитков. Возврат к литературе античных классиков для борьбы со средневековыми литературными традициями привел в 15 в., в особенности в 1-й его половине, почти к полному прекращению литературного творчества на итал. языке. Но эта латинизация И. л. не была возвратом к феодальной культуре, так как и по форме и по содержанию латинская литература гуманистов не имела ничего общего с церковно-схоластической литературой, а, напротив, была наполнена пафосом борьбы с нею. Латинская литература гуманистов, в большей мере научная и публицистическая, чем художественная, была тесно связана с новыми монархиями. Являясь консультантами князей, их панегиристами, теоретиками, историками и педагогами, переходя от одного двора к другому уже как профессионалы-писатели, гуманисты умели в то же время занять независимую позицию по отношению к отдельным представителям новой власти. В свою очередь многие князья, кардиналы, даже папы становились под знамена гуманизма, создавали при своих дворах литературные и научные академии (во Флоренции, Неаполе, Риме), поощряли литературу на латинском языке. Гуманисты возродили все жанры античной лирики (ода, элегия, сатира, эпиграмма, послание), эпоса, драмы и прозы. Они в совершенстве владели латинским языком. Понтано, Саннадзаро и Полициано были выдающимися неолатинскими поэтами, а Поджо и Пикколомини (впоследствии папа Пий II) писали на латинском языке даже новеллы. Освоение античной тематики не заглушало интереса к современности. Гуманисты комментировали Данте (Филеяффо), писали биографии великих флорентийцев (Манетти), подражали Петрарке. Но на

родным языком они пользовались редко, почти исключительно в любовной лирике (Джустиниани).

Особняком в И. л. 1-й половины 15 в. стоит деятельность Л. Б. *Альберты* (см.), одного из универсальнейших людей итал. Возрождения, предшественника Леонардо да Винчи. Плодовитый и разносторонний латинский писатель, он был ревностным поборником национальной литературы и первый писал на итальянском языке элегии и эклоги. По его настоянию правитель Флоренции Пьеро Медичи объявил в 1441 конкурсе на итал. стихи. Эта инициатива принесла благоприятные результаты во 2-й половине 15 в., когда покровителем итал. поэзии выступил Лоренцо *Медичи* (см.), поэт, соединявший в себе любовь к народной поэзии с культом античной литературы. До Лоренцо народные мотивы и размеры культивировались только поэтами, стоявшими за пределами гуманистского движения, вроде флорентийского цырюльника Буркьелло (ум. 1448), поплатившегося за свои смелые нападки на диктатуру Медичи тюрьмой и изгнанием. Иной характер имело использование народной поэзии у Лоренцо Медичи. Она теряла свой плебейский характер, в ней были вытравлены всякие фотки недовольства и протеста против господствующих классов. Ненависть к культуре патрициев и буржуазии обусловила широкий успех у флорентийского народа проповедей *Савонаролы* (см.), страстного ненавистника языческого Ренессанса. Лоренцо Медичи был окружен целой плеядой мыслителей, художников и поэтов. Среди последних видную роль играл гуманист Анжело *Поллицано* (см.), к-рый был замечательным итал. поэтом, виртуозом поэтической формы. Ему принадлежат «Стансы для турнира», воспевающие Джулиано Медичи в полупасторальном, полуаллегорическом стиле: мифологическая драма «Орфей» (1471)— первая в итальянской литературе светская пьеса, в которой, однако, типичное ренессансное содержание облечено в форму, заимствованную из средневековых мистерий. Значительно демократичнее творчество другого поэта кружка Лоренцо Медичи— *Пульчи* (см.). В своей шуточной поэме «Морганте» (1483), заостряя контраст между «высоким» сюжетом и «низким» слогом, Пульчи высмеивал простоватого короля, рыцарей и попов, заложив основу новому, буффонному жанру.

Литература в феодальной Ферраре при дворе герцогов Эсте, мечтавших о возрождении рыцарских традиций, носила изысканный, аристократический характер. Феррарский поэт *Боярдо* (см.) обработал в своей поэме «Влюбленный Роланд» фабулу каролингского эпоса в стиле франц. куртуазных романов, вследствие чего грубоватые палладины превратились в нежных любовников. Сделав пружинами действия поэмы любовь, ревность и женскую хитрость, Боярдо с мягкой иронией повествует о необычайных подвигах и неправдоподобных приключениях рыцарей. Эта манера была подхвачена и развита *Ариосто* (см.), продолжавшим поэму Боярдо (незаконченную вследствие его смерти) в своем «Неистовом Роланде» (1532). Личность этого крупнейшего итал. поэта начала 16 в. полна противоречий. Гуманистски образованный, остроумный и нигилистически настроенный, Ариосто был придворным поэтом герцогов Эсте. Он сочинял панегирические стихи, писал пьесы для придворного феррарского

театра, прославлял в «Неистовом Роланде» княжеский род Эсте и в то же время повествовал в своих семи сатирах о невзгодах жизни придворного поэта и ослаблял панегирики Альфонсу Эсте иронической трактовкой подвигов его легендарных предков. «Неистовый Роланд»— гимн утонченной культуре Позднего Возрождения с присущим ей культом жизнерадостности, веселья, красоты, чувственной любви и физических наслаждений. В «Неистовом Роланде» ренессансный классицизм достигает своей высшей точки, чтобы уступить место у подражателей Ариосто бесплодному *маньеризму* (см.), симптому начавшегося в середине 16 в. разложения культуры Ренессанса под натиском феодальной реакции. Помимо рыцарской поэмы, в Ферраре достигла высокого расцвета драматическая поэзия. Творец «Неистового Роланда» был также создателем итал. комедии, возникшей на основе подражания Плавту и Теренцию, но использовавшей тематику и сюжет итал. новеллы. Скрещение этих двух традиций, замечное в пяти комедиях Ариосто («Шкатулка», «Подменные», «Вызыватель мертвых», «Сводная», «Студенты»), было подхвачено кардиналом Бибиена в его комедии «Каландрия» (1513) и легло в основу жанра «ученой» (т. е. гуманистской) комедии—жанра, к-рому отдали дань крупнейшие итальянские писатели 16 в. Маккиавелли, Аретино, Тассо, Джордано Бруно. Лучшим, непревзойденным образцом этого жанра является «Мандрагора» (1514) *Маккиавелли* (см.), первая сатирическая комедия характеров в И. л., рисующая картину страшного разложения, вносимого церковью. Написанная метким язвительным языком, комедия имела большой успех при дворе папы-гуманиста Льва X, но не создала школы. В то же время возник жанр развлекательной новеллистической комедии-интриги (Каро Чекки, Грацини, Грото и др.). С середины 16 в. ученая комедия застывает в штампах и отступает на второй план перед импровизированной комедией масок, развитие к-рой происходит уже за пределами литературы (см. *Итальянский театр*).

За комедией создавалась ренессансная трагедия, ориентировавшаяся на подражание пьесам Софокла, Еврипида и Сенеки и перенимавшая у них ряд формальных приемов построения (хор, пролог, вестники, закон трех актеров, единства времени, места и т. д.). Создатель итал. трагедии аристократ эрудит Триссино инсценировал в своей «Софонисбе» (1515) эпизод из истории Тита Ливия, наделив античных героев современной дворянской психикой. Преемники Триссино (Ручеллаи, Аламанни, Мартелли, Пацци, Ангвиллара) писали не только на исторические, но также и на мифологические темы в тонах того же сухого рационализма, лишённого идейной глубины и мощи. Новый этап в развитии трагедии начинает «Орбекке» (1541) Джиральди Чинтио, у к-рого трагедия превращается в кровавую мелодраму. Трагическое в понимании Джиральди тождественно ужасному, кошмарному; трагедия должна действовать на нервы. Такое понимание трагедии повысило ее занимательность и способствовало ее проникновению на сцену. Однако, все изображаемое Джиральди и его преемниками (Сперони, Грото) ужасы происходили, согласно законам классической поэтики, за сценой, вызывая лишь риторические изливания героев. В общем трагедия мало прививается в придворной среде, и даже Торквато

Тассо («Король Торрисмондо», 1587) не удается задержать ее упадка в годы феодальной реакции.

Кроме трагедии и комедии, около середины 16 в. возник жанр пастушеской драмы, или *пасторали* (см.), отождествленный ренессансными теоретиками с античной сатирической драмой, хотя между обоими жанрами было очень мало общего. Пастораль рождается в наиболее феодальном центре—Неаполе, этом опорном пункте испанского владычества, и идеализирует сельскую жизнь, изображаемую в нереальных идиллических тонах (см. *Идиллия*). Итальянская пастораль опирается на традиции античной буколической поэзии (Феокрит, Вергилий, Овидий, Кальпурний, Лонг) и ее итал. подражателей (Петрарка, Боккаччо). Родоначальником итал. пасторали нового стиля был неаполитанец *Саннадзаро* (см.), притом не столько в своих латинских эклогах в манере Вергилия («Рыбацкие эклоги»), сколько в пастушеском романе «*Аркадия*» (1502), описывающем блаженную страну пастухов. Воспроизводя весь традиционный материал буколической поэзии от Феокрита до Боккаччо, Саннадзаро освежал его изображением уточненных чувств придворной знати. Это обеспечило «*Аркадию*» международный успех и влияние, несмотря на некую монотонность ее стиля и сухость рассказа. Опыт Саннадзаро был освоен многочисленными авторами эколг—излюбленного придворного жанра,—получивших большое распространение при различных итал. дворах с конца 15 в. и постепенно превращенных в маленькую драму («*Тирсис*» Кастильоне, 1506). Драматическая пастораль принимает форму либо трагедии («*Жертва*» Беккари, 1554), либо комедии («*Аретуза*» Лоллио, 1563), либо сатирической драмы («*Эгле*» Джиральди, 1545). Шедевром жанра пасторали является «*Аминта*» Тассо (1573), сочетающая простоту фабулы и прозрачную ясность слога с тонкой обрисовкой любовной психологии пастухов-аристократов. Под влиянием «*Аминты*» возникла другая знаменитая пастораль «*Верный пастух*» Гварини (1585), к-рая своей запутанной интригой, образностью и эффектной орнаментацией слога открывает уже собой стиль барокко. С конца 16 в. пастораль вытесняет другие драматические жанры и порождает пасторально-мифологическую оперу («*Дафна*» Ринуччини, 1594).

Эпоха феодальной реакции отмечена также расцветом галантной лирики. Зарождаясь в конце 15 в. в Неаполе под несомненным испанским влиянием, она характеризуется цветистым, вычурным слогом с гипертрофированной образностью (Тебальдео, Каритео, Серафино дель Аквила), к-рая станет впоследствии отличительным признаком поэзии барокко. Испанская вычурность неаполитанской лирики вызвала отпор со стороны классика-рационалиста Пьетро Бембо (1470—1547), проповедывавшего подражание великим флорентийцам, очищенным от «грубостей». Бембо канонизировал лирику Петрарки, выхолостив ее гуманистское содержание. Такой «петраркизм» становится литературной модой в середине 16 в. (Мольца, Тансилло, Джованни делла Каза, Галеаццо ди Тарсия). Особенное распространение получила лирика женщин (Гонзага, Гаспара Стампа, Туллия Арагона и др.). Пустоте и банальности «петраркистов» противопоставила философская содержательность и выразительная сила сонетов великого художника *Микеланджело* (см.)

Буонаротти, а также задорная буффонада сатирико-пародийных стихов Франческо Берни (1498—1535) и его подражателей—бернесков, выражавших протесты буржуазной демократии против рефеодализации Италии. К этому же времени относятся попытки создания эпоса. В противовес Трисино, пытавшемуся создать классическую эпопею на национально-патриотическую тему («Италия, освобожденная от готов», 1548), и Аламанни, к-рые ядали гомеровских героев в рыцарские костюмы, и Бернардо Тассо, внедрявшему в эпопею тематику рыцарского романа, *Фоленго* (см.) создал своеобразный жанр юмористической поэмы, написанной «макаронической» латынью («*Бальдус*» и др.). Он пародировал высокую эпическую поэзию, одновременно издеваясь над поэмами, судом, полицией и феодальной военщиной. Но самым резким и непримиримым борцом против феодальной реакции был гениальный публицист, мастер литературно-политического памфлета Пьетро Аретино (1492—1556). Живя в Венеции, единственным городе Италии, не захваченном в 1-й половине 16 века феодальной реакцией, Аретино своим ядовитым пером наводил ужас на всех европейских монархов, к-рых он охотно шантажировал. «*Бич королей*» Аретино призывал бороться за свободу и независимость мысли. Он писал во всех жанрах, внося в свои писания плебейский задор, остролюбие, площадную брань и порнографию. Пренебрегая вопросами формы, он пародировал «петраркистов» и пуристов, иронизировал над рыцарской тематикой («*Астольфеида*», «*Маленький Роланд*»), отрицал все условности аристократической поэзии.

Весьма сильный отпор наступающей феодальной реакции дали также флорентийские политические мыслители и историки Маккиавелли и Гвиччардини. Маккиавелли, непримиримый враг феодализма, папства и католической церкви, страстный патриот, провозвестник воссоединения Италии, был сторонником диктатуры единоличного правителя. Программу действия такого идеального государя он начертал в трактате «*Государь*» (1513), высоко ценимом Марксом и Энгельсом, как и прочие историко-политические труды Маккиавелли («*История Флоренции*», «*Рассуждения о первой декаде Тита Ливия*», «*О военном искусстве*», «*Жизнь Каструччо Кастракани*»). Маккиавелли был также одним из крупнейших мастеров итальянской прозы, сочетавшим колоритность живой флорентийской речи с величавостью слога, навеянной древне-римскими образцами. Его продолжатель *Гвиччардини* (см.) был также трезвым политическим умом, объявлявшим высшей целью человеческих поступков частный интерес. В своих «*Заметках*» («*Ricordi*») он отождествлял политическую мудрость с умением выпутываться из трудных положений и применяться к обстоятельствам, а в «*Истории Италии*» обнаружил искусство охватывать политическую жизнь во всех ее многообразных проявлениях и холодно, обстоятельно, деловито раскрыл причины гибели Италии. На противоположном фланге развертывает свою деятельность аристократ *Кастильоне* (см.), живший при дворе Гонзага в Урбино, написавший знаменитый трактат-диалог «*Придворный*» (1528). Высшей доблестью (*virtu*) объявляется здесь служение монарху, к-рому подчиняются все физические и интеллектуальные достоинства человека. Кастильоне излагает свои воззрения в

форме непринужденной светской беседы урбинских аристократов, вкладывая их в уста то одного, то другого из собеседников.

Но самым распространенным прозаическим жанром в Италии 16 в. оставалась новелла. За два века своего существования она сравнительно мало изменила тематику и композиционную структуру и в основном сохранила очертания, приданные ей Боккаччо. Уже неаполитанский новеллист Мазуччо Гвардато насытил свой «Новеллино» (1475) дворянско-монархическими тенденциями, противоречиво сочетав их с вольнодумством и нигилизмом, нападками на попов, циничным прославлением успеха и удачи. Подражая Боккаччо, Мазуччо повлиял в свою очередь на крупнейшего новеллиста 16 в. епископа Маттео Банделло (1480—1562), вращавшегося в кругах ломбардской знати. Его огромное (4 тт.) собрание новелл, бесконечно разнообразных по содержанию и построению, подытожив все достижения итал. новеллы 14—16 вв., давало необыкновенно красочную, полнокровную картину современной итал. жизни. Вокруг Банделло располагается целая плеяда новеллистов 16 века (Фиренцуола, Парабоско, Мариконда, Страпарола, Фортини, Грацини, Джиральди, Мольца и др.). Жизнь во всей ее неприкрашенной дикости и грубости, противоречиво сочетавшейся с высокой художественной культурой, воскресает в замечательных мемуарах скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини (см.), к-рым так восхищался Гёте, мастерски переводивший их на немецкий язык.

К концу 16 в. феодально-католическая реакция в Италии достигла высшей точки. Войнующая церковь жестоко расправлялась с независимыми от ее догмы писателями и мыслителями. Она возвела на костер великого философа Джордано Бруно (см.), автора сатирической аллегории «Изгнание торжествующего зверя» и великолепной комедии «Светоч» (1582), ядовито высмеивающей глупость, суеверие и педантизм. Она объявила сумасшедшим и приговорила к пожизненному заключению великого утописта Кампанеллу (см.), автора «Философских стихотворений», оставшихся неизданными до 1834, и утопического романа-сатиры «Государство солнца» (1623), многим напоминающего «Утопию» Томаса Мора. Она подвергла длительной и жестокой травле гениального ученого Гамлея (см.), к-рый связан с художественной литературой своими стихотворениями, письмами и лекциями о Данте, Ариосто и Тассо. В эту эпоху разнузданного поповского мракобесия творил последний великий поэт итал. Возрождения Торквато Тассо, к-рого страх перед духовной цензурой довел до мании преследования. Живя при феррарском дворе, Тассо разрабатывал придворные жанры пасторалей (см. выше) и рыцарской поэмы («Ринальдо», 1562), а затем перешел к мысли о создании грандиозной христианско-рыцарской эпопеи, прославляющей могущество католицизма посредством показа осады и взятия крестоносцами Иерусалима. В своем знаменитом «Освобожденном Иерусалиме» (1575) он трактует в серьезном, благоговейном тоне о рыцарских подвигах, которые вызывали ироническую усмешку Боярдо и Ариосто. Но Тассо не удалось стать певцом католической реакции: над религиозным подъемом его поэмы берет верх языческая чувственность, а эпический пафос принимает напыщенную барочную форму, проникнутую изыщанной, сентиментальной любовной лирикой.

В целом поэт оказался бессильным преодолеть в себе ренессансного человека, язычника-гуманиста. Страдая от этого бессилия, он пытался дать «исправленную», ортодоксально-католическую редакцию своей поэмы («Завоеванный Иерусалим», 1593), выбросив из первой редакции ее лучшие, наиболее поэтические сцены. Но этот замысел не увенчался успехом, и современники и потомки признали и закрепили в своей памяти только первую редакцию.

Феодально-католическая реакция, прокатившаяся по Италии в 16 в., была обусловлена экономическим упадком страны, перемещением торговых путей со Средиземного моря на Атлантический океан и потерей политической самостоятельности и нанесла смертельный удар культуре Ренессанса. Ее губительные последствия проявились в 17 в., к-рый является веком глубокого упадка И. л. В экономически ослабленной и политически раздробленной стране литература получает односторонний салонно-аристократический характер, отказывается от постановки больших идейных проблем, проникается настроениями поверхностного гедонизма и отдает обильную дань формализму—детству всех упадочных эпох. По своему стилю это—литература *барокко* (см.), ставящая себе целью изумлять читателя крайней экстенсивностью композиции, вычурностью слога, виртуозностью формы, накоплением чисто внешних эффектов. Все указанные стилевые признаки особенно ярко проявляются в галантно-эротической лирике барокко. Ее крупнейший представитель—неаполитанец Марино (1569—1625), певец любви, наслаждения, роскоши и легкости нравов, автор огромной (ок. 45 тыс. стихов) мифологической поэмы «Адонис» (1623), создавшей ему общеевропейскую славу. Марино дал свое имя целому направлению жеманной поэзии—маринизму, к-рый аналогичен испанскому гонгоризму, английскому эвфуизму и французской прециозности (см. *Жеманники*). Маринисты писали вычурным орнаментальным слогом не только любовные, но также религиозные, панегирические и дидактические стихи. Тщетно пытались преодолеть штампы маринизма Кьябрера (1582—1638) и его последователи—«пиндаристы», вдохновлявшиеся античными образцами (Пиндар, Анакреон),—пиндаризм являлся только другой разновидностью той же поэзии барокко. Совсем одиноко стоят в 17 в. отдельные представители буржуазно-патриотической лирики Тести (1593—1628) и Филикайя (1642—1707), горячо протестовавшие против чужеземного ига и деспотизма.

Сходную картину находим и в области драмы. Эпоха феодальной реакции, отмеченная широким влиянием Испании на политическую и культурную жизнь Италии, утверждает в итал. драме подражание испанской «комедии плаща и шпаги»—в комедии (Джачинто и Якопо Чиконьини) и в трагедии (Бонарелли). Погоня за коммерческими трюками и аттракционами приводит к преобладанию над литературной драмой комедии масок (*commedia dell'arte*) и оперы, к-рые уводят театр от литературы к чистому зрелищу. Единственным живым литературным жанром 17 в. была шутливый пародийная поэзия в манере Берни (Русполи, Малатеста, Браччолини). Самый крупный представитель этой поэзии—Тассони (1565—1635), смелый и независимый литератор, протестовавший против всякого подражательства. В своей героико-

комической поэме «Похищенное ведро» (1622) он высмеял поэтические увлечения аристократии, пародируя и классиков и маринистов. Сатириком-антимаринистом был также художник Сальватор Роза (1615—73), воевавший с испанским засилием.

Во второй половине 17 в. течение против маринизма усиливается, охватывая круги просвещенной аристократии. Главный очаг этого направления—поэтическая академия в Риме, основанная отрешившейся от престола шведской королевой Христиной (1674). Устав этой академии запрещал сочинение льстивых од в честь королевы. Кроме сервиллизма академия боролась с манерностью и эротизмом маринистов, идеализируя простоту и наивность сельской жизни. На деле же антимаринисты воскресли условнейший жанр пасторали, чуждый всякой простоты. Пасторальная традиция подсказала также наименование новой поэтической академии «Аркадия» (от известного романа Саннадзаро), основанной после смерти Христины (1690). Члены «Аркадии» носили пастушеские имена и собирались на лоне природы. В своих сонетах и мадригалах «аркадийцы» (Ролли, Фругони и др.) воспевали любовь и радость жизни. Итогом явилось нек-рое понижение тона поэзии, замена трескучей риторики игривой грацией, переход от трудной формы маринистов к плавному и легкому стиху. Все это знаменует закат барокко и переход к классицизму и поэзии рококо (см.), к-рые получают широкое распространение в деятельности многочисленных «академий» 18 в., подражающих знаменитой «Аркадии».

Провозвестниками классицизма были основатели «Аркадии» Крешимбени и Гравина. Последний был не только ученым и критиком, но и трагическим поэтом, подражавшим Корнелию и Расину. Но трагедии Гравины и Мартелли были сухими и прозаичными. Одному Маффеи (1675—1755) удалось найти более убедительную и волнующую форму в своей «Меропе», переведенной на все европейские языки. Все же трагедия не получила большого распространения в Италии 18 в., попрежнему уступая первенство опере. Эта последняя в первой половине 18 в. подверглась драматургической реформе в классицистическом духе, начатой Апостола Дзено (1668—1750) и законченной знаменитым поэтом Метастазео (1698—1782). Талантливый лирик, ученик «Аркадии» и крупнейший после Тассо итал. поэт, Метастазео довел до высшего совершенства мелодику итал. стиха, дававшую крепкую опору композиторам, к-рые сочиняли музыку к его драмам. В своих лучших операх («Покинутая Дидона», «Титово милосердие», «Демофонт», «Артаксеркс», «Аттилий Регул») он воспроизводил формальные особенности франц. классической трагедии, а также присущий ей излюбленный конфликт между любовью и долгом. Однако, будучи придворным поэтом в Вене, Метастазео ослаблял трагическую напряженность своих сюжетов, пронизывая их жеманной грацией рококо. Его творчество поэтому стоит на грани между придворно-аристократической поэзией и буржуазной литературой эпохи Просвещения.

Увлечение «академиков» франц. литературой привело также к попыткам подражания Мольеру, под знаком которого развивается вся итал. комедия 18 в. Несмотря на это, комедиографы 18 в. (Джилли, Фаджуоли, Нелли) были неспособны еще преодолеть условности *commedia dell'arte*, продолжавшей оказывать решаю-

щее влияние на итал. драматургию. Влияние это на данном этапе развития И. л. носило безусловно консервативный характер. Превращение итал. театра в орудие буржуазного просвещения было делом «итальянского Мольера»—Гольдони (1707—93). В своих многочисленных (св. 250) пьесах он дал исключительно богатую и разнообразную картину жизни различных слоев итальянского общества 18 века, особенно ярко рисуя быт городских низов Венеции (серия народных комедий на венецианском диалекте). Гольдони исходил обычно не из классически-абстрактных характеров, а из реальной действительности, следуя в этом отношении за Дидро и авторами мещанской драмы 18 века. Отсюда—сентиментальная струя и подчеркнуто-дидактическая установка комедий Гольдони. Его критика дворянского общества была, однако, лишена политической остроты и носила исключительно моральный характер; в этом отличие Гольдони от его франц. современника Бомарше. Те же черты характеризуют и драматургию соперника Гольдони, аббата Кьяри (1711—85). Его полемика с Гольдони в Венеции не носила принципиального характера. Гораздо серьезнее было выступление венецианского аристократа Карло Гоцци (1722—1806), страстного противника буржуазии и ее освободительного движения, который сделал попытку перебить успех Гольдони в Венеции своими «фьябами» (театральные сказки, сочетавшими буффонаду масок *commedia dell'arte* с барочной фантастикой сказочного действия. «Фьябы» Гоцци имели хотя и блестящий, но кратковременный успех, тогда как комедии Гольдони определили все дальнейшее развитие буржуазной драматургии Италии конца 18 в. (Альбергати) и начала 19 в. (Жиро, Нота, Бон). Середина 18 в. ознаменована в Италии широким ростом движения т. н. просветителей. Освободительные идеи, проникающие из Франции и Англии, вызывают в Италии рост космополитических настроений, англоманию (Баретти) и галломанию (Альгаротти). Широко развивается литературная критика и журналистика англо-французского типа («Кафе» Верри, 1764—76, «Венецианский наблюдатель» Гаспаро Гоцци—подражание «Зрителю» Аддисона, 1762). Задачей литературы объявляется нравственная польза. Виднейший представитель Просвещения—аббат-разночинец Парини (1729—99), крупнейший сатирик И. л. В сатирической поэме «День» (1763—65) он ядовито обличает паразитизм родовой аристократии, живущей за счет голодного, измученного народа. Ненависть к феодальной знати обусловила его восторженное отношение к буржуазной революции, вскоре сменяющееся, однако, ужасом перед ее «крайностями». Аналогичные противоречия пронизывают творчество Альфиери (1749—1803)—первого представителя буржуазного классицизма в Италии. Следуя образцам французской классической трагедии (Корнель, Вольтер), Альфиери насыщает классическую форму республиканским, тираноборческим содержанием («Брут Старший», «Брут Младший», «Филипп», «Виргиния»). Корнелевский конфликт между страстью и волей он освещает как борьбу тирании и свободы, достигая подчас высокого политического пафоса. Объективно подготавливая буржуазную революцию в Италии, Альфиери, однако, отвернулся от нее, испуганный якобинским террором, и выступил с жестоким памфлетом на революционную Францию («Мизогалл»).

Итальянский поход, начатый республиканской наполеоновской армией в 1796, вызвал огромный подъем буржуазной демократии, проявившийся также и в И. л. Особенно гибким орудием революционной пропаганды была драматургия, чутко откликавшаяся на политическую атмосферу дня. Возникает целая литература революционных агиток (Сографи, Сольми и др.). Влиянию революционного репертуара подчинились также и недавние певцы старого режима, вроде аббата Монти (1754—1828), автора пламенной республиканской трагедии «Кай Гракх». Однако, тот же Монти легко перешел в дальнейшем к воспеванию императора Наполеона, а затем и реакционного австрийского правительства, восстановленного в его суверенных правах над Италией после Венского конгресса (1814). Беспременное политическое камелеонство Монти находило отражение в его художественном эклектизме, на рубеже 18 и 19 вв. характерном для И. л. в целом. Пережитки классицизма сочетаются у Монти с влияниями Мильтона, Клопштока, Гёте и Оссиана. Аналогичное сочетание элементов классицизма и сентиментализма находим у Ипполито Пиндемонте (1753—1828), облекающего в классическую форму меланхолическую тематику, заимствованную у Юнга и Грея. Восстановление в Италии австрийского владычества (1814) стимулировало борьбу передовых слоев общества за национальную свободу. Эта борьба дала основное содержание всей И. л. эпохи воссоединения (Ризорджименто) и определила особенности ее романтического стиля. Начало итал. романтизма датируется изданием перевода баллад Бюргера с предисловием Джованни Берше (1816). Главным органом романтиков был миланский журнал «Посредник» («Conciliatore», 1818—19), выдвинувший лозунг либерализма, национализма, морального содержания поэзии и ее связи с современностью. Видное место среди ранних итал. романтиков занимали поэты-карбонарии (Берше, Габриель Россети), эмигрировавшие после подавления революции 1820—21 в Англию. Постереволюционная литература проникнута типичными для эпохи реакции настроениями смирения, покорности и религиозного пияетизма. Ряд писателей мелкобуржуазного романтизма проделал путь от революции к реакции и католицизму. Сильвио Пеллико (1789—1854), написавший «Мои темницы» (1832), миланский писатель Гросси (1791—1853), автор «Марко Висконти» (1834), и даже известный итал. романист *Мандзони* (см.), сохранивший в своем творчестве антифеодалную направленность, все же не избежали общего для тогдашней литературы клерикального духа. В своем лучшем историческом романе «Обрученные», написанном под влиянием Вальтера Скотта, Мандзони идеализирует церковь и христианские добродетели.

Клерикализму романтиков во главе с Мандзони противостоял последний великий классик И. л., атеист и пессимист Леопарди (1798—1837). Обедневший аристократ, воспитанный в консервативном духе, Леопарди сначала приветствовал режим реставрации, а затем под влиянием классика Джордани проникся либерально-патриотическим настроением. В пламенных канцонах он оплакивал рабство Италии, призывая к борьбе за итальянскую свободу. В годы реакции пессимизм Леопарди усилился, приведя его к отказу от политической борьбы, к отрицанию прогресса, к неверию в будущее Италии. — Под влиянием Июльской революции 1830, вы-

завшей в Италии ряд восстаний, настроения смирения и покорности исчезают, И. л. становится художественным выражением программ различных политических партий. Представителем радикально-демократического направления является *Мадзини* (см.) (1805—72), провозгласивший задачей литературы «призыв к непрерывной борьбе». Первоначально горячий поклонник романтизма, сотрудник либерального журнала «Антология» (1830—32), сторонник Мандзони и его школы, он впоследствии развенчивает романтиков за индивидуализм и политический оппортунизм, противопоставляя им Фосколо как представителя «революционной школы». В 1832 он создает знаменитый журнал «Молодая Италия», орган одноименного общества, эпитафией для к-рого избирает слова Фосколо: «казните истиной ваших угнетателей». Пламенный агитатор, он призывал итал. юношей, женщин и даже духовенство отдаваться делу освобождения родины, опираясь на народ. Мадзини был крупным писателем-публицистом, не имеющим себе равных в итальянской литературе по страстности и огненному пафосу своего стиля.

Ближайший сотрудник Мадзини — Гвераци (1804—73) — давал в своих исторических романах [«Изабелла Орсини» (1844), «Беатриче Ченчи» (1853)] памфлеты на деспотизм, прославляя республиканскую доблесть в лучшем из них — «Осада Флоренции» (1836). В своих исторических драмах последователь Альфиери, Никколини (1782—1861), обличая деспотизм и религиозную тиранию, дал в своем «Арнольде Брешианском» (1843) яркий образ революционного плебея.

Республиканцы-сатирики Джусти (1809—50) и Белли (1791—1863), в революционные годы обличавшие дворян и духовенство, политических карьеристов и оппортунистов, воспевали величие народа и призывали к объединению И.; впоследствии они изменили делу революции и перешли в лагерь монархистов, а Белли — к иезуитам. С либерально-буржуазными идеалами выступали поэт-эмигрант Россети, Мамиани и особенно романист д'Адзелио (1798—1866) [романы «Этторе Ферармоска» (1838), «Никколо де Лапи» (1841), «Ломбардская лига»]. Революция 1848—49 вызвала в Италии новый расцвет патристической лирики как либеральной (Поэрио), так и республиканской, в духе «Молодой Италии» (Мамели). Однако, быстрый разгром революции снова повернул И. л. на путь романтического индивидуализма и пессимизма. Яркое выражение этого запоздалого романтизма — баллады и байронические поэмы Прати (1814—84). Одновременно расцветает комедия в стиле Гольдони. Ее виднейший представитель — Паоло Феррари (1822—89), к-рого строгости цензуры вынуждали переносить действие в прошлое, делая героями своих пьес Гольдони, Парини, Альфиери и Данте. Аналогичный прием применял в области романа Ньево (1831—60); в его «Исповеди 80-летнего старика» (1858) выводит Парини, Фосколо и др. Последний этап национально-освободительного движения, возглавляемый народным вождем Гарибальди, начинается в 1859. Все перипетии освободительных войн отражаются в патристической лирике Ньево, Алеарди и Меркантини. Образ Гарибальди вдохновлял всех этих поэтов. Патристический «Гимн Гарибальди» Меркантини прозвучал в 1860 как боевой клич восставшего народа. Пира национально-освободительной литературы завершилась в 1870, когда многолет-

ние мечты патриотов осуществились, было свергнуто иезовое иго, воссоединенная И. превратилась в буржуазную конституционную монархию. Победившая буржуазия быстро изжила свои либерально-освободительные устремления. Властителем дум становится *Кардуччи* (см.) (1835—1907). Сначала демократ-республиканец, сторонник Мадзини и Гарибальди, апологет республиканских доблестей, разума и науки, после 1870 он примиряется с монархией (1878) и отходит от 1-го Интернационала, к-рому первоначально (1872) сочувствовал. Классицизм Кардуччи принимает масштаб национальной поэзии. Ближайшие ученики Кардуччи являются одновременно поэтами и профессорами литературы, заполняющими с 1890 университетские кафедры. Став официальным течением, кардуччианизм вызывает оппозицию как справа, со стороны аристократии (Аргуо Граф), так и слева, со стороны социалистов. Ярким представителем последних является Раписарди (1844—1912), глава сицилийской группы поэтов, автор «Люцифера» (1877), первый певец рабочего класса в итал. поэзии («Углекопь»). Изнутри кардуччианизм взрывали Стекетти (1845—1913) и поэт-композитор Бойто (1842—1918), боровшийся против патетической гражданственности школы Кардуччи; они отстаивали права на изображение частной жизни буржуа и обыденной действительности.

Эти тенденции получили развитие в школе *веризма* (см.), натуралистически отражавшей буржуазную действительность. Наиболее яркое выражение веризм получил в прозе. Глава школы Верга (1840—1922) и его последователи (Капуана, Чомполи, Деледда) стремились к «научному» изображению жизни, рассматривали роман как «социальную летопись». Веристы изображали деревню отсталых областей И. (Сицилии, Сардинии), показывали разорение крестьянства и мелкой буржуазии под напором капитала. Предпочитая форму новеллы, веристы обогатили литературу особенностями крестьянской речи и различных местных диалектов. К веристам примыкала также популярная романистка Матильда Серао (1856—1927). Ее ранние вещи («Черво Неаполя» (1884), «Страна изобилия» (1891) и др.) изобиловали внешними этнографич. подробностями. В дальнейшем развитие натуралистической литературы И. шло, с одной стороны, по линии сентиментально-филантропического отражения жизни неимущих классов; так, например, Эдмондо д'Амичис (см.) (1846—1908), получивший мировую славу своей детской повестью «Сердце» (1886) (по-русски — «Дневник школьника») и написавший ряд повестей и очерков на социальные темы; Джованни Чена (1870—1917), автор первого в И. л. романа из рабочей жизни «Предостерегатели» (по-русски — «Ценою жизни», 1904) с центральным автобиографическим образом интеллигентного пролетария, и, наконец, известная писательница Ада Негри (см.) (р. 1870), показавшая мрачные картины капиталистического рабства. С другой стороны, И. л. пошла по линии примирения религии с наукой и создания жанра психологического романа. Возждей этого направления был *Фогаццаро* (см.) (1842—1911), сочетавший католическую пропаганду с натуралистическим описанием психологии своих героев («Даниеле Кортис» (1844), «Отживший мирок» (1895), «Современный мирок» (1900)). — Реакция против веристского позитивизма нашла наиболее яркое выражение в лице Га-

бриеля д'Аннунцио (см.) (р. 1863). Крупнейший писатель буржуазной И. д'Аннунцио начал с ненависти к буржуазной демократии и к социализму. Последователь нищезащиты, он изображал в своих ранних книгах [«Наслаждение» (1888), «Огонь», «Торжество смерти» (1894)] и драмах [«Джиоконда», «Мертвый город» (1898), «Дочь Йорис» (1904)] образы аристократов, индивидуалистов, эгоистов и аморальных эпикурейцев, противопоставляя культ красоты и наслаждения буржуазной трезвости и деловитости. Далее д'Аннунцио стал певцом италянского империализма. Он воспевал образы колонизаторов («Корабль», 1908), достижения итал. военной индустрии, флота и авиации («Может быть — да, может быть — нет»). После фашистского переворота д'Аннунцио был объявлен великим фашистским поэтом. В противоположность д'Аннунцио Джованни Пасколи (1855—1912), ученик Кардуччи, выразил в своей поэзии настроения провинциальной мелкой буржуазии, отрицающей культуру капиталистического города. Воспевая деревню, природу, провинциальный быт, Пасколи пропитывал свои стихи гуманитарными нотками христианского «социализма». Аналогичные настроения проявляются также в романах и новеллах Альфредо Пандзини (р. 1863). Борясь с урбанистич. литературой, эти писатели прославляли провинциальную, патриархальную жизнь, якобы, коренящуюся в национальных особенностях итал. народа. Это и способствовало переходу Пандзини в лагерь фашизма, объявившего его академиком.

В начале 20 в. ведущую роль в И. л. приобретает философ, историк и критик Бенедетто Кроче (см.) (р. 1866). Кроче первоначально считал себя марксистом, учеником Лабриолы, после 1900 «эволюционировал» к идеализму неаполитанских неогегельянцев 60—70-х гг. (Спапента, де Санктис). В основном им в 1899 журнале «Критика» он вел упорную борьбу с материализмом, пропагандировал интуитивизм и автономность искусства. Идеи Кроче были подхвачены группой «фрагментистов», оформившейся в 1910 в недрах журнала «Голос» («La voce», 1909—15), — Преццолли, Соффичи, Слаталер, Муссолини. Самым видным литератором этой группы был *Папини* (см.) (р. 1881), колебавшийся от буддизма к атеизму, от анархизма к католицизму и, наконец, к фашизму. Лучшее произведение Папини — автобиографический роман «Конченный человек» (1912), где он с откровенной циничностью описывает извилистый путь своего развития. Не избегли влияния эстетики Кроче и поэты, объединившиеся в 1905—1914 в группу «сумеречников» (Гончано, Марино и др.), культивировавших интимную элегическую лирику.

Сумеречникам противостояла оформившаяся в 1909—10 поэзия империалистической буржуазии — *футуризм* (см.). Глава и теоретик футуризма *Маринетти* (см.) (р. 1876) прославляет в своих манифестах, появлявшихся с 1909 на итал. и франц. языках, индустриальный прогресс и империалистич. экспансию, объявляя войну «единственной гигиенной мира». Итал. футуризм оказался искусством бесплодных формальных исканий, сводящихся к разрушению художеств. образа, упразднению прилагательных, наречий и знаков препинания, замене слов цифрами, созданию «телеграфного стиля», подражающего стилю военных корреспондентов, и т. п. К футуристам примыкали более или

менее временно Буцци (род. 1874), Фольгоре (род. 1888), Палаццески (род. 1885), Алтомаре, Папини, Соффичи. Последовательным футуристом остался один Маринетти. Пережив свой расцвет в 1912—15, футуризм после 1915 уступил свое место фрагментизму, главой к-рого стал отколовшийся от футуристов Соффичи. К нему примкнули Бернасconi, Аньоветти, Бойне, Кампана, Онофри, Саба, Линати и др. Импералистическая война, в к-рую Италия вступила в 1915, способствовала разжиганию национализма и шовинизма. Многие писатели как старой школы (д'Аннунцио, Виванти), так и новой (Маринетти) стали идеологами империализма.

Крайне заострив классовые противоречия, мировая война одновременно дала толчок к подъему революционной литературы. Помимо Пьетро Гори, автора книги «Мятежные мысли» (1915), с книгой антивоенных стихов в 1919 выступил Альберто Малатеста; Пьетро Мандрэ агитировал против войны в книге, вышедшей с предисловием итал. социалиста К. Ладзари («Против войны», 1915). Тяжелый послевоенный экономический кризис послужил причиной появления мелкобуржуазной оппозиционной литературы, обрушивающейся на послевоенную порчу нравов и дороговизну, на разбогатевших в годы войны фермеров, подрядчиков и спекулянтов (Пандзини, Бонтемпелли). Ряд мелкобуржуазных писателей проникается революционными настроениями (Брокки, Готта), рисуя, подобно анархисту, ныне политэмигранту Марио Мариани (род. 1886), сатирические картины послевоенной Италии с ее резкими классовыми противоречиями, с ужасающей нищетой и разорением масс («Бедняга», «Дом без солнца»). В противовес этой оппозиционной литературе появилась развлекательная беллетристика, наводнившая книжный рынок,—это так называемая миланская литература, главный представитель к-рой—известный автор сентиментально-мещанских и эротических романов Гвидо да-Верона (р. 1881).

Итальянский футуризм шел рука об руку с фашизмом. Уже в годы войны футуристы работали в тесном общении с будущими фашистами, а в апреле 1919 они помогали фашистским отрядам разгонять рабочую демонстрацию в Милане. С момента захвата власти фашизмом футуризм на первых порах делается даже его официальным стилем. Основным принципом литературной политики фашизма является борьба за подчинение своей реакционной националистической и империалистической идеологии всех влиятельных итал. писателей и литературных группировок. Группа модернистов во главе с Бонтемпелли (р. 1878) основала журнал «20 век», выдвинувший лозунг европеизации И. л. Соффичи, напротив, отстаивал мысль об особом «национальном» характере итальянцев. Националисты во главе с Курцио Малапарте, одним из вождей фашистской литературы, образovali группу «Сверхдеревни» (Strapaese), связанную с фашистской политикой «рурализма». Тогда группа «20 век» переименовалась в «Сверхгород» (Stracittà) (Бонтемпелли, Кампанале и др.), подчеркивая свою установку на город и индустриальную культуру. Фашистское правительство поддержало оба направления, так как обе группы объединены общей политической платформой—империалистической экспансией.

Писатели-драматурги после войны объединились в группу «гротесков» (Кьярелли, Анто-

нелли, Кавакьоли, Россо ди Сан Секондо, Мартини), продолжавшую борьбу против сентиментально-мещанской драмы, начатую еще д'Аннунцио, и провозгласившую условность и символика в театре, необходимость введения масок и приемов кукольного театра.

С группой «гротесков» связан также последний этап деятельности Пиранделло (см.) (р. 1867), крупнейшего итал. писателя наших дней. Основная тема многочисленных новелл и драм Пиранделло—раскрытие роли субъективной иллюзии в жизни «маленького человека». Подменяя реальный мир иллюзорным, правду жизни правдой художественного вымысла, Пиранделло вначале провозгласил спасение от противоречий жизни искусства, а потом вступил на путь мистификации и фашистской демагогии. Увидя в эстетике Пиранделло хорошее средство отвлечения масс от социально-политической борьбы, Муссолини осыпал его наградами и почестями, создав в Риме театр его имени. В Италии в наст. время уже почти не осталось независимых писателей. Свежее впечатление на фоне фашистской демагогии производили романы Франческо Перри (р. 1881), разоблачавшего фашистскую тактику на земельных районах («Завоеватели», 1924), рисовавшего полурабский труд темного калабрийского крестьянства и его вынужденную эмиграцию после неудавшегося бунта («Эмигранты», 1928). Однако, Перри, как и другие итал. писатели, вынужден был покинуть область социального романа, спасаясь от фашистской цензуры.

Господство фашистского режима обеспечивает в Италии искусственную монополию реакционной фашистской литературы, пронизанной слащавым лицемерием, зоологическим национализмом, империалистической агрессией, авантюризмом, мистицизмом. Условия фашистского террора исключают возможность легального существования в Италии революционной и пролетарской литературы. Последняя создается революц. писателями, в том числе коммунистами, главным образом за пределами Италии. Среди них необходимо назвать Артуро Каротти (р. 1875), автора ряда рассказов и повестей для юношества («Свинцовая шапка», «На солнечном острове»), Джованни Джерманетто (р. 1886), автора романов «Записки цирюльника» (1930) и «Феникоттеро» (1936), посвященных истории и нынешней подпольной работе итальянской компартии, а также другого старого революционера Эдмонда Пелузо (род. 1882), автора художественно оформленных воспоминаний о революционной борьбе, вышедших под названием «Гражданин мира» (1930).

Лит.: Г а с п а р и А., История итальянской литературы, пер. К. Д. Бальмонта, 2 тт., М., 1895—97; О в е т т А., История итальянской литературы, пер. А. Усовой, СПб, 1908; то же, пер. С. И. Соболевского, М., 1922; К а р д у ч ч и Д ж., Очерк развития национальной литературы в Италии, пер. Риттера, Харьков, 1897; В е с е л о в с к и й А. Н., Собр. соч., тт. III—IV, П., Академия наук, 1908—19; К о р е л и н М. С., Ранний итальянский гуманизм и его историография..., вып. 1—2, М., 1892, 2 изд., тт. I—IV, СПб, 1914; е г о же, Очерк итальянского Возрождения, М., 1896; 2 изд., М., 1910; Д ж и в е л е г о в А. К., Начало итальянского Возрождения, М., 1908, 2 изд., М., 1925; е г о же, Очерки итальянского Возрождения, М., 1929; Ж е б а р Э., Средневековые флорентийские новеллисты, СПб, 1905; е г о же, Начало Возрождения в Италии, СПб, 1900; Ф о й г т Г., Возрождение классической древности или I век гуманизма, тт. I—II, М., 1884—85; Б у р к г а р д т Я., Культура Италии в эпоху Возрождения, пер. С. Бриллианта, тт. I—II, СПб, 1904; В е р н о н Л и, Италия, пер. Е. Урениус, тт. I—II, Москва, 1915; Д е Л я Б а р т Ф., Критические очерки по итальянской литературе 2-й половины 19 в., Киев, 1906;

Фриче В. М., Итальянская литература 19 в., М., 1916; Иванов М. М., Очерки современной Италии, М., 1913; Рубцов Г. Р., Современная итальянская литература, Л., 1929; Мокульский С. С., Итальянская литература, М.—Л., 1931; Куниа Е., Фашистские тенденции в современной итальянской литературе, «Литература и искусство», М., 1931, № 1; Елистратов А. А., Фашизм и литература Италии, «Марксистско-ленинское искусствознание», М., 1932, № 5—6; De Sanctis F., Storia della letteratura italiana, 2 vols, nuova edizione a cura di B. Croce, Bari, 1927; Casini T., Die italienische Literatur, «Grundriss der romanischen Philologie», hrsg. von G. Gröber, Band II, Strassburg, 1901 (есть новое изд.); D'Ancona A. A., Vasci O., Manuale della letteratura italiana, 6 vols, Firenze, 1903—10; Wiesse B. und Percopo E., Geschichte der italienischen Literatur, Lpz., 1899; Storia letteraria d'Italia scritta da una società di professori, 10 vv., Milano, 1897; Rossi V., Storia della letteratura italiana, 3 vols, 9 edizione, Milano, 1928; Landau M., Geschichte der italienischen Literatur im 18 Jahrhundert, B., 1899; Roux A., Histoire de la littérature contemporaine en Italie sous le régime univoire, P., 1894; Ferrari V., Letteratura italiana moderna e contemporanea, Milano, 1904; Croce B., La letteratura della Nuova Italia, 4 vols, Bari, 1914—15; Vossler K., Italienische Literatur der Gegenwart..., Heidelberg, 1914; его же, Die neuesten Richtungen der italienischen Literatur, Marburg u. L., 1925; Crémieux B., Panorama de la littérature italienne contemporaine, 2 éd., P., 1928. С. Мокульский.

ИТАЛЬЯНСКАЯ МУЗЫКА. В 11 в. в Италии было положено основание точной звуко-высотной записи музыки (см. *Невмы, Нотация, Гвидо Аретинский*). Так как в течение длительного периода Средневековья владение письменностью сосредоточивалось почти исключительно в руках духовенства, то сведения о музыке, не связанной с культом, почти отсутствуют; процесс возникновения и развития в Италии в Средние века светской музыки и использование ею элементов музыки античного мира не изучен. Отдельные случайные указания разных источников свидетельствуют о существовании народного музыкального искусства (см. *Жонглеры*), о проникновении с 12 в. в Италию провансальской музыкальной культуры (см. *Трубадуры*), о расцвете музыки в придворном кругу Фридриха II в Сицилии (13 в.), но отсутствие письменных музыкальных памятников делает невозможными какие-либо конкретные выводы. Бесспорно, во всяком случае, что ведущая роль в полифонической музыке принадлежала в 12—13 вв. не Италии, а Франции. Ломка феодальных отношений в Северной (Генуя) и Центральной (Флоренция) Италии в 12 и 13 вв. и укрепление в соответствии с этим буржуазии не могли не найти яркого отражения в области идеологических надстроек, а следовательно, и в музыке. Дошедшие до нас образцы музыкального искусства Италии 14 в. и трактаты музыкальных теоретиков времени итальянского Возрождения являются яркими показателями буржуазной культуры в музыке, носящей в это время название *Арс нова* (нового искусства). Главнейшими чертами этой культуры оказываются—четкая дифференциация внекультовой музыки, развивающей основы схоластической средневековой музыкальной теории как в области лада, так и в области ритма, и реализм муз.-художественного выражения наряду с ростом художественной песни с инструментальным сопровождением. Главные музыкальные формы в Италии этого времени—*мадригалы* (см.), наиболее соответствующие вкусу светского общества «баллады», т. е. песни для танцев, и «охоты» (*сассе*)—первоначально с реалистическим изображением охотничьих сцен. Музичирование стало одним из признанных занятий буржуазии; ряд страниц «Декамерона» Боккаччо указывает на использование тех или иных муз. инструментов в разных общественных слоях: богатые купцы Фло-

ренции играли на виолах и лютнях, а беднейшие слои населения—на волынках и свирелях. — Главными композиторами того времени были: Джованни да Кашиа, Якопо да Болонья, Герарделло и, в особенности, Франческо Ландино (1325—90), слепой флорентийский органист, поэт и композитор; крупнейшим муз. теоретиком являлся Маркетто, родом из Падуи, произведший крупный переворот в правилах композиции: он утвердил разрыв некультовой музыки с церковной, провозгласил, что «ухо—лучший судья в музыке», церковные лады объявил «нестественными» и стал ратовать за более естественные принципы ритмики.

15-е столетие в Италии характеризуется созданием власти «тиранов»; двор господствующей во Флоренции фамилии Медичи стал ведущим, и по его отношению к искусству, в частности к музыке, равнялись и другие многочисленные в Италии дворы. Подражая придворной жизни крупнейших европейских монархов, итальянские князья стремились привлечь знаменитейших музыкантов той эпохи—фламандцев (см. *Нидерландская школа*) и французов. Для 15 века в И. характерно очень отчетливое разделение муз. искусства на искусство общественных верхов, т. е., главным образом, импортированное французско-фламандское искусство, и искусство общественных низов. Такие мировые знаменитости той эпохи, как *Дюфай, Обрехт, Жоскин де Пре* (см.), не говоря уже о менее знаменитых мастерах (например, Исаак), подолгу работали в Италии, влияя на творчество итальянцев и в свою очередь воспринимая итальянское влияние; общественные низы, мало затронутые культурой Возрождения, находились еще в значительной духовной зависимости от церковников и их идеологии. Отсюда расцвет т. н. *laudi* (славословий)—песен религиозного содержания, распевавшихся не на латинском, а на итальянском языке представителями благотворительных братств. В этой же общественной среде возникли и сохраняли большую популярность во всей Италии вплоть до начала 17 в. светские песенки любовного, шуточно-сатирического, часто очень нескромного содержания, носившие названия фроттолы, страмботто, вилланеллы (уличная песенка), канцонетты; первый изобретатель нотопечатания Оттавиано Петруччи (1466—1539) издал несколько сборников таких песен, неоднократно переиздававшихся, что свидетельствует о крайней популярности этого жанра. Стилистической особенностью фроттол, указывающей на их народное происхождение, была четко-структурная форма, нередко куплетного характера, танцевальный склад и простая, легко интонируемая мелодия в верхнем голосе. Однако, и искусство фламандцев в значительной степени использовало народный песенно-танцевальный материал; известные случаи переложения библейских текстов на народные мотивы. Булла папы Иоанна XXII говорит об «искажении» церковной музыки народными напевами. Выдающимися авторами фроттол были Марко Кара (ум. ок. 1525), Бартоломео Тромбончино, Микеле Пезенти (на рубеже 15—16 вв.). Нередко фроттолы пелись под аккомпанемент лютни—инструмента, который играл громадную роль в Италии 15—17 вв.; *cantori a liuto*—певцы под лютню—создали в 15—16 вв. первую чисто инструментальную музыку, сначала арранжируя для лютни вокальные произведения, а затем и сочиняя самостоятельные песни—фла-

тазии, ричеркары и, гл. обр., танцевальную музыку. К известнейшим итальянским лютнистам принадлежит Франческо да Милано (род. около 1490) и Винченцо Галилей, отец астронома (1533—91), оставившие ряд сочинений для своего инструмента. Искусство игры на лютне было широко распространено в различных общественных кругах: знаменитый мыслитель, ученый и художник Леонардо да Винчи был выдающимся лютнистом; немало женщин разных общественных положений славились в 15—16 вв. как лютнистки. Феодално-католическая реакция, наступившая в Италии в первой трети 16 века, внесла в музыку новую характерную черту. Инквизиция, деятельность иезуитов, всякого рода полицейские мероприятия оказались для церкви недостаточными, надо было найти более тонкие орудия идеологического воздействия на массы. Одним из таких орудий оказалась культовая музыка, созданная *Палестриной* (см.) и его школой (см. *Римская школа*); господствующее до того времени музыкальное искусство фламандских мастеров, использующее народные, уличные песенки для месс и *мотетов* (см.), а равно их вокально-инструментальный стиль, достигший максимума полифонической сложности, стали казаться профанирующими церковь. На Тридентском соборе шла даже речь о запрещении всякой музыки в церкви, за исключением Григорианского хора. Палестрина дал ряд гениальных образцов культовой музыки, в к-рых торжественность и ясность звучания, достигаемого одними вокальными средствами без участия инструментов, явилась тем, чего в то время хотела церковь от музыки как орудия классовый борьбы. Если церковному центру—Риму—удалось дать нечто значительное в узкой области культовой музыки, то роль Венеции 16 в. в истории муз. искусства оказалась неизмеримо большей. Здесь, в еще мощной торговой республике, начинавшей, правда, уже клониться к упадку, музыка в общественной жизни занимала очень почетное место—она сопровождала пышные государственные церемонии как связанные с культом, так и вполне светские; в частном быту венецианских аристократов не умолкала вокальная и инструментальная музыка. Отличительной чертой *Венецианской школы* (см.) было постоянное стремление к торжественности, к пышности. В Венеции же получило большой расцвет творчество мадригалов, затем широко распространившихся в придворных кругах всей Италии. Там же было сосредоточено все итальянское музыкальное издательское дело. Музыкальная теория в И. этого времени дает несколько блестящих имен—фламандца Тинкториса (1446—1511), жившего в Неаполе, автора первого муз. словаря, миланца Гафори (1451—1522) и флорентийца Арона (1490—1545), к-рые написали несколько учений трактатов, в особенности же венецианца Царлино (1517—90), теоретически объяснившего основной аккорд (трезвучие) в его двух типах—мажорном и минорном.

С 15—16 вв. музыка широко использовалась в шествиях по улицам города, в театрализованных турнирах, в постановках пьес античных и того времени. Большого развития достигли на рубеже 15—16 вв. возникшие из драматизированных *laudi* т. н. *representazioni sacre* (священные представления), к-рым покровительствовали князья церкви и постановки к-рых они организовывали для широких народных

масс. Известно также, что в итальянских деревнях проводились «майские» представления, сопровождаемые музыкой. Короткое время существовали в конце 16 в. и другие связанные с музыкой сценические представления—«мадригалные комедии», в к-рых остро выступало противоречие между переживаниями действующих лиц и выражением этих переживаний в музыке. Противоречие это было преодолено созданием нового склада в муз.-сценическом произведении, т. н. *stilo rappresentivo*, *stilo recitativo* (изобразительного, речитативного стиля), приведшего к величайшему перевороту в музыкальной культуре, а именно—к созданию *оперы* (см.). Зарождение нового стиля произошло в самом конце 16 в., во Флоренции. Основное нововведение заключалось в возвращении к «монодии» и тем самым в установлении гомофонного стиля, в осознании аккордики (вертикального, гармонического начала), а также в найденном итал. органистами новом способе сокращенной нотации (см. *Генерал-бас*). Первой оперой была не дошедшая до нас «Дафнис» (1554) поэта Ринуччини и композитора *Пери* (см.). Позднее Клаудио *Монтеверди* (см.) уже в «Орфее» (1607) заложил прочные основы всего будущего оперного творчества. С середины 17 в. в муз. оперном стиле определились новые течения в связи с возникновением оперных школ в Венеции, Риме и Неаполе. Открыты были платные оперные театры (в Венеции). Музыка и сюжет опер стали применяться ко вкусу новой публики. В Неаполе оперная музыка проникается яркой южной народной песенностью в произведениях представителей Неаполитанской школы: *Провенцале*, *Скарлатти*, *Страделла* (см.). В Римской школе сказывается тяготение к комедийному элементу, возникшему на основе веселых «интермедий» в стиле *commedia dell'arte*. Композиторы Мочцони и Марадзоли создали первую комическую оперу, явившуюся как бы предшественницей серьезнейшего перелома от оперы-*seria* (серьезной) к опере-*buff* (буфф). Вместе с оперой рождается другой жанр музыки, тесно связанный с католическим культом и коренящийся в старых *laudi*,—*кантата* и *оратория* (см.); значительнейшим мастером последних является *Кариссими* (см.). Кантата приобретает форму малой оперы, предназначенной для исполнения в салонах аристократии и верхушки буржуазии. Наряду с мощным развитием оперного, ораторного и кантатного творчества в И. 17 в. шло развитие певческого искусства и создание того типа *bel canto* («прекрасного пения»), которое так характерно для итал. музыкального искусства 17—18 вв. Особенное значение имели в то время Болонская певческая школа с такими мастерами, как Пистокки (1659—1726) и Бернакки (1685—1756), и Неаполитанская—с Порпора (1686—1757). Исключительное внимание певцам и певческому искусству отдавалось в неаполитанских консерваториях и венецианских женских школах (*ospedali*). Большое значение как в 16 в., так и, в особенности, в 17 в. приобретают в музыкальной жизни Италии *кастраты* (см.).

В том же 17 в. произошло и значительное развитие инструментальной музыки: прежде всего надо упомянуть крупнейшего итальянского органиста и композитора Фрескобальди, написавшего ряд канцон для органа в стиле футурованных народных мотивов. На первое место в области инструментальной музыки выступили

скрипачи с основными формами музыки для смычковых инструментов—*сонатой* и *концертом* (concerto grosso) (см.); создатели т. н. концертирующего стиля—*Витали*, затем *Вивальди*, *Тартини* (см.) и др.—заняли в Европе ведущую роль в музыке для скрипки и виолончели solo и для смычковых ансамблей; параллельно с развитием виртуозной игры на смычковых инструментах и композиторским творчеством для них шло усовершенствование самих инструментов; над их созданием работали выдающиеся мастера, начиная с *Гаспаро да Сало* (см.) и кончая знаменитой Кремонской школой: *Амати*, *Гварнери*, *Страдивари* (см.).

Большое значение в развитии музыкальной культуры имели с середины 16 века и позднее *академии музыкальные* (см.) и профессиональные музыкальные школы—*консерватории* (см.). Все они влили в музыкальную культуру того времени струю народной музыки, хотя в силу существующих условий академии и консерватории и находились под покровительством и в зависимости от представителей господствующих классов. На фронте музыки борьба классов проявлялась в своеобразных формах. Придворная аристократическая опера-seria все более вырождалась в концерт в костюмах, в арену певческого мастерства, восхитившего пресыщенную аристократическую публику; с другой стороны, выдающиеся представители буржуазной идеологии, историк Муратори, писатель Альгаротти, композитор Бенедетто Марчелло, не жалеют красок, высмеивая оперу-seria своего времени, потерявшую силу и значение, которые вложили в нее первые представители Неаполитанской школы.—Провенцале и Алессандро Скарлатти. На смену мажорной и условной опере-seria в И. поднималось мощное течение оперы-buff. Веселый сюжет, включающий нередко социальную сатиру, легко усваиваемая мелодия, почерпнутая из народных напевов, сделали жанр оперы-буфф любимым в массах. Отсюда—ее быстрое распространение и завоевание для итал. оперного искусства всех европейских сцен—от Англии на Э. до России на В. Среди композиторов оперы-буфф выделились Леонардо Лео, Никола Порпора, Логрошино, Перголезе, Пиччини; с их именами связано приближение музыкальной культуры к народному творчеству.

В области клавирной музыки итальянским композиторам 18 в. не без основания приписывается создание того стиля, к-рый мы склонны называть моцартовским, т. к. Моцарт дал ему гениальное завершение. Вслед за знаменитым Доменико Скарлатти (1685—1759) (см.) следуют более скромные имена Платти (род. около 1700), Парадизи (1710—92), Сандони (ум. 1750), Серини (род. 1740), заложивших основы клавесинизма 18 века. Особое место занимает великий пианист и значительный композитор конца 18 и начала 19 веков *Клементи* (см.). В ансамблевой инструментальной музыке того времени выделяются 2 имени—*Боккериани* и *Саломартини* (см.): значительное место в музыкальной культуре Италии 18 в. занимает яркая фигура Падре Мартини (1706—84), ученика монаха, музыканта-теоретика, педагога, историка музыки, композитора и пианиста.

В 15—16 вв. фламандцы были всюду желательными музыкальными работниками, в 17—18 вв. эта роль перешла к итальянцам. Целый ряд итальянских музыкантов, от самых знаменитых до безвестных, подолгу жил при

иностранных дворах, особенно в немецких странах; влияние итальянской муз. культуры сказалось на иностранных композиторах; иногда такая итальянизация содействовала лишь первому периоду их деятельности, как, напр., у Генделя, Глюка, Моцарта; менее же одаренные, как *Гассе*, Иоганн Христиан *Бах* (см.) и др., целиком подпали под итальянское влияние. Сравнительно меньше итальянских музыкантов было во Франции, но зато деятельность некоторых из них стала неотделимой от французской муз. культуры. Одним из таких музыкантов является *Керубини* (см.). Затем, вплоть до завершения воссоединения Италии, Париж делается тем музыкальным центром, где крупнейшие итальянские композиторы получают европейскую известность и откуда их оперы расходятся по всем европейским сценам,—напр., *Россини*, *Беллини*, *Доницетти*, *Верди* (см.). Рядом с Верди в Италии работало в области оперы много менее значительных музыкантов, как *Понкьелли* и *Бойто* (см.). Характерным фактом для Италии 19 в. является упадок творчества инструментальной музыки; рядом с мировыми именами оперных композиторов нельзя назвать ни одного симфониста или камерного композитора того же масштаба; из числа композиторов-инструменталистов наиболее значительными являются Дж. Мартуччи (1856—1909) и *Сгамбатти* (см.), вшедшие в И. м. того времени влияния немецких романтиков, гл. обр. Листа. В области же исполнительского искусства Италия 19 в. дала ряд первоклассных артистов: скрипача *Паганини* (см.), контрабасиста Боттезини, пианиста *Бузони* (см.), органиста Босси, дирижеров Манчинелли и *Тосканини*, знаменитых вокалистов *Паста*, *Патти*, *Каталани*, *Мазини*, *Таманьо*, *Карузо*, *Баттистини* (см.) и др.

Представителями последнего художественного течения в И. м. конца 19 в., т. н. *веризма* (см.), являются *Масканьи*, *Леонкавалло* и *Пуччини* (см.), близкий к ним по творчеству, с некоторым уклоном в сторону муз. комедии, *Вольф-Феррари* (см.). На особых, как бы переходных путях от веризма к новым модернистским течениям находятся Заццона и Альфано, который в дальнейшем примкнул к новому стилю И. м., возникшему в первом десятилетии 20 века. С этого времени начинается значительное снижение идейно-художественного уровня итальянской музыки. *М. Иванов-Борецкий*.

Перед империалистической войной крайнее увлечение импрессионизмом и символизмом вызывает эпигонство (Малипьеро, «Симфония молчания и смерти», 1910); ведутся ожесточенные споры вокруг Дебюсси (книга Сетаколи «Дебюсси»). После войны и особенно после фашистского переворота группа буржуазных музыкантов во главе с Казелла учреждает совместно с д'Аннунцио «Корпорацию новой музыки». В 1924 корпорация преобразуется в итальянскую секцию «Интернационального общества современной музыки». Группирующиеся вокруг секции музыканты (Казелла, Малипьеро, Респиги, Пиццети, Кастельнуово, Тедеско, Рьети, Петраси) ставят себе двойную задачу: усвоение «новейшего», «объективного», «внеличного» языка—современного буржуазного конструктивизма, а с другой—«возрождение» принципов старинной итальянской симфонической и камерной музыки времени ее расцвета. На деле, за исключением немногих отдельных произведений, фашистские музыканты Италии

пишут музыку унылую, бессвязную, лишённую единства и содержания (симфония Малипьеро, впервые исполненная на Флорентийском фестивале 1934). Налицо проявление общего упадка буржуазной муз. культуры—формализм, эстетство, зачастую грубый натурализм. Помимо непосредственных заимствований из музыки итальянского прошлого («Скарлаттиана», «Чимарозиана») и обработок (оркестровая редакция сонат Скарлатти) итальянские композиторы пишут произведения, носящие старинные названия—пассакалия, партита, дивертисмент, концерт. Авторы пытаются возродить «доклассические» принципы итал. инструментальной музыки, что им однако удаётся в весьма малой степени.

Музыкальная теория в современной Италии представлена нек-рыми видными деятелями, напр. Киллеротти, впервые выяснившим историческое значение лютневой музыки, Торки, издавшим несколько томов старинной итальянской музыки, Радичотти—автором монографии о Россини, Торрефранко—исследователем стиля итальянских клавесинистов 18 в., делла Костре—автором муз. словаря.

Лит.: Неф К., История зап.-европейской музыки, перер. и доп. пер. с франц. Б. В. Асафьева, Л., 1930; Кречмар Г., История оперы, перер. П. В. Грачева, под ред. Игоря Глебова, Л., 1925; Ромэн Роллан, Опера в 17 в. в Италии, Германии, Англии, перер. с франц. А. А. Хохловкиной, под ред. М. В. Иванова-Борецкого, М., 1931; Бюкен Э., Музыка эпохи рококо и классицизма, перер. с нем. В. Микопо, под ред. М. В. Иванова-Борецкого, М., 1934; Иванов-Борецкий М. В., Музыкально-историческая хрестоматия, т. 1, 2 изд., М., 1933; Материалы и документы по истории музыки, пер. под редакцией М. В. Иванова-Борецкого, т. II (18 в.), Москва, 1934; Вагдуров В. А., Очерки по истории вокальной методологии, ч. 1, Москва, 1929, ч. 2, Москва, 1932.

А. Альвиванг.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА, см. Опера.

ИТАЛЬЯНСКАЯ САРАНЧА, или прус, *Caliptamus italicus*, насекомое из сем. саранчовых (*Acrididae*), см. Саранча.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ФОРМА СЧЕТОВОДСТВА, см. *Бухгалтерия*.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР. Нет никаких документальных данных, из к-рых можно было бы заключить, что театральные традиции и формы сценического искусства непрерывно тянутся от римских времен до начала культурной жизни Италии. Единственно, что можно предполагать с нек-рым правдоподобием, это то, что античные *гистрионы* (см.) не переводились никогда, даже в самые мрачные столетия раннего Средневековья, и постепенно превратились в скоморохов (*saltimbanchi*) 13 и 14 вв. Театральная жизнь в Италии, как и повсюду, начиналась заново, вырастая на почве классовых противоречий. Как и в других странах Европы, зачаточные формы И. т. появились в атмосфере феодально-церковной культуры. Они выросли либо в церкви, либо около церкви. Если в других странах театр начинался литургической драмой, то в Италии наряду с нею начало театру давали так. наз. лауды, гимны, чаще всего в честь мадонны, которые пелись попеременно несколькими певцами. Все эти зачаточные формы развивались опять-таки, как и повсюду в Европе, в *мистериях* (см.), которые получили особенно пышное развитие в Умбрии, на родине Франциска Ассизского, и были пропитаны мистическим настроением, пожалуй, больше, чем в остальной Европе. Никаких своеобразных особенностей мистерии в Италии не имели, если не считать того, что латинский язык в них сохранялся дольше, чем где бы то ни было.

Очень своеобразно мистерии в Италии перерастали в более совершенные формы светского театра. Эволюция пошла вначале в двух направлениях. Как и в др. странах, мистерия превращалась в *миракль* (см.), к-рый дал такие великолепные образцы, как «Стелла» и «Улива». Этим нащупан был путь, к-рый в Англии привел к расцвету романтической драмы. Но он оборвался. Причиной было то, что гораздо более успешно пошло развертывание мистерий во втором направлении, начало к-рому положил «Орфей» Полициано. Мистерия, сохраняя все свои формальные особенности, наполнилась совершенно иным содержанием; вместо христианско-религиозной тематики она получила мифологическую, языческую. Сказывалось влияние тех общественных сдвигов, к-рые привели к расцвету гуманизма. Мистерия превращалась в пастораль с мифологическим содержанием, к-рая, развиваясь этап за этапом, привела к таким шедеврам, как «Аминта» Торквато Тассо и «Верный пастух» Гварини. Параллельно зародилось и другое ответвление «ученого театра» (*la commedia erudita*), к-рое одно время отеснило на задний план пастораль: классическая драма, комедия и трагедия. Сначала в виде постановок подлинных текстов комедий Плавта и Теренция на латинском языке в Риме, в Академии Помпонии Лето и во Флоренции в гуманистических кружках; затем в виде переводов тех же комедий на итал. язык (ставились при дворах итальянских князей и пап), наконец, в виде комедий и трагедий, написанных итал. писателями под сильным формальным влиянием античных образцов, но с тематикой, отражающей вкусы современного им общества.

Первым образцом комедий этого вида была «Шкагулка» Лодовико Ариосто (1509), а наиболее яркими из них были «Каландри» Бибины, гениальная «Мандрагора» Никколо Маккиавелли, пять комедий Пьетро Аретино, «Подсвечник» Джордано Бруно и др. Комедий было написано очень много. Они изображали людей, нравы и быт современного итал., почти исключительно буржуазного общества и по своему содержанию совершенно бесспорно отвечали вкусам и настроениям городских классов: недаром сюжетика комедий так много обязана другому, тоже ярко буржуазному литературному жанру—новелле.

В иной общественной среде расцвела трагедия. Ее родиной был ломбардский север, сохранивший много феодальных пережитков. Поэтому трагедия в гораздо большей мере отражает вкусы и настроения аристократических групп, чем буржуазных. Таковы «Софисба» Триссино, «Орбекка» Джиральди Чинтио, «Каначе» Сперони и др. Более демократично содержание «Горация» Пьетро Аретино, где отведена значительная роль народным массам. Период расцвета «ученого театра» был в то же время периодом необыкновенно ярких сценических оформлений. Играли, конечно, любители—придворная молодежь. Лишь в виде исключения привлекались полупрофессиональные актеры. Наиболее интересным в этих постановках было оформление. На него не жалели средств. К его выполнению привлекались крупнейшие художники: в Урбино—Тимотео Вити, в Милане—Леонардо да Винчи, в Риме—Балдассаре Перуцци и Рафаэль. На сцене показывались настоящие скульптуры, сделанные специально для данного спектакля; занавеси и декорации были первоклассными художествен-

ными произведениями. В представлениях участвовали музыканты, певцы и танцоры—лучшие, каких знала Европа. Каждый отдельный момент был отмечен талантом. И все-таки настоящего театра не получилось, ибо отдельные элементы представления не были связаны между собой тем, что сообщает ему ценность,—художественной актерской игрой. Лишь с появлением профессиональных актеров создался в Италии настоящий театр. Процесс этот совершался медленно, и актерские кадры создавались постепенно из представителей городской мелкой буржуазии. Как и в других странах Европы, частью выделившись из бытовых реалистических моментов, вкрапленных в мистерию, частью появляясь самостоятельно, как забава ремесленных кругов, в Италии возник фарс и получил настолько широкое и настолько художественное развитие, что сделался одним из популярнейших развлечений и зрелищ, далеко выйдя за пределы социальной группы, его создавшей. Возглавляемые талантливыми актерами и драматургами (Старшино в Сиене, Алионе на Севере), содружества ремесленников, ставивших фарсы, стали вызываться на гастроли и к папскому двору и к княжеским дворам. Начиная с середины 16 в. такие содружества стали превращаться в профессиональные. Уже актер и драматург Анджело Беолько (1502—1542) создал труппу, с к-рой давал представления в Падуе, Венеции, Ферраре и нек-рых других городах. «Ученый театр» быстро терял свою популярность. Трагедия прививалась плохо вследствие отсутствия талантливых пьес. От зрелища требовали остроты, ярких буффонных моментов, настоящей театральности. Итал. буржуазия, уже всюду в Италии, за исключением Венеции, лишившаяся своей политической власти, но сохранившая еще свое культурное влияние, создала тот новый театр, к-рому было суждено далеко за пределы Италии разнести славу итал. сценического искусства. Этот театр стали называть «профессиональным театром» (*commedia dell'arte*). Он вырос на венецианской почве и получил такое быстрое распространение, что уже в 1568 итал. любители в Баварии при мюнхенском дворе могли дать настоящее представление этого жанра. *Commedia dell'arte* (см.) была театром импровизации, масок и диалекта. Ее главная особенность, к-рая создала ей славу и популярность, была та, что в ней элементы отдельного искусства подносились зрителю не разведенными, как в представлениях «ученого театра», а как нечто цельное, художественно сплавленное актерским мастерством. *Commedia dell'arte* своими сценариями и, прежде всего, игрой своих актеров стала ун-том сценич. искусства для всей Европы. Уменьше делать пьесу, техника развертывания сюжета впервые показана была именно театром итал. комедиантов. До них европ. драматургия не выходила из мира посредственных произведений. После них и благодаря им европейская драматургия расцвела, и появились такие имена, как Лопе де Вега, Шекспир, Мольер.

В течение всего 17 в. *commedia dell'arte* находилась на большой высоте. К концу его начинается упадок. Непрерывные гастроли, похищавшие у Италии лучшие актерские силы, разорвали связь театра с национальной и с социальной почвой Италии. Феодальная реакция в самой Италии, феодально-аристократическая атмосфера в странах, где гастролировали итальянские комедианты, сделали то, что *com-*

media dell'arte сделалась забавой аристократии. Это убило живую импровизационную силу, и представления постепенно начали превращаться в серию акробатических трюков, заученных тирад и непристойных сцен. Потребность реформы театра стала ощущаться все сильнее. К середине 18 в. она сделалась очевидной для всех, и Карло Гольдони (см.) (1707—93) сделался реформатором. И. т., постепенно освобождая комедию от всего того, что когда-то было сильной стороной в игре итал. комедиантов, а теперь превратилось в причину ее слабости. Попытка Карло Гоцци (см.) в Венеции сокрушить реформу Гольдони, увенчавшаяся кратковременным успехом, была заранее обречена на неудачу, ибо реформа Гольдони вытекала из подъема обновленных сил итал. буржуазии и целиком отвечала ее новым, победным настроениям, а театр Гоцци и по социальной настроенности и по эстетике был театром падавшей все больше венецианской аристократии. В области трагедии роль Гольдони сыграл Витторио Альфиери (см.), и в Италии колыхалась буржуазного общества «охраняли древнеримские призраки» (Маркс). Но когда Италия была вовлечена в переворот, произведенный Французской буржуазной революцией, а итал. буржуазия после наполеоновской эпопеи попала под австрийскую пяду, классицизм, поддерживаемый австрийским правительством, потерял почву в классовом сознании буржуазии, и восторжествовала романтическая трагедия. Родоначальником ее был Александр Манцони, а в числе главных представителей—Сильвио Пеллико, Джованни Баттиста Николлини и целый ряд менее крупных драматургов. Романтическая трагедия пользовалась долгой популярностью в самые глухие годы реакции, 30—40-е гг. 19 в. Ей принадлежала и та заслуга, что она создала новую актерскую школу. Густаво Модена, актер, революционный боец, тосканский парламентарий, сделался родоначальником одной из самых блестящих актерских плеяд, какие только знал театр. Его учениками были Томмазо Сальвини, Эрнесто Росси, Аделаида Ристори и целый ряд замечательных актеров, украшавших итал. сцену вплоть до последних десятилетий 19 в. Две особенности отличали школу, созданную Моденой: яркая политическая тенденция, отголосок буржуазного патриотизма Ризорджименто и пламенная игра «нутром», покорявшая не только итальянского зрителя, но и европейского. Эти же тенденции удержались и у следующего актерского поколения, самой яркой звездой к-рого была Элеонора Дузе, а наиболее замечательными представителями Новелли, Цакони, Эмануэль и целый ряд других. Влияние драматургии Габриеля д'Аннунцио, захватившее даже Дузе, на нек-рое время искривило линию итал. актерского мастерства, но до самой империалистической войны итальянский театр занимал в сценическом искусстве Европы одно из самых почетных мест. После войны он попал под влияние фашизма, который пропитал его всеми своими тлетворными элементами, уродующими и разрушающими культуру всюду и везде.

А: Дончев-легов.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК, являющийся разговорным и общенациональным языком государства Италии, принадлежит к группе *романских языков* (см.). Кроме Италии, к области И. я. принадлежат республика Сан-Марино, Корсика и т. н. Итальянская Швейцария (кантон Тес-

син и несколько селений на Ю. Граубюндена).— Свое начало И. я. ведет непосредственно от разговорного *латинского языка* (см.)—т. н. вульгарной латыни древнего римского государства, однако, испытавшего воздействие ближайших к латинскому *италийских наречий* (см.), а позднее—германского яз. лангобардов, владевших Италией с 568 до 9 в. Старое дробление Италии эпохи феодализма отражается в большом количестве диалектов И. я., притом довольно далеких друг от друга. Основными диалектами являются пьемонтский, ломбардский и венецкий—на С., генуэзский, эмилианский, тосканский, умбро-римский—в центре и неаполитанский (кампанский), калабрийский, апулийский—

на Ю., к к-рым присоединяются еще на островах сицилийский и корсиканский. Язык жителей о-ва Сардинии, ранее обычно также относимый к итальянским диалектам, на самом деле является самостоятельным романским яз. в двух главнейших своих наречиях: логудорском и кампиданском. Самыми ранними памятниками И. я. считаются записанные в латинских юридических документах 960 и 964 свидетельские показания, приведенные в подлинной форме; но только в начале 13 в. появляются настоящие памятники языка, причем одним из первых является мемориал банкирского дома во Флоренции от 1211. Лишь в эту пору И. я. становится языком литературы, к-рая появляется одновременно в различных провинциях и носит яркую диалектальную окраску. Постепенно к концу века начинает обнаруживаться преобладание тосканского диалекта в литературных произведениях, получившее окончательное выражение в лирике *dolce stil nuovo* во Флоренции, в особенности у Данте; после Боккаччо и Петрарки тосканский диалект окончательно получает значение общенационального литературного языка. Причину тому можно видеть в более интенсивном развитии капиталистических отношений во Флоренции, за которой следовали более отсталые феодальные провинции. Правда, уже с 16 в., когда устана-

вливается грамматическая традиция и начинается научное и практическое изучение литературного языка, возникает спор между защитниками чистоты тосканской речи в литературном языке и сторонниками привлечения других диалектов к участию в развитии литературного языка. Этот знаменитый в истории И. я. спор продолжался до самого 19 в., когда окончательно была одержана победа тосканистами после Мандзони, в своих произведениях давшего образцы классического языка на чисто тосканской основе. Само собой понятно, что значительное число элементов проникло в словарный состав литературного И. я. и из диалектов. Надо отметить, что язык тосканской буржуазии еще в самом начале своего оформления как литературного яз., т. е. с конца 13 в., вытеснил сложившийся было на юге Италии и, гл. обр., в Сицилии литературный язык замкнутой придворной сферы королей Фридриха II и Манфреда, нашедший себе выражение в лирике т. н. сицилианской школы. Этот литературный язык слагался на основе сицилианского наречия, но воспринял много провансальских и французских элементов, к-рые в известной степени удержались и позднее в литературном языке страны.

Лексический состав И. я. все время испытывал воздействие латинского яз., бывшего всегда источником обогащения литературного языка новыми элементами. Значительно меньше перешло в И. я. слов из языков германских завоевателей: остготов и лангобардов. В раннем Средневековьи, а затем в 18 в. в оборот И. я. вошло немало французских слов, а в 17 в., когда было сильно влияние испанской культуры на юге Италии,—и испанских. С своей стороны И. я. имел широкое распространение, особенно в период расцвета культуры Ренессанса, во всех странах Европы, чем и объясняется усвоение всеми европейскими языками итальянской терминологии в области финансового и банковского дела, искусства—архитектуры, театра, живописи и музыки.

По своему фонетическому составу литературный И. я., в отличие от других романских языков, почти не подвергся изменениям с периода своего литературного оформления. Его отличительной чертой является обилие гласных в слове (почти нет слов, оканчивающихся на согласные звуки). Орфография, несмотря на нек-рые уловности, очень проста и близка к живому произношению, кроме только знаков *s* и *z*, к-рые имеют и звонное и глухое произношение, т. е. *s* и *z*, *ci* и *ca*, *di* и *da*, не регулируемое никакими правилами: ср. *cosa*, *mese*—*c* *s*, *paese*, *tesoco*—*z*, *piazza*, *terzo*—*z*, *mezzo*—*z* *ds*. Для выражения ш служит сочетание знаков *sc* (перед *e*, *i*) или *sci* (перед *a*, *o*, *u*); поэтому *screscendo*—крещендо, а не *кресцендо*; *ch* изображается через *c* (перед *e*, *i*) и *ci* (перед *a*, *o*, *u*); поэтому *Boccaccio*—Боккаччо, а не *Боккаччио*; аналогично передается *dj* через *g* (перед *e*, *i*) или *gi* (перед *a*, *o*, *u*), т. е. *Giacommo*—Джакомо. Наоборот, сочетания *ch*, *gl* служат для передачи *k* и *g* перед гласными *e*, *i*. Из мягких согласных есть только *нь* и *ль*, обозначаемые через *gn* и *gli*; двойные согласные выговариваются отчетливо: *tutto*, *bossa*, *danno*, *somma*. Из гласных имеются только *a*, *i*, *u*, *e* (закрытое и открытое), *o* (закрытое и открытое); дифтонг *je* звучит как *je*, а *io*—почти как открытое *o* (во флорентийском произношении).—Грамматика И. я. очень проста: существительные различаются по родам и числам, но склонение их утрачено и падежные формы заменены конструкциями с предлогами; прилагательные бывают двух или одного окончания и образуют формы числа, как существительные; местоимения имеют больше форм; глагол сохраняет старое латинское разнообразие спряжений, с явлениями чередования гласных юрия и наличием новых сложных времен романского типа.

Лит.: По истории яз.: *G r a n d e n t C h. H., From Latin to Italian, Oxford, 1927; Meyer-Lübke G., Grammatica storico-comparata della lingua italiana...*, Torino, 1901 (nuova ed.—Torino, 1927). По истории литературного яз.: *V i v a l d i V., Storia della controversie linguistiche in Italia da Dante ai nostri giorni. v. I, Catanzaro, 1925; L a b a n d e - J e a n r o u T h., La question de la langue en Italie, Strasbourg, 1925. По диалектологии:*

Bertoni G., *Italia dialettale*, Milano, 1916 [лучший очерк, с богатой библиографией]. Словари: Petroschi P., *Novo dizionario universale della lingua italiana*, 2 vis, Milano, 1894; ег о же, *Novo dizionario scolastico della lingua italiana*, Milano, 1892; Zingarelli N., *Vocabolario della lingua italiana*, 4 ed., Milano, 1932; Гли вен ко И. И., *Итальянско-русский словарь*, Москва, 1930. Пособия: Гли вен ко И., *Руководство для изучения итальянского языка*, 3 изд., М., 1923; Де-Виво Д., *Практическое руководство для изучения итальянского языка*, 2 изд., Одесса, 1898. М. Сергиевский.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО, восходит своими истоками к поздне-римскому и к ранне-христианскому искусству. Базилики, саркофаги, мозаики, катакомбные росписи, украшенные миниатюрами рукописи—все эти памятники ранне-христианского искусства являлись носителями более старых, во многом еще античных традиций, к-рые были частично усвоены, а позднее радикально переработаны осевшими на итальянской почве готами, лангобардами и франками. В результате слияния этих античных традиций с элементами восточно-христианского и германского (т. н. варварского) искусства образовался тот иератический, строго церковный стиль, к-рый выражал идеологию феодального общества, сложившегося на обломках античной цивилизации.

Искусство средневековой Италии конца 8 в.—начала 11 в. Тенденции, наметившиеся уже в ранне-христианском искусстве, получают

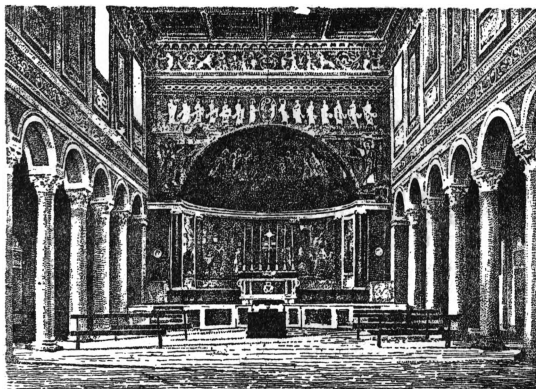

Рис. 1. Внутренний вид римской церкви S. Maria in Domnica.

в это время свое логическое завершение. Ведущая роль принадлежит церковной архитектуре, подчиняющей себе живопись и скульптуру, к-рые утрачивают характер самостоятельных, станковых типов искусства. Программная сторона последнего целиком диктуется церковью. Постепенно вырабатывается точнейшим образом фиксированная иконография; художественные образы отличаются отвлеченностью и схематизацией; в мозаиках и росписях доминирует абстрактная плоскость, формы упрощаются и геометризуются, линии утрачивают реальный, органический ритм, движения фигур становятся все более застывшими. На всем лежит печать сковывающего религиозного догматизма, подавляющего всякое проявление индивидуальной творческой воли. В области искусства наблюдается еще сильное брожение, препятствующее созданию того целостного, монолитного стиля, к-рый складывается в романский период. Наиболее распространенным типом здания является традиционная базилика с плоским перекрытием. В качестве новшества

фигурируют изредка применяемые своды, арки, пересекающие центральный корабль, столбы различных сечений, оживляющие стены аркатурные фризы и полукруглые ниши, расположенные под перекрытием апсид. Центрально-купольные постройки, почти всегда выдающиеся

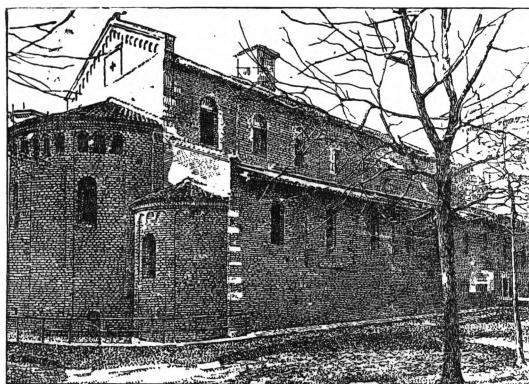

Рис. 2. Базилика S. Vincenzo in Prato. Милан.

восточное влияние, встречаются сравнительно редко. Наиболее смелые архитектурные решения находят себе место в Ломбардии, зодчество к-рой играет в это время ведущую роль не только в Италии, но и во всей Европе. Среди базиликальных сооружений особенно известны расширенные и перестроенные папами римские церкви S. Maria in Cosmedin (772—795), S. Prassede и S. Maria in Domnica (817—824, рис. 1), равно как и ломбардские базилики—S. Ambrogio (новая апсида, 784), S. Vincenzo in Prato (середина 9 в., рис. 2) в Милане, S. Pietro di Agliate (10 в.) и собор в Иврее (Ivrea) (969—1002). Среди центрально-купольных зданий следует назвать S. Satiro в Милане (868—881), крещальню в Бьелле (Biella—10 в.) и капеллу в S. Prassede в Риме (817—824). Большинство церквей было украшено мозаиками либо фресками. Мозаики, сохранившиеся почти исключительно на римской почве (SS. Nereo ed Achilleo, 795—816; S. Maria in Domnica, S. Prassede, S. Cecilia, 817—824), обнаруживают все больший отход от византийских образцов, подвергшихся радикальной переработке в направлении сильнейшей схематизации. Исходной точкой этого примитивного, глубоко провинциального искусства были памятники не

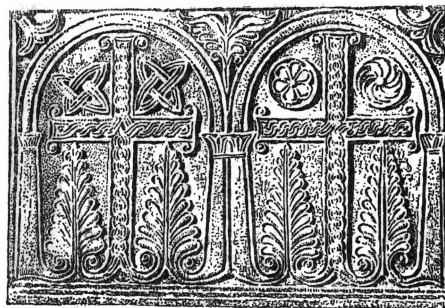

Рис. 3. Резанная из камня перегородка в S. Sabina.

столичной константинопольской манеры, а азиатского (гл. обр., сирийского) круга. К этому же кругу тяготеют и росписи 8—9 вв. в S. Maria Antiqua, S. Clemente (847—855), Sant'Urba-

по alla Caffarella (1011) — Рим, равно как и фрески бенедиктинских церквей (S. Vincenzo al Volturno, 826—843) и базилианских храмов в Калабрии (S. Maria delle Grazie близ

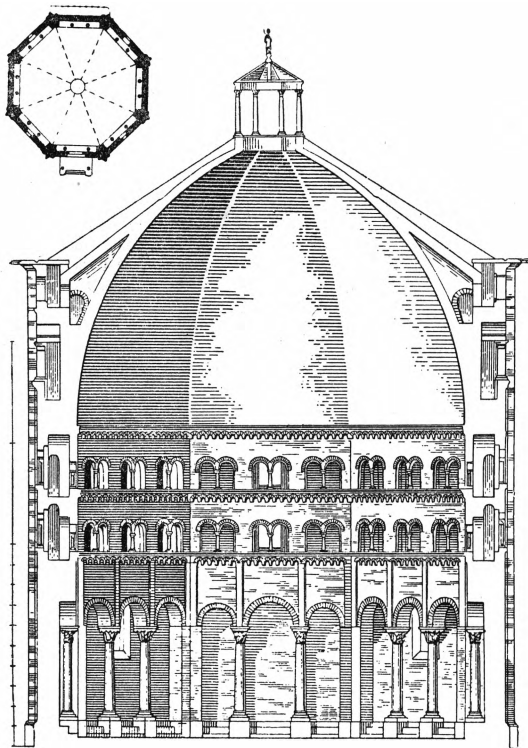

Рис. 4. Крещальня в Кремоне.

Карпиньяно, 959). Иллюстрированные рукописи получили сравнительно слабое распространение, причем их миниатюры отличаются мало самостоятельным характером, выдавая сильнейшие франко-каролингские влияния. Незначительна также роль скульптуры, к-рая носит преимущественно орнаментальный характер [многочисленные кивории, алтари, перегородки (рис. 3) и т. д.]. Орнамент плоский, подчеркнuto линейный. В поделках из золота (реликварий Пасхалия I в Ватиканском музее) и слоновой кости (распятие в Чивидале, 752; диптих 10 в. в Ватиканском музее) фигурируют изображения «святых» и евангельские сцены, выполненные в обычном, схематическом стиле.

Романский стиль (11 в.—середина 13 в.). Именно в это время И. и. приобретает тот национальный отпечаток, к-рый дает право говорить о специфически итальянском варианте романского стиля. Различные перекрещивающиеся влияния (византийские, армянские, сирийские, мусульманские, французские, германские и, в первую очередь, античные) претворяются в единый стиль, получающий в различных областях Италии чисто локальные оттенки. Ведущая роль попрежнему принадлежит церковной архитектуре, хотя рядом с соборами и церквями все чаще воздвигаются городские стены и ворота, башни, замки, дома и рату-

ши, появление к-рых обусловлено быстрым ростом городов. В связи с развитием городских общин начинают фигурировать имена отдельных художников, обычно возглавляющих крупные артели. Романский храм представляет собой тяжелое, монументальное сооружение базиликального типа (нередко с поперечным трансептом). Контуры зданий образуют геометрические, замкнутые в себе массивы, которые обладают огромной пластической силой и прежде

Рис. 5. Мастер Вилигельм. Деталь рельефа Моденского собора.

всего импонируют монументальностью своей массы. Архитектурная оболочка целиком выражает форму заключенного в ней внутреннего пространства. Внутреннее пространство церкви, все чаще перекрываемое сводами, выделяется своими спокойными, суровыми пропорциями и большими масштабами. Главная и характернейшая особенность этого пространства—статичность. Над всем доминирует пространство среднего корабля, подавляющее человека своими пропорциями.

Как и в предшествующую эпоху, наиболее передовым характером отличается ломбардское искусство, давшее особенно смелые решения в области архитектуры, в к-рой находят себе широкое применение нервюрные крестовые своды и купольные перекрытия; стены обычно членились ложными арками и лизенами и окнвляются аркатурными фризами и арочными галереями. Среди зданий базиликального типа выдаются Sant'Ambrogio в Милане (1046—

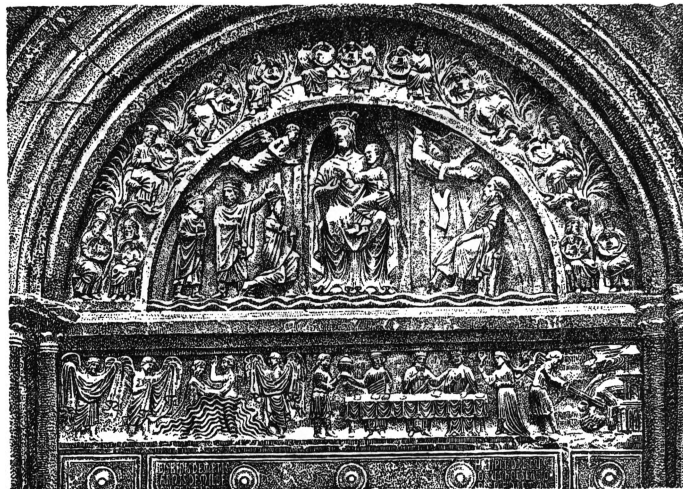

Рис. 6. Б. Антелами. Скульптурное украшение портала Пармской крещальни.

1047), S. Michele в Павии (первая половина 12 в.), S. Zeno в Вероне (1120—38), соборы в Модене (1099—1106), Парме (12 в.), Пьяченце, Кремоне. Центрально-купольными постройками являлись почти исключительно крещальни (Кремона, рис. 4; Парма; Падуя).

Большого расцвета достигла также ломбардская пластика, полная экспрессивной силы и своеобразного грубоватого юмора. Ее главные представители—Вилегельм (скульптурные украшения собора в Модене, начало 12 века,

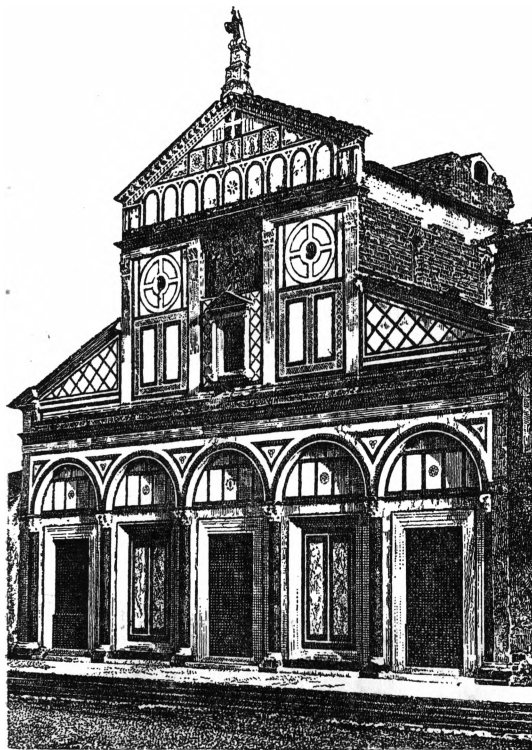

Рис. 7. Церковь S. Miniato во Флоренции.

рис. 5), Николай [соборы в Ферраре (1135) и Вероне, S. Zeno] и Бенедетто Антелами [собор (1178) и крещальня (1196—1216) в Парме,

рис. 6]. В произведениях Антелами, выдающих беспорное влияние французской кафедральной пластики, ломбардская скульптура достигает высшей точки своего развития: фигуры приобретают огромную пластическую выразительность, движения становятся более естественными, пропорции уточняются, реалистические моменты получают определенное количественное нарастание, в чем сказывается укрепление идеологии городских ремесленных кругов. Совершенно особое место занимает искусство Тосканы, где города уже с середины 11 века добились полной самостоятельности. Именно здесь складывается тот особый вариант романского зодчества, к-рый принято называть проторенессансом. Проторенессансные формы своеобразным образом перекликаются с ренессансными, так как они обнаруживают немало чисто светских элементов, объясняемых влиянием зарождающегося на городской почве буржуазного мировоззрения. В проторенессансных

постройках бросаются в глаза спокойствие и строгость рационалистически продуманных пропорций, обилие чисто античных деталей

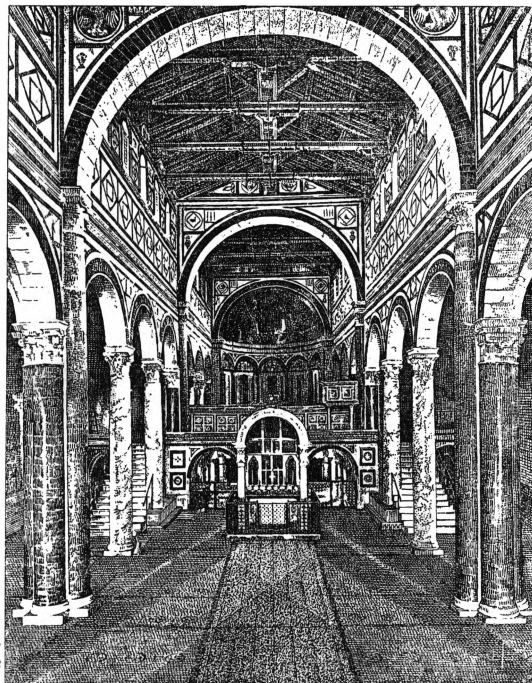

Рис. 8. Внутренний вид церкви S. Miniato во Флоренции.

(колонны, арки, пилястры) и широкое употребление инкрустации, состоящей из цветных наборных мраморов. Лучшие памятники этого направления—церковь S. Miniato (11 в., рис. 7—8), фасад баптистерия (12—13 вв.), церковь «св. апостолов» (11 в.) во Флоренции

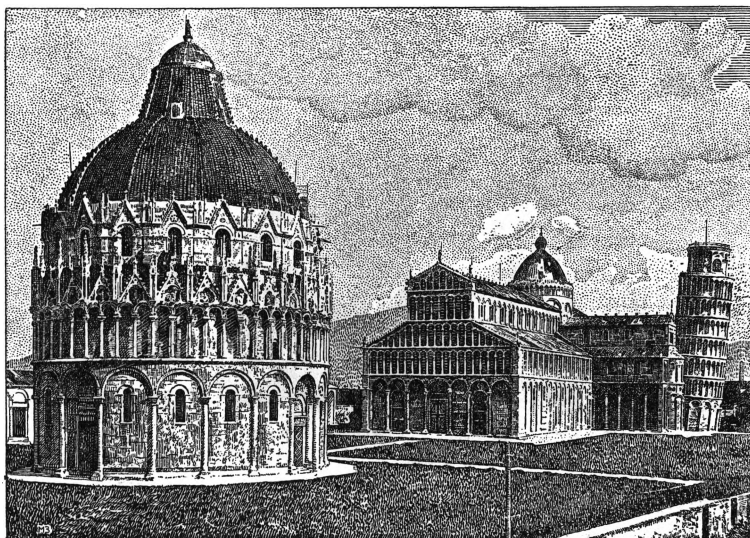

Рис. 9. Общий вид крещальни, собора и колокольни в Пизе.

и фасад Бадии в Фьезоле (12 в.). Помимо Флоренции, крупнейшим центром тосканского зодчества была Пиза, на почве к-рой сохранился наиболее величественный архитектурный ан-

самбле 12 в. (рис. 9)—собор, построенный мастерами Бускетусом и Райнальдусом между 1063 и 1118, баптистерий, начатый Диотисальви в 1153 и законченный лишь в 14 веке,

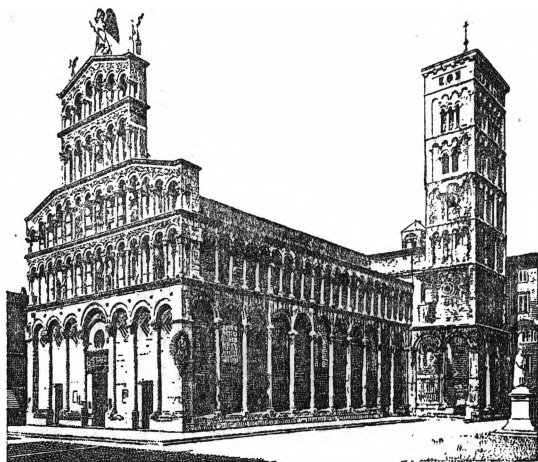

Рис. 10. Церковь S. Michele в Лукке.

колокольня работы Вильгельма из Инсбрука и Боннануса (нач. 1173) и кладбище (cimitero) (1188—ок. 1200). К пизанской архитектуре тяготеют также главнейшие сооружения Лукки—церковь S. Frediano (1147), собор (13 век), S. Michele (12—13 века, рис. 10). Для всей этой группы памятников типична декорировка фасада расположенными друг над другом арочными галереями. Тосканская пластика, как и ломбардская, выполняет чисто декоративные функции. И в Тоскане выделяются в это время имена индивидуальных

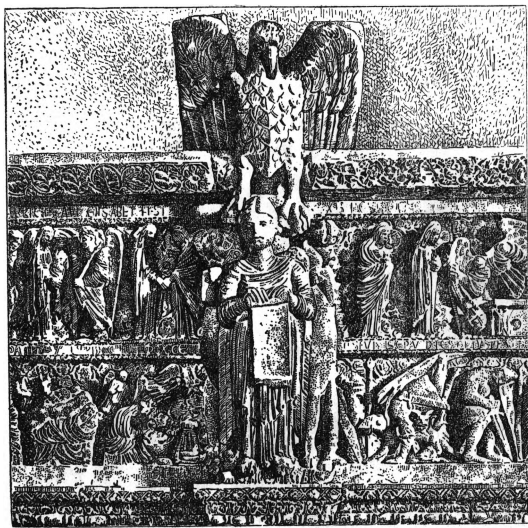

Рис. 11. Мастер Гульельмо. Кафедра собора в Кальяри.

мастеров (Гульельмо, 1159—62—кафедра собора в Кальяри, рис. 11; Груамонте, 1162—кафедра в S. Sepolcro около Лукки, 1167—архитравы двери в S. Andrea в Пистойе; Бонанно, 1180, 1186—бронзовые двери соборов в Пизе и Монреале; Гвидетто, ок. 1204—украшения фасада S. Martino в Лукке и др.), перерабатывающих византийские и ломбардские влияния в оригинальный стиль. Широчайшее распро-

странение получает в Тоскане с конца 12 века иконопись, стоящая под сильным воздействием

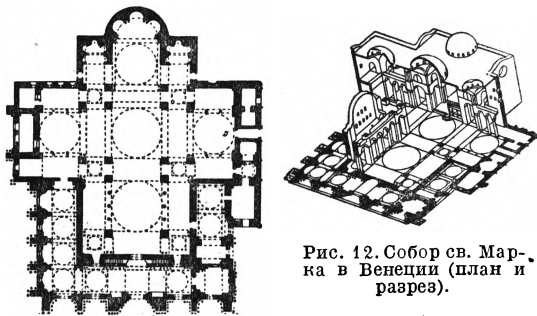

Рис. 12. Собор св. Марка в Венеции (план и разрез).

Византии. В Лукке, Пизе, Флоренции, Сиене образуются свои собственные школы, выпускающие в огромном количестве изображения

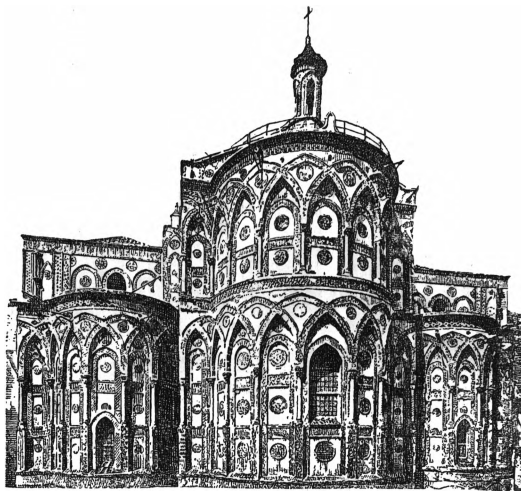

Рис. 13. Апсиды собора в Монреале.

мадонн, житийные иконы и большие распятия. Ведущие мастера—Бонаventura Берлингеры (упоминается в 1228) в Лукке, Гвидо да Сиена (упоминается в 1221) в Сиене и Джунта Пизано (упоминается в 1229—55) в Пизе. Во Флоренции баптистерий украшается с 1225 обширным мозаичным циклом,

исполняемым местными и венецианскими художниками под руководством заезжих греков. Благодаря завоеванию крестоносцами (в 1204) Константинополя Италия в 13 в. буквально наводняется грец. эмигрантами, заносщими с собою византийские формы, которые пользуются большим успехом в феодальных кругах, усматривающих в них своеобразное «противоядие» против нарастающей волны бур-

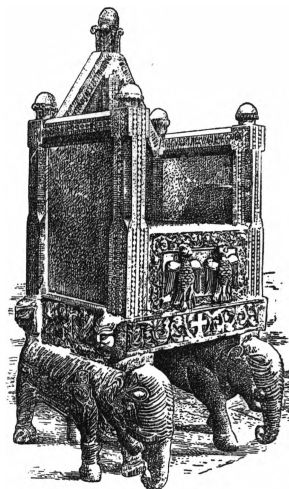

Рис. 14. Мастер Ромоальдо. Епископское кресло. Собор в Каноза.

в них своеобразное «противоядие» против нарастающей волны бур-

жуазного реализма. Особенно глубокий отклик нашли византийские влияния в Венеции и Южной Италии, поддерживавших обширные торговые связи с Востоком. В Венеции возводится между 1063 и 1095 знаменитый собор св. Марка (рис. 12), построенный

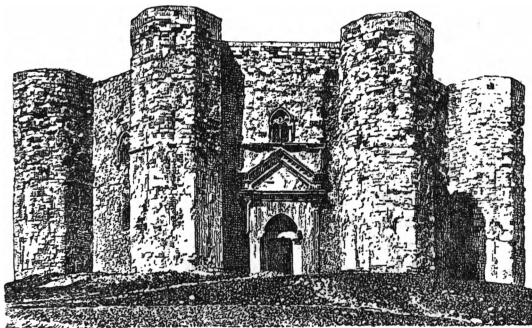

Рис. 15. Castel del Monte. Замок Фридриха II.

в подражание константинопольскому храму «св. апостолов» и перекрытый пятью куполами. В декорировании его мозаиками (табл. I) и скульптурами подвизались многочисленные мастерские мозаичисты и скульпторы, среди которых видную роль играли греки. Немало византийских черт имеют также соборы в Торчелло и Мурано (первая половина 12 в.), украшенные великолепными мозаиками. Широкая волна византийских влияний проникла и в Юж. Италию, где она столкнулась с традициями мусульманского, ломбардского, пизанского и бургундского искусства. В Сицилии возводится ряд монументальных сооружений [Santa Maria dell'Ammiraglio (1147), Capella Palatina (1140) в Палермо; соборы в Чефалу (1131—1148), Палермо (1169—85) и Монреале (1174—89), рис. 13], прославившихся своими мозаиками византизирующего стиля. На материке также строится большое количество церквей, среди которых выделяются соборы в Капуе (1120), Салерно (11 в.), Равелло (с 1081), Амальфи (с 1204), Тройе (1093), Битонто (12—13 вв.), Трани (13 в.), S. Nicola в Бари (конец 11 в.—12 в.) и храм S. Angelo in Formis ок. Капуи, возведенный аббатом Монтекассинского монастыря Дезидерием (1058—87) и украшенный обширным фресковым циклом. Почти все здания имеют богатую скульптурную декорировку. Особенно интересны резные перегородки, кафедры, канделябры, епископские кресла (рис. 14) и кивории, равно как и бронзовые двери (напр., двери в Тройе, 1119—27; Трани, ок. 1160, и Равелло, 1179). На западном побережье Италии к скульптурным украшениям присоединяется цветная инкрустация (собор

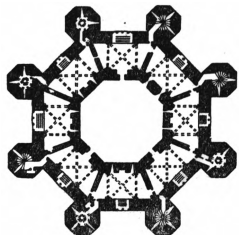

Рис. 16. План замка Фридриха II.

в Салерно). Высшей точки развития скульптура Южной Италии достигает в Апулии при дворе Фридриха II (1212—50). Культивируемые Фридрихом II антиклерикальные, чисто светские тенденции нашли себе особенно яркое выражение в возведенных им замках и крепостях [Lagopesole, Gravina, Castel del Monte

(рис. 15, 16), Lucera и др.] и в многочисленных скульптурах (лучшие из них хранятся в Museo Campano в Капуе; рис. 17), отличающихся настолько подчеркнутой «классичностью», что их долгое время принимали за работы античных мастеров. По сравнению с искусством других областей Италии искусство Рима и Умбрии не выдвигает ничего оригинального. В Риме попрежнему крепко держатся ранне-христианские традиции, накладывающие глубокий отпечаток на возводимые церкви (напр., San Clemente, начало 12 в.; S. Maria in Trastevere, ок. 1139). Много интереснее

Рис. 17. Аллегория Капуи. Museo Campano. Капуя.

открытые дворцы при монастырях, примыкающих к базиликам (S. Giovanni in Laterano, 1222—1230; San Paolo fuori le mura, 1220—41). В декорировке фигурирует не только скульптура, но и цветная мозаичная инкрустация, связанная с деятельностью ряда поколений семейства Косматов (с конца 11 века). Среди довольно многочисленных монументальных росписей романского стиля выделяются фрески в San Clemente (ок. 1080), Santi quattro coronati (1246) в Риме и Sacro Speso (1228) в Субиако, равно как и мозаики в Santa Maria in Trastevere (ок. 1145) и San Clemente (1099—1118) в Риме.

Готика (вторая половина 13 в.—ок. 1400). Целый ряд специфических обстоятельств был причиной быстрого разложения феодализма в Италии, на почве которой ранее, чем в какой-либо другой европейской стране, впервые зародились капиталистические отношения. Развитие торговли и промышленности привело к стихийному росту городов, среди которых выдвинулись Пиза, Лукка, Сиена, Генуя, Венеция и особенно Флоренция—этот главный центр буржуазной культуры, откуда последняя стала

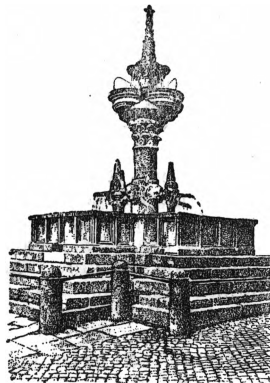

Рис. 18. Большой фонтан в Витербо.

просачиваться, по мере укрепления буржуазии, и в другие города Италии. Однако, поскольку экономическое развитие отдельных итальянских областей было крайне неравномерно, постольку и победа буржуазного реализма над идеалистическими традициями старого, феодального искусства была далеко не повсеместной. Там, где буржуазия добила господствующего положения (как, напр., во Флоренции), реализм пустил наиболее глубокие корни. Но в 13—14 вв. итальянская буржуазная культура была еще слишком слаба, чтобы выработать свой собственный стиль во всех областях искусства. Лишь в живописи (Джотто) и отчасти в скульптуре (Н. Пизано) удается ей утвердить свою идеологию, в водче-

стве же она культивирует готические формы, занесенные в Италию из феодальных городов Франции и рассматриваемые в эту эпоху как наиболее модные и передовые. Буржуазия отдавала тем самым дань идеологии постепенно

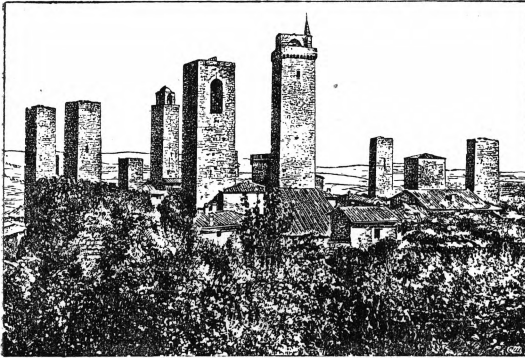

Рис. 19. Башни в Сан Джиминьяно.

вытесняемого ею класса, в руках которого еще продолжали находиться многие командные высоты.

Наряду с церквями, обязанными своим возникновением, гл. обр., деятельности нищенствующих орденов, в 13—14 вв. в большом количестве строятся общественные сооружения [ратуши, лоджии, суды, госпитали, фонтаны (рис. 18) и т. д.], возводимые городскими властями и цехами. Селящиеся в городах феодалы строят крепкие дворцы, своим общим видом нередко похожие на крепости (рис. 19). Все эти здания ярко отражают противоречия феодального города, ставшего ареной ожесточенной классовой борьбы. В готической конструкции полукруглая арка заменяется стрельчатой, пространство вытягивается в высоту, в фасаде доминируют вертикальные линии; благодаря богатому применению скульптуры, башенок, краббов и т. д. фасад приобретает беспокойный, живописный характер. Спокойный ритм романского стиля сменяется новым, полным порывистого движения ритмом готического стиля, к-рый в Италии получает, однако, ряд специфических черт. В итальянском зодчестве вертикаль никогда не достигает такого акцентированного преобладания, как во французской и немецкой архитектуре, что объясняется уравновешиванием ее горизонтальными полями. Стрельчатые арки лишены стремительности, почти всегда приближаясь к форме полукруглых арок. Конструктивный скелет никогда не выступает с такой остротой, как на севере. Окна не уничтожают стенных плоскостей, а пространство, лишенное типичного для готического стиля напряженного порыва, отличается своим спокойствием и ясностью. Во всех этих чертах сказывается влияние зарождающегося рационализма, получившего позднее свое полное выражение в архитектуре Ренессанса.

Готический стиль был занесен в Юж. Италию из Франции уже в самом начале 13 в. монахами цистерцианского ордена (церковь в Фоссагуова, 1208; монастырь в Casamagi, 1217). Несколько позднее он проник в Среднюю Италию (S. Galgano, ок. Сиены, 1227), причем его главными носителями были здесь доминиканцы и францисканцы. Среди построенных ими церк-

вей наиболее известны S. Francesco в Ассизи (1228—58), S. Maria Novella (1278—1350, рис. 20) и S. Croce (около 1295—архитектор Арнольфо ди Камбио) во Флоренции. Одновременно в готическом стиле возводятся и соборы, постройка к-рых растягивается обычно на многие десятилетия (Сиенский собор, 1259—1372; собор в Орвьето, начат ок. 1285, рис. 21; собор Santa Maria del Fiore во Флоренции, начат постройкой в 1296—арх. Арнольфо, окончен в 15 в.). Среди римских готических сооружений выделяется Santa Maria Sopra Minerva (1280). В Северной Италии, где готический стиль приобретает свой специфический отпечаток, также строится ряд великолепных церквей, нередко отличающихся особенно большими размерами и монументальностью замысла [San Francesco (1246—61) и S. Petronio (с 1388) в Болонье, S. Antonio в Падуе (1232—1307), S. Giovanni e Paolo в Венеции (с 1333), собор в Милане (с 1386)]. Готические элементы находят себе параллельно доступ и в светскую архитектуру, быстро видоизменяя чисто крепостной характер тяжелых романских сооружений, принимающих более легкие пропорции [Palazzo Vecchio (1299—1301—архитектор Арнольфо) и Loggia dei Lanzi (14 в.) во Флоренции, многочисленные дворцы в Сиене, Флоренции, Орвьето (рис. 22), Перудже, Palazzo Pubblico в Кремонне (1245), дворец дождей в Венеции (1310—1438, рис. 23), Palazzo della Ragione в Падуе (1192—1270)].

Если итальянское зодчество 13—14 вв. целиком зависит от образцов франц. готики, то в области скульптуры и живописи итальянцы вступили уже в это время на вполне самостоятельный путь развития. Первым скульптором, в произведениях которого реалистические тенденции нашли себе вполне четкое выражение,

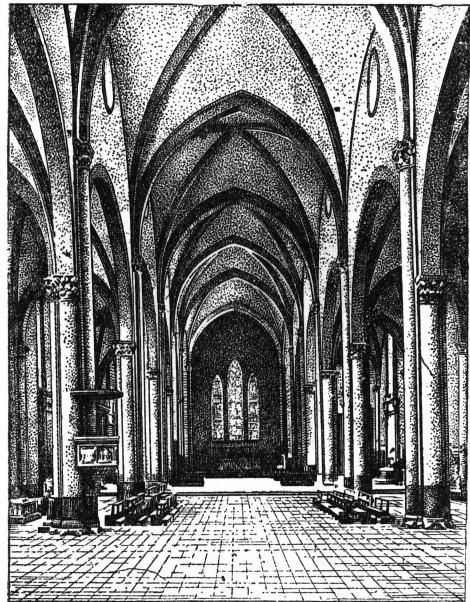

Рис. 20. Внутренний вид церкви S. Maria Novella во Флоренции.

был знаменитый Никколо Пизано (см.), занесший антиквизирующий стиль апулийской пластики на тосканскую почву. Его кафедры в Пизанской крещальне (около 1260, рис. 24) и

Перенесение тела св. Марка. Мозаика. Фасад церкви св. Марка в Венеции.
Третья четверть 13 в.

А. Лоренцетти. Группа граждан из аллегории «Доброе правление».
Сиена.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО. II

М а з а ч ч о . А п о с т о л П е т р р а з д а е т м и л о с т ы н ю б е д н ы м .
Капелла Бранкачи в церкви Кармине. Флоренция.

А н д р е а д е л ь К а с т а н ь о . П о р т р е т Ф а р и н а т а д е л ь У б е р т и .
Музей Santa Apollonia. Флоренция.

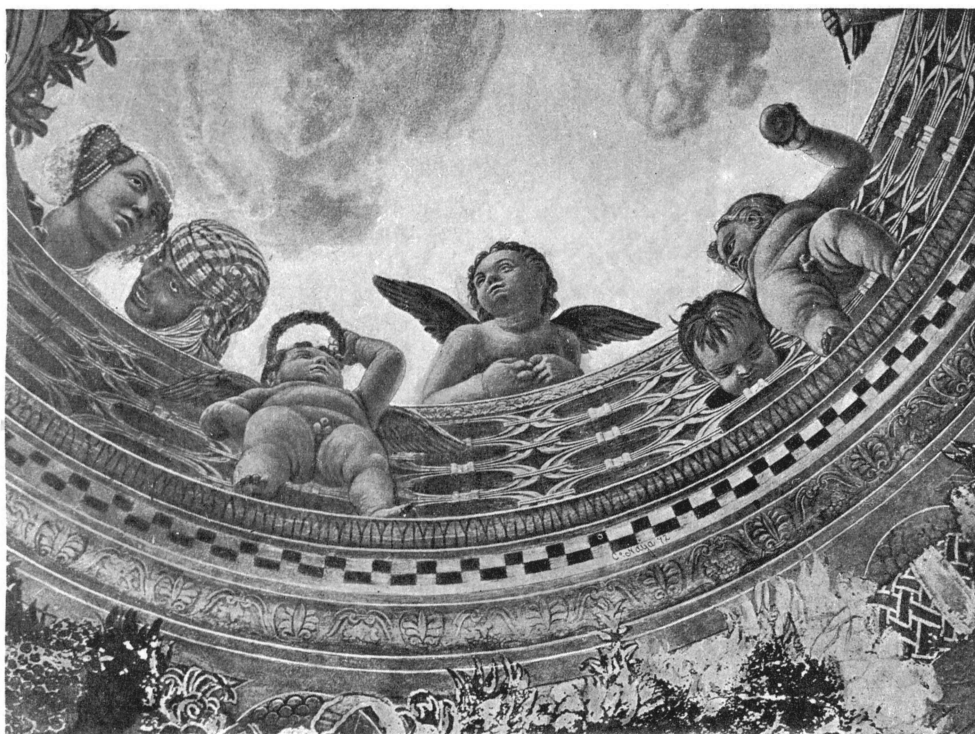
ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО. III

Фра Филиппо Липпи. Мадонна.
Уффици. Флоренция.

Доменико Венециано. Женский портрет.
Музей Польди-Пеццоли. Милан.

Мантенья. Деталь росписи потолка Camera degli sposi.
Мантуя.

Гирландайо. Рождение Иоанна Крестителя. Santa Maria Novella.
Флоренция.

Сиенском (1265—около 1268) соборе являются памятниками эпохального значения, в к-рых под сильным античным влиянием окончательно преодолевается старая условная плоскостная манера исполнения. Фигуры приобретают объем и пластическую сочность, своим цветущим видом святые уподобляются античным божествам, на лицах лежит печать особого спокойствия, одеяния ниспадають классическими складками, религиозные изображения окрашиваются в светские тона. Этот стиль Никколо Пизано был лучше всего усвоен его учеником Арнольфо ди Камбио (1232—1301/02), особенно прославившимся как архитектор. В позднейших работах Н. Пизано готика начинает играть все более видную роль, что дает о себе знать в нарастающей эмоциональности и в усилении декоративных тенденций. У Джованни Пизано (около 1250—ок. 1328) готические влияния становятся ведущим началом: фигуры изгибаются, усложняется ритмика линий, главный акцент ставится на эмоциональных переживаниях. Аналогичная картина наблюдается и у таких скульпторов, как Андреа Пизано (1273—1348/49), Андреа Орканья (упоминается в 1344—77) и Тино да Кампиано (ум. 1337). В их произведениях дается тот своеобразный сплав готических и национально-итальянских элементов, который характеризует всю скульптуру треченто. Из Тосканы антикизирующий стиль Н. Пизано был занесен в Южную и Северную Италию, где он столкнулся с местными, преимущественно готизирующими традициями, в результате чего здесь сложились свои собственные школы, достигшие особого расцвета в Милане (Джованни ди Бальдуччо), в Вероне (семейство Кампионе, Андриоло де Санктис — знаменитые гробницы Скала) и в Венеции (семейство Санти, братья делле Массенья).

Итальянская живопись 13—14 веков пребывает до реформы Каваллини и Джотто под сильнейшим византийским влиянием. Наиболее крупным византизирующим мастером был флорентинец Чимабуэ (упоминается в 1272—1302), несмотря на ряд новшеств, принципиально оставшийся на позиции старого идеалистического стиля, базировавшегося на плоскостной трактовке фигур и пространства и на акцентировке изощренного линейного ритма. Разрыв с византийской традицией впервые намечается у римского мастера Пьетро Каваллини (упоминается в 1273—1308), почерпнувшего ряд творческих импульсов из тех памятников ранне-христианской живописи, которые были еще насквозь проникнуты античным духом. Отсюда Каваллини заимствовал классические типы

своих апостолов, чисто античные драпировки, богатую светотеневую моделировку. К Каваллини непосредственно примыкает знаменитый флорентийский художник Джотто (см.) (1276—1337) — этот подлинный родоначальник буржуазного реализма. Его прославленные росписи падуанской Капеллы дель Арена яви-

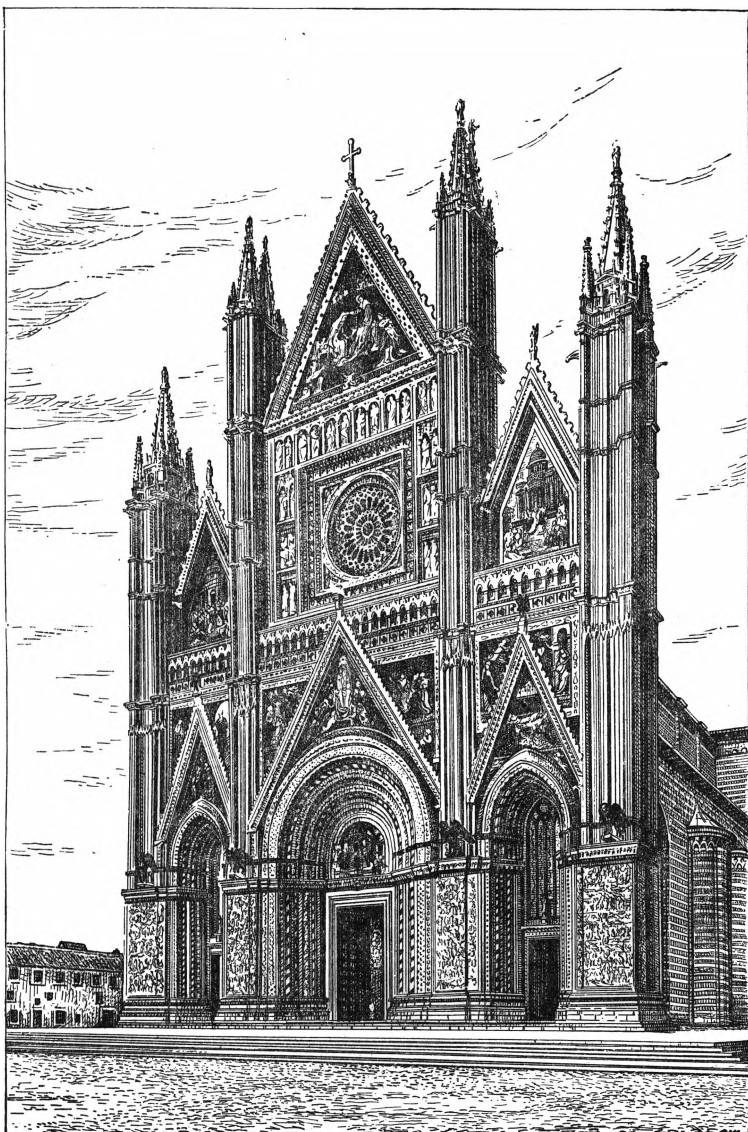

Рис. 21. Собор в Орвьето.

лись своеобразной школой новой живописи для большинства итальянских мастеров 14 века. В них с предельной убедительностью была сформулирована художественная программа наиболее передового для того времени флорентийского искусства (см. *Флорентийская школа*); крепко стоящие на ногах, тяжелые, приземистые, объемные фигуры располагаются в реальном трехмерном пространстве, повышенная эмоциональность готического стиля уступает место глубочайшему интеллектуализму, евангельский рассказ получает светское истолкование, элементы идеализации, хотя и продолжают играть значительную роль, утрачивают тем не менее то ведущее значение, к-рое им принадле-

жалю в феодальном искусстве. Влияние Джотто распространилось далеко за пределы его родного города. Во Флоренции по его стопам идут в 14 в. почти все художники, справедливо заслужившие кличку «джоттесков». Не в силах

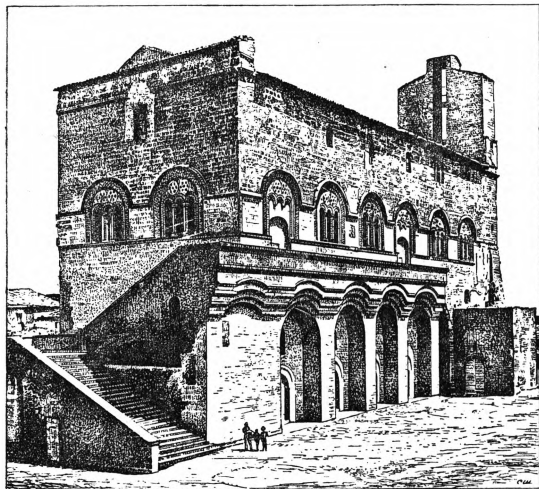

Рис. 22. Палаццо Capitano del Popolo в Орвьето.

удержаться на высочайшем уровне его искусства, они либо склоняются к более мягким и лирическим сиенским формам (Б. Дадди, А. Буонайути, Нардо ди Чьоне), либо подпадают под волну готических влияний, особенно усилившуюся к концу 14 в. (Росселло ди Якопо Франки, Л. Монако, Парри Спинелло). В наиболее чистом виде джоттовские традиции сохранились в произведениях Т. Гадди, т. н. Мазо-Джоттино, А. Гадди, Д. да Милано и Спинелло Аретино. Рядом с передовой Флоренцией видное место среди живописных школ Италии периода треченто занимает Сиена, где аристократия сумела удержать многие из своих старых позиций. Этот именно факт объясняет живучесть готической традиции на сиенской почве, равно как и в высокой мере компромиссный характер сиенского реализма, окрашенного в глубоко эмоциональные тона, проникнутого тонким

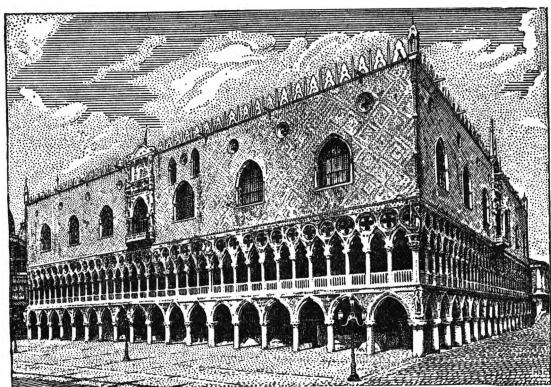

Рис. 23. Палаццо дожей в Венеции.

лиризмом и выдающего неизменную тенденцию к чисто орнаментальному изяществу. Все эти черты уже достаточно ясно выступают у основателя сиенской школы Дуччо (ок. 1250—1319) (см. *Дуччо ди Буонинсенья*); они же дают о себе

знать и у таких мастеров, как С. Мартини и Л. Мемми, вплотную соприкоснувшихся с французской готикой. В творчестве братьев Лоренцетти явно пробивается буржуазная струя, но и она не в силах радикально обновить их изобразительный аппарат, прихотливым образом сочетающий в себе элементы жанра с элементами сказочного вымысла (табл. I). Из других живописных школ 13—14 веков следует назвать Пизу (Траинни, Губбио (Одеризи), Модену (Томмазо да Модена), Венецию (Л. Венециано, Maestro Paolo), Падую (Гварьенто, Джусто), Неаполь (Р. Одеризи) и особенно Верону, где работали два оригинальных мастера, сделавших значительный шаг вперед на путях завоевания реализма — Альтикьеро и

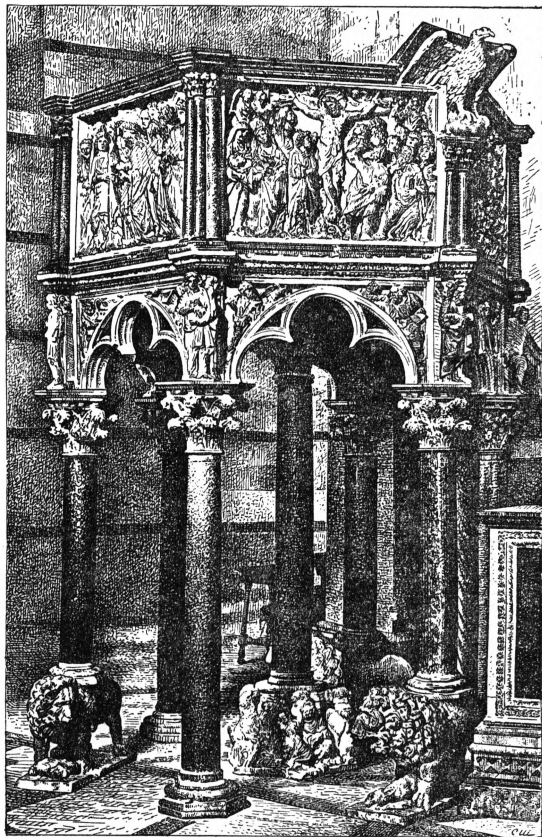

Рис. 24. Н. Пизано. Кафедра крестильни в Пизе.

Аванцо. В 13 веке виднейшую роль играл Рим, выдвинувший помимо Каваллини таких художников, как Я. Торрити и Ф. Русutti, в произведениях которых византийская традиция уступает место антикизирующей манере. Мастера римской школы работали в верхней церкви в Ассизи (знаменитый цикл св. Франциска), в Неаполе и в Романье, где их верными последователями было семейство Римини.

Помимо станковой и монументальной живописи в 14 веке, весьма большого развития достигает книжная иллюстрация и живопись по стеклу, которая не получила, однако, в Италии такого расцвета, как в Северной Европе, где огромные оконные пролеты готических соборов нуждались в украшении их сложными витражами.

Возрождение, или Ренессанс (15 в. — начало 16 в.). Искусство 14 в., несмотря на его реалистич. тенденции, остается еще во многом связанным с чисто идеалистическими традициями Средневековья. Реалистические течения 14 в. эпизодичны, а главное, глубоко компромиссны: при отдельных, реалистически трактованных деталях художественный образ в целом носит условный, идеализированный характер. В 15 в. экономические позиции буржуазии настолько развиваются и укрепляются, что она уже в состоянии выдвинуть в области искусства самостоятельную идеологию. Отныне ведущим лозунгом становится реализм, прозывающий собой все элементы художественного изображения. Однако, это передовое реалистическое мировоззрение побеждает далеко не во всех областях Италии, т. к. оно постоянно наталкивается на противодействие старых готических традиций, культивируемых в феодальных кругах. Поэтому общая картина развития крайне осложняется. Наряду с передовым реалистическим направлением, исходным пунктом к-рого является Флоренция—этот крупнейший промышленный центр Тосканы, — в ряде городов (нак, напр., в Сиене, Ферраре, Неаполе и др.) процветают готизирующие течения, проникнутые глубоким субъективизмом и повышенной религиозностью. К концу 15 в. эти течения окончательно растворяются в победившем к этому времени ренессансном реализме, к-рый в своем развитии проходит через два основных этапа: в 15 в., в период т. н. Раннего Возрождения, реализм отличается еще несколько раздробленным, аналитическим характером, в 16 в., в период т. н. Высокого Возрождения, реализм становится более обобщенным, принимая отпечаток величественной монументальности.

Раннее Возрождение (15 в.). В 15 в. искусство все решительнее выходит из-под опеки религии, порывается столь характерная для средневековой схоластической мысли связь между добром и красотой. Архитектура, живопись и скульптура разрешают отныне целый ряд чисто художественных задач, которые теоретики Возрождения стремятся сформулировать научно. Отсюда—повышенный интерес ренессансных мастеров к проблемам формы. Борьба за новую, специфически художественную форму, итальянская буржуазия тем самым боролась за самостоятельную светскую культуру, за независимость от этики и религии эстетику, за право преклонения перед чувственной красотой, систематически подвергаемой остракизму «отцами» церкви. Безграничный интеллектуализм молодой буржуазной мысли толкал на создание сотни трактатов, в к-рых «законы» художественной формы обосновывались научным, математическим путем. Все искусство окрашивается в интеллектуалистические тона. Оно призвано прославить силу человеческого разума и индивидуальную личность. Банкиры, купцы, кондотьеры и тираны возводят в огромном количестве церкви и дворцы, заказывают картины и надгробные памятники, украшают свои жилища роскошной мебелью и тканями. Каждое произведение искусства является для них своеобразным средством удовлетворения личного тщеславия. Широчайшее развитие получает портрет, фиксирующий индивидуальные черты заказчиков. В связи с быстрым ростом индивидуального потребителя живопись и скульптура приобретают самостоятельный

характер, отделяясь от архитектуры. На путях создания реалистического стиля античное наследие, как наиболее созвучное эпохе, используется в небывало широком масштабе, способствуя окончательному разрыву художеств. формы с готической традицией. Разложение цехового строя раскрепощает личность художника, нередко отличающуюся большой разносторонностью. Среди огромного количества локальных школ главное место принадлежит

Рис. 25. Брунеллески. Внутренний вид церкви San Spirito во Флоренции.

Флоренции, на почве к-рой были впервые сформулированы принципы нового реалистич. стиля. Стиль Возрождения сложился ок. 1420 во Флоренции, в небольшом кругу художников (Брунеллески, Донателло, Мазаччо), являвшихся идеологами наиболее передовой европейской буржуазии того времени. Антагонистичный готике, этот стиль черпал главные импульсы для своего развития из римского зодчества и из архитектуры проторенессанса (см. выше), сохранивших в особенно чистом виде некоторые из античных традиций. В противовес предшествующей эпохе ведущим типом здания становится палаццо—дворец для индивидуального жилья. На эту светскую архитектуру целиком ориентируется церковное зодчество. Стиль характеризуется особой легкостью пропорций и крайней простотой в организации пространства и в членении фасада. Равномерно освещенное пространство строится по принципу суммирования изолированных, замкнутых в себе, обладающих центральной точкой небольших пространственных единиц, в пределах к-рых человек чувствует себя особенно устойчиво и гармонично. Фасад лишен напряженной динамичности. Он разбит на простые, прямые линии (карнизы, пилястры), образующие строго рационалистическую систему пропорций. В фасаде, в силу его подчеркнутой плоскостности, отсутствует беспокойная игра светотени. Прозрачные лоджии и галереи придают особую воздушность внутреннему двору. Всюду доминируют элементы покоя и гармонической уравновешенности, все здание проникнуто счастливым, радостным настроением, которое выражает идеологию восходящего, молодого класса.

Основоположником ренессансного стиля в архитектуре был знаменитый флорентийский зодчий Филиппо Брунеллески (см.) (1377—1446). Он первый освободил архитектуру от засилья

религиозных идей, создав глубоко рационалистическую, претендовавшую на автономное художественное бытие систему пропорций, поражающую своей замечательной легкостью (рис. 25). По стопам Брунеллески идут Микелоццо ди Бартоломео (1396—1472) и Д. да Майяно (1432—90). Вполне самостоятельное место в флорентийском зодчестве занимает Л. Б. Альберти (см.) (1404—72). Автор большого архитектурного трактата, Альберти первый принялся за систематическое изучение памятников римского зодчества. Отсюда он заимствовал тяжесть своих пропорций и акцентировку стены при помощи полуколонн. В любой постройке Альберти чувствуется та величественность в композиции масс, которая в 16 веке становится наиболее типичной чертой зодчества Высокого Возрождения. Среди более молодого поколения флорентийских архитекторов следует назвать Д. да Сангалло (1445—1516; рисунок 26) и С. Кронака (1454—1508).

Из Флоренции ренессансный стиль проник в остальные части Италии, причем он пускал глубокие корни лишь там, где существовали передовые буржуазные группировки. Почти

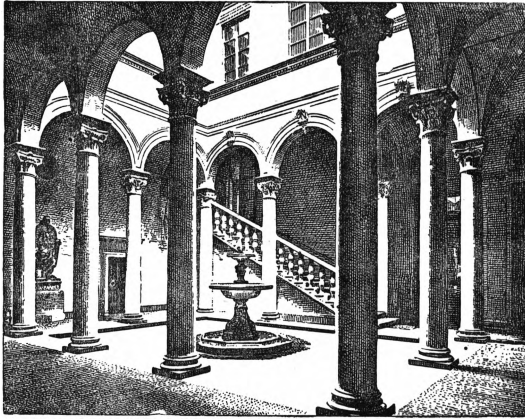

Рис. 26. Д. да Сангалло. Двор палаццо Гонди во Флоренции.

всюду этот стиль наталкивался на старые, антагонистичные ему готические традиции. В результате такого столкновения в ряде областей (особенно в Сев. и Юж. Италии) возникают здания, имеющие крайне компромиссный характер (эмоциональная декоративность готики с ее подчеркнутой вертикалью сочетается здесь с рационалистической системой пропорций Ренессанса, базирующейся на преобладании спокойных горизонтальных линий). Среди итальянских городов в 15 веке особенно выдаются своими архитектурными памятниками Сиена [Ф. ди Д. Мартини (1439—1502), Д. Коццарелли (1453—1515), А. Федеричи (около 1430—92)], Урбино [знаменитый Л. Лаурана (ум. 1479)], Милан [А. Филарете (ок. 1400—69), Д. Омодео (1447—1522), Д. Д. Дольчебуоно (около 1440—1506) и создатель стиля Высокого Возрождения Д. Браманте (1444—1514)], Болонья, Феррара (Б. Россетти), Венеция (семейство Буон, М. Кодуччи, семейство Ломбарди, А. Рицци), Верона [Фра Джокондо (около 1435—1515; рисунок 27)] и, наконец, Рим, сравнительно поздно воспринявший ренессансные формы, которые культивировались исключительно связями архитекторами.

Ту роль, к-рая в зодчестве выпала на долю Брунеллески, в скульптуре выполнил *Донателло* (см.) (1386—1466). На путях создания нового реалистического стиля ему пришлось,

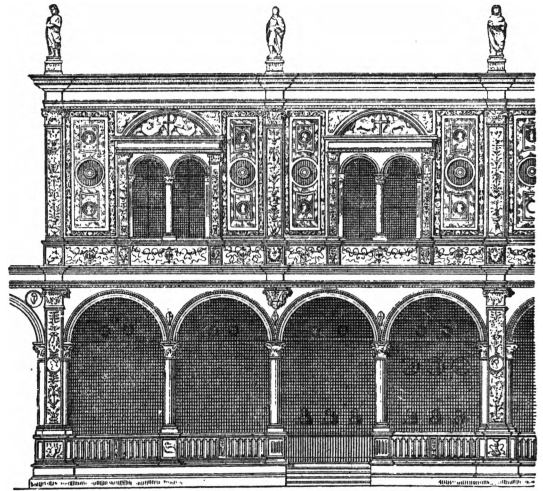

Рис. 27. Фра Джокондо. Лоджия del Consiglio в Вероне.

так же как и Брунеллески, вступить в решительную борьбу с теми готизирующими течениями, к-рые в начале 15 в. были крайне сильны во Флоренции (работы А. ди Банко, Н. Ламберти, Н. ди Банко) и с к-рыми были еще во многом связаны даже такие наполовину ренессансные мастера, как Л. Гиберти (1381—1455) и сиенец Я. делла Кверча (1374—1438), долгое время продолжавшие культивировать изысканно-манерную готическую линию. Обращаясь к изучению природы и широко используя античное наследие, Донателло вырабатывает реалистический стиль, преодолевающий условный декоративизм готики и ее повышенную эмоциональность. Он создает образы редкой силы, прославляющие в героизированной форме творческую мощь индивидуальной личности. Воплотив в своих произведениях развернутую художественную программу Ренессанса, Донателло естественно оказал сильнейшее влияние на современных ему скульпторов. По его стопам идут Лука (1400—82), Андреа (1435—1525) и Джованни делла Роббиа (1469—1529), применявшие в своих статуях технику

Рис. 28. Д. да Сеттиньяно. Портрет М. Строчи. Берлинский музей.

цветной поливы, Б. Росселлино (1409—64), усовершенствовавший форму стеной гробницы, Дезидерио да Сеттиньяно (1428—64; рис. 28) и Мино да Фьезоле (1431—84), достигшие виртуозности в извлечении тончайших живописных эффектов из мрамора, А. Росселлино (1427—78; рис. 29) и Б. да Майяно (1447—97; рис. 30), создавшие ряд реалистически трактованных портретов. От поздних работ Донателло отправляются

Агостино ди Дуччо (1418—81) и Бертольдо ди Джованни (ок. 1420—91)—автор прекрасных бронзовых статуэток. В бронзовой технике работают преимущественно и Антонио Полайоло (1429—98) и А. Верроккьо (1436—88; рис. 31), произведения к-рых выдают несколько манерное изящество, импониравшее утонченным вкусам неуклонно перерождавшейся в патрициат флорентийской буржуазии. Реалистическая реформа Донателло нашла широкий отклик в Италии. Из Флоренции и Падуи, где долгое время работал Донателло, его стиль был занесен почти во все итальянские города, причем в большинстве этих городов он сталкивался со старыми, отличающимися большой силой сопротивляемости готическими традициями, в результате чего возникал целый ряд

Рис. 29. А. Росселлино. Гробница кардинала Португальского в San Miniato во Флоренции.

компромиссных стилистических образований. В Лукке работает М. Чивитале (1435—1501), в Милане—Карадоссо, в Генуе—семейство Гаджини, в Вероне—прославленный медальер и острый портретист Пизанелло (1396/37—1450) и его ученик Маттео де Пасти, в Падуе—Б. Беллано (1430—98) и А. Риччо (1470—1532), в Мантуе и Болонье—Сперандио (ок. 1425—1495), Н. дель Арка (ок. 1440—94), В. Оноффри, в Модене—замечательный натуралист Гвидо Маццони (1450—1518), в Венеции, особенно долго не порывавшей связи с готикой,—семейства Буон и Ломбарди и А. Леопарди (ум. 1522), в отсталом Риме—далматинец Д. Далмата (ок. 1440—1506) и ломбардец А. Бреньо (1421—1506), в Юж. Италии—представители семейства Гаджини и Ф. Лаурана (1423—1502). Все эти мастера наряду с отдельными статуями и бюстами создавали великоленные гробницы и участвовали в декоративном украшении церквей и дворцов, отличающихся, начиная с 15 в., все большей роскошью и богатством.

В живописи принципы ренессансного реализма были впервые четко сформулированы в произведениях флорентийца Мазаччо (см.) (1401—28). Как и его соратникам, Брунеллески и Донателло, Мазаччо пришлось вступить на путь решительного преодоления готических пережитков, отличавшихся в нач. 15 века большой живучестью не только в Средней Италии [умбрийцы Лоренцо и Якопо да Сансеверино, О. Нелли, Д. да Фабриано (1370—1428)], но и в самой Флоренции [Монако, Мазолино (1383—1447), отчасти П. Учелло (1397—1475)].

Рис. 30. Б. да Майяно. Портрет П. Меллини. Национальный музей во Флоренции.

Художественная программа Мазаччо сводилась к изображению героизированного индивидуального человека, тело которого трактовано согласно всем правилам анатомии в реальном трехмерном пространстве, построенном на точнейшем знании перспективы (табл. II). В этой программе субъективно-психологические моменты совершенно отступают на второй план. Центр тяжести перенесен на антиквизирующую-пластическую проработку фигуры, на упрощение ее контуров, на предельно ясное выявление избранных эпизодов, даваемых в строгой причинной связи, на упорядочение математически-правильных композиций, на объединение разрозненных элементов при помощи света и краски, на монументализацию образов в целях усиления их художественной убедительности.

В знаменитых росписях Мазаччо в капелле Бранкаччи все эти моменты выступают в крайне наглядной форме. В работах современников Мазаччо и целой плеяды более поздних флорентийских живописцев эти моменты получают дальнейшее развитие и уточнение. Фра Филиппо Липпи (ок. 1406—69, таблица II) и Бенедикто Гоццолли (1420—98) стирают грани между бытовой сценой и религиозной композицией, трактуя последнюю в чисто жанровом духе, Андреа дель Кастаньо (ок. 1410—1457; таблица II) уделяет главное внимание пластич. моделировке фигуры, создавая образы огромной силы и мощи, Д. Венециано (ок. 1400—61; табл. III) разрабатывает проблему гар-

Рис. 31. Верроккьо. Давид. Национальный музей во Флоренции.

монически построенного колорита, П. Учелло (1397—1475) стремится уточнить законы перспективы, А. Бальдовинетти (1425—99) усовершенствует рецептуру лаков и обогащает свои фрески и картины богатыми ландшафтными фонами, Д. Гирландайо (1449—94) пишет эпические фресковые циклы, наполненные портретами современников и прославляющие флорентийскую буржуазию (табл. IV). Несколько особое место занима-

ют в кругу флорентийских живописцев доминиканский монах Фра Анжелико (1387—1455) и Пезеллино (1422—57), не порывающие резко с традициями треченто, но в то же время пытающиеся ассимилировать целый ряд завоеваний современного им реалистического искусства. Со второй половины 15 в. флорентийская живопись обнаруживает новые тенденции. Быстро перерождающаяся в финансовый патрициат буржуазия не довольствуется более простыми реалистическими формами начала века; она требует от искусства особой утонченности и изощренности, в связи с чем в тематике всплывают сложные мифологические сюжеты, а стиль развивается в сторону декоративного линеализма и несколько манерной хрупкости и изящества. Одновременно в искусстве нарастает мистическая волна, впитывающая в себя немало поздних готических пережитков. Знаменитый Сандро *Боттичелли* (см.) (1446—1510)—наиболее яркий представитель этого направления, с к-рым также следует связывать таких мастеров, как Филиппино Липпи (ок. 1459—1504), Пьеро ди Козимо (1462—1521) и отчасти Антонио (1429—98) и Пьеро Поллайоло (1443—96), уделяющих главное внимание проблеме движения. В произведениях А. Верроккьо (1435—88), Б. Майнарди (ум. 1513), Ф. Граначчи (1469—1543), Ф. Боттичини (1446—97) и Лоренцо ди Креди (1459—1537) реалистические традиции первой половины 15 в. хотя и приобретают более обобщенную форму, сохраняют тем не менее целиком свою интеллектуалистическую, лишнюю повышенного эмоционализма основу.

Из Флоренции передовая живописная манера была занесена в Среднюю, Южную и Северную Италию, где в большинстве областей и городов были крайне сильны готические традиции, связанные с феодальными кругами, к-рые отстаивали свою старую культуру от натиска буржуазного реализма. Особой живучестью отличалась готика в Сев. Италии, куда легко прокладывали себе путь французские влияния. Д. де Грасси, Микелино да Безоццо и братья Дзаваттари в Милане, Спанцотти в Пьемонте, Стефано да Дзевно (ум. 1375) и Пизанелло (1397/98—1450) в Вероне, Ф. Скварчоне (1397—1474) и его ученики Г. Скьявоне (работал ок. 1440—1470) и М. Дзоппо (работал ок. 1465—98) в Падуе—все эти мастера культивировали чисто готические формы, к-рые долго держались также и в Умбрии (Бонфильи, Алуинно). Феррара почти на протяжении всего 15 века не порывала связи с готикой [К. Тура (1429/30—95), Ф. Косса (около 1438—80), Э. Роберти (около 1455—96)]. Отсталая Сиена с огромным упорством держалась за традиции треченто (Д. ди Бартоло, Сассетта, Джованни ди Паоло, Сано ди Пьетро, Маттео ди Джованни, Векьетта, Нероччо ди Бартоломео, Ф. ди Джорджо); консервативная Венеция вплоть до третьей четверти 15 в. была рассадником византизирующих и готизирующих форм (М. Джамбонно, Я. де Фьори, братья Виварини, К. Кривелли, Я. Беллини); на почве Вероны создавались лишь глубоко компромиссные произведения, сочетавшие в себе пережитки готики с рудиментами Ренессанса (Д. Мороне, Ф. Буонсиньори, Либерале да Верона). Только со второй половины 15 в. созревают в Средней и Сев. Италии, в связи с укреплением буржуазии, предпосылки для успешной экспансии ренессансных форм, центром распространения которых являлась

Флоренция. В Средней Италии главным опорным пунктом ренессансной живописи было искусство знаменитого Пьеро делла *Франческа* (см.) (около 1420—92), сыгравшего огромную роль в развитии ряда местных школ. Получив художественное образование во Флоренции, Пьеро делла Франческа дал совершенно оригинальную интерпретацию световой проблемы, отобразив в своих фресках и картинах пронизанную светом воздушную среду. От Франчески отправляются в Риме Мелоццо да Форли (1438—94), Лоренцо да Витербо (р. 1444) и А. Романо (упоминается в 1461—1508), в Умбрии—Л. Синьорелли (1450—1523) и П. Перуджино (1446—1524), в Венеции—родоначальник новой венецианской живописи (см. *Венецианская школа*) Джованни Беллини (ум. 1516) и недолго работавший здесь сицилиец Антонелло да Мессина (1430—79), усовершенствовавший технику масляной живописи и сочетавший в своих произведениях изумительную, чисто нидерландскую тщательность в выписывании деталей со специфически итальянской монументальностью образа. Пуская все более глубокие корни в Сев. и Средней Италии, ренессансный стиль выдвинул здесь немало интересных мастеров, из к-рых наиболее крупными являются: умбрийцы Фиоренцо ди Лоренцо (упоминается в 1463—1521) и Пинтуриккио (1454/55—1513), один из самых блестящих декораторов Возрождения, связанный с Падуанской школой А. Мантенья (1431—1506), доведший увлечение античностью до своеобразного культа и оказавший сильнейшее влияние на венецианских художников (табл. IV); болонцы Л. Коста (1460—1535) и Ф. Франча (1450—1517); ломбардцы В. Фоппа (ок. 1425—1515), Б. Бутиноне (около 1436—1507), Б. Дзенале (1436—1526), Боргоньоне (около 1460—1523), Б. Суарди (упоминается в 1503—36), уделявшие главное внимание проблемам перспективы и освещения; уроженец Виченцы Б. Монтанья (около 1445—1523).

Совершенно особое место в кругу итальянских школ 15 в. занимает Венеция. Ее мастера [Джентиле (около 1429—1507) и Джованни Беллини (ум. 1516), В. Карпаччо (упоминается в 1472—ок. 1526), Чима да Конельяно (1459—1517), В. Катена (ок. 1470—1531), А. Превитали (ок. 1480—1528) и др.] в противовес флорентийским художникам главный центр тяжести переносят на колорит, который достигает в их произведениях поразительной глубины и выразительности.

Высокое Возрождение (16 в.). Уже со второй половины 15 в. ясно намечается процесс перерождения буржуазии в патрицианского типа знать. Наступающий в Италии торговый и промышленный кризис ускоряет этот процесс. Основным объектом капиталовложения вновь становится земля. Приобретая землю, буржуазия постепенно усваивает навыки, вкусы и взгляды земельной знати. Художественная жизнь сосредоточивается гл. обр. в придворных кругах, искавших в искусстве утонченного интеллектуального наслаждения. От архитектуры требуют особой монументальности. Аналогичные задачи предьявляются и к скульптуре и живописи. Из картин и фресок исчезает все угловатое, жесткое, мелочное; отдельные натуралистические детали, нередко разбивавшие в 15 веке цельность общего впечатления, теперь объединяются и подчиняются единому композиционному замыслу, ком-

позиции приобретают уравновешенность и гармоничность, линии—большую плавность и закругленность, фигуры—торжественную важность и особую значительность, движения и позы—изящество и величественность; изображаемые на портретах лица представителей господствующего класса сильнейшим образом украшаются. Этот новый стиль, именуемый стилем Высокого Возрождения, сочетает в себе элементы буржуазного реализма с элементами дворянской идеализации, которые получают с годами все большее значение.

В итальянской архитектуре 16 в., сыгравшей огромную роль в истории всего европейского зодчества (особенно в его классицистической линии развития), формы утрачивают былую легкость и прозрачность. На смену им приходит величественный художественный стиль, пользующийся новыми приемами, которые направлены к достижению единства общего впечатления. Дробность деталей, типичная для 15 века, исчезает и уступает место особой монолитности композиционного замысла. Обнаруживается тенденция к объединению всех разрозненных частей пространства и к их подчинению единой оси. Здание ставится в определенную композиционную связь с ландшафтом, благодаря чему получают развитие архитектурные сады. Членение фасада также становится более монолитным. Детали теряют самостоятельное значение и сливаются со стеной, проработка которой приобретает особую импозантность. Некогда плоская стена получает сильно выработанную профилировку; пилястры и колонны развиваются в сторону все большей рельефности. В целом этот строгий,

Рис. 32. А. да Сангалло. Церковь Madonna di San Biagio в Монтепульчано.

величественный, полный особой значительности стиль включает немало тенденций, дальнейшее развитие которых логически приводит к образованию стиля барокко. Если в 15 в. ведущая

роль принадлежала Флоренции, то в 16 в. она целиком переходит к Риму—местопребыванию папы и тех богатейших дворянских и аристократических фамилий, к-рые его окружали.

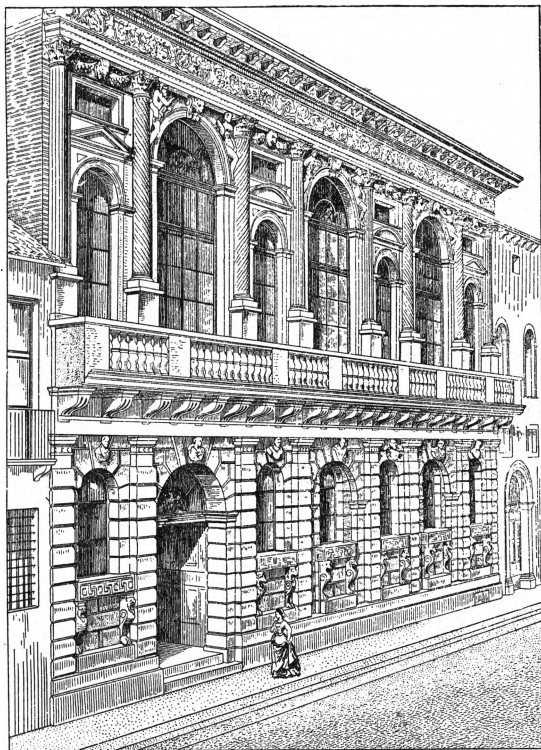

Рис. 33. Микеле сан Микели. Палаццо Беви-лакка в Вероне.

В Риме строили все наиболее видные зодчие [Рафаэль (1483—1520), А. да Сангалло Младший (1485—1546; рис. 32), Б. Перуцци (1481—1536), Д. Романо (1492—1546)] во главе с знаменитым Донато Браманти (см.) (1444—1514)—основоположником стиля Высокого Возрождения, в произведениях которого в наиболее чистом виде воплощена та идея величественности (*grandezza*), которая была центральным моментом всего римского зодчества. Из Рима новый стиль был занесен в другие города, где он получил ряд локальных оттенков. Наиболее выдаются своими архитектурными сооружениями Флоренция (Баччо д'Аньоло, 1462—1543), Верона (Микеле сан Микели, 1484—1559; рис. 33), Венеция (Я. Сансовино, 1486—1570), Генуя (Г. Алесси, 1512—72; рис. 34) и особенно Виченца, где работал крупнейший архитектор и теоретик 16 века Андреа Палладио (см.) (1518—80). Отправляясь от памятников поздне-римского зодчества, Палладио заимствовал отсюда тяжелые, торжественные формы и внушительные пропорции, которые он блестяще использовал при разработке фасада, играющего в его зданиях доминирующую роль (рис. 35). Работая на земельную знать Венеции и Виченцы, Палладио создал тип загородной виллы, как бы воплощающий в себе идеал этой эпохи—репрезентативную величественность. Не меньшее значение имела деятельность Палладио как теоретика. Его литературные работы, равно как и трактаты Серлио (р. 1475), Виньола (1507—73) и Скамоц-

пи (1552—1616), подробно анализирующие систему античных пропорций и ордеров, оказали огромное влияние на архитектурных теоретиков Франции и Англии, послужив основой для всей доктрины классицизма (см.).

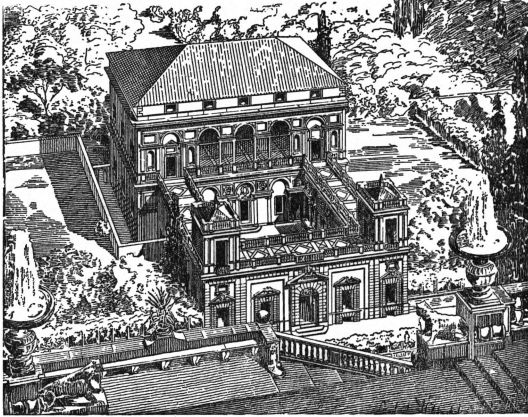

Рис. 34. Г. Алесси. Вилла Саули ок. Генуи.

Преодоление мелочного реализма кваттро-ченто в живописи впервые четко намечается в произведениях *Леонардо да Винчи* (см.) (1452—1519), создающих типические композиционные формулы, которые отличаются строгим геометризмом и глубоко продуманной упорядоченностью. Стремясь обогатить художествен. язык, Леонардо оживляет лица своих фигур улыбкой (табл. V) и прибегает к тончайшей светотеневой моделировке, скрадывая жесткость контуров и придающей им большую обобщенность. По стопам Леонардо идут во Флоренции Фра Бартоломео (1462—1517) и М. Альбертинелли (1474—1515), а в Ломбардии, где Леонардо прожил долгое время, целая плеяда мастеров, доводящих его манеру до приторной

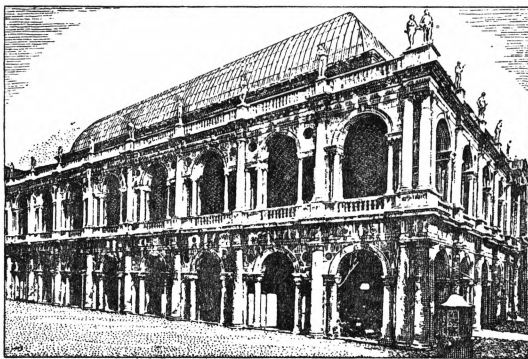

Рис. 35. Палладио. Так наз. Базилика в Виченце.

слащавости (Салаи, Мельци, А. Преда, Больтраффио, М. д'Оджоне, Ч. да Сесто, Луини, А. Соларио). Среди флорентийских художников, работающих в стиле Высокого Возрождения, выдаются Андреа дель Сарто (1486—1521), Франчабиджо (1482—1522) и Буджардини (1475—1554). С Флоренцией же частично связан и крупнейший живописец 16 в. умбриец *Рафаэль* (см.) (1483—1520), в наиболее чистом виде воплотивший центральную идею патрицианской культуры 16 века—идею импозантной величественности (*grandezza*). Переселив-

шись по приглашению папы в 1508 в Рим, Рафаэль стал здесь вскоре общепризнанным главой большой школы (Пенни, Д. Романо, Перино дель Вага, Перуцци), обслуживавшей папский двор и группировавшееся вокруг него патрицианское общество. Наряду с Римом, играющим в нач. 16 в. ведущую роль, крупнейшей школой этого времени является Венеция. Богатое, гедонистически настроенное патрицианское общество создает здесь своеобразную живописную культуру, полнокровную и жизне-радостную, красочную и яркую. Родоначальником новой живописной манеры был знаменитый *Джорджоне* (см.) (1478—1510), в произведениях которого светские тенденции начинают решительно преобладать над старыми церковными элементами, что сказывается в постепенном вытеснении религиозной тематики мифологическими сюжетами и в усилении удельного веса пейзажа. Письмо становится более мягким и живописным, колорит приобретает особую глубину. В произведениях *Тициана* (см.) (1477—1576) все эти сдвиги получают свое логическое завершение (табл. VII). Краски его сияют и искрятся подобно драгоценным камням, композиции строятся по живописному, свободному принципу, техника исполнения достигает изумительного совершенства, художественный образ в целом выделяется своим глубоко сенсуалистическим характером. Аналогичными чертами отмечено творчество *Веронезе* (см.) (1528—88), прославлявшего в полотнах огромного декоративного размаха величие и мощь венецианской республики. Рядом с этими двумя крупнейшими венецианскими мастерами выступает целая плеяда блестящих живописцев: Пальма Веккио (ок. 1480—1528), Д. Кариани (ок. 1480—1541), С. дель Пьомбо (1485—1547; табл. VII), Л. Лотто (1480—1556/57), Бонифаццо Питати (1487—1533), П. Бордоне (1515—1575), А. Скьявоне (до 1522—63), Б. Ветто (работал 1502—30) и др., в работах которых ведущие тенденции венецианского искусства получают классические формы выражения. После Венеции наиболее значительной живописной школой Сев. Италии была Бреша, на почве которой сложилось здоровое реалистическое искусство, питавшееся старыми ломбардскими традициями. Особенно интересуюсь проблемой освещения, брешанские художники—Савольдо (ок. 1480—1548), Моретто (1498—1555), Морони (ок. 1520—78) и тяготеющий к Венеции Романино (ок. 1485—1566)—умели обрабатывать свои фигуры при помощи энергичной светотени, придавая им крепкий, монументальный характер. Среди прочих итальянских школ 16 века следует еще отметить отсталую Сиену (Паккьяротти, Содомо), Верчелли (Д. и Г. Феррари), культивирующую «романтические» традиции дворянскую Феррару (Гарофало, Маццолино, Д. и Б. Досси, Д. да Карпи), эклектическую Верону (Торбидо, Карото, Каваццола, Бруссасорчи) и Парму, где работал прославленный *Корреджо* (см.) (около 1489—1534), несколько слашавое, изящное, формально заостренное искусство которого, базирующееся на тончайшей светотеневой моделировке, во многом послужило отправной точкой для периода барокко.

Центральной фигурой итал. пластики 16 в. и последним великим мастером Возрождения был гениальный *Микеланджело* (см.) Буонаротти (1475—1564). Прожив долгую жизнь, создав величайшие произведения в области живописи,

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО

Рафаэль. Мадонна среди зелени.
Венская картинная галерея.

Леонардо да Винчи. Мона Лиза Джоконда. Лувр. Париж.

скульптуры и архитектуры, в к-рых он проявлял силу и мощь человеческой личности, раскрепощенной от феодальных оков (рис. 36 и табл. VI), Микеланджело оставил глубокий след в развитии искусства 16 века. От поздних произведений Микеланджело, отразивших кризис Возрождения и во многом предвосхитивших художественную программу *барокко* (см.), целиком отправляются маньеристы (см. ниже), чисто внешне усваивающие лежащие в их основании художественные приемы, а его ранним работам подражают те мастера, которые остаются на позициях ренессансного, хотя и сильнейшим образом идеализированного реализма. Среди наиболее крупных скульпторов 16 в., ни один из к-рых не избежал влияния Микеланджело, следует назвать флорентийцев А. Сансовино

Рис. 36. Микеланджело. Освобождающийся раб. Лувр. Париж.

(1460—1529), Баччо да Монтедупо (1469—1535), А. Ферруччи (1465—1526), Д. Ф. Рустичи (1474—1554) и переселившегося в Венецию Я. Сансовино (1486—1570), миланца А. Бустри (ок. 1480—1548) и уроженца Модены А. Бегарелли (1479—1565), продолжавшего натуралистические традиции Мациони (см. выше). Искусство итальянского Ренессанса оказало величайшее влияние на развитие всего европейского искусства 15—16 вв. Для этой эпохи оно было наиболее передовым явлением, воплотившим в себе лучшие творческие устремления подымавшейся буржуазии. На Италию в 15—16 вв. ориентируются все передовые буржуазные группировки падающего феодального общества, заимствуя из ее искусства те элементы рационализма и реализма, которые помогли им преодолеть спиритуалистическое наследие готики.

Маньеризм (20—80-е гг. 16 в.). Кризис буржуазной ренессансной культуры, отчасти сказавшийся в творчестве Микеланджело, явился следствием той новой социально-экономической ситуации, которая сложилась в Италии к 16 веку. Дальнейшее падение итальянской торговли и промышленности, частично вызванное потерей северо-европейских рынков и отклонением торговых путей от Италии, неуклонно приводило к ослаблению удельного веса буржуазии и все большему усилению земельной знати и окончательно переродившегося в дворянство патрициата. В этих условиях буржуазия постепенно утрачивала ту ведущую роль, к-рую она играла в 15 в. Этот процесс, однако, протекал далеко не равномерно. В Сев. Италии буржуазные позиции были сильны и в 16 в., в связи с чем здесь особенно долго держались ренессансные формы. В Риме же и особенно во Флоренции феодальная реакция развивалась быстрым темпом, что послужило причиной зарождения на их почве нового маньеристического стиля, выражавшего идеологию консервативных аристократических кругов. Этот маньеристический стиль, путивший особенно глубокие корни в Тоскане, где утвердилась деспотическая власть герцогов Медичи, прошел через две основные фазы развития. Вначале он выражал субъективное «смяте-

ние умов», порожденное в кругах художников экономическим кризисом и политической реакцией. Позднее (примерно с 50-х гг.) он стал облекаться в более объективные и канонические формы. Одерживавшая одну победу за другой контрреформация, опиравшаяся, гл. обр., на дворянские и аристократические круги, сумела использовать маньеристические формы для пропаганды католических идей. Ведущим типом здания вновь становится церковь, ведущей формой скульптуры—декоративная пластика, ведущей формой живописи—алтарный образ. Перерождающийся из свободного ремесленника в придворного мастера художник культивирует отныне лишь те жанры, которые нужны церкви и придворным кругам. Программная сторона искусства подвергается строжайшей цензуре. Нарастает широкая оппозиция против критического, свободолобивого Ренессанса. Художественный язык делается условным и вычурным, усиливаются чисто декоративные тенденции, отход от реалистических традиций Раннего Возрождения становится все более решительным, в искусстве утверждается либо бездушный формализм, рассчитанный на узкий круг любителей и знатоков, либо повышенная экспрессивность, вытекающая из требований широкой церковной пропаганды и обнаруживающая эмоциональную приподнятость, равную к-рой можно найти лишь в позднеренессансном искусстве. По общему своему характеру маньеризм во многом близок к барокко.

В архитектуре разложение ренессансных форм впервые наметилось на римской почве. Рим, ставший главным центром контрреформации,

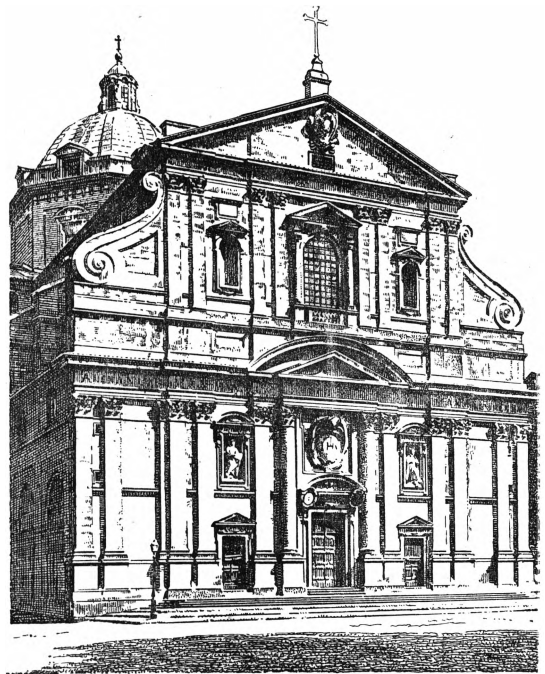

Рис. 37. Д. делла Порта. Фасад церкви иезуитов в Риме.

развернул значительную строительную деятельность. От воздвигаемых церквей и палаццо требовали все большей импозантности и пышности, в связи с чем фасад приобретает сочную профилировку; нарастают элементы движения;

получают постепенно распространение кривые и изогнутые линии, нарушая строгую ренессансную систему прямолинейного членения; обрамления окон и дверей усложняются; все части фасада, равно как и внутреннего пространства, объединяются в монолитную композицию, составные элементы к-рой совершенно утрачивают то самостоятельное значение, к-рое

В скульптуре влияние Микеланджело проходит красной нитью через всю эпоху маньеризма. Воспринятое крайне внешне и поверхностно, оно приводит к исканию сложных контрастов, манерных поз, неестественных изгибов, взятых в сугубо формалистическом разрезе. Таковы произведения Р. да Монтелупо (1505—67), Фра Д. Ф. Монторсоли (1507—63), Б. Бандинелли (1493—1560), Б. Амманати и В. Данти (1530—76). В работах знаменитого Б. Челлини (1500—1572; рис. 40) и Д. Болонья (1528—1608), переселившегося из Нидерландов в Италию, формы достигают особого изящества и чисто ювелирной тонкости, отвечая изощренным вкусам аристократического общества. Острыми портретами этого общества были Леоне Леони (1509—90) и его сын Помпео Леони (ум. 1600), работавшие в Милане и Испании. Среди венецианских скульпторов 16 в. выделяется А. Витториа (1525—1608).

Наиболее яркое выражение маньеризм получил в живописи. У флорентийского мастера Понтормо (1494—1557) впервые дает о себе знать кризис ренессансного реализма. Формы принимают хрупкий характер, усложняется ритмика тонких, нервных линий, пространство утрачивает классическую ясность и обзорность, фигуры и лица приобретают подчеркнуто одухотворенный, несколько меланхолический отпечаток, всюду чувствуется нарастание романтической смятенности, окрашенной в остро субъективные тона. У Россо (1494—1541), Бронзино (ок. 1502—1572) и Д. Вазари все эти сдвиги объективизируются и упорядочиваются, превращаясь постепенно в законченный, чисто формалистический штамп. Подражание природе, стоявшее в центре внимания ренессансных художников, заменяется подражанием «великим

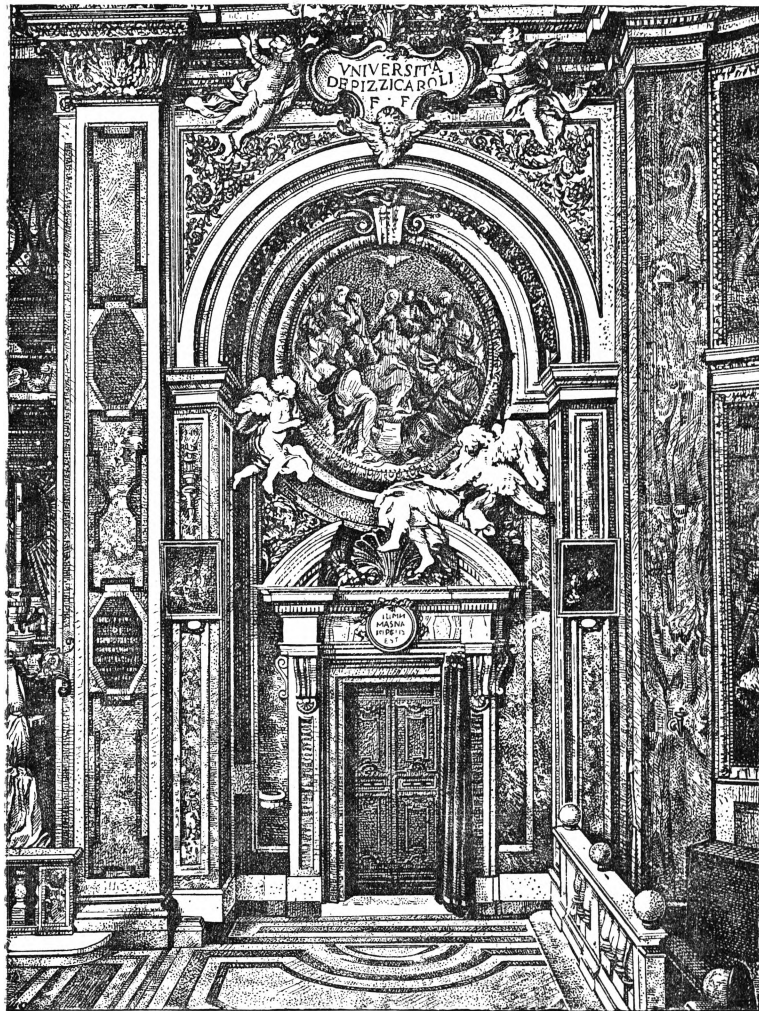

Рис. 38. М. Лунги Мл. Внутренний вид римской церкви S. Maria dell'Orto.

они имели в ренессансном зодчестве. Всюду дает о себе знать тенденция к созданию тяжелых, громоздких декоративных эффектов. В творчестве Виньолы (1507—73), Д. делла Порта (1541—1608; рисунок 37) и Оливьери (1551—1599) эта тенденция получает особенно яркое выражение. У таких зодчих, как Пирро Лигорио (умер в 1580) и Д. Фонтана (1543—1607), наблюдается более сдержанная трактовка форм. Интересное решение архитектурных задач в новом духе дают также флорентийские архитекторы Б. Амманати (1511—92), Д. Вазари (1511—74; рис. 39) и, особенно, Б. Буонталенти (1536—1608). В Сев. Италии палладианские традиции оказываются настолько сильными, что они держатся здесь в течение всего 16 в., долгое время противодействуя про-

никновению новых форм. мастерам» прошлого (главным образом Рафаэлю, Микеланджело и Корреджо), от которых заимствуются готовые формулы, перелагаемые на все более и более отвлеченный и декоративный язык. Темами для изображения служат лишь сложные мифологические и религиозные сюжеты. Портрет облекается в сугубо аристократические формы (Бронзино, Пассаротти). В целях импонирования аристократическим вкусам изящество доводится до болезненной изощренности [Пармеджанино (1504—40), Ф. Приматиччо (1504—70), Н. дель Аббате (1512—1575)]. Нарастающая религиозная волна предъявляет к живописи требования повышенной эмоциональности образов [Ф. Бароччи (1526/35—1612)]. Культивируемое при дворах князей церкви и монархов, это маньеристическое искусство разлилось широкой волной по всей Италии.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО. VI.

Микеланджело. Сотворение Адама. Сикстинская капелла. Рим.

В Риме его крупнейшими представителями были братья Цуккаро и кавалер д'Арпино, в Сие-не—Беккафуми и Ф. Вани, во Флоренции—

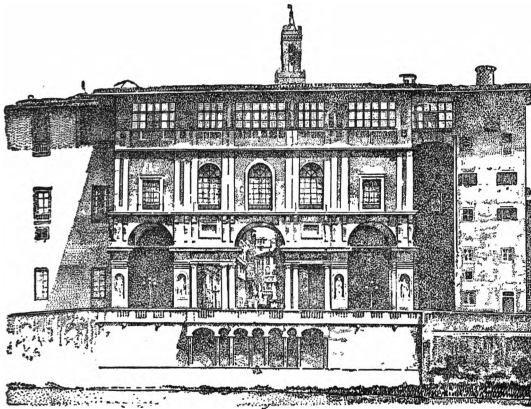

Рис. 39. Д. Вазари. Арна Уффици во Флоренции.

А. Аллори, Морандини, Цукки и Б. Почетти, в Болонье—П. Тибальди, Б. Пассаротти и Д. Кальварт, в Генуе—Д. Б. Кастелло и Лука Камбьязо. Совершенно особые формы принял маньеризм в республиканской Венеции, где он натолкнулся на сильное противодействие ренессансных традиций. У *Тинторетто* (см.) (1518—1594) мы наблюдаем своеобразный синтез ренессансных и маньеристич. элементов (табл. VIII), дающих знать о себе в повышенной эмоциональности его образов и в чисто субъективном подходе к религиозным темам, получающим совершенно новую интерпретацию, с явным акцентированием мистич. моментов. К маньеристическому кругу тяготеют также Якопо, Франческо и Леондро Бассано, равно как и Пальма Джованне.

Если в эпоху Ренессанса на Италию ориентировались передовые буржуазные группировки

Рис. 40. Челлини. Освобождение Андромеды. Рельеф. Национальный музей во Флоренции.

Европы, то со второй половины 16 века Италия начинает задавать тон для международной аристократии и дворянства, выступавших главным оплотом контрреформации. Маньеристические формы, а позднее—барочные полу-

чают широчайшее распространение в Испании, Франции, Германии, Австрии и Нидерландах, где они неизменно выполняют одну и ту же реакционную роль—роль своеобразного противовоядя против надвигающейся стихии буржуазного реализма.

Барокко (80-е гг. 16 в. — середина 18 в.). Ясно наметившийся уже в 16 веке процесс усиления земельной аристократии и образования дворянско-патрицианской олигархии получает свое завершение в 17 веке. Буржуазия вступает в полосу сильного экономического упадка, гегемоном становится крупная земельная аристократия, преимущественно группирующаяся вокруг папского престола в Риме. Эта аристократия, оторванная от производственной жизни и не выполняющая в обществе никакой экономической полезной функции, стремится использовать искусство прежде всего в целях оправдания своего господства. Художественные формы призваны окружить ореолом правящий класс, вызвать в рядовом зрителе уважение к величию и богатству знатных заказчиков. Простые, строгие, спокойные, глубоко демократические формы Возрождения и хрупкие, утонченные, неестественные формы маньеризма уступают место сложным, тяжелым, полным напряженного движения и подчеркнутото эмоционализма формам барокко. Фронтонны изламываются, карнизы набухают, колонны сдваиваются; все чаще всплывают изогнутые и кривые линии; нарастает динамика больших масс, принимающих явно преувеличенный по своей тяжеловесности характер. Паразитарный класс требует от художников все более необычных и все более утонченных эффектов, к-рые могли бы ослепить пресыщенное воображение. В связи с этой основной задачей, предъявляемой к искусству, границы архитектуры сильно расширяются. Здание перестает быть изолированным, замкнутым в себе строением. Оно как бы вбирает в себя окружающий его ландшафт, подчиняющийся единому архитектурному замыслу; разбитый по строгому плану и тянущийся на многие километры, архитектурный сад оживляется фонтанами, беседками, гротами, статуями, вазами и баллюстрадами, а прилегающие к дворцу либо церкви улицы и площади получают единое вместе с ними архитектурное оформление. Тем самым усиливается репрезентативный момент архитектуры, развивающейся в сторону огромных, импонирующих своими масштабами ансамблей. Церковное здание в противовес проникнутому чисто светским духом ренессансному храму вновь становится, как в эпоху Средних веков, средоточием религиозной пропаганды. Литургические моменты целиком определяют собой расстановку церкви. План имеет обычно криволинейную форму (эллипса, овала и т. д.). В силу этого внутренность барочной церкви производит такое впечатление, как будто она лишена твердых, фиксированных границ и как будто она постоянно меняет свое пространственное очертание. Этому впечатлению содействует неравномерный рассеянный свет и тонкая красочная игра разноцветных мраморов и золотых украшений, разрушающих структурное единство стены, к-рая набухает пилястрами, карнизами и полуколоннами (р с. 42). Куполы и своды покрываются фресками, иллюзионистская перспектива к-рых как бы уводит глаз зрителя в бесконечность, где парят «святые» и «ангелы». В такой форме барочный храм был глубоко эмо-

циональным ансамблем, настроившим зрителя в желательном для церкви направлении. Рядом с этими церквями строится большое количество дворцов, всем своим видом говорящих о знатности и богатстве их обитателей.

Рис. 41. Бернини. Церковь S. Andrea del Quirinale в Риме.

Входной портал получает сильнейшую акцентировку путем сочной архитектурной обработки с увенчивающим ее пышным гербом; громадное значение приобретают вестибюль, лестница и парадные залы. Последним подчиняются все прочие помещения, теряющие всякое самостоятельное значение.

Ведущую роль в архитектуре играл Рим, на почве которого были построены лучшие здания и где работали крупнейшие зодчие во главе с вышеупомянутым Д. делла Порта (1541—1608; рис. 37), К. Мадерна (1556—1629), Л. Бернини (см.) (1598—1680; рис. 41) и Ф. Борромини (см.) (1599—1667; рис. 42) — основоположниками нового стиля. К этим мастерам примыкают М. Лунги Младший (1602—57; рис. 38), К. Райнальди (1611—91) и К. Фонтана (1634—1714). Из Рима барочные формы были занесены в Неаполь (К. Фонзага; 1591—1678), в Турин (знаменитый Гварино Гварини; 1624—85) и в Геную (Б. Бьянко; 1604—56), откуда они получили дальнейшее распространение. В Венеции экспансия барочного стиля натолкнулась на сопротивление палладианских традиций (Б. Лонгена, ок. 1604—82, и Д. Сальви, ок. 1630—99). С начала 18 в. барочные формы становятся сдержаннее и спокойнее, усиливаются классицистические реминисценции, исходной точкой которых была архитектура Палладио. Таким образом, в Италии барокко непосредственно переходит в классицизм, минуя

рококо. Среди архитекторов этого переходного времени, совмещающих в своих произведениях элементы барокко с элементами классицизма, следует назвать А. Галилеи (1691—1737), Н. Сальви (ок. 1699—1751), К. Ф. Дотти (1670—1759) и уроженца Мессины Ф. Ювара (1685—1736), построившего в Турине ряд классицистических зданий, на которых лежит определенная печать французских влияний. Огромного расцвета достигла в 18 в. архитектурная декорация, культивируемая в Болонье семейством Бибиена, немало сделавшим также для разработки идеального типа театрального здания (театры в Мантуе и Вероне).

Скульптура выполняла в эпоху Барокко преимущественно декоративные функции. Особого расцвета она достигла в декорировании церквей, которые украшаются богатыми стукками, эффектно задрапированными статуями и пышными гробницами, главной целью которых было прославление католических «святых» и деятелей контрреформации. Соединение огромного декоративного размаха с тончайшей обработкой камня придает этим барочным статуям, полным пафоса и эмоциональной экспрессии, крайне эффектный характер. Крупнейшими скульпторами из старшего поколения были С. Мадерна (1571—1636), Ф. Моки (1586—1646) и переселившийся в Италию уроженец Брюсселя Ф. Дюкенуа (1594—1643). Все они работали в Риме, где выполняли крупные декоративные заказы. В произведениях гениального Лоренцо Бернини, этого крупнейшего мастера 17 века, барочный стиль достигает своего апогея (рис. 43). С виртуозной легкостью обрабатывает Бернини мрамор, извлекая из него

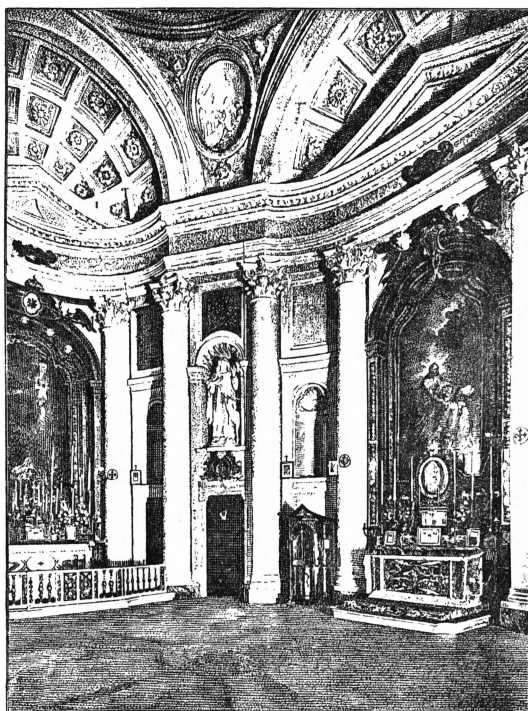

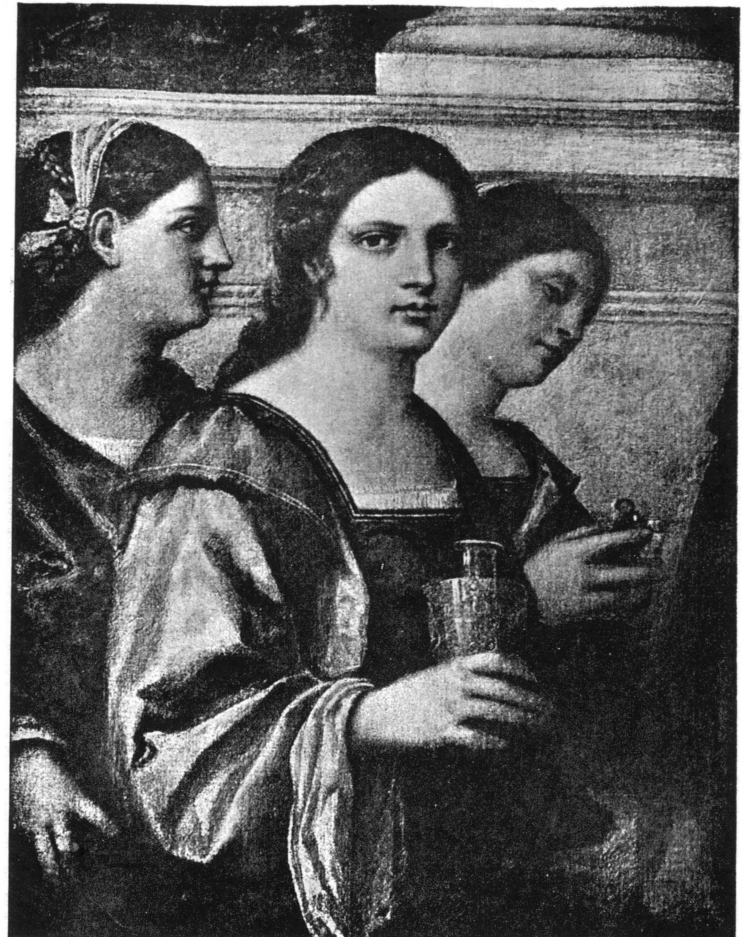
Рис. 42. Борромини. Внутренний вид церкви San Carlo alle quattro fontane в Риме.

поразительные по своей живописности эффекты. Он передает сложнейшие душевные переживания, заставляет извигаться пышными складками

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО. VII

Тициан. Кающаяся Магдалина.
Гос. Эрмитаж. Ленинград.

Себастьяно дель Пиомбо. Св. Христофор со святыми. Деталь.
Церковь San Giovanni Crisostomo. Венеция.

Карраччи. Деталь росписи потолка во дворце Фарнезе.
Рим.

Тинторетто. Чудо св. Марка.
Академия. Венеция.

Микеланджело да Караваджо. Христос в Эммаусе.
Национальная галерея. Лондон.

Бонци. Кушающий бобы крестьянин.
Галерея Колонна. Рим.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО. X

Креспи Д. М. Портрет семьи художника.
Уффици. Флоренция.

Гисланди. Мужской портрет.
Музей Польди-Пеццолли. Милан.

драпировки, доводит выразительность образа до предельного иллюзионизма; он вырабатывает тип парадного дворянского портрета, создает идеальный прообраз барочной гробницы, с замечательной легкостью набрасывает эскизы для огромных декоративных ансамблей, воздвигаемых во славу католической религии. По стопам Бернини идут почти все скульпторы 17 в. (француз Лерро, флорентинец Фоджини, генуэзец Пароди, палермитанец Серпотта). С браурным живописным направлением Бернини борется классицистическое течение, представленное А. Альгарди (1602—54), к-рый отпирывался от школы Карраччи (см. ниже) и от Доменикино. Среди итальянских скульпторов

18 века выдается П. Браччи (1700—1773), являющийся последним крупным представителем барочной пластики.

В живописи, где борьба классовых идеологий отразилась гораздо ярче, нежели в скульптуре и архитектуре, в значительной мере монополизированных дворянством, преодоление маньеристического стиля шло по двум линиям — по линии дворянского академизма и по линии буржуазного натурализма. К 80-м гг. 16 в. всем было ясно, что маньеристические формы обречены на отмирание. Они были

Рис. 43. Бернини. Аполлон и Дафна. Вилла Боргезе. Рим.

слишком хрупки, слишком утонченны, слишком оторваны от жизни. Целиком оставаясь на старых идеалистических позициях, представители академического лагеря ставили себе задачей подвести под традиционную изобразительную систему более реалистический, нежели это допускали маньеристы, базис. Этот базис не должен был, однако, нарушать чисто идеалистического характера всей системы в целом. Он призван был сделать последнюю лишь более простой, более организованной, более доходчивой до зрителя. Эта задача и была выполнена братьями Карраччи, основателями новой Болонской школы. Лодовико (1555—1619), Агостино (1558—1602) и Аннибале (1560—1609) Карраччи (см.) дали в своих произведениях развернутую программу академизма, на долгое время определившую его дальнейшую судьбу. Исходя от стиля Рафаэля, Микеланджело, Джорджоне и особенно Корреджо, они выработали серьезный, полновесный художественный язык, нашедший себе наиболее полное выражение в парадных алтарных образах и в импозантных декоративных росписях (табл. VIII). В искусстве братья Карраччи культивировали только «высокие» жанры (исторические и религиозные композиции), совершенно закрывавшие доступ в живопись таким «низким» жанрам, как натюрморт и бытовые сцены. По стопам Кар-

раччи идут Гвидо Рени (1575—1642), Ф. Альбано (1578—1660), Доменикино (1581—1641), А. Тиарини (1577—1668), А. Сакки (1600—61), Каньяччи (1602—81), Сассоферрато (1605—1685) и отчасти Гверчино (1591—1666). Все эти мастера обслуживали церковные круги, преследуя своими картинами идеи победившей контрреформации. Помимо Болоньи и Рима, главным оплотом академического искусства была Флоренция, на почве к-рой работал ряд мастеров, своеобразным образом сочетавших традиции позднего маньеризма с тяжелыми академическими формами барокко (К. Аллори, Чиголи, Я. да Эмполи, Г. Пагани, М. Росселли, Д. да Сан Джованни, К. Дольчи, Фурини и др.). С доминировавшим академическим направлением боролось т. н. натуралистическое течение, во главе к-рого стоял знаменитый *Караваджо* (см.) (1573—1610). Против идеализирующего, эклектического стиля академиков он выдвинул натуралистические принципы, базировавшиеся на непосредственном изучении природы (табл. IX). Возврат к последней был его основным лозунгом. Однако, поскольку позиции буржуазии, идеологию к-рой выражал Караваджо, в 17 в. были еще крайне слабы, культивируемый Караваджо натурализм отличался сравнительно большой компромиссностью, никогда не достигая тех четких форм выражения, какие он получил в буржуазной Голландии. Лишь в виде исключения писал Караваджо чисто бытовые сцены и натюрморты. В основном главными темами его изображений оставались религиозные сюжеты, к-рые он трактовал с революционной для своего времени смелостью, прибегая к острому натуралистическому типажу, к сознательному упрощению композиций и к резкой светотеневой моделировке, выявлявшей объемность тяжелых, мужественных форм. Давая оригинальное решение световых проблем и тонкую градацию валеров, Караваджо тем самым наметил пути дальнейшего развития «тональной» живописи. Влияние, оказанное Караваджо на современников, было огромно и простиралось далеко за пределы Италии. От него отправлялись не только его последователи (Манфреди, Спада, Борджанни, Сарачени, Орацио и Артемисия Джентилески, Серодине, Караччоло, П. Новелли, М. Прети, М. Меннети, испанец Рибера и др.), но и многие мастера противоположного академического лагеря (Гверчино, Мола, Р. Манетти, Ланфранко и др.), быстро ассимилировавшие караваджизм в целях укрепления дряхлевшей академической системы и тем самым в значительной мере уменьшившие его, на первых порах радикальные, достижения. Перекрещивающиеся влияния академизма и караваджизма встречаются на протяжении почти всей истории итальянской живописи 17 в., причем первым принадлежит бесспорно ведущая роль. Среди итальянских школ этого времени, помимо Рима и Болоньи, виднейшую роль играют Генуя (Паджи, В. Каstellи, Де Феррари, Д. Пиола, Строцци, Ассерето, родоначальник пастораля Кастильоне) и Неаполь (Караччоло, М. Станциони, А. Ваккаро, Б. Каваллино, баталист А. Фальконе, основоположник «романтического» пейзажа — С. Роза). Из провинциальных школ следует упомянуть также Виченну (Маффеи), Модену (Скедоне), Феррару (Бонони), Милан (семейство Прокаччини, Морацоне, Черано, дель Кайро), Мантую (Фети). С середины 17 в. строгие академические формы все чаще уступают

место более живописным и бравурным формам зрелого барокко, достигающего в росписях римлянина П. да Кортона (1596—1669), генуэзца Д. Б. Бачиччо (1639—1709), неаполитанца Л. Джордано (1632—1705) и уроженца Триента А. дель Поццо (1642—1709) предельной выразительности. Огромные плоскости куполов и сводов покрываются фресками, уводящими глаз зрителя в бесконечную глубину и поражающими смелыми перспективными сокращениями и виртуозной легкостью в решении сложнейших композиционных задач. В стиле зрелого барокко работает также К. Маратта (1625—1713)—глава новой римской школы, создающий ряд импозантных портретов и торжественных алтарных образов. В творчестве болонцев К. Чиньяни (1628—1719), М. Франческини (1648—1792), Д. М. Креспи (1665—1747) и генуэзца А. Маньяско (1681—1747), привносящего в свои произведения своеобразную романтическую ноту, формы становятся более хрупкими и изящными. У всех этих мастеров уже ясно чувствуется, как барочный стиль уступает место стилю рококо, отличающемуся в Италии большой компромиссностью. Элементы классицизма, к-рому суждено было в середине 18 в. получить полное преобладание, даст о себе знать в произведениях неаполитанца Ф. Солимена (1657—1747). Все вышеназванные итальянские художники 17—18 вв. были тесно связаны с кругами дворянства и аристократии; если в их произведениях и можно иногда констатировать влияние буржуазного реализма [как, напр., у Строщи, Фети, Д. М. Креспи (табл. X) и работавшего в Бергамо портретиста Гисланди (табл. X)], то в основном они следуют тем художественным положениям, которые выдвигают официальные теоретики барокко. Лишь в виде исключения находила себе буржуазная идеология в это время вполне четкое отражение в живописи. В этих случаях она облекалась в реалистические формы, резко порывавшие с идеализирующими традициями дворянской эстетики. Вместо «высоких» жанров мастера данного круга культивировали бытовой жанр, отражавший повседневную жизнь третьего сословия [Микеланджело Черквоцци (1602—1660), Черуги, по прозвищу Питоккетто (первая половина 18 в.), Тодескини, по прозвищу Чиппер (первая половина 18 в.), Д. Гамбарини (1680—1725), Г. Траверси (ок. 1725—69)]. Совершенно особое место занимает в 17—18 вв. республиканская Венеция. Здесь никогда не порывалась связь с великими живописными традициями 16 в. И хотя городская культура Венеции и переродилась в культуру чисто патрицианскую, тем не менее она всегда оказывала противодействие экспансии академических форм, неизменно принимавших на ее почве свободный, не связанный никакими канонами живописный характер. Это особенно ясно выступает в произведениях С. Риччи (1659—1734), Д. В. Пьяцетта (1682—1754) и гениального Д. Б. Тьеполо (см.) (1696—1770)—крупнейшего европейского декоратора 18 века, пользовавшегося славой наиболее значительного фрескиста своего времени. В его росписях показной, несколько поверхностный блеск упадочной культуры сочетается с таким огромным декоративным размахом, что рядом с ним бледнеют художественные достижения всех прочих живописных школ Италии (табл. XI). Одновременно с Д. Б. Тьеполо работали целые плеяды блестящих мастеров (Д. Д. Тьеполо, Д. Б. Питто-

ни, специализировавшаяся на пастели портретистка Р. Карьера, пейзажисты М. Риччи, Каналетто, Белотто и др.), воплотивших в своих произведениях мировоззрение патрицианских кругов. В произведениях жанриста П. Лонги (1702—62) и пейзажиста Ф. Гварди (1712—93) обнаруживается уже новое понимание человека и природы, открывающее пути для развития и утверждения передовой идеологии — реалистической идеологии все более крепнущей буржуазии.

Классицизм (середина 18 в.—середина второго десятилетия 19 в.). В 18 в. Италия была в экономическом отношении отсталой страной. В сравнении с английской, французской и голландской буржуазией итальянская буржуазия отличалась большей слабостью. Это и явилось причиной того, что на итальянской почве классицизму не суждено было превратиться в стиль, который выражал идеологию революционно настроенной буржуазии и предстатели которого проповедывали, как это было во Франции, гражданские добродетели. Оставаясь тысячами нитей связанным со старыми академическими традициями, итал. классицизм отличается вялым, эклектическим характером, что лишает его всякого пафоса и силы. В основном он остается дворянским стилем, включающим элементы буржуазного рационализма. К-рые призваны были цементировать дворянскую идеологию в целях укрепления ее позиций, становившихся все более шаткими под натиском занесенных из Франции революционных идей. В зодчестве классицизм, отдельные элементы к-рого дают о себе знать уже у Галлией, Сальви, Дотти и Ювара (см. выше), сказывается прежде всего в упрощении ведущих архитектурных линий и гармоническом, восходящем к традициям греческого зодчества, распределении масс. Применяемые ордера точнейшим образом копируют римские и особенно греческие прототипы; скульптурные украшения принимают более сдержанный и строгий характер; всюду доминируют спокойные, прямые линии. Подражание античности, выступившей в совершенно новом свете благодаря археологическим открытиям 18 века, облекается в настолько безличные формы, что утрачивается всякая оригинальность художественной концепции.

Главными представителями классицистического течения в зодчестве были ученик Ювары, неаполитанец Л. Ванвители (1700—1773), миланцы Д. Пьермарини (1736—1808), Л. Каньола (1762—1833; рисунок 44), Л. Каноника (1762—1844) и Д. Альберголли (1742—1839). генуэзец К. Ф. Барабини (1768—1835), уроженец Виченцы О. Кальдерари (1730—1803), способствовавший возрождению культа Палладио, римляне Пьетро (1726—80) и Джузеппе (1763—1822) Кампореже, М. Симонетти и Р. Стерн (1771—1820). Большую роль сыграли итальянцы в реформе театрального здания и декораций [декоратор Н. Сервандони (1695—1766), теоретик Ф. Милиция и архитекторы Д. Пьермарини и Д. Морелли (1732—1812)]. Здесь же следует упомянуть и венецианца Д. Б. Пиранези (1720—78), немало содействовавшего своими замечательными офортами с изображением римских руин популяризации античного зодчества. В наиболее развернутом виде классицистическая программа выступает в творчестве прославленного скульптора А. Кановы (см.) (1757—1822), являвшегося для своего

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО. XI.

Тьеполо. Пегас и Слава. Палаццо Лабиа. Венеция.

времени общепризнанным вождем нового направления (рис. 45). Его холодные, пригладенные, виртуозно выполненные статуи воспринимались как проникнутые чисто античным

Рис. 44. Л. Каньола. Арка мира в Милане.

духом. В действительности же они являлись порождением упадочной, глубоко эклетиической дворянской культуры, не имевшей никаких перспектив для дальнейшего развития. В живописи этого времени также наблюдается засилье полуакадемических, полуклассицистических традиций. Весьма характерно, что общий тон задает такой вялый эпигон, как немец А. Р. Менге (см.). По его стопам целиком идут П. Баттони (1708—1787) и В. Камуччини (1771—1844), культивировавшие сдер-

Рис. 45. Канова. Амур и Психей. Вилла Карлотто. Лаго ди Комо.

жанный, базирующийся на спокойных, плавных линиях художественный язык. Конкурентами Баттони выступают Г. Ланди (1756—1830) и А. Кавалуччи (1725—95). А. Аппиани (1754—1817) содействует превращению Милана в главный центр классицизма в Верхней Италии. Наконец,

работавшие в Риме граверы Д. Вольптао (1738—1805) и Р. Морген (1758—1833) много сделали для возрождения интереса к Рафаэлю, возврат к к-рому рассматривался классицистами как один из боевых лозунгов. Однако, это возвращение к Рафаэлю и к традициям античности было для периода классицизма глубоко реакционным явлением, поскольку оно закрывало искусству доступ к реальной жизни со всеми ее классовыми противоречиями, к-рые из года в год все более обострялись (см. *Италия, Исторический очерк*).

Лит.: Общие работы—Venturi A., Storia dell'arte italiana, I—X, Milano, 1901—36 (доведена до конца 16 в.; богатейшее собрание репродукций, подробная библиография); Тоесса Р., L'arte italiana nel medio evo, Torino, 1927 (лучшая сводка материала по искусству эпохи феодализма); Dvořák M., Geschichte der italienischen Kunst im Zeitalter der Renaissance, 2 Bde, München, 1927—28 (эта содержательная работа захватывает ренессанс, маньеризм и барокко); Burckhardt J., Der Cicerone (Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens), Bd I—IV, 10 Aufl., Lpz., 1909—10 (наиболее удобное пособие для ознакомления с общей линией развития И. и. и топографией его памятников); Crowe J. A. and Cavalcaselle G. V., A history of painting in Italy, ed. by L. Douglas, v. I—VI, L., 1903—14 (фундаментальное исследование чисто анатомического типа); Marle R., van, The development of the Italian schools of painting, vls I—XIV, The Hague, 1923—33 (незакончено; ценнейшее собрание хороших репродукций).—Романский стиль и готика. Архитектура—Enlart C., Origines françaises de l'architecture gothique en Italie, P., 1894; Rupp F., Inkrustationsstil der romanischen Baukunst zu Florenz, Strassburg, 1912; Porter A. K., Lombard architecture, v. I—IV, New Haven, 1915—17; Swoboda K. M., Das florentiner Baptisterium (Wiener kunstgeschichtliche Forschungen), Berlin, [1918]; Die Bauten der Hohenstaufen in Unteritalien, hrsg. v. Preuss. hist. Institut in Rom, Bd I, von A. Haseloff, Lpz., 1920; Frankl P., Baukunst des Mittelalters, Potsdam, 1926; Salmi M., L'architettura romanesca in Toscana, Milano, 1926; Rivoir G. T., Lombardic architecture (Its origin, development and derivatives), v. I—II, Oxford, 1933. Скульптура—Zimmermann M. G., Oberitalienische Plastik im frühen und hohen Mittelalter, Lpz., 1897; Gabelentz H., Mittelalterliche Plastik in Venedig, Lpz., 1903; Stückelberg E. A., Langobardische Plastik, 2 Aufl., Kempten, 1909; Wacker Nagel M., Die Plastik des 11 und 12 Jahrhunderts in Apulien, Lpz., 1911; Porter A. K., Romanesque sculpture of the pilgrimage roads, v. I—X, Boston, 1923; Biehl W., Toskanische Plastik des frühen und hohen Mittelalters, Lpz., 1926. Живопись—Хвоцинской В., Тосканские художники, кн. 1, Примитивы, СПб., 1912; Wilpert J., Die römischen Mosaiken und Malereien der kirchlichen Bauten vom 4—13 Jahrhundert, Bd I—IV, Freiburg u. B., 1916; Van Marle R., La peinture romaine au moyen âge..., Strasbourg, 1921; Sirén O., Toskanische Maler im 13 Jahrhundert, B., 1922; Vitzthum G. und Volbach W. F., Die Malerei und Plastik des Mittelalters in Italien, Wildpark-Potsdam, [1924]; Offner R., Studies in Florentine painting (The fourteenth century), N. Y., 1927; Weigelt K. H., Die sienesishe Malerei des vierzehnten Jahrhunderts, Firenze—München, 1930.—Ренессанс: Общие работы—Зайчик Р., Люди и искусство итальянского Возрождения, СПб., 1906; Романов Н. И., История итальянского искусства (Первая половина 15 века, Курс лекций), М., 1909; Патер В., Ренессанс, Москва, 1912; Вельфлин Г., Классическое искусство, СПб., 1912; Тэн И., Путешествие по Италии, тт. I—II, М., 1913—16; Аллеш Г., Ренессанс в Италии, М., 1916; Иоффе И., Культура и стиль, Л., 1927; Вазари Дж., Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих, т. I—II, М.—Л., 1933; Bode W., Die Kunst der Frührenaissance in Italien, B., 1923. Архитектура—Шуазин О., История архитектуры, т. II, М., 1906; Вельфлин Г., Ренессанс и барокко, СПб., 1913; Фарбман М., Архитектура итальянского Ренессанса, СПб., 1914; Основные этапы мировой архитектуры, изд. Гос. музея изобразительных искусств, М.—Л., 1933; Geumüller H., Friedrich II von Hohenstaufen und die Anfänge der Architektur der Renaissance in Italien, München, 1908; Burckhardt J., Geschichte der Renaissance in Italien, 5 Auflage, Esslingen, 1912; Die Architektur der Renaissance in Toscana, hrsg. v. H. v. Geumüller, A. Widmann u. C. v. Stegmann, 46 Lfgn (11 Bde), München, 1885—1909; Frankl P., Die Renaissance-Architektur in Italien, Leipzig, 1912; Patzak B., Die Renaissance- und Barockvilla in Italien, Bd I—III, Lpz., 1908—12; Willich H., Die Baukunst der Renaissance in Italien bis zum Tode Michelangelos, H. 1—2, B.—Neubabelsberg, 1914; Baum J., Baukunst und dekorative Plastik der

Frührenaissance in Italien, Stuttgart, 1920; Colasanti A., *Volte e soffitti italiani*, Milano, 1918. Giovannoni G., *Saggi sull'architettura del Rinascimento*, Milano, 1931. Скульптура—Rumond M., *La sculpture florentine*, volumes I—IV, Firenze, 1897—1900; *Denkmäler der Renaissance-Sculptur Toscanas*, unter Leitung v. W. Bode, herausgegeben v. F. Bruckmann, 112 Lfgn (11 Bde), München, 1892—1905; его же, *Die italienische Plastik*, 5 Aufl., B., 1911; Schubring P., *Die italienische Plastik des Quattrocento* (Handbuch der Kunstwissenschaft), Neubabelsberg, [1919]; Planiscig L., *Venezianische Bildhauer der Renaissance*, W., 1921; Bode W., *Die italienischen Bronzestatuetten der Renaissance*, B., [1923]. Живопись—Бенуа А., *История живописи*, т. I—II, СПб., 1904—1902; Бернсон Б., *Флорентийские живописцы Возрождения*, М., 1923; Crowe J. A. and Cavalcaselle G. B., *A history of painting in North Italy*, v. I—III, L., 1912; Bode W., *Geschichte der Peruginer Malerei...*, B., 1912; Testi L., *La storia della pittura veneziana*, parte I—II, Bergamo, 1909—15; Mather F. J., *A history of Italian painting*, N. Y., 1923; Escher K., *Die Malerei des 14—16 Jahrhunderts in Mittel- und Unteritalien*, т. 1—2, Wildpark-Potsdam, 1922; Gnoli U., *Pittori e miniatori nell'Umbria*, Spoleto, 1923; Sandberg-Vavalà E., *La pittura veronese del trecento e del primo quattrocento*, Verona, 1926; Berken E., von, *Malerei der Renaissance in Italien* (Handbuch der Kunstwissenschaft, Lfgn 82, 89, 110, 111, 215, 222, 229, 230), Wildpark-Potsdam, [1927]; Berenson B., *The Italian painters of the Renaissance*, Oxford, 1932; его же, *Italian pictures of the Renaissance* (A list of the principal artists and their works with an index of places), Oxford, 1932; Offener R., *Critical and historical corpus of florentine painting*, N. Y., 1930 (издание расчитано на 30 тт.). Маньеризм—Friedländer W., *Die Entstehung des anticlassischen Stiles in der italienischen Malerei um 1520*, «Repertorium für Kunstwissenschaft», Berlin, 1925; Pevsner N., *Gegenreformation und Manierismus*, там же; Weisbach W., *Gegenreformation—Manierismus—Barock*, там же, 1928; Antal F., *Zum Problem des niederländischen Manierismus*, «Kritische Berichte für kunstgeschichtliche Literatur», Lpz., 1932; Voss H., *Die Malerei der Spätrenaissance in Rom und Florenz*, 2 Bde, B., 1920.—Барокко: Общие работы—Weisbach W., *Der Barock als Kunst der Gegenreformation*, Berlin, 1921; Pevsner N., *Beiträge zur Stilgeschichte des Früh- und Hochbarock*, «Repertorium für Kunstwissenschaft», B.—Lpz., 1928, Bd 49, H. 5; Riegl A., *Die Entstehung der Barockkunst in Rom*, W., 1908; Weisbach W., *Die Kunst des Barocks in Italien, Frankreich, Deutschland und Spanien*, B., 1924; Sitwell S., *Southern Baroque art*, L., 1924; Mâle E., *L'art religieux après le concile de Trente*, P., 1932. Архитектура—Briggs M. S., *Baroque architecture*, L., 1913; Brinckmann A. E., *Baukunst des 17 und 18 Jahrhunderts in den romanischen Ländern*, Neubabelsberg, [1917]; Munoz A., *Roma barocca*, Milano, 1919; Weingartner J., *Römische Barockkirchen*, München, 1930. Скульптура—Weibel W., *Jesuitismus und Barockskulptur in Rom*, Strassburg, 1909; Brinckmann A. E., *Barockskulptur* (Handbuch der Kunstwissenschaft, Lfgn 83—86, 130—137, 140, 142—145, 148, 150, 154, 156), Neubabelsberg, 1918. Живопись—Ojetti U., *Dami L. e Tarchiani N.*, *La pittura italiana del seicento e del settecento alla mostra di palazzo Pitti*, Milano—Roma, 1924; Voss H., *Geschichte der italienischen Barockmalerei*, Bd I—Die Malerei des Barocks in Rom, B., [1925]; Damerini G., *I pittori veneziani del 1700*, Bologna, 1928; Delogu G., *Pittori veneti minori del settecento*, Venezia, 1930; Barockmalerei in den romanischen Ländern, т. I—Pevsner N., *Die italienische Malerei vom Ende der Renaissance bis zum ausgehenden Rokoko*, Wildpark-Potsdam, [1928]; Fiesco G., *La pittura veneziana del seicento e settecento*, Verona, 1929; De Rinaldis A., *La pittura del seicento nell'Italia meridionale*, Verona, 1929; Delogu G., *Pittori minori liguri, lombardi, piemontesi del seicento e del settecento*, Venezia, 1931.—Классицизм—Klopper P., *Von Palladio bis Schinkel*, Esslingen, 1911; Callari L., *Storia dell'arte contemporanea italiana*, Roma, 1909; Magni B., *Storia dell'arte italiana dalle origini al secolo 20*, 3 vis, 2 ed., Roma, 1905; Malaman V., *Antonio Canova*, Milano, 1911; Ciccioni E., *Pittura italiana dell'ottocento*, Roma—Milano, s. a.; Scheffler K., *Die europäische Kunst im 19 Jahrhundert* (Malerei und Plastik), Bd I—II, B., 1926—27; Somagré E., *Storia dei pittori italiani dell'ottocento*, v. I—II, Milano, 1928; Ojetti U., *La pittura italiana dell'ottocento*, Milano, 1929.

В. Лазарев.

Итальянское искусство 19—20 вв. И. и. 19 в., утратив бывшее господствующее положение, отличается провинциализмом, что связано с особенностями развития социально-экономических отношений страны. Воссоединение Италии (1870)

далеко не сразу уничтожило специфический уклад тех небольших государств, из к-рых сложилась современная Италия. Провинциализм социально-бытовых отношений (по-итал. regionalismo—реджионализм) до сих пор продолжает влиять на трактовку итальянцами вопросов интеллектуальной жизни. Тем не менее, воссоединение И. дало толчок к более быстрому росту производительных сил. В конце 19 в. и в особенности в начале 20 в. Италия, в частности север ее, быстро индустриализируется и вступает в фазу империализма со всеми его характерными чертами. На базе этих процессов формируется и новейшее итальянское искусство. Ведущее значение получает живопись. Далекое от действительности, холодное, застывшее искусство «неоклассиков», выражавшее идеологию реакционных дворянских слоев [живописцы Аппиани (1757—1817), Сабателли, Камуччини], в равной мере как и искусство «пуристов» (сиенцев Минарди, Муссини), рабски идущих по стопам немецких *назарейцев* (см.), широкими слоями городской буржуазии, начинающей играть все большую роль в общественной жизни страны, воспринимается как чуждое. Буржуазия стремится найти в искусстве новое содержание и новые формы, отвечающие ее растущему самосознанию. Искусство становится более близким к действительности, более проникнуто характерным для буржуазии индивидуализмом. Неоклассицизм вытесняется романтизмом и реализмом («веризмом»). Италия, однако, не знала развернутой борьбы классических и романтических тенденций, столь характерной для Франции. Итальянский романтизм (Хайец, Григолетти, Беццуоли, Бертини) по своим формально-художественным приемам еще тесно связан с неоклассицизмом; он не порывает с его гладкой протокольной манерой. Это—живописцы, лишенные подлинного темперамента. Их значение—в новой тематике картин, замствованной из национальной истории, отражающей стремление пробудить национальное самосознание; из этих художников наиболее видную роль играет Франческо Хайец (1791—1882); он черпает сюжеты своих работ в произведениях писателей либеральной буржуазии, с к-рыми он близко связан (Мандзони, Пеллико, Кросси и т. п.). Внимательный портретист, Хайец упрощает композицию, сосредоточивая все внимание на психологической характеристике, которая достигает в его произведениях большой выразительности. Наиболее ярких проявлений итальянского романтизма нужно искать, однако, не в кругу этих «псевдоромантиков», а в творчестве талантливых одиночек, как Карневале, Фонтанези, Фаруффини. Карневале (1806—73), прозванный Личчино, в своих небольших композициях, большей частью на библийские или отвлеченные темы, является утонченнейшим колористом, последователем венецианцев 18 в. Туринский живописец Фонтанези (1818—82) близок Коро, с к-рым его роднит особая тонкость в трактовке пейзажа. Поздний представитель романтизма, Федерико Фаруффини (1831—69) находится в историч. сюжетах предлог для своих красочных фантазий и смелых технич. приемов.

Решительный удар неоклассицизму наносится, однако, не романтиками, а широко распространенными реалистическими течениями («веризм»), свойственными тогда мировоззрению буржуазии, борющейся за свержение чужезем-

ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО. XII

Синьорини Телемако. Ткачихи.

Казорати. Портрет.

ного ига, за освобождение страны от мешающих ее развитию оков феодализма. Поворот к реализму ярко сказался в искусстве неаполитанца Филиппо Палиши (1818—99), вводящего впервые живопись пленера; в своих работах Палиши прибегает к сочной контрастной светотени, к энергичной моделировке формы; ученик Хайена Доменико Индуно (1815—78) от исторической и религиозной живописи переходит к жанровым сценам, в к-рых приемами детализованного натурализма запечатлены радости и горести мелкобуржуазного существования. Более развернутую и принципиальную установку реалистические тенденции получают в искусстве «маккьяйоли». Это — группа тосканских художников, большей частью участников освободительных войн Фатори (1825—1908), Синьорини (1835—1901: табл. XII), Боррани (1830—1905), Чечони (1838—86), теоретик группы Аббати (1830—68), Леги (1826—1895), веронец Кабьянки (1827—1902). На их формирование большое влияние оказал живописец Джованни Коста (1826—1903). «Маккьяйоли» приобретают в итал. живописи центральное положение, несколько напоминающее положение импрессионизма во Франции. Подобно импрессионистам, они остаются непризнанными и не оцененными при жизни. Они ведут борьбу против академического искусства, оторванного от действительности, против лживых эффектов историзма и поверхностного жанризма. «Маккьяйоли» ищут «искренности», «правдивости»; они фиксируют действительность в небольших этюдах, суммарно передающих видимый мир. В отличие от выписанной академич. манеры они культивируют систему свободного патна («маккья», отсюда и их название). Однако, «маккьяйоли» остаются еще при прежней светотеновой живописи. Наиболее значительными среди «маккьяйоли» являются: прекрасный портретист Фатори, запечатлевший в ряде полотен борьбу Италии за независимость; Синьорини, более других уделявший внимание пейзажу, и Сильвестр Лега. Группа «маккьяйоли» имела довольно оживленные связи с Францией, в частности Синьорини был знаком с Дега и испытал несомненно его влияние, Коста — Коро и т. д. Младшие участники группы, как Де Ниттис (1846—84), Зандомеги (1841—1917), Больдини (1845—1933), даже переселяются в Париж, где Де Ниттис и Зандомеги примыкают к группе импрессионистов, а Больдини от своих острых, небольших портретных этюдов переходит к изображению «элегантного» и «блестящего» общества. — Реалистические тенденции присущи местным итал. школам; реалистическое направление прорывается даже в религиозных композициях романтического темпераментного неаполитанского живописца Доменико Морелли (1823—1901). Ломбардец Мозе Бьянки (1840—1904) и венецианец Джакомо Фавретто (1849—87) идут по пути жанровой живописи; незамысловатая тематика их картин, окрашенная легкой сентиментальностью, обеспечивает им успех у современников. В искусстве ломбардцев Транкилло Кремона (1837—78) и его ученика Габриеля Ранцони (1843—89) явственны искания, в известной мере аналогичные франц. импрессионизму, вернее, той тенденции, которая представлена в импрессионизме Ренуаром. Для отсталости И. и. характерно, что импрессионизм не дается здесь в последовательном, завершенном виде; не пейзаж, а портрет являет-

ся излюбленной темой Кремоны и Ранцони. Обоим художникам свойственен уклон в психологизм, чуждый французам, и известный налет идеализирующего, романтического отношения к изображаемой действительности.

Импрессионизм получает в дальнейшем широкое распространение в Италии, однако, не в его последовательном выражении, а в эклектической, слащаво окрашивающей академическую и натуралистическую живопись форме. Большое развитие приобретает в Италии *неоимпрессионизм* (см.), именуемый здесь «дивизионизмом». Показательно, что он распространяется на севере Италии, в наиболее развитой в торгово-промышленном отношении части страны. В дивизионизме проявляется стремление к наукообразности, увлечение формально-техническими моментами. Система отдельных мазков разнообразно применяется и в пейзаже Грубичи де Драгон (1851—1920) и в бытовых сценах Пеллицца да Вольпеда (1865—1907), и в пышных мифологических и религиозных композициях символиста Гаetano Превиати (1852—1920), у к-рого мазок принимает форму удлиненного, декоративно трактуемого штриха, и в живописи Сегантини (1858—90). Искусство последнего приобретает общеевропейскую известность. Наконец, Плинио Номеллини применяет технику дивизионизма к большим сюжетным композициям. Эти художники выделяются на однообразном фоне виртуозно-академической живописи, эклектически объединяющей поверхностный натурализм с не менее поверхностным импрессионизмом и легкой стилизацией. Увлечение внешностью, бравурой мазка, особенно характерно для итальянской живописи конца 19 в.; типичной фигурой является прославленный венецианец Этторе Тито и Микетти, воспитавшийся на искусстве Фортунни. Даже в работах одаренного неаполитанца Антонио Манчини (1852—1930) широта письма и пастозность манеры поданы ради виртуозного эффекта.

Большинство вышеописанных художественных явлений второй половины 19 в. зарождается в Сев. Италии; в главном городе Сев. Италии, Милане, развивается и футуристическое движение. *Футуризм* (см.) в своих манифестах, в своей художественной практике является яростным и агрессивным проводником вождельней итал. империалистической буржуазии. Певцы капиталистической городской культуры, футуристы, стремятся создать искусство, характерное для этой эпохи. В решении этой задачи футуристы приходят к упадочному, формалистическому «новаторству». В области футуристической живописи выдвигаются Боччони, Карра, Северини, Руссоло и др.

Итальянская скульптура в течение 19 в. значительно отстает от живописи. Увлечение Кановой и Торвальдсеном надолго удерживает ее в фарватере неоклассицизма (Финелли, Генерани, Рипальди и др.). У Бартолини и Памполини уже чувствуется стремление освободиться от шаблонов неоклассицизма, приблизиться к натуре. Более решительный шаг в этом направлении делает искусство Джованни Дюпре, хотя его отношение к натуре не свободно от привкуса сентиментализма и идеализации. Во второй половине 19 в. ведущими, как и в живописи, являются натурализм (веризм), а позднее импрессионизм. Однако, итал. веризм лишен серьезности; он украшен риторикой и театральностью; чувство

скульптурности, объема, отсутствует; воздвигнутые в это время многочисленные памятники деятелям освободительной войны полны внешнего пафоса, изобилуют мелочными деталями

тальных комплексов в столице воссоединенной Италии, Риме, не вызвало в итал. архитектуре появления каких-либо оригинальных тенденций. В этот период итал. архитектура идет

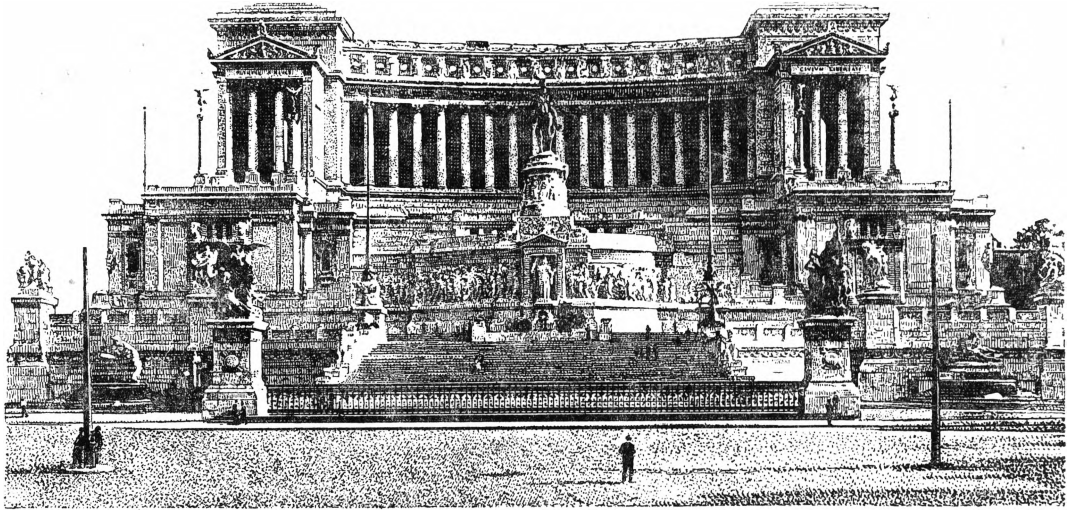

Рис. 46. Саккони. Памятник Виктору Эммануилу в Риме.

и менее всего монументальны. Характерными фигурами являются Энрико Кьярадиа (1851—1901), автор конной статуи Виктора Эммануила на Национальном памятнике в Риме; Давид Каладра (р. 1856), автор памятника герцогу Аоста в Турине; Джулио Монтеверде (р. 1837), создавший ряд надгробных монументов и памятник Виктору Эммануилу в Болонье; Этторе Ксименес, Пьетро Каноника и др. Джузеппе Гранди (1843—94) впервые и еще нерешительно пытается применить к скульптуре принципы импрессионизма; последовательный шаг в этом направлении делает Медардо Россо (1858—1928), в своих небольших работах жертвующий формой для достижения эффектов светотени и доходящий до полного отрицания скульптуры как искусства объемов. Родившийся и воспитавшийся в Италии, Паоло Трубецкой, идя вслед за Роденом и Россо, применяет импрессионистическую эскизную манеру к портретным фигурным наброскам, а Карло Бугатти— к этюдам животных. Футуризм сказался и в скульптурных работах Умберто Боччони, порывающего с замкнутостью формы, вводящего в скульптуру новые материалы (стекло, металл и пр.) и стремящегося передать динамику новыми методами.

Итальянская архитектура 19 в., как и архитектура других стран Европы, переживает период упадка. Начало столетия показывает еще большую живучесть традиций неоклассицизма; характерными являются Карло Амати (1776—1852), построивший церковь С. Карло в Милане, Пьетро Бьянки (1787—1849), при постройке церкви С. Франческо в Неаполе исходивший от архитектурной композиции Пантеона, а в трактовке колоннады на площади подражавший Бернини, и Луиджи Полетти (1792—1869), закончивший в 1840 базилику S. Paolo fuori le mura в Риме. Воссоединение Италии, давшее мощный импульс росту крупных торгово-промышленных центров (Милан, Турин, Генуя и др.) и особенно благоприятствовавшее возведению крупных монументальных комплексов в столице воссоединенной

Италии, Риме, не вызвало в итал. архитектуре появления каких-либо оригинальных тенденций. В этот период итал. архитектура идет

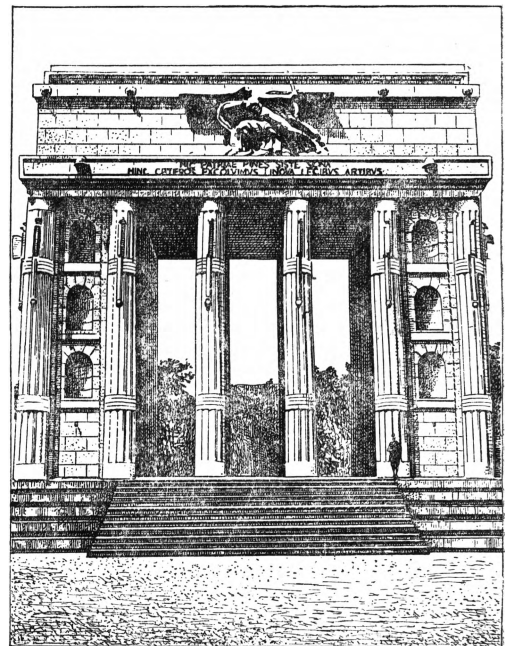

Рис. 47. Арх. Марчелло Пьяцентини. Памятник в Больцано.

биржа в Генуе (архитектор Карбоне), торговая галерея в Милане (архитектор Менгони), выставочный дворец в Риме (архитектор Пьяцентини), университет в Неаполе (архитектор П. П. Квальяс)—отличаются тяжеловесностью, помпезностью. Итальянская буржуазия стре-

мится в этих работах прославить «величие» своего государства, но дальше лживой риторики и пафоса не поднимается. Подражание старой архитектуре сменяется в конце 19 века попытками найти формы, характерные для мисоцерванизма буржуазии эпохи перехода к империализму; и в Италии появляются попытки *модерна* (см.), не находящие однако здесь широкого развития и сказывающиеся гл. обр. в Сев. Италии; можно отметить палаццо Кастильоне архитектора Соммаруга в Милане, выставочный дворец Раймондо Д'Аронко в Турине и т. д. Волна модерна сменяется затем в первом десятилетии 20 в. в Италии, как и в ряде других стран Европы, классицистической реакцией. Футуризм, столь шумно проявивший себя на почве живописи, выдвинул в зодчестве фигуру погибшего на войне архитектора Сант-Элиа, выступившего в 1914 с манифестом футуристической архитектуры и давшего в ряде проектов концепцию города будущего, построенного на принципе целесообразности и использования новейших строительных материалов,—стиля, во многом предугадавшего программу послевоенного конструктивизма.

Интересы империалистической буржуазии влекли Италию в мировую империалистическую войну; Италия, лишенная сырья, менее развитая индустриально, чем ее партнеры, вела войну с крайним напряжением, доведшим страну до полного истощения и разрухи. Острое недовольство широких слоев населения — пролетариата, крестьянства, городской мелкой буржуазии — привело по окончании войны к ряду революционных выступлений, ко все более мощным забастовкам и, наконец, к захвату фабрик в Сев. Италии. Однако, вожди социалистической партии не только не использовали создавшейся революционной ситуации, но объективно помогли буржуазии отступить, перестроиться, установить открытую фашистскую диктатуру и расправиться с революционным пролетариатом.

Футуристы, как в центре, так и в провинции, выступали активными союзниками фашизма, содействуя его политическому укреплению. Однако, пришедший к власти фашизм не мог в дальнейшем использовать футуризм как единую официальную доктрину. Из политической обстановки фашисты делают вывод о необходимости «укрепления порядка», «стабильности», «связи с традицией», с «великим прошлым» Рима. Напуганная призраком революции, буржуазия стремится использовать все элементы традиционной буржуазной культуры — религию, науку, искусство — в интересах укрепления «порядка», «устойчивости». В искусстве отход от новаторства совершается параллельно с ростом интереса к классическому искусству. Неоклассицизм служит средством укрепления позиций правящего класса и вместе с тем средством отвлечения от классовых противоречий внимания широких масс, перед которыми неоклассическое искусство развертывает «вечные идеалы», «вечные образы», стремясь идеализировать и героизировать фашистскую действительность. Этот поворот к «классике» вызывает серьезный кризис футуристического движения; ряд его сторонников — Северини, Карра и др. — отходят от футуристического направления. В середине 20-х гг. уже ясно кристаллизуется неоклассическое движение. Изучаются и воспроизводятся композиционные схемы, формально-технические приемы, колорит старых мастеров.

Однако, вместо жизненной наполненности старого искусства итал. неоклассицизм отличается мертвенной абстрактностью, схематизмом, застылостью. Вместе с этим он проникнут влиянием формалистических установок современного западного, в частности французского, искусства. Неоклассицизм играет ведущую роль в новой художественной организации «Novecento» (20 в.). К виднейшим фигурам неоклассицизма в Италии принадлежат: Сирони, Тоцци, Казорати (табл. XII), Северини, Борра, Де Кирико, Дзаннини, Кампильи и др. В живописи неоклассиков большое место занимает религ. и мифологич. тематика. Помимо станкового искусства, неоклассическое движение проявило себя в монументальной декорации общественных зданий и церквей (фрески Фунни, Де Кирико, Кампильи, мозаика Северини, витраж Сирони и др.). Неоклассическое течение развивается на фоне, с одной стороны, постепенно теряющего почву академического натурализма, с другой, — довольно сильных пережитков импрессионизма и сезаннизма [Армандо Спадини (1883—1925), Тоци, Сальетти, Монти, Де Града, Соффичи и др.]. Последние течения итал. живописи проникнуты мистикой и окрашены декоративистическими и сюрреалистическими тенденциями; ими в сильнейшей степени отмечен и современный итал. футуризм.

Рис. 48. Даддечи. Солдат на часах.

Маринетти формирует новые кадры футуристов-живописцев: Филла, Делеро, Прамполини, Тита, Доттори и др. В качестве «новой» проблемы футуристы выдвигают т. н. аэропигтуру (живопись воздуха), стремящуюся, якобы, передать стремительность полета, необычное зрительное восприятие и душевные переживания, связанные с полетом. В сущности перед нами вариация прежней темы футуристов — сублимация динамики, быстроты. Изобретенная футуристами «аэропигтура» сводится к абстрактным, формалистическим, чисто декоративным комбинациям линий и планов. Бессодержательным и безжизненным остается также объявленный фашистами тезис о «народном искусстве». Во время кризиса 1929—33 и после наблюдается рост иррационалистич. и религиозных тенденций.

После захвата власти фашистами воздвигаются многочисленные скульптурные памятники павшим, памятники «победы», монументы «духе» и «героев» фашистского переворота. Как и художники, скульпторы пытаются опереться на традиции классики. В творчестве Вильдта (1868—1930) ясны отзвуки декадентски-упадочных форм модернизма. Среди других выделяется Андреотти (1875—1933), плодовитый стилизатор-монументалист типа Бурделя, а также Ранбелли, Романелли и Мессина (изображения атлетов и бойцов), Даддечи (рис. 48) и др. Произведения Артуро Мартини стилизованы под архаику (скованность движения, обобщенность формы), овеяны духом мистики, стремлением к «потустороннему».

Итальянская архитектура первых лет фашистского режима проникнута классицистиче-

скими тенденциями, доходящими часто до прямого подражания классическим образцам. Возводимые в этот период постройки, разрабатываемые планы дальнейшего развития итал. городов (в частности Рима) используют материалы классицизма и барокко, эклектически объединяя их иногда с пережитками модерна (типичный пример безвкусыя и роскоши—открытый в 1932 грандиозный миланский вокзал, архитектор Стаккони). Масштабами памятников, попытками добиться впечатления величественности,

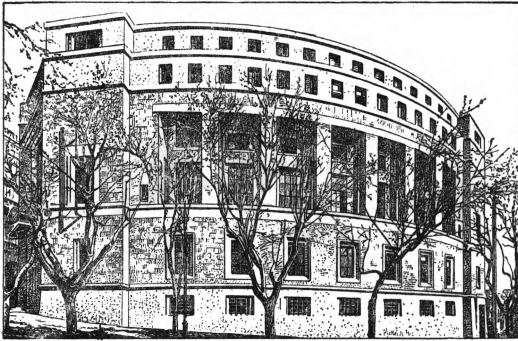

Рис. 49. Арх. Пьячентини и Ваккаро. Министерство корпораций в Риме.

мощи итал. фашизм стремится поддержать тезис о том, что он является «наследником величия Рима». Производятся значительные раскопки и реставрационные работы, в связи с ними сносятся в Риме целые кварталы, проводятся новые магистрали («Via dell'Impero» — от Национального памятника до Колизея). Постепенно выкристаллизовывается течение, которое, борясь с имитацией и эклектизмом, стремится использовать «по-новому» классич. наследие, создать произведения, характеризующие новую эпоху. Всюду дают о себе знать обедненные и схематичные архитектурного мышления, фетишистское преклонение перед материалом. Типичными примерами являются: Музей Великой Греции в Калабрии (архитектор Пьячентини), почтамт в Неаполе (архитектор Ваккаро), высшее инженерное училище в Болонье (архитектор Ваккаро), Дворец искусств в Милане (архитектор Муцио), министерство корпораций в Риме (архитекторы Ваккаро и Пьячентини; рис. 49). Вместе с тем за последние 5—6 лет выходит на арену архитектурная молодежь, проводящая в своем творчестве более решительно и последовательно установки конструктивизма («Группа 7»: архитекторы Либера, Терраньи, Рава, Фиджини и др.). Новые тенденции получают неожиданную поддержку власти, стремящейся этим доказать «смелость» фашизма. Наиболее ярким примером является выставка «10-летия фашизма» в Риме (архитекторы Либера и де Ренци). Свое развитие новаторские тенденции находят полное всею в сооружениях спортивного и транспортного назначения [стадион во Флоренции (архитектор Нерви), морской вокзал в Генуе (архитектор Виетти), стадион в Турине, здания спортивных клубов, почтамт в Литторнии (архитектор Маццони) и др.], а также в сооружениях промышленного характера (наиболее ранним и ярким примером может служить известный автомобильный завод «Фиат» с его автострадой на крыше, архитектор Матте-Трукко, в Турине). В жилищном строительстве Италии пре-

обладает безнадежный эклектизм. Бессодержательное, внешне-показное подражательство формам классического искусства у неоклассиков, социальная демагогия, крикливое новаторство формалистов и художественная беспомощность эклектиков—все это ярко характеризует полную деградацию всего искусства итальянского фашизма.

Лит.: 19 век—кроме указанных выше книг Somarè, Venturi, Cecchi, см.: Callari L., Storia dell'arte contemporanea italiana, Roma, 1909; Gatti G., Pittori italiani dall'800 ad oggi, Roma, (1925); Lloyd L., La pittura dell'Ottocento in Italia, Firenze, 1929; Ojetti U., Ritratti d'artisti italiani, serie I—II, Milano, 1923; Vigezzi S., La scultura italiana nell'Ottocento, Milano, 1932; Vitale L., L'incisione italiana moderna, Milano, 1934. 20 век—Boccioni U., Pittura, scultura futuriste, Milano, 1914; Pavolini C., Cubismo, futurismo, espressionismo, Bologna, 1927; Soffici A., Cubismo e futurismo, 2 ed., Firenze, 1914; Marinetti F. T., Le futurisme, P., 1911; e o ж е, Futurismo e fascismo, s. l., (1924); Le néoclassicisme dans l'art contemporain, Roma, 1923; Bardi P. M., Carrà e Soffici, Milano, 1930; Sapori F., L'arte e il Duce, Milano, 1932; Pica V. e del Massa A., Atlante dell'incisione moderna, Firenze, 1928; Somarè E., Cronache d'arte contemporanea, Milano, 1932; Scheiwiller G., Art italien moderne, P., 1930; Costantini V., Pittura italiana contemporanea, Milano, 1934; Sarfatti M., Segni, colori e luci, Bologna, 1925; e o ж е, Storia della pittura moderna, Roma, 1930; Casnati F., Novecento, Milano, 1932; Sartoris A., Gli elementi dell'architettura funzionale, Milano, 1932; Lusini A., L'arte della litografia in Italia, Bologna, 1928; Guzzi V., Pittura italiana contemporanea, Milano, 1931; серия, изд. Шейвиллером, «Arte moderna italiana» (с 1925, в Милане)—тщательно составленные небольшие монографии, посвященные современным итальянским художникам и скульпторам—Casorati, Funi, Sironi, Modigliani, De Chirico, Carena, Ferrazzi, Rosai и др.; Ремпель Л. И., Архитектура послевоенной Италии, [Москва], 1935.

Б. Терновеи.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ПРОСО, *Setaria italica* (*Panicum italicum*), однолетний злак, относящийся к роду *цетинник* (см.), близкому к просу. Растет в умеренных и субтропических областях всего света. Возделывается на зерно в вост. и юго-зап. Азии и редко в юж. Европе. В СССР также возделывается на зерно под различными названиями: в Закавказьи—гоми, в средне-азиатских советских республиках—кунак и в ДВК—чумиза. Разновидность итальянского проса (*var. moharica*) возделывается на сено в черноземной полосе Советского Союза под названием *могара* (см.).

ИТАПИКУРУ (*Itapicuru*), две реки в Бразилии. Обе берут начало в Бразильском массиве и впадают в Атлантический океан. 1) Северная И., протекает по штату Мараньюну и впадает в залив св. Иосифа (Сан-Жозе); длина—1.650 км. Судходна в нижнем течении и имеет большое транспортное значение. 2) Южная И., протекает по штату Байя и впадает в океан под 11°48' ю. ш. Длина—890 км. Судходна в нижнем течении.

ИТАТИАЯ (*Itatiaia*), первая по высоте вершина Бразильского массива, в хребте Серра да Мантикейра; достигает в пике Агульяс Неграс 2.790 м. Расположена на границе трех бразильских штатов: Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и Минас Жерайс. Сложена из гранита и сиенита.

ИТАЦИЗМ (от ново-греч. произношения названия буквы ι—«ита» вместо «эта»), произношение др.-греч. языка на ново-греч. лад. Литературный язык современных греков до сих пор в значительной мере сохраняет слова и формы др.-греческие, но произносит их на современный лад [см. *Греция* (новая), гл. V]. Византийские греки вместе с рукописями уцелевших др.-греч. авторов принесли с собой на Запад после падения Константинополя и свое произношение, принятое одной частью гуманистов

во главе с *Рейхлином* (см.), что вызвало протест другой части гуманистов, к-рую возглавил *Эразм Роттердамский* (см.). Оттого произношение на ново-греч. лад стало называться рейхлиновским, а более близкое к др.-греческому—эразмовским. Произношение первого типа определило форму русских слов, заимствованных еще в старину из древне-греческого через посредство ново-греческого и византийского. Например, греч. слово *poietēs* («пойэтас») по ново-греческому произносится «пиитис»; отсюда старо-русское слово «пиит», тогда как слово «поэт», попавшее в русский, уже через западно-европейские языки, являет форму произношения второго типа (с опущенным окончанием).

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ЯЗЫК (к а м ч а д а л ь с к и й), вместе с луораветланским (чукотским) и нымыланским (коряцким) языками принадлежит к чукотской группе языков, характеризующейся инкорпоративным строем (см. *Инкорпорация*). По данным переписи 1926, на И. я. говорят ок. 800 человек, составлявших основное население 8 поселков Тагильского района Корякского нац. округа Камчатской обл. Остальные ительмены (ок. 3.350 чел.) говорят на русском языке. В наст. время из многочисленных ительменских диалектов сохранилось лишь два: седангинский (северный) и хайриновский (южный), испытавшие значительное влияние нымыланского и русского языков (так, напр., почти все числительные в современном И. я.—русские). Морфологич. структура И. я. мало чем отличается от структуры *чукотского языка* и *коряцкого языка* (см.). Зато фонетика И. я. представляет собой значительное отличие допущением стечения согласных в начале и в конце слов (напр., ktxt, txcz, ntxczh и т. д.). Порядок слов в предложении—неопределенный. Фраза строится при сказуемом-глаголе. Падежом подлежащего является местный падеж, напр., *ixxenk nlaicen rexal*—«отец возьмет шапку» (*ixxenk*—местный падеж от *ixx*—отец, *rexal*—абсолютный падеж—шапка).

Лит.: Крашенинников С., Описание земли Камчатки, т. I—II, СПб, 1818—19; Bogoras W., Chukchee, в кн.: Boas F., Handbook of American Indian languages, part 2, Washington, 1922; Стебницкий С., Ительменский (камчатальский) язык, в сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. 3, М.—Л., 1934 (Труды Научно-исследовательской ассоциации института народов Севера ЦИИ СССР. Труды по лингвистике, т. III).

Я. А.—К.

ИТЕЛЬМЕНЫ (прежде назывались камчадалами); под этим названием известны: 1) собственно И.—туземное население юж. части полуострова Камчатки, 2) группа оседлого смешанного русско-туземного населения по Охотскому побережью. И. относятся к группе *палеоазиатов* (см.). По переписи 1926, И.—всего 4.137 человек.—Во время завоевания царизмом Камчатки в конце 17 в. И. были многочисленным народом, жили оседло, зимой в землянках, летом в свайных хижинах, расположенных по рекам, занимались рыболовством, охотой на морского зверя и собирательством. Единственным домашним животным была собака, к-рую употребляли для езды зимой на санях-нартах. *Крашенинников* и *Стеллер* (см.) в первой половине 18 в. застали И. еще в каменном веке. Орудия они изготовляли из камня и кости, хотя и получали небольшое количество железных орудий от японцев в обмен на продукты охоты.

Ительмены жили в укрепленных родовых селениях, «острожках», состоявших из нескольких полуподземных жилищ. В каждом жилище

жило по несколько семей, к-рые вели совместное хозяйство. В быту сохранялись ярко выраженные пережитки матриархата и тотемизма.—Завоевание Камчатки в 17 в. сопровождалось массовым истреблением И., к-рые упорно сопротивлялись, но не могли успешно бороться с вооруженными огнестрельным оружием сибирскими казаками. И. неоднократно восставали против поработителей, причем восстания 1731 и 1740 охватили всю Камчатку. Колониальная политика царизма и жестокая эксплуатация И. русскими промышленниками повели к вымиранию И. Значительная часть их обрела и утратила родной язык. Лишь незначительная часть И., живущая по зап. побережью Камчатки, сохранила ительменский язык.—При Советской власти положение И. коренным образом изменилось. Были организованы национальные советы, создана письменность на ительменском языке, возникли национальные школы, организован ряд врачебных пунктов и т. д. Быстро развивается и туземное хозяйство на основе коллективизации туземных промыслов и развития местной пром-сти. Вместо ежегодной убыли при царизме сейчас наблюдается среди И. прирост населения.

Лит.: Крашенинников С., Описание земли Камчатки, т. I—II, СПб, 1818—19; Стеллер Г. В., Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в 18 в., Л., 1928; Слюнин Н. В., Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание, т. I—II, СПб, 1900; Сергеев М. А., Советская Камчатка, М.—Л., 1932.

ИТЕРАТИВНЫЙ ВИД (грам.) (лат.—«повторный»), вид глагола, характеризующий действие, им обозначаемое, как повторяющееся во времени. В русской грамматической терминологии этому термину соответствует термин «многократный вид». См. *Глагол*.

ИТЕРАЦИЯ (iteration—повторение), в математике. Пусть $f(x)$ есть нек-рая функция. Образом функции $f_1(x) = f(x)$, $f_2(x) = f\{f_1(x)\}$, ..., $f_n(x) = f\{f_{n-1}(x)\}$, ... Функция $f_n(x)$ называется n -ой итерацией функции $f(x)$. Например, если $f(x) = x^k$, то $f_n(x) = x^{kn}$. Теорию И. интересует по преимуществу поведение $f_n(x)$ при $n \rightarrow \infty$. В качестве простейшего применения И. см. *Последовательный приближенный метод*.

ИТИЛЬ, 1) арабское название Волги, встречающееся и у византийских писателей; по-арабски И. значит—река. 2) Столица Хазарского царства, находившаяся на обоих берегах Волги на месте современной Астрахани. И. основан был в 8 в. хр. э., после того как хазарам пришлось под натиском арабов покинуть их прежнюю столицу Баланджар, находившуюся в Дагестане. И. был важным торговым центром: вел обширную меновую торговлю хлебом, рыбой, кожей, воском, мехами с арабами и народами, населявшими берега Волги и ее притоков, к-рым хазары ввозили изделия арабской промышленности: шерстяные и шелковые материи, металлические изделия, украшения из драгоценных металлов и камней и т. д. Вел И. и большую торговлю рабами. Вместе с падением в конце 10 в. Хазарского царства перестал существовать и И.

ИТИН, Виван Азаревич (р. 1894), писатель, коммунист. Сын адвоката; окончил юридический факультет Петербургского ун-та. В первой фантастической повести «Страна Гонгури» (1922) И. подражал Уэлсу. В 1923 вышла книга стихов И. «Солнце сердца», отмеченная сильным влиянием акмеистов. Наиболее

значительна повесть И. «Каан-Кэрэдэ», посвященная перелету аэроплана над глухими районами Алтая. Эстетизм и идеологическую нечеткость своих ранних произведений И. в последнее время преодолевает. И. участвовал в Карской экспедиции, в рейсе «Красина» и др., что дало ему материал для ряда очерков—«Выход к морю» (1931), «Какой путь» (1931)—и повестей: «Спасение Печенкина», «Страна будущего» и др.

ИТО ХИРОБУМИ (1841—1909), князь, видный и влиятельный государственный деятель «новой» Японии—«японский Бисмарк». По происхождению *самурай* (см.). В 1863 вместе с *Иноуэ Каору* (см.) под видом матроса отправился в Англию учиться, несмотря на то, что путешествия за границу в это время были запрещены под страхом смертной казни. В дальнейшем принимал активное участие в событиях, приведших к падению Токугавского *сёгуната* (см.) и передаче верховной власти *микадо* (см.) (1868). В 1868 И. Х. был назначен губернатором провинции Хего (Хиго), а в 1869—вице-министром финансов. В 1871 И. Х. сопровождал *Ивакуру Томоми* (см.) во время его миссии в США и Европу для пересмотра неравноправных договоров. По возвращении в Японию занимал ряд правительственных постов, в том числе пост министра императорского двора. В связи с решением японского правительства ввести конституцию, И. Х. был послан в 1882 в Европу для изучения европейских политических форм и конституций. И. Х. считается создателем введенной 11/II 1889 японской конституции, образцом которой послужила прусская конституция.

18/IV 1885 И. Х. и *Ли Хун-чаном* (см.) был подписан *Тяньцзиньский договор* (см.), поставивший Японию в равное положение с Китаем в отношении Кореи. Четыре раза—в 1886—88, 1892—96, 1898 и 1900—01—И. Х. был премьер-министром. Занимал также посты председателя Палаты пэров и Тайного совета (1903). В 1900 И. Х. организовал реакционную партию Сейюкай (см. *Япония*, гл. Бурж. полит. партии). И. Х. сыграл большую роль в заключении Англо-японского союзного договора 1902. Одновременные попытки русской дипломатии (Ламдорф, Витте) урегулировать во время пребывания Ито Хиробуми в Петербурге в 1901 корейско-маньчжурские дела не привели к положительным результатам. Япония надолго после этого связала свои судьбы с Англией. После Русско-японской войны 1904 И. Х. был назначен в 1905 вице-королем Кореи, пробыв на этом посту вплоть до 1909. И. Х. явился проводником в Корее активной империалистической политики, приведшей в 1910 к окончательной аннексии страны и превращению ее в японское ген.-губернаторство. В 1909 И. Х. был снова назначен председателем Тайного совета (Сумицуин). В октябре 1909, по приезде в Харбин для встречи с царским министром Коконцевым, И. Х. был убит корейцем-националистом.

Г. Рейсберг.

ИТОН (Eton), город близ Лондона (Англия) на лев. берегу Темзы; соединен мостом с г. Виндзором; ок. 3.000 жит. И. известен своим колледжем (среднее учебное заведение), основанным в 1440. Здесь учатся дети из крупнобуржуазных и аристократич. семей (ок. 1.100 учеников).

ИТТЕРБИЙ, Yb, хим. элемент из группы *редких земель* (см.); порядковое число 70, атомный вес 173,5; главные соединения—трехвалентные; более редки и менее устойчивы двухвалентные соединения.

ИТТИХАД ВЕ ТЕРАККИ, турецкое название политической организации младотурок, в переводе означает «*Единение и прогресс*» (см.).

ИТТРИЙ, Y, хим. элемент III группы V периода периодической системы элементов; порядковое число 39, атомный вес 88,93, изотопы не найдены. И. в виде своих соединений находится всегда вместе с элементами *редких земель* (см.), возглавляет иттриевую их подгруппу; главные источники И.—минералы: гадолинит, ксенотим (иттриевый шпат) и эуксенит (ниобат и титанат И.). И.—металл, уд. в. 4,57, темп. пл. 1.450—1.500°, получается электролизом смеси хлоридов И. и натрия; на сухом воздухе не окисляется, вода действует на него медленно, растворяется в разведенных кислотах, накаленный горит в воздухе, при 200° горит в токе хлора. В своих соединениях И. трехвалентен. Главнейшие соединения: окись Y₂O₃—кристаллы правильной системы, белого цвета—получается прокаливанием гидроокиси, карбоната или оксалата И., растворима в кислотах; гидроокись Y(OH)₃—илоподобный белый осадок, образуется при действии щелочей на растворы солей И. Из солей главнейшие: хлорид YCl₃ и YCl₃·6H₂O, нитрат Y(NO₃)₃·6H₂O, сульфат Y₂(SO₄)₃·8H₂O, растворимость его резко падает с повышением температуры, карбонат Y₂(CO₃)₃·3H₂O, оксалат Y₂(C₂O₄)₃·9H₂O. Обычно И. выделяют из кислот растворов в виде оксалата; от других элементов редких земель его отделяют переводом в ряд двойных солей и дробной перекристаллизацией.

ИТУРБИДЕ (Iturbide), Августин (1783—1824), мексиканский политический деятель. В период первой национальной революции 1810—14, направленной против испанского владычества (см. *Мексика*, Историч. очерк), И. принимал участие в ее подавлении и сделал блестящую военную карьеру. Однако, назначенный в 1820 главнокомандующим, под влиянием роста революционного движения, охватившего страну, И. перешел на сторону инсургентов. В 1821 И. разбил последние испанские войска, взял столицу—г. Мексико—и созвал хунту (народное собрание), вскоре им распущенную. В 1822 был провозглашен армией императором независимой Мексики под именем Августина. Своей политической поддержки крупного землевладельца И. вызвал недовольство среди буржуазии и крестьянства и в 1823 вынужден был передать свою власть Конгрессу, который изгнал его из пределов Мексики, назначив ему пенсию. В 1824 И. тайно вернулся в Мексику с целью восстановления своей империи. Объявленный Конгрессом вне закона, И. был захвачен и 19/VII 1824 расстрелян. Он оставил после себя записки: «Statement of some of the principal events in the public life of Augustin de Iturbide written by himself», engl. trans. (L., 1824).

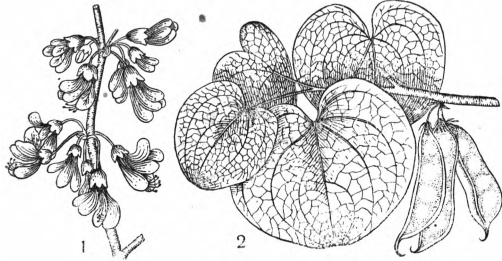
ИТУРУП, иначе Э т о р о ф у (Etorofu jima), один из четырех крупных южных островов Курильской цепи; расположен между о-вами Уруп (на С.-В.) и Кунашири (на Ю.-З.). Насел. (гл. обр. японцы) живет рыбным и морским промыслами и охотой. Важнейший насел. пункт—порт Сяна. См. также *Курильские острова*.

ИТЦЕГО (Itzehoe), город в Пруссии, в провинции Шлезвиг-Гольштейн, на судоходной реке Штёр. Ж.-д. узел; 20.912 жит. (1933). Свеклосахарная пром.-сть. Небольшие машиностроительные, цементные и мыловаренные заводы; ж.-д. мастерские. Вывоз свиней.

ИУДА, в Ветхом завете—один из 12 сыновей мифического патриарха Иакова, сказочный родоначальник «племени Иуды». Первоначально И. был тотемом—священным львом этого племени. Царь Давид, по преданию, якобы, происходил из племени И. Миф об И. оказал влияние на создание евангельской истории об Иисусе Христе, который как мессия, якобы, происходил от царя Давида из племени И.

ИУДА ИСКАРИОТ (из Кариота), мифический апостол, согласно евангельской легенде предавший своего учителя Иисуса Христа за 30 сребреников. Имя И. стало синонимом предателя. Ленин, подчеркивая лицемерие и предательство Троцкого по отношению к партии и рабочему классу, неоднократно называл его Иудушкой.

ИУДИНО ДЕРЕВО, *Cercis siliquastrum*, дерево 3—8 м высоты, из сем. бобовых, подсем. цезальпиниевых. Цветет весной до распускания листьев розовыми цветами, собранными в короткие пучковидные кисти на молодых и старых ветвях (каулифлория). Дико растет

Cercis siliquastrum: 1—ветка с цветами, 2—ветка с плодами.

в Юж. Европе, Зап. Азии, преимущественно на известковых скалах; в СССР—в Зап. Тяньшане и Памиро-Алае. Разводится как декоративное; хорошо выдерживает климат Юж. Крыма и Черноморского побережья Кавказа. Древесина идет на столярные поделки.

ИУДИНЫ УШИ, *Hirneola* (*Auricularia*) *auriculae* *Judae*, базидиальный гриб из сем. *Auriculariaceae*. В сухом состоянии имеет вид темной невзрачной корочки; во влажном состоянии сильно разбухает и похож на ушную раковину; 1—8 см в диаметре, студенистой или хрящевой консистенции. Растет на отмирающих ветвях деревьев, часто на черной бузине. Распространен почти по всему свету.

ИФИГЕНИЯ (*Ifigeneia*), в др.-греч. мифологии дочь *Агамемнона* (см.) и Клитемнестры. Отец решает принести И. в жертву разгневанной богине Артемиде, чтобы умиротворить ее и получить попутный ветер для похода на Трою. Богиня Артемида, заменив ланью добровольно идущую на смерть И., перенесла ее в Тавриду и сделала там своей жрицей. Из Тавриды И. была увезена братом ее Орестом и его другом Пиладом в Грецию. Миф о жертвоприношении И.—пережиток существовавших в древнейшей Греции человеческих жертвоприношений. Миф об И.—излюбленный сюжет поэтов и художников не только античной Греции (Еврипид—трагедия «Ифигения в Авлиде», «Ифигения в Тавриде»; в античной живописи—помпейские фрески), но и последующих времен. В европ. лит-ре разработка его дана *Расином* (см.) в трагедии «Ифигения в Авлиде» и *Гёте* (см.)—«Ифигения в Тавриде»; в музыке *Глюком* (см.)—две оперы (1774, 1779) и в живописи *Фейербахом* (см.).

ИФИКРАТ (419—353 до хр. э.), афинский полководец периода наемных армий, сын сапожника. По его настоянию в организуемой им наемной пехоте было улучшено вооружение *гоплитов* (см.)—тяжелой пехоты—путем уменьшения щита и удлинения копья (сарис). Этим увеличивалась обороноспособность *фаланги* (см.), т. к. достигалась возможность участия в ударе большого числа шеренг. В усовершенствованной им легкой пехоте бойцы были вооружены легкими круглыми деревянными щитами (пельты) и длинными копьями. Новая пехота умела действовать как в сомкнутом, так и в рассыпном строю. Дисциплина, организация и тактич. усовершенствования, введенные И. в наемных войсках, сделали их лучшими по боевой подготовке во всей Греции.

ИХНЕВМОН, *Mungos ichneumon*, хищное млекопитающее из сем. виверр. Вытянутое, коротколапое тело И. покрыто серо-оливковым мехом. Длина туловища ок. 65 см, хвоста около 45 см, высота у загривка до 20 см. Распространен в Сев. Африке и Передней Азии. Держится в приречных зарослях тростника и в кустарных крепях; живет в довольно глубоких подземных норках. Самка мечет от 2 до 4 детенышей, долго остающихся под опекой родителей. Пищу ихневмона составляют мелкие млекопитающие, птицы, змеи, лягушки, черви; местами производит большие опустошения в птичниках и голубятнях. В древнем Египте считался священным животным; его мумии сохранялись в пирамидах.

ИХНЕВМОНЫ (*Ichneumon*), род насекомых из сем. *Ichneumonidae*, отряда *перепончатокрылых* (см.); в личиночной стадии паразитируют в гусеницах бабочек (см. *Наездники*).

ИХТИОДОРУЛИТЫ (от греч. *ichtys*—рыба, *dory*—копье, *lithos*—камень), большие шпиль, развивающиеся в передних частях плавников или на головѣ хрящевых рыб (акуловых и др.).

Рис. 1.

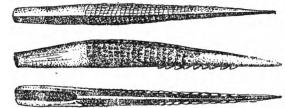

Рис. 2.

Рис. 1. Ихтиодорулит *Polyrhizodus rossicus*; сильно уменьш. (нам.-угольн. отлож.).—Рис. 2. Ихтиодорулиты *Stenacanthus*; 1/8 часть натур. велч. (нам.-угольн. отлож.).

женной в тело рыбы. В ископаемом состоянии ихтиодорулиты встречаются во всех отложениях, начиная с верхн. силура.